

Clandestinus

Божественная комедия ULTIMA

*Моим греческим друзьям и единомышленникам –
как нашего времени, так и за его пределами*

ПРОЛОГ

*...Всё расскажите: как боги, как наша земля зародилась,
 Как беспредельное море явилось шумное, реки,
 Звёзды, несущие свет, и широкое небо над нами;
 [Кто из бессмертных подателей благ от чего зародился,]
 Как поделили богатства и почести между собою,
 Как овладели впервые обильноложбинным Олимпом.
 С самого это начала вы всё расскажите мне...
 Гесиод, «Теогония», 108-114*

Для генеральной ревизии работы нашего Комплекса Классификации полномочными представителями дирекции МАИ (Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ), мы – как показательный пример – выбрали одну из бесчисленных историй, имевших место где-то на краю Вселенной. Итак, следуя инструкциям каталогизации, мы подготовили отчёт – в сокращении, естественно – о роли и действиях экспериментаторов в глубинах Космоса, на расстояниях, недостижимых для наших обычных телескопов, используя описание происхождения некой планеты в галактике т. н. Млечного Пути, в Солнечной Системе. Рассказ пойдёт о столь далёких временах, когда «боги» ходили по Земле (планета, созданная нашими учёными) и запросто вступали в отношения с людьми. Более того: в документах указывается, каким образом и в какие сроки это искусственное космическое тело было выведено на постоянную орбиту, как на ней возникла и продолжала развиваться (причём, успешно развивается в тот момент, когда пишутся эти строки) жизнь «из пробирки». Не будут обойдены вниманием также и взаимоотношения населившими планету созданиями со своими создателями, со всеми сопровождающими этот процесс общения непониманиями и вытекающими отсюда несуразницами – как, например, происхождение примитивных, а после и высокоорганизованных религий. К счастью, население Земли, постепенно осознавая свои заблуждения, ныне успешно от них же избавляется. Поскольку некогда мы лично имели непосредственное отношение к проекту создания указанной планеты, то, по зрелому размышлению, полагаем, что сможем представить отчёт достаточно объёмно.

Мы предлагаем ревизионной комиссии ознакомиться с материалами возникновения, становления и развития земной цивилизации с самого начала: с появления в Солнечной Системе наших первых разведывательных зондов и баз, с момента назначения туда постоянного научного состава. Периоды же нашего изложения о событиях на планете, проводимые под руководством экспериментальных коллективов, не всегда будут соответствовать планомерным хронологическим выкладкам по причине:

- а) некоторой неразберихи в Секторе Классификации Времени, ответственность за что целиком и полностью лежит на плечах младшего научного состава и вспомогательного персонала;
- б) совершенно внезапно и внепланово нагрянувшей к нам ревизионной комиссии МАИ; и, наконец,
- в) невероятной загруженности работой наших дорогих коллег и сотрудников на Земле, которые сами частенько запаздывают с отчётами.

Согласно указанным выше смягчающим обстоятельствам, мы предлагаем вниманию полномочных представителей Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ все имеющиеся в нашем распоряжении данные об очередном эксперименте: итак, планета Земля Солнечной Системы, галактика Млечного Пути.

Основной отрезок выбранной для внимания комиссии истории планеты развёрнут на участке т. н. классического эллинизма. Конечно, кое-какие аспекты отчёта затронут такие временные пропасти, как сотворение самой планеты, её всевозможных ресурсов и первых, собственно говоря, живых организмов; мы бросим взгляд на древнейшие времена Земли, когда созданные нашими коллегами существа – люди из пробирки – ещё ничего не

осознавали: ни себя, ни окружающего их мира; погрузимся как в эры варварства, так и зарождения мысли. Время от времени в отчёте – для пояснения деталей тех или иных временных отрезков, имён собственных или исторических событий – будут даваться определённые ссылки со слов самих же участников очередного космического эксперимента, касательно зарождения знаний, психологии этики, эстетики и т. п. Присущие повествованию меры времени, расстояния, массы и т. д. приведены в соответствие с общепринятыми, за исключением отдельно указанных случаев.

На обозрение ревизии будут предложены – в несколько неверном хронологическом порядке – все три научно-экспериментальные базы Земли: «Тартар», «Океан» и «Олимп».

Конечно, мы не намерены вдаваться в такие подробности, как перечисление всего руководства, научного состава и вспомогательного персонала указанных баз, ограничимся лишь упоминанием особо плодотворных и добившихся в своих трудах значительных успехов экспериментаторов; поступи мы иначе, то попросту рискуем отвлечь внимание комиссии перечислением сотен и сотен имён, поскольку на каждой из баз размещено не менее полторы, а то и двух сотен коллег. При желании с полным списком состава земных баз можно ознакомиться в Комплексе Центрального Архива.

Словом, мы предлагаем полномочным представителям дирекции МАИ ознакомиться с более-менее упорядоченным материалом (собранным отчасти на аудио-, видео- и киберносителях). Добавим, что пристальное и полномасштабное наблюдение за землянами ведётся и теперь, т. е. эксперимент над созданным нашими учёными человечеством далеко не закончен.

С уважением,

*Доктор Мнемосина,
Доктор Клио,
старшие научные сотрудники
Центрального Архива Каталогизации
Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ*

«ЗОВ» АИДА

...столь глубоко, сколь далёко до неба,
 Ибо настолько от нас отстоит многосумрачный Тартар:
 Если бы, медную взяв наковальню, метнуть её с неба,
 В девять дней и ночей до земли бы она долетела;
 Если бы, медную взяв наковальню, с земли её бросить,
 В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть.
 Медной оградой Тартар кругом огорожен...
 Гесиод, «Теогония», 720-726

- Аскалаф, скажите, пожалуйста: каково расстояние вот до этого осколка? – профессор Аид, краса и гордость квантовой и ядерной физики, глядя на монитор, обратился к молодому технику в таком же белом халате.
  - Согласно вычислениям, он вполне в поле досягаемости гравихвата, профессор! – отрапортовал Аскалаф, сверяясь в показаниями бортового компьютера.
  - Превосходно! Он кажется мне весьма симпатичным... Поймите его – и подтащите магнитом к общей массе!
  - Конечно, профессор Тор! – ответил его подчинённый – и его пальцы забегали по клавиатуре, выполняя распоряжение начальника.
- Профессор, хотевший покинуть помещение и уже ступивший за порог лаборатории, внезапно замер:
- Простите, коллега, как вы меня назвали?!
- Аскалаф оторвал взгляд от монитора и, поняв ошибку, виновато уставился на своего руководителя:
- Прошу прощения, профессор! Аид. Я хотел сказать – Аид...
  - Похоже, вы снова провели всю ночь за картами в компании младших научных сотрудников Кербера, Гидры и Харона, не так ли? Делаю сей вывод на основании того, что упомянутые ребята, подобно вам, почти спят на рабочих местах... Хочу напомнить вам, Аскалаф, что так продолжается уже давно, но больше продолжаться не может: мы вступили в крайне серьёзную фазу формирования планетарного ядра. А вы с вашей троицей, похоже, взяли себе за правило недосыпать каждый понедельник. Мало вам времени на выходных?
  - Ну-у-у... – только и смог выдавить из себя Аскалаф, разводя руками.
  - Запомните раз и навсегда, коллега: никакой я больше не профессор – и уж тем более не Тор! Меня зовут Аид. Просто Аид. На сей счёт достаточно инструкций – если последние ещё не окончательно выветрились из вашей головушки – Совета Вселенского Научного Конгресса, следовать которым надлежит неукоснительно. Малейшая оплошность может поставить под угрозу весь эксперимент. Вам не знакомы подобные случаи из Истории Созидания Миров? Увы, в нашей практике было и такое, скрывать не стану... Представьте, какой будет переполох, если вы назовёте меня именем скандинавского божества в присутствии эллинов? А всё исключительно потому, что вы перепутали имена «богов» как колоду карт, над которой просидели всю ночь вместе с другими бездельниками!
- Нравоучения руководителя били не в бровь, а в глаз. Аскалаф, «садовник Аида», был ответственным за создание ядра, его мантии и литосферы зарождающейся планеты более других, потому и чувствовал себя особенно пристыженным. Однако он знал, что профессор довольно отходчив, почему и не гнушается обращаться к нему с подобной речью каждый понедельник, подмечая за ним, Аскалафом, ту или иную оплошность. К тому же ночные карты с воскресенья на понедельник действительно имели место быть, став неким ритуалом почти всего младшего научного состава базы «Тартар».
- Но, уважаемый Аид, разрешить хоть пару слов в свою защиту! – вновь развёл руками техник, покраснев, впрочем, от вполне справедливого упрёка. – А заодно и стать на защиту коллег по...

- ...вашему карточному столу? – услужливо подсказал профессор, возвращаясь в помещение и усаживаясь в одно из кресел.

- ...Хм, да... Я просто не могу понять, на каком основании инструкция вменяет мне обращаться к вам «Аид» за миллиарды лет до того, как эти самые эллины возникнут? Ведь теперь-то мы заняты только ядром планеты! Не могу не сказать и о коллегах: ну какие у них сейчас могут быть прямые обязанности – согласно той же мифологии? Например, у Гидры или Кербера: от кого им надлежит защищать вход в Тартар, когда и самого входа ещё не создано? Или Харон: кого ему в этот самый Тартар переправлять, если до возникновения первого человеческого существа должны пройти те же миллиарды лет? Или Ахеронт?..

- Извольте, Аскалаф, я вам отвечу. Во-первых, и это главное, так требует инструкция, подчинение которой не обсуждается. Во-вторых: вы – бессмертный, поэтому позвольте пошутить, что иногда такие мелочи, как неукоснительное следование инструкциям, вылетают из головы аж на миллиарды лет... В третьих, вы постоянно играете в карты. Ночами, перед наступлением тяжёлой рабочей недели. Естественно, что ни вам, ни Харону, ни другим коллегам никогда не придётся выполнять своих обязанностей согласно эллинской мифологии, неужели вы в том сомневаетесь? Вы – учёные, люди в белых халатах, вам очень многое доверено. Вы – существо вне времени, воспринявшее на себя форму тех, до появления которых – миллиарды лет: людей! И вы, именно вы, являетесь напрямую одним из их создателей... Поэтому я просил бы от вас хоть минимально здоровой дозы педантизма... Как известно из будущего, именно эллинская цивилизация даст систематическое начало культуре, философии и науке землян; мы должны заботиться о её создании и развитии, хотя, конечно, до эллинов будут и другие цивилизации: шумеры, египтяне... В своё время мы будем – впрочем, с точки зрения Вечности, уже были – и их «богами», однако просвещение землян как таковое начнётся именно с эллинов.

- Я понял тебя, о Аид, - без намёка на театральность произнёс Аскалаф, скрещивая руки на груди, однако мгновением позже, опомнившись, он вернул пальцы на клавиатуру. – Ты всегда прав: я постараюсь исправиться. И попрошу об этом своих друзей.

- Вот так-то лучше! – улыбнулся профессор. – Я не хочу читать вам нравоучений, мальчики, просто поймите: работа ваша требует всей самоотдачи, непредвзятости и огромного внимания... Чёрт, Аскалаф, лови его, лови! – внезапно закричал профессор, указывая на монитор. – Мой осколок уходит!

- Ничего, не уйдёт! – выдохнул Аскалаф, ловко орудя гравихватом посредством мощного компьютера. – Я встрою его в ядро Земли в наилучшем виде... Кстати, - он улыбнулся, хитренько взирая на начальство, - вы тоже только что отошли от инструкции: помянули чёрта – мифический персонаж, который никаким боком не относится к религии эллинов, а принадлежит гораздо поздним – послеримским – верованиям, а именно христианству...

- Случается и со мной! – отрезал профессор, со смущением поднимаясь с кресла и направляясь к дверям. – Я произнёс это в момент критической ситуации, вещь вполне простительная...

«Тартар» являлась первой базой, отправленной за искривлённое пространство Вселенной, в галактику так называемого Млечного Пути, для создания нового очага жизни. Чем руководствовался Совет Вселенского Научного Конгресса, отправляя полсотни крупных учёных и гораздо большую группу технического персонала в такую даль, неизвестно; вероятно, за экспериментом стояло желание создать жизнь на крайне удалённом пространстве от ныне уже существующих на разных стадиях развития миров, чтобы посмотреть на неё именно с точки зрения подобной отдалённости. Действительно, до подобной операции экспериментаторы редко углублялись в такие космические дали; создание новых биологических форм жизни осуществлялось максимум в ближайшей метagalактике... Наверняка поэтому и был предпринят проект «Земля»: наука хотела выйти на расстояния настолько умопомрачительные, чтобы оценить собственные возможности даже за искривлённым пространством.

Отправленная за неисчислимыми миллионами световых лет, «Тартар» была готова к любым испытаниям: на борту её находилась уйма лабораторий, в числе которых имелись огромные геодезические, химические, геологические комплексы; жемчужиной базы, несомненно, являлась лаборатория ядерных испытаний. Сразу по прибытию в точку назначения, учёные принялись за дело: им надлежало правильно рассчитать и создать тот участок Космоса, который позже войдёт в историю Вселенной как Солнечная Система, в которой займёт место цель эксперимента – планета Земля.

Под руководством профессора Аида учёные, расформировавшись по группам на нескольких десятках зондах, занялись довольно обычным делом: созданием Солнечной Системы практически с нуля. Конечно, жёлтый карлик, вокруг которого вращалась масса космической пыли и газа, уже имелся; оставалось несколько его модифицировать – и приступить к обустройству сопровождающих его тел по орбитам.

Не стоит вдаваться в детали создания Солнечной Системы в целом; поскольку из всех планет целью являлась именно Земля, то следует остановить внимание исключительно на её происхождении, которое крайне напоминало остальные, грубо говоря, по конструкции. С той разницей, конечно, что если Юпитер так и остался газовым гигантом, а Меркурий – железным шариком, то с Землёй продолжались долгие и кропотливые работы по её обустройству до заселения будущими формами жизни, для чего первые две упомянутые планеты (как и шесть остальных, находящихся в Системе) не были предусмотрены.

Землю «нарастили» до нужного веса из космических осколков, пыли да пролетающих мимо метеоритов. Специалисты-химики мгновенно распознавали необходимые для планеты минералы, входящие в состав «космических путешественников» – и при помощи гравихватов и других хитроумных приспособлений наращивали ядро, а позже – мантию и литосферу будущей Земли. Профессор Аид безуданно, наплевав на выходные и праздничные дни, наблюдал за своим очередным (о да, сколько планет ему уже приходилось создавать!) детищем: компьютеры «Тартара» удерживали заданную температуру ядра; оказывали влияние на постоянное притяжение молодой планеты Солнцем; направляли и контролировали Землю по нужной и неизменной орбите...

Да и само место будущего очага жизни выбиралось учёными не наобум. Техники и аналитики из Бюро по созданию Новых Миров учли огромную массу всех переменных и постоянных Космоса, поместив планету именно третьей по счёту от Солнца: именно здесь зарождение и развитие жизни было наиболее оптимальным – не горячо, не холодно, солнечные ветры не столь агрессивные, магнитные поля крайне сбалансированы... Но к этому всему пришлось приложить длань и самим создателям, которые многократно проверяли и перепроверяли собственные расчёты.

- Эй, ты чем занят? – испуганно восклицал Кербер на всё того же Аскалафа, перемудрившего с температурой ближайшей к Земле звезды. – Посмотри-ка на свои вычисления: если поддерживать температуру Солнца согласно им, то оно растратит свою энергию задолго до появления на Земле первой бактерии!

- Тоже мне, академик нашёлся! – беззлобно отзывался тот, бросая косой взгляд на показания компьютера. – Раз Аид сказал, значит, так и надо поступать... пусть сам перепроверит, а ты не лай на меня... как самый настоящий Кербер! Ещё узнаешь, как эллины будут пугать тобой непослушных детей!

- Ну-ну, не задавайся! – с притворством надувал губы его коллега. – Всё потому, что тебе досталось место Аидова садовника, значит, ты – однозначно из породы любимчиков... Он и орёт на тебя меньше, чем на остальных, и ночные посиделки тебе быстрее прощает... Вот возьму – да и настучу каким-нибудь древнегреческим баснописцам, что никакого сада у Аида не было и в помине, что речь идёт о всего-то планетарном ядре – а что там можно возделывать, скажи на милость?.. Какие растения устоят в подобных температурах?.. Что, съел?

- Не думаю, что они поймут твои речи. К тому же я всегда смогу объяснить, что растения, дескать, огненные, поэтому и сад понимать надо в аллегорическом смысле... Жаль, что

сейчас с нами на базе нет Аполлона: я отправил бы тебя к нему хоть немного поучиться поэтическим аллегориям да метафорам! Вот будет мне сигнал от Аида – подправлю температуру... А пока – отвяжись!

Харон, подающий большие надежды физик-теоретик, а кроме того – самый заядлый картёжник, очень грустил, что ему когда-нибудь неизбежно придётся транспортировать умерших эллинов на «тот свет», пусть даже понарошку. Несмотря на внешнюю серьёзность, он, как и большинство физиков, был весьма романтической натурой.

- Ну, скажи мне, - приставал он к коллегам, - много ли романтики в том, чтобы рассказывать сказки агонизирующим или даже помершим людям? Про загробный мир, про Аидовы подземелья, про таких же несчастных – как я – гидр и керберов, которые будут заняты лишь тем, чтобы преграждать покойному выход из мрачного царства?

- Да не принимай ты это близко к сердцу, Харон! – пытались успокоить его друзья. – Твоё счастье, что тебе не надо будет являться к каждому из них перед смертью, как некоторым христианским святым, отзывающимся на молитвы верующих... При жизни-то они тебя видеть вовсе не обязаны! Радуйся, что ты – всего лишь эллинское божество!

Странно, но в этом довольно шатком аргументе физик обрёл душевное спокойствие – и перестал надоедать коллективу бесконечными жалобами на судьбу-злодейку, навязывающую добрейшим по своей природе существам столь мрачную оболочку.

Впрочем, иногда на базе случались проколы гораздо серьёзнее. Однажды аналитики прохлопали небольшой метеоритный дождь, обильно хлынувший на базу откуда-то из-за Сатурна. Дело было ночью, поэтому обитатели «Тартара» крайне испугались – и повыскакивали из кают как ошпаренные, направляя стопы к центральной палубе. Когда же причина внезапного шума была установлена, коллеги успокоились; лица их приняли обычное добродушно-сонливое выражение – за исключением профессора Аида, глаза которого неизбежно грозили аналитикам всеми возможными и невозможными карами за проявленную оплошность.

- Кто, кто занимается Сатурном, а?! – кричал он, топая ногами в тапочках. – Кто? – глянул он на показатели бортового компьютера, – кто допустил утечку метеоритов с орбиты двадцать второго кольца этой планеты?!

Вину за случившееся благородно взяли на себя учёные из околосатурнийского зонда – правда, сделали это лишь с утра, выславшись куда лучше обитателей «Тартара», поскольку их самих ночной дождик обошёл стороной. Это было более, чем разумно: за ночь от гнева Аида не осталось и следа, поэтому аналитики отделались относительно лёгким испугом, а не рапортом начальника экспедиции в Совет Вселенского Научного Конгресса, совершенно дискредитирующим их, как специалистов. Профессор Аид был действительно чрезвычайно снисходителен и отходчив, возможно, иногда даже во вред справедливости: нет бы наказать провинившегося сотрудника, а он лишь читал проказнику лекцию о неукоснительном следовании инструкциям в будущем – и отпускал на все четыре стороны. Кстати, даже техники «Тартара», не обеспокоенные должной защитой базы и потому вовремя не окружившие её заградительными силовыми энергощитами, не получили от профессора обычного в таких случаях выговора.

Однако, невзирая на подобные происшествия, работа по сотворению планеты спорилась. С ядром наконец покончили, нарастили мантию; наступило время заниматься поверхностью. На базу прибыли специалисты-литологи, занявшиеся созданием и формированием земного ландшафта. Спроектировали горы, доли и впадины для будущих морей-океанов...

Возглавляла работы доктор Гея, из-за которой, кстати, в учёном сообществе базы «Тартар» произошло немало столкновений. Каждый из коллективов неизменно желал заполучить столь великолепного специалиста: Гея была не только незаменимым литологом, но и просто удивительнейшей женщиной, а сочетание подобных качеств давно уже не давало покоя многим. И раз уж было неоднократно сказано о населении научной базы, количество которой достигало более полусотни особей различных занятий и профессий, то следует описать окружение главы комплекса профессора Аида несколько подробнее.

Нет необходимости перечислять абсолютно всех сотрудников комплекса, поскольку он в просторном виде имелся в Центральном Архиве Каталогизации Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ при Совете Вселенского Научного Конгресса; упомянем лишь тех, кто непосредственно участвовал в создании остова будущей планеты. Потому заострим внимание на уже упомянутой троице: Аскалафе, Кербере и Ахеронте – даровитых физиках из технического отдела; несмотря на кажущуюся безалаберность, все они являлись, тем не менее, толковыми специалистами и незаменимыми в своей области сотрудниками. К их компании неизменно примыкала Гидра – механик экстра-класса, которая могла починить абсолютно любую технику, вышедшую по тем или иным причинам из стадии нормального функционирования. К этой троице – а вернее, четвёрке – примыкал и Харон, доктор медицинских наук, исполнявший на базе роль врача и санитара одновременно. Поскольку бессмертные практически не нуждались в медицинских услугах, коллеги – более в шутку, чем всерьёз – частенько поглядывали на последнего как на симулянта, занимающего на базе хоть и бесполезное, однако довольно хорошо оплачиваемое, тёплое местечко...

Итак, у Аскалафа была странная черта: он почти панически боялся профессора Аида. Других особых примет за ним не водилось. К сказанному следует добавить, что этим неуёмным чувством он был обязан скорее уважению к столь одиозной фигуре руководителя базы и светочу научного прогресса, а не страху перед ним, как таковому. Профессор, как уже известно, никогда не отказывал себе в возможности пожурить Аскалафа и его коллег за ту или иную лёгкую провинность, однако угрозы его – равно как и назначаемые наказания – никогда не достигали критической массы. Это обстоятельство и позволяло вышеупомянутым друзьям в нерабочее время – а иногда, увы, и на рабочем месте – заниматься своими карточными делишками и обсуждением иных первостепенных насущных проблем.

- Ты не представляешь себе, какой ужас я неизменно испытываю при его появлении! – срывающимся шёпотом частенько говаривал Аскалаф друзьям. – Только увижу профессора, пусть и на довольно большом расстоянии, как тут же поджилки трясутся! Что-то в нём такое... Такое... – и физик, не в состоянии объясниться словами, нервно хватался обеими руками за шею.

- А что, собственно, тебя в нём пугает? – ласково теребила его волосы Гидра, перемещая в своём карточном веере козыри справа налево. Эту её привычку превосходно знала вся компания, поэтому красавица-механик экстра-класса довольно редко выходила из игры победителем. – Поговаривают, что профессор Зевс гораздо свирепее нашего Аида...

- Ой, ну кому бы говорить! – бесцеремонно перебивал коллегу Ахеронт, глядя на быстро исчезающую со стола колоду. – Судя по ещё не возникшим мифам, это у тебя пятьдесят голов – и все зубастые! Потому не читай нам лекций о свирепости... Мне доводилось однажды видеть Зевса в МАИ, не распускай о нём слухов... Весьма достойная личность! Так что охраняй себе Тартар, о мерзкое чудовище – и не охайвай тех, с кем не знакома!

- Полагаю, что именно из мифов у нашего уважаемого Аскалафа растут все страхи, – резюмировал Харон, внимательно наблюдая за партнёрами. – Согласно всем этим басням, наш друг некогда настучал Аиду на Персефону... не будем сейчас уточнять, по какой причине... А Деметра, матушка последней – раз! – и сбросила Аскалафа в глубокую яму, которую накрыла огромным булыжником. Отныне налицо все последствия случившегося: Аскалаф до сих пор не в состоянии избавиться от ужаса, проведённого в столь живописном месте! И пока не освободил его Геракл, сидел наш дружок в яме без карт и выпивки!

- Кстати, – мысли Гидры внезапно сменили направление, – кто-нибудь в курсе, что и Деметра, и Геракл пребывают к нам? То есть, когда мы закончим все работы по терраформации...

- Да ладно! – оскалился Кербер, чем особенно стал похож на древнегреческого персонажа, которого, собственно, и представлял. – Тебе-то откуда известно?

- Из Центрального Узла Связи, вот откуда. Связисты попросили меня посмотреть один из принимающих сигналы компьютеров; и пока я проводила профилактику, пришло

сообщение из Совета об их назначении на Землю... Кстати, кроме них упоминались и другие, как то: профессора Посейдон, Горгона и Протей, доктора Артемида и Афина, большое количество вспомогательного технического персонала, а главное... Главное – нам прибывает сам профессор Зевс!

От таких новостей друзья настороженно переглянулись.

- Сам Зевс? – переспросил Ахеронт. – Ничего себе! И где же всех их, позвольте поинтересоваться, размещать? «Тартар» ведь не резиновый...

- Погоди, Гидра же сказала: когда мы закончим терраформацию, – подвёл итоги Харон. – Верно! Согласно всё тем же мифам, от которых Аскалаф дрожит, как осиновый лист, на Земле будут размещены ещё две научные базы – «Океан» и «Олимп». Там-то и разместятся новоприбывшие...

- Ну, моя песенка, в таком случае, тоже спета, – воскликнул Кербер. – Геракл неминуемо возьмётся и за меня...

Ахеронт хихикнул:

- Ну, браток Кербер, влип ты по полной! Теперь ещё один из нас будет пребывать в постоянном страхе от своей судьбы!

- А ты чего веселишься? – отгрызнулся его коллега. – Тебе-то бояться нечего: ты – вообще предмет не персонифицированный!.. Ладно, подождём дальнейшего развития событий.

- Так, коллеги, попрошу вернуться к игре, – пригласила Гидра, обмахиваясь карточным веером. – Попрошу заметить, что на сей раз мы с Ахеронтом остались вдвоём: колода закончилась, а козырей у него нет...

И, конечно же, нельзя умолчать о таком гиганте научной мысли, проживавшем на «Тартаре», как Гефест – доктор ядерной физики и химии, а также непревзойдённый инженер-конструктор. Учёный занимал одну из крупнейших лабораторий базы – Техническую; в его распоряжении была уйма ассистентов. Некогда – ещё задолго до появления «Проекта Земля» – в его ведении находилась и Оружейная лаборатория (таково было её официальное название), однако, с течением времени оружейные разработки уже перестали выполнять свои прямые функции, поскольку бессмертные не нуждались более в бесчисленных арсеналах несущих гибель любой органике и неорганике мега-бомбах, испепеляющих лучах да радиопулях; о более примитивной разрушительной технике даже и говорить не приходилось... Поскольку бессмертные занимались исключительно созиданием, никогда не осуществляя вторжений, доктор Гефест целиком и полностью переключился на физико-химические исследования, занимался строительством, применяя для этого новейшие технологии, которые сам же и разрабатывал. А оружие... Оружие продолжало использоваться лишь как вспомогательное средство для терраформации и контроля за метеоритными дождями...

Благодаря своим прекрасным отношениям с профессором Аидом, Гефест неизменно получал прекрасное финансирование для собственных изысканий. И пусть лишь мифическая связь будущего роднила его и с профессором Зевсом, и экономистом Герой, а равно с доктором истории Афиной, покровителем искусств Аполлоном и кандидатом технических наук, ракетостроителем Аресом, Гефест также был неизменно рад полученной информации, что последние вскоре примут самое непосредственное участие в проекте «Земля».

Под руководством докторов Гефеста и Геи, как было упомянуто выше, процессы терраформации продвигались на рекордных скоростях. Для начала следовало охладить законченное земное ядро – этим и занялся Гефест с сотрудниками, предоставив коллеге Гее полностью разбираться с литосферой.

- Вас не беспокоит, достопочтенный доктор, что «Тартар» находится почти в самом центре Земли? – спрашивал его Кербер, пальцы которого так и сновали по клавиатуре.

- Ничуть, коллега! – Гефест, скрестивший руки на груди и задумчиво взиравший на экран монитора, был воплощением спокойствия и рассудительности. – Правда, нам следует несколько поиграть с температурой... как-никак, мантия, раскалённая магма... Будьте

любезны, понизьте эту самую температуру с 8000 градусов по Цельсию до... скажем, до 6000! Иначе наши глиссеры столкнутся с неудобствами – пусть не критическими, но всё же, когда работникам базы придётся выйти на поверхность планеты!

- Цельсия ещё не существует, доктор! – улыбнулся его подчинённый, – а древнегреческие баснописцы всё равно напишут, что в центре Земли – пустота... Вернее – Гадес, Царство мёртвых...

- Что делать, коллега! На то они и древние греки, – улыбнулся Гефест. – За них мне не стыдно. Их верования были верованиями по определению, без примешивания к ним каких-либо попыток эти верования онаучить. Чувствую куда больший стыд за последующие за ними поколения, когда их потомки – спустя тысячи лет! – будут пытаться подогнать верования под научные гипотезы, – брови его внезапно нахмурились, улыбка исчезла.

- Вы о чём, доктор Гефест?

- Да, конечно, о Гербигере!.. Которого пока, кстати, тоже нет... Могло бы и не быть – невелика потеря... Конечно, я не о человеческом существе, только о его псевдонаучном предположении, что Земля появилась из космического льда...

- Ах, ну конечно! – Кербер хихикнул, не забывая, однако, следить за показаниями на экране. – Бедняга! Вот бы вытащить его из будущего сюда – в настоящее – и продемонстрировать, что у Земли никогда не было четырёх Лун; а та единственная, что вскоре засияет благодаря солнечным лучам – была создана нами! Да и любая из теорий полый Земли, если развивать сказанное ранее о Гадесе...

- Увы, нельзя менять ход истории, коллега – ни мне, ни вам! Да, человечеству ещё придётся пройти через множество предположений и учений – от откровенного шарлатанства до квазинаучных концепций; воистину, сперва возникнет Гадес или Агарта, да один христианский Ад чего будет стоить! И лишь потом будут написаны множество произведений – о литературной ценности каковых не будет лишним поинтересоваться у нашего коллеги Аполлона, – среди которых засияют «Путешествие к центру земли» Верна или «Курган» Лавкрафта...

Тем временем доктор Гея с помощниками увлечённо трудились над созданием литосферы. Несмотря на понижение температуры ядра зарождающегося космического тела, вулканизация его продолжалась, хоть и постепенно сходила на нет; активность землетрясений также уменьшилась, но полная победа над природой была ещё, так сказать, за горами... которые, кстати, время от времени рушились, не выдерживая планетарных катаклизмов. Это было чудо рождения, чудо происхождения всего из ничего!

Весь состав базы, не покладая рук, ударно работал на протяжении долгого времени. Однако мощные акустические пушки, палившие по запланированным местам земной коры, направленные точечные и масштабные взрывы медленно, но верно делали своё дело: поверхность Земли где-то вспучивалась, где-то – проседала; а над нею – кружили бесконечные ураганы, разбрасывая из своих жерл бесчисленные массы минералов...

- Послушай, дружище, тебе не хотелось бы уменьшить гравитацию? – орал не то чтобы перепуганный, но явно обеспокоенный Харон Керберу, который, уже получивший все инструкции Гефеста, лихо скакал пальцами по переборной панели; та аж сияла всеми цветами радуги от напряжения. – Иначе будущие люди превратятся в лепёшки ещё до собственного появления!

- Вот только учить меня не надо, хорошо! – отвечал тот, не прекращая занятия. – Гефест сказал – Кербер сделал! Он это предвидел, сейчас попробую... Да, такой гравитации не только люди – скальные породы не выдерживают!

- И ещё, поверь мне на слово, как другу: если не уменьшишь количество кислорода в атмосфере, ты обязательно что-нибудь спалишь!

- погоди, я что-то недопонял: ты что, нанялся моим консультантом? Или – сразу работодателем? Ты не в курсе, что пока палить здесь – нечего?

- Пламя изменяет структуру многих даже весьма огнеупорных предметов...

- Знаешь, что? Если даже и спалю, то Гефест меня за это прихлопнет. И, как следствие, ты лично сможешь переправить меня в своей жалкой лодчонке через Стикс...

- Ну, конечно! И Гераклу не придётся вытаскивать тебя за шиворот на свет божий... Кстати, ты знаешь, что за перевоз через Стикс я дорого беру?

Кербер умоляюще посмотрел на приятеля; пальцы его замерли:

- Слушай, а не пошёл бы ты, а? Я занят важным делом...

- Ухожу, ухожу! – с притворным испугом на лице Харон попятился к выходу из лаборатории...

Работа кипела, хотя, несмотря на оксюморон, речь шла о предельно допустимом охлаждении планеты. Постепенно остывали вулканы и земная поверхность, улеглись бесконечные вихри да смерчи; пыль, стоявшая столбом до небес, перестала вращаться в диком танце Рождения. Техники почти ликвидировали последнюю опасность, спасая Землю от угрозы метеоритных и кометных бомбардировок...

И лишь время от времени в кабинете Аскалафа раздавался по внутренней связи голос профессора Аида: «Аскалаф, пожалуйста, зайдите! Необходимо расстрелять несколько метеоритов, движущихся прямо на нас. У вас в запасе несколько лет, пока они не достигли земной орбиты, однако, считаю нужным предупредить вас об этом заранее!..»

Аскалаф, мысленно называвший голос начальника базы «Зовом Аида», понимал, что формулировка «несколько лет» и «времени у него в обрез», по сути, одно и то же – потому летел в кабинет профессора на крыльях. И являлся так всякий раз, повинаясь этому магическому зову.

Или: «Аскалаф, пожалуйста, зайдите! Что там у нас с будущим Тихим океаном?»

- Я не намерен переписывать историю! – заявлял он полушутливо несколько минут спустя, зная о бесконечной любви профессора к вселенскому порядку.

- Лучше гляньте на карту: там, где не было сейсмической активности, вызванной акустическими пушками и торпедами господина Гефеста, расположились континентальные щиты... Не повезло же будущей Японии!

Или: «Аскалаф, пожалуйста, зайдите! Самое время создать Луну и... немного проредить Пояс астероидов! Жду вас!» И «садовник Аида» неизменно приходил к своему «хозяину», проклиная про себя основные гипотезы возникновения Луны на небосводе: центробежного отделения Луны от Земли, захвата Луны Землёй, совместной аккреции или модели ударного формирования земного спутника. Естественно, все они были для Аскалафа донельзя смешными и антинаучными.

Или: «Аскалаф, пожалуйста, зайдите! Прибыло сообщение руководства: срочно заканчивайте с поверхностью планеты, пора появится океану! Захватите с собой, пожалуйста, нескольких коллег, пусть помогут...»

После бессонной ночи за картами или домино, он вполне мог перепутать задание Аида, придя в лабораторию для мегаамперного электролиза. И выслушивал долгие речи профессора о собственной халатности. Впрочем, его коллегам перепало ничуть ни меньше.

Незадолго до возникновения так называемого Мирового океана, с базы «Тартар» стартовало несколько глиссеров с учёными на борту – с теми, кому выпала честь первыми ступить на поверхность новоиспечённой планеты. Сейсмо- и невероятно термоустойчивые челноки доставили первопроходцев по маршруту «Мантия-Литосфера» за считанные минуты.

- Я стою в Нью-Йорке, а самого города ещё нет! – восхищалась Гидра, танцуя вокруг собственной оси и озираясь во все стороны. – Ребята, я стою рядом со Статуей Свободы, а ещё нет не только её самой, но даже и самого острова Свободы, ни Манхэттена, ни Гудзона, ни Ист-Ривер, ни Гарлема!..

Так, в трудах и заботах, прошло полтора миллиарда лет. Естественно, что течения времени никто и не заметил; учёные занимались присущими им обязанностями, с радостью

наблюдая за плодами собственных усилий. Основные действия сотрудников базы были перенесены из чрева созданной планеты на её поверхность, и даже за её пределы.

Для начала, ни с кем не посоветовавшись, путём управляемой бомбардировки доктор Гефест изменил орбиту недавно созданной Луны. Технический персонал недоумевал, зачем ему это понадобилось; действия его были совершенно необъяснимыми. Младшие научные сотрудники даже шептались у него за спиной, что поступок его имеет уж чересчур много общего с обычным поведением доктора Прометея – несказанно талантливого, однако скандально известного бионика и трансгуманиста, которому частенько было совершенно наплевать не только на мнение коллег, но и Совета, если указания руководства шли вразрез с его исследованиями... Тем не менее, Гефест был превосходно осведомлён о своих занятиях – и, что важнее всего, не нарушил субординации по отношению к начальству ни на йоту.

- Зачем всё это? – лишь и осмелилась спросить его Гидра, подзуживаемая своими друзьями; те справедливо полагали, что Гефест не станет разгневанно сверкать глазами, если о причинах бомбардировки земного спутника его спросит девушка, а не кто-либо из компании картёжников мужского пола, толпившейся прямо у неё за спиной.

- Всё дело в физических законах, дорогая, которые ни в коем случае нельзя игнорировать, - нравоучительно, однако миролюбиво ответил тот. – Если нынешняя лунная орбита останется без изменений, то водные приливы и отливы станут попросту невозможными, а это, в свою очередь, создаст невозможность дальнейшего развития благоприятных условий на планете...

- Прошу прощения, доктор, - произнёс осмелевший после первичной дискуссии Кербер, - но ведь океан ещё не пришёл в движение, более того: его пока вообще не существует!

Гефест хмыкнул, но сдержал себя:

- Дорогой коллега, повторю лишь то, что уже сказал: изучайте предмет настолько, насколько сможете им проникнуться! Тогда у вас будет меньше вопросов... Поэтому – начинаем...

А началось всё с образования воды, как это происходило уже бессчётное число раз в бессчётном количестве созданных миров. Постоянный процесс магматических испарений и конденсации взаимодействующих между собой химических соединений и явился причиной возникновения, пожалуй, четверти от объёма всей воды, что возникла на Земле в самые ранние периоды её рождения. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою...», с умилением цитировал Ахеронт возникшие в далёком будущем поэтические тексты и взирая на красоту этих самых вод. Незабываемые пейзажи сменяли друг друга; время не замедляло своего бега; пространство манило всё дальше и дальше...

«Зов Аида», как казалось Аскалафу, умолк навсегда; самому ему порой чудилось, что эти непознанные по сути своей аудиколебания были ничем иным, как красивой легендой водных глубин, не пережитой, а явившейся к физикам в ярких снах; среди них он и сам будто бы являлся всего лишь одним из сновидений...

В подобном очаровании от Творения пребывали и остальные, ибо разве созерцание бессмертных не в силах замедлить Времени – и даже остановить его?! Да, мимо проплывали миллионы лет, но – проплывали ли они вообще?!

Внезапный конец любованию Мировым океаном был положен распоряжением профессора Аида, давшего совсем уже романтически настроенному Аскалафу приказ: пропускать на Землю метеориты, состоящие из льда!

- Чего ради, профессор? – недоумевал «садовник». – Ведь я совсем недавно получал из ваших уст совершенно противоположное указание, а именно: не пропускать к планете ни одного из космических агрессоров!

- О, дорогой мой, да вы меня слушаете! Я сказал: метеориты с ядром из льда! Кстати, кометы аналогичного происхождения также можете попутно захватывать... Дело в том, что планетарный водный баланс ещё далеко не достиг нормы... Естественно, все эти ледяные

пришельцы нуждаются в расщеплении задолго до их падения на поверхность. Будете усердно трудиться – и я не стану вам более мешать! – закончил Аид, махнув кулаком в воздухе перед собой, чем явно имитировал удар невидимого трезубца о пол лаборатории. Видимо, окончательно вживался в роль... Аскалаф затянул про себя гимн Владыке Подземного Царства и, вжав голову в плечи, забарабанил пальцами по клавиатуре бортовых гравитационных установок. «Только бы больше не слышать его зова!» – с ужасом подумалось незадачливому учёному.

Во время подобной занятости база ну просто не могла обойтись без неожиданных посетителей! Оказалось, что распоряжением Совета на «Тартар» была отправлена через телепорты группа обучающихся молодых специалистов-геологов; руководство настаивало, что раз уж в этом месте Вселенной всюду идёт строительство Нового Мира, то было бы преступлением не преподать им наглядного урока... Отнекиваться от приказа руководства или попытаться вывернуться, сославшись на ужасный цейтнот, казалось невозможным; это понимал даже сам начальник базы. Кончилось тем, что профессор Аид делегировал к сквозь время и пространство появившимся студентам доктора Гею, свалив на её плечи занятия по исторической геологии.

- Пожалуйста, коллега, очень вас прошу! – умолял он женщину едва не на коленях. – У нас впереди не более миллиарда-двух лет... Затем – ещё два: и планету заселят земляне! Времени, как сами понимаете, немного... Возьмите наш молодняк с собой на поверхность; объясните им, что требуется, покажите наглядно... Ведь все создаваемые миры возникают по одному и тому же сценарию! Выручайте! Я же, со своей стороны, обязуюсь поднять вам зарплату, выписать премию...

- Профессор, я не настаиваю на последнем, поскольку каждый из нас всегда готов к непредвиденным обстоятельствам, - гордо, но справедливо заметила Гея. – Нас всех к этому готовили, не так ли? Осмелюсь только напомнить – это, простите, к слову! – что зарплату нам и так аккуратно урезают раз в пол миллиарда лет! – и грациозно кивнув Аиду своей чудесной головкой, женщина удалилась в Сектор Телепортации.

«Подождите ещё пару миллиардов лет – и к нам нагрянет инспекция!» – подумалось почему-то Аиду, однако вслух этого он не решился произнести.

В Секторе Телепортации Гею уже ожидал десяток существ – практически неотличимых от Геи по форме, разве что раза в три меньше. Они более рассматривали себя, нежели только что вошедшую в помещение.

- Итак, все на месте? – деловито просила доктор Гея, привлекая к себе внимание прибывших. – Как прошло перемещение?

- Спасибо, доктор, замечательно! – ответила ей одна из особей.

- Странно же мы все выглядим, - глухим голосом добавила другая, разглядывая собственные руки.

- А чего же вы хотели, уважаемые? Пока вы на базе, вы будете выглядеть, как мы... или, проще говоря, как пока ещё не появившиеся земляне, – возразила литолог. – Не сомневаюсь, что вам известен параграф 2.4639 «Инструкции о перемещениях во Времени, а также в Сопредельных Пространствах», который гласит: «Во избежание непредвиденных последствий относительно перемещения в Иное Время или Пространство, перемещённому в строгом порядке необходимо принять и сохранять форму существ, находящихся на данном участке Времени или Пространства. Таковую форму перемещённому надлежит строго сохранять до самого выхода из пространственно-временного участка.»

- Так ведь землян ещё нет! – нерешительно пискнула одна из особей.

- Отлично, я направлю в Совет просьбу, чтобы следующий раз, когда вас отправят на наглядный урок по исторической геологии, вы приняли облик осколков горных пород! – парировала Гея.

Прибывшие засмеялись, пытаясь лучше овладеть до сих пор неизведанными движениями новых оболочек.

- Прошу следовать за мной к челнокам, которые доставят нас на поверхность планеты. Там и промотаем всю историю Земли... Если будут вопросы касательно точности датировок тех или иных событий, вам следует обратиться к историкам, поскольку я – всего лишь литолог...

Оказавшись на поверхности Земли, Гея связалась с Кербером:

- Кербер, дружище, дайте мне, пожалуйста, развёрнутую видеопанораму происхождения, изменения и законченного формирования Земли... Мы уже на поверхности.

И, будто замерев на незримой смотровой площадке, группа во главе с доктором – словно с высоты полёта орбитального спутника – увидела, как изменяется под ними облик планеты; как проходят миллиарды лет, как на смену им приходят другие... Невозможно описать состояние, когда всё вокруг меняется у тебя на глазах, будто при замедленной съёмке... И лишь голос Геи вещал спокойно и уверенно; вещал где-то там, между звёздами – и земной поверхностью:

- Ну-ка, дети, встаньте в круг!.. Итак, мы с вами приблизились к моменту формирования планеты, когда посреди древних океанов образовался первый древний суперматерик – Ваальбара. Период его формирования приходится на 3,6 миллиардов лет от создания планеты, распад на первые континенты – 2,5 миллиардов лет назад. Не перепутайте, пожалуйста: мы с вами, хоть и находимся в режиме замедленного видеоквазипрограммирования, однако по реальному времени обретаемся в эпоху расцвета Эллады... Далее. На смену Ваальбаре пришёл Ур, что имел место быть около трёх миллиардов лет назад... Обратите внимание на Панталассу – первый суперокеан, день рождения которого отмечено – было бы, кому отмечать! – около двух с половиной миллиардов лет назад. Затем был Кенорлэнд – этому суперматерику чуть более двух с половиной миллиардов лет. После него был Нуна – или Колумбия, называйте, как кому приятнее – около полутора миллиарда лет назад. Омывает его Мировия; этот суперокеан является практически ровесником суперматерику. Также он омывает и последующий суперконтинент Родинию, возраст которого около миллиарда лет. Далее был Паннотия, окружённая протоокеаном Панталасса и Панафриканским протоокеаном. С тех прошло более 500 миллионов лет... Дорогие студенты, я не закончила! – Гея внезапно заметила, что не все внимают её голосу с прежним вниманием: кое-кто из её подопечных уже давно перешёптывался с соседями. Когда слушатели, таким образом потревоженные, пристыжено умолкли, литолог продолжила. – Итак, что же открылось нашим взорам теперь? В результате столкновения двух суперконтинентов Лаврентии и Балтики – а случилось это около 300 миллионов лет назад – на свет появился Лавруссия... или Еврамерика, опять-таки, на усмотрение каждого. И, наконец, то, что мы имеем на настоящий период – это распад суперматерика Пангеи, произошедший более 200 миллионов лет назад, на два огромных континента – Лавразию и Гондвану. Из этих двух и сформировались все современные континенты...

- Пангея? – переспросила литолога некая любопытная особь, ловившая, в отличие от остальной группы, каждое слово наставницы. – Звучит почти как ваше имя, правда?

- Правда, - улыбнулась женщина. – Вот она, очевидная польза от изучения греческого языка!.. Вопросы по сказанному и увиденному есть? – заключила она, оглядываясь по сторонам.

Подопечные молчали, то ли переглядываясь, то ли перемигиваясь. Наконец один из учеников робко произнёс:

- Скажите, пожалуйста, доктор, имеется ли – в соответствии с видеоквазипрограммированием – какой-либо прогноз на будущее движение земных континентов? Или же они пребудут статичными до конца своих дней?

- Замечательный вопрос, дорогой мой! В тебе чувствуется настоящий геолог! – Гея даже погладила существо по головке. – Конечно, согласно всем геологическим процессам, цикличность более-менее равномерного движения распространяется и на материки... Вы совершенно правы, они находятся в постоянном движении, причём, друг к другу. Обратите

внимание на то, как – по прошествии приблизительно 60 миллионов лет от настоящего времени – современные Евразия и Австралия сольются в новый континент. Далее, приблизительно через 130 миллионов лет, к сверхконтиненту Афроевразия примкнёт Антарктида. Спустя ещё около 80 миллионов лет возникнет Амазия – конгломерат из Северной Америки и Евразии. И, наконец, приблизительно через 250-300 миллионов лет миру явится новое образование – Пангея Ульtima: сверхконтинент, включающий в себя все существующие ныне материки... Вопросы остались?

Ни звука в ответ. То есть, ни звука со стороны новопривыкших... Поскольку урок был закончен и видеоквазипрограммирование отключено, Гея намеревалась распределить учеников по челнокам для возвращения на базу, когда внезапно – где-то над звёздами – зазвучал голос Аскалафа:

- Доктор Гея, вот я вас тут слушаю – вместе с детишками – слушаю, это всё очень интересно... Вот, про Атлантиду вспомнил... То есть, я не совсем её вспомнил... То есть, я вспомнил лишь факт того, что в Атлантиде какая-то нехорошая история случилась... Напомните, пожалуйста, что там произошло? Или мне следует у Афины проконсультироваться?

- Да уж не беспокойте коллег, я вам подскажу, - не растерялась Гея. – Случилось, конечно, случилось... Впрочем, об этом не только Афины, но и Прометея неплохо бы спросить... Оба, в конце концов, хороши... Подходите к Сектору Телепортации, я вам напомню эту историю. А при детях – не скажу ни слова! – она улыбнулась изумительной улыбкой.

- Договорились. Отбой.

Естественно, что разговор их был немедленно подслушан остальными картёжниками. Не успела Гея выпроводить посетителей домой, как в Секторе Телепортации появилась вся шальная компашка. Доктор-литолог поведала непосадам обещанную историю несчастной Атлантиды – и удалилась обедать. А оставшиеся сорвиголови не придумали ничего лучше, как порезвиться с телепортаторами.

- Дай-ка я слетаю домой – и обратно! – предложил Харон. – Скучно здесь, особенно в обеденный перерыв...

- Гефест застучает, как пить дать! – задумчиво произнёс Аскалаф, - или Аид, что, между прочим, гораздо хуже...

- Да у тебя от этого Аида страх, размером с «Тартар»! – прыснул Кербер; Гидра и Ахеронт присоединились к его хохоту. – Прямо и Фобос, и Деймос в одном флаконе! Страх и ужас!

- Тебе легко говорить, - всё ещё сомневался Аскалаф. – Мероприятие довольно рискованное... Кстати, насчёт Фобоса и Деймоса: никто не в курсе, прибудут ли они на Землю? Как-никак, лучше технарей не найдёшь, хоть облети Мультивселенную!

- Надо будет ещё раз навестить Левку и Танатоса, - покачала головой Гидра. – Ведь именно на их станции связи я получила информацию о прибытии к нам Зевса и компании...

- Ну, вы как хотите, а я прокачусь домой! Надоело тут сидеть, - Харон смахнул нитку с плеча своего халата. И решительно вошёл в телепортер. – До скорой встречи!

Прошло не более мгновения – и он вновь появился из агрегата. А потом... Потом случилось ужасное: двери распахнулись – и в Сектор Телепортации ввалился доктор Гефест.

- Коллеги, это как понимать? – брови конструктора взлетели кверху.

- Ну, мы... это... Всё равно обеденный перерыв... И очереди в телепортер не было... – почти задыхаясь, оправдывался Харон, друзья которого тем временем пытались незаметно просочиться к дверям помещения.

- Коллега, несмотря на то, что вы решили отмотать время своего путешествия назад, – а это такая же несанкционированная штука, как и прыжок в пространстве без разрешения начальства, – я сумел-таки засечь ваш поступок, нет – преступление! – посредством личного пеленгатора... Всем стоять! – рявкнул он, обращаясь к остальным, что уже успели проделать половину пути к спасительному выходу. – Не торопитесь, уважаемые друзья! Так, теперь все построились передо мной в шеренгу... – Гефест выждал время, пока его строгая команда была исполнена. На лицах стоявших перед ним шутников отсутствовала

хоть малейшая надежда на лёгкую смерть. – А сейчас слушайте внимательно – и в последний раз. Итак, к Сектору Телепортации не приближаться, даже если по всеобщей аварийной связи будет объявлено, что наш «Тартар» летит в Тартар, - его самого позабавило столь внезапное сравнение. Равнозначно – никаких перевоплощений. Быть людьми, в любом случае – стараться быть людьми. Неужели вам непонятно, что пройдёт ещё немного времени – и мы вступим в окончательную фазу эксперимента, носящего кодовое название «Проект Земля»? Честное слово, я не буду упоминать о вашем поведении в отчёте, но если подобное повторится – сделаю самое для вас ужасное: поделюсь о ваших проступках с Аидом...

Застуканные на месте очередного преступления справедливо полагали, что более страшной пытки им не могло присниться в ужаснейшем из кошмаров, потому смиренно стали заверять Гефеста в том, что в следующий раз они сто раз подумают, прежде чем решиться на нечто выходящее за рамки Инструкций. Обеденное время подходило к концу, поэтому инженер-конструктор решил прервать экзекуцию.

- Отправляйтесь по рабочим местам, - лишь молвил он на прощание. – И помните, постоянно помните о том, что все вы – находитесь под моим молотом...

Под суровым взглядом искуснейшего из кузнецов приятели потопали восвояси.

- И что я тебе говорил? – прошептал Аскалаф Харону, мрачнее которого мог быть только Эреб.

- Ну, всё, голубчики, дотелепортировались! – даже Гидра никогда ещё не выглядела столь угрюмой. – Самоволка, знаете ли, везде наказывалась строже некуда...

Даже весельчак Кербер на сей раз полностью утерял свою разухабистость – и плёлся, как побитая собака.

Трудно следить за ходом Времени, когда вперёд-назад проносятся миллиарды лет; гораздо проще, когда настоящее проявлено в прошлом или будущее – в настоящем... Нелегко ступать по линии времён, но стократ тяжелее иногда по ней возвращаться. Поскольку видно, что могло случиться, имейся на то хоть ничтожный дар прозорливости...

Вот и Гефест, покровитель изобретателей, уже в который раз оглядывался на пройденный путь. Нельзя сказать, что конструктор был особенно строг к себе или другим, но даже и самому ответственному существу иногда является мысль: всё ли сделано правильно? Все ли рассчитано с предельной точностью и выполнено без сучка, без задоринки? А когда его одолевали подобные мысли, доктор не искал утешения у коллег; он, подобно тому, чьё имя носил, искал утешения в своих угодах, создавая нечто на благо других.

Путём проведения многочисленных расчётов, ему, как никому другому, были известны все местоположения полезных ресурсов новой планеты. Не прибегая к помощи технического персонала, Гефест лично управлял различными установками, пробиваясь к залежам металлов и ценных горных пород. Его усилиями было пробито огромное множество тоннелей и шахт в разных уголках Земли, ведущих к рудникам будущего, когда возникшее – им же обученное человечество – сможет воспользоваться бесценными дарами земных недр...

Вот и ныне трудился он над сокровищами Эллады. Золото, серебро, медь... Всеми своё применение...

Внезапная ностальгия Гефеста была прервана лёгкими шагами. Инженер удивлённо обернулся – и увидел приближающегося к нему Аида. Профессор неторопливо передвигался, сложив руки за спиной.

- Здравствуй, о Аид! – поприветствовал пришедшего конструктор. – Что вы здесь ищете, профессор?

Тот улыбнулся в ответ:

- Да вот, решил после работы немного прогуляться по своему царству, коллега! Что это с вами, дорогой мой? – намётанный глаз Аида уловил-таки оттенок лёгкой грусти, мелькнувший в глазах собеседника.

- Думаю, коллега...

- О чём же?
  - О том, что когда-нибудь эти клады земного лона будут обнаружены людьми...
  - И?..
  - Как они используют обретенное?
  - Ну, это мне более-менее известно, друг мой! Своим женщинам – золотые украшения, медь – для утвари...
  - Конечно... Просто сейчас меня охватила печаль: ведь из железа и камней они станут изготавливать оружие! Почему же никоим образом невозможно избежать подобного витка истории хотя бы для них – для тех, кого мы создаём?!
  - Ну, так ведь и мы некогда начинали с того же самого! С примитивного каменного топора и примитивного фотонного бомбардировщика...
  - Да, это так... Но – ещё раз: можно ли этого избежать?
  - Дружище Гефест, у вас сегодня явно неважное настроение! – участливо отозвался Аид, правда, после некоторого молчания. – Покажите мне хоть один из миров, который не избежал войн?! Покажите мне хоть один из десятка миров, где эти войны не были бы ядерными?! Или ещё какими-нибудь?! Напрасно обвинять в том себя или кого-либо: подобный опыт от цивилизации к цивилизации не передаётся! Ну, разве что привнести его будущему человечеству прямо из пробирки... Мы – не призваны вживлять людям в головы чипы, получить подобный нам опыт они должны сами! И только после его обретения они изменятся навсегда... Впрочем, для этого вовсе не необходимы тотальные побоища, достаточно и каменного топора! Мы-то с вами, насколько я себе это уясняю, всё ещё верим в будущее население Земли?
- Гефест молчал. Аид, видя нервозность друга, решил сменить тему – и достал карманный телепортер:
- Знаете, а ведь мы опоздаем к ужину! Нам с вами не пристало являться к столу последними... Впрочем, не поверите: несмотря на бессчётное количество времени, проведённом на нашей базе, до сих пор не могу привыкнуть к земному приёму пищи! Весьма странный способ усвоения энергии, – и профессор тихонько усмехнулся, покачивая головой из стороны в сторону.
  - О да, - отвлекаясь от навязчивых мыслей, произнёс доктор физики и химии в единственном лице. – Нам действительно следует поспешить...
- Тем временем в общей столовой собрались почти все сотрудники «Тартара». Начальство появилось-таки в числе самых последних. Коллеги обменивались мнениями или впечатлениями от прошедшего в трудах времени; завершение по обустройству планеты продвигалось просто гигантскими шагами.
- После учёные разошлись каждый по своим делам. И только Аскалаф, что не ускользнуло от его наблюдательных друзей, задержался для короткого разговора с доктором Гефестом; в ответ на какую-то просьбу Аскалафа (именно просьба явно читалась в его движениях) Гефест пожал плечами – однако, улыбаясь, кивнул; после чего удалился в сопровождении физика.
- Представители молодого научного персонала базы удивлённо переглянулись.
- Что это было? – присвистнул Кербер. – Скажите, вы все видели то же самое, что и я?
  - Интересно, что наш «садовник» спросил у Гефеста? – прошептала Гидра, глядя по очереди в лица собеседников.
  - Может, захотел выяснить, не настучал ли Гефест Аиду о нашем самоуправстве с телепортерами? – предположил Ахеронт.
  - Брось, Гефест не из того металла выкован, - успокоил его Харон. – Я с ним уже не одну вечность в экспедициях... И не одну экспедицию в Вечности! – выдал он неожиданно подвернувшийся на язык каламбур.
  - Уж очень Аскалаф сегодня потерянный... Ну, да ладно: сам во всём признается! – оптимистично резюмировал Ахеронт. И возрился на друзей. – Пойдём, что ли, раскинем в картишки партийку-другую?

- И то правда... Пошли!

И компания двинулась в Центр отдыха, предварительно проверив отлаженность работы сейсмодатчиков, наблюдающих за Космосом авторадаров и лучевых дезинтеграторов...

Обустройство планеты фактически было закончено. Землю покрывали густые облака; нескончаемые дожди проливались на её поверхность день за днём. Персонал базы «Тартар» превосходно выполнил отведённую ему работу; отныне в его поле зрения входила, пожалуй, единственная функция: наблюдение за постоянной температурой планетарного ядра да предотвращение излишней сейсмической деятельности планеты. На Землю ожидалось прибытие команды климатологов и биологов; иными словами, полученная ранее информация подтверждалась: в скором времени на созданном космическом теле должна была появиться новая база – «Океан» – населению которой и предписывалось дальнейшее формирование объекта.

В ожидании коллег и при отсутствии конкретных директив, кое-какие сотрудники «Тартара» откровенно скучали от безделья. Последнее особенно одолевало младший научный состав да технический персонал базы. Чтобы хоть как-то бороться с хандрой, время от времени они шумной компанией пересекали на глассерах по водному пространству Земли или бесцельно бродили по суше. Кое-кто иногда делал попытку сесть за написание того или иного отчёта для МАИ, только из этого мало что получалось. И тогда друзья занимались изобретательством, рискуя в очередной раз вызвать на себя гнев старших «богов»... то есть, старших коллег.

- Даже не представляю, чем заняться! – жаловался Аскалаф каждому, кто только ни заходил к нему в лабораторию. – Расстрелять, что ли, эти облака из вот этой чудесной гефестовой плазмодной установки? А то эти бесконечные ливни уже достали...

- Видать, ты соскучился по аидовым нравоучения, дружище! Или, лучше сказать: по его аидовым нравоучениям, - язвил Кербер. – Впрочем, моя оговорка ничуть не меняет сути сказанного...

- Ты лучше признайся, о чём были твои переговоры с Гефестом? – любопытствовала Гидра. – У тебя был вид несчастного просителя...

- Это – моё личное дело, оно никого не касается! – неизменно отвечал Аскалаф, чем мгновенно прекращал дальнейшие расспросы.

Ахеронт предложил заняться покорением некоторых пиков ближайших гор, однако, после нескольких вылазок, его идея едва не закончилась трагически: то ли альпинистское снаряжение оказалось ненадёжным, то ли кое-кто из коллег оказался чрезмерно криворук, только последний поход компании в горы спровоцировал столь огромный обвал, что, вернувшись на базу, экстремалам пришлось долго отписываться и выслушивать витиеватое сладкогласие начальства.

С некоторых пор коллеги обратили внимание, что Аскалаф странным образом изменился: он практически перестал посещать дружеские ночные посиделки за картами, не участвовал в общих сабантуях, хотя раньше был едва ли не их заводилой и тамадой; иногда его невозможно было доискаться, а свою персональную кабину на «Тартаре» он неизменно блокировал изнутри. Взгляд его стал каким-то блуждающим, чего ранее за ним также не замечалось. Друзья беспокоились за него, но Аскалаф мгновенно уходил, стоило хоть кому-нибудь заикнуться о его странном состоянии.

И вот, наконец, одним прекрасным дождливым днём таинственная история выплыла наружу. Её виновник лично пригласил приятелей к себе в апартаменты, куда вход до этого был всем строго воспрещён. Коллеги уселись за столом, и Аскалаф начал своё повествование:

- Вы все, конечно, помните, сколько вопросов вызвал у вас моя заговорщическая беседа с Гефестом...

Друзья кивнули в ответ, давая понять, что вопросы эти мучают их до сих пор.

- Так вот, - продолжил рассказчик, - предшественником этого диалога был кошмар, который посетил меня незадолго до того...

- Постой, постой! – вмешался Харон, вытягивая руку. – Ужасно не хочу тебя перебивать, но всем известно, что у бессмертных не бывает кошмаров! Более того: они никогда не видят сновидений!

- А почему ты говоришь о себе от третьего лица? – покосилась на говорившего Гидра. Поправила волосы на лбу – и добавила. – Кстати, здесь все – бессмертны!

- Знаю, дорогие мои, прекрасно знаю! – глубоко выдохнул Аскалаф. – Но то, что со мной произошло... Возможно, что это был не сон, хотя и на реальность мало похоже...

- Ты докатился до видений? – усмехнулся Кербер. – Они крайне свойственны религиозным натурам... Сходил бы к психологам, они обязательно помогут!

- Ладно вам, не перебивайте его! – легонько стукнул кулаком по столу Ахеронт. – Дайте человеку договорить!

- Вот-вот, человеку! – обрадовано подхватил Аскалаф, охватывая лоб ладонями и проводя по волосам. – Я тоже думал об этом. Может, я настолько заигрался в «бога», что потихоньку становлюсь человеком; следовательно, ничто человеческое, слишком человеческое, мне не чуждо?! Что вполне касается и сновидений...

- Так что там тебе приснилось или привиделось, раз у тебя открылась подобная способность? – не вытерпел Харон. – Не тяни каучук!

- Резину, - негромко поправил коллегу Кербер.

- Словом, моё отношение к Аиду – общеизвестно; все надо мною из-за этого прикалываются, мой страх к нему давно стал притчей во языцех... Возможно, что я сам довёл себя до такого состояния, однако... Итак, назовём случившееся сном. Снилось мне, будто попал я на суд к Аиду...

Окружающие Аскалафа захихикали.

- Короче, ребята, если вам неинтересно, могу и не продолжать, - отрубил физик, откидываясь на спинку стула и демонстративно складывая руки на груди.

Собравшейся компании стоило немалых просьб да извинений, чтобы обиженный коллега смилостивился и продолжил с прерванного места:

- На суд к Аиду, значит... Мероприятие происходит в каком-то мегалитическом помещении с огромными колоннами...

- В греческом зале, в греческом зале! – едва слышно прошептал Кербер на ухо Гидре; та нервно отмахнулась от навязчивого суфлёра.

- Да, увиденное весьма напомнило мне классические древнегреческие культовые сооружения. За моей спиной – огромные примитивные двери, которые следовало толкать руками... В противоположной от входа стороне – большущий трон: на нём-то и восседал Аид. А по сторонам – множество народа; не поверите, но присутствующие являлись сотрудниками нашей базы! И вы, кстати, тоже были в их числе...

В помещении, невзирая на его размеры и нахождение большого числа столь именитых персон, царил тишина. Ну, разве что треск огромного числа факелов на стенах время от времени нарушал её... Я ещё не совсем понимал смысл происходящего, когда внезапный рёв Аида вывел меня из сумеречного состояния:

- Подойди ближе, несчастный! Подойди ближе к моему трону! Это я, Аид, приказываю тебе!

Я, будто сомнамбула, преодолел расстояние, отделявшее меня от места, где с жезлом в руке восседал Аид. Лицо его как две капли воды походило на нашего профессора; в глазах его я прочитал бесконечное осуждение.

- Говори! – вновь взревело чудовище. – Признаёшь ли ты себя виновным?

От внегалактического ужаса, охватившего всё моё существо, я едва ли мог соображать, не то, что говорить; однако, призвав на помощь последние силы, робко произнёс:

- Мне хотелось бы знать, в чём меня обвиняют, многоуважаемый профессор... Трудно ведь отвечать за те или иные последствия, не будучи напрямую знакомым с вызвавшими их причинами...

- Я строг, но справедлив! – воскликнул Аид. – Точно таким будет и моё судилище! Перед лицом всех собравшихся, обвиняю тебя в профессиональной халатности, за что, согласно «Инструкции о выполнении профессиональных обязанностей», главе «Вольное обращение или трактовка указаний руководства», параграфу «Безделье на рабочем месте», пункту «Мгновенное пресечение онога», предстанешь ты перед настоящим судом. В случае признания тебя виновным, суд имеет все полномочия на вынесение тебе приговора, сопряжённого с применением к осуждённому тех или иных карательных санкций.

- Но, прошу прощения, что именно поставлено мне в вину? – выдохнул я, чувствуя, как холодный пот течёт рекой по позвоночной ложбинке.

- Это само собой. Выслушай обвинения, а мы все, - Аид развёл руками, указывая дланями на по-прежнему хранивших молчание собравшихся, - выслушаем твои оправдания... В общем, с основным обвинением ты уже ознакомлен: профессиональная халатность. Теперь перейдём к деталям...

- Пойдите! – осенило меня. – Но ведь мне требуется адвокат! Мне необходима защита!

- Обойдётся, - ласково отрезал профессор. – Я тоже не прокурор. Я – судья. Защищайся сам... Итак, обвиняемый, тебе было поручено непрерывное слежение за космическими объектами, что именуются метеоритами и кометами; их обнаружение, распознавание и заблаговременное уничтожение. А теперь, - Аид вытащил из-под мантии персональный мини-компьютер, - теперь я предложу вниманию публики краткий список внеземных объектов, которые – по упомянутой халатности обвиняемого – рухнули-таки на Землю...

После этих слов собравшиеся впервые заволновались; одежды их зашелестели, по залу пронёсся негромкий шёпот. Однако я так и не понял, на моей ли они стороне – или осуждают.

- Итак, предоставляю слово свидетелю, в чьей компетентности усомниться невозможно, а именно – нашему бортовому регистратору, который неллицеприятно отметил каждый просчёт подсудимого. Заметьте, коллеги, - вновь обратился Аид к окружающим, - я совершенно не заостряю внимания на побудительных мотивах обвиняемого, допустившего непростительную оплошность – вопроса, кстати, далеко не лишённого смысла... Поработаем пока только с известными суду фактами.

Из незримых динамиков раздался резкий металлический голос, без малейшего намёка на эмоциональность:

- Список комет и метеоритов, пропущенных Системой Планетарной Защиты. Передаю информацию с учётом земных понятий, идентификацией объекта и его локализацией.

Номер 1, Вредефорт, ЮАР, диаметр более 10 километров, упал на поверхность планеты чуть более 2 миллиардов лет назад;

Номер 2, Садбери, Канада, диаметр около 10 километров, упал на поверхность планеты более полутора миллиарда лет назад;

Номер 3, Акраман, Австралия, диаметр около 4 километров, упал на поверхность планеты около 600 миллионов лет назад;

Номер 4, Шарлевуа, Канада, диаметр более 2 километров, упал на поверхность планеты около 350 миллионов лет назад;

Номер 5, Маникуаган, Канада, диаметр около 5 километров, упал на поверхность планеты около 215 миллионов лет назад...

По залу вновь пробежал негромкий шёпоток: список довольно затянулся, поэтому собравшиеся явно заскучали. Упоминание о каждом космическом теле, столкновение с которым было зафиксировано неумолимым и неподкупным регистратором, отдавалось в моих ушах ударом Гефестова молота по наковальне. Едва не теряя сознания от ужаса, я ожидал окончания этой, казалось, бесконечной литании моих преступлений. Аид, невозмутимо восседавший на престоле, так и ел меня глазами. А надоедливый металлический голос не умолкал:

...Номер 86, Мьельнир, Норвегия, диаметр около 2 километров, упал на поверхность планеты около 150 миллионов лет назад;

Номер 87, Мэнсон, США, диаметр около 2 километров, упал на поверхность планеты около 75 миллионов лет назад;

Номер 88, Каменский, Россия, диаметр около 3 километров, упал на поверхность планеты около 50 миллионов лет назад...

Честно, ребята: у меня уже разрывались барабанные перепонки, а моим промахам не было ни конца ни края. Вернее, перечисленное даже не являлось промахами, поскольку ни единого выстрела Системой Планетарной Защиты предпринято не было. И виноватым в случившемся продолжал оставаться исключительно я...

Наконец, металлическое тарактенье прекратилось. Аид, спрятав аппарат куда-то в складки одеяния, величественно стукнул жезлом об пол:

- Итак, ты всё слышал! Хватит ли у тебя смелости что-нибудь возразить на обвинение?

Я собрался с духом:

- Почти ничего, многоуважаемый профессор!..

Впрочем, я так волновался, что первое слово произнёс практически беззвучно.

На лице Аида мелькнула злобная усмешка:

- Ничего?! Вот и чудненько! Ну, тогда кто-то сейчас огребёт! Итак, согласно «Инструкции»...

- Подождите, подождите, профессор! – кажется, от отчаяния мой голос вернулся и занял присущее ему в гортани место. – Возможно, я готов признать некоторые досадные упущения со своей стороны, но справедливо ли нести ответственность за деяния, в коих состав преступления отсутствует?

- То есть, как это? – Аид пригнулся на троне в моём направлении.

- Если следовать показаниям свидетеля, то, цитирую: «Аризонский, США, диаметр около 300 000 тонн, упал на поверхность планеты около 50 000 лет назад...» Смею возразить, ваша честь, что самого метеорита – или его остатков – на поверхности Земли обнаружено не было. То же касается и метеорита Тунгусского, вновь цитирую свидетеля: «Тунгусский, Россия, диаметр не установлен, самоликвидация в условиях земной атмосферы или стратосферы, условное время – 1908 год НЭ.» К тому же, обращаю на это внимание суда, у меня были чёткие распоряжения начальства – непосредственно ваши, профессор! – пропускать к поверхности планеты космические тела, состоящие из льда. А они – пшик! – да испарились! В чём же тогда моё преступление? Словом, обращаюсь к суду с просьбой назначить экспертизу, чтобы перепроверить свидетельские показания. Они мне кажутся притянутыми за уши...

- Ой, софист! Ну и софист! – елейно произнёс Аид, однако в его голосе я уловил лёгкую нотку жалости. – Вот что значит не орать на тебя пару миллиардов лет, совсем распустился... Просьба твоя к суду – относительно назначения экспертизы – отброшена: как физик, ты должен знать, что Аризонский метеорит состоял из ферросплава... Тунгусский... Ладно, этот оставим в покое... Хорошо, ну а остальная пара сотен твоих недосмотров?! Решил, видать, поступить по принципу «семь бед – один ответ»?

- Что делать, ваша честь: от каждого по способностям... А что касается побудительных мотивов... Да стоит ли об этом говорить?! Как и насчёт знания будущего...

- Позвольте напомнить вам элементарную вещь, дружище: единственного варианта будущего бессмертные не знают, поскольку детально его не знает никто – и сказанное надо понимать именно в этом смысле; однако, нам почти со стопроцентной уверенностью известен ход событий, чтобы смело говорить о нашем знании будущего. А с появлением телепортаторов и Машины Времени это лишь подтвердилось. В крайнем случае, мы в состоянии подвести настоящее к тому, чтобы лучший, нужный нам из вариантов – того, возможного – будущего воплотился в реальность и стал единственным. Иначе говоря, высокая вероятность будущего нам уж точно известна! Она настолько вероятна, что практически абсолютна в своей единственности! – и Аид, забывшись, продолжал рассуждать о бессмертных да оказываемом ими влиянии на материальные и нематериальные Вселенные...

- Ладно, мы поняли, - вновь не вытерпел Харон столь долгого повествования. – Дальше-то что? Аид признал тебя виновным – и наказал?

- Не знаю, - Аскалаф протёр глаза. – На этом месте я проснулся и, видимо, к лучшему... Не хотелось бы узнать, как со мной поступил Владыка Загробного Царства...

- Вот и хорошо!

- Да, только я ещё не закончил, - Аскалаф внимательно посмотрел на приятелей. – Хочу вам кое-что показать...

С этими словами он полез куда-то в большой шкаф, стоящий почти у самого входа. Долго возился, чем-то гремел; друзья терпеливо ждали, пока он вернётся к ним. Мгновение спустя Аскалаф вернулся к столу – и с лукавым взглядом торжественно водрузил на него непрозрачную пластиковую коробку, размером около полуметра в высоту и четверть метра в ширину. Обычно в таких контейнерах на базе содержалась одежда, но вряд ли хозяин помещения решил похвастаться перед ними собственным гардеробом: население «Тартара» носило идентичные, стандартные модели...

- Что здесь? – Гидра просто сгорала от любопытства; её несколько раскосые, но бесконечно манящие глазки плутовски сияли.

Аскалаф набрал в грудь воздух – и громко его выдохнул:

- Смотрите!

Верхняя часть контейнера полетела на пол – и собравшиеся затаили дыхание от увиденного. Глазам их предстала металлическая статуэтка, сантиметров тридцати в высоту. На пьедестале стоял трон, а на троне – восседал профессор Аид! На нём был обычный докторский халат, хотя в руке он держал приличествующий венценосцу жезл; поза его выражала величие и вместе с тем внушала внекосмический ужас. Скульптору удалось передать это чувство настолько первостепенно, настолько ярко, что любые другие ощущения – при взгляде на статуэтку – мгновенно покидали созерцателя.

- Вот это да! – только и смог выдавить из себя Ахеронт. – Ничего подобного в жизни не видел! Да вы только на глаза посмотрите – это же воплощение кошмара!

- Так оно и есть, - поддакнул тому Аскалаф. – Воплощение моего персонального кошмара...

- Постой, постой! – Кербер переводил взгляд со статуэтки на коллегу. – Уж не хочешь ли ты сказать...

- О да, мой добрый друг! – Аскалаф сел, откинувшись на спинку стула. – После того, когда мне приснился этот чудовищный сон, я перестал находить себе место. Мне всюду чудился «Зов Аида»... Однако, зная, что лучшая борьба с собственным страхом – это его наглядное воплощение, решил так и поступить. Я напросился в ученики к доктору Гефесту, который выслушал меня – и немедленно пришёл мне на помощь. В течение целых эпох, кажется, я постигал его искусство скульптора, да и обучение рисунку заняло у меня не меньше времени... Конечно, находишь поблизости доктор Аполлон, я обязательно сходил бы к нему, однако... И, знаете, друзья, полагаю, что отныне мои страхи закончились...

- Мрачновато же у тебя получилось, - вставил Харон, поёживаясь при своих словах. – Не сомневаюсь, что смогу поручиться за всех: эта статуэтка профессора – жутчайшее зрелище из всего, что лишь доводилось видеть нашим глазам!

- Я старался, - опустил голову Аскалаф, - пусть это – мой личный страх, но, тем не менее, это – искусство! Не сочтите за излишнюю похвальбу, коллеги, но вот возьму – и подкину это произведение какому-нибудь Фидию! Или хотя бы кому-нибудь из его учеников... Пусть вся достославная Эллада узнает, что это такое – жить рядом с Аидом, постоянно слышать его зов... – Аскалаф провёл рукой по лбу и окинул взглядом друзей. – Вы вряд ли поверите мне, но я и сейчас чувствую его присутствие... Прямо здесь...

- Чьё? – Кербер даже заёрзал на стуле, пытаясь поближе рассмотреть статуэтку руководителя базы.

- Аида, конечно же! – Аскалаф закрыл глаза. – И он призывает меня...

Над столом повисло неловкое молчание. Его нарушил Ахеронт, хлопнувший себя по карману – и, будто в растерянности, выудивший оттуда карточную колоду. Было очевидно,

что он также до конца ещё не пришёл в себя, однако из последних сил старается отвлечь друзей от тяжёлых мыслей и спасти положение.

И компания оценила подобную смелость: Гидра улыбнулась, придвигаясь к столу; Кербер – с некоторой осторожностью – поднял с пола верхнюю часть контейнера и накрыл статуэтку, не думая, однако, убирать предмет куда-нибудь подальше; Харон, видя общее одобрение и поддержку, принялся несмело тасовать колоду...

А мгновением позже уже никто, казалось, и не помнил о пережитом потрясении. Свободное от работы время тем и ценно, что его можно использовать на любую невинную шалость. И никто не станет препятствовать подобному времяпрепровождению. Не может препятствовать, не имеет права, потому что...

- Он здесь! – неожиданно произнёс Аскалаф, бросая карты на стол и вытягивая руку в направлении входа. – И он – призывает меня!

И, будто повинясь его словам, пневматическая дверь распахнулась. За ней, дьявольски улыбаясь, стоял профессор Аид.

- Дорогие товарищи, пока вы тут ерундой занимаетесь, на Землю только что прибыла база «Океан», – сказал он, осматривая собравшихся за столом. – На повестке дня – торжественный приём новых поселенцев! Встречайте!

«ПОСЕЙДОНОВА БЕЗДНА»

...о боге великом, владыке морей Посейдоне.
 Землю и море бесплодное он в колебанье приводит,
 На Геликоне царит и на Эгах широких. Двойную
 Честь, о земли Колебатель, тебе предоставили боги:
 Диких коней укрощать и спасать корабли от крушенья.
 Слава тебе, Посейдон, — черновласый, объемлющий землю!
 Милостив будь к мореходцам и помощь подай им, блаженный!
 Гомеровы гимны, «К Посейдону», 1-7

Как известно, делу время, потехе – час. Потому не следует уделять ей много внимания, описывая банкет и бурную встречу новоприбывших; излишне упоминать, что, по обычаю всех времён и народов, проставляться пришлось именно последним... Вернёмся к делам насущным. Итак, с появлением на Земле базы «Океан», планета вступила в новую фазу своего развития.

Руководил ею никто иной, как профессор Посейдон – один из самых известнейших биохимиков, стяжавший себе громкую славу не только написанием огромного количества трудов, но и умением замечательно ладить с коллегами. Студенты, боготворившие своего наставника (а таковые имелись у профессора в любой из галактик), всячески стремились навязаться к нему в какую угодно экспедицию. Теперь каждый из них – уже дипломированных и не совсем – специалистов, жаждали опробовать на практике усвоенные (и не совсем) знания.

Одним из постоянных спутников Посейдона фактически в любом путешествии в другие миры был Нерей: некогда – его студент, а ныне – уже сам признанный авторитет и профессор-бактериолог. Именно на его плечах лежала ответственность за создание самых первых земных обитателей.

Персонал базы негласно называл его не иначе, как «правой рукой Посейдона», а собственное обиталище, кстати, «Посейдоновой бездной». Почему так случилось и каковы причины эдакого названия – никому доподлинно неизвестно; видимо, его впервые использовал некто из шутников, в достаточном количестве населяющих подводный комплекс. И, по иронии судьбы, словосочетание это настолько прилипло к языкам коллег, что стало использоваться постоянно. Впрочем, о «прозвище» базы было известно всем, не исключая и самого её руководителя. Бывало, что иногда доктор палеонтологии Океан, споря с профессором Посейдоном по той или иной научной проблеме, неизменно заканчивал дискуссию словами:

- Всё это очень интересно, профессор, однако на каком основании практически все наши сотрудники называют базу не «Океаном», как она официально значится в документации Совета, а «Посейдоновой бездной»?!

- Дело, видимо, в том, уважаемый доктор, - столь же неизменно отвечал ему Посейдон, легонько улыбаясь в усы, - что, согласно мифологии, с течением времени культ Посейдона почти полностью вытеснил культ Океана. Поэтому, на основании сказанного, считаю дискуссию закрытой... Кстати, вы не видели где-нибудь моего трезубца?

Излишне говорить, что подобные диалоги носили характер обыкновенной дружеской перепалки: доктор Океан был, пожалуй, самым миролюбивым существом на базе, коллеги относились к нему с чувством глубочайшего – как дно Панталассы – уважения. С профессором было несколько сложнее: несмотря на довольно уравновешенную натуру, его время от времени слегка сносило – и тогда начинался шторм, спасение от которого не было ни гарантированным, ни однозначным. Возможно, из этой его особенности и происходило негласное название базы «Океан».

Итак, профессор Нерей, которому ассистировало множество сотрудников – микробиологов, бактериологов и вирусологов, принялся за создание первых «исконно земных обитателей» – одноклеточных, колдун над своими детищами в дымящихся ретортах и колбах. Коллеги,

затаив дыхание, наблюдали за возникновением первичного бульона, из которого возникла жизнь на планете...

Гудение аппаратуры, сверкание мощных электрических разрядов наполняли лабораторию, делая её воистину похожей на некий Храм Сотворения Всего Сущего; «боги» в белых халатах, прилагая Знание, приветствовали рождение первосущества – клетки, возникшей из аминокислот и нуклеотидов...

- Полифем, дорогой, добавьте, пожалуйста, температуры! – внезапно прервал общее молчание Нерей, глядя на показания мониторов. – И слегка убавьте электрический ток, иначе вода рискует разложиться на свои составляющие... Кстати, что это все вы замерли, господа? – добавил он, обращаясь одновременно ко всем, сгрудившимся за его спиной.

Тот, к кому были обращены первые слова профессора – здоровенный детина, голова которого была увенчана приспособлением с микромоноклем, вытянулся по стойке «смирно», без тени иронии козырнул говорившему – и отбежал к динамо-машине; мгновения спустя он лихо защёлкал какими-то тумблерами и переключателями. Остальные, пусть и не повторив жесты Полифема, немедленно разошлись по рабочим местам...

- Увы, трудно – да что там трудно, невозможно! – рассуждать о Времени с позиции его отсутствия, ибо что значит его течение для бессмертных, сотворивших первую клетку на экспериментальном островке жизни, именуемом, согласно отчётам, планетарным «Проектом Земля»?! Вроде бы нечто только-только начало происходить – а вот оно уже и завершено; но, в свете безвременья, оно ещё не имело места быть, оно даже не начиналось! – наблюдая за действиями Нерея, прошептала биолог Фетида стоящему рядом с ней техническому специалисту Тритону, приглядывавшему за точностью работы приборов.

- Да, дорогая моя, всё так, как вы изволили высказать! – профессор, как обычно, держал ухо востро. – Однако, простите за навязчивость, никак не возьму в толк, к чему это было сказано?

- Просто рассуждаю, профессор, – смутилась биолог. – И думаю о людях, которые должны пройти путь от одноклеточного микроорганизма до становления самими собой; а ведь путь этот занимает более полумиллиарда лет!

- Ты так говоришь, как будто наблюдаешь за этим впервые! – вмешался Тритон. – Скажи, коллега, во скольких подобных проектах ты уже принимала участие?

- Да, во скольких? – поддакнул Нерей, который сам часто приглашал талантливого биолога обустроить новые планеты.

- Ну... очень во многих! – ответила девушка. – И, тем не менее, для меня – создателя – это до сих пор продолжает выглядеть настоящим чудом! Вы лишь подумайте: от простейшего организма – до венца творения!..

- ...до красоты Вселенной, как скажет некий поэт из далёкого будущего! – усмехнулся профессор. – Романтик вы мой, Фетида! Чуда-то никакого нет! Только эволюционный процесс, ничего более... Конечно, вы совершенно правы: даже на ранней стадии развития среди людей появятся лоботрясы, которые непременно – ради собственной выгоды – объявят возникновение человека чудом, однако при всех их желаниях отменить законы эволюции они не в силах... – пробормотал профессор, глядя в микроскоп на лабораторном столике и ловко орудуя пинцетом. Мгновение спустя он торжественно произнёс. – Поздравляю всех нас, господа: позвольте представить вам самого первого обитателя Земли! Находящиеся в лаборатории дружно заплодировали его словам, окружая стол и поочерёдно принося глазом к электронному микроскопу.

- Вот он – прародитель всего человечества, прародитель всех земных существ! – выдохнул Нерей. – Действительно, коллеги: сколько раз мы уже присутствовали при подобных, как выразилась наша Фетида, чудесах?

- Да я давным-давно со счёта сбился! – ответил Полифем за всех собравшихся. – Мне бы скорее до своих любимых букашек добраться...

- Оно понятно: ведь вы – энтомолог! – улыбнулся профессор. – Увы, придётся вам несколько подождать. Как говорится, у кого что болит...

- А мне, в таком случае – до приличной растительности! – встала Дорида, занимавшая на базе «Океан» должность ботаника. – Я согласна с Полифемом: скучно сидеть, сложа руки, без настоящей работы!

- Превосходно понимаю вас, друзья мои, и полностью разделяю ваш подход к созиданию, однако всему своё время. Подождите всего лишь пол миллиарда лет – а ведь это время пробежит незаметно, не так ли? – и, согласно хронологии, вы сможете заняться вашими любимыми профессиональными игрушками... – улыбнулся своей шутке Нерей. – А пока ваш час не пробил – марш в столовую! – он глянул на настенные часы, – поскольку и на сей раз мы выполнили отведённую нам работу до обеда! Мои вторичные поздравления всему коллективу!

По пути к микробиологам присоединялись группы учёных из других лабораторий – и все дружно топали на обед. Профессор Нерей задержался перекинуться парой слов с руководителем базы и коллегами из биохимиков, а упомянутые Фетида, Полифем и Тритон, обсуждавшие приятный банкет в честь прибытия на Землю, не спеша продолжали шествовать в столовую.

- Слушай, а не смотаться ли нам сегодня ночью на «Гаргар», а? – предложил Тритон друзьям. – Я во время банкета невероятно задружился с Кербером – и он, под покровом темноты, пригласил меня сыграть с ними в карты или в домино...

- Влетит от Посейдона за самоволку, – отмахнулся Полифем. – А коли не от Посейдона, так тебя выловит Аид – и, поверь, дружище, уж и не знаю, в чьих лапах оказаться хуже! Аскалаф мне такие ужасы про него рассказывал...

- Удивительно, что с Кербером, – притворно надула губки Фетида. – Тебе следовало задружиться с Гидрой: она, подобно тебе, специалист по технической части... И были бы у вас с ней – под покровом темноты, конечно! – общие профессиональные интересы...

- Пойдите, пойдите! – перебил общающихся Полифем. – Что я слышу?! Фетида, милая, ты снизила до ревности?!

- Ах, оставьте! – отмахнулся Тритон. – Ревновать меня к девочкам с другой базы?!

- Конечно! Ну не к мальчикам же!

- Дорогая, даже не думай об этом! – вступился за друга Полифем. – Я знаю Тритона, как облупленного: поверь мне, он слишком консервативен, чтобы искать подруг вне своего жилища!

- Ну и вошли же оба в роль, любо-дорого слушать! – развеселился Тритон. – Разве Фетида может ко мне испытывать какие-либо чувства? Разве она вообще может что-либо испытывать?.. Зато какие интересные выводы я делаю из её восклицания...

- Постой, постой, о чём это ты? То есть, по-твоему, я вовсе не способна на проявление чувств? Какие ещё выводы? – девушка вмиг позабыла о приступе ревности, пусть даже наигранной.

- Ну, вот тебе ситуация: ты – высшее существо, и не просто высшее, ты – бессмертна. Ты – создатель других миров. Согласись, что высшим существам эмоции несвойственны. Только разум, так сказать, в чистом виде...

- К чему ты клонишь?

- Слушай – и поймёшь... Пока мы сами развивались, пока наши предки были смертны – мы находились на уровне, который допускает наличие эмоций; скажу больше: не только допускает, эмоции являются непременным атрибутом этого уровня развития. Так или не так?

- Ну, так...

- Отлично! Теперь пара слов о подобии и различии между создателем и его творением. В некой занимательной книжечке – не станем вдаваться в подробности, кто именно написал её и зачем, – сказано, что, цитирую на память, «...сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему»...»

- Дурашка ты, Библия ещё не написана! – усмехнулся Полифем. – Не путай хронопластов, иначе проблем не оберёшься... Если ты выскажешь подобное в присутствии Крона, который, кстати, в скором времени появится на Земле с инспекцией, я тебе не позавидую! Да и никто не позавидует, честно говоря... Крон, как тебе известно, пострашнее Посейдона, Аида и Зевса, вместе взятых: некогда они сами были его студентами...

- Я же всего пример привожу! К тому же и до Библии подобных взглядов придерживалась любая религия. Итак, люди – то есть создания – полагают себя богоподобными: по образу, повторюсь, и подобию. С возникновением монотеизма богословие научилось казуистике, а до него – в язычестве – всё обстояло так, что богам – то есть своим создателям – люди приписывали все свои атрибуты, исходя из принципа подобия. И не надо для этого читать Библию, почитай тех же классических эллинов: что ни божество, то неизменно наделённое человеческими достоинствами или пороками! Ну, не абсурдно ли это? Иными словами, создание приписывает своему создателю свойственную себе атрибутику, те же эмоции, скажем...

- Ну, ну, Тритон, ты в ударе! – захлопала в ладоши Фетида. – Продолжай!

- Так вот, вернёмся к нашему случаю. Некогда мы сами были созданы, некогда мы сами были подобны этим эллинам, возникновение которых не за горами... чуть более полумиллиарда лет, не так ли? Но с тех пор, когда прошло неисчислимое время от Начала Вселенных, когда прогресс привёл нас к бессмертию, когда мы овладели временем и сами стали создавать себе подобных – неужели кто-то всерьёз полагает, что эмоции продолжают составлять один из присущих нам атрибутов?!

- Ты прав, - кивнул Полифем.

- Дело как раз обратном: именно потому, что мы – создатели, ничто человеческое нам уже несвойственно! Просто мы прошли этап, который отделяет людей от «богов», вот и всё... Это ни плохо, ни хорошо – просто так есть... Но имеется ещё нюанс, который, собственно, и натолкнул меня на размышления после высказывания Фетиды...

- Что именно? – девушка, сияя глазами, вновь хлопнула в ладоши.

- Чистейшая греческая нимфа, клянусь Посейдоном! – Тритон всплеснул руками и в умилении сложил их на груди, глядя на неё. – Ну, смотри, не заиграйся, потом будешь проходить все мучения курса реабилитации по возвращению в саму себя! Но вот что я хотел сказать... Заметьте, об образе, то есть о предельно точной форме создателя – или создателей – ни в одном из религиозных или нерелигиозных документов во Вселенной не говорится...

- Не поспоришь! – вновь ввернул Полифем.

- Теперь представим такую ситуацию: создатель сотворил нечто себе подобное. По форме... Создание на основании чего-то – чего именно, кстати? явно собственных фантазий! – решило, что его создателю свойственно всё то, что составляет сущность самого создания. Что мы получим в итоге? А то, что в Библии муравьёв написано: «Бог создал муравья по своему образу и подобию!» В Библии барсуков, естественно, будет значиться по аналогии. Равно, как и во всевозможных «священных книгах» кого угодно... И существа начинают считать себя Сыновьями – или Дочерьями – «богов», как уж кому больше нравится...

- И вновь не спеша, дорогой: Христос ещё не явился спасти мир! – хихикнул Полифем.

- Это – детали времени и технологий, дружище! – улыбнулся в ответ Тритон. – Главное в том, что «боги» решили принять на себя навязываемый им своими же творениями образ – и прийти к ним во плоти, если можно так выразиться... И вот к чему весь мой монолог: Фетида столь чудесно изобразила ревность, то есть эмоцию, что позволяет мне говорить о новом парадоксе. В честь нашей красотки я так и назову его – «парадоксом Фетиды». Он заключается в том, что Фетида – один из подобных нам создателей – приняла на себя человеческое обличье – и проявила эмоцию даже не к своему созданию, а ко мне: такому же создателю, как и она сама, так же находящемуся в образе человека! Она знает, что я – это я, а вовсе не мифологический Тритон из пока несуществующего культа; и, тем не менее, её эмоция налицо. О чём это говорит? Во-первых, если она действительно испытала эмоцию, то это несвойственно создателю; во-вторых, если она настолько вошла в роль

прекрасной нимфы и испытала эмоцию ко мне, также находящемуся в ином облики, то это говорит о её извращённом восприятии!

- Почему же – извращённом? – обиделась Фетида. – И в чём, всё-таки, парадокс?

- Сама посуди, милая: если тебе известен мой настоящий облик, то факт твоей эмоции к Тритону прямо наводит на подобные мысли! Я ещё пойму тебя, если твоя эмоция направлена на меня в моей подлинном облики, но...

- Ну, конечно! – Полифем схватился за голову. – Допустим, я создал мир уже упомянутых муравьёв, затем решил пожить среди них под их личиной. Какое-то время спустя среди муравьёв появляется моя коллега Фетида, тоже в облике муравья. Если же она, зная мой настоящий облик, скажет, что ревнует меня, я пойму это. Но если она – подобный мне создатель – станет утверждать, что ревнует в меня в моём муравьином облике, то это и будет извращением!

- А как же Пигмалион и Галатя, создатель и творение? – продолжала отчаянное сопротивление девушка. – Разве их история не опровергает твоего парадокса?

- Ни в малейшей степени! Ты права, твой пример о создателе и его творении, только он никуда не годится: создатель не пришёл к ней под чужой личиной. На твоём примере видно лишь одно: желание указать на силу эмоции и не более...

- Ладно уж вам обоим, - махнул рукой Полифем, - от ваших парадоксов впору с ума сойти! Так какие предложения на вечер?

- Честное слово, коллеги, я готов рискнуть – и слетать ночью на «Тартар», - ответил Тритон.

– Посижу с ребятами, а под утро вернусь в «Посейдонову бездну», никто и не заметит моего отсутствия... Кто-нибудь составит мне компанию?

- Даже не знаю, - Фетида вздохнула. – Слетать, конечно, можно, предложение заманчивое, но если попадёмся – нам однозначная крышка! Даже до прибытия Крона не дотянем: Посейдон немедленно вышвырнет нас из проекта...

- Ну, ладно, я никого не заставляю... Думайте сами...

Несмотря на то, что это был первый обед сотрудников базы «Океан», ничего особенного в меню не было предусмотрено; учёные довольно быстро подкрепились – и вновь разошлись по рабочим местам...

И вновь размеренно потекли миллионы лет, пока созданная профессором Нереем клетка размножилась настолько, что потомки её не только всюю рассекали морские глубины, но уже сделали попытки выхода на сушу, становясь первыми земноводными формами. Полифем радовался, как дитя, найдя наконец применение собственным знаниям в работе как с первыми членистоногими, так и с их потомками. Не скрывала своей радости и Дорида, когда появилась цветковая растительность; теперь ничто не могло оторвать её от любимого занятия: селекции. Неугомонный Тритон, отвечавший за техническое оснащение и отлаженность аппаратуры на «Океане», хоть и не попался ни в свою первую, ни даже в последнюю ночную вылазку к друзьям на «Тартар», продолжал, однако, на совесть следить за своими прямыми обязанностями.

Вскоре на базу прибыло пополнение, состоявшее из специалистов более узких направленностей; «Океан» изначально была запланирована как база, почти втрое превосходящая по размерам «Тартар» и потому готова была принять на борт любое присланное Советом количество новобранцев. Из всей компании можно упомянуть сейсмологов Сциллу и Харибду, а также одновременно биолога и математика профессора Протея. Прибывших разместили в отведённых для каждого апартаментах – и те немедленно включились в общее дело.

Что можно сказать о профессоре Протее? Вряд ли это имя нуждается в особых представлениях: автор многочисленных трудов – в основном, по математике и точным наукам – однако, на сей раз учёный пожелал показать свою гуманитарную сторону; а поскольку биология была его вторым образованием («И призванием!», как гордо говорил о ней сам профессор), то Совет, ничуть не колеблясь, дал Протею зелёный свет. На базе он мгновенно влился в коллектив, с начальством не конфликтовал, трудился за троих – словом,

являлся образцовым учёным и товарищем. Была, пожалуй, единственная деталь, остававшаяся непонятной для большинства его коллег, особенно тех, кто не так давно приступил к работе с профессором – и деталь эта лежала не в плоскости нравственности: описать учёного было довольно проблематично, ибо далеко не каждый из сотрудников мог похвастаться, что знаком с подлинным обликом профессора! Юмором он был наделён в высшей степени искромётным, а о его приключениях и шутках можно написать отдельный отчёт... Что, видимо, и будет сделано впоследствии.

Братья Сцилла и Харибда, как уже было сказано, являлись настоящими профессионалами по вопросам сейсмологии и вулканологии. И тому не стоит удивляться: эти ребята прошли школу самого доктора Гефеста, который школил своих студентов как следует, прививая им бесконечное прилежание к грядущим трудам. Потому, если уж надо было поштурмить, бывшие ученики кузнечных дел мастера могли поспорить с самим профессором Посейдоном. Тем не менее, нрава они были очень доброго, стараясь первыми же прийти на помощь пострадавшим от собственных проделок. Они быстренько познакомились и сдружились с Тритоном, Фетидой, Доридой и Полифемом – и теперь отжигали уже вшестером. Компания, напоминавшая по своему составу весельчаков из «Тартара», возможно, не проводила бессонные ночи за карточными баталиями, тем не менее, находила поводы прикалываться, так сказать, на рабочем месте – без последствий, кстати, для общего дела. Сцилла и Харибда стали первыми, кто нашептал Фетиде мысль дрессировать плезиозавров под классическую музыку; и пусть это не принесло никакой пользы для исследований последней, вымоченной она оказалась с головы до ног.

- Я вам это ещё припомню, ребята! – беззлобно процедила сквозь зубы девушка, касаясь рукой погубленной причёски.

- А мы... это... просто посоветовали! – смущённо отвечал Харибда, отводя взгляд.

- Честно: мы же для науки старались! – оправдывался Сцилла. – Это ведь так интересно: наблюдать, как музыка влияет на бихевиористику динозавров! Мы не предполагали, что эти глупые существа так отреагируют на классику!

- Вы зубы мне не заговаривайте, хорошо? Может, посоветуете дать им послушать что-нибудь другое?

- Хм... А это, пожалуй, идея! – переглядывались проказники, думая лишь о том, как теперь поскорее свалить из лаборатории Фетиды без последствий. – Ну, ты знаешь, мы тут подумаем... прикинем варианты, что может прийтись по душе... по слуху, то есть... этим самым плезиозаврам... Словом, вернёмся к тебе с новым советом!

- Да в гробу я видала... Идите вы к Аиду! – бубнила под нос девушка – и ушла переодеваться во что-нибудь сухое.

Именно они, явившись в лабораторию к Тритону, которую именовали не иначе как «Тритоновы уголья», предложили тому увеселительную прогулку на архелонах.

- Да вы с ума сошли! Не лучше ли на дельфинах? Это безопаснее...

- Не-е-е, на черепахах гораздо круче! К тому же есть реальная возможность не промокнуть...

- Ну, за этим надо идти к Фетиде: дрессировка там и тому подобное...

- Нет! – в один голос восклицали братья, испуганно переглядываясь и вспоминая, как биолог не так давно послала их ко всем древнегреческим чертям.

– Не надо к Фетиде... Только не к ней! – кричал Сцилла.

- Да, незачем её отрывать от дел, у неё сейчас много работы, - добавлял Харибда, переминаясь с ноги на ногу. – Мы недавно навещали её, она была очень занята... Просила по мелочам не беспокоить. Впрочем, мы и сами справимся!

Чтобы долго об этом не распространяться, стоит упомянуть, что Тритон после истории с архелонами не разговаривал с сейсмологами около миллиона лет, хоть этот отрезок Времени – всего лишь мгновение на весах Вечности. Так или иначе, но братьям всё сходило с рук; коллеги понимали, что во всякие истории те влипают не со зла, но исключительно по зашкаливающему у обоих градусу любопытства.

Однако, когда Сцилла и Харибда спровоцировали цунами, Посейдон поднял шторм на весь «Океан».

- Эй, там, в Секторе сейсмологии! – раздавался его голос в радиовещателях общей связи, отчего о преступлении негодников мгновенно узнала вся база. – Вам что, заняться больше нечем? Кто санкционировал ваши фокусы? Приказываю: немедленно вернуть цунами на прежнее место, пока она не натворила бед!

Впрочем, не доверяя сейсмологам – а вдруг те вместо умирения разбушевавшихся вод своими действиями вызовут землетрясение?! – профессор Посейдон лично устранил беспорядок, а провинившихся вызвал на ковёр.

- Это как понимать? – начал он милейшим голосом, интонации которого отбили у братьев охоту к шуткам на ближайшие миллионы лет. – Мне, коллеги, известны и о других ваших проделках, но позволить случиться такому!.. Вас спасает лишь факт того, что на вашу замену потребуется время, да пока ещё Совет найдёт и утвердит её... Честно сказать, я вообще не понимаю, что сейсмологи делают на «Океане»?! Отправляйтесь на «Тартар», где – в компании своего наставника Гефеста – смело можете заниматься подобными сейсмическими художествами!

- Мы же эксперимент ставили! – Сцилла протянул начальнику базы какие-то чертежи. – Вот, прошу вас убедиться лично: всё было под полным контролем!

- Ну-ка, покажите! – Посейдон нацепил очки и разложил бумаги на столе. – Посмотрим...

- Мы уже выяснили, профессор, наше исследование случайно совпало с работами доктора Гефеста, - разводил руками Харибда. – Это их техники не позаботились уведомить «Посейдонову бездну»... простите, базу «Океан», о предстоящей сейсмической активности. И мы оказались без вины виноваты...

- Ну, конечно! Ладно уж, погрешностей в ваших материалах нет, но разве это так тяжело: взять – и скоординировать свою работу со смежной базой? – глаза Посейдона внезапно подобрали. – Одним словом, парни: за исследовательский пыл – хвалю, но в следующий раз без одобрения руководства... – он многообещающе погрозил им кулаком, - чтобы ни-ни!

Однако, если Сцилле, Харибде и прочим сотрудникам базы приходилось иногда придумывать себе занятия, то лишь у одного учёного на сей счёт проблем даже не возникало. Доктор Океан, в ведении которого была вся вода на планете, кропотливо трудился над малейшими деталями вверенного ему дела: исследовал различные водные пласты, рассчитывал скорость таяния ледников и количество выпадения осадков... К работе он относился прилежно, подобной же ответственности неизменно требовал и от ассистировавших ему коллег. Словом, можно было утверждать наверняка: под его пристальным надзором находилась каждая водяная капля.

Поэтому неким днём доктор явился в лабораторию Тритона – и потребовал, чтобы тот немедленно отправился на батискафе в небольшое путешествие.

- Зачем? – резонно осведомился техник, мысленно посылая к Аиду все путешествия на свете – кроме тех, которые он практически еженощно совершал к тому же Аиду, то есть на «Тартар», где в компании таких же весельчаков предавался столь любившимся ему азартным играм.

- Мне необходимо измерить точную температуру в центре каждого водного слоя, равно как и приграничных областей, - доктор придирчиво осмотрел лабораторию, которую владелец, к чести Тритона будет сказано, содержал в образцовом порядке. – Отправляйтесь прямо сейчас, результаты необходимы мне, желательно, до вечера...

- Почему бы вам не отправить вместо меня компьютер, снабжённый необходимой аппаратурой? – попытался увильнуть от лишних забот Тритон. – Я могу вам такой предоставить, у меня их тут с избытком! – и небрежно кивнул в один из углов помещения, заставленного аккуратно сложенными сверкающими ящиками с алюминиевым покрытием.

- Потому, дружище, что мне понадобятся и ваши комментарии, а таковых никакой компьютер, никакой термометр не заменят! Так что поднимайтесь – и за работу.

И техник отправился снаряжать свою экспедицию. Впрочем, нельзя утверждать, что Тритон отправился выполнять задание Океана с неохотой: на базе ему всё равно делать было, по большому счёту, нечего; потому нет разницы – или сидеть в кресле за монитором в своей лаборатории, или сидеть в таком же, но пялиться через иллюминатор батискафа... Возможно, внутренне он даже был благодарен Океану – за внезапно ниспосланное ему, Тритону, спасение от скуки.

Доктор распорядился, чтобы замер температуры водяных пластов производился от дна впадины, где расположилась база; это было логично и экономило время на подъём к поверхности, если Океану пришлось бы в голову начать операцию именно с неё. Тритон направился в смежный с лабораторией сектор, где находился выход с базы – которым, кстати, он пользовался довольно часто, отлучаясь на ночь к друзьям из «Гартара» – в котором располагались исследовательские и прогулочные челноки. «Диона», «Тефида», «Климена», «Эвринома», «Лета», «Персеида», «Электра»... Каждая из машин была сконструирована и опробована им самим, техник очень гордился своими творениями. Однако, лишь теперь Тритон обратил внимание, что почти научные и транспортные суда носят исключительно женские имена. За исключением быстроходного глиссера «Стикс», на чём Тритон и предполагал выполнить задание доктора Океана – и в кабине которого оказался мгновение спустя.

- К бою готов! – сообщил он по каналу прямой связи с доктором. – Я внутри батискафа и уже пристегнул ремни... Можно начинать?

- Секундочку, секундочку... Вот, дьявольщина! – прозвучало в ответ из громкоговорителей. Тритон услышал, как его собеседник шуршит какими-то бумагами и как нечто веское падает со стола. Техник усмехнулся. – Да, можно... Кстати, не подскажете ли, уважаемый коллега, какой из судов вы избрали для выполнения миссии?

- «Стикс», естественно! Такая манёвренность, такая быстроходность!.. «Стикс» – моя гордость, доктор!

Из громкоговорителей раздался громкий вдох, за которым последовал не менее громкий выдох:

- Так я и думал! Только вы, дорогой, не на прогулку отправляетесь! И не на гоночный чемпионат... Извольте пересесть на более тяжёлое и менее подвижное судно.

- Отчего бы, доктор? – изумился Тритон.

- Оттого, что вы не совсем верно представляете себе ситуацию, коллега! Объясняю по пунктам. Во-первых, для замера точной температуры водяного пласта необходимо не только определённое время, но и полная – это уже во-вторых – неподвижность. Если будете находиться на «Стиксе», то вас мгновенно снесёт течением, которое сегодня, могу вам сообщить по секрету, особенно сильное. И чем выше вы будете приближаться к поверхности, тем сильнее оно станет вас швырять. Поэтому мы с вами поступим иначе: во-первых, вы пересядете в батискаф «Тефида», а во-вторых – пристегнёте его металлическим тросом где-нибудь на северном краю базы. Когда тот или иной замер будет произведен, и я внесу полученные показания в отчёт, то смогу автоматически поднять вас до следующего пласта. Благодаря этому никакое течение не повредит нашим исследованиям, пусть хоть сам Посейдон разбушует!

- Я всё слышу! – внезапно раздался в динамиках голос руководителя «Океана».

- Простите, многоуважаемый профессор, я не вас имел в виду! – послышался слегка приглушённый голос доктора. – Не знал, что вы наблюдаете за экспедицией...

- Понимаю. Но ведь должен я знать, чем занимаются мои коллеги! Не беспокойтесь, это была выборочная проверка. Хорошего и продуктивного вам дня! – раздался то ли едва сдерживаемый смех, то ли бульканье – и профессор Посейдон отключился.

На мгновение в динамиках повисла неловкая тишина.

- Как вы думаете, доктор, нас больше не подслушивают? – прошептал Тритон.

- Думаю, что нет, - также шёпотом ответил Океан. – Однако на сто процентов не уверен: к нам вполне можно подключиться через общую связь...

- Вот тебе и на: даже в этой бездне нельзя ни от кого укрыться! – Тритона, как обычно, потянуло на рассуждения. – Однако, бездна – бездне рознь. – Тут его осенило. – А эта бездна – особо необычна! В ней обитает всеслышащий Посейдон! Это – «Посейдонова бездна»!

- Тише! – взмолился из динамиков доктор Океан. – Не поминайте Посейдона всуе, нам же легче!.. Словом, - голос его обрёл нормальную тональность, - перебирайтесь на «Тефиду», закрепляйтесь на северном углу базы – и ждите моих инструкций.

- Почему же именно на «Тефиду», доктор? – Тритон неохотно покинул кресло. – Наверное, потому, что, согласно древнегреческой мифологии, это имя вашей супруги?!

- Не понимаю, Тритон: что это вас сегодня аж с самого утра на лирику потянуло?! – буркнул Океан. – Исполняйте приказ!

- А можно ещё вопросик?

- Задавайте... Если он... не очень личный...

- Ничуть, - техника так и подмывало расхотаться. – Откуда доктор так хорошо разбирается в челноках, которые стоят в моём ангаре?! Откуда ему известны их названия и технические характеристики? Ведь вы – не технарь; зачем вам то, что, помимо меня, вообще вряд ли кому на базе известно?

Послышался вздох:

- Да, я не технарь, вы правы... Но ведь я – Океан! Поэтому считаю своей прямой обязанностью знать всё обо всём, что меня окружает...

Около часа ушло на то, чтобы Тритон успел пересесть на «Тефиду» и, выйдя в океан, прикрепить батискаф к базе при помощи металлического троса. После чего доложил по начальству:

- Доктор, у меня всё в порядке!

- Превосходно! Тогда – начинаем!

Тритон ещё во время крепления батискафа убедился, что доктор Океан не шутил, предупреждая его об особенно сильном сегодняшнем течении. Подумалось: странно, ведь на дне обычно такого не происходит... Неужели Сцилла с Харибдой опять чего-нибудь напортачили?! Или технократичный доктор Гефест вновь занимается своими взрывными экспериментами?! Тритон откинулся в кресле, выжидая команды Океана к началу работы, и произвёл первую голосовую запись:

- Говорит «Тефида», - подумал мгновение, прикинул возможности прослушки со стороны самой Тефиды, – и поправился. – То есть, Тритон. Глубина максимальная, одиннадцать тысяч метров. Температура... м-м-м, произвожу замер... На данный момент – 37,4 градуса по Фаренгейту... Ну, если кто не понял – около трёх градусов по Цельсию... Для особо одарённых и продвинутых в температурных шкалах вообще: это эквивалентно 276,1 градусам по Кельвину; 2,4 градусам по Реомюру; планковская температура, соответственно, равна 1.949e-30 градусам; 497,1 градусам по Ранкину; 0, 99 градусам по Ньютону; 9.075 градусам по Рёмеру; 145, 5 градусам по Делилю...

- Тритон, уважаемый, перестаньте заниматься демагогией! – прервал его голос доктора. – Лучше порадитесь факту того, что являетесь первым сотрудником базы «Океан», вышедшим... э-э-э... так сказать, в открытую воду! Насладитесь этим! Ах, дорогой мой! – у доктора также иногда проявлялась склонность к поэтизации событий. – Вы даже представить себе не можете, когда ещё у этой бездны... хм, бездны... на этом дне будут посетители! Сколько времени и сил отдаст будущее человечество, чтобы оказаться в этом забытом, глубочайшем уголке планеты!

- Ну, скажем, особого секрета в этом нет, - неожиданно раздался из громкоговорителя голос Полифема. – Жак Пикар, Дон Уолш и Джеймс Кэмерон – вот они, герои глубоководья!

- Это кто там хулиганит?! – вновь рявкнул Океан, возвращаясь из не всегда свойственного ему романтического состояния в обычное. – Прошу представиться, назвать свою должность и учёную степень! Что за шутки такие, коллега? Вы мешаете нам заниматься делом!

- Доктор, доктор, ничего страшного, - затараторил Тритон, пытаясь отвлечь Океана на себя.
- Это мой друг, Полифем... Он просто пытается скрасить моё одиночество в этом батискафе, поэтому иногда подкидывает мне информацию к размышлениям...
- Какая информация, какие размышления во время работы, дорогой мой! Перед вами поставлена конкретная цель, а ваш друг засоряет эфир историями, которые ещё не имели места быть!
- Простите, уважаемый доктор, - оправдывался Полифем, - но я, действительно, и в мыслях не имел ничего дурного... Вы сказали об уединении «Посейдоно...»... словом, о заброшенности этого чудесного местечка, а я – честное слово, без злого умысла! – подсоединился к Тритону, чтобы узнать, как проходит экспедиция, что нового, так сказать, за бортом...
- Ладно, коллега, прощаю вас! – доктор Океан сменил гнев на милость. – Полифем, Полифем... Мне знакомо ваше имя, дружище! Вы, случайно, не из цеха ботаников?
- Почти угадали, доктор! Я – энтомолог.
- Ах, вот оно что! Вам, часом не моя супруга преподавала? Факультет общей биологии?
- Да, доктор Океан! Именно она.
- Ну, знай я об этом раньше, так вообще не стал бы на вас сердать! Тефида всегда была о вас столь высокого мнения, что постоянно говорила мне о своём студенте Полифеме, у которого, без сомнения, великолепное научное будущее!.. Вы на «Океане» по рекомендации Совета, не так ли, дружище?
- Нет, меня пригласил в проект сам профессор Посейдон. А Совет удовлетворил его просьбу...
- Уважаемые коллеги, простите, что перебиваю вашу беседу, но мне в голову пришла некая мыслишка, - раздался в эфире голос Тритона. – Пока вы вспоминали о вашем заочном знакомстве, я тут прикинул, что, согласно мифологии, все мы являемся довольно близкими родственниками!
- То есть?
- Ну, судите сами: мы с Полифемом – двоюродные братья по отцу, которым был никто иной, как Посейдон. Вы, доктор Океан, со своей женой – а заодно и сестрой – Тефидой – являетесь родителями тысяч океанид; кроме этого вы – брат Крона, и, следовательно – являетесь Посейдону, Зевсу, Аиду и ещё доброй половине Олимпа самым настоящим дядей!
- О, ужас! – послышался стон Океана. – Эти эллины и Посейдона приплели мне в родню! Да ещё и вы с Полифемом – двоюродные братья! Получается, что я – ваш двоюродный дедушка?! О боги, боги!.. Ну и база у нас, скажу я вам! Не научный комплекс, а просто какой-то семейный подряд!
- Успокойтесь, милейший доктор! – попытался утешить его Тритон. – На «Олимпе», когда эта база прибудет на землю, вообще будет такой родственник замес, такая свистопляска брачных и внебрачных отношений, что у нас – на «Океане», и даже в «Тартаре»! – ещё довольно терпимо! Я и сам просто поражаюсь мифологии – и не только древнегреческой!
- Да уж, вы можете подать глоток воды умирающему! – усмехнулся из динамиков доктор Океан. – Глоток воды... воды... – он будто уловил из собственных слов только одно. – Кстати, о воде... то есть, о деле... Ладно, повеселились – пора бы вернуться к работе... Тритончик, дорогой мой внучек, я должен ненадолго отлучиться, поэтому будьте любезны потрудиться без моего надзора! А вы, Полифемчик, также мой ещё один дорогой внучек, уж постарайтесь особо не отвлекать своего двоюродного братика! В противном случае ваш любимый двоюродный дедушка напишет чудесные рапорты на имя своего замечательного племянничка Посейдончика и даже родного братика Крончика, чтобы те выперли вас отсюда на все четыре стороны без права допуска к преподаванию и сотворению!
- Скрип кресла и жужжание пневматической двери в динамиках давало понять, что доктор Океан покинул свой кабинет.

- Ну, ты и загнул! – с восхищением вырвалось у Полифема. – Я-то думал, что Океан меня просто похоронит за помехи в прямом эфире... А ты как стал шпарить ему, прямо как по книге, про его родственные связи... Откуда такие познания, Тритон?

- По книге, говоришь... Ну, почти... Открою тебе тайну, Полифем: есть у меня старая добрая знакомая – возможно, ты уже слышал о ней – по имени Афина. Так вот, по образованию она – историк, причём высочайшего класса! Она-то и давала мне уроки...

- Хм, слышать доводилось... Не она ли прибудет на Землю вместе с «Олимпом»?

- Именно!

Так, за дружеской болтовнёй, – которая, впрочем, не мешала заниматься делами, – коллеги провели около часа. Вернувшийся Океан, убедившись, что «внук» его трудится на загляденье, даже не стал запрещать ему общение с Полифемом; только сверился с данными, полученными Тритоном – и поднял батискаф на следующий водный уровень...

Работа спорилась. Техник снимал показания приборов, доктор – лишь успевал манипулировать клавиатурой компьютера. Излишне говорить, что диалог исследователей теперь стал гораздо более дружеским, раскрепощённым – и не носил уже тех ноток официальности и негласной субординации, которая предписывалась Инструкцией. Тритон проникся глубоким уважением к сотруднику с академическим образованием, который продемонстрировал блестящие познания и живой интерес к техническим устройствам, а Океан был безмерно благодарен юному коллеге – вернее, обоим коллегам – за шутку, которая пришлась весьма кстати... Во время работы они настолько увлеклись воспоминаниями, предположениями и чем угодно, что даже вовремя не заметили опасности, ставившей под угрозу задуманную миссию.

- Доктор, - внезапно прервал свою речь Тритон, отрывая взгляд от монитора и переводя его на иллюминатор. – Доктор, тут что-то есть!

- Кто есть? Где есть? – не понял его Океан.

- Да вот тут, прямо за моим батискафом!

- Не понимаю вас, дружище... Что там у вас происходит?

- Сейчас уточню...

Оказалось, что вокруг батискафа кружит огромное и довольно страшное на вид существо; время от времени оно проплывало прямо перед носом Тритона, глядя на него свирепыми глазами... А мгновением спустя – кинулось в атаку на металлическую конструкцию.

- Эй, доктор, у меня крупные неприятности! – завопил техник не своим голосом. – Какая-то огромная дрянь атакует моё подводное убежище!

- Что за дрянь, Тритон?

- Не знаю!

- Опишите её!

- Вот что, дорогой доктор, описывайте сами, что хотите, а меня попрошу как можно скорее отсюда вытащить! «Опишите её»... Ну, огромная тварь – метров двадцать или более того, два плавника – грудные, один – спинной; от движения её хвоста мой батискаф швыряет из стороны в сторону...

- Дайте изображение этого чудища на экран, свяжусь с женой – пусть определит, что это за животное...

- Да какая разница, что это?! Ещё совсем немного – и это, простите, животное, вскроет дверь в батискаф и войдёт ко мне в гости! И жену не надо беспокоить, лучше свяжитесь с нашей Фетидой, она должна определить эту зверушку...

- Понял вас, Тритон! Держитесь, друг мой! Начинаю операцию по спасению! – хоть Океан и пытался острить, однако крайне переживал за коллегу, попавшего в критическую ситуацию.

Тем временем неведомый подводный исполин не прекращал попыток добраться до перепуганного техника. Он ударялся мордой с оскаленной пастью о стены весьма ненадёжного прибежища; задевал батискаф плавниками и хвостом, отчего тот просто ходил ходуном на не рассчитанном для подобных аттракционов тресе. Внутри помещения царил

полнейший кавардак: рабочий стол оператора давно валялся на полу вверх ножками – как и всё то, что совсем недавно находилось на нем; кресло, монитор и прочие, более лёгкие предметы, после каждого удара чудовища приходили в движение – и начинали летать в пространстве вместе с самим Тритоном. Положение становилось безвыходным.

Конечно, подобного эксцесса никто не ожидал, потому Океан немедленно – и в первую очередь – доложил о происшествии Посейдону. Тот, как разумный руководитель, не стал оповещать о случившемся всю базу, чтобы не сеять панику среди коллег, однако тут же по громкой связи распорядился собраться группе определённых лиц – и без промедления проследовать в кабинет доктора Океана. Именно там Посейдон и устроил штаб по спасению сотрудника.

Конечно, можно было расстрелять чудовище из любого – кроме, естественно, электрического – оружия, однако был риск попасть в батискаф, а это было смертельным для Тритона. Потому небольшой консилиум, в который, помимо Посейдона и Океана, входили Дорида, Полифем, Нерей, Фетида и ещё несколько доверенных коллег, сходу отверг подобное предложение. Были обдуманы и другие варианты (отвлечь внимание хищника на быстроходном «Стиксе» или создать его собственную голограмму для устрашения, но это требовало времени), однако из всех был выбран вернейший: попытаться втащить батискаф через входной шлюз. Только решение было принято, доктор Океан связался с Тритоном:

- Тритон, дорогой, как там обстановка?

- Знаете, доктор, самая что ни есть замечательная! Правда, слегка трясёт... А ещё меня пытаются сожрать!

- Слушайте, коллега! – в небольшом помещении зазвучал голос Посейдона. – Мы вас обязательно вытащим! Начинаем втягивать вашу крепость – которая, несомненно, выдержит зубы этого монстра – через входной шлюз...

- ...то есть, - добавил Океан, - вы закончите своё путешествие там же, где и начали.

- Хорошо бы! – техник, казалось, стал успокаиваться; столь явно слышимое в его голосе ранее волнение прошло. – Однако советую вам поспешить! Вы хоть определили эту тварь? Не теряйте драгоценного времени, пока она не оборвала все камеры внешнего наблюдения!

- Фетида, милая, подойдите к монитору! – Посейдон пригласил девушку не только голосом, но и движением руки, даже уступил ей место за столом.

Фетида уселась в кресло и принялась выедать взглядом экран; Дорида стала у неё за спиной:

- Ну, что скажешь?

- То и скажу, господа: без малейшей погрешности в определении, это – мегалодон!

- Вот те раз! И что нам это даёт?

- Ну, меня попросили определить животное – я это сделала...

- Ладно, ладно, коллеги, в сторону разговоры! – Посейдон глянул на часы. – Тритон, мы начинаем втягивать вас в шлюзовую отсек. Судя по времени, вы окажетесь среди нас минут через десять, лебёдка работает на полную мощность. Полифем присмотрит за техникой. «Океан» будет находиться с вами на постоянной связи.

Работа кипела. Тритон, чувствуя, что его спасительная капсула стремительно пошла вниз, обрадовано выдохнул. Поминутно глядя на часы, он уже предвкушал и тёплую встречу, и поздравления коллег за проявленное мужество, и – вполне возможно – поощрение от самого начальства в виде пары дней отдыха... Несмотря на продолжающиеся удары о батискаф расвирепевшего мегалодона – ведь так, кажется, назвала этого пришельца Фетида? – к нему вернулось ощущение определённой безопасности. Минута медленно текла за минутой, тем не менее мысли Тритона больше не прыгали в голове, как кресло – по помещению.

Впрочем, не только узник батискафа почувствовал движение своего убежища, это почувствовал и атакующий его хищник. Увидев, что вожацкая цель уходит прямо у него из-под носа, мегалодон сперва опешил и потому прекратил нападение, но осознав, что, дав ей уйти, он попросту лишится добычи, вернулся к прерванному занятию. Его зубы скрежетали по металлу, чего не могли заглушить ни стенки батискафа, ни толща воды; он

носился вокруг незнакомого, но никак не сопротивляющегося противника, ударяя его плавниками и хвостом...

Внезапно чудовище сделало резкий поворот, оказалось под днищем батискафа – и в несколько движений своих огромных челюстей перекусило удерживающий его трос. Именно в это время спасатели и сам спасаемый практически праздновали завершение операции: двери шлюза стали потихоньку расходиться, намереваясь принять батискаф с его драгоценным содержимым. И тут случилось то, чего просто не могло случиться при иных обстоятельствах: вместо того, чтобы плавно опуститься в шлюзовой отсек, батискаф, к огромному удивлению всех наблюдавших за ним, рванул вверх! Внезапный старт его был столь неожиданным, что в результате мегалодон потерял свою цель; он засуетился возле шлюза, сделал несколько попыток нырнуть под базу, но на этом всё и закончилось. Бесцельно покружившись возле сияющих иллюминаторов «Океана», чудовище, ткнувшись пару раз носом в металл для проверки его на прочность, решило забыть о внезапно исчезнувшем противнике – и отправилось на поиски новой добычи.

Что же произошло с батискафом, почему он повёл себя столь необычно, нарушая все законы тяготения?! Тем не менее, ничего удивительного в этом не было: хоть Тритон, согласно просьбе доктора Океана, и перебрался на более тяжёлую «Гефиду», вес её оказался всё же недостаточно внушительным; кроме того, технику пришла в голову мысль добавить в специальные боковые резервуары водорода для экстренного всплытия, отчего случившееся мгновенно лишалось ореола тайны.

Таким образом, благодаря лёгкости «Гефиды», Тритон, избавившись от назойливого монстра, довольно быстро возносился к поверхности океана. Батискаф обладал известной устойчивостью, которая позволяла ему находиться в фиксированном положении; техник же, когда удивление его прошло, вернул кресло на место и сел за компьютер.

- «Океан»! Вы меня слышите?

Ответом ему была тишина.

- «Океан»! Что случилось? Вы там не пострадали от мегалодона?!

- Мы ценим ваш юмор, Тритон! – откуда-то издали донёсся голос Посейдона. – И понимаем, что с вами случилось на этот раз... Вот только позвольте спросить вас, куда же вы теперь направляетесь?

- Ну, судя по всему, к поверхности океана... – Тритон глянул в иллюминатор. – Как же это замечательно...

- Что замечательно?

- То, что вместе с тросом не обрывается связь! Не то остался бы я там, наверху, один-одинёшенек...

- Ладно, всем отдыхать, - обратился профессор Посейдон к собравшемуся консилиуму. – Вам, Тритон, тоже...

- Простите, уважаемый профессор, а как же я? – вновь донеслось из громкоговорителя. – Что мне делать теперь?

- Как это – что?! Жить, дорогой мой! Жить и наслаждаться жизнью... Ведь вы спасены? Спасены. Следовательно, операция по спасению вашему закончена – прошу заметить, закончена весьма успешно. Потому всем нам следует отдохнуть и набраться сил для завтрашних трудов...

Тритон, лишившись видеосвязи, не мог знать, что профессор всего лишь прикалывается над ним после тяжёлого дня. Собравшиеся вокруг Посейдона коллеги едва сдерживали смех, чтобы не выдать себя. Пока опешивший техник оценивал ситуацию, в которой оказался, профессор едва слышным шёпотом дал указания доктору Океану, чтобы тот распорядился выслать за Тритоном спасательный глиссер. Таким образом, вопрос о возвращении Тритона на базу решался минут за тридцать.

- Что ж, дружище, - Посейдон вновь вернул внимание на заточённого посреди вод коллегу. – У меня появились важные дела, потому я покидаю вас... Свяжемся позже... Пойдёмте,

коллеги! – и он неторопливо покинул кабинет Океана в сопровождении Нерея и ещё нескольких учёных, участвовавших в операции по спасению несчастного.

В кабинете остались только ближайшие друзья Тритона: Океан, Дорида, Фетида, и Полифем. С согласия доктора Океана, Полифем, выйдя из кабинета, по закреплённому на правом плече прибору индивидуальной связи, вызвал Сциллу и Харибду, чтобы те также явились – подшутить над уже не знавшим, что и думать, Тритоном. Мгновенно уловив ситуацию по краткому рассказу Полифема, братья с хохотом принесли в докторский кабинет – и присоединились к остальным.

- Эй, там! – снова донёсся из динамиков одновременно уставший и обеспокоенный голос Тритона. – Вы про меня не забыли? У вас, кстати, скоро ужин... А я ужасно голоден, да и переживания последнего часа весьма сказываются на моём аппетите...

- Да нет, отчего бы? – ответила Дорида, хитренько переглядываясь с остальными. – Мы прекрасно помним о твоём существовании, дорогой Тритон! Вот только есть маленькая накладка: Посейдон не оставил никаких распоряжений на твой счёт.

- Как это – не оставил?! – воскликнул техник. – Мне, что – жить теперь посреди океана?! В этом батискафе, да ещё с таким чудесным названием?!

- Ну, если тебе пришлось бы жить в «Стиксе», название определённо приняло бы несомненно угрожающую твоему бытию форму...

- Ладно, друзья, хватит валять дурака! Я уже начинаю скучать... И хочу поужинать.

- Понимаешь ли, твоё вторичное спасение представляется крайне накладным делом, - вмешался Полифем. – Пока мы снарядим судно, пока достигнем поверхности...

- Тем более, пока Посейдон подпишет приказ о твоём спасении, а делать он этого, по-видимому, в скором времени не собирается, - ввернул Сцилла.

- Не собирается! – эхом вторил ему брат.

- Как?! И вы здесь, други мои лучшие! – удивился Тритон, мгновенно признав обладателей до боли знакомых ему голосов. – Вот тебе и на! Вас тоже принесло посмотреть на шоу? Вернее, послушать его трансляцию в прямом эфире...

- Не грусти, Тритончик! – утешал уже не знавшего, что и думать, коллегу Харибда. – Как назло, сейчас у нас очень много работы, Посейдон заедает... ну, ты ведь в курсе!

- Верь ему, Посейдонова бездна просто поглощает нас! – поддакнул брату Сцилла, потирая руки.

- Хорошо, я вам сочувствую! Однако, ребята, если это шутка, то она достаточно затянулась, чтобы начать как следует надоедать мне! Делайте же хоть что-нибудь!

- Почему бы тебе не попросить помощи у «Олимпа»? – Полифем «предложил» первое, что пришло ему в голову. – Они-то – на берегу, поэтому гораздо ближе нас!

- У «Олимпа»?.. – Тритон издал звук, похожий на мычание. – Что ж, это, пожалуй, мысль...

– После самим же произнесённых слов память вернулась к нему, пальцы непроизвольно сжались в кулаки. – Эй, стойте! У какого ещё «Олимпа»?! Ведь его ещё нет на Земле!

- Ну так подожди немного, он очень скоро появится... Подумаешь, каких-то три несчастных миллиона лет. Заодно и мегалодоны вскоре вымрут, спасти тебя будет одно удовольствие!

- А кормить мы тебя будем строго по расписанию, клянусь! – потешался Полифем. – В соответствии с приёмом пищи на «Океане», к тебе будет всплывать пластиковая коробочка с завтраками, обедами и ужинами.

- Видишь, мы тебя не забыли, помним и заботимся! – ввернула Фетида. – Впрочем, если тебе не по нраву подобное расписание, то можешь питаться солнечной или воздушной энергией... по старинке, если тебе так привычнее!

- Обалдеть, честное слово! – только и смог выдать Тритон. Тем не менее, уже давно по тону друзей заподозривший подвох, техник решил отплатить им той же монетой. – Ладно, прикалывайтесь, сколько влезет... Вот только хорошенько подумайте над тем, кто будет обслуживать базу? Ведь на мне – полное техническое обеспечение «Океана»? Как вы без меня справитесь?

- Ну, пригласим Гидру из «Тартара», - недолго думая, ответила Фетида. – Ей к нам, кстати, добираться гораздо ближе, нежели тебе!

- Тритон, дорогой коллега, не обращайте внимание на эти невинные шутки! – доктор Океан, видимо, решил положить им конец. – Не сомневайтесь, вы окажетесь на базе не более, чем через четверть часа... Кстати, ещё успеете поужинать в нашей компании. Хочу выразить вам персональную благодарность за проделанную работу, равно и за смелость, при выполнении этой работы проявленную!

- Спасибо, доктор! – было слышно, как Тритон несколько раз устало хлопнул в ладоши. – Служу Науке!

- У меня к вам вопрос, дружище, - продолжал тем временем доктор Океан. – Пока ваши друзья насмеялись над вами и положением, в котором вы оказались, я вёл учёт запасам пресной и солёной воды. В планетарном масштабе... Всё, ступайте отсюда, коллеги, не мешайте нам работать! – в Океане вновь проснулся учёный, решающий проблему, поэтому он, повернувшись к друзьям вполборота, попросил их покинуть помещение. Весельчаки, пожав плечами, тихо вышли из кабинета. – Не сохранилась ли у вас резервная копия последних данных?

- Вернусь на базу, обязательно поищу, - больше Тритон не медлил с ответами. – Хотя, честно говоря, об этом неплохо бы спросить Аскалафа: он вёл учёт ледяным метеоритам, падавшим на планету в то или иное время... Ну и, конечно же, у самого Гефеста: благодаря его работам из магмы, как вам известно, выделилось немалое количество тяжёлого водорода, который, выходя на поверхность, принимал жидкую форму...

- Простите, что прерываю вас, господа, - внезапно, как гром с небес, раздался голос профессора Посейдона. – Имею сообщить вам, особенно это касается коллеги Тритона, что глоссер заберёт вас на борт в течение трёх минут.

- А как же моя «Тифида»? – спохватился техник, беспокоясь за собственное творение. – Её необходимо вернуть в «Посейдоно...»...

- Не волнуйтесь, батискаф возьмут на буксир...

- Ну почему? – ломая руки, воскликнул доктор Океан. – Почему всякое существо на этой планете именует нашу базу «Посейдоновой бездной», а не «Океаном», как она значится в официальных документах?!

- На это я могу ответить вам лишь одно, дорогой доктор: с течением времени всякий культ вытесняет себе предшествующий...

- О боги, боги! – продолжал стелать Океан.

- Ещё раз простите, доктор, но я вынужден отключить вас! – Тритон услышал лёгкий щелчок – и вопли Океана перестали беспокоить его и без того уставшие уши.

- Профессор, я вижу спасательный глоссер невооружённым глазом! – воскликнул он, прильнув к иллюминатору.

- Отлично, Тритон! Добро пожаловать на борт!

За ужином – и не только во время его – посвящённые в тайну аварии Тритона всю обсуждали это происшествие. Друзья уселись за одним столиком, чтобы не давать другим повода случайно подслушать их беседу – и беззлобно потешались над техником...

А время шло... Иногда оно возвращалось, иногда – замирало; сколь же просто быть вне его, когда умеешь им управлять, когда являешься его повелителем! Совсем немного оставалось до возникновения человека, до его развития в человека разумного... Всё, всё на этой планете было создано для него, равно как и сама планета. Эксперимент бессмертных входил в свою завершающую фазу.

Профессор Протей с доктором Океаном занимались обустройством будущего Юкатанского течения, столь необходимого для возникновения впоследствии Гольфстрима. Ассистировали учёным братья Сцилла и Харибда. И всё было чудесно, работа спорилась, пока руководство не распорядилось слегка изменить направление течения, чтобы в далёком будущем не вызвать катастрофы, связанной с глобальным планетарным потеплением. Коллеги собрались на планёрку.

- Итак, господа, ваше мнение? – поинтересовался профессор Протей у остальных. – Доктор, вы, несомненно, наиболее компетентны в данном вопросе... Каким образом можно решить проблему, направив течение в нужное нам, так сказать, русло? Ведь вода, как известно – исключительно ваша стихия?

- Ну, возможно несколько вариантов, - уклончиво ответил Океан, пожимая плечами. – Например, можно организовать вулканическое извержение, чтобы слегка сместить континентальные платформы... Или устроить землетрясение, что, в принципе, даст аналогичный конечный результат...

- Тогда в чём же дело?! Приступаем к работе – и точка! У нас в команде как раз пара чудесных специалистов-сейсмологов! – Протей указал глазами на мирно дремавших за столом Сциллу и Харибду. В связи упоминания их имён с предстоящей операцией, братья мгновенно проснулись.

- Протестую! – однозначно заявил Сцилла, слегка подскочив на стуле. – Я – не Гидра, у меня всего одна голова! И моё единственное желание – никогда не расставаться с нею!

- Боюсь, нам потребуется санкция, - Харибда, как и полагается брату, понял Сциллу с полуслова. – Позвольте вам напомнить, уважаемые, чем закончился наш последний эксперимент с цунами: скандалом на высшем уровне. Профессор Посейдон лично вставил нам по такому фитилю, что моё вам почтение! Посему прошу не обижаться на отказ, но без письменного разрешения начальства мы со Сциллой даже палец о палец не ударим.

- Верно, не то вновь попадёт нам ни за что! – Харибда заговорщически глянул на собеседников за столом. – Можно решить вопрос несколько иначе: например, вы даёте запрос на «Тартар», чтобы доктор Гефест устроил вам небольшое землетрясение – его-то Посейдон не накажет, а профессору вообще Аиду плевать на выходки своего любимчика!

- Точно! Или, при другом раскладе, мы требуем от вас предъявления санкции начальства, где будет чёрным по белому сказано, что сейсмологи Сцилла и Харибда привлекаются к такому и такому тектоническому проекту согласно своей специальности...

- Это разумное требование, - почесал затылок Протей и глянул на Океана. – Что скажете, коллега? Не сделать ли запрос к Посейдону? Знаете ведь, как он относится к своим подписям... Если не испросить его факсимиле на резолюции, действительно можно влипнуть... А Гольфстрим тем временем потечёт туда, куда не надо...

- Да, это следует сделать обязательно! – кивнул, соглашаясь с ним, доктор Океан. – А если он откажет, так один звоночек Гефесту – и дело в шляпе!

- Я всё слышу! – прогремел в помещении голос профессора Посейдона, что, откровенно говоря, было довольно ожидаемо; никто из присутствующих в кабинете даже не вздрогнул. – Что там у вас с этим будущим Гольфстримом? Обрисуйте мне, пожалуйста, всю ситуацию в подробностях...

Пока профессор Протей и доктор Океан, перебивая друг друга, посвящали руководителя базы в тонкости собственной затеи, братья-сейсмологи вернулись к прерванной дрёме: планёрка рисковала затянуться на неопределённое время...

Тритон, ещё долгое время считавший себя несправедливо осмеянным, в основном, пропадал в своей лаборатории: работы было по горло, к тому же на носу было торжественное открытие новой и последней базы на Земле – «Олимп». Много времени отнимал у техника присмотр за аппаратурой, которая – по какому-то непонятному стечению обстоятельств – выходила из строя всё чаще и чаще: то перепады температуры, то – давления, то – электричества... Тритон ломал голову над этой неразрешимой загадкой, но так и не находил ответа на вопрос, в чём именно кроется причина подобных сбоев. Впрочем, диагностика приборов однозначно указывала ему на утечку ресурсов базы, на стороннее их потребление, только вот кто мог этим заниматься?! Несомненно, этим «кем-то» мог быть лишь некто из его коллег, однако отследить, куда непосредственно уплывают ресурсы – то есть, в какую из лабораторий, или секторов, или блоков «Океана» – даже столь умудрённый технарь, каким являлся Тритон, явно был не в состоянии. Если всё было так, как он предполагал, то расхитителем общественной собственности был необыкновенно

продвинутый специалист: он так ловко запутывал следы своего вторжения в общую базу энергетических данных, что сам дока Тритон диву давался, как подобное возможно вообще. Сообщать о собственных подозрениях выше он не спешил: если некто действительно, равно как и незаконно, использует энергию базы для личных нужд, то Посейдон, несомненно, узнав о столь вопиющем нарушении общественного порядка, сперва-наперво наклеит как следует самому Тритону, раз тот ухитрился прохлопать врага в собственном доме (о частичной ответственности в такой ситуации самого техника говорил, кстати, и 186.2 подпункт «Инструкции»); с другой стороны, Тритон, у которого от подобных мыслей мгновенно развивалась паранойя, бесконечно опасался, что автором успешного проекта расхищения ресурсов мог оказаться и сам Посейдон, решивший, скажем, устроить своему персоналу проверку на бдительность – ибо кто, кроме него, столь хорошо знает базу – и даже неплохо разбирается в её технической части?! На всякий случай техник ограничился тем, что постоянно снимал показания компьютеров, практически ежедневно докладывающих ему об утечках энергоресурсов. Если случившееся окажется-таки делом рук Посейдона, то Тритону будет, что предъявить ему: вот, дескать, утечку заметил, вёл учёт, шёл по следу, собираясь накрыть преступника в самый ответственный момент... Словом, от наплыва противоречивых мыслей и чувств у Тритона начинала раскалываться головушка – и он едва дождался ночи, чтобы хоть ненадолго отвлечься от мучивших его проблем в компании картёжников с «Тартара».

В конце концов, эта таинственная история, как ни странно, разрешилась сама по себе – и мучимому загадкой Тритону для этого не пришлось даже пальцем шевельнуть. Неким днём, а точнее сказать – вечером, когда техник уже покинул лабораторию, в его кабинку кто-то постучался. Раньше такого не было, ибо все его друзья были превосходно осведомлены насчёт того, что в такое время их любимый бог морских глубин на предстоящую ночь переселяется в Аид. Удивлённый Тритон скомандовал дверям открыться – и пригласил пришедшего входить.

Мгновением спустя удивление его выросло двукратно, поскольку на пороге оказался не один «пришедший», а целых две: Дорида и Фетида. Они несмело мялись на месте, постоянно поглядывая друг на друга.

- О-па-па! – только и вымолвил хозяин помещения. – Вот это номер! Что случилось, милые мои? Меня так и разбирает любопытство...

- Ты, это... не подумай ничего такого, - Фетида так нежно и соблазнительно произнесла свои слова, что, будь на месте Тритона обыкновенный мужчина, ему подумалось бы именно о чём-нибудь «таком».

- Да, - вторила ей Дорида, первая переступая порог комнатки, – мы пришли к тебе по делу, Тритон! По очень важному, не терпящему никаких отлагательств, делу!

- Прошу садиться! – техник хозяйским жестом указал девушкам на кресла. – Выпить чего-нибудь хотите?

- Нет, давай сначала по существу, - вновь промурлыкала блондиночка Фетида, садясь и расстёгивая молнию комбинезона.

- Вот так, сразу?!

- Глупец, ты не понял! – Дорида не стала присаживаться, вместо того прошлась по помещению. – Мы пришли к тебе, чтобы кое в чём признаться...

- Дорида, Фетида! Милые мои, вы обе не поверите, как я жду этого мгновения! – Тритон откинулся в кресле. – Что привело вас ко мне? Бессонница? Решили составить мне компанию для вылазки на «Тартар»? Смело. Хвалю!

- Не валяй дурака. Лучше скажи, не замечал ли ты в последнее время утечки энергии?

- Чего-о-о?

- Спрошу иначе, для особо бестолковых: не фиксировали ли твои приборы чрезмерного потребления ресурсов? Например, в течение последних нескольких дней?

От её слов техника бросило одновременно в жар и холод: откуда об этом известно его столь поздним посетительницам?! «Неужели Посейдонова проверка?» – мелькнуло в голове. Нет,

поразмыслив, он отбросил собственное предположение: начальство на такие ухищрения не пойдёт, фантазии не хватит...

- Ну же, говорите! Я вас внимательно слушаю, - произнёс он, внутренне изнывая от нетерпения проникнуть в тайну. И уклончиво добавил. – Честно сказать, кое-какие перебои я отметил, но решил, что это излишествует какая-нибудь лаборатория... Словом, списал ресурсы в убыток. Бывает и такое...

- Так вот, Тритон, это были мы с Фетидой!

- Чего-о-о?! – повторился техник, вскакивая на ноги. – Да как вы могли такое повернуть?! И ещё вопрос: зачем?! Нет, мои чудесные, вы меня просто разыгрываете! Подобное вам просто не под силу!

- А вот мы взяли – и провернули! – не без гордости воскликнула Фетида. – Зачем – тоже вопрос хороший, отнюдь не лишённый значения...

- Стоп, стоп! Давайте уж с этого места поподробнее. Итак, вы занимались хищением энергоресурсов, так? На кой вам это понадобилось?

- Слушай, Тритон, пусть то, что я тебе скажу, будет нашей маленькой тайной! Если ты поднимешь эту тему где-нибудь, помимо собственной спальни, то я обязательно отрекусь от ныне сказанного... Ты в курсе, чем мы с Фетидой занимаемся в лабораториях профессора Неря и доктора Океана последнее время?

- Нечестный вопрос, дорогая! А вы в курсе, чем в последнее время занимаюсь я – в своей лаборатории, технической?

- Конечно! Снимаешь показания компьютеров – и ломаешь голову над несанкционированной утечкой энергии! – хихикнула Фетида.

- Ну-ну... – только и нашлось у Тритона, тем более, что сказанное биологом было сущей правдой.

- Послушай, мы не ссориться с тобой пришли, а признаться в проступке! – Дорида поправила свои длинные, прелестные чёрные волосы. – Профессор и доктор дали нам срочное задание: произвести как можно больше – не буду вдаваться в названия и подробности – мальков и эмбрионов...

- Ну, вы же nereиды и океаниды, вам это даже очень к лицу!

- Не перебивай. На днях их следует выпустить в океан для увеличения популяции. У нас же с Фетидой, – она глянула на подругу, - не совсем хватило времени на выполнение этого поручения... Словом, нам ничего не оставалось, как прибегнуть к нелегальному клонированию.

- Чего-о-о?! – уже в третий раз не сдержался Тритон. – Да вы совсем спятили! Это же уголовщина в чистом виде! Ну, молитесь, прекрасные девы – вы влипли по самое не балуй! Меня так и подмывает хоть прямо сейчас связаться с Фемидой – а она непревзойдённый знаток права – и напрямую поинтересоваться, какая статья вам светит и на какой срок... А если серьёзно, так одного не пойму: с каких это пор клонирование стало нелегальным?!

- В том-то и дело, Тритон! Этот акт творения сам по себе нелегальным не является, но приобретает, согласно «Инструкции», довольно зловещую окраску в том случае, если проводится в новых, с нуля создаваемых мирах, понимаешь? – Дорида вновь поправила волосы, что явно служило у неё знаком беспокойства.

- Мы всё рассчитали, Тритон, сам профессор и доктор не обнаружат никаких внешних различий; да и на популяции это никак не отразится, никаких негативных последствий не будет... Генетика у клонов очень слабая, через миллион-другой лет их естественный отбор прихлопнет, - вдруг запричитала Фетида, - только не выкладывай последних энергетических показаний в отчётности! Как-то не хочется покидать этот милый проект – и возвращаться на факультет!..

Техник поочередно посмотрел на подруг – и задумчиво стал прохаживаться по комнатке. Ему одновременно хотелось смеяться и плакать. Девушки пристально наблюдали за его действиями.

- Но, Аид меня побери, как?! – память неожиданно подкинула ему самый болезненный из вопросов, связанных со всей этой историей. – Как вам удалось столь успешно заметить следы?! Я понимаю, что можно перенаправить потребление энергии из любой лаборатории на любой блок, а затем пустить данные по кругу; я понимаю, что можно замкнуть цепь, состоящую из поставщика и потребителя, вывернув наизнанку использованное на это время... но даже в таком случае хоть какой-то след останется! Но вы, красавицы?! Как у вас получилось то, что в состоянии совершить далеко не каждый технарь?!

- Можно присесть к компьютеру? – Фетида улыбнулась – Я тебе кое-что покажу...

Тритон подошёл к ней и молча стал за спиной. Девушка забегала пальчиками по клавиатуре, бормоча что-то себе под нос; и, судя по тому, как постепенно округлялись глаза техника, на экране монитора проявлялось нечто весьма интересное.

- Ты не пробовал вот такой трюк? – она развернула экран к Тритону, чтобы тому лучше было видно.

Тот взгляделся – и тоже протянул руку к панели:

- А если вот так? – и набрал на клавиатуре длиннейшую комбинацию.

Девушка вновь улыбнулась:

- А я – вот так! – и мгновенно отстрочила комбинацию вдвое длиннее.

Тритон вдруг осознал, что ничего не видит. Вернее, видит только потолок. «Понятно, – мысленно успокаивал он сам себя. – Такое бывает лишь тогда, когда глаза вылезают на лоб...Надо, однако, прийти в себя!»

- Слушай, красавица, – произнёс он тогда, когда глаза его вернулись на прежнее место; естественно, первое, на что они обратили внимание, была девушка – сидевшая за его компьютером с лукавой улыбочкой на губах. – Откуда такие глубокие технические познания?! Чтоб мне провалиться, но на этой базе постоянно натыкаешься на чудеса: то доктор аквалогии показывает недюжинную осведомлённость в конструкциях подводного передвижения, то обыкновенная биологичка со сложенными бантиком губками запросто взламывает сложнейшую программу слежения – и откуда вас таких набрали?!

- Знаешь, специально техникой я никогда не интересовалась, просто у меня были великолепные учителя, – ответила Фетида.

- Интересно, где? На факультете общей крабологии? Я, конечно, хорош, сам что угодно взломаю и кого угодно запутаю, но ты... Кто тебя обучил таким мудрёным штучкам, дорогая? Не Гидра же, правда?

- Ну, если ты не позабыл своих сокурсников, то была там пара ребят... Фобос и Деймос. Помнишь таких?

- Фобос?! Деймос?! – Тритон почувствовал, что глаза его вновь упорно разыскивают прежний путь – из глазниц на лоб. – Ты знаешь их?! Да это самая лучшая команда, которую я только видел! Они вытворяли такие вещи, что многим техникам и во сне не приснится! Фобос и Деймос – это боги в прямом смысле слова!

- О да! Вот эти самые ребята и научили меня тому, лёгкую демонстрацию чего ты сейчас наблюдал на экране. Они даже уверяли меня, что я так быстро всё схватываю – быть мне превосходным техником! Но всё вышло иначе: я пошла на биологический, в чём ни капли не раскаиваюсь... А технические навыки, конечно, остались; не могу сказать, что я постоянно их совершенствую, однако время от времени так и подмывает потехнарствовать! Она поднялась с кресла.

- Так мы пойдём, ладно? – спросила Дорида. Глянула Тритону в глаза. – Значит, мы договорились, правда?

- Конечно! Ни слова в отчёте!

- Тогда – приятного отдыха!

Дорида попрощалась с техником и отправилась по коридору; Тритон схватил Фетиду за руку – и тихонько шепнул ей на ухо:

- Остайся! Прощу тебя, остайся всего на минуту!

Девушка удивлённо посмотрела на него, но руки вырывать не стала. В глазах Тритона сияло такое восхищение, такая преданность... Это было так необычно для скептического и обычно уравновешенного техника!

- Что случилось? – произнесла девушка; взгляд её медленно скользил по бегущим на мониторе цифровым комбинациям.

- Ничего. Просто я люблю тебя, – ответил Тритон. – А теперь – иди!

Девушка улыбнулась, отвела взгляд от экрана – и пристально вгляделась в глаза собеседника... В то же мгновение во всех помещениях – лабораториях, блоках и секторах – раздался голос профессора Посейдона:

- Внимание! Говорит руководитель базы «Посейдоно...» – хм, вот ведь приставучее выражение! – «Океан». Только что пришло официальное извещение Совета, что с завтрашнего дня в «Проекте «Земля»» начинает участие наземная база «Олимп». Сразу после сотворения человека на Землю прибывает инспекция во главе с бессмертным академиком Кроном...

«ЗЕМЛЯ СВЯТОГО КРОНА»

*...Великий же Крон хитроумный,
Смелости полный...*

Гесиод, «Теогония», 168-169

- Не понимаю: почему для базы надо было выбрать именно гору?! – недоумевал Деймос, мученически закатывая глаза. – Причём, самую высокую в области... Не лучше ли расположиться лагерем в одной из долин, профессор? Это же столько тащить аппаратуры, простите за невольную рифму, на такую верхотуру!

- Дорогой мой, вы просто лентяй! – профессор Зевс похлопал собеседника по плечу. – Знаете ли, у меня ведь тоже одно из образований – техническое, поэтому не следует жаловаться на непосильный труд – не Сизиф же вы, в конце концов, да труд ваш – не сизифов: любой, даже самый маломощный левитатор, в два счёта справится с транспортировкой необходимого нам снаряжения. Далее, встретить в горах непрошённых гостей всегда сложнее, нежели в долине, а мы не нуждаемся в лишних – вольных или невольных – наблюдателях, мы прибыли сюда работать... И потом – вид с горы всегда красивее, уж поверьте! Так что принимайтесь за дело, - и руководитель только что прибывшей на планету научной команды «Олимп», глубоко вдохнув чистый горный воздух, не спеша направился к расположенной перед ним горной вершине.

- Ай да Гефест, ай да терраформаторы из «Тартара»! – к Деймосу приблизился его коллега Фобос, озирающийся по сторонам. – Хоть бы не делали гору такой высоченной: взбираться на неё – выше двух километров! Хоть скорее бы дороги проложили...

- Ладно, только закончим обустройство базы, проложим фуникулёрную линию... Не надо печалиться, дорогой братишка! – Деймос деловито поплевал на ладони, оглядывая аккуратно сложенные перед ним здоровенные металлические контейнеры. – Если будет у тебя левитатор хоть с горчичное зёрнышко...

- Я тебя понял, - усмехнулся Фобос. – Полагаю, что если профессор решил бы основать базу не на горе, а в долине, то будущие греческие мифотворцы ни за что не стали бы называть его «громовержцем»!

- Всё разумно: основная подпитка аккумуляторов «Олимпа» – электричество, а сила молний в горах, естественно, гораздо выше... Так что наш старый инженер Зевс прав, как всегда... Так что, принимаемся за работу?

- Поехали!

Персонал новой базы, только что прибывшей на Землю, количеством своим превышал, пожалуй, и «Тартар», и «Океан» вместе взятые. Совет Вселенского Научного Конгресса долго рассматривал и утверждал кандидатуру каждого специалиста, рукам которого намеревался доверить высший акт творения – человека разумного. И не просто сотворить, но и воспитать, обучить, передать необходимые знания – и отправить, вооружённого этими знаниями, в удивительный мир, имя которому – жизнь...

Как уже упоминалось, руководителем базы «Олимп» являлся профессор Зевс – учёный с непрекаемым авторитетом и безупречной репутацией, специалист по широкому кругу вопросов, начиная от теоретической физики и заканчивая железобетонными конструкциями; получивший несколько образований, профессор великолепно разбирался в инженерии и генетике, математике и некоторых иных научных отраслях. Фанатичная преданность Науке и бесконечная, неутолимая жажда исследования Бытия, уже давно поставили его в число избранных, наиболее передовых светочей Творения. И кто бы не находился рядом с профессором, мгновенно ощущал на себе действие его харизмы; и проникался ею, и следовал за своим наставником без оглядки.

В завершающую фазу «Проекта «Земля»» вместе с профессором попали доктор медицины, картограф, геолог, представитель пресс-службы МАИ, великолепный менеджер и вообще мастер на все руки Гермес; доктор литературы, композитор и хореограф Аполлон; биолог

экстра-класса доктор Артемида; историк – некогда преподававший стратегию в Военной Академии – доктор Афина; доктор информатики, а также инструктор по туризму Геракл; замечательный генетик доктор Эрот; большой специалист в органической и неорганической химии доктор Дионис; кибернетик, трансгуманист и бионик доктор Прометей; психолог, также исповедующий взгляды нетрадиционной медицины доктор Гипнос; доктор ботаники и крупный авторитет по вопросам искусствоведения Афродита; уже упомянутые техники Фобос и Деймос; непревзойдённый специалист по вопросам семейной – и не только – педагогики доктор Гестия; ракетостроитель и техник Арес; доктор психологии – и по совместительству аграрных наук – Деметра; завхоз базы «Олимп», доктор экономических наук Гера – и ещё множество других, перечислять которых было бы весьма долго. Их профессионализм и заслуги перед Наукой неоднократно отмечались коллегами в разных мирах, их неоспоримые достижения ни у кого не вызывали сомнений. Этим деятелям и надлежало непосредственно создавать и воспитывать будущее человечество...

Пока технический персонал занимался возведением самого комплекса базы (профессор Зевс особенно настаивал, чтобы постройки были выполнены в стиле классической эллинской архитектуры) и внутренним её обустройством, новоявленные «земляне» были предоставлены самим себе, ибо ничто, никакое предписание «Инструкции», не могло заставить их заниматься работой в день прибытия. Естественно, что по случаю открытия «Олимпа» к вечеру был объявлен торжественный банкет, но до него была уйма времени – если его, конечно, не замедлять или останавливать... Кое-кто оправился на прогулку по окрестностям, кое-кто – совершил визит к коллегам на «Тартар» и «Океан», и только профессор Зевс и доктор Гера придирчиво инспектировали выполняемое роботами строительство базы...

Опустим, однако, сам банкет и последовавший за ним бал-маскарад, ибо веселье – всегда скоротечно, потому и не стоит уделять ему внимания больше, чем оно того заслуживает. Новое утро застало сотрудников «Олимпа» в бодром рабочем настроении, поскольку на бессмертных похмелье оказывает куда менее значительный эффект. Профессор Зевс, встретивший рассвет на специально оборудованной смотровой площадке горы, намеревался начать свой первый обход комплекса, когда к нему подошла доктор Артемида:

- Доброе утро, многоуважаемый Зевс Кронович! – облокотилась рядом с ним на балюстраду и, неторопливо оглядев очаровательными глазами открывавшиеся с площадки виды, добавила. – Красотища-то какая, профессор!

- Да уж, не поспоришь! – согласился профессор. – Аналитики, что и говорить, превосходно рассчитали место для нашей базы: тихо, спокойно и пейзажи просто завораживают... – он сделал паузу. – Только вот не надо отчеств, пожалуйста!

- Простите, - потупила взор его собеседница. – А я, профессор, к вам по делу...

- Что случилось, дорогая?

- Не знаю, как такое могло произойти, но у меня в лаборатории не хватает библиотекаря...

- То есть, как это – не хватает?! Он обязан у вас быть, уважаемый доктор! Штат зоологической лаборатории «Олимпа» – как и всех остальных – рассчитан Советом, неужели его комиссия упустила столь важное рабочее место?! Пересчитайте свой персонал заново, исчезнувший библиотекарь должен быть найден!

- Вы несправедливы ко мне, Зевс! Перед тем, как прийти к вам со своей просьбой, я в прямом смысле слова выстроила сотрудников лаборатории как на пионерскую линейку! Библиотекаря не обнаружилось...

- Значит, не обнаружилось, - нахмурившись, повторил Зевс. – Что будете делать?

- За этим я и пришла к вам...

- Отлично! – изогнутые брови начальника вновь разгладились. – Совет ошибся – Совету свои ошибки и поправлять! Я немедленно свяжусь с комиссией – и попрошу, чтобы вам прислали библиотекаря.

- Благодарю вас, профессор! – легонько наклонила голову Артемиды. – Если можно, пусть пришлют библиотекаря с дополнительным биологическим образованием...

- Не беспокойтесь, дорогая! Всё будет сделано.

Артемиды покинула смотровую площадку. Учёный вернулся в собственные апартаменты, которые находились буквально за углом по коридору – и, легонько коснувшись правого уха, напрямую связался с Секретариатом Совета Вселенского Научного Конгресса:

- Всех вам благ! Говорит Зевс, «Проект «Земля»»... Как? Да, сверьтесь, пожалуйста, с учётной картой базы «Олимп», у нас нехватка персонала... Нет, вы будете смеяться, но нам нужен библиотекарь в лабораторию Зоологии... Конечно, я прекрасно вас понимаю... Ну хорошо, пусть тогда будет зоолог с дополнительным библиотечным образованием, как говорится, от перемены мест слагаемых... Кого?! Профессора Горгону?! Да, я хорошо её помню, у нас с ней были... Да, общие проекты... Нет уж, увольте, мы не можем ждать: у нас рабочий день начался! Конечно, пусть немедленно отправляется к нам, телепортер Зоологической лаборатории «Олимпа» свободен... Нет-нет, не марсианский Олимп, её там уж точно никто не встретит! Я же ясно говорю – «Проект «Земля»!» Замечательно! Всех вам благ! – вновь легонько коснулся уха – и с облегчением выдохнул.

Мгновением позже он по внутренней связи запросил лабораторию Артемиды:

- Доктор, проблема ваша решена! Библиотекарь уже направляется к вам. Пусть кто-нибудь – лучше, конечно, чтобы это были вы сами – встретит профессора Горгону у седьмого телепортера...

- Горгону?! – голос Артемиды дрогнул. – Но ведь она, скорее, не библиотекарь, а сотрудник музея!.. Вернее сказать – директор...

- Библиотекарь, музейщик, какая разница?! – рявкнул Зевс. – Горгона – замечательный специалист, чего вам ещё надо?! Никого больше нет, так мне в отделе кадров и намекнули. Все остальные заняты в других проектах. Поэтому не морочьте мне голову, дорогая! Хорошо ещё, что прибывает она сейчас, а не через неделю!

- Простите, профессор! – взвесив все «за» и «против», ответила биолог. – Спасибо вам за помощь!

- Не за что, всегда обращайтесь! Для этого я здесь и нахожусь...

Выйдя в коридор, Зевс почти нос к носу столкнулся с доктором Афиной, в руке которой был портативный компьютер – не более ладони. Несмотря на разницу в возрасте и положении, отношения между ними были самыми приятельскими: некогда Зевс помог Афине перевестись из математиков в историки, лично подав за неё просьбу в Совет.

- Ах, ненаглядная моя дочурка! – театрально вырвалось у него; он даже развёл руки, мешая её проходу. – Куда это ты собралась с утра пораньше? В Академию, на лекции?

- Что с вами, профессор? – воззрилась на него девушка. – Какая ещё Академия? Её построят лишь несколько тысяч лет спустя! А что касается «дочурки» – да, теперь нам придётся быть родственниками... Эти эллины – просто непревзойдённые мастера по части выдумок! Честное слово, как только появятся, так сразу и напридумывают всякой всячины – богов, их занятия, родственные отношения и тому подобное... Насоздают мифов, не имеющих никакого отношения к действительности – и хоть ты вой капитолийской волчицей... Впрочем, это уже из другой – не древнегреческой – действительности...

- Да, вы правы, – молвил её собеседник, опуская руки. – Что-то я из образа вышел... Ах, дорогая моя, иногда настолько всё в голове перепутается, просто мозги бурлят!

- А вы ведите аудио или видеодневник, профессор! – историк показала ему свой гаджет. – Лично мне очень помогает, когда ум заходит за разум. А то сидишь Вечность за Вечностью и вспоминаешь, кто же кого убил: Каин – Авеля или Авель – Каина?..

- И не говорите, – поддакнул ей профессор. – Стоило нашим конструкторам создать Виртуальный Компактор Неограниченной Памяти, как им стал пользоваться любой бессмертный. А побочные эффекты – такие, как спорадические завихрения – стали исправлять гораздо позже... Вот, например, посмотрите на нашу Гестию: до сих пор бедняжка мучается – то во Времени теряется, то у неё Троица равна Одному... Конечно,

всё проходит... Про коллегу Деметру вообще можно помолчать... Ну, да ладно, - спохватился Зевс. – Пойду, пройду по рабочим местам...

- Конечно, профессор! – Афина кивнула ему и не спеша поплыла на смотровую площадку. Не совсем правду сказала историк своему руководителю. Верно, ведение дневника весьма полезно при спорадических завихрениях – это вам скажет любой из бессмертных врачей, только для неё это являлось не сколько аутотренингом, сколько самой прямой профессиональной обязанностью. Стоило девушке попасть в какой-нибудь проект по созиданию новых миров, как она сразу же начинала вести подробные, хронологически точно выстроенные отчёты. Словом, как научный сотрудник, Афина действовала вполне по «Инструкции». Тем не менее, дневники её, хоть и отражали общую суть происходящего, были насквозь пропитаны деталями, никогда не имевшими места в действительности. Поэтому данные её носили, по большей части, характер личных впечатлений, стилистически напоминая собой столь любимую народом в ещё не возникшем – и потому не распавшемся – СССР новогоднюю стенгазету.

Название для своих дневников Афина выбирала не сколько броские, сколько практичные. А практичные, как известно, названия говорят сразу обо всём. Вот и сейчас, призвав на помощь смекалку, она нарекла дневник «Занимательным Олимпом». Да, девушка была довольна названием нового опуса: оно отражало как местоположение её нынешней работы, равно как и осторожно намекало на характерные черты самого изложения.

Если не уделять особо пристального внимания любви доктора Афины к подобным приколам, специалистом и преподавателем истории она была бесценным; дневники её, хоть и никогда не находили своего места на полках Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ, со временем обрели себе иное – и небезуспешное – применение: по ним стали снимать не только полнометражные комедийные фильмы, дело не стало даже за многочасовыми сериалами; а по тексту дневника «Любовь Моя, Вечерний Терминатор!» была поставлена лирическая пьеса, удостоенная специальной премии Большого Голографического театра.

Оказавшись, наконец, в уединении на смотровой площадке, Афина подтащила кресло к балюстраде – и легонько плюхнулась в него. Осмотрелась по сторонам, глубоко вздохнула – и выдала следующее:

- Двадцать три миллиарда, восемьсот восемьдесят два миллиона, шестьсот сорок четыре тысячи, сто девяносто одна афина по индивидуальному времени, - считать время в «афинах» было её собственным уникальным изобретением; не всякий бессмертный мог бы понять, что означает этот набор цифр, но самой Афине он говорил всё с предельной точностью. – Только что говорила с Зевсом. Он вспоминал своё преподавание в Академии – к чему? Хотел пожаловаться на студентов? Или похвалить их? На мой вопрос об этом он не смог ответить ни утвердительно, ни отрицательно... Уверял, что одна Гестия – несчастнее трёх... Об этом, думаю, лучше спросить её саму...

- Привет!

Афина даже вздрогнула от неожиданности: за спиной её стоял улыбающийся доктор генетики Эрот.

- Доброе утречко! – ответила Афина, потягиваясь в кресле. – Ты сегодня не в лаборатории?

- Честно говоря, у меня ещё нет лаборатории, так что я не при делах...

- Как это – нет лаборатории?! Я только что встречала Зевса, он собирался обойти «Олимп»... Догони его – и выскажись!

- Я уже это сделал, - Эрот присел на балюстраду, окаймляющую смотровую площадку. – Он сказал, что это существо безобразие. Потом связался с «Тартаром», поговорил с Гефестом, попросил прикомандировать к нему Сциллу и Харибду с «Океана» – и в срочном порядке создать мне приличный островок для генетических экспериментов...

- Почему это – островок? Раньше тебе великолепно работалось на материках!

- Видишь ли, я тут задумал нечто нестандартное, – туманно ответил Эрот, задумчиво поглаживая подбородок. – Хочу попробовать кое-что необычное... И не с людьми!

- Считай, что ты меня заинтриговал! – Афина вскочила с кресла, глаза её сияли. – Колись, Эрот: что ты задумал? Генетические мутанты? Новая гибридизация? Но, предупреждаю: если в результате твоих опытов пострадает хоть одно животное, Артемида тебе голову снимет! Впрочем, ты и сам об этом прекрасно осведомлён...

- Не будь ты бессмертной, я подумал бы, что ты желаешь поскорее состариться, дорогая! – съязвил доктор генетических мутаций. – Слишком уж много хочешь знать! Пусть этот проект хоть немного побудет моей личной тайной!.. Ты лучше скажи: как твои «Чертоги»? Местечко для них, небось, уже присмотрела?

- А вот теперь разреши и мне поинтриговать! – девушка победоносно глянула на собеседника. – Теперь ты меня умоляй, а я отвечу: «Пусть это побудет хоть немного моей личной тайной!»

- Но ведь это наша общая, уже не помню, когда сложившаяся традиция! – забеспокоился Эрот. – С твоей стороны – это нечестно! Как же мы будем без «Чертогов», а?¹

- Ладно, так и быть, шепну тебе на ушко: есть здесь одно место... – и поскольку сказанное дальше предназначалось исключительно для генетика, то он и стал тем единственным посвящённым, кто понял до конца, о чём вообще шла речь в их диалоге.

Тем временем профессор Зевс обходил лаборатории «Олимпа» (возможно, что в данном предложении и не следовало бы заключать название базы в кавычки, поскольку располагалась она на горе с одноимённым названием). Комплекс был огромен; каждое помещение его – большое или малое, лаборатория ли или спальня – выполненное в строгом согласии с канонами древнегреческой архитектуры, сияло чистотой и порядком. «Воистину, - подумалось Зевсу, - разве подобное великолепие не стоит того, чтобы забыть о том, кто ты? Забыть хотя бы на время, войдя в образ тех, кто будет ходить по этой планете, трудиться на ней, украшать её? Перестать быть всемогущим и всеведущим Создателем, начать мыслить, подобно простым смертным...»

- Профессор, всех вам благ! Вы-то мне и нужны!

Размышления профессора были прерваны появлением могучего красавца, халат которого едва сходил на груди. Зевс осмотрел великана снизу-вверх и наставнически произнёс:

- Во-первых, доктор Геракл, в этом мире приветствуют друг друга иначе. Помните об этом. Во-вторых, не стоит так кричать, всю мою меланхолию распугали... В-третьих, что вы, собственно, делаете на «Олимпе» (тут, пожалуй, снова можно было написать это слово без кавычек!), если вы – не олимпиец, а титан? И, наконец, в-четвёртых – зачем я вам понадобился?

- Простите, профессор! – здоровяк смутился; крепкие его ручищи непроизвольно вытянулись по швам. – Отвечаю по пунктам. Первое – приветствия нашей расы вы от меня больше не услышите. Потому – здравствуйте, Зевс! Второе: я не знал, что вы не один, а с дамой. Прошу вашего прощения вторично. Третье. Я к вам как раз по этому вопросу: что я здесь делаю, когда у меня есть дела поважнее? А четвёртое стоит, как известно, в непосредственной близости от третьего – мне нужно ваше разрешение на обычные для моей профессии занятия...

- Ну, предположим, что я понял ответ на свой первый вопрос, дорогой доктор. И проглотил вашу шутку относительно второго. А как третий, так и четвёртый ваш ответ провожают оставаться для меня где-то за пределами понимания. Что вам угодно?

- Так ведь я затем и пришёл! – развёл руками Геракл. – Я – специалист по информатике, потому должен находиться там, где моя специальность востребована. Вы сами говорите, что на «Олимпе» я лишний, зачем здесь информатик?! Потому и пришёл просить вас о моём назначении, как уже бывало, инструктором... желательно, по альпинизму. Буду водить коллег в походы третьей категории сложности! А придёт время – так и людей обучу!

¹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Ах, доктор, доктор! – улыбаясь, покачал головой Зевс, видимо, что-то вспомнив. – Вас что, вновь на подвиги потянуло? Каким же будет этот по счёту? И где?

- Ну... – замялся Геракл, - где-нибудь в далёкой-далёкой Галактике...

- Да вы совсем спятили, дружище! – ещё шире улыбнулся профессор. – Пять минут, как вы прибыли на новое место – и уже отпрашиваетесь в отпуск?! Не жирновато ли?

- Так ведь работы пока никакой! Я же быстренько смотаюсь по делам – и вернусь! Вот, полубопытайствуйте, - Геракл вытащил из кармана миникомпьютер, - что мне пришло сегодня по электронной почте!.. Гибнущая цивилизация нуждается в моей немедленной помощи... Как раз по части альпинизма... Извольте, профессор! – он услужливо приблизил компьютер к начальнику.

Руководитель базы одной рукой вытащил из кармана халата очки и нацепил их на нос; другой приблизил к лицу гераклову лапищу с гаджетом. Внимательно ознакомился с информацией – и воззрился на собеседника:

- Итак, вам необходимо моё согласие? Не слишком ли часто я вас выручаю, принимая при этом всю ответственность на себя, вы не находите?

- Именно так, профессор! Нужна ваша санкция... Кстати говоря, формально я всё равно буду находиться на работе, не так ли? Это значит, что перед «Инструкцией» любое ваше действие – непогрешимо.

Зевс, сдвинув брови и свернув губы трубочкой, задумчиво уставился в пол. Минутой спустя он, видимо, прикинув все «за» и «против», потряс пальцем перед лицом великана:

- Хорошо, друг мой! Моё разрешение у вас есть...

- Спасибо, профессор! Думаю, что неплохо бы оформить такое решение официально, с вашим факсимиле под резолюцией...

- Вы не доверяете мне, доктор? Моё слово – слово Зевса!

- Доверяю, бесспорно, доверяю! Но, согласно «Инструкции»...

- Ладно уж, бюрократ вы этакий! Сейчас сделаем... Давайте ваш компьютер!.. Однако, помните, что в самое ближайшее время на планету нагрянет инспекция в главе, сами знаете, с кем... – он сделал многозначительную паузу, давая собеседнику понять и оценить важность грядущего события. – Если к его появлению вас не окажется на базе, вот вам моё самое пречестное слово: я не собираюсь вас покрывать! С Кроном шутки плохи даже для меня; возьмёт – и сожрёт с потрохами... как он такое уже неоднократно проделывал с многими другими... Надеюсь, вы меня хорошо поняли, Геракл?

- Лучше некуда, профессор! – великан спрятал компьютер в карман халата. – Так я пойду готовиться в дорогу?

- Идите, идите, - отмахнулся Зевс, пряча руки за спину. – Только не побрезгуйте посетить доктора Геру, пусть она распишет вам всё необходимое для путешествия: экипировку, дневной паёк, суточные и тому подобное...

- Понял! Обязательно зайду к нашему чудесному завхозу!

В первый рабочий день – да ещё на новом месте – у всех полно вопросов и забот. Поэтому ответственный начальник обязан обойти каждое помещение, осмотреть каждый уголок вверенного ему хозяйства. Всё должно содержаться в строгом порядке, любой из коллег – быть доволен занимаемым местом. Как известно, залог успешного и продуктивного трудового дня – это не только полная самоотдача в работе, не только инициативность и творчество, но и безоговорочное сотрудничество с руководством, которое всегда поможет, всегда подскажет, всегда посоветует... Начальнику предприятия нельзя быть надзирателем, в противном случае оно рискует обратиться тюрьмой; начальник обязан быть наблюдательным, чутким, отзывчивым к просьбе любого из своих подчинённых... Только – и только в таком! – случае возможно достижение общих целей...

- Здравствуйте, профессор! Не ответите ли на пару вопросов?

«Увы, - со вздохом осознал Зевс, - сегодня не день моих размышлений! Стоит лишь настроиться на философско-экономический лад, как тебя обязательно отвлекут...» Даже не поднимая глаз, профессор уже превосходно узнал обратившемуся к нему по голосу;

когда же взгляд его упал на лицо собеседника, Зевс понял, что не ошибся: перед ним стоял Гермес.

- Здравствуйте, доктор! Ну, а вам-то чего понадобилось?

- Мне нужна ваша помощь, профессор! – хитренько улыбнулся известный каждому бессмертному весельчак. Кстати, одет он был не в привычный белый халат, а уже успел нацепить классическую тогу; на голове его красовался невообразимый по величине петас, а в руке он сжимал керикон – то есть жезл, известный атрибут глашатаев.

- Вижу, вы начали осваивать местные одеяния, доктор Гермес? – усмехнулся профессор, касаясь полей шляпы собеседника. – Да, при таком огромном аксессуаре солнечный удар вам не грозит!..

- А как же, профессор! Стараюсь идти в ногу со временем; тем более, что широкополый петас скоро войдёт в моду, – отшутился тот. – К тому же, именно я отчасти и стану её законодателем...

- Хорошо, очень хорошо! – Зевс погладил подбородок. – Скоро нам всем придётся наряжаться по местным стандартам... Прощайте, родные белые халаты! Что у вас, модник вы мой ненаглядный?

- Во-первых, мне желательно узнать у вас, непосредственного начальства базы «Олимп», ваши первые впечатления от, простите за повторение, первого дня работы на Земле. Во-вторых, согласно «Инструкции», я обязан взять у вас интервью для «Специальных Новостей», которое сегодня же окажется как в МАИ, так и на каждом информационном канале Вселенной.

- О, а ведь вы как нельзя кстати! – воодушевился Зевс. – Я как раз размышлял на эту тему... Секундочку, сейчас отмотаю память... Ах, вот, нашёл. Принимайте: «...ответственный начальник обязан обойти каждое помещение, осмотреть каждый уголок вверенного ему хозяйства. Всё должно содержаться в строгом порядке, любой из коллег – быть доволен занимаемым местом. Как известно, залог успешного и продуктивного трудового дня – это не только полная самоотдача в работе, не только инициативность и творчество, но и безоговорочное сотрудничество с руководством, которое всегда поможет, всегда подскажет, всегда посоветует... Начальнику предприятия нельзя быть надзирателем, в противном случае оно рискует обратиться тюрьмой; начальник обязан быть наблюдательным, чутким, отзывчивым к просьбе любого из своих подчинённых... Только – и только в таком! – случае возможно достижение общих целей...»

- Великолепно, профессор, какое ёмкое, удачное интервью! – прервал его излишняя доктор медицины, менеджер, покровитель журналистов, геолог, картограф и вообще мастер на все руки Гермес, легонько взмахивая жезлом. – Ни капли не сомневаюсь, что ваш материал непременно станет передовицей на любом информационном носителе!

- Хм, позвольте, дружище, но я ещё не закончил! – забеспокоился Зевс. – Даже не дошёл до конца свою мысль...

- Пустяки, дорогой мой, не ломайте над этим голову! Главное, что сказано с чувством и не вступает в противоречия с «Инструкцией»! А о недосказанном позаботятся мои коллеги-журналисты. Вы ведь их знаете – профессионалы!

- Вот именно, что знаю! Профессионалы... После их трудов в интервью не останется ни одного моего слова!

- Уж вы простите их, профессор! Все журналисты Вселенной одинаковы... Работа такая, ничего личного.

- Не понимаю, Гермес, почему бы мне просто не метнуть в вас хорошую молнию?! Эксплуатируете факт того, что вы – мой внебрачный сынок?! Вот и Афина туда же поглядывает... Продолжайте в том же духе; я – терпелив, но иногда становлюсь только справедливым...

Зевс насупил, понимая, как ловко его обвели вокруг пальца. И в который уже раз!.. Обижаться, однако, было бессмысленно – на невинные шутки доктора вообще никто не обращал внимания, ему прощалось всё; тем более, Зевс предвидел, что Гермес частенько

будет выручать его, Зевса, из затруднительных ситуаций, что в не столь отдалённом времени будут возникать меж руководителем «Олимпа» и завхозом Герой... Он с лёгкой грустью вновь посмотрел на Гермеса:

- Что ещё, о вестник всякой всячины?! Мне надо продолжить обход базы...

- Да вот, полюбуйтесь! – доктор Гермес, явно намекая на что-то, многозначительно опустил взгляд себе под ноги. – Разве это – царственно?!

Профессор впервые опустил взгляд на ноги собеседника – и ужаснулся: вместо элегантных, столь приличествующих богу всея инфо- и дезинформации, сандалий, Гермес был обут в какую-то совершенно чудовищную обувь, ни на йоту не гармонирующую с его общим нарядом.

- Вот и я говорю, никакого фасона! – растерянно произнёс покровитель глашатаев.

- Да где вы откопали эту гадость, дружище?! Немедленно переобуйтесь, на вас смотреть нельзя без содрогания!

- Не во что, профессор! – пожал плечами Гермес. – Я перерыл всю доставленную на «Олимп» обувь – и ничего! Пришлось срочно смотаться в телепортер, чтобы достать подходящую обувь из прошлого; а на складе реквизитов – жуткая очередь! Как будто именно сегодня всем, задействованным в проектах по созданиям новых миров, срочно понадобилось обновление гардероба! Словом, у меня было нескольких секунд, чтобы приблизиться к стеллажам; и только я, почти не глядя, похватал в охапку всё, до чего смог дотянуться, как меня выбросило обратно, на наш «Олимп»...

- И что дальше? Вам, часом, не попаласть тифелька Золушки? – хихикнул Зевс.

- По-вашему, это смешно? Дальше я внимательно рассмотрел добычу, которая оказалась в моих лапах. Итак, результате налёта на склад, я стал обладателем индейских мокасин неустановленного времени изготовления, каких-то средневековых длинноносых тапок, деревянных на меху сандалий – и тех чудовищ, что теперь красуются на моих конечностях...

- Ну, так надели бы эти самые сандалии! Как-никак, лучше, чем это воплощение обувного кошмара! Или мокасины, на худой конец...

- Увы, профессор, при более внимательном рассмотрении оказалось, что деревянно-меховые сандалии – вовсе не сандалии, а короткие – то ли мансийские, то ли чукотские – камусные лыжи; мокасины оказались кожаными, а я крайне отрицательно отношусь к использованию натуральной кожи животных; заодно и с коллегой Артемидой не желаю ссориться: сами знаете, насколько это для неё большая тема... В общем, я нацепил то, что осталось в моём арсенале – и пришёл к вам... Судя по всему, эти милые штиблетки пользуются огромным спросом либо в Ведомстве Космического Десанта, либо в давно уже упразднённой за ненадобность Моральной Полиции, так я определяю их назначение...

Профессор Зевс несколько раз судорожно глотнул воздуха, будто его хватил внезапный приступ асфиксии – и громко расхохотался в ответ на столь печальное повествование; даже лицо его побагровело от смеха. Гермес стоял неподвижно, вперив мученический взгляд куда-то в изумительно украшенный фресками потолок, и дожидался, пока профессор, наконец, успокоится. Кое-кто из учёных, услышав подобный взрыв веселья, даже высунули носы из своих кабинетов да лабораторий в коридор – поинтересоваться, всё ли хорошо с начальством?

- Ну, голубчик, вот так развеселили! – придя в себя, произнёс Зевс. Вдруг он заметил с десяток любопытных коллег, наблюдающих за ним во все глаза. – Что случилось, уважаемые? – голосу его вернулась обычная серьёзность и уверенность громовержца, однако глаза всё ещё смеялись. – Ну-ка, по рабочим местам! – и вновь вернулся к прерванному монологу. – Значит, вы явились ко мне из-за нехватки обуви? Я только что отправил к завхозу одного шутника, теперь, вслед за ним, видимо, надо отправить и другого...

- Я был у доктора Геры буквально перед вами...

- И что? Она не слишком критиковала ваш стиль?

- Её реакция ничем не отличалась от вашей, профессор... А как же быть с вашим обещанием?

- Каким обещанием, доктор?

- Ах, вы уже забыли о нём?! Хорошо, я вам процитирую пассаж из вашего собственного интервью: «...начальник обязан быть наблюдательным, чутким, отзывчивым к просьбе любого из своих подчинённых...» Я же пришёл к вам за помощью...

- Дорогой мой, мало того, что вы – растяпа, вы ещё и шантажист! Это также входит в программу обучения на факультете журналистики?

- Вы до чего угодно доведёте, профессор...

- Ладно, посмеялись – и достаточно! Вот что, дружище, – Зевс глазами показал Гермесу, что тому следует пойти с ним по коридору. – Отправляйтесь к Фобосу и Деймосу, пусть они сварганят вам что-нибудь приличное... Есть же у них, в конце концов, Конвертор мыслеобразов в материю или какое-либо оборудование для моделирования предметов!.. А эти сапоги-тихоходы спрячьте где-нибудь у себя – и, желательнее, подальше... Честное слово, вам лучше ходить босиком, Гермес, пока не обзаведётесь нормальной «божеской» обувью!

Гермес легонько склонил голову – и, стараясь не греметь сапогами, собрался было удалиться.

- Пойдите, доктор! – вдруг обратился к нему руководитель базы. – Забыл сказать вам одну вещь...

- Слушаю вас внимательно, профессор Зевс...

- Когда будете делать заказ на обувь нашим техникам, попросите их ещё об одном: пусть на ваш керикон добавят изображение змеи... а лучше даже двух!

- Зачем это? – удивился тот.

- Затем, - глаза Зевса засияли, - затем, чтобы всем, кто встретится вам на пути, было заранее ясно, каким двойным ядом журналистики будет отравлено их несчастное интервью!

Гермесу ничего не оставалось, как развести руки в стороны, демонстрируя тем самым полное поражение:

- Ничего не поделаеть, дорогой Зевс! Пусть нашим нынешним счётом будет 1:1...

- Это вам урок на будущее, дружище! А теперь – ступайте!

И, вновь оставшись наедине со своими мыслями, профессор Зевс продолжил обход своих владений. Но, если у него занятие было относительно спокойным, того же самого никак нельзя было сказать о второй высшей – после профессора – инстанции на «Олимпе»: докторе экономических наук Гере, заведующей хозяйственной частью базы. Она была правой рукой профессора очень долгое время, принимала с ним участие во многих проектах, неизменно следуя с ним в любую точку Вселенной. И если Зевс был мозгом «Олимпа», то Гера была её сердцем: ибо к кому ещё мог отправиться любой из сотрудников, в чём-либо нуждающийся?! Завхоз всегда могла выслушать, всегда вместе посмеяться – и, несмотря на бесконечную занятость, - находила время для всех...

И сегодняшний день её ничем не отличался от остальных: учёт реквизита, бесконечные калькуляции да отчётности, обслуживание нуждающегося в том или ином персонала... Исключением из череды однообразных будней было лишь то, что сегодня к ней зашёл Геракл.

- Кого я вижу! – глаза экономиста засияли, когда здоровенная фигура посетителя возникла в проёме автоматических дверей. Гера, обычно сидевшая за монитором, немедленно поднялась, направляясь навстречу вошедшему.

- Гера, дорогая, как же я рад тебя видеть! – прогремел под сводами помещения голос доктора.

- Взаимно, дорогой! – улыбка завхоза была неотразимой. – Дай тебя обнять! Это же сколько мы не виделись, а?

Великан схватил её в объятия – и, как пушинку, покружил на руках.

- Пожалуй, с последнего заседания... После тебя отправили создавать новые миры, я же продолжил преподавание...

- Я рада, что ты здесь, Геракл!

И старые друзья, не видевшиеся невообразимое время, уселись поболтать. Конечно, долгой их беседа не была: ведь любой бессмертный сперва наперво думает о деле, будь то Геракл, пришедший за необходимым реквизитом, или Гера, всю свою жизнь посвятившая строгим отчётам и учётам...

- Значит, опять – в путь-дорогу, доктор? – спросила она, собрав на левитационный управляемый контейнер просимое посетителем снаряжение и устраиваясь за монитором для учёта выданного.

- Опять, доктор! – Геракл хрустнул костяшками пальцев. – Но ты не беспокойся – это совсем ненадолго! Не как в прошлый раз... Зевс решил прикрепить меня к «Олимпу» до самого конца эксперимента. Кто-нибудь ещё был сегодня, кроме меня?

- До обеда вообще работала, не разгибая спины: одному – нужно то, другому – это... Дело-то понятное – первый трудовой день, кто-нибудь чего-нибудь обязательно не досчитается...

– Гера на мгновение перестала щёлкать клавиатурой и посмотрела на Геракла. – Знаешь, я ознакомилась с Архивом Будущего нашего проекта – и была крайне удивлена: оказывается, в этом мире мы с тобой – заклятые враги!

- Знаю, – великан улыбнулся. – Я, правда, просмотрел его лишь мельком... Когда, кстати, ты подошёл ко мне, младенчику, двух огромных змей, чтобы те меня слопали?! – он улыбнулся ещё шире.

- Но ведь ты задушишь обеих! – дразнила его женщина.

- Да будет тебе, поправь ещё не надетую корону! А мне придётся ранить тебя...

- Зато, в конце концов, мы помирился, – мечтательно произнесла Гера.

- Обязательно, дорогая! Знаешь, мне очень нравится в этом мире собственное имя – Геракл, что значит «прославленный богиней Герой»... Красиво, правда?

- Удивительно! Тебе повезло.

- Милая, мне всегда везёт...

- Знаешь, меня так и подмывает подать рапорт Зевсу, чтобы тот хоть раз – когда эллинская цивилизация будет к тому готова – дозволил их учёным, а не баснописцам и мифотворцам, пожить среди нас на «Олимпе» хоть полгода! Пусть сами убедятся, какую чушь насочиняли их предки про олимпийских «богов»!

- Ну, зная нашего профессора, могу допустить, что он согласится на подобный аттракцион, не моргнув глазом! Если что, обязательно приму твою сторону – и попробую его уговорить на родственных началах: как-никак, я прихожусь ему родным сыном...

- Ты – просто чудо, Геракл! – всплеснула руками Гера, однако нечто на мониторе отвлекло её внимание. – Эй, герой! Ты, случайно, не забыл декларацию на шкуру Немейского льва? А заодно – и на Пояс Ипполиты?

Её огромный собеседник внимательно осмотрел содержимое контейнера:

- Прости, забыл! Я сегодня ужасно рассеян... Ладно, давай с тобой договоримся: когда вернусь, пойдём в горы!

- Ты и так на горе!

- Нет, пойдём на самые высокие!

- Ладно уж, мечтатель, пойдём!

И вновь потекло Время; на циферблате Земли совсем уж мало оставалось его до появления человека. Давным-давно сформировались границы океанов и континентов – в том виде, в котором застала их эллинская цивилизация; вымерли столь обожаемые Фетидой динозавры и оперились первые птицы; пришли и ушли сотни тысяч видов растений, усыпав своими потомками каждый из материков... Бег Времени передавал эстафету от тысячелетия к тысячелетию; когда, наконец, наряду со всеми обезьяноподобными обитателями планеты возник homo sapiens, которого и принялись пестовать бессмертные: именно ему они

открыли многое из того, что никогда не было – и не стало – доступным для многих родственным ему видов.

Мгновением на весах истории промелькнули древнейшие цивилизации – шумеры, египтяне, хетты; на их руинах возникали совершенно новые человеческие формирования – а Создатели, незримо – а иногда и очевидно – пребывающие среди людей, направляли их развитие дальше и дальше...

Да и сам Олимп претерпел значительные изменения: из обычной каменной глыбы гора стала выглядеть подобием технологического рая: любой из комплексов был для удобства соединён с другими фуникулёрными трассами (Фобос и Деймос сдержали-таки обещание!); множество чудесных воздушных глассеров были к услугам сотрудников в любое время; многочисленные многорельсовые тоннели, соединявшие сквозь толщу Олимпа все лаборатории, могли в считанные минуты перемещать учёных в необходимую им точку назначения...

И вот долгожданный час пробил: бессмертные – с достоинством и удовлетворением от собственных трудов – могли, наконец, узреть становление и процветание эллинов. О, это были замечательные люди: сильные и трудолюбивые, совершенно под стать своим создателям! За лучшими генетическими образцами вели пристальное наблюдение сам профессор Зевс и доктор генетики Эрот, которым ассистировали десятки коллег; приближалось то время, когда, согласно расчётам, «боги» могли открыться людям – и даровать им ещё большие знания...

Стоило Зевсу в последний раз пройтись по базе – и признать, что любая из мелочей содержится в порядке и находится на высочайшем уровне, как в ответ на это – почти молниеносно – пришло сообщение Совета: готовьтесь к инспекции. Профессор тут же сообщил об этом по громкой связи всему персоналу «Олимпа»; конечно, предупредил о грядущем визите коллег с «Океана» и «Тартара». Однако, благодаря усиленной подготовке, никто не опасался появления инспекторов – с академиком Кроном во главе; поэтому прозвучавшее в динамиках на всю планету: «К нам едет ревизор!» не вызвало среди учёных особого волнения.

Наступил самый обыкновенный рабочий день. С той разницей, что сегодня ожидалось прибытие Крона: как уже было сказано, академика, почётного члена Совета Вселенского Научного Конгресса, одного из влиятельнейших учёных расы бессмертных. Согласно полученным данным, в компании с ним прибывали профессора Власть и Сила – про этих двух в любой из Вселенных ходили легенды; дескать, за малейшую оплошность, за самое незначительное отступление от «Инструкций», они карают беспощадно и молниеносно. Академик неизменно брал с собой обоих профессоров, когда Совет давал ему полномочия произвести инспекцию или какое-либо расследование; благодаря же особым умениям и способностям последних вести перекрёстный допрос, их искущённости в софистике и до автоматизма слаженной совместной работе, ещё ни одно из порученных Советом и проведённых Кроном следствий не имело пометки: «Причина не установлена». Однако, к чести инспектируемых следует сказать, что для приёма этой троицы сотрудники земных баз были превосходно подготовлены.

Только вот зря, очень зря за академиком устоялась подобная ассоциация пожирателя: существом он был довольно спокойным и невозмутимым; вывести его из себя было не так-то просто. Не лишним будет упомянуть, что практически все – от начальства до рядового техника – участники «Проекта «Земля»» некогда были его студентами и воспитанниками, а с некоторыми из них Крон состоял в родственных связях. Этот факт давал лишние очки в пользу того, что инспекция на Земле пройдёт успешно, без лишних проволочек. Нелишним будет добавить, что Крона не только искренне любили, его обожали как живую легенду! Некогда академик был в числе первых, над кем были поставлены заключительные эксперименты по обретению бессмертия, что давало Крону негласное право на всеобщее преклонение.

Ожидаемые гости появились из Центрального телепортера Храма Зевса, служившего резиденцией руководства и главной постройкой «Олимпа». Несколько сотен сотрудников, по знаку начальника базы, хором приветствовали прибывших: «Слава тебе, о царь – и родитель богов олимпийских!» Академик, кивнув в ответ собравшимся, осмотрелся по сторонам:

- Так-так, - Крон слегка причмокнул, обернувшись к сопровождающим его профессорам Власти и Силе. – Не хотелось бы начинать своё прибытие на Землю с лёгкой взбучки, однако на каком основании персонал базы не облачён в уставную одежду? Почему только доктор Гермес, так сказать, одет по форме?

Власть и Сила одновременно и негромко хмыкнули, что, несомненно, предвещало в скором времени начало их костодробительных следовательских занятий.

Сотрудники «Олимпа» молчали, едва переводя дыхание; да, хоть всё и было готово к инспекции, но спалиться на такой мелочи!.. Да ещё в самом начале мероприятия!

Руководитель базы, откашлявшись, решил принять огонь на себя:

- Это, действительно, недоразумение, Ваше Бессмертие, но недоразумение весьма, весьма незначительное... Все мы, - он обвёл руками огромный зал, - намеревались заняться этим сразу после вашего появления... Поэтому просим вашей милости: всего четверть часа – и мы вновь поприветствуем вас в этом самом зале по уставу!

- Даю час, - отрезал Крон. – Мы подождём, верно? – обратился он к несколько разочарованным спутникам. – У вас тут можно где-нибудь посидеть, пока вы принарядитесь?

- Конечно, конечно! – услужливо подсказала доктор Гера. – За центральными дверями есть чудесное местечко – таверна «У Гелиоса». Если вы позволите, я лично покажу дорогу и отведу туда вас и ваших коллег...

- Сами найдём, уважаемая, а вы лучше ступайте переодеваться вместе с остальными, - махнул рукой Крон. – Итак, время пошло!

Тишина, секундой назад господствовавшая в зале, была беззастенчиво нарушена бесподобным хаосом и шумом; сотрудники базы со всех ног ломанулись по своим кабинетам, спальным отсекам и лабораториям – в зависимости от того, у кого и где находился приличествующий ему или ей древнегреческий наряд. Большинство, кстати, вприпрыжку бросилось следом за самой Герой, поскольку до сих пор, погружённые в неотложные работы, не нашли даже времени забрать у завхоза причитающийся им реквизит. Завхоз мысленно ужаснулась от того, какое её ожидает столпотворение на складе в ближайшие шестьдесят минут, но думать об этом было поздно... Крон, незаметно улыбнувшись в усы при виде эффекта, произведённого его словами, молча указал глазами Власти и Силе в направлении выхода – и троица, стараясь не попасть под ноги мечущихся и бегущих олимпийцев, осторожно проследовала к широким дверям Храма.

- Разрешите ли внести в список правонарушений непредусмотренное нахождение персонала в установленное время без уставной униформы? – поинтересовался профессор Власть у начальства, пока очаровательный нимфы сервировали высоким гостям столик неподалёку от живописного грота «Миллион Белых Коз».

- Да Крон с ними, не будем поднимать скандалов сразу по прибытию! – спокойно ответил академик, наслаждаясь великолепными видами. – Я же дал им время... Вот если они не успеют приготовиться – давайте делу полный ход!

- Понимаю, - многозначительно закатил глаза профессор Власть.

- Слушаюсь! – козырнул профессор Сила, переводя внимание на обрастающий яствами стол. – Всем приятного времяпрепровождения, коллеги!

- Да, ещё деталь: следует запретить всем – кроме доктора Гермеса, раз уж он выполняет срочные указания пресс-центра Совета – пользоваться портативными левитаторами, иначе начнётся беспорядок. Лайнеры, глассеры, ракеты – это пожалуйста, а вот лётное поле на «Олимпе» ни к чему... Итак, всем приятного!

В назначенный миг троица вновь была в Храме Зевса. Сотни сотрудников «Олимпа» на сей раз действительно выглядели, как самые нормальные «древнегреческие боги»: на каждом шелестели лёгкие одежды, на головах и в руках находились приличествующие каждому из них аксессуары; несмотря на царивший в угодах Геры почти часовой Вавилон, на сей раз олимпийцами ничего не было упущено.

Крон, совершающий обход подчинённых, остался доволен.

- Вот только вы, голубушка, - заметил он известному педагогу Гестии, - взяли бы Сферу Благодати в правую руку, а Стальное Кольцо Супружества – надели на левую как браслет...

- Но ведь это неудобно, Ваше Бессмертие, размер кольца не тот! – возразила та.

- Да, пожалуй, вы правы, коллега, - не стал спорить Крон, присмотревшись к причиндалам богини внимательнее. – Впрочем, какая разница. Можете хоть повесить это колечко себе на шею: всё равно баснописцы напишут, что вы носите его на пальчике... И улыбайтесь, дорогая, улыбайтесь шире!

Попало от академика и доктору Афине. Тот уже прошёл было мимо, как вдруг внезапно вернулся – и угрожающе замер перед девушкой.

- Это что такое, чудесная моя? – задал он неопределённый вопрос, указывая ей в лицо.

- Как – что?! Это – самая лучшая тушь для ресниц, Ваше Бессмертие! Её используют даже девушки из простонародья, а вы хотите отказать в подобном удовольствии богине?!

- Да я не про тушь, - усмехнулся Крон, случайно после этого щёлкнув зубами. Историк побледнела, и – наигранно или нет – зажмурилась. – У вас кольцо в носу. Насколько мне известно, ныне это не модно... и вряд ли прилично... Кольцо из носа – удалить!

- Будет сделано, Ваше Бессмертие!

- Уважьте меня – немедленно! Видите, как я прошу вас!

Афина молниеносно проделала операцию по спасению престижа греческой моды – и, возможно, себя самой.

- Так-то лучше! – констатировал академик – и продолжил обход.

Когда досмотр сотрудников «Олимпа» был завершён, а результаты его признаны удовлетворительными, профессор Зевс, на правах руководителя и хозяина базы, предложил им разойтись по рабочим местам, а сам вернулся к почётным гостям.

- Вот, дражайший академик и его почтенная свита, полюбостарайтесь, какую я подготовил программу необходимых для вашего посещения мест, - скороговоркой выпалил Зевс, протягивая Крону миникомпьютер. Видимо, глава «Олимпа», несмотря на неисчислимое количество эонов, по-прежнему полагал себя студентом легендарного академика, поэтому волнение его было вполне объяснимым.

- С вашего позволения, дорогой профессор, мы посетим все места – и не только вашей, но и двух других баз, - отчеканил Крон. – Да не размахивайте вы так своим молниеносным скипетром, Зевс! Того и гляди, кого-нибудь заденете!.. Не переживайте понапрасну, я вас не съем!

- Очень надеюсь, Ваше Бессмертие! И верю данному вами слову, - склонил голову профессор. – Тогда предлагаю начать осмотр «Олимпа» с платановых лабораторий – очень интересное местечко... А далее – на монорельсе в...

- Скажите, дорогой Зевс, а человека-то мне скоро покажут? – искорки любопытства засверкали в глазах академика. – Ведь вы понимаете, что основная часть моего отчёта, который я по возвращению положу на стол Совета, должна будет повествовать именно о центральной, так сказать, сердцевинной части «Проекта «Земля»»...

- Обязательно, Ваше Бессмертие! Несомненно! Как только инспекторы, - он покосился на следующих по пятам за своим предводителем двух молчаливых спутников, - убедятся, что оборудование и реквизит – равно как состояние помещений и текущих работ – в полном порядке, вы увидите то, зачем, собственно, и прибыли...

- Превосходно! Ведите нас, профессор!

Пока руководство раскрывало тайны «Олимпа» инспектирующим, сотрудники базы продолжали работу, каждый на своём фронте. Психолог Гипнос, сопровождаемый в любом

проекте своими верными Морфеем, Фантасом, Фобетором и ещё несколькими ассистентами, уже давно решал возникшую – в связи с происхождением человека – проблему: как помочь людям постичь себя и перестать принимать белое за чёрное. Кроме того, на него частенько сыпались упрёки молодых коллег, обвиняющих Гипноса в склонности к методам нетрадиционной медицины. Доктор, несмотря на присущую ему высшую степень спокойствия и добронравия, начинал от подобных нападок теряться, а чтобы не потеряться окончательно, погружал своих критиков в глубокий сон.

- Это же совершенно немыслимо! Абсурд! Бред! – неоднократно заявлял он студентам во время лекций. – То, что сегодня считается новшеством, завтра становится традицией! Новшество, если оно потеснило не оправдавшую себя традицию, обязательно станет традицией – и так далее. А что касается медицины, так она, в первую очередь, должна быть действенной – и, только в этом смысле, единственной. Потому всякие антинаучные попытки разделить её на традиционную и нетрадиционную – изначально провальны! Если кто-то меня не понял – пусть отмотает сказанное на три предложения назад...

Морфей, Фобетор, Фантас и прочие беззвучно внимали наставнику. Гипнос горячился неспроста: с недавних пор, когда он лишь попробовал контактировать с людьми напрямую, пытаясь расшифровать недоступную им терминологию «по образу и подобию», несмышленные греки не только не поняли его, но и совершенно извратили смысл сказанного. Потому Гипнос окончательно убедился в том, что без наглядного примера он не будет понят никогда – и подал рапорт самому Зевсу, с просьбой допустить, наконец, людей на «Олимп»; пусть-де увидят всё собственными глазами...

Нелишним будет заметить, что именно доктор Гипнос оказался в числе первых создателей, общавшихся с людьми бесконтактно – через сновидения. Конечно, пока он мог показывать им только красивые мини-сериалы о правилах охоты на мамонтов или рационального использования пространства для припещерного хозяйства; было ясно, что на данном этапе развития никто из его подопечных не был в состоянии осмыслить во сне периодическую систему химических элементов или закончить хоть один музыкальный период – над этим ещё требовалось работать и работать...

Тем не менее, профессор Зевс удовлетворил его просьбу, хоть лично и полагал её преждевременной: он уведомил Гипноса, что во время инспекции люди будут обязательно приглашены на «Олимп», где у того найдётся время провести с ними наглядную просветительную беседу. Впрочем, давая подобное обещание коллеге, начальник слегка лукавил: так или иначе, но приходилось предъявить эллинов Крону... Таким образом, Зевс одновременно выполнял оба – данные и доктору, и академику – обещания.

Пока же доктор с нетрадиционной медицинской ориентацией наводил сонливость на своих научных оппонентов, профессор Зевс с гордостью показывал академику Крону и его коллегам лабораторию за лабораторией. Время шло, а придраться инспекторам было не к чему. Лаборатории содержались в образцовом порядке, каждый из сотрудников работал за троих – и Крон уже подумывал о том, чтобы, поскорее покончив с «Олимпом», обратить внимание на «Тартар» и «Океан». Да и сам Зевс – исподволь, но крайне тактично – подталкивал его к этой мысли...

Внезапно в ухе Зевса послышался сигнал по каналу индивидуальной связи. Он извинился перед Кроном, который уже с явно скучающим видом общался с персоналом зоологической лаборатории, и тихонько отошёл в сторону:

- Слушаю!

- Профессор, у нас тут непредвиденная ситуация! Ума не приложу, что делать... – затрещал голос, в котором Зевс немедленно признал Эрота. – Похоже, всем нам крышка!

- Погодите, коллега Эрот! Помедленнее... Что у вас стряслось? И, пожалуйста, умерьте звук: Крон совсем неподалёку...

- Всё ещё вынюхивает?

- Увы, именно вынюхивает! Каждый уголок «Олимпа»... Однако, могу нас поздравить: после обеда силы его явно на исходе... Я ему украдкой – и так и сяк – подкидываю

мыслишку, типа, самое время, Ваше Бессмертие, перебраться во владения Аида или Посейдона... лишь бы от нас подальше! Ну, что у вас?

- Профессор, мне нужно, чтобы вы – под любым предлогом – оставили инспекторов на попечение... Где вы сейчас находитесь?

- В зоологической...

- Значит, на попечение доктора Афродиты, а сами немедленно явились в свои апартаменты. Я вас жду.

- Что там ещё стряслось? – пробормотал он, услышав отключение собеседника от линии связи. Однако, профессор знал, что толковый генетик никогда не позволит себе шутить или тревожить Зевса понапрасну. Итак, что-то случилось... Надо действовать!

Тихонько шепнув на ушко красавицы Афродиты несколько слов, смысл которых заключался в «Задержите Крона любой ценой!», Зевс развёл руками – и обратился к начальнику инспекции с извинительной тирадой: дескать, надо ненадолго отлучиться, внезапный сеанс связи с МАИ... Крон, утвердительно кивнув, продолжал слушать рассказ Афродиты о классификации хордовых со средней степенью внимания. Зевс постарался как можно незаметнее достичь дверей лаборатории, а когда они захлопнулись за ним – стремглав понёсся в собственный кабинет.

- Ну, - воскликнул он, даже не отдышавшись, прямо с порога своего кабинета. – Что стряслось?

Эрот, стоя возле массивного рабочего стола профессора, тихонько произнёс, повернув голову к кровати:

- Слышь, ты! Вылезай! Тут тебя никто не тронет...

Сперва Зевс подумал, что ему просто мерещится: из-под кровати – с тяжёлым сопением, урчанием и ещё какими-то сопровождающими этот процесс звуками – появилось странное существо: ростом оно было пониже самого Зевса, чёрное-пречёрное, одновременно напоминающее человека, крокодила и бабуина. Карлик внимательно посмотрел на опешившего профессора – и прямо из-под кровати кинулся к Эроту, обхватив лапами его ноги.

- Это... что такое, доктор? – поправляя очки на носу, промямлил Зевс.

- Токолош, профессор, - голосом, в котором не было и намёка на нечто необычное, ответил генетик. – Токолош африканский обыкновенный, если его так можно классифицировать...

- Зулусский, - внезапно добавило существо, вертя вытянутой крокодилей мордочкой во все стороны. – Впрочем, на последнем особенно не настаиваю: могу быть и представителем мифологии басуто...

- Погоди, - прервал карликовы претензии Эрот. – Вот, профессор, вся история в двух словах: Совет – почти параллельно с нами – направил экспедицию «богов» на Африканский континент. Токолош – откровенно говоря, довольно вредное божество, помешанное на сексуально-эротических утехах, однако не брезгует и откровенно злыми шутками над девушками и женщинами: то сожрёт, то просто напугает...

- Совсем, как наш Крон! – увлечённо слушая коллегу, заметил профессор, однако, быстро взял себя в руки. – Понимаю и сочувствую. Но что он делает на базе?!

- Ну, сейчас уже точно не установить, как он сюда попал: видимо, отбилась от группы, попал не в тот телепортер или не в тот временной поток – и оказался здесь... Я нашёл его, прячущегося за контейнерами с какой-то аппаратурой – и немедленно связался с вами... Правильно говорю? – обратился Эрот к вцепившемуся в его ноги существу. – Да отпусти же ты меня! Тебе ничто не угрожает.

Токолош, наконец, отцепился от генетика:

- Всё правильно, коллега! В последнее время в телепортеры вообще лучше не входить: мало ли, куда зашвырнёт... Прошу вашей помощи, друзья: сообщите моему руководству, что я – здесь, пусть они настроят мне линию переброса и сообщат вам точные координаты... Надеюсь, я не доставил вам проблем своим нахождением на базе?

- Так, самую малость, - хмыкнул Зевс, - если не считать того, что именно в этот миг «Олимп» инспектирует один из академиков Совета!
  - О-о-о, да вы серьезно влипли, профессор! – Токолош почесал затылок. – Помочь чем-нибудь могу?
  - Несомненно, если уберётесь с «Олимпа»!
  - Может, незаметно провести его в телепортер, профессор Зевс? – предложил первое, что пришло ему в голову, генетик.
  - Очень разумно, дружище! Только по пути вам придётся миновать лабораторию Зоологии; а если Крон застукает вас в коридоре? Нет, не годится!
  - Есть выход, профессор: я заберу Токолоша с собой, на остров....
  - Куда?
  - На остров, где расположена Лаборатория генетики. Пересидит у меня, пока инспекция не свалит с «Олимпа».
  - Хорошо бы... – Зевс посмотрел на Эрота и корчившегося рядом с ним карлика. – Позвольте, но ведь вас, насколько помнится, вызывает колдун?
  - Вот именно! – кивнуло существо. – Мой колдун – как раз по совместительству – является моим же оператором! Свяжитесь с ним – он передаст вам координаты...
  - Ясно. Что же, - Зевс задумался, - дверями вам лучше не пользоваться, вылезайте через окно. Оттуда попадёте на веранду и смотровую площадку. Далее, пред вами будет таверна «У Гелиоса», постарайтесь не напугать своим видом официанток... и не приставайте к ним, коллега! – Зевс глянул непосредственно на Токолоша, тот неохотно кивнул в ответ. – Затем спуститесь ярусом ниже, и окажетесь в...
  - Я знаю, профессор, - перебил его Эрот, распахивая окно. – Словом, если Токолош не никого не сведёт с ума по дороге к ангарам, то на любом из воздушных катеров мы покинем континент – и довольно скоро окажемся в Атлантиде!
  - Атлантиде, вы сказали?! – уточнил профессор Зевс, помогая африканскому божееству влезть на подоконник.
  - Да, уважаемый Зевс! Это и есть моя Лаборатория генетики, так я решил назвать свой остров... Ну, ни пуха! – и Эрот, держа Токолоша за лапку, скользнул вместе с ним на веранду. Мгновением спустя две фигурки были скрыты колоннами и балюстрадой смотровой площадки.
- Зевс удовлетворённо вздохнул: кажется, пронесло... И, с лёгким сердцем новорождённого, вернулся к покинутым гостям.
- Несмотря на все попытки доктора Афродиты удерживать инспекторов у себя, Крона уже донельзя замучили бесконечные лекции на тему общей биологии; да и профессоры Власть и Сила уже неоднократно порывались покинуть помещение.
- Ладно, дорогая, - не выдержал академик. – Рассказ ваш был весьма увлекательным, экспонаты – в полном порядке... Благодарю за экскурсию, за которую, кстати, ставлю вашему комплексу твёрдую «пятерку»! Нам пора продолжить осмотр «Олимпа», не так ли, коллеги? И куда это Зевс запропастился?
- В этот миг двери распахнулись – и профессор осторожно скользнул в помещение.
- Ну, решили свои дела? – осведомился академик у вошедшего. – Мы намерены проводить дальнейшую инспекцию...
  - К слову сказать, нам надо ещё две базы посетить, - добавил профессор Сила.
  - Конечно, конечно! – защебетал Зевс, благодарно подмигивая Афродите. – Уважаемые коллеги, позвольте показать вам следующий сектор – Лабораторию информатики и...
- Профессор внезапно осёкся: он вспомнил, что руководитель означенных угодий Геракл так до сих пор и не появился. Но слово, как известно, не воробей – и Зевсу ничего не оставалось, как проводить инспекторов в указанную лабораторию.
- По счастью, здесь тоже всё более-менее обошлось; прибывшим уже довольно надоело инспектировать базу, поэтому заготовленные отчёты они выслушали довольно рассеянно и взирали на всё сквозь пальцы.

Тем не менее, от намётанного взгляда профессора Власти не мог укрыться – да разве можно не заметить огромного агрегата в центре помещения?! – странный массивный прибор, занимавший почти всё пространство в Секторе комбинаторики, вокруг которого аккуратно располагались десятка два кресел. Аппарат имел доскообразную форму, напоминая собой идеально круглый стол метров трёх в диаметре, единственная ножка которого, обвитая проводами, уходила в пол. Профессор, остановившись возле вызвавшего его интерес предмета, переводил вопросительный взгляд с него на Зевса. Тот, без всякой вспомогательной аппаратуры, прочитал молча заданный ему вопрос.

- Обратите внимание, коллеги, это – наш миниколлайдер, соединённый с Большим адронным коллайдером на втором подземном ярусе. На нём сотрудники рассчитывают развитие возможного будущего в процентном отношении... В среде персонала базы он более известен, как причинно-следственный лохо... прошу прощения, ионотрон.

- Понимаю, - кивнул академик, мгновенно заподозрив во внезапной оговорке гида что-то неладное. – А почему так много сидячих мест? Ему что, мало одного оператора?

Зевс пожал плечами: приходилось выкладывать всё.

- Понимаете, многоуважаемый инспектор, иногда – например, во время обеденного перерыва или вечером, после окончания работ – коллеги позволяют себе отвлечься от тяжких трудов. Это ведь не возбраняется «Инструкцией», не так ли? И они играют на этом ионотроне в «Причину и Следствие»...

- Играют?! Это как?

- Ну, для начала компьютер – совершенно произвольно – выбирает пару тяжёлых ионов, которых, так сказать, ставит на кон...

- Интересная терминология, весьма интересная! – едва слышно обронил Крон, подозрительно глянув на своих спутников. – Продолжайте, пожалуйста!

- Ну, это... Затем он помечает их: одна из частиц становится «Причиной», а другая – «Следствием». И отправляет их, как бы выразиться... на трассу.

- Ну, и в чём же суть эксперимента?

- В наблюдении за парадоксом, коллеги! Дело в том, что «Следствие» частенько обгоняет «Причину». Компьютер может – так же, случайным выбором, который остаётся неведом игрокам – наделить ту или другую частицу двойным ускорением, естественно, абсолютно произвольно. Такое вот получается философское развлечение, друзья! Весьма забавное, правда? И напоминающее о Втором Вневременном законе...

- Как же много вы знаете об этом, профессор! Несомненно, сказывается ваш персональный опыт игрока! – вставил профессор Сила. – Скажите, а игра эта, часом, не азартная? Ведь вы в курсе, что «Инструкцией» однозначно запрещены подобные развлечения?

- Что вы, профессор Сила, ничуть! – продолжал выкручиваться Зевс. – Ни капельки!

- Смотрите! – лёгкое предупреждение прозвучало в словах Силы. Он усмехнулся. – Какой остроумный парадокс – «Следствие» перед «Причиной»!.. Как бы вам, коллега, в результате беспричинности подобного занятия, не перевестись в категорию моих подследственных! – инспектор улыбнулся собственной иронии. – Мало чести в том, чтобы территорию научно-изыскательного комплекса превращать в необлагаемое налогами казино...

- А где, кстати, начальник комплекса? – любопытствовал академик, когда инспекция была успешно завершена. – Как сказано в документации, это никто иной как доктор Геракл... Где он? – академик вопросительно глянул на главу «Олимпа».

- Вышел, - поспешно ответил Зевс, - только что был здесь – и вышел... Видимо, получил вызов на объекте.

- Понятно, - неопределённо пробормотал Крон. – Даже не поприветствовал полномочную инспекцию? О времена, о нравы!..

Руководитель «Олимпа» только развёл руками: ничего, мол, не поделать – такие уж времена... и нравы, соответственно...

Его вновь прервал вызов по индивидуальной связи. Извинившись, профессор совершил несколько шагов в сторону от собеседников:

- Зевс слушает.
- Профессор, у нас всё замечательно! – оглушил его восторженный голос доктора Эрота. – Мы, вроде бы никому не попавшись на глаза, успешно добрались на Атлантиду! Сейчас запущу клонопринтер, покормлю Токолоша синтетическими африканскими девушками – и засуну в анабиозную ванну, чтобы под ногами не путался...
- Хорошие новости, доктор! – Зевс с опаской глянул на Крона; тот о чём-то беседовал с группой окруживших живую легенду информатиков. – Скажите, вам доктор Геракл, случайно, на глаза не попадался?
- Нет, профессор. Мы неслись, сломя голову, ничего вокруг не видели... А что такое?
- Да он, нехорошее божество, едва не подставил меня своим отсутствием на базе; впрочем, я сам виноват – дал ему отпуск, будь он неладен...
- Может, дать срочную шифровку на «Океан», пусть пришлют профессора Протея ему на замену?
- Не успеем. К тому же я, судя по всему, из ситуации уже вывернулся... Тем более, осмотр «Олимпа» почти закончен, в скором времени Крон со своими оруженосцами нагрянет и к Посейдону, и к Аиду. Им самим кадры на местах пригодятся...
- Оставив, наконец, в покое «Олимп», академик Крон со своими присными отправился инспектировать «Океан» и «Тартар». Сколько у них ушло на это времени, остаётся неизвестным, поскольку на пути ревизоров весьма некстати попала Бермудская аномалия, которая, в довершение к магнитному поясу планеты, сбила настройку аппаратуры. В конце концов, это было неважно, так как пребывание инспекторов на Земле не являлось строго лимитированным.
- После того, как представители Совета окончательно разобрались с состоянием «Проекта «Земля»» в целом и в частности, руководство всего учёного сообщества – в лице профессоров Зевса, Посейдона и Аида – решило как следует отметить тяжкий труд присланной комиссии, то есть увенчать его завершение роскошным банкетом. Для этой цели не только было дано всеобщее оповещение по трём базам, но и по старинке разосланы персональные приглашения, написанные каллиграфическим почерком на самом настоящем пергаменте. Аид предложил придать мероприятию вид бала-маскарада, но Зевс урезонил коллегу, высказавшись в том смысле, что, раз уж бессмертные нарядились в одеяния никогда не существовавших «богов», то большего маскарада нечего и желать. Профессор Посейдон, которому, по большому счёту, было совершенно безразлично, в каком именно ключе пройдёт торжественное мероприятие, воздержался от голосования.
- Сотни представителей научного и технического персонала собрались под огромными сводами Храма Зевса – банкет, естественно, было решено провести на «Олимпе», поскольку другие базы не являлись особо приспособленными для такого количества «богов». Одна за другой последовали приветственные речи академика Крона, профессора Зевса и других почтенных спикеров; вокруг них так и кружил доктор Гермес, щеголяя новыми сандалиями и навязывая выступавшим свои липовые интервью.
- Я не понимаю другого, - шептал тем временем Посейдон Аиду. – Мы с тобой, как-никак, тоже олимпийцы, почему же мы находимся не на «Олимпе»?! Что мы забыли на других базах?! Этот Зевс просто не терпит учёной конкуренции, так это следует понимать?!
- Я полагаю, что дело не в этом, - отвечал тот таким же шёпотом. – Эта информация, согласись, происходит из самого ненадёжного источника – от баснописцев, которым чихать: братья мы Зевсу или нет... Посуди сам: если следовать твоей логике, Посейдон, то Крон должен был нас обязательно сожрать ещё во время инспекции... Одни только мои ночные картёжники могли послужить тому причиной! Однако, ничего не произошло. Да и у тебя, на «Посейдо...»... на «Океане» тоже, кажись, все головы остались на местах? Потому и не стоит беспокоиться по таким мелочам, как бессмыслие теологии...
- Упомянутые профессором Аидом ночные картёжники, коими, как известно, являлись Аскалаф, Кербер, Ахеронт, Гидра, Харон – и плавно вошедший в их компанию Тритон с «Тартара» – вовсю наслаждались мероприятием. Они немедленно перезнакомились с

Фобосом и Деймосом, которые, вытащив коллег подальше от лишних глаз на смотровую площадку, раскрыли им тайны никем ещё невиданных пасьянсов. «Тартаршики» и «океанщики» только диву давались; затаив дыхание, они наблюдали за ловкими руками известнейших в любой Галактике техников, которые – подобно рукам профессиональных фокусников – умело раскладывали изумительный пасьянс «Царство женщин», не поддающийся никаким логическим расчётам «Эгоист»; впрочем, вершиной карточного искусства поражённым до глубины сознания друзьям показалась «Ссылка»: игра с совершенно непредсказуемой концовкой – а таковых в ней, по словам обучающих народ специалистов, было ровно тридцать две – и неправдоподобно закрученным сюжетом.

- Ай да класс!!! – только и восклицали чувствующие себя новичками коллеги, наблюдая за молниеносным движением пальцев Фобоса и Деймоса, раскладывающих пасьянс в четыре руки. – Кто бы мог подумать?!

- Вот что, друзья, - не отрываясь от дела, сказал Фобос. – Мы приглашаем вас на «Олимп» ещё раз! И ещё много-много раз!

- Да, мы вам такие фокусы покажем, что... – и Деймос замотал головой из стороны в сторону, не в состоянии описать словами, насколько же умопомрачительными будут эти «фокусы». – Но придётся малость подождать...

- Чего подождать? – за всех спросил Аскалаф.

- Ни «чего», а «когда»: вскоре Афина оформит свои «Чертоги» – и тогда, уж поверьте, заживём!

А в Храме Зевса выступал его одноимённый персонаж. Несмотря на волнение, говорящий старался справиться с собой:

- И последнее... Прошу ещё минуточку внимания, коллеги! Мы понимаем, - обратился он к Крону, воздевая руки, – что многоуважаемый академик, проделавший немалый путь на нашу планету, не может вернуться домой без подарка... Не сомневаюсь, что своим желанием преподнести ему этот скромный подарок, я выражаю мнение всех собравшихся в этом греческом зале... Итак, - Зевс приосанился, приблизив к глазам жезл с вмонтированным с его рукоятку микрокомпьютером, - по решению руководства трёх расположившихся на Земле баз, мы направили в МАИ заявление, чтобы отныне – из великого уважения к Его Бессмертию – «Проект «Земля»» был переименован в Проект «Земля Святого Крона», ибо все мы здесь – ваши ученики и поклонники, поэтому всё на Земле, включая наши труды – принадлежит вам, дорогой наш наставник!.. Смею уверить вас, о великий Крон, что под протоколом о замене названия проекта подписались все без исключения!

Увлёкшись, Зевс не сразу обратил внимание, как вокруг обеспокоенно зашептались коллеги; он ожидал бурных аплодисментов, но по лицу академика безошибочно установил, что то-то пошло не по плану.

- Что ещё за «святой» Крон? – переводя взгляд с Власти на Силу, молвил Генеральный Инспектор, мгновенно перевоплощаясь в Генерального Инквизитора. – А ну-ка немедленно убрать анахронизм из документа! И пусть все мифотворцы повычёркивают его из своих опусов!

- Но... здесь так написано! – побелел руководитель «Олимпа», зверскими глазами окидывая помещение. – Кто готовил документ, чёрт побери?!

- Ну, теперь искать виноватого поздно, раз уж протокол отправлен в МАИ, - настроение Крона внезапно изменилось, возможно, от осознания того, что криками уже ничего не исправить. – Я вас понимаю, дорогой: хотели сделать подарок... Спасибо, это было от души! Вот! – спохватился академик. – Теперь я и сам начал выражаться анахронично и религиозно! Ладно, - он вновь обратился к коллегам, - у любого из вас имеется хоть что-то именное: вашими именами названы города или храмы, леса или моря – ну, назвали бы моим именем какую-нибудь улочку на «Олимпе» – и дело с концом! Кому нужны лишние траты времени и средств на смену названия проекта?! О времена, о нравы!..

Повисла невольная пауза. «Боги» молча переглядывались, предполагая, чем же закончится инцидент. Положение спас невесть откуда появившийся доктор Гермес, выполнявший, на сей раз, свою прямую мифическую функцию глашатая:

- Дамы и господа! Объявляю, что у подножия Олимпа собралось преогромное количество народа. Я пригласил их на гору, но они наотрез отказались, мотивируя это тем, что негоже простым смертным подниматься в священное жилище «богов»... Тем не менее, им хочется убедиться, действительно ли... я записал их вопросы буквально, - Гермес воззрился на персональный компьютер, - действительно ли у Зевса имеется орёл? Греческие орнитологи интересуются, как он его приручил... Далее, вопрос к Деметре: местные художники недавно устроили настоящую свалку, решая, как правильно её изображать: девушкой – или зрелой женщиной? Коллега, уж разберитесь вы с этими людьми искусства! Более всего вопросов к Дионису: виночерпиям просто покоя не дают рецепты его различных коктейлей... Словом, люди хотят видеть всех нас, дорогие мои! В том, что у меня крылатые сандалии, как вы понимаете, они уже убедились...

- Люди?! – радостно воскликнул Крон. – Замечательно! Я так хотел посмотреть на них, пойдёте, друзья! И помните – никакой левитации! Передвигаться только на своих двух! Летать позволительно лишь доктору Гермесу, тут уже ничего не поделать... Насочиняли греческие бабушки сказочек!..

И сонм «богов» чинно двинулся к выходу из Храма Зевса. Первым торжественно вышагивал сам академик Крон, за ним – все остальные, в порядке старшинства. У подножия Олимпа горели костры, окружённые толпами людей; здесь были отцы семейств, их жёны, старики и младенцы; любому хотелось поговорить с «богами», спросить о будущем, вымолить удачу... Толпа затихла, предвкушая интересное общение.

И вот Крон остановился рядом с молодым греком в шляпе, так похожей на петас доктора Гермеса, протянул к нему руку – и театрально возгласил:

- Che vuoi?² – возгласил почему-то не на государственном греческом языке. Знать, эта встреча тоже вызвала в нём волнение...

Увы, динамик в его жезле дал очень сильное эхо, благодаря которому слова академика прозвучали настоящим громом. Эллин упал в обморок, остальные собравшиеся завизжали – и бросились врассыпную. Несколько мгновений спустя подножие Олимпа было пустым – «боги» остались одни. Крон, с печалью на лице, лишь заметил:

- Увы, после случившегося они непременно насочиняют сказок о моей жестокости... Полагаю, вы исправите положение, профессор Зевс? Исправите, коллеги? – обратился он к окружающим.

- Обещаем, Ваше Бессмертие, что контакт с людьми будет налажен! – уже дважды за сегодня Зевс говорил за всех. – На Земле Святого Крона всё будет в порядке!

- Всё будет в порядке, - пробубнил под нос академик, будто из речи профессора Зевса расслышал только это.

---

² Чего хочешь? (итал.)

РАССКАЗЫ О «ПИЛОТЕ» ГЕРМЕСЕ

*Муза! Гермеса восславим, рождённого Майей от Зевса!
 Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
 И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
 Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
 В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
 Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
 В пору, как сон многосладкий владел белокозотной Герой.
 Втайне равно от богов и людей заключён был союз их.
 Время пришло, – и свершилось решенье великого Зевса:
 Сын родился у богини, — ловкач изворотливый, дока,
 Хитрый пролаз, быкокрад, сновидений вожатый, разбойник,
 В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
 Много преславных деяний явить меж богов предстояло...
 Гомеровы гимны, «К Гермесу», 1-14*

*Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами
 Пользы кому-либо мало даёт, но морочит усердно
 Смертных людей племена, укрываемый чёрною ночью...
 Гесиод, «Теогония», 576-578*

- Пилот Гермес!

Патрон всех глашатаев, менеджер, помощник завхоза «Олимпа», врач, геолог, картограф и просто мастер на все руки Гермес открыл глаза. Над ним стоял Арес и тормозил коллегу за плечо. – Пилот Гермес! – увидев, что спящий проснулся, на лице «бога» ракетостроителей появилась улыбка. – Да ты, я вижу, научился спать как самый настоящий человек! Просыпаться, кстати, тоже... С чем и поздравляю!

- В такую рань!.. – запричитал доктор Гермес, потягиваясь на ложе. – Мне такой сон снился... Надо будет попросить Морфея, чтобы грядущей ночью залил мне его вторую серию... Что случилось?

- У меня дружеская просьба: слетай, будь ласка, на «Тартар», попроси у доктора Гефеста самой настоящей магмы: мне нужен небольшой образец для тестирования моего нового изобретения...

- Не вопрос, - зевнул Гермес. – Но – только по дружбе: честно говоря, у меня полно работы.

- Какой же, интересно?

- Ну, ты скажешь... А кто будет читать людям курс по выживанию в сфере грядущих коммерческих отношений?! А мой мастер-класс по бизнесу?!

- Хорошо, считай, что ты убедил меня в собственной занятости! – усмехнулся Арес. – Только особо не затягивай, ладно? Давай-ка сперва на «Тартар»...

- Лечу, лечу...

Прозвище «Пилот» было дано доктору медицины на случайно; автором его был, кстати, никто иной, как разбудивший Гермеса коллега Арес. После запрета академика Крона на персональные левитаторы для персонала «Олимпа», за исключением самого Гермеса, «боги» были вынуждены пользоваться только фуникулёрами, монорельсами и прочими видами транспорта, созданными в пределах базы. А за её пределы, буде на то желание, «Инструкция» предписывала олимпийцам и не олимпийцам прогулки на своих двух. Конечно, при этом вполне допускалось использование воздушных глассеров, реактивных

самолётов, дирижаблей и прочих удовольствий; тем не менее, отличие Гермеса от остальной учёной братии было очевидным. Тогда-то к нему и прилипло невольно сорвавшееся с языка Ареса прозвище... Так к нему частенько обращались почти все, ну, может, за исключением обслуживающего и вспомогательного персонала базы. В задачи его входило носиться между базами по поручениям профессора Зевса, доктора Геры, а также – чему мы уже были свидетелями – исполнение небольших дружеских просьб. Неограниченное, не стеснённое ни временем, ни пространством передвижение давало доктору отличные возможности не только всегда быть первым в курсе любых событий на Земле, но и – согласно призванию – приторговывать из-под полы кое-чем как легальным, так и нелегальным. Говорят, он поставлял своим заказчикам немислимую, только что сошедшую с конвейеров на родине аппаратуру, навороченные причиндалы и одежду; товары индивидуального и массового потребления; ходили даже слухи – которые, к чести доктора, так и не были подтверждены, – что он втихую снабжал «Чертоги» Афины лёгкими наркотиками... Впрочем, Гермес вообще ни разу не был задержан с поличным, потому не следует огульно бросать тень на уважаемого коллегу.³

Когда он, после памятного посещения профессора Зевса в армейских берцах, явился в технический блок за положенными ему по форме сандалиями, Фобос и Деймос не только на загляденье выполнили его просьбу, но даже проявили известную долю фантазии дизайнеров, а именно: присобачили к его обуви парочку изящных, сверкающих алюминиевых крыльев.

- Это ещё зачем? – недоумевал заказчик.

- Будешь голубем мира, - прикалывался Фобос.

- Пусть это будет вензелем нашей команды, - подхватил Деймос. – «Фирма «Фобос и Деймос. Оригинальные дизайнерские решения. Неимоверные скидки. Мы работаем для Вас!»

Гермес не мог не согласиться, что обувь стала выглядеть круче некуда; однако, именно эта введённая техниками деталь одежды стала наибольшей препоной для доктора, когда тот пытался объяснить людям, что к осуществлению его полётов – а это было архиглавнейшим вопросом древнегреческих почемучек – крылышки не имеют ни малейшего отношения. Не помогла и наглядная демонстрация портативного левитатора: эллины, конечно, просто не поняли принципа его работы. Однако, не мудрствуя лукаво, «усекли» для них вполне очевидное: «Раз ты летаешь – значит, дело в крылышках!»

Итак, выполнив просьбу Ареса, доктор Гермес спустился к подножию Митикас, где на живописной лужайке под раскидистыми, однако несколько пропускающими солнечные лучи кронами деревьев, его терпеливо ожидали ученики: группа эллинов, которых сам доктор отобрал для занятий по маркетингу и менеджменту. Гермес, кивнув собравшимся, деловито хлопнул в ладоши:

- Итак, господа, тема сегодняшнего урока очень важна для понимания и усвоения дальнейших материалов... Прошу усаживаться поудобнее, мы начинаем... Эллада, как претендующее на первенство в экономическом плане европейское государство данного периода, несомненно, нуждается в квалифицированных специалистах широкого и узкого профиля: банкирах, негоциантах, коммерсантах, рекламных агентах и прочих представителях финансовых пирамид; со временем я объясню вам это подробнее, сейчас же просто записывайте информацию... Любой, посвятивший себя бизнесу, должен давать себе отчёт, со сколькими трудностями ему предстоит столкнуться на этом тернистом пути... Договоримся пока не рассматривать этическую сторону вопроса – в своё время вы сможете обсудить её с Гипносом, Гестией и другими психологами – поскольку моё преподавание, как вы понимаете, лежит вне этой плоскости; моя прерогатива – научить вас зарабатывать и тратить деньги.

³ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- О, это подлинное искусство! – восхищённо произнёс некий толстяк, взмахивая стилем.
 - Кто бы сомневался! – кивнул на реплику доктор. – Итак, сейчас я покажу вам пару обучающих манёвров...

- С деньгами? – живо поинтересовался другой, ещё толще.

- Конечно! Запоминайте, друзья: бизнес сам по себе является умопомрачительным фокусом, а что в главное? Умение отвлечь внимание покупателя, поставщика, партнёра – если потребуется – от значительного при совершаемой сделке и при этом же привлечь его внимание к чему-нибудь несущественному, - Гермес достал новенькую тетрадрахму. – Словом, напрягите изобретательность – и, невзирая на моральные принципы, коли у кого такие ещё остались – попытайтесь выманить её у меня...

Занятия в начальных классах продолжались до обеда. Во время перерыва, пока новая группа ещё не собралась на лужайке, доктор решил посетить «Океан» – видимо, там тоже имелось для него какое-то соблазнительное дельце, – однако, на пути к побережью, его окликнули откуда-то снизу:

- Эй, Гермес! Не гневись, лучше остановись... Разговор есть!

Доктор удивлённо посмотрел себе под ноги: у высокого дуба сидел молоденький пастушок; в руках его была длинная ветвь для выпаса скотины. Заговоривший с Гермесом носил беднейшие облачения. Маленькое стадо коров неторопливо передвигалось по берегу извилистого водоёма.

- Приветствую тебя, честный труженик! – спустившись на лужайку, поздоровался с ним доктор. – Что нужно тебе от честного бизнесмена?

- Коровку не возьмёшь? – хитренько предложил юноша, скорее, даже мальчик. – Вон ту, самую пятнистую... Отцу деньги позарез нужны!

- И почём отдаёшь? – заинтересовался доктор.

Мальчик назвал цену, от которой у Гермеса глаза полезли на лоб:

- Ты что, белены... или что там у вас является её аналогом, объелся?! – он оценивающе осмотрел животное, которое, судя по производимым им движениям, едва держалось на ногах. – Да ей красная цена, как минимум, втрое меньше!

- Зато какая у неё чёлка красивая! – не моргнув и глазом, продолжал малец, задорно помахивая веткой. – Видишь, как она хвостиком крутит: значит, нрав у неё добрый. А столько пятен однозначно сулят тебе бесконечное счастье! И вот, это счастье я отдаю тебе за бесценок!.. Так, как – столкнёмся, Гермес?

Финансист вся Земля опешил:

- Послушай, мальчик, ты вообще в курсе, с кем разговариваешь?! Да я самый первый фарцовщик во Вселенной, а не только, что на вашей планете! Я создавал торговые институты ещё тогда, когда твоих предков и в помине не было! Никто из когда-либо живущих даже не представляет, насколько я умею вести коммерческие дела! А здесь ты, далеко неискущённый в торговле, пытаешься втридорога впарить мне какую-то полудохлую...

Но мальчик взирал на бога чёрного и прозрачного бизнеса с такой уверенностью, что мысли Гермеса неожиданно потекли по иному руслу. Он задумчиво глядел на собеседника, который терпеливо ожидал его ответа – и, как можно было безошибочно установить по хитринкам в его глазках, явно продумывал новый выпад, если покупатель вновь уйдёт в несогласие.

«А он – талант! Несомненный талант, клянусь Олимпом! За таким следует присматривать, иначе этим займутся возможные конкуренты...» – размышлял доктор, а вслух произнёс:

- Вот что, знаток теневой экономики, ты, случайно, на мои занятия не забредал?

- Увы, но мне про это старшие кое-что рассказывали, - печально выдохнул мальчик.

- В ученики пойти нет желания? Данные-то у тебя на высшем уровне... Пожалуй, тебя сразу можно определить в старшие классы...

- Да я бы с радостью, Гермес... Просто нечем платить за обучение.

- Понимаю, - согласился доктор. – Нынче любая консультация денег стоит... Впрочем, давай-ка я для тебя сделаю исключение – и возьму бесплатно!
  - Бесплатно?! – глаза мальчика так и полыхнули. – В финансовую школу Гермеса?!
  - В Высшую финансовую школу, - поправил его доктор, улыбаясь. – Согласен?
  - Да о чём разговор?! – мальчик едва не запрыгал от радости. – Хоть с сегодняшнего дня! – он по-взрослому нахмурил брови. – Понимаешь, отцу надо помогать...
  - А кто за стадом присмотрит?
  - Ерунда, у меня двое старших братьев, договорюсь...
  - Кстати, как тебя зовут, дружище?
  - Архестрат...
  - Тогда договоримся так: мне по делам надо переговорить кое с кем на океане, а ты тем временем договорись с отцом и братьями; когда солнышко будет вон там, приходи на это же место – я вернусь за тобой и отнесу тебя в школу... После уроков, конечно, доставлю домой. Идёт?
  - По рукам, Гермес! – воскликнул мальчик, хлопая веткой по траве. – Ну, так я пошёл!
  - Давай! – улыбнулся доктор. – И, смотри, не опаздывай!
- Время то шло, то останавливалось, то возвращалось – в зависимости от потребностей эксперимента бессмертных; поскольку в контексте привычного людям исторического «сегодня» не могут существовать одновременно Гомер, Солон и, скажем, Александр Македонский, то речь об этом, конечно, ведётся с позиции Вечности... Поэтому даже кажущиеся, на первый взгляд, анахронизмы – не более, чем прыжки, совершённые во Времени...
- Полифем, получивший, наконец, от начальства заслуженный отпуск, преспокойно удил рыбу, полагая это лучшей формой медитации. Вместо того, чтобы отправиться с Земли на родину, он предпочёл просидеть отведённое ему время на одном из маленьких островков Средиземноморья. Тут он обжил аккуратную пещеру на самом берегу, здесь было тихо и уютно, никто не беспокоил его... Поначалу он сделал глупость, поселившись на материке, где местные сразу разбежались при его возникновении. Учёный, не придавая тому большого значения, посмеялся над эллинами, перебрался на островок – и зажил спокойной жизнью отшельника, с утра до вечера медитируя с удочкой.
- Так было и теперь: Полифем, прикормив загодя ранее примеченное местечко, приготовился к общей релаксации, как вдруг перед ним возник доктор Гермес, буквально упавший с небес. Коллеги поздоровались; хозяин островка радушно предложил гостю присесть рядом с собой, прямо на травку.
- Благодарю покорно, - вежливо отклонил его жест прибывший. – Не хочу запачкать гиматий... Подумал, отдохну от своих полётов посреди моря, а потом рвану дальше. Ничего, что я без приглашения?
  - Да ничего страшного, Пилот! – ответил Полифем, потягиваясь и поднимаясь на ноги. – Правда, я собрался было немного помедитировать... Ну, да ладно, не горит... Выпить не желаешь? – и, не дожидаясь ответа, направился в пещеру за амфорой.
  - Ну, плесни капельку, - ответил тот, даже не поинтересовавшись, чем его намерен угостить хозяин. – Как проходит отпуск?
  - Великолепно! Тихо, спокойно, никаких тебе научных вахт...
  - Что на «Океане»? Как вы там пережили налёт Крона?
  - Нормально. По большому счёту, скажу тебе, Пилот: мне глубоко до балды, что там, на базе... В конце концов, я – в отпуске! Даже не слушаю сводку новостей...
  - Вот как?! – удивился Гермес. – Для кого же я стараюсь, как журналист?! Ах, ну да – ты же не слушаешь новостей... Знаешь, Полифем, я тебе под большим секретом расскажу, что наделало твоё последнее появление на континенте...
  - И что же?
  - Слушай. После твоей попытки обжиться на морском побережье, эллины, напуганные до полусмерти, такого о тебе насочиняли, что спаси господи!

- Интересно, интересно... Чего именно насочиняли-то? – обеспокоенно спросил Полифем.
- Уж поверь, гордиться нечем! Сперва из уст в уста, а потом и письменно, начали передаваться материалы, где всё выглядело так: некое одноглазое чудовище, видом схожее с человеком, только больно уж огромное, стало пожирать местных поселенцев. Затем оно, удалившись на какой-то остров, обосновалось в пещере, не изменив, однако, своих каннибальских наклонностей. Теперь оно заманивает в себе в порт проходящие мимо корабли, а из бедных моряков готовит такие десерты, что пальчики оближешь!.. Эй, Полифем, ты что – обиделся?!
- Вот ведь гады! – взвыл учёный, - я же для них старался! Всю морскую продукцию помогал для них создавать! И вот, как они мне отплатили... Жалкие, ничтожные личности!
- Хуже всего то, что некто из баснописцев эту «историю» – надо отдать ему должное – весьма поэтически оформил, и вскоре намечено её массовое тиражирование... Несомненно, весь сыр-бор случился из-за твоего электронного моногля, с которым ты не расстанешься даже во время отпуска...
- Я пробовал им объяснить назначение моего аксессуар, только они, вместо того, чтобы сделать хоть малейшую попытку выслушать, разбежались ещё быстрее... Что делать? Оклеветали меня, заразы! Что теперь подумают обо мне в МАИ?
- И что там должны подумать, дружище? В Архиве отлично понимают, что подобная «информация» – элементарное мифотворчество, основанное на незнании предмета и полном неведении о движущих им силах. Так что не беспокойся, лучше налей ещё! Если тебе от этого будет легче, то смею тебя уверить: всего каких-то несчастных полторы тысячи лет – и христианство, грядущее на смену язычеству, будет высмеивать подобные легенды!
- Действительно, - Полифем выпил и мечтательно закатил глаза. – Чего это я разошёлся... Хоть это так почётно: быть мучеником науки, заложником глупых мифов; но, с другой стороны – это весьма обидно... Ты же понимаешь меня, Пилот?
- Более, чем превосходно! – Гермес допил свою порцию. – Запроси Архив на мифы по любому из коллег – вплоть до самого академика Крона! – и убедись, какой грязью их иногда поливало глупое человеческое воображение! Все мы тут мученики, по совести говоря...
- Ещё будешь? – осведомился Полифем, указывая глазами на принесённую амфору.
- При других обстоятельствах ни за что не отказался бы, - честно ответил Гермес, – но дела есть дела! Может, тебе чего привезти на остров? Проси, чего пожелаешь – отшельникам пятидесятипроцентная скидка. Действует ещё две недели.
- Да вроде бы всё есть... А за новинками, ты же знаешь, я не гоняюсь... Пойду, помедитирую! – хлопнул себя по коленям доктор энтомологии и поднялся с бревна.
- Ну, тогда – бывай! – Гермес подтянул сандалии, поправил крылышки. – Не забывай, всё-таки: пятидесятипроцентная скидка! Подумай! – и мгновенно пропал из глаз. Бывало, что судьба забрасывала доктора в ситуации, грозившие изменить ход истории человечества, однако тот, с присущей ему находчивостью, неизменно выходил с высоко поднятой головой из любого испытания коллеги Ананке – даже с ковра, на котором его время от времени отчитывал за это профессор Зевс. Гермес, таким образом, являлся спасителем ситуации, которую сам же мог неволью спровоцировать.
- Это так странно, - говаривал он коллегам. – Я, столько всего переживший, владеющий стольким опытом – и так молодо выгляжу!.. Мне бы хоть немного седины в виски для солидности! Или какой-нибудь шрам, как у доктора Геракла...
- Ну, уродовать себя не следует, - пыталась ободрить его профессор Горгона. – А вот с причёской можно бы и поэкспериментировать...
- Отрасти усы! – советовала Афина. – Они сейчас в большой моде...
- Хватить хандрить, Пилот! – пытался отвлечь его от мрачных мыслей один из наиболее переживавших за гермесовы метания друзей, конструктор Арес. – Полетели в Египет! Мне нужно золото, а там оно чище, чем в Элладе... Да и тебе вроде бы для изготовления монет оно понадобится... Развеемся!

- Заметят они нас, Арес! И будут твои ракеты преждевременно красоваться на их папирусах...

- Чепуха, дружище! Наши ракеты уже давным-давно красуются на храмовых стенах Карнака! И не только ракеты: там и другой техники полно!

- Неприлично мне как-то – на ракете... Уж лучше я своим ходом...

Однажды, беседуя с известным сиракузским математиком Архимедом, Гермес, увлечённый диалогом, едва не проболтался – и не раскрыл учёному координатный метод, коему надлежало появиться почти две тысячи лет спустя после их разговора; Архимед, в свою очередь, и не думал прекращать общения, время от времени что-то записывая стилем на тонком пергаменте – и был весьма недалёк к тому, чтобы приблизиться к открытию системы координат вплотную. Положение было угрожающим – и Гермес, мысленно испросив совета у обвивающих его жезл змей-компьютеров, поспешил его исправить.

Беседа проходила в доме учёного. Проанализировав сложившуюся ситуацию, доктор стал действовать незамедлительно. Согласно обычаю и хорошему тону хозяев дома, рабы, к моменту появления Гермеса, приготовили горячие ванны – для самого Архимеда и его божественного гостя. Гермес, будто случайно, тронул рукой поясницу и мечтательно произнёс:

- Эх, полежать бы сейчас в тёпленькой водичке!.. Что скажешь, Архимед, насчёт принятия водных процедур?

- С удовольствием! Тем более, что беседовать можно и там... А у тебя, что, со здоровьем неважно, Гермес?

- Да как тебе сказать... Целый день летаешь – и простуду поймаешь!

Хозяин заговорил о медицине, о знакомых врачах, которые также все до единого были учениками Гермеса; тот сознательно поддерживал разговор, чтобы только Архимед не вздумал вернуться к немедленным занятиям геометрией. Развалившись в ваннах, они понемногу сменили тему беседы на политику, философию, географию; Гермес был искусен в запутывании следов – и некоторое время спустя сам Архимед не смог бы вспомнить, с чего же у них начался диалог до того, пока они с гостем не оказались в воде. Учёный рассказывал о том, что недавно сиракузский царь прислал ему золотую корону, намереваясь выяснить, не жульничал ли на материалах ювелир, которому изготовление этой короны было поручено – и тем самым, соответственно, проверить ум и смекалку самого Архимеда. Гермес же, изображая внимательного слушателя, отнюдь таковым не являлся: его мучила совесть. Как?! Позволить коллеге так близко подойти к одному из величайших открытий человечества – и так подленько увести от него в сторону несущественной болтовнёй?! Впрочем, Гермес не был бы Гермесом, если бы не умел подчинять себе созданные им же самим ситуации. И, взвесив мимоходом услышанное, он решил действовать.

- Послушай, Архимед, я хочу тебе кое-что показать, - начал он с напускной ленью в голосе. – Довольно занятая штучка...

- Да-да? – мгновенно клюнул хозяин дома, поворачивая голову в направлении гостя.

- Вот, - Гермес отстегнул браслет с правой руки. – Этот аппарат действует только в малообъёмных водоёмах, причём, только в горячих... По-хорошему говоря, изобретался он для использования в ваннах... Закрытые глаза, полный релакс и всё такое... Ну, ты меня понимаешь.

- Очень интересно! – Архимед высунулся из ванной по пояс, чтобы рассмотреть прибор с более близкого расстояния. – Для чего он служит?

- погоди, я тебе его принесу, - Гермес вылез из своего персонального бассейна – и, подойдя к учёному, нацепил браслет ему на руку; тот разглядывал предмет, пытаясь догадаться о его назначении. – Это СУМ – Сингулярный Усилитель Мышления. У меня на родине его называют сумванна, а на жаргоне техников с «Олимпа» – «сумасшедшая ванна». Теперь объясню его функции: аппарат призван мгновенно поднимать интеллект на высший допустимый уровень, заложенный в нас природой. Предположим, твой мозг работает на пять процентов, а природа – также предположим – ограничила его функциональность на

пятьдесят, если принимать сто процентов за высший универсальный показатель. Внутри этого браслета имеются микродатчики, позволяющие установить этот предел и не дать возможностям прибора скакнуть выше положенного уровня. Таким образом, при помощи этой несложной аппаратуры, твой мозг начинает работать на пределе своих возможностей, представляешь?

- Удивительно! – Архимед осторожно погладил браслет; вдруг брови его подозрительно нахмурились. – А почему это – «сумасшедшая ванна»? Мне ещё никогда не приходилось принимать ванн, ведущих к безумию!..

- Видишь ли, коллега, СУМ – это экспериментальная версия, я таких на «Олимп» всего несколько штук подогнал... Вот, теперь с Фобосом и Деймосом тестируем... Действует безотказно, однако, теоретически может и крышу снести! Впрочем, со мной всё было в порядке... Надеюсь... С другими, вроде бы, тоже. Хотя, кто знает: эти вечные спутники нашего Ареса и без тестирования СУМ были безбашенными...

- А что, Гермес, в инструкции по эксплуатации ничегошеньки не сказано о возможных побочных эффектах?!

- Дружище, помилуй, какие инструкции?! Это же опытный образец! Впрочем, у меня на него имеется специальное разрешение от Совета и Зевса лично... Неужели ты мог предположить, что я подсуну тебе контрабандный товар?!

Архимед доверчиво воззрился на своего божественного друга:

- Как им пользоваться, Гермес? Любой эксперимент, ради торжества познания над невежеством...

- Не беспокойся, коллега, я сам всё устрою!.. Просто лежи и отдыхай, ни о чём не думай... И глаза закрой, чтобы совсем не отвлекаться!

С минуту или чуть более выступивший добровольным подопытным учёный лежал без движения: видимо, микродатчики рассчитывали возможности его интеллекта, приводя их в безошибочное соотношение к универсальному знаменателю. А затем...

Затем Гермес был отброшен в сторону фонтаном воды; выскочивший из ванной Архимед, завопив «Эврика!», с выпученными глазами и совершенно позабыв об одежде, пронёсся мимо него на веранду – и, не пожалев на пути цветочной клумбы, равно как и низенького забора из прутьев, опоясывающего его резиденцию, выскочил на людную улицу. Обезжав голышом базарную площадь и всласть навопившись – на потеху находящихся там свободных и рабов – учёный вернулся домой:

- Гермес, золотой ты мой, я понял! Эврика! Дело в том, что выталкивающая сила воды равна по модулю весу вытесненной им воды, объём которой, соответственно, равен объёму погружённого в неё тела... Надо поскорее записать, пока из головы не улетучилось! Золотой ты мой!

«Итак, первое: ох, и не свезёт же ювелиру, когда Архимед опубликует новый, открытый им, закон! – подумалось доктору. – Знать бы хоть, кто таков... Ведь явно у меня учился мошенничать... И второе: больше СУМ Архимеду не предлагать! Кто знает, каким будет следующее его открытие, если его так переключило лишь в первый раз – и будет ли оно своевременным?!»

Конечно, в практике доктора Гермеса бывали истории с непредсказуемым финалом. Люди стремительно развивались, к каждому из них необходимо было подыскивать особый подход. Как-то раз доктор Деметра, обеспокоенная тяжким положением рабов с ближайшего золотоносного рудника, попросила Гермеса передать им маленькие подарки; в основном это была одежда.

- Почему бы тебе самой не прийти к ним? – спросил доктор. – Было бы очень красиво с твоей стороны, Деметра: раз уж ты открыла на Олимпе негласный «Фонд помощи нуждающимся» собственного имени, то и разносить гуманитарную помощь – твоя прямая обязанность, как учредителя миссии...

- Не валяй дурака, Пилот! – Деметра охватила руками голову. – Ты же знаешь, сколько у меня забот и работ! Я с базы даже для вечерних прогулок не спускаюсь...

Это была очевидная истина: доктор психологии действительно являлась одним из самых занятых сотрудников «Олимпа». Взвалив на себя тяжкое бремя помощи – в самом прямом смысле слова! – человечеству, она честно несла его, немедленно отзываясь на малейшую просьбу своих подопечных: то собирала игрушки для детей рабов и бедноты, то устраивала акции передачи одежды и пропитания; однажды, выслушав жалобу изнурённых лесорубов, лично явилась к надсмотрщикам – и тактично попросила их быть снисходительнее к рабочим. Люди обожали её... как, прочем, и других «богов».

- Хорошо, Деметра! – кивнул Гермес. – Конечно, я выполню твою просьбу... Координаты рудника подбросишь?

- Сам найдёшь! – женщина послала ему воздушный поцелуй. – Только не мешкай, я эту посылку хотела отправить ещё вчера!

- Ну, если доставлю её не по адресу – себя вини! – улыбнулся Гермес. – Назад не понесу...

- Ой, да лети уже, не теряй времени! – Деметра вновь схватилась за голову, позабыв о присутствии Гермеса; он услышал её сомнамбулическое бормотание. – Два мешка зерна – водоносам, ещё два – горшечникам... Так, у плотника родилась девочка – большая, как говорят; у матери молока нет, а кормилицу нанимать накладно... Итого – прислать цистерну... Только бы не перепутать, что кому!

Через некоторое время доктор Гермес был на руднике; горняки вышли ему навстречу; надсмотрщики по этому поводу объявили экстренный обеденный перерыв. Всем хотелось пообщаться с посланником Олимпа, послушать последние новости...

- Вот что, ребята, - начал Гермес, - наша чудесная Деметра шлёт вам привет и передаёт кое-какие вещички, - он кивнул на мешок, который положил возле ног; трудяги расселись вокруг доктора в тени деревьев; надсмотрщики – расположились чуть поодаль. – Так что берите и пользуйтесь... Налетай! – и он развязал верёвочный узелок мешка.

За считанные минуты люди разделили и разобрали одежду, обмениваясь впечатлениями от новых нарядов – и громогласно прославляя щедрость «великой богини». Доктор, перекинувшись несколькими словами с некоторыми из них, собрался в дорогу; горняки, по знаку начальства, уже отправились в шахту – как вдруг перед ним возник молодой надсмотрщик, гиматий которого была подпоясана изящным алым шнурком. В правой руке он держал мешок, в котором Гермес доставил на рудник гуманитарную помощь, а в левой – сжимал какой-то странный небольшой предмет.

- Погоди, вестник богов! – обратился он к доктору. – Не будешь ли ты столь милостив к твоему покорному слуге, не объяснишь ли ты ему, что это такое? – и, протянув руку ближе, разжал ладонь.

Гермес, взяв странный предмет, улыбнулся: это была детская игрушка. Круглая, прозрачная сверху коробочка, диаметром не более пяти сантиметров. На дне её располагался маленький домик с красной крышей, окружённый нарисованным по внутренним краям игрушки густым лесом. Стоило потрясти коробочку, как из леса выбегала Красная Шапочка с корзинкой в руках, за которой – согласно жанру ещё не возникшей для указанного отрезка времени сказки – неся, шёлкая зубами, Серый Волк, пытаясь её проглотить. Игрок нуждался в известной ловкости, чтобы помешать Серому Волку сделать своё чёрное дело: постукивая пальцем по днищу коробочки, надо было провести Красную Шапочку вокруг множества разбросанных по площадке перед домиком кустов – и завести её в жилище.

- Откуда ты взял эту вещичку? – спросил Гермес, всё ещё улыбаясь. – Выменял на что-нибудь или купил?

- Нет, Гермес, - собеседник легонько качнул головой из стороны в сторону. – Только что нашёл. В этом мешке... Что это такое?

- Значит, Деметра опять недоглядела: сунула игрушку в качестве презента шахтёрам, у которых на неё и времени нет... Бедненькая! Вечно всё напутает! – пожалел коллегу доктор. И посмотрел на надсмотрщика. – Это такая игра для детей...

- Для детей?!

- Впрочем, ты тоже можешь играть, - успокоил его «глашатай богов». – Не беспокойся: я властвую не только над такими маленькими коробочками, мне подчиняются даже большущие агрегаты самых огромных казино Ойкумены!.. Ладно, проехали! – добавил он, прочитав непонимание в глазах собеседника. – Смотри, вот как надо играть... – и Гермес мгновенно, ни разу не зацепившись о возникающие на пути Красной Шапочки кусты, провёл её прямо в домик; посрамлённый Серый Волк, оставшись без добычи, немедленно укатил в лес.

- Значит, я могу взять это себе и поиграть? – радостно спросил юный эллин.

- Конечно, забирай, - ответил Гермес. – Я не торгую не принадлежащим мне товаром... Только не думай, что у тебя получится так же легко, как у меня: в этой игре без сноровки не обойдёшься...

- Спасибо тебе, вестник богов!

Надсмотрщик, увлечённый подарком, уселся прямо под дерево, приступая к тестированию собственной ловкости, а его благодетель взял курс на Тибет...

Некоторое время спустя, Деметра получила сигнал тревоги – с того же самого рудника. И вновь отправилась к Гермесу с просьбой о помощи.

- Что на сей раз, дорогая? – доктор смаковал какой-то коктейль, облокотившись на балюстраду смотровой площадки Олимпа. Дружески подвинул Деметре амфору. – Не хочешь глоточек?

- Некогда мне поглощать амброзию, приятель! – доктор психологии легонько чмокнула коллегу в щёку. – У меня ЧП. Выручай, Пилот!

- Куда лететь? – сник Гермес; ворчал он редко, но ситуация вполне оставляла веский повод для этого. – Ни тебе посидеть, ни тебе выпить, ни полюбоваться видами, ни... Короче, - прервал он собственное красноречие, - что вам угодно, мадам?

- Помнишь золотиносный рудник?

- Я помню множество золотиносных рудников, прелесть моя!

- Да я не об учёте, Пилот... Рудник, на который ты по моей просьбе отнёс рабам одежду...

- Ах, этот? Конечно, помню! Ты ещё в мешок игрушек напихала, по забывчивости, видимо...

- Да? – удивилась Деметра. – Впрочем, при моей загруженности, пожалуй, со мной станется... Словом, слетай на рудник, разведай, что там произошло... У меня на мониторе аларм сегодня с утра не смолкает. Ну, Гермесик, родненький! Не в службу, а в дружбу...

- Мне следует всерьёз подумать о том, чтобы брать с клиентов надбавку за левые услуги по транспортировке товаров, - улыбнулся Гермес, легонько коснувшись щеки женщины. – А на экстренные разведывательные вызовы ввести особый почасовой тариф... Ладно, будет сделано... И пожар котлеты к моему возвращению, женщина: наверняка вернусь голодным! – бросил он через плечо, укорачиваясь от притворных ударов Деметры.

Чуть позже он уже стоял возле рудника. С первого взгляда на открывшуюся панораму, он сразу понял: что-то случилось: кое-кто из горняков бесцельно носился из стороны в сторону, кто-то – молился во весь голос всем богам; надсмотрщики сгрудились под деревом, неимоверно размахивая руками при громком обсуждении какого-то происшествия. Работа на руднике стояла, что было странным само по себе.

Увидев появившегося – как всегда! – из ниоткуда Гермеса, люди почти одновременно бросились к нему, вопя не своими голосами:

- Гермес, несчастье-то какое!

- Помоги, о сын великой Майи!

- Боги, боги, что приключилось!

Буквально схватив доктора под руки, горняки притащили его к дереву. Надсмотрщики расступились: перед Гермесом оказался тот самый юный надзиратель, гиматий которого был опоясан алым шнурком; теперь же она была испачкана травой, каменной пылью и кровью. Лицо юноши было разбито, он что-то бессвязно бормотал по Красную Шапочку и Серого Волка... Гермес внимательно осмотрел несчастного – раны оказались несерьёзными:

ссадины, синяки и один из выбитых передних зубов – и вопросительно уставился на окруживших его со всех сторон:

- Что случилось? Вы что, побили его?

- Да что ты, Гермес, Зевс с тобой! Кто же посмеет тронуть младшего сына нашего хозяина?!

– ответил пожилой надсмотрщик. – Это сделал он сам!

- Как это – сам? – не понял доктор. – Ему что, заняться больше нечем?

- В том-то и дело, мой господин, - вмешался один из рабов; все были так взволнованы, что старик даже не сделал ему замечания, мол, не заговаривай с «богами» первый. – С тех пор, как ты подарил ему эту странную штуку, Леонид, пожалуй, одержим Дионисом...

- Да нет, Дионис тут не причём, - констатировал доктор медицины. – Алкоголем-то не пахнет...

- Значит, его поработила Ата или Мания, - предположил подающий надежды психиатра или религиоведа старый надзиратель. – А может статься, даже сам великий бог Пан...

- Исключено, друзья: Ата и Мания нынче в отъезде, а Пана я видел в ресторане во время обеда, так что он – не при делах, - заключил Гермес, перебирая возможные варианты и пристально разглядывая следы ударов на лице молодого грека. – В конце концов, товарищи, хоть кто-нибудь расскажет мне подробнее об этом несчастном случае?

Слово взял всё тот же пожилой надсмотрщик:

- Дело ужасное, что и говорить! Как уже сказал Онесимос, - говорящий указал глазами на раба, предположившего в этой странной истории руку Диониса, - всё началось с того дня, когда ты подарил Леониду непонятную вещицу, с которой он никогда не расставался. Он перестал присматривать за рабами, только и делал, что возился с ней... В последнее время он даже пропускал обед или ужин; мы подозревали, что он чем-то болен. Леонид стал разговаривать сам с собой, взгляд его был каким-то затуманенным...

- На невидимые стены не натыкался? – спросил Гермес, осматривая зрачки пострадавшего. – Он ничего об этом не говорил? Мифических существ не видел – «богов» там всяких... – он умолк на половине фразы, почувствовав, что увлёкся сверх меры.

- Нет, вроде не говорил... А боги-то к нам ко всем приходят, Гермес, эка невидаль! – сморщил нос его собеседник. – Я думаю, что всё случилось из-за этой странной штуки! Она заставила его бить себя... Понимаешь, сидел себе, как всегда, под деревом, разговаривая с этой коробочкой; тряс её, как безумец – а потом, вдруг, ни с того ни с сего как подскочит! И давай валяться в пыли да лупить себя коленом в лицо; мало того, что в кровь его разбил, так ещё и зуб выбил! Кричал что-то про серых волков в красных шапочках... вы где-нибудь таких видели?! Безумие, господа, несомненно, безумие охватило Леонида! – старик закрыл лицо руками. – Что теперь сказать хозяину?!

- погоди, это мы решим, - ответил Гермес, касаясь правого уха и вызывая по персональной линии связи необходимый ему абонент. – Гипнос? Да, и тебе не хворать!.. Слушай, тут такое дельце: консультация твоя нужна. Знаю, что я сам доктор, но тут... как бы сказать, возможно, парапсихолог требуется. Что? Не знаю... То ли пациент невменяем отныне и навсегда, то ли у него есть шанс выкарабкаться... Хорошо, я его сейчас к тебе доставлю. Отбой!.. Вот что, я заберу Леонида на часик-другой, - снова обратился он к старику, - попробую исцелить его; по крайней мере, зуб ему вставим на место... Если отец его появится, скажите, что его сына взяли «боги», но ещё до вечера обещали вернуть. Всё, можете продолжать выполнять трудовую норму!

Доктор Гипнос, как ему было сказано, подготовился к встрече неожиданных гостей. Гермес уложил юношу на лабораторный стол, после чего аппаратура провела тестирование: тяжких повреждений нет, психическое состояние – повышенное возбуждение, однако через двадцать минут придёт в норму; зуб будет смонтирован и вставлен, раны – залечены при помощи кожного регенератора. Словом, не успели оба доктора выпить по рюмке нектара, как пациент пришёл в себя – и сел на столе, удивлённо осматриваясь.

Врачи, заметив его присутствие в мире живых, прервали возлияния – и вернулись к юноше, поведав ему о случившемся. В результате дальнейшего обследования и перекрёстного

допроса обоих эскулапов выяснилось следующее: игрушка, оказавшись в руках Леонида, настолько увлекла его, что у последнего был нарушен не только аппетит, но и сон. Сам парень так рассказал о своих ощущениях:

- Как только эта вещь попала ко мне, я сразу понял: жизнь моя изменилась! Я был обязан – во что бы то ни стало! – спасти Красную Шапочку от злого Серого Волка; как только Гермес улетел, больше я ни о чём не мог думать. Я старался изо всех сил, но мне никак не удавалось провести девочку в домик невредимой: противник всегда оказывался быстрее. Я так старался, но всё было понапрасну... Я стал раздражительным, иногда грубил старшим, почти перестал принимать пищу. А потом... Потом мне стало казаться, что я сам – Красная Шапочка, что я оказался внутри этой странной игры – и теперь мне необходимо убежать от злого Серого Волка. Иногда я возвращался в себя, понимая, что я не могу быть внутри игры, поскольку я – здесь, в мире людей; тем не менее, меня продолжало преследовать чувство, что мой мир – не настоящий, что на самом деле я – Красная Шапочка... А однажды всё смешалось окончательно: я не мог разобраться, какой из миров настоящий – мой собственный или Красной Шапочки. Поэтому я изо всех сил ударил себя коленом в лицо; боль вернула мне рассудок, однако ничего из дальнейшего уже не помню, - Леонид смущённо посмотрел на «богов». – Знаете, что-то мне больше не хочется играть в эту игру...

- Поразительно! – воскликнул доктор Гипнос, хлопая в ладоши. – Это просто поразительно! Ты слышал, Гермес? Столь чудесное балансирование между двумя абсолютно равнозначными реальностями...

- Не глухой, - ответил тот. – Действительно, любой из наших младших психологов отдал бы всё, чтобы впоследствии защититься на основании подобного случая! Это же какое необходимо самообладание, какая рассудительность!.. Леонид, - спросил он рассказчика, - а куда ты дел эту игрушку? Её так и не нашли...

- Не знаю. Может, сломал; может, согласно вашему рассказу, отбросил от себя куда-нибудь подальше, пока катался по земле, - юноша виновато опустил глаза, но тут же задорно вскинул их. – Хвала богам, что мне вернули зуб!

- Вряд ли с ним повторится подобное, - размышлял Гермес, когда Леонид был доставлен на рудник и на этом история закончилась. – Слишком волевой характер.

- Вычислительные машины с тобой согласны, - Гипнос показал ему вычисления и диаграммы, выведенные на мониторе. – Но куда же делась игрушка?!

- Неважно, - улыбнулся Гермес. – Я тут вот что подумал: не следует ли порекомендовать этого парня Аполлону? При таком воображении он мог бы стать превосходным актёром в его театре! Это же надо: настолько вжиться в роль...

- Ну, я ещё понаблюдаю за ним – пока он отдыхал, я ввёл ему чип, отслеживающий психическое состояние – а после решим, что с ним делать...

Весьма трогательные истории случались иногда с доктором Гермесом. Одна из таковых имела место чуть позже, в пригороде Александрии, где он, прогуливаясь во время обеденного перерыва, встретил очень красивую девочку.

- Здравствуй! – поздоровался с ней доктор.

- Здравствуй! – ответила она, ничуть не показав удивления оттого, что незнакомый красавец появился прямо перед ней. – Кто ты?

- Меня зовут Гермес, а тебя?

- Гипатия, - голос её звенел, как колокольчик. – Какие у тебя смешные крылышки на сандалиях!.. Мне уже пять лет.

- Мне немного больше, - улыбнулся доктор. – Знаешь, Гипатия, ты очень красивая! И наверняка – умница, каких мало!

- Мне все так говорят, Гермес, - она вздохнула. – Только я им не особо верю... Мне хотелось быть не красивой, а умной! Хотелось бы приносить пользу людям...

- Ну, красота уму никогда не мешала, особенно у девочек! А почему ты загрустила?

- Папин врач сказал, что я должна умереть. Может, через несколько дней... Но я не боюсь – лишь жалею, что так и не смогу принести пользу своему народу...
- Подожди, ты говоришь – Гипатия?! – Гермес глянул на свой обвитый змеями жезл, отыскивая нужную информацию; имя девочки показалось ему очень знакомым... Однако, он не успел: за спиной Гипатии возникла Ананке. Девочка никак не могла видеть Воплощения Неизбежности – «богиня Неотвратимости» была невидима.
- Что случилось, Гермес? – удивлённо спросила Гипатия, оглядываясь. – На что ты смотришь? Ты увидел белый кораблик в далёком синем море?
- Гипатия, милая, подожди меня здесь, пожалуйста! – громко сказал учёный. – Погуляй немножко, я скоро вернусь... Иди за мной! – тихонько прошептал он Ананке, направляясь в небольшую рощу между морем и пролегающей по берегу широкой дорогой в Александрию. «Богиня» кивнула – и последовала за ним. Девочка, совсем по-взрослому заложив руки за спину, стала медленно вышагивать вдоль берега.
- Здорово, Гермес! – Ананке, став видимой – отсюда, среди деревьев, никто не мог заметить её – хлопнула коллегу по плечу. – Рада тебя видеть! Каким ветром тебя занесло в Египет?
- Привет, дружище! – ответил доктор Гермес, обнимая Ананке одной рукой. – Знаешь, мне в последнее время осточертела греческая кухня; дай, думаю, пообедаю сегодня в Египте... А тут и ты нарисовалась! Может, отметим встречу?
- Ну, александрийская кухня в эти времена почти ничем не отличается от афинской! – хихикнула «богиня». – Но покутить, пожалуй, можно! Сейчас, только дело сделаю...
- Постой, Ананке! – забеспокоился Гермес. – Ты ведь – к этой девочке?
- Да, мы с дочурками-мойрами уже всё обсудили... У неё осталось четыре дня. Жаль девочку, – вздохнула Ананке, – но ничего не поделаешь: при проблемах с лёгкими не рекомендуется жить на побережье! И зачем я тебе это говорю, ты же доктор...
- Погоди, красавица! Ты знаешь, к кому заявила с приговором?! Это же Гипатия Александрийская!
- Да хоть Афинская! – коллега взглянула на свои прекрасно ухоженные ногти. Внезапно нахмурилась. – Так вот ты здесь зачем, Гермес? Оттачивай свои плутовские штучки на ком угодно, на мне – даже не пытайся!
- Ты несправедлива, Ананке! Я действительно оказался в Египте случайно... Вернее, у меня тут совершенно иные интересы...
- Всё фарцуешь?
- Позже, возможно, поговорим и об этом... Предлагаю сделку: ты не приговариваешь девочку к скорой смерти, а я... В общем, подумай, сколько шкур ты можешь с меня содрать за такую услугу!
- Слушай, Пилот, да ты, никак, рехнулся! Думаешь, что я куплюсь на то, чтобы заключать сделки с королём мошенников?! Тем более, что сделки твои – всегда с подвохом...
- Клянусь Зевсом, всё будет по-честному! Найди для Гипатии иной вариант будущего!
- Зевс также у тебя что-нибудь берёт по заниженным ценам... Например, вышедшую из употребления технику. Общеизвестно, как он любит подобный раритет...
- Опомнись, дружище! – настаивал неунывающий Гермес. – Если ты выполнишь мою просьбу, то... – и долго шептал на ухо «богине», видимо, о чём-то столь соблазнительном, что глаза Ананке раскрылись до невероятных пределов.
- Ты... Правда?! Ну, я должна подумать... – женщина кокетливо глянула на Гермеса. – Да ты – настоящий друг, Пилот!
- Я убеждаю тебя в этом уже полчаса, – потряхнул головой доктор. – Решай: если я достану то, что тебе так необходимо – ты остаёшься в выигрыше; если нет – моя бизнес-империя сильно пошатнётся, но ты всё равно остаёшься в выигрыше... Видишь, ты только что вытащила счастливый лотерейный билет! А Гипатии подыщи другую судьбу. И помни, Ананке: от тебя, только от тебя зависит сейчас ход человеческой истории!
- Сейчас, сверюсь с КВБ; может, что-нибудь осталось для Гипатии, – пробормотала Ананке, доставая миникомпьютер.

- Каталог Возможных Будущих?

- Точно... Всё, я запустила поиск... Та-а-ак... Увы, друг мой, ничего не получится: она всё равно умрёт! И есть ли разница – через несколько дней или через несколько десятилетий!

- Я понимаю, что она умрёт обязательно, но, поверь мне, разница между этими двумя «через» – огромна: или она умрёт маленькой девочкой, мучаясь от осознания того, что ничего не успела дать миру – или Гипатией Александрийской, чьё имя всегда будет знаменем борьбы прогрессивных научных идей против обскурантизма! Так что, Ананке, тряхни ещё раз свой КВБ, пусть ищет!

- А тебе не кажется это предельной формой эгоизма – решать судьбу человека без его разрешения? Уверен ли ты, что девочка поблагодарит тебя за это?

- Уверен, что да. И, знаешь, почему? Потому, что она честна перед собой...

- Ладно, - «богиня» вновь глянула на показания компьютера. – Тебе повезло, Пилот! Иду к ней с новым предопределением... Кстати, как быть с её лёгкими?

- Не беспокойся, дорогая, сама же сказала, что я – доктор! – ответил Гермес. – Это я возьму на себя...

- Ну, а... это... Должок-то свой, когда вернёшь? – недоверие вновь мелькнуло в её голосе.

- Завтра!

- Твоё «завтра» – это моя «вечность»! Не валяй дурака, Пилот!

- Поверь на слово джентльмену, Ананке! Кстати, завтра же можно и посидеть где-нибудь под Олимпом, sprysнуть нашу сделку... Согласна?

- Согласна, что с тобой поделаться! – Ананке вновь стала незримой.

- Привет дочуркам, то есть коллегам – Клото, Лахесис и Атропос! – громко прошептал ей вслед Гермес.

И вернулся к дороге, где Гипатия любовалась цветами.

- Я уже соскучилась, Гермес! – пропела она, улыбаясь ему. – Что скажешь?

- Скажу, что когда придёшь домой, попроси папу и врачей, чтобы они тебя ещё раз осмотрели, - ласково сказал доктор, легонько поглаживая девочку ладонью по спине. – Ты выздоровеешь! И станешь великим учёным, Гипатия!

- Правда?! Я не умру?! Откуда ты знаешь?

- Знаю. Конечно, ты умрёшь, но до этого ещё много-много лет... Тебя убьют, Гипатия.

- Кто? – в голосе девочки не было ни малейшего страха за будущее. – Говори, Гермес! Я уже взрослая и ничего не боюсь!

- Парабаланы, христианская милиция... Но ты успеешь столько сделать – и для великого греческого народа, и для всего человечества, – что тебя на протяжении тысячелетий будут ставить в пример другим! В историю канут проклятые имена твоих убийц-фанатиков, но имя Гипатии Александрийской будет на устах людей вечно!

- Ну, тогда мне совсем не страшно! – улыбнулась девочка. – Если я смогу помогать другим – своей наукой и своим примером, – то никаким будущим меня не запугать, никакими фанатиками... Гермес? – Гипатия осмотрелась, увидев, что осталась у обочины дороги в полном одиночестве. – Гермес, ты где? – удивлённо пожалала плечиками, ещё раз осмотрелась – и тихонько побрела в сторону огромного города.

А доктор, сорвавшись с места, уже направлялся на Олимп. И как хорошо, что существует встречный ветер: Гермесу не пришлось утирать наворачнувшиеся на глаза слёзы. Показать же их ребёнку он не смог бы даже за все сокровища Вселенной...

Другое подобное происшествие случилось с ним неподалёку от Коринфа, когда он, устав от бесконечных полётов, решил пройтись пешком. «Так ведь можно и разучится ходить! – подумалось учёному. – Да и для кровообращения лучше!»

Осмотревшись, доктор Гермес увидел большую гончарную мастерскую, как раз на пути к городу. Спешить было некуда, поэтому он решил посидеть с мастерами, поговорить о жизни; словом, подсобрать последних коринфских новостей – может, попадётся что-нибудь интересное? К тому же он ещё никогда не видел процесса изготовления знаменитой чёрнофигурной керамики, которой издревле славился город.

Поздоровавшись поочерёдно с хозяевами предприятия, самими мастерами, подмастерьями да их помощниками, доктор вступил в неторопливое обсуждение интересовавшего его предмета; Гермеса провели по мастерским, показывая инструменты, гончарные круги, краски и тому подобные причиндалы, необходимые для появления на свет этого чуда – расписных коринфских амфор и ваз.

Наговорившись досыта и распрощавшись с гостеприимными коринфянами, доктор уже собирался покинуть мастерские, когда внимание его неожиданно привлёк дряхлый старик, до сих пор сидевший возле гончарного круга и участия в общем разговоре не принимавший. Вернее, внимание Гермеса было привлечено не самим стариком, а его занятием: человек задумчиво постукивал палочкой по какому-то керамическому осколку. Доктор собирался пройти мимо старца и взмыть в небеса, однако что-то его остановило; нечто очень знакомое послышалось ему в этом странном постукивании. Гермес остановился перед гончарным кругом, улыбнулся старику; тот, увлечённый непонятным своим занятием, казалось, даже не заметил ни улыбки, ни самого Гермеса.

- Интересный мотивчик, - молвил доктор, присаживаясь с ним рядом. Старик-горшечник безучастно смотрел на него, палочка в его руке продолжала отстукивать до боли знакомый ритм. – Что-то знакомое, не могу вспомнить... – и он, по своему обыкновению, намеревался свериться с базой данных, установленной в его жезле-компьютере, как вдруг его осенило; от неожиданности Гермес едва не подскочил на месте. – Невероятно – это же код Морзе!!! Откуда он тебе известен, почтеннейший?!

Старец ничего ему не ответил, лишь улыбнулся в густую бороду. Стук не прекращался... Освоить азбуку Морзе на любом из языков Вселенной было для Гермеса секундным делом, поэтому мгновение спустя он получил первое в истории человечества кодированное сообщение: «Л-у-ч-ш-и-е – в-а-з-ы – К-о-р-и-н-ф-а – Л-у-ч-ш-а-я – к-е-р-а-м-и-к-а».

Гермес осмотрелся: на них никто не обращал внимания, окружающие были заняты работой... Всё ещё находясь под сильным впечатлением, он поднял с земли два глиняных черепка – и почти непроизвольно ответил: «С-л-ы-ш-у – я – н-е – г-л-у-х-о-й – К-т-о – т-е-б-я – э-т-о-м-у – н-а-у-ч-и-л».

Теперь пришла очередь старика подскочить: его округлённые глаза едва не сверлили Гермеса; он даже прекратил стучать. Бородач в полном безмолвии рассматривал пришедшего господина, затем улыбнулся – и продолжил: «Н-и-к-т-о – Т-ы – п-р-и-ш-ё-л – з-а – п-о-к-у-п-к-а-м-и» «Н-е-т, - последовало ответом на его вопрос, - Я – п-р-о-с-т-о – г-у-л-я-л – з-д-е-с-ь – и – у-с-л-ы-ш-а-л – т-в-о-й – с-и-г-н-а-л – М-о-ж-е-т – п-о-г-о-в-о-р-и-м – б-о-л-е-е – п-р-и-в-ы-ч-н-ы-м – о-б-р-а-з-о-м – е-с-л-и – т-ы – к-о-н-е-ч-н-о – н-е – н-е-м-о-й» «Н-у – д-а-в-а-й – п-о-г-о-в-о-р-и-м – р-а-з – у-ж – т-ы – т-а-к-о-й – б-о-л-т-л-и-в-ы-й»...

- Ничего себе! – не выдержал Гермес, откладывая свои черепки в сторонку. – Я в восхище... нет, я просто в шоке... Короче, я поражён! Как ты научился морзянке, уважаемый?!

- Не знаю я никакой твоей «морзянки», Гермес, - пожал плечами собеседник. – А вот как ты понял, что я выстукиваю? Читаешь мои мысли?

- Было бы неплохо! – доктор повертел в руке жезл, отыскивая нужную информацию. – Кто ты?

- Я – обыкновенный раб, коринфский горшечник, - вздохнул бородач. – Горшечниками – как и рабами – были мой отец и дед; я трудился всю жизнь, чтобы скопить денег на покупку свободы своего сына... И боги услышали меня: недавно он получил её и женился на свободной... Значит, жизнь моя прошла не без толка, не так ли, Гермес?

- Как тебя зовут?

- У меня много имён, - мечтательно продолжал старик, также откладывая свою палочку. – Мама называла меня «малышом», отец и дед – «подарком Олимпа»; сын называет «отцом», хозяева – «рабом»... Остальные – кто «мастером», кто – просто «горшечником»... Какое из моих имён тебе больше нравится, таким и называй, я не обижусь.

- Но понимаешь ли ты сам значение того, что делаешь, мастер? – мгновенно определился с обращением Гермес. – Твоё постукивание – это настоящий технический переворот, намного опередившее своё время открытие! Как оно пришло тебе в голову?
- Трудно сказать... Знаешь, Гермес, мне очень часто снятся сны. Вот однажды мне и приснилось, что можно при помощи стука обыкновенной палки передавать слова. Какие угодно и в любом количестве. Да, сперва и я подумал, что это будет весьма удобно для немых, если они, естественно, понимают буквы. Мне, например, пришлось аж трёх своих бывших хозяев умолять, чтобы хоть немного научили меня грамоте...
- Слушай, а об этом хоть кто-нибудь знает, кроме тебя?
- О чём? Что я умею читать?
- Нет, я говорю о твоей способности передавать слова при помощи стука...
- Нет, Гермес, никто, - горшечник печально посмотрел на доктора. – Когда я попробовал объяснить смысл своего постукивания сыну, он просто рассмеялся – и аккуратно намекнул, что я, дескать, совсем из ума выжил... Хоть тебе спасибо, что не называешь меня безумцем!
- Да какой же ты безумец, мастер: ты сотворил самое настоящее чудо!.. Тебе даже не представить, какую важность приобретёт твоё открытие!
- Гермес, мне просто приснился сон, и я решил перенести его в реальность. Как видишь, сработало...
- «Ну, значит, Морфей что-то напутал с адресами получателей своих посланий, - подумал Гермес. – Сон, явно предназначавшийся человеку, который будет жить лишь спустя два тысячелетия, попал к бедному мастеру керамических изделий... Как это, интересно, отразится на развитии цивилизации?» Однако, дружески положив руку на плечо старика, вслух он произнёс:
- Если бы не ты, то открытому тобой сигнальному методу ещё столько веков носиться незавершёнными идеями в умах твоих потомков! Не поверишь, мастер, но лишь у одного из них сложится полная картина увиденного тобой во сне – и это будет достойный наследник твоих идей!
- Да уж какие достойные потомки могут быть у раба?! – отшутился старик.
- Твой сын уже свободен, – возразил Гермес. – Можешь мне не верить, но придут такие времена, когда рабов вообще не останется...
- Вот так насмешил! Кто же тогда будет работать? Сами хозяева? Или воины? Или, может быть, философы?
- Это трудно объяснить, но, скажем, твой горшечный круг будет самостоятельно делать тысячи кувшинов, ваз и другую посуду, а тебе надо будет лишь за ним присматривать – и вовремя забирать готовую продукцию... То же самое касается и любого производства вообще. Людям не надо будет так много трудиться, тем более – трудиться на себе подобных. Старик недоверчиво посмотрел на Гермеса, однако, промолчал. А тот, вновь потрепав горшечника по плечу, улыбнулся:
- Кстати, теперь я знаю, как буду называть тебя: ты – Терminus!
- Терminus? – устало глянул на него мастер. – Звучит, пожалуй... Что это значит?
- Знаешь ли, когда – через много веков – на смену эллинской цивилизации придёт римская, то этим именем люди будут называть бога границ, – воодушевлённо продолжал доктор. – Ты очень похож на этого бога: ты – настоящий страж границ, соединяющих меж собой время и пространство, цивилизации твоих потомков и их научные открытия... Ты даже больше, чем страж: ты – связь между ними!
- Ну, тебе известно будущее, тебе виднее, - безразлично согласился бородач. – А мне, кажется, пора...
- Работать, что ли? – спросил Гермес, как вдруг ощутил, что, по-прежнему обнимая старика, больше не чувствует рукой его дыхания. Тогда он осторожно придвинул неподвижное тело ещё плотнее к горшечному кругу – и кликнул окружающих.
- Работа в мастерских была ненадолго приостановлена; хозяин приказал мальчику-водоносу быстренько сбежать к семье усопшего, чтобы те забрали тело. Вскоре появился молодой

эллины в сопровождении девушки – это и были единственные родственники старика. Мастерские помогли им донести носилки с покойным домой, и вернулись по рабочим местам. В доме остались только молодожёны – и доктор Гермес, решивший проводить недавнего знакомого в последний путь.

- Это было ожидаемо, - произнёс после долгого молчания юноша. – Отец в последние месяцы очень плохо себя чувствовал; даже Павел – хозяин мастерских – не позволял ему работать в полную силу... Да, мастер он был замечательный!

«Вот и всё! – краем уха слушая единственных близких покойного, думал Гермес. – Видимо, не суждено было открытию опередить своё время... Но чему бы привело его возникновение на планете теперь?! Кем оно было бы понято и оценено по достоинству? Впрочем, ведь и порох был изобретён в Древнем Китае; потом рецепт его был утерян, затем – его открыли вторично... А сколько ещё тысячелетий прошло, пока он попал к другим народам? Да и основы психоанализа были разработаны ещё в двенадцатом столетии, пока – спустя более восьми веков! – их не скомпоновал и систематизировал выдающийся австрийский психиатр, родины которого ещё даже не было на тогдашней карте мира... Значит, всему своё время – и торопить его нельзя...»

Гермес очнулся от размышлений; юноша обнимал свою молодую жену, о чём-то с ней перешёптываясь.

- ...потому, что нечем платить, - донеслось до его слуха.

- Ладно, пойду по делам, - извинительно произнёс доктор, легонько коснувшись лба покойного, после чего сделал шаг к дверям. – Простите, но я случайно подслушал вас: вы испытываете какие-то затруднения с деньгами?

Супруги переглянулись – и зарделись.

- Нет, Гермес, ты ничего такого не думай! – поспешил с ответом молодой муж. – Теперь я свободен, работаю с кораблестроителями; вскоре мы с женой сможем понемногу откладывать... Мне должны заплатить только на следующей неделе. Потому и с похоронами отца не складывается...

- Что именно не складывается? Прошу не стесняться!

- У нас совсем нет денег. Даже на то, чтобы заплатить Харону за перевоз отца в Царство Аида, - впервые произнесла девушка, смахивая слёзы. – А нам так хотелось бы, чтобы он попал в Элизиум! Такой хороший был человек...

- Ах, ну если дело лишь за этим, - в открытой ладони Гермеса, как по волшебству, лежало несколько дидрахм, - то – пожалуйста! Это – мой подарок, не стоит за него благодарить! Ведь молодожёнам деньги всегда нужны, не так ли? – он улыбнулся. – С Хароном я, конечно, мог бы переговорить лично, ну да ладно – пусть всё будет по правилам, вот вам ещё один обол... Не провожайте меня! – он ссыпал деньги в руку юноши, нежно коснулся плеча его жены – и со вздохом покинул Коринф...

А неким днём, выполнив дневную норму полётов, доктор Гермес решил отдохнуть возле какой-то деревушки, названия которой и сам при всём желании не смог бы вспомнить, где стал свидетелем очередного приключения. Стоило ему лишь прилечь под раскидистым молодым дубком, как, откуда ни возьмись, его окружила орава крестьян, вооружённых вилами, дубинками и длинными луками.

- Эй, парни, полегче! – Гермес уселся перед обступившими его и столь воинственно настроенными аграрниками. – Что вы задумали?

- Гермес, будь другом, выручай! – сказал, видимо, их старший – уже седой, но довольно крепкий мужчина с вилами. – Беда у нас...

- Ну вот, даже повалиться на травке не дадут! – огорчился доктор, поднимаясь на ноги. – Рассказывайте уж, что там у вас стряслось...

- Мы охотимся на кентавра! – то ли со страхом, то ли с вызовом пояснил стоящий рядом с вилоносцем белобрысый малец, державший несоразмерный собственному росту огромный лук; из-за плеча его торчал колчан со стрелами. – Сегодня объявился в наших краях, того и гляди – всех женщин потаскает!

- Потискает, - поправил его главный, и все, несмотря на явную тревогу, расхохотались. – Не молод ли ты ещё, Стефан, о женщинах думать?

- Так, ладно! Разговорчики в строю! – скомандовал Гермес. – Подробнее: что за кентавр, откуда взялся, как зовут?

- Он не представился, - доложил старший, опираясь на вилы. – Влетел с гор в деревню, давай озираться, чью бы жену или невесту... ну, ты знаешь... э-э-э... упереть. Мы быстренько собрали ополчение – и за ним! Загнали его сюда – в кустарник, прямо за этой поляной – и обложили со всех сторон. Теперь сидит там, подлец, и отстреливается. А тут и ты появляешься...

- Понятно! – отрезал Гермес, ловко перебрасывая жезл из левой руки в правую. – Итак, отделение, слушай мою команду: коль не дали мне поспать, значит, будем воевать! Операцию «Охота на кентавра» объявляю открытой... Пстойте, - он вдруг захлопал глазами и непонимающе осмотрел крестьян, каждого по очереди. – Вы что, за дурака меня принимаете?! Ведь кентавров не существует!

- Ты это Гераклу скажи! – резонно возразил ему белобрысый малютка-стрелок. – А ещё лучше – тому зверью, что ныне окопалось в кустарнике...

- Хорошо, разберёмся! Где он прячется? – и Гермес, возглавляя десяток агрессивно настроенных аграрников, зашагал в указанном старшем направлении.

Оказалось, что далеко не все спасители прекрасного пола родного отечества маршировали вослед за своим небесным предводителем. Упомянутый густой кустарник, занимающий немалую площадь – метров пять на пять, как минимум – был буквально обложен со всех сторон не только другими мужчинами деревни, но и соседями, поспешившими им на выручку из ближайших селений. Люди, увидев на своей стороне «глашатая богов», воспарили духом – и хотели немедленно пойти в атаку на таящегося в кустах врага, однако сам военачальник был несколько иного мнения.

- Конечно, можно навалиться на него всеми силами, одновременно и со всех сторон, - рассуждал он, делясь мыслями с невольными вояками в тени кустарника, игравшего роль импровизированного штаба. – Но, кто знает, сколько наших он успеет положить до этого – ведь расстояние-то немаленькое...

- Тебе-то хорошо говорить, ты – бессмертен!

- Вот и подумайте, я лишь о вас беспокоюсь!

Прения продолжались. Наконец, сошлись на том, что для начала правильнее всего было бы заслать к чудовищу парламентёра с белым флагом – пусть узнает, что тому вообще нужно и не согласен ли он сразу на «ничью». Гермес полагал, что это – вернейший способ узнать намерения противника, более того: ему представлялось крайне необходимым узнать, кем же является этот противник на самом деле!

Кончилось тем, что сам главнокомандующий и согласился на разведку боем, а почтенный вилоносец, первый заговоривший с Гермесом, поднялся во весь рост – и завопил:

- Эй, кентавр! Нас много и ты окружён! Впрочем, тебе как о первом, так и втором, хорошо известно... Кроме того, твои шансы – перебить всех нас или улизнуть – заметно снизились: к нам на помощь пришёл Гермес! Слышал о таком, наверное? Это, конечно, не Геракл, но для тебя окажется вполне достаточно! Будешь брыкаться – вызовем и Геракла... Обдумай своё положение, кентавр! Гермес выдвигается к тебе!

Из противоположного кустарника ни раздавалось ни звука. Доктор демонстративно вытянул перед собой жезл – и смело направился к вражескому убежищу. Аграрники с беспокойством наблюдали за каждым его движением. Пройдя около сотни шагов, Гермес отважно ступил под зелёный навес – и осмотрелся.

Слева от него, держа в руках натянутый лук, стоял самый настоящий кентавр. Увидев Гермеса, он облегчённо выдохнул – и опустил оружие:

- Ну и напугал же ты меня, Пилот! Каким ветром тебя сюда занесло?

- Какого чёрта... то есть, Зевс меня поберит... словом... – запутался доктор, приглядываясь к мифическому существу. – Ты ещё кто такой?

- Неудивительно, что в таком виде ты меня не признаёшь, - печально улыбнулся кентавр, разводя руками. – Я и сам от него не в восторге... Гилей я, вспомнил?
- Теперь вспомнил, - ответил Гермес, присаживаясь; Гилей последовал его примеру, усевшись напротив. – Ты, если не ошибаюсь, младший научный сотрудник из зоологического сектора... Но что ты здесь делаешь? И зачем на тебе этот камуфляж?
- А, - махнул рукой кентавр, - это всё задумка Артемиды... Долго рассказывать, но вкратце – как-то так: решили мы кое-какие данные проверить, она и попросила меня влезть в эту шкуру... Чтобы всё было, так сказать, предельно реалистично... А я, дурак, от группы отбил... Вот мне и пришлось идти в деревню, точку эвакуации затребовать... А там эти колхозники во главе с председателем – в буквальном смысле слова! – мне на хвост сели! Вот и отсиживайся теперь, жди у моря погоды! – сбивчиво жаловался коллега на судьбу-злодейку.
- Мне сказали, что ты обстрелял их – это правда?
- А как мне было выбираться из этой каши?! Успокойся, я умышленно стрелял мимо, хотел только поугадать...
- Понятно. Только говори тише, чтобы нас не подслушали, - посоветовал доктор. – И что с тобой делать, дружище? Перебросить в лабораторию? Гермес, конечно, не таксист, но аппаратура при нём!
- Вот спасибо, Пилот! Тебе же это раз плюнуть! – обрадовался Гилей. – А то ещё Аиду ведомо, сколько я тут просижу!
- Аиду о твоей работе даже неизвестно, - уточнил Гермес.
- Это так, к слову...
- Ладно, Гилей, готовься, - доктор совершил ряд манипуляций на рукояти своего жезла. – Итак, на счёт «три»... Раз, два...
- Мгновением позже они находились в телепортере Зоологической лаборатории. Гилей, оглядевшись, схватил руку Гермеса – и стал лихорадочно её трясти:
- Ну, Пилот, ну выручил! С меня причитается в ближайший же выходной!
- Ты руку-то мне не оторви, - ухмыльнулся доктор. – При твоей нынешней силе надо быть хоть чуточку осторожнее... Ладно, мне надо вернуться, увидимся позже...
- Вернуться?! На то же место?! Зачем?!
- Во-первых, дорогой, у меня там незаконченные коммерческие дела, - честно ответил Гермес. – А во-вторых: ну не могу же я оставить бедных крестьян без вразумительных объяснений, что кентавров – не существует! Пока!..
- Ещё мгновением позже он, расправляя образовавшиеся на гиматии складки, торжественно выступил из кустарника на поляну.
- Его появление сразу же было замечено:
- Гермес, ну что там? – донёсся к нему голос кого-то из местных генералов. – Как ведёт себя кентавр?
- Капитулировал – и исчез, - улыбаясь во весь рот, доложил доктор. – Можете сами убедиться, что в кустах никого нет...
- Исчез?!
- Да так быстро, что я не успел толком установить, кентавр это или кентавида... Словом, друзья, операция «Охота на кентавра» успешно завершена!
- Люди, озираясь, поднялись на ноги из своих убежищ; самые смелые пошли Гермесу навстречу.
- Куда он девался, Гермес? – спросил главный вилоносец, который вместе с несколькими смельчаками обшарил злополучные кусты.
- Кто?
- Как кто? Кентавр!
- Какой кентавр? – Гермес изобразил неподдельное удивление. – Не было никакого кентавра! Разве вам неизвестно, что кентавры – это выдумка?!

- Тогда за кем мы охотились целый день? – не отставал старший. – Кто стрелял по нам из кустов?

- Да не было никого, говорю вам! Спросите у ваших соседей: кто-нибудь из них хоть раз в жизни видел живого кентавра?! Да они засмеют вас, товарищи! А что касается стрельбы – так это вы сами, со всех сторон обстреливая кустарник, невольно пробивали его крону – и получали стрелы от соседей, а те – получали ваши...

- Но ведь мы видели...

- Никаких «но»! – отрезал Гермес, взмахивая жезлом. – Кентавров не существует, а над вами посмеялась моя мамочка Майя... Вопросы есть?

Аргументация была железной. Мужчины, закинув на плечи оружие, вернулись к своим жёнам, огородам и пашням...

Немного спустя, обретаясь неподалёку от Афин, доктор встретил на берегу одной из маленьких бухточек навзрыд плачущего мальчика.

- Почему ты плачешь, дитя? – обеспокоенно спросил Гермес, присаживаясь перед ребёнком на корточки. – Тебя кто-нибудь обидел?

- Нет, - вытерев слёзы, ответил тот. – Просто я не смог никого спасти...

- Спасти? От чего?

Мальчик вздохнул:

- Сегодня у-утром я пришёл сюда поиграть. Я всегда здесь и-играю: строю кораблики – и они уплывают в море... Но сегодня я у-увидел настоящий, о-огромный корабль. Я не знаю, кому он принадлежал, но о-он был таким красивым и большим, так легко плыл по волнам... Я закричал и стал махать ру-укой, но на палубе никого не было. Тогда я стал кричать ещё громче, но о-опять никто не появился. Я решил, что ко-орабль терпит бедствие, но не знал, как помочь несчастным. А мо-ожет, подумал я, на нём плавают вовсе не люди, а какие-нибудь та-аинственные существа? Или боги? И что он пришёл к нам из да-алёких земель, а теперь потерялся... Я хотел позвать взрослых, но ни-кого рядом не было; хотел позвать друзей, но их тоже не было... Теперь мне ни-икто не поверит, что я видел огромный корабль из других земель... Но бо-ольше всего мне жаль тех таинственных людей или богов, которым я так и не-е смог помочь...

Доктор внимательно слушал рассказ мальчика, перемежающийся всхлипыванием и глубокими вздохами.

- Как тебя зовут, малыш? – спросил он, глядя на мальчика так, будто читал его судьбу; впрочем, честно будет сказать, что будущее ребёнка было подсказано ему персональным компьютером.

- Ски-илак...

- Не плачь больше, Скилак! Когда ты вырастешь, ты станешь выдающимся мореплавателем! Ты побываешь, наверное, во всех странах мира и напишешь интересные книги о своих путешествиях...

- Правда?! – ребёнок перестал вздыхать и улыбнулся. – Я очень хочу плавать и помогать другим! Ты меня не обманываешь, Гермес?

- Нет, дружище! Запомни: когда ты вырастешь и станешь знаменитым мореходом, я сам найду тебя – и мы поговорим снова...

Но больше всего, разумеется, у Гермеса отнимала его школа будущих экономистов: количество учеников пополнялось, классы – увеличивались; иногда ему приходилось вести преподавание для нескольких параллелей одновременно.

- Итак, новые драхмы, - объявлял он на уроках для новичков. – К следующему занятию обязательно выучить образцы царских и гражданских чеканок и уметь приводить примеры... Выдаю каждому из вас по монете: передайте их вашим чеканщикам, пусть соблюдают точный баланс ингредиентов при изготовлении, - и доктор, надавав ценных указаний первоклашкам, бежал к школьной элите – уже почти выпускникам.

- Сегодня, господа, мы с вами сыграем в довольно сложную игру, - обращался он к шестерым старшеклассникам. – Только логика, только логика! Вот монетка; сейчас я

отвернусь, а вы договоритесь между собой, у кого из вас она будет находиться... Ваше задание: убедить меня, что монета – не у вас, а у кого-нибудь другого. Выбирайте любую тактику обмана, просчитывайте ходы; в конце концов, все вы – против меня. Моё задание: определить лжеца, действительно обладающего монетой – и вернуть её. Итак, отвернулся! Повернувшись обратно, он увидел, что все шестеро, как ни в чём не бывало, сидят за партами. Сидевший к Гермесу ближе остальных поднял руку:

- Да, Алексис!

- Учитель, у меня нет монеты. Она у Филона. Я сам ему её передал.

- Учитель, у меня нет монеты. Она у Сотириса, - столь же ровным тоном сообщил Гермесу из-за следующей парты сам Филон. – Алексис лжёт: монеты он даже не держал.

- Учитель, у меня нет монеты. Она у Памфилоса, - сказал Димитриос. – Филон хочет направить тебя по ложному следу.

- Учитель, у меня нет монеты. Она у Геннадайоса, - отчеканил Памфилос. – Димитриос уводит твоё внимание от него, указывая на Филона, который сказал правду о лжи Алексиса. Сам Геннадайос, молча поднявшись из-за парты, подошёл к Гермесу – и подал ему маленький кусочек пергамента, после чего так же бесшумно вернулся на место. Доктор, приблизив написанное к глазам, прочитал: «Учитель, у меня нет монеты. Она у Филона. Аргумент: Димитриос и Памфилос в своих утверждениях лгут, Алексис говорит правду».

- Bravo, друзья! – воскликнул преподаватель. – Вы достойны всяких похвал! Разработать столь хитрую комбинацию могли только такие люди, которым, несомненно, придётся тащить на себе всю экономику Эллады! Иноземным бизнесменам объегорить вас будет ой как непросто! Теперь вот что, - доктор Гермес глянул на стоявшую в углу помещения клепсидру. – Лжец, обладающий монетой, мне уже известен. Даю вам час на совещание: обсудите ситуацию; проанализируйте, на чём вы могли проколоться... Любая командная работа должна быть слаженной!

Дверь помещения открылась – и в её проёме оказалась голова доктора Аполлона:

- Господа, простите, что прерываю, но мне позарез необходим ваш преподаватель!

- Всё в порядке, Аполлон! – ответил Гермес. – Мы закончили... – Итак, через час – в этом самом классе! – добавил он, обращаясь к ученикам.

Подождал, пока эллины покинут их, после чего поднял глаза на коллегу:

- Что такое?

- Поговорить надо, - таинственно прошептал Аполлон. – И лучше не здесь...

- Ну, так пошли в таверну «У Гелиоса», - предложил Гермес. – Опрокинем амброзии...

- Не-е-е, там слишком людно! Да и божественно заодно! – усмехнулся Аполлон собственному каламбуру. – Давай-ка потолкуем у меня, в Свободном Владении...

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ АПОЛЛОНА

*Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят и лирики-мужи...
Гесиод, «Теогония», 94-95*

Непревзойдённый поэт, выдающийся композитор, замечательный хореограф – трудно сосчитать, сколько ещё почётных титулов можно было бы растянуть в длинейшее предложение в попытке охарактеризовать все достоинства доктора литературы Аполлона. Прибыв на Землю, он не стал откладывать своих прямых обязанностей ни на минуту, поскольку бесконечно любил их: искусству Аполлон был предан настолько же фанатично, насколько его коллеги-учёные предавались Науке. Поэтому он решил не терять времени даром, немедленно основав у подножия Олимпа своеобразный «факультет всех искусств», который в обиходной речи бессмертных – а несколько позже, и самих землян – получил название «Свободное Владение Аполлона».

Сразу после торжественного открытия «факультета», на котором он сам являлся и деканом, и преподавателем (конечно, среди его персонала были опытные наставники будущих учеников – музы), к нему, очарованные столь харизматической личностью, потянулось множество желающих постичь тайны Искусства.

- Вы – избранные! – воодушевлённо говорил доктор перед группой эллинов, явившихся на первое занятие к Маэстро. – Как же я люблю этот неповторимый спектакль под названием «Происхождение и развитие Земли!» Каждый из вас непосредственно сможет принять в нём участие; некто из вас станет поэтом или композитором, актёром или певцом – и я научу вас подлинному преклонению перед Искусством! Оно – многолико; тайны его столь притягательны, что им следует посвятить всю жизнь – без остатка!.. Запомните, друзья: самое главное, к чему лишь может призывать человека само его существование – Искусство!

- Bravo, Маэстро! Великолепная речь! Даёшь окультуривание нации! – радостно вскрикнул какой-то юноша, взмахивая рукой.

- Здорово сказано, Аполлон! – подхватил высказанные юнцом мысли эллин преклонного возраста. – В таком случае, чтобы не терять драгоценного времени, не следует ли нам начать занятия этим Искусством? По-моему, - он указал на собравшихся вокруг, - общество уже заждалось...

- Твоё рвение весьма похвально! – ответил ему Аполлон. – Только сперва мне следует установить, кто из вас и к чему имеет способности... Согласись, не всем же дано одновременно слагать чудесные стихи и великолепно играть на арфе!.. Поступим так: я подойду к каждому из вас – и узнаю, кто на что способен. После мы разойдёмся на классы, которые вы и станете посещать до тех пор, пока толком не освоите изучаемого предмета...

- Скорее бы! – нетерпеливо хрустнул пальцами пожилой эллин; глаза его засияли. – Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватить вон те литавры! – он показал на гору всевозможного реквизита, аккуратно сложенную за спиной преподавателя.

- Твои слова – похвальны вдвойне! – улыбнулся Аполлон. – Поскольку мне теперь известно и без разговора с тобой, какому виду Искусства ты отдаёшь приоритет! Итак, друзья, поздравляю всех нас: одним композитором на Земле только что стало больше! Словом, на примере этого человека я попрошу теперь всех собравшихся принять самое живое участие в распределении вас по классам: музыкальному, литературному, хореографическому и так далее... А ну-ка, построились в темпе вальса!

В течение нескольких дней жадные до Искусства ученики были разбиты по классам; перед широкой поляной, окружённой с одной стороны подножием Митикас, а с других – стеной зелёных дубов, доктор горделиво установил огромный транспарант с надписью:

«Свободное Владение Аполлона. Вход на территорию – только по пропускам!» На поляне располагалось несколько больших шатров, в которых, собственно, и проходили занятия будущих художников, поэтов, музыкантов... Несколько муз, игравших роль вспомогательных наставников, по первой просьбе слетались к любому из учеников, испытывающему какие-либо затруднения.

- Маэстро, - обращалась к доктору Евтерпа, - этот мальчик так фальшивит, что у меня уже голова разболелась! Нельзя ли перенести урок на другое время?

- Терпи, дорогая! – утешал подчинённую Аполлон, поднося руку к правому уху, в котором была вмонтирована чувствительная аппаратура. – Искусство требует жертв, не так ли? Да я отсюда слышу без радара, как он фальшивит – и что?! Ты хочешь прогнать его, тем самым отняв у мальчика надежду?! Не спеши, он выучится – и станет великим композитором!

- Аполлон, это не всё, - продолжала муза, мученически возлагая ладонь себе на лоб. – Помнишь юношу, который демонстрировал не дюжее дарование, играя на арфе? Так вот, вчера он нашёл среди реквизита электрогитару... Как я ни билась, он ни за что не хочет отдать инструмент! Он просто не понимает, что до изобретения подобной штуки ещё тысячи лет! Может, ты сам поговоришь с ним?

- Хм... Вот это новость! – доктор литературы почесал бровь. – Что же, мы поступим так: во-первых, реквизит – с сегодняшнего дня – необходимо держать под замком, нечего ученикам соваться в мой шатёр... Присмотри за этим, Евтерпа, иначе нам действительно грозят неприятности... О том, какая головомойка нас ожидает, если кто-нибудь увидит древнегреческих ребят с электрогитарами в руках и о том узнает начальство, говорить незачем. Ну и, как следствие, инструмент надо отобрать... Это, если не ошибаюсь, во-вторых... Действуй!

Стоило одной музе покинуть доктора, как на смену ей незамедлительно являлась другая. Ученики Аполлона, как и положено творческим и экспрессивным натурам, понимали Искусство так, как сами того желали, поэтому их наставницам – равно и самому Аполлону – зачастую приходилось туговато. Чтобы объяснить человеку, казалось бы, элементарную вещь, учителям приходилось лезть из кожи вон. Полигимния, которой Маэстро доверил руководство хором, не переставала жаловаться на подчинённый ей коллектив: то они тихо поют, то – громко, то – в разной манере... Аполлон сжалился над коллегой – и решил, что настало время вмешаться самому.

- Итак, что тут у нас происходит, господа?! – распекал он злосчастный хор, выстроив певцов и певиц в шеренгу. – Хоровое пение, друзья, это вам ни сольная партия: никого не вижу, никого не слышу... Это – самое трудное, что лишь возможно в пении! Да, господа, для пения в хоре надо родиться; необходимо чувствовать коллектив, необходимо постоянно пребывать с ним в полной гармонии! А что выходит у вас?! Никогда ещё не слышал подобного издевательства над классическими древнегреческими гимнами! Марш по местам – и работайте, работайте, работайте!

Пристыженные певцы краснели, бледнели, но обещали исправиться.

- До тех пор, пока вы не научитесь слаженно петь и водить хороводы, поверьте, я от вас не отстану! – доктору, продолжавшему разносить ученикам, иногда было не так легко прекратить нравоучения. – Никогда не останавливайтесь на достигнутом, друзья! Помните, у Искусства – нет предела, оно – безгранично! В каком-то отношении оно даже круче Науки! Недаром перед входом на факультет я разместил плакат, гласящий, что вы находитесь в «Свободном Владении»! Этим я лишь хотел подчеркнуть, что мы – Творцы Искусства – свободны от всего остального! Поскольку вы избрали Искусство, а оно – вас, вам вряд ли потребуется гибкость мозгов, а вот гибкость пальцев или талии – обязательно! Вы – не учёные, как некоторые из ваших собратьев, обучающиеся у Гермеса, Артемиды, Афродиты или посещающие специальные курсы Гестии; вы – люди Искусства!

- Вот ведь разошёлся! – шептала на ухо Терпсихоре Каллиопа. – Послушать его, так от науки – никакой пользы!

- Ну, ты же знаешь нашего декана, - тихо отвечала ей коллега. – Аполлон – творчески не воздержан; на его пламенные выступления даже сам инженер Зевс не обращает никакого внимания...

- Тем не менее, он не всегда ограничивается только упражнениями в ораторском искусстве, - покачивала головой Талия. – Помнишь, как он распорядился удалить из «Свободного Владения» нашу коллегу Уранию – на основании того, что нечего, мол, музе астрономии делать среди представителей свободных искусств?! Хоть Зевс и выделил бедняжке лабораторию неподалёку от собственных апартаментов, однако просьбу Аполлона всё же удовлетворил!

- Так, дорогие, уважаемые музы, что здесь у нас за несанкционированное руководством собрание?! – доктор, отвлекшись от людей, вдруг обратил внимание, что наставницы и помощницы пестуемых им талантов незаметно собрались в группу – и тихонько обсуждают поведение начальства. – Талия, Мельпомена – быстро на театральные занятия! Каллиопа, Эрато и Евтерпа, будущие поэты ожидают вас во втором шатре, не испытывайте их терпения! Уважаемая Терпсихора, милости прошу на танцевальную площадку!.. Обещаю вам, что вечером лично обойду вверенные вам места – и выборочно проэкзаменую учеников на предмет успеваемости... Работайте, работайте!

Впрочем, Аполлон лишь казался строгим и неумолимым; по-настоящему он не мог терпеть лишь двух вещей: бездарности и беспечного времяпрепровождения. Поэтому он, справедливо руководствуясь древнейшей аксиомой «Повторение – мать учения», старался нагрузить и учеников, и своих помощниц под завязку: музыканты часами разучивали ту или иную композицию; поэтов Аполлон дрессировал с особым рвением, заставляя их переписывать одну строку до тех пор, пока та не начинала звучать почти идеально; с художниками доктор также не церемонился, требуя от них выкладываться по максимуму. Однако, поначалу даже проклинавшие преподавателя и ученики, и вспомогательный персонал «Свободного Владения», уже в самом скором времени возносили ему славословия за подобные изнурительные тренировки: художники и композиторы создавали столь умопомрачительные произведения, что Аполлону вполне можно было думать о самых настоящих художественных выставках и симфонических концертах, причём, далеко за пределами Эллады! Он даже подал особую просьбу к руководству базы, а именно: рассмотреть подобную возможность с целью культурно-просветительской работы Древнего Мира. Зевс, Гера и входящие в состав правления «Олимпа» довольно серьёзно отнеслись к предложению коллеги, обещая рассмотреть его просьбу на ближайшем совете. Тем временем – которое, при желании бессмертных, может течь в любом направлении – население «Свободного Владения Аполлона» процветало – более того: своё культурное процветание оно успешно перенесло в другие сферы планеты. По всей Элладе и за её пределами открывались театры, литературные и художественные салоны; среди эллинов стало считаться, что еженедельное посещение того или иного культурного мероприятия говорит о хорошем вкусе. Таким образом, желание Аполлона о превосходстве культурной нации над всеми остальными, сбывалось наяву.

Правда, была поначалу некая заковырка, которая едва не свела на нет все усилия и чаяния благородного доктора литературы. Поскольку в самом начале его проекта люди – за небольшим исключением его собственных учеников и посетителей «факультета» – практически не воспринимали искусства, Аполлону пришлось прибегнуть к помощи своего друга и коллеги доктора Диониса, занимавшего на «Олимпе» первоклассную Химическую лабораторию. Приятель Аполлона, выслушав просьбу, немедленно предложил тому партию приготовленных собою же чудесных напитков, созданных, естественно, по его же рецептам. Таким образом, первые несколько сотен лет Аполлон прививал людям вкус Искусства с лёгкой примесью вкуса алкоголя, в необъятных количествах предоставляемых ему доктором химических наук Дионисом.

Поначалу, надо сказать, никто не обращал на это внимания, тем более, что руководитель проекта «Культуру – в массы!» чувствовал себя на седьмом небе, видя, как Искусство

захватило человека... Аполлон с удовлетворением вспоминал, как некогда стал случайным свидетелем разговора нескольких эллинов, остановившихся у входа в его «Свободное Владение».

- Видите, что тут написано? – спрашивал один из них, указывая на транспарант и обращаясь ко всем одновременно. – «Сегодня в программе: танцы женского коллектива «Аполлониды». Художественный руководитель – заслуженный работник культуры Терпсихора. Спешите, количество мест ограничено!» А тут, чуть ниже: «СВЕЖЕЕ ПИВО! НЕОГРАНИЧЕНО!»

- А что? – отвечал ему другой. – Отличная мысль, Сосипатр! Предлагаю собраться здесь же завтра, сразу после работы...

- Точно! На девчонок посмотрим, пивка потянем, - кивнул головой третий. – Словом, вполне культурно проведём время!

- Ой, и не говори! – подхватил его слова первый. – Пиво отлично помогает усваивать искусство! А потом друзьям расскажем, что тут было и как...

Несколько позже, конечно, Аполлон забеспокоился, установив подлинную причину интереса людей к своим детищам: театру, литературе, музыке и тому подобному. Захватило людей не вовсе не искусство; и если не остановить начатую им с Дионисом кампанию, то можно будет смело говорить не о захвате, а о порабощении человека алкоголем! Он понял, что самое время завязать с потреблением напитков, которые до сей поры в любых количествах подавались на его мероприятиях. Дозы спиртного были значительно уменьшены, а приносить в «Свободное Владение» собственный алкоголь грекам строго воспрещалось распорядком.

Неудивительно, что, вследствие описанных выше событий, желающих обучаться на «факультете» Аполлона становилось всё больше. Особенно пополнился ими театр. Мельпомена, отвечавшая за указанный сектор, вскоре рапортовала декану, что при наличии стольких актёров можно запросто ставить довольно сложные спектакли, требующие большой массы участников. Если раньше театральная труппа едва могла замахнуться на «Одиссея и Циклопа» (кстати, усмотрев в произведении поклёп на свою честь и достоинство, коллега Полифем проигнорировал приглашение на премьеру), то теперь ей ничего не стоило взяться за довольно навороченные пьесы – как в сценическом плане, так и с точки зрения количества участников. Почти ежедневно труппа обсуждала различные проекты новых постановок, о которых Мельпомена немедленно докладывала доктору Аполлону.

- Ну, и что у нас сегодня? – интересовался тот, усаживаясь в кресло и, подобно всем профессиональным режиссёрам, закидывая ногу на ногу. – Чем заняты наши актёры?

- Вот, - коллега открывала принесённые в компьютере материалы. – Есть предложение изобразить в двух актах «Гимны Аполлону», что скажете?

- Не пойдёт! – мотал головой доктор. – Зачем я буду создавать мифы – к тому огромному количеству, созданных до нас?! К тому же в названии произведения я усматриваю элемент самолюбования... Простите, дорогая Мельпомена, но мне, как режиссёру, подобное самолюбование – не к лицу... Что ещё?

- Можно поставить что-нибудь, основанное на подвигах Геракла...

- Ой, даже не продолжайте, дружище! Хватит уже этих религиозно-мифических бредней!

- Но, доктор, религия – это естественное состояние людского восприятия, во всяком случае, на теперешнем историческом отрезке...

- Обойдутся! Почему не поставить бы что-либо реалистичное? Например, войну или охоту... драму какую-нибудь, в конце концов... Вы же как раз специализируетесь на драмах, не так ли, Мельпомена?

Муза неопределённо двинула плечами, посматривая на экран миникомпьютера:

- Как вам сказать, вариантов достаточно...

- Не трудитесь, коллега! – Аполлон внезапно поднялся с кресла. – Я уже сам придумал... Пойдёмте к труппе, мне необходимо заразить их собственной идеей – и увлечь новой постановкой!

Выйдя из шатра, коллеги направились прямо к громадной сцене, занимавшей, наверное, пятую часть всего «Свободного Владения». Пройдя мимо других классов, занимающихся литературой и музыкой под открытым небом, Аполлон и Мельпомена приблизились к группе актёров, что-то горячо обсуждавших и почти не обративших внимания на приход руководства.

- Ну, орлы и орлицы! – кивнул Аполлон, присаживаясь на свободный со сценой стул. – Что за горячие дебаты?

- Да спорим мы, Маэстро! – ответила хрупкая рыженькая девушка в голубом платье. – Простите нас!..

- Ничего, ничего, Элисса, продолжай! – подбодрила её Мельпомена, делая успокаивающий жест рукой. – Что случилось?

- Я говорю, что в новой постановке можно обойтись без легендарных героев, а Исос, – она указала на стоявшего рядом с ней мужчину, – Исос настаивает на необходимости следовать мифологии...

- Ну вот, хоть один здравомыслящий человек на площадке! Спасибо тебе, Элисса, за мнение, которое ты отстаиваешь в честном споре! – Аполлон улыбнулся. – Вот, что я скажу вам, друзья: будем ставить реалистичную пьесу! Хватит спектаклей о богах, давайте посвятим хоть что-нибудь людям!

- Это какую? – одновременно спросило несколько человек обоего пола; Аполлон выждал мгновение – и продолжил.

- Предлагаю вам пьесу собственного сочинения... Словом, пока мы с Мельпоменой шли к вам, я её и придумал... Называется «Выжившие в ядерной войне».

- В какой, в какой?! – удивлённо подняла палец Мельпомена, давая режиссёру понять о его невольной ошибке. Актёры, переглядываясь, также непонимающе зашептались, однако глаза их выдавали заинтересованность.

Тот легонько хлопнул себя по лбу – и поправился:

- Ах, ну конечно... «Выжившие в войне»... Я пока не расписал сценарий детально, но в общих чертах мысль его такова: группа людей, переживших ужасную войну, прячется в подzemелье собственного дома. Сажем, это семья и случайно оказавшиеся у них – на момент вражеского нападения – гости. Мы с вами должны показать зрителям, как непросты человеческие отношения между ними в условиях разразившейся катастрофы; известно ведь, что и в мирное время соседи не терпят друг друга...

- Здорово! – воскликнула Элисса и захлопала в ладоши. – Я готова играть мать семейства! Впрочем, согласна и на её дочь... если такая имеется по сценарию... Наконец-то спектакль будет посвящён обыкновенным смертным, а то всё боги да боги...

- Неплохо, Аполлон! – одобрил и её противник, Исос. – Война – тоже неплохая тема для спектакля! – Запиши, пожалуйста, и меня: могу быть главой семьи... Или даже сыграть кого-нибудь из её врагов!

- Да какой из тебя глава семьи, Исос? – подал голос пожилой человек, одетый в длинный экзомис. – Мой сын – и тот старше тебя! Если Аполлон не против, то главу семьи буду играть я!

Мгновением позже началась свалка. Каждый из актёров претендовал на роль в захватывающем, доселе невиданном спектакле, потому никто не хотел добровольно уступать своего законного места коллегам. Около двадцати человек обоего пола пытались переорать друг друга до тех пор, пока доктор Аполлон не положил конец перепалке.

- Так, друзья, спокойствие! – крикнул он, воздевая над головой руку; бедняжка Мельпомена, заткнув уши, безучастно наблюдала за исходом этого актёрского столпотворения. – Не надо драматизировать ситуацию, поберегите силы для воплощения ролей на сцене! – он умолк, видя, что речь его не производит на труппу ни малейшего

эффекта; потребовалось ещё несколько его окриков, пока люди пришли в себя и успокоились. – Итак, повторяю: спокойствие! Слушайте внимательно – и перестаньте ссориться из-за мелочей! Во-первых, как я уже говорил, сценарий находится на самой начальной стадии. Сегодня вечером – возможно, ночью – мы с Мельпоменой посидим над ним, чтобы он принял более-менее окончательную форму; тогда утром мы сообщим вам, сколько всего ролей, какие они – и, соответственно, сможем без обид разделить их между всеми вами...

Люди с восхищением взирали на преподавателя: чего теперь беспокоиться, коли он так разумно решил проблему!

- У нас двадцать один актёр, Аполлон! – мигом подсчитала коллега-муза. – Итак, нужна двадцать одна роль...

- Надо – сделаем! – отрезал доктор литературы. – Сколько мужчин, сколько женщин?

- Это детали, доктор. Я всех сосчитаю... Нам лучше о сценарии подумать.

- Хорошо, тогда на сегодня занятия закончены, - объявил он обступившим его людям. – Расходитесь по домам, передавайте привет жёнам, мужьям и деткам! Завтра мы с коллегой, полагаю, сможем вам кое-что предложить... И, личная просьба к каждому: держите в секрете наши планы! Никто из будущих зрителей не должен знать о спектакле!

Действительно, доктор и не думал никого обманывать: выйдя вместе с Мельпоменой на смотровую площадку Олимпа, они провели там вместе время до самого рассвета, прикидывая сценарий для новой постановки.

Когда они появились в «Свободном Владении», актёры с нетерпением дожидались своих наставников. Раздав задания по классам, Аполлон чинно приблизился к труппе, которая уже вовсю осаждала вопросами едва отбивавшуюся от них Мельпомену.

- Добрый день, господа! – доктор поглядел на изнывавших от любопытства студентов театрального факультета, сверился с компьютером. – Итак, со сценарием всё в порядке. Ролей хватит на всех. Осталась самая малость: возвести приличествующую спектаклю сцену...

- Женщин, конечно, освободим от подобных занятий? – спросила Мельпомена.

- Конечно, - Аполлон кивнул, считая дальнейшие обсуждения темы излишними. – Вернёмся к сцене... Исос, - обратился он к претенденту на одну из главных ролей, - как у тебя с плотницким искусством?

- Средне... Могу вбить гвоздь.

- Понятно, - Аполлон нахмурился. – Никогда не держал в руках пилы?

- Нет, Маэстро! Я же сын купца, а не плотника...

- Для спектакля нам надо соорудить двухэтажную сцену, которая будет сверху изображать жилище, а снизу – убежище, в котором герои произведения переживут ядер... войну и где, собственно, развернутся события спектакля... Можно, конечно, попросить Фобоса и Деймоса, чтобы они тут немного поколдовали, однако, боюсь, что в такую рань они вряд ли согласятся помочь, - рассуждал Аполлон, прикидывая варианты. – Вижу, делать нечего, придётся собственными силами... Ладно, пока будем заниматься сценой, Мельпомена, раздай всем роли, пусть понемногу вживаются...

Вместе с ролями были распределены и плотницкие работы; женщины разошлись по сторонам, чтобы не мешать мужчинам; усевшись под деревья, они принялись заучивать текст. Оставшиеся вместе с доктором двенадцать человек, вооружившись не особо приличествующими актёрам инструментами, принялись за обустройство нелёгкой конструкции.

Несколько часов прошло в относительной работе, пока её внезапно не нарушил крик Исоса, обращённый к одному из коллег:

- Слушай, папаша, не рано ли ты объявил перерыв?! Я успел полностью отполировать пол, а что за прошедшее время сделал ты?!

- Не рано ли ты вжился в роль, сынок?! – почти равнодушно ответил ему пожилой грек с рубанком в руках, которому по сценарию досталась роль отца семейства; обратившемуся к

нему Исосу пришлось довольствоваться ролью его сына. – Разве так обращаются к отцу? Я своё уже отработал, а ты, молодо-зелено, помалкивай...

- Позвольте, товарищи, это просто неслыханно! – Исос встал в полный рост. – Он своё отработал!.. Мы все трудимся в поте лица, почему же ты увиливаешь от общего дела? Или ты – не с нами? Решил пойти против трудящихся, капиталист проклятый?

Аполлон, хоть и заинтересовавшись развивающимися событиями, решил не вступать в конфликт, покуда не понадобится его прямое вмешательство. Изобразив занятость, он, как ни в чём не бывало, продолжал обтёсывать балку, которой следовало подпереть импровизированный потолок «убежища».

- А ты, значит, в демократы записался? – ответил старик, также поднимаясь на ноги. – Стал на защиту рабочего класса и его интересов? Я делаю дело не менее тебя, просто – в силу возраста – медленнее. А раз ты, демагог, не уважаешь моё неоспоримое право на возраст, так лепта цена твоей хвалёной демократии! – и, внезапно для Исоса и всех окружающих, он подскочил к задире – и влепил тому подзатыльник.

Больше Аполлон не мог оставаться в стороне: мужчины – подскочили на ноги, становясь на защиту одного или другого коллеги; женщины, разом бросившие все свои занятия – громко завопили; Мельпомена, слегка задремавшая с компьютером в руках, мгновенно раскрыла глаза от посетившего её наяву кошмара. Едва сдерживающий хохот Аполлон, бросившийся разнимать зачинщиков драки, успел про себя отметить, что актёры настолько вошли в роль, что уже не отличали действительности от «спектакля»: пытаясь дотянуться друг до друга кулаками, они, едва сдерживаемые коллегами по театру, продолжали обращаться друг к другу не иначе, как «папаша» или «сынок».

Растащив драчунов по углам воображаемого ринга, Аполлон радовался тому, что последние не уничтожили плоды коллективных усилий и не разнесли сцену в щепки. Не желая ещё до начала спектакля превращать площадку для репетиций в настоящие боевые действия, доктор влепил выговор виновным – и отправил их в наказание по домам; остальным было предоставлено небольшое время перевести дух.

Воспользовавшись перерывом, к наставнику приблизилась Элисса:

- Маэстро, я хотела спросить тебя об одной вещи, можно?

- Конечно, - всё ещё посмеиваясь про себя над «сценическим конфликтом», ответил Аполлон. – Хоть о двух!

- Мне было очень приятно, что ты похвалил меня в споре с Исосом, - начала девушка. – Я уже давно задумываюсь над подобными вещами: почему в театре нельзя ставить ничего другого, кроме сказаний о богах или героях? Почему нельзя играть простых людей, которые живут, любят, ссорятся, умирают? Чтобы всё было, как в жизни?

- Не только можно, но и нужно! – преподаватель легонько коснулся её щеки. – Именно мы с тобой, Элисса, и пытаемся эту несправедливость исправить! Согласен, мифотворчество и религия настолько проникли в жизнь простых смертных, настолько пронизали её, что люди позабыли самих себя. И, поверь мне, девочка, пройдут ещё тысячи лет, пока человечество только начнёт осознавать это! Искусству в данный период крайне тяжело обойтись без мифов, поскольку они – повсеместны, а его представители – ещё нет...

- Вот и Исос говорит то же самое, - вздохнула она. – Он уверяет, что Искусство – это всего лишь раб религии, который полностью зависит от воли своего господина...

- Увы, он так полагает лишь по своему неведению; как-нибудь на досуге я попробую поговорить с ним... Религия – пусть с незапамятных времён и претендует отчасти на звание «родителя» Искусства – не может повелевать им, указывая, как тому поступать!

- Вот и я так думаю, - согласилась собеседница. – А он продолжает твердить, что только вера в богов является мотивом для выражения последнего – и никак иначе...

- Бесспорно, Элисса, религия может побуждать человека к Искусству. Но ведь и скаредность вполне может стать причиной благотворительности! Да, искусство способно найти источник вдохновения в каком-нибудь мифе; тем не менее, на основании этого оно же не претендует на безраздельное доминирование над этим источником! А что есть

Искусство с точки зрения религии? Прирученный зверёк, всего лишь один из комплекса методов – наряду с наукой или философией, также подлежащих приручению, – чтобы преподнести людям набор идей, которые она проповедует. Прости за повторение, но тебе даже во сне не приснится, сколько пройдёт лет, пока религия будет диктовать и бесцеремонно навязывать Искусству свои желания! Но здесь, в нашей маленькой общине, - Аполлон удовлетворённо окинул большую поляну, этот самый настоящий мусейон: с незаконченной сценой, белыми шатрами – и множеством людей, обучающихся игре на музыкальных инструментах, сочиняющих стихи или рисующих с натуры. – Здесь всё совершенно иначе, ибо все мы – родство свободных, мыслящих, чувствующих красоту во всём существ, объединённых тягой и любовью к Искусству! Окружающий нас мир – наше владение, Элисса! Если ты вдруг позабыла об этом, перечти написанное на транспаранте перед входом!

- Значит, религия была раньше, чем Искусство? Ведь если ты сам называешь её «родителем» того, чему я поклоняюсь, получается, что Иисус не так уж и неправ...

- Ни в коем случае! Я же сказал – отчасти претендует на звание «родителя»! Дело в том, что сознание первых людей было совершенно не таким, какое оно у тебя или у меня; утверждать, что Искусство полностью берёт своё начало в религии – непростительная глупость! Человек познавал мир в той мере, в какой сознание ему это позволяло. Да, при этом он занимался самым настоящим Творчеством: приручал животных, возделывал землю, создавал первые наскальные рисунки... Следовательно, Искусство, каким мы его видим теперь, возникло только благодаря свободной творческой деятельности Человека, который и стал его центром. Поэтому, скорее даже можно утверждать, что Искусство – противоположно религии по сути, поскольку та появилась из банального страха людей перед необъяснимыми силами природы, казущимися человеку враждебными, что указывает на несвободу и определённую зажатость творческого поиска. Таким образом, религия – отражение несвободы, а Искусство – свобода в высшем своём проявлении... Ты понимаешь меня, Элисса? – прервал себя доктор, глядя в глаза девушки.

- Да, Маэстро, понимаю! Твои слова ласкают мне разум и сердце...

- Отлично! А дальше случилось так, что религия подчинила себе Искусство, поскольку неизвестного и «враждебного» – ведь всё неизвестное кажется «враждебным» – гораздо больше; древние жрецы умело использовали человеческий страх перед силами природы в личных целях. Эта эксплуатация величайшей формы созерцательности человечества продолжалась тысячи лет. Тем не менее, Искусство, по сути своей являющееся глубоко гуманистичным, постоянно конфликтовало с религией – ярчайшим представителем угнетения любых свобод. Исповедующие религиозные взгляды всегда отличались чудовищной жестокостью по отношению к тем, кто допускал себе хоть малейшую критику объективно существующей действительности: повсеместного религиозного засилья и беспощадной тирании человечества оголтелыми фанатиками. За примерами, полагаю, далеко ходить не надо... Я бы добавил, – даже невзирая на то, что слова мои надолго опережают время, – что Искусство способно раскрыть механизм любых вызываемых религией конфликтов, продемонстрировать отрицательное воздействие религии на личность. И Наука, несомненно, в этих вопросах будет ему надёжным союзником и оплотом...

- Ты же говорил, что Наука менее значима, чем Искусство, Аполлон!

- Ну, - доктор литературы вновь усмехнулся, - это я просто хватил через край в порыве вдохновения! Наука – это всего лишь совершенно иной подход к миропониманию, к познанию скрытых до поры до времени вещей. Просто как цели, так и задачи у Науки и Искусства весьма различны...

- В чём их различие, Аполлон?

- Да неужели ты сама не чувствуешь этого, Элисса? Науке необходима точность отображения действительности, Искусство же зачастую является гротеском; научные доказательства вовсе не нужны картине или стихотворению, которые апеллируют к нашим

эмоциональным переживаниям; Наука выстраивается на коллективном опыте, на многовековых экспериментах, тогда как Искусству достаточно лишь однажды созданного произведения... Теперь тебе понятно?

- Да, мне всё ясно! – улыбнулась ученица.

- Прекрасно! Тогда продолжаем работу! – он громко хлопнул в ладоши. – Друзья, ну-ка дружно похватали пилы, рубанки, молотки – и понеслась!

Спустя день возведение сцены было закончено; актёры второго и третьего плана разбрелись под дубы зубрить доставшиеся им роли. Аполлон, когда спровоцировавшие вчерашнюю драку коллеги появились на поляне, заставил их помириться – и собрал вокруг себя учеников, которым посчастливилось выступить в будущем спектакле на первых ролях.

- Итак, друзья, мы с Мельпоменой доработали сценарий, который в окончательной редакции выглядит следующим образом: после внезапно начавшейся войны, в убежище, вырытом прямо под домом, удалось выжить нескольким людям. Это отец семейства, его жена, их старший сын с дочерью, раб – и случайно пришедшая к ним перед вражеским нападением гостья из соседей. Катапульты неприятеля закидали их дом греческим огнём, поэтому, чтобы спастись от нестерпимой жары, люди спрятались в бомбоубе... в подземелье, куда заранее перенесли кровати, воду, продукты питания и необходимую домашнюю утварь. В течение долгого времени они не появлялись на поверхности, переживая за свой народ, который наверняка погиб в этой страшной бойне. Когда люди выбрались наружу, то оказалось, что так оно и есть: да, они вшестером остались последними обитателями на Земле...

- Bravo! – захлопал в ладоши юноша, прежде не соглашавшийся на роль раба. – Вот так поворот: последними обитателями на Земле!.. Что же это за война такая?! И кто смог проверить столь массовое уничтожение?!

- Это были захватчики из других миров, - мгновенно сориентировался сценарист и режиссёр в одном лице. – Теперь этим шестерым надо было не только выжить, но и продолжить род человеческий, чтобы он окончательно не исчез... Для этого они должны были друг другу понравиться, чтобы у них родилось больше детей... ну, и так далее. Следовательно, надо показать их жизнь в бункере... в убежище: как они общаются, как вместе обедают; как ссорятся, мирятся, как спят...

- Тоже вместе?! – с опаской вставила Элисса. – Нет, я так не могу: у меня муж ревнивый...

- Нет, это зрителям станет понятно по ходу действия, - терпеливо объяснил Аполлон.

- А ссориться-то зачем? – спросил Исос, вспоминая, вероятно, вчерашний конфликт. – Без этого никак нельзя обойтись?

- Не получится, увы! – выдохнул Маэстро. – Попробуй-ка, поживи хоть месяц в одной комнате с пятью родственниками – и я гляну, как у тебя выйдет обходиться с ними без ссор!

- Да он в течение дня и без родственников достаточно агрессивный, - пробурчал старик, ещё вчера утверждённый на роль отца выжившего семейства. – Ладно, ладно, молчу! – он махнул рукой, поймав недовольные взгляды Аполлона, Исоса и всех остальных.

- Далее, - продолжил доктор литературы, - наши герои встречают людей из других миров, с которыми тоже начинают отношения – и на прямоугольном воздушном корабле отправляются в их время... Этих иномирян как раз и будут играть актёры второго и третьего плана.

- Где же нам взять эти самые корабли? – перебила рассказчика Мельпомена. – Неужели в вашем реквизите имеется хоть что-нибудь похожее? И как прикажете изобразить во время спектакля применение врагами «греческого огня»? Этак ведь сцену спалить вместе с актёрами – раз плюнуть!

- Всё решим, дорогая, всё решим! – отмахнулся от музыки и без того распираемый вдохновением доктор. – Я переговорю с Аресом, пусть подсобит... Неужели у него какой-нибудь списанной мини-ракеты не найдётся?! А «греческий огонь» попросим у наших технарей – Фобоса и Деймоса; лишь бы их пиротехника не подкачала... Так, на чём я там остановился? Ах, да – на воздушных кораблях... Но из времени иномирян они вскоре сбегут

– и вернуться к себе, на Землю. В общем, нарожают детишек, увеличат свои владения – и заживут счастливо!

Вокруг него раздались оглушительные аплодисменты. Хлопали все без исключения; доктор обратил внимание, насколько завёл актёров его сценарий.

- И когда же будет премьера? – обратились к нему с вопросом сразу несколько голосов, стоило рукоплесканиям смолкнуть.

- Ну, давайте вместе и подумаем, - прищурился Аполлон. – Итак, чтобы вам выучить роли назубок, полагаю, достаточно недели; сцена – готова, осталось решить кое-какие технические детали... Потом, естественно, нельзя забывать о нескольких общих репетициях; до этого поработаете в парах с коллегами по расписанным для вас персональным действиям. Затем – самое главное: генеральная репетиция. А за ней – и премьера! Во всяком случае, через месяц можно смело вывешивать афиши и рассылать приглашительные...

Потекли обычные театральные будни: труппа – кто сидя, кто стоя, кто прогуливаясь – зубрила роли, после чего люди разыгрывали будущее представление на пары. Актёры не стеснялись: от воплей, имитировавших «ссоры» членов пережившей войну «семьи», иногда разлетались музы да разбегались ученики литературных и музыкальных классов; театр чинил немало препятствий и обучающимся других школ, например, студентам доктора Гермеса – будущим бизнесменам, у которых от их вдохновения ум заходил за разум, в результате чего ребята не были способны решать простейшие логические задачи. Канцелярия «Олимпа» была буквально завалена жалобами коллег на самостоятельность доктора Аполлона и его театральной команды, тем не менее, никто этих жалоб не читал: профессор Зевс уже несколько дней как гостил то на «Гартаре», то на «Океане», а поскольку корреспонденция приходила на его имя, канцелярские чиновники ни за какие коврижки не желали нарушать правил субординации и знакомиться с ней.

Доктор Аполлон блаженствовал: всё шло просто замечательно! Совсем незаметно пролетела пара недель, во время которых ему стало ясно: на «театральный факультет» он набрал настолько талантливых студентов, что генеральная репетиция была просто без надобности! Конечно, её никто и не думал отменять; поступить иначе – значило поправить незыблемые законы театра... но какие же они милые, эти его ученики! Ничего не путают, не запинаятся; движения столь убедительны и привычны, будто они разучивали роли даже во сне!

- Спектакль, несомненно, ждёт небывалый успех! – во время коротких посиделок после работы хвастался он доктору Дионису, который искренне радовался за коллегу. – Какие они у меня молодцы! Плесни-ка ещё, дружище!.. Ой, спасибо тебе, Дионис, что, хоть и невольно, именно ты стоял у истоков театра! Твоё здоровье, дорогой!

- Ты не налегал бы так, Аполлон! – говаривал ему Арес, который не менее часто присоединялся к друзьям. – Вот отгремишь по горам и долам со своей премьерой, тогда можно и... испить из дионисовой чарки.

- Кстати, о премьере, друг: мне нужна твоя помощь... Ракета мне требуется – малогабаритная, подвижная... Можно катер.

- Найдём, не переживай! – получал он от коллеги хлопок по плечу. – Раз Искусство требует, значит – сделаем! У меня в гараже стоят несколько моделей давно вышедшей из употребления сборки... Раритет, я их для истории берегу. Есть отличный челнок под номером «11»! Хочешь, назову его в честь тебя, Аполлон?

- Я польщён, Арес! Возможно, что услуги твоих любезных спутников тоже понадобятся... Хочу заказать у них приличное пиротехническое шоу!

- Фобоса и Деймоса? Хорошо, передам... Я, недавно пролетая над Тибетом, видел их там, дурака валяющих... Какой-то вулкан пытались активировать; полагаю, что мы скоро услышим, получилось у них задуманное или нет... С ними ещё несколько комиков было с соседних баз... Только запомни, мои технари за просто так работать не станут!

- Да ладно, в курсе я... Передай им, что с меня причитается... Скажем, в «Чертогах» Афины, сразу после спектакля – идёт?⁴
- Считай, что они согласны!
- Да, ты, никак, за них сам всё решаешь и обо всём договариваешься, Арес?! Послушай, а ты, часом, с ними не в доле?!
- Нет, дружище! Недаром же Гермес учил меня вести семейные дела...
- Впрочем, эйфория Аполлона продолжалась недолго. Следующее утро застало его в личных апартаментах на «Олимпе»; покуда он готовился к выходу на смотровую площадку, а оттуда – на фуникулёр, который ежедневно доставлял его в «Свободное Владение», в дверь его постучались.
- Да, Урания, входи! – не глядя на дверь, отозвался хозяин кабинета.
- Это Мельпомена, - лёгкая обида прозвучала в голосе вошедшей. – Почему вы считаете, доктор, что лишь Урания может посещать вас?!
- Прости, дорогая! – извинился Аполлон. – Я уже почти привык к тому, что меня здесь навещает только Урания... Знаешь, она снова просится в команду!
- В наш мусейон?
- О да! Я ей такую лабораторию у Зевса выклянчил: трудись – не хочу! А она как заладила: «Я же только наполовину учёный, а на другую половину – муза! Мои творческие порывы в мегапарсеках не подсчитаешь! Хочу назад – и всё тут!» Я ей говорю, дескать, смотри сама, более такого шанса не будет... Впрочем, всё равно её мифотворцы уже давно в число девяти главных муз записали – пусть возвращается, я не против... Вот она и ходит ко мне, как призрак к Европе, каждое утро, чтобы я резолюцию подписал...
- Не знала, что к нашей Европе ходят призраки! – глаза Мельпомены вспыхнули. – И каков он из себя, этот призрак? Могу предположить, что это – некто с нашей базы?!
- Извини, оговорился: по Европе, - уточнил Аполлон, усмехаясь. – Ах, Мельпомена, Мельпомена! Такая солидная муза, а о коллегах сплетни собираешь!
- Ну, - засмушалась заместитель декана театрального факультета. – Я не за этим, вообще-то, пришла... Новости таковы, доктор: у нас – огромные неприятности!
- Так-так, продолжай! – без особой заботы в голосе резюмировал Аполлон.
- Скажу больше: спектакль – под угрозой срыва!
- Что-о-о?! – взревел Аполлон, мгновенно меняясь в лице и забывая о ещё не расчёсанных волосах. – Что ты сказала?! Как это – под угрозой срыва?! Что случилось?!
- Вот с этим я и пришла, доктор...
- Дружище, не травмируй меня, что со спектаклем?!
- Мельпомена вздохнула – и легонько коснулась руки Аполлона:
- На факультете – ужасное ЧП: актрисы, задействованные в спектакле, беременны!
- Как – бе-ре-мен-ны?! По-че-му – бе-ре-мен-ны?! В кон-це кон-цов, от ко-го... Впрочем, не моё дело! – по слогам выкрикивал бесконечно удивлённый доктор; некоторое время он переваривал полученную информацию, однако так и не смог ничего понять. – Мельпомена, родная моя, ты сказала мне так много и одновременно так мало, что у меня голова идёт кругом! Изволь высказаться подробнее – и, очень прошу, понятнее!
- Хорошо, - муза легонько откашлялась – и продолжила. – Вчера, сразу после занятий, ко мне подошла Элисса. Подошла не сразу: сперва подозрительно покрутилась возле сцены, заговорила с кем-то неподалёку... Я тем временем закончила выставлять отметки ученикам...
- Дальше, дальше, миленькая! – Аполлон не сводил с женщины умоляющего взгляда.
- Подходит, а у самой глаза так и бегают! «Метресс, - говорит настолько тихо, что я даже наклонилась к ней. – Прямо не знаю, как тебе сказать о случившемся...» «Говори, деточка! – успокаиваю я. – Ты же знаешь, со мной можно говорить обо всём!» Элисса набралась

⁴ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

смелости – и выдала: «Беременна я! Скоро стану мамой!» Я – хватаюсь за голову: «И давно уже?» «Пятый месяц», – отвечает, а у самой слёзки на глазах... «Боги Олимпа, – восклицаю, понимая её положение, – что же ты молчала?! Какие теперь тебе спектакли, девочка?» Та – лишь вздыхает: «Вот и я также думаю!.. Маэстро узнает – точно запретит на сцене появляться; а мне так хочется играть!» И стоит, качается, слезами заливается...

- Доигралась уже! – буркнул Аполлон; вспомнив, что в руке его расчёска, принялся с остервенением причёсываться. – Ты тоже хороша, наставница: у тебя студентка на пятом месяце, а ты того не видишь?!

- Она искусно прятала беременность...

- Вот именно, искусно! Из любви к Искусству!

- Так ведь и вы тоже не заметили...

- Я во время репетиций смотрю не на живот, Мельпомена! Ладно, что будем делать? Сможем ли заменить Элиссу за пару-тройку недель? Кем? Мысли есть?

- Я ещё не всё рассказала, доктор... Ну, я её домой спроводила, мужа её поздравила; начинаю мысленно соображать, как выкрутиться из ситуации... А сегодня утречком – часа за два до моего прихода к вам – и Аглая подваливает... С аналогичным признанием! Разница лишь в том, что Аглая – на четвёртом месяце... Играть можно, но тяжело...

Аполлон, до этого момента внимавший своему заместителю стоя, после заключительных слов Мельпомены рухнул в кресло:

- Да они поголовно с ума посходили, что ли?!

Он прикрыл лицо рукой; расчёска выпала из застывших пальцев.

- Я понимаю ваше состояние, дорогой Аполлон, но после Аглаи ко мне подошла Кассандра – и призналась, что...

- Доктора ко мне! – взвыл Аполлон. – Где этот прохвост Пилот?! Мне нужно полное обследование!

Мельпомена, обеспокоенная состоянием шефа, подала тому стакан водички из кувшина на столе. Аполлон выпил и несколько раз глубоко вдохнул:

- Впрочем, лучше вместо коллеги Гермеса пригласить коллегу Диониса: у того есть чудесный живительный нектар... – он откинулся на спинку кресла. – То есть, ты хочешь сказать, что женская часть нашей труппы, над которой мы с тобой бились пропасть времени, недееспособна?!

- Именно, Аполлон! – заместитель хотела произнести это как можно мягче, но уж получилось, как получилось. – Все актрисы беременны!

Доктор литературы закрыл глаза. С минуту он сидел совершенно неподвижно; затем пальцы на его правой руке слегка зашевелились.

- Все? – коротко переспросил он, будто ещё на что-то надеялся.

- Все, – ответ Мельпомены расставил последние точки над «i». – Мы пропали, Аполлон! Я не вижу никакого выхода из создавшегося положения...

В дверь постучались. Мельпомена быстренько подбежала к ней – и мгновением позже впустила в апартаменты Уранию. Та опешила, увидев начальство в столь обессиленном состоянии:

- Что случилось, Аполлон? На тебе лица нет...

- Несчастье у нас, девушка! – ответила вместо него Мельпомена. – Спектакль наш накрылся медным тазом...

- Слушай, Урания! – вдруг ожил Аполлон; ему было свойственно быстро теряться под ударами судьбы, однако, у него имелся великий дар также быстро от этих ударов восстанавливаться. – Хочешь, прямо сейчас подпишу приказ о твоём возвращении в мусейон? Будь другом, выручи наш театр!

- Не получится, – покачала головой Мельпомена, – Хотя, не буду скрывать, я тоже подумала об этом: увы, но коллеги нет театрального образования... Скажу больше, Аполлон: ни одна из муз не подойдёт! Следует ещё покумекать...

- Ладно, двигаем на площадку, там разберёмся! – к доктору вернулась воля к действиям, он обрёл утерянную часом назад изобретательность. – Урания, ты – с нами! Добро пожаловать домой!

Стараясь по дороге не выдать своего возбуждённого состояния коллегам, троица на фуникулёре спустилась к «Свободному Владению». Всю дорогу доктор литературы обдумывал, как можно решить ситуацию без привлечения лишнего внимания. Занятия в других классах шли своим чередом; только актёры, обеспокоенные отсутствием преподавателей и женщин, в растерянности сидели в шатре.

Увидев Аполлона с Мельпоменой – Уранию, с которой начальник взял слово молчать обо всём, чему та стала свидетельницей в его кабинете, перехватили подруги по мусейону – мужчины повскакивали с мест, радостно хлопая в ладоши.

- Мы думали, что сегодня уроки отменяются, - ни нотки осчастливленных болезнью или занятостью преподавателя не слышалось в их обращении. – И куда подевались все наши дамы?

- Значит, так, ребята! – заговорщически начал Аполлон, знаком попросив всех присаживаться. – С сегодняшнего дня единственной дамой среди нас будет наша любимая Мельпомена! Коллега, - обратился он к своему заместителю, подметив удивлённые и непонимающие взгляды мужчин, - обрисуйте, пожалуйста, положение, в котором оказался наш факультет...

Мельпомене пришлось почти слово в слово передать актёрам весь разговор в кабинете Аполлона, за исключением, естественно, кое-каких собственных комментариев – и описания того, как героически держался Маэстро во время ниспосланной ему духовной экзекуции.

Мужчины не перебили её ни разу; внимали ей с открытыми ртами, а после – разом захихикали:

- Вот так история!..

- Это же надо: все девять сразу!..

- Ну, не сразу: это уж кто и когда залетела... Вот, умора!

- А теперь, внимание! – декан взмахом руки прекратил общее веселье. – То, что я вам сейчас скажу, изменит не только нашу историю, это изменит историю театра вообще! На долгие века... Сперва я хотел самих главных муз пригласить на подмену – их как раз по числу наших актрис («Бывших,» - подумалось Аполлону, но озвучивать мыслей он не стал.); однако, позже мне пришла в голову абсолютно новаторская идея: женщин в театре не будет вообще! Их роли станут исполнять мужчины...

Слушатели непонимающе – даже с явным ужасом! – вытаращили на говорившего глаза; исключением не стала и сама «наша любимая» Мельпомена: она вроде бы даже легонько охнула.

- Что с тобой, Маэстро?! – раздался чей-то приглушённый голос из угла. – Ты хоть сам-то понял, что произнёс мгновением назад?!

- Здоров ли ты, Аполлон?! – не отстали от него и остальные, наперебой засыпавшие доктора всевозможными медицинскими советами. – Ели хочешь, так я могу... это... быстро сбегать к Дионису...

- Спокойно, друзья, со мной всё в полном порядке! – Мы с вами – на пороге новых веяний в Искусстве! Судите сами: мужчине всегда легко играть мужчину, не так ли?

- Ну-у-у...

- А я говорю: пусть мужчина попробует сыграть женщину! Это же настоящее таинство перевоплощения, это – невероятный труд! И если кому-нибудь из вас такое окажется под силу, я первым скажу, что он – великий актёр, достойный всяческих почестей в любом из миров! И восславится имя его на Олимпе; и да будет упомянут он в истории цивилизаций; и навеки впишет себя в хронику бессмертного театрального Искусства!..

Аполлона понесло. «Сколько же всего надо придумать, чтобы скрыть от зрителей обыкновенную угрозу провала спектакля из-за беременности женского коллектива! –

размышлял он, произнося, пожалуй, одну из своих наиболее пламенных речей в человеческой истории. – Впрочем, сейчас главное – вызвать интерес, а новаторские идеи обычно не остаются без последователей... Только бы теперь не переборщить с вводимым новшеством, иначе сам театр пострадает!»

Слушатели восприняли речь Аполлона на ура. Конечно, каждому из них хотелось попасть в историю, приложиться лично к небывалому доселе новшеству... однако сама необычность предложения продолжала несколько смущать актёров.

- Слушай, Аполлон, а если народ не оценит наших усилий? – теребя нос, спросил Исос; хоть он доверял идеям доктора, на его лице читалось лёгкое беспокойство. – А ну как нас закидают тухлыми оливками? Попробуй тогда объяснить невежественной толпе, что мужчина, играющий женщину – это последний крик Искусства...

- Да не будет он последним, честное аполлоновское! – убеждённо ответил руководитель факультета. – Наоборот: искренне полагаю, что перед спектаклем обязательно следует пустить слушок, дескать, что женщины в нём не участвуют... Вот увидите, что подобный нехитрый рекламный ход лишь сильнее возбудит интерес публики – и, несомненно, привлечёт гораздо большее количество зрителей!

- Кстати, учитель, - осторожно спросил пожилой грек, - А что будет с нашими бывшими актрисами? Получается, им нельзя, что ли, появляться в театре?

- Верно, Аполлон, за коллег обидно! – добавил юноша, получивший роль раба выжившего семейства. – К тому же, что нам делать со сценарием? Ведь теперь все женские роли придётся играть кому-то из нас, правильно?

- Абсолютная истина, друзья! – Аполлон на мгновение задумался. – Я не считаю, что это такая уж непосильная задача, тем более – для таких одарённых актёров, как вы... Сейчас я распределю, кто из вас выступит в женской роли; за пару недель вы успеете подготовиться, отрепетировать как следует – и дело в шляпе! Играющие по сюжету мужчин – особенно главных – остаются при своих ролях... А наши бывшие актрисы... Ну, пусть организуют свой, любительский театр, запрещать не стану... Искусство никому не даёт от ворот поворот!

- А как же иномиряне? – подал голос «отец семейства». – Тогда у нас актёров на них не останется!

- Останется, вас же двенадцать человек! Количество иномирян придётся сократить, ничего не поделаешь... Словом, ты, ты и ты, - доктор указал пальцем на трёх эллинов. – Прекращайте быть иномирянами, возьмите у Мельпомены реквизит для исполнения женских ролей – и в ускоренном режиме разучивайте текст... Времени мало, а дел – много...

- Маэстро, ответь, пожалуйста, ну какой дурак купится на мужчину, играющего женщину?! – не смог более сдерживать сомнений Исос. – Я тут прикидывал и так и сяк – ну, никак не получается! Это же какое нужно иметь воображение – тем более, капризному зрителю, – чтобы при любом раскладе принимать мужчину за женщину?!

- Успокойтесь, товарищи, я продумал и это! – Аполлон воздел руки над головой. – Минуточку внимания... Вы имеете дело не только с лучшим режиссёром Вселенной, но и с непревзойдённым – замечу, в тех же масштабах – мастером перформанса! Во время премьеры каждый из вас появится на сцене в маске! – он вновь взмахнул руками, умышленно сделав паузу и ожидая аплодисментов.

Их не последовало – и пауза затянулась. Аполлон подождал ещё немного; люди тревожно переглядывались; на их лицах, как в театральных зеркалах будущих гримёрок, отражалось полное непонимание, если не сказать – неприятие услышанного.

- Час от часу не легче! – пробормотал Исос, почёсывая на сей раз макушку. – В масках!

- Конечно, дорогие, именно в масках! Поверьте мне на слово, что они также станут традицией на долгие века! Запомните раз и навсегда: я никогда не работаю вхолостую – если что-нибудь придумываю, то новаторство, как любит повторять мой друг Гипнос, с

течением времени неизбежно становится традицией! Зевс меня побери, и почему я должен вас в этом убеждать?!

- Ну, народу хочется вникнуть, так сказать, в суть твоего предложения, - пробубнил один из троицы, кому была только что отдана женская роль. – Поскольку пока нам ничего не ясно...

- Справедливое требование, - согласился декан. – Итак, любой из вас наденет положенную ему маску – и в таком виде выйдет на сцену. Тем из вас, кто будет играть женщин, будут выданы маски, изображающие женские лица; наденете платья, Мельпомена поможет вам приладить парики – и всё пройдёт на загляденье! При таком маскараде никто из зрителей ни за что не отличит мужчины от женщины, разве что по голосу... Впрочем, при ваших талантах, в которых я ничуть не сомневаюсь, - Аполлон умело использовал политику кнута и пряника, - вы вполне научитесь, после необходимых тренировок, искусно изображать и женские голоса...

- А богов? Я, может, самого Зевса хочу сыграть! – спросил старый эллин; Аполлон обрадовался, увидев в его глазах проблески уверенности. Остальная труппа издавала нечто похожее на вздохи облегчения.

- Для каждого спектакля маски, как нетрудно догадаться, будут разными, но для начала давайте уж разберёмся с грядущей премьерой! Да не беспокойтесь вы ни о чём, друзья! Надо будет, так я хоть с Зевса сниму слепок! Погодите, уважаемые студенты: дайте только срок, и я изобрету со временем такие разновидности грима, что вы запрыгаете от счастья, равно как ваши потомки и продолжатели театрального наследия... А пока лучше прекращайте разговоры – и приступаем к работе...

И работа закипела; забурлила так, что ни словом сказать, ни стилем описать! Актёры разбрелись разучивать роли; Мельпомена отбирала для каждого костюмы и макияж; у самого Аполлона только пятки сверкали – ведь именно ему предстояло заниматься важнейшими делами! Только теперь, даже невзирая на подобный форс мажор, он был абсолютно уверен в том, что желанный спектакль – состоится, что премьера пройдёт на высшем уровне!

По его вызову объявились Фобос и Деймос, прихватив необходимую аппаратуру – как пиротехническую, о которой доктор уже просил, так и для быстрого изготовления масок, париков и других причиндалов, необходимых по сюжету. Вскоре появился Арес; как и обещал, он отыскал в своём хозяйстве открытую четырёхместную авиетку старого образца, переделав машину под прямоугольный воздушный глиссер для театральных нужд. В разгар невероятных трудов всей честной компании театрального факультета и призванных на помощь коллег Аполлона, в «Свободном Владении» неожиданно появился доктор Гермес.

- Привет, дружище! – поздоровался он с покровителем искусств. – Как дела? Слышал, у тебя небольшие неприятности? – внимательно осмотревшись, Гермес в упор глянул на Аполлона, раздающего указания техническому персоналу. – Ходит молва, что спектакль под угрозой срыва?

- Здорово, Пилот! – устало ответил тот. – Ты-то уж знаешь всё на свете...

- Извини, профессия!

- Тоже мне, удивил! О моих неприятностях, пожалуй, сейчас неизвестно только в Совете... Впрочем, я слегка поднапрягся – и в результате этого проблемы решены, - он кивнул на техников, занятых лазерным выжиганием по дереву: разделив труд, Фобос корпел над женскими масками, тогда как Деймос – занимался мужскими. – Вернее будет сказать, проблемы решаются прямо сейчас...

- Понятно! С чем и поздравляю, - по лицу доктора Гермеса было очевидно, что он искренне рад за друга. – В советах не нуждаешься?

- В каких ещё советах?

- В коммерческих, Аполлончик, в коммерческих!

- Ну, знаешь, иди-ка ты со своими шуточками, честное слово! Сейчас мне уж точно не до твоих острот!

- Да ты сперва выслушай, а после делай выводы... Возможно, тебе – прямо сейчас, когда премьера горит и дымится – и не до этого, но подумай: ты ведь хочешь поставить культуру на широкую ногу, не так ли? Что ж, прекрасно и похвально! А о финансовой составляющей своего проекта ты подумал?

- Не понял, - Аполлон внимательно посмотрел на приятеля, зная по опыту, что тот ничего не советует понапрасну. Если, конечно, не имеет тайного желания просто приколоться. – Что за финансовая составляющая, Пилот?

- Суди сам: ты создал театр...

- Его изначально создал не я. Все вопросы – к Дионису...

- Хорошо, скажу иначе: ты – покровитель Искусства, в том числе и театра. Ты хочешь, чтобы люди тянулись к нему, чтобы он доставлял актёрам глубочайшие чувства, наполнил их существование смыслом; а созерцающим их труды – приносил необычайные эстетические переживания. Повторюсь, дорогой: это – замечательно, но далеко не всё. Ты собрал учеников, обучил их владеть лицом, телом и голосом – и что дальше? Пошлешь их после этого на улицу, на этом самом Искусстве зарабатывать?! Или ты намерен содержать их до самой смерти?! Иными словами, платить им за выступления ты намерен из собственного кармана?!

Аполлон не ожидал подобной постановки вопроса:

- Хм... Да, как-то я об этом не подумал, - он выглядел растерянным. – Но ведь Искусство само в себе несёт...

- Я с тобой согласен, дружище, но только преждевременно не говори такого актёрам будущего, которым придётся умирать от голода, возможно, прямо на сцене... Не хочу тебя расстраивать, - доктор Гермес положил руку на плечо коллеги, - но ещё не скоро наступят времена, когда Искусство позволит своим представителям жить за счёт собственного вдохновения! И ты прекрасно это знаешь, Аполлон...

- Что же делать? – декан факультета искусств загрустил. – Что же делать?

- Для начала, выслушать меня. Видя твои недочёты, я же к тебе посоветовать пришёл... Скажем, почему бы тебе не подписать контракт с эллинскими городами-государствами, чтобы те взяли на себя обязанность финансировать твои спектакли и самих актёров?

- Как это? Чтобы государство согласилось на подобное? Ты шутишь, Пилот?

- Ничуть. Тенденция такова, что театр – особенно после того, как ты стал оказывать ему покровительство – стал невероятно завоёвывать сердца людей. Ходить на спектакли стало привычным – и, заметь это – респектабельным делом! Культура эллинов достигла такой планки, при которой хождение в театр является неоспоримым признаком хорошего тона. А его старательно придерживаются как простолюдины, так и правители государств. Поэтому я уверен, что последние – хотя бы из соображений собственного престижа – пойдут с тобой на подобный договор... Можешь не сомневаться, что, если это понадобится, я незримо шепну царям и архонтам пару слов на ушко, чтобы они стали сговорчивее.

- А что, идея и впрямь неплоха! – воспрянул духом Аполлон. – Спасибо, друг мой! Я думаю, что это сработает...

- Есть ещё нюанс: города-государства, заинтересованные в более интересных спектаклях и количестве профессиональных актёров, несомненно, начнут отправлять в твоё «Свободное Владение» своих горожан. Следовательно, у тебя увеличится количество учеников (причём, я говорю исключительно о театральном факультете), а люди – в скором времени – смогут созерцать выступления сограждан, прошедших школу великого Аполлона!

- Вот здорово! Ай да Пилот, ай да молодец! Всё продумал! – глаза Аполлона благодарно сияли. – Культура тебя не забудет!

- Кроме того, через театр ты сразу обеспечиваешь работой выпускников и других своих школ: поэтов, музыкантов, художников... Мастера везде пригодятся! Ведь хороший театр – это не только одни актёры; ведь кто-то должен шить им реквизит, кто-то – писать сценарии или оформлять сцену; нужны хоры, аккомпанемент, в конце концов... Ты же не будешь вечно делать это сам, верно? Твоё дело – обучить лучших представителей

человечества – и отправить их нести Культуру остальным, чтобы твои студенты были её светочами... Не вешай нос, коллега: тебе в скором времени Феспида Афинского воспитывать!

Доктор литературы Аполлон сердечно обнял доктора медицины Гермеса:

- Пилот, ты просто чудо! Я непременно поступлю так, как ты советуешь, ибо предвижу большой успех... Мне бы только со спектаклем разобраться...

- Да, и касательно самой премьеры, Аполлон! – Гермес посмотрел на актёров, снующих вокруг Фобоса и Деймоса; люди примеряли маски, с хохотом носясь друг за другом. – Пока наши коллеги не закончили работу и не удалились на «Олимп»... Почему бы тебе не позаботиться о более просторном помещении для театра?! Да и акустика в твоём «Свободном Владении» не ахти...

- Ну, сцена как сцена, другой нет...

- А кто мешает возвести более лучшую, Аполлон?! – доктор Гермес осмотрелся. – Здесь, у подножия Олимпа, ты не соберёшь большого числа зрителей, да и Совет этого не станет одобрять: тут, как-никак, учёные работают... Пройдись-ка по крупнейшим городам-государствам – Афинам, Милету, Фивам, Коринфу – да заключи с ними договор не только о повсеместном финансировании театра: предложи им основать собственный театр прямо на их улицах! Пусть премьера пройдёт здесь, но мой тебе совет: расширяй свои владения! Поверь, любой из городов не откажет тебе, хотя бы из соображений престижа... Возьми с собой Ареса и его спутников – и постройте нормальное помещение для театра: под открытым небом, но со всеми удобствами... У тебя же здесь даже зрителей толком рассадить невозможно! Скамеек только что срубленных – даже не просохших – понаставили – и всё...

- Хорошо, хорошо... Как же быть?

- В центре площадки размести актёров и хор, рассадь музыкантов; зрителей – смело рассаживай вокруг, чтобы сцена была видна отовсюду. Площадку сделай вращающейся: с той же целью; а если по сюжету будет несколько действий, то актёрам не потребуется ждать, пока техники подготовят необходимые по сценарию декорации. Ну и, само собой, обрати самое пристальное внимание на качество звука. Стены обязательно должны резонировать, но не переборщи с излишним эхом... Словом, когда придёт время возведения театрального комплекса, напони об этой детали Аресу и его подручным – они-то уж точно разберутся и сделают всё, как надо...

- Да ты просто гений, Пилот! – восхищённо прошептал Аполлон. – И когда тебе всё это пришло в голову?

- Сразу же, - ответил с улыбкой Гермес, - как только я узнал о том, что мой друг Аполлон попал в беду...

- Фобос, Фобос! – принеслось к друзьям с площадки. – Почему наши маски такие огромные? Аполлон и Гермес обернулись: труппа, любясь доселе невиданными произведениями театрального реквизита, осаждала братьев-технарей со всех сторон.

- В чём дело? – отвечал вместо него Деймос. – Вам они не нравятся?

- Нет, что вы! Очень даже нравятся! Просто почему они такие большие?

- Потому, - отвечал уже сам Фобос, - чтобы все их видели! Если вы не будете носить масок, то зрители в последних рядах попросту не увидят вашего лица!

- Вот видишь, - обратился Гермес к приятелю, - Фобос уже учёл этот фактор: величину театра – и положение актёра на том расстоянии, на удалении от которого находится зритель!

- Надо же, - шутливо покачал головой Аполлон, - а я придумал эти маски лишь с целью сокрытия беременности женского актёрского состава!

- То ли ещё будет! Нам столько всего предстоит на этой чудесной планете...

Наконец, наступил день премьеры. Мало кто из коллег обещал прийти на спектакль, поскольку каждый занимался своим делом, как Аполлон – своим: программой подготовки и обучения людей Прекрасному. Тем не менее, сегодня у подножия Митикас дефицит именитых гостей не ощущался: по особой просьбе доктора литературы, его друг Гермес

разнёс «указ богов» всем царям и владыкам греческих городов-государств, в которых – от имени покровителя искусств – им предписывалось посетить небывалый доселе спектакль. Явка, как добавлял от себя лично глашатай, была обязательной. Впрочем, Аполлон верно рассчитал с рекламой: многим любопытным, закоренелым театралам хотелось увидеть собственными глазами, как мужчины будут играть женщин – и что из этого получится...

Согласно советам Гермеса, театральная площадка претерпела некоторые изменения, поелику то было возможно: диаметр театра увеличен до пределов, насколько хватало места на поляне; скамьи, аккуратно выкрашенные и снабжённые спинками, выстроены концентрическими кругами от центра площадки; в первых рядах, в отведённых местах для почётных гостей и их свиты, располагались столики с вином, фруктами и мороженым.

Перед началом мега-представления, пока собирался народ, выступили ученики поэтических классов, порадовав публику неслыханными доселе произведениями; на смену им явились музыканты, которые – поодиночке или в группах – развлекали прибывших чудесной музыкой; художники – с позволения на то Аполлона – устроили перед спектаклем великолепную выставку, что в скором времени переросла в оживлённый аукцион, едва не нарушивший ход мероприятия; лишь вмешательство администрации – девяти муз-наставниц – положило конец инциденту. Они доходчиво объяснили заинтересованным, что любая несанкционированная коммерческая деятельность на территории школы Аполлона строго воспрещена, а если в ближайшем будущем незыблемые правила ведения торговли изменятся, то об этом сразу же будет дано всеобщее оповещение. Последние прибывшие рассаживались по местам, когда на сцену вышел Аполлон.

Радостными криками встречали собравшиеся покровителя искусств; цветы и разноцветные ленты падали к его ногам. Руководитель театра спокойно вытянул руку – и, под ещё не смолкнувшие окончательно приветствия, произнёс:

- Дамы и господа, я бесконечно рад приветствовать вас на этой поляне, с которой по всему миру потекут полноводные реки Культуры. Позвольте представить вам первый из ручейков, предвестников этого начинания: сегодня – премьера спектакля «Выжившие во время войны». Вы увидите то, чего ещё никогда не видели; услышите то, чего никогда не полагали услышать! Итак, начинаем! – и удалился за кулисы.

После ярких и достаточно продолжительных аплодисментов, в верхней части сцены, изображающей комнату в доме, появилось шесть человек; надетые на их лица маски трёх мужчин и трёх женщин мгновенно сделали своё дело – аплодисменты с силой возобновились.

Хор, отвесив зрителям глубокий поклон, зычным голосом начал:

*- Я расскажу тебе, зритель почте-е-енны-ы-ы-ый,
О переживших страданья великой войн-ы-ы-ы...*

Люди затаили дыхание, взирая на происходящее. Усевшись за столом, шестеро актёров переглянулись. Исос, протянув руку к «отцу», нараспев возгласил:

*- Ах, мой отец, что же нам теперь де-е-е-елать?!
Недрузи наши на приступ иду-у-у-ут!
Домик, увы, наш провалится в Та-а-арта-а-а-ар!..*

Старый грек, сверкая в публику выпученными глазами маски, немедленно подхватил:

*- Я же недаром тебе говори-и-и-ил:
«Надо, сынок, подземелье гото-о-о-ови-и-и-ить –
Не доберётся до нас никакой супоста-а-а-ат!»*

Игравший роль жены хозяина дома, вцепившись одной рукой в собственный парик, а другую – прижав к сердцу, почти фальцетом выдал:

*- Что ж мы сидим? Ах, скорей шевели-и-и-ите-е-е-есь!
Этим собакам в убежище нас не доста-а-а-ать!*

После чего все шестеро засуетились, друг за другом спускаясь по лесенке в нижнюю часть сцены; там находился подобный стол, несколько кроватей – и большое количество деревянных ящиков с посудой, одеждой и прочим барахлом, которое должно было составлять необходимую атрибутику подземного убежища.

Над головами зрителей – и, в частности, над импровизированным «домом», загрохотало нечто похожее на раскаты грома (кое-кто из увлечшихся созерцанием спектакля даже подумал, что начинается дождь и обеспокоенно глазел на небо); засверкало пламя фейерверков, намекающее на обстрел «дома» греческим огнём из невидимых катапульти; строение очень красиво рухнуло и «загорелось» – пиротехники Фобос и Деймос, очевидно, выложились по полной программе.

Зрители не удержались – и поляна вновь огласилась криками и продолжительными хлопками; публика сходила с ума от переполнявших её чувств. Аполлон блаженствовал за кулисами, наблюдая не сколько за игрой актёров – в своих ребятах он, несомненно, был уверен, как в себе самом, – сколько за реакцией сотен визжащих от удовольствия театралов. «Ай да Гермес! – думал он, испытывая бесконечную гордость: за друзей, за себя, за сегодняшнюю премьеру, за человечество, за великие сети Искусства. – Да после такого мероприятия ко мне любой из архонтов сам прибежит – и принесёт договор на блюдечке! Фобосу и Деймосу, конечно, хоть по медали за такое огненное шоу выдавай!.. «Лучший пиротехник Вселенной»... Впрочем, им эти медали – до балды: они иного расчёта потребуют... Ладно, в «Чертогах» Афины за мной не заржавеет...»⁵

Тем временем люди кое-как совладали с наплывом эмоций, позволив актёрам продолжать спектакль. Страсти на сцене накалялись. После продолжительной арии «хозяйской дочери», объясняющей «отцу» свой статус:

*- Ах, я, несчастная! В девах сидеть мне придё-о-о-отся-а-а-а!
Мужа-то нет у меня, от кого мне рожда-а-а-ать?!*

и душещипательного выступления оказавшейся в убежище «соседки»:

*- Как же зачать да родить мне младе-е-е-енц-а-а-а?!
Мужа-то нет у меня, я давно развела-а-а-ась!*

Хор вновь перехватил эстафету:

*- Вот, они ссорятся, а на Земле не оста-а-а-ало-о-о-ось
Больше совсем никого-о-о, нету даже бого-о-о-ов...*

Всё шло, как по маслу: «отец» уже облюбовал «соседку», «дочь» положила глаз на «раба», «мать» с «сыном» продолжали осуждать взаимный выбор выжившего человечества; ещё немного – и на сцене (вернее – над сценой) должны были появиться загадочные иномиряне в реквизированном у Ареса воздушном глиссере... Однако именно тогда, когда Аполлон менее всего этого ожидал, случилось нечто непредусмотренное, не планированное и, увы

⁵ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

совершенно непоправимое: в «Свободное Владение Аполлона», покачивая головой с недовольным видом, вошла профессор биологии Горгона.

Поначалу на её появление никто не обратил внимания: ни увлечённые представлением зрители, ни довольные несомненным успехом и лезущие из кожи вон актёры, на сам руководитель театра. Однако, сперва одна пара глаз заметила высокую фигуру незваной гостьи, замершей неподалёку от кулис, затем – другая, третья; среди публики послышался шёпот, люди перестали внимать тому, что происходило перед ними на сцене. Удивлённые внезапно пропавшим интересом зрителей к своим кривляньям, актёры постепенно замирали на месте, силясь понять, что могло отвлечь публику от кульминации спектакля. Ещё мгновение над поляной стояла мёртвая тишина, а потом...

Потом раздался истерический женский визг: «Горгона! Медуза Горгона!»; ему тут же вторило бесщётное количество воплей со всех сторон, как мужских, так и женских:

- Спасайтесь!

- Медуза пришла!

- Мы все погибнем!

- А-а-а-а-а!..

На поляне начался неопиcуемый бардак: люди лезли через скамейки и друг друга, пытались пробиться к выходу; теснясь и толкаясь, они спотыкались и падали по дороге к транспаранту «Свободное Владение Аполлона», будто служившему им спасительным маяком; на них незамедлительно падали те, кого только что оттолкнули... Паника, царившая на сцене, ничуть не уступала по своему размаху происходящему в зрительских рядах: актёры, выкрикивая нечто нечленораздельное, выскочили из «убежища» (хотя, гораздо разумнее было бы оставаться под его защитой), кидали оземь сорванные с лиц маски – и сломя голову неслись в разные стороны.

Несмотря на случившийся перед выходом затор, обезумевшая толпа нашла и другие способы, чтобы поскорее убраться из театра: кое-кто нахально лез через невысокий забор, кое-кто – кому позволяли умения – не постеснялся даже воспользоваться ветвями деревьев, чтобы, взобравшись на них, прыгнуть на землю и улепётывать уже по другую сторону поляны.

Наконец, последние упавшие и слегка помятые в свалке, вновь оказались на ногах – и устремились за своими более удачливыми предшественниками. Протяжные вопли были слышны ещё около нескольких минут; постепенно смолками и они, растворяясь где-то вдали... Минутой спустя стихли и они; ничто больше – кроме перевёрнутых скамеек да разрушенной сцены – не напоминало о весёлом празднике, столь внезапно оборвавшемся.

Из-за кулис, навстречу замершей между перевёрнутым столом с фруктами и чьей-то впопыхах брошенной или оброненной шляпой одинокой фигуре, вышел руководитель театра. В глазах его было столько огорчения, столько досады, что даже лучи заходящей дневной звезды не пожелали играть ореолом в волосах своего любимца.

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ГОРГОНЫ

*...Также Горгон родила, что за славным живут Океаном
Рядом с жилищем певиц Гесперид, близ конечных пределов
Ночи: Сфенно, Евриалу, знакомую с горем Медузу.
Смертной Медуза была....
Гесиод, «Теогония», 274-277*

- Ну, спасибо вам огромное, профессор! – только и нашлось у Аполлона; он насмешливо развёл руками. – Вы как раз вовремя пожаловали: до окончания спектакля оставалось совсем немного...

- Прошу прощения, дорогой доктор, но эти ваши актёры так орала – причём, откровенно говоря, несли такую чушь, что я уши затыкала агифонами – и, знаете, не помогло! Новейшие шумоглушители оказались бессильными против вакханалии, устроенной в вашем «Свободном Владении». Вся моя временная база ходуном ходила от этих диких воплей! Я сперва даже усомнилась, что человек способен издавать подобные звуки... Вот и пришла проверить...

- Вы испортили мой триумф! – пробормотал Аполлон, не обращая внимания на замечание своего первого критика. – Зрители – восхищены, актёры – и подавно... Я сам... хм-м-м... Словом, мы с такими усилиями ставили эту трагедию, с такими препонами, что мне даже трагично вспоминать об этом!

- Трагедия, коллега?! Я была уверена, что это – комедийное действие, судя по тому, что разобрала из завываний зрителей, да и самих актёров...

Аполлону ничего более не оставалось, как махнуть рукой – и покачивающейся походкой, обходя поваленные скамьи, двинуться к фуникулёру. «Прекрасная премьера! – думал он нелёгкую думу. – Сейчас мне просто необходимо выпить! Только окажусь на Олимпе – сразу же к Дионису!.. А то и к Афине можно заглянуть...»

Оставшаяся в одиночестве профессор зоологии, равнодушно пожав плечами, молча проводила его взглядом. «Бедный Аполлон! – пожалела удалившегося сотрудника Горгона. – Но зачем же так убиваться-то?! Подумаешь, спектакль!.. Будет у тебя ещё этого искусства...»

И дело не в том, что профессор недолюбливала культуру: она прекрасно понимала её педагогическую силу и образовательную ценность; просто Горгона была учёным до мозга костей, настоящим фанатиком Науки, потому эстетические переживания не особо её интересовали. Как уже упоминалось, профессор зоологии – и по совместительству, музейный сотрудник – была затребована у Совета руководством «Олимпа», согласно просьбе доктора Артемиды: прислать недостающего ей по штату библиотекаря. Таким образом, Горгона оказалась на Земле, в Лаборатории зоологии базы «Олимп».

Если до сегодняшнего дня пути профессора с доктором Аполлоном не особо пересекались, разве что во время общей трапезы и обычных планёрок в начале каждой недели в кабинете руководства, то с доктором Артемидой (которую сотрудники за глаза именовали «сестрёнкой» Аполлона) плодотворного сотрудничества не получилось с самого прибытия Горгоны на базу. Не то, чтобы женщины не понравились друг другу или между ними возникла профессиональная ревность, просто профессор не соглашалась с «решением» Артемиды сделать из неё «обыкновенного книжника»: такова позиция Горгоны была понятна – она являлась не только музейным сотрудником высшей категории, но лично создавала по всей Вселенной уникальные музеи биологических экспонатов, где сама же

частенько и директорствовала. Со своей стороны, Горгона требовала у доктора Артемиды отдать ей под музей «Полного собрания биологических материалов Земли» целый сектор; при этом она, впрочем, выразила согласие заведовать библиотекой лаборатории. В течение долгого времени женщины выясняли – впрочем, довольно мирно – отношения, но так ни к чему и не пришли. В конце концов, после неоднократного вмешательства в их обоюдные притязания профессора Зевса, тот постановил, чтобы коллеги раз и навсегда перестали утомлять его – и вынес собственное решение:

- Уважаемые дамы, с меня довольно! – заявил он однажды, пригласив обеих в свой кабинет. – Каждая из вас, безусловно, обладает не дюжей квалификацией и заслугами в области создаваемых и исследуемых миров; каждая из вас, несомненно, добилась признания коллег за вклад в Науку. Но ваши распри на пустом месте стоят мне уже вот где, - профессор провёл рукой по горлу. – Поэтому приказываю: во-первых, профессор Горгона будет исполнять обязанности библиотекаря в лаборатории доктора Артемиды. Во-вторых, доктор Артемида обязана выделить профессору Горгоне кабинет под её музей, напрямую связанный с «Проектом «Земля»». Увы, мы не в состоянии выделить под него целый сектор, но вам, профессор, ничего не стоит раздвинуть его измерение до необходимых вам размеров; в связи с этим обратитесь за помощью к нашему техническому персоналу, они вам окажут необходимые услуги... Думаю, что так будет и выгодно, и справедливо... Всё!

- Благодарю вас, профессор! – легонько наклонила голову доктор Артемида, заранее зная, что спорить с начальством бесполезно. – Мы сами уже пришли к такому выводу, - она посмотрела на Горгону, - не хватало, так сказать, вашего веского слова...

- Простите, дорогой Зевс, - Горгона повторила жест Артемиды, - но с увеличением измерения всех задач не решить. Мне нужен частный комплекс для работы – и, желательно, передвижной... Собрал те или иные биологические образцы, я буду постепенно перемещать их в кабинет, а оттуда, через телепортёр – в МАИ.

- Сделайте одолжение, милая Горгона: выберите себе всё необходимое сами – у наших техников есть многочисленные модификации того, что вы столь вожделеете! Передвижной, так передвижной... Правда, я сомневаюсь, что смогу выделить для него место в пределах базы: «Олимп», как-никак, не резиновый!

- Как же быть? – роскошные волосы Горгоны, казалось, самостоятельно пришли в движение. – Неужели мне следует перенести комплекс на облака?!

- Прошу прощения, - Артемида, положа руку на сердце, легко поклонилась обоим, понимая, что цели прихода к Зевсу решены и больше её присутствие в кабинете не требуется. – Ну, раз мы окончательно определились по нашему вопросу, я могу идти?

- Да, конечно, милая! – отозвалась Горгона. – Видите, как всё просто: отныне будем работать вместе, не наседая при этом друг на друга...

Зевс просто кивнул:

- Да, пожалуйста! Нам с профессором ещё следует обсудить кое-какие технические вопросы, - и принялся протирать очки, которые надевал только при бессмертных.

Дверь за Артемидой закрылась.

- Так что там у нас? Ах, да, «Олимп» – не резиновый... Но почему же – на облака?! Берите пример у коллег – тех же докторов Гермеса, Гестии, Аполлона – и остальных, кто занимается с людьми вне периметра базы! Необходимую работу они выполняют в собственных кабинетах или секторах, а с людьми встречаются у подножия горы! Поместите свой комплекс где-нибудь неподалёку от занимаемых ими площадок – и дело с концом!

- Хорошо, я так и поступлю, - собеседница Зевса улыбнулась, - благо, что в районе Митикас ещё уйма никем не занятых местечек!.. Как же ты изменился, Зевс! – вдруг добавила она. – Сколько лет мы не виделись? Не разговаривали... Мы и здесь мало общаемся... Ах, Зевс, Наука не отпускает меня по-прежнему!

- Много, Горгона, очень много! – Зевс улыбнулся. – Потому я тактично попросил Совет, чтобы отправили к нам именно тебя... Помнишь, как мы с тобой, Аидом, Посейдоном и ещё

несколькими друзьями по университету провели чудесный круиз, длившийся миллионы световых лет?!

- Этого мне не забыть, - ответила Горгона, приблизившись к руководителю базы и взяв его за руку; правда, глаза её при этом не выражали никакой ностальгии, таким уж железным характером она обладала. – Я даже помню, как мы с тобой гасили активность вулканов в Системе Хрустального Квазара...

- Ты помнишь?! – глаза собеседника сияли. – Вот и мне этого никогда не забыть... Ты тоже изменилась, дорогая! Твоя новая причёска – полный улёт!

- Ты находишь? – женщина глянула на себя в зеркало, занимавшее одну из стен кабинета профессора. В голосе её отсутствовало и малейшее кокетство. – Просто следую общим инструкциям, принятым для этого проекта... Знаешь, никак не могу справиться с этими волосами, - откровенно добавила она, касаясь ладонью длинных чёрных локонов. – Они – будто змеи из террариума нашего младшего научного сотрудника Мегеры – вечно пытаются расползтись куда-то, как я ни стараюсь их укладывать...

- Ты всегда великолепна! Я всегда восхищался твоей преданностью, твоим преклонением перед Наукой – настолько беззаветным, что у тебя никогда не было времени даже подумать о собственной красоте, Горгона!

Женщина улыбнулась:

- Ладно, Зевс, пойду-ка я работать!.. Увидимся за ужином, если ты не против.

- Обязательно! Я подумал... Мне пришло в голову... Словом, приглашаю тебя после ужина посидеть в чудесном местечке – в таверне «У Гелиоса»! Там и поговорим...

- Таверна? «У Гелиоса»? Где это, Зевс?

- Наука поглотила тебя, милая! Да ты практически ежедневно проходишь мимо неё – это заведение слева от смотровой площадки, рядом с фуникулёром! Впрочем, не беспокойся, после ужина я сам тебя туда отведу...

- Договорились...

Несмотря на то, что профессор отличалась довольно миролюбивым нравом, её погружение в научные изыскания и комплектование биологических материалов было столь глубоким, что она часто не замечала постоянно окружающих её вещей. Впрочем, это происходило не от её невнимательности, как можно догадаться: биолог контролировала себя настолько, что взяла за правило не придавать значения несущественным, не связанным с её исследованиями деталям. В общении она была степенной и приветливой, но – в связи с её собственными правилами – неизменно выглядела несколько отрешённой. Персонал любой из баз был прекрасно осведомлён о такой её способности, потому разговаривать с профессором сотрудники старались исключительно по делу, чтобы не отвлекать Горгону мыслями не по существу.

При этом, как обычно бывает со всеми хоть немного отрешёнными личностями, профессора биологии окружал некий ореол, с одной стороны придававший её поведению в глазах других определённую таинственность, а с другой – внушавший не меньшее, почти неконтролируемое беспокойство. С этой чертой её характера давным-давно познакомились и смирились старшие бессмертные – такие, как Зевс, Посейдон, Аид и многие другие создатели миров, осторожно выражаясь, с высоковозрастным стажем; те же, кто знал профессора Горгону менее миллиарда лет – до сих пор пребывали под сильным впечатлением от увиденного.

По этой причине, раз уж подобные ощущения от созерцания поведения профессора обуревали подчас даже бессмертных, что можно было сказать о людях, предки которых появились на планете всего несколько десятков тысяч лет назад – и не без определённого в том участия самой Горгоны?! Женщиной она была довольно высокой; несмотря на приветливость, почти никогда не улыбалась; говорила в достаточно лаконичной манере – и славилась своими одиночными прогулками по окрестностям. Если эллины прекрасно себя чувствовали в компании с Гермесом, Афродитой, Гераклом и остальными, включая самих Зевса и Геру, то в присутствии профессора Горгоны им явно было не по себе. Её

практически немигающий взгляд мало располагал к задушевным беседам, к которым люди давно привыкли с Гестией, Аполлоном или Артемидой; шутки, отпускаемые любым из «богов», воспринимались греками именно как шутки, а здесь... С Горгоной невозможно было посмеяться, нельзя было поболтать о жизни, поэтому люди старались просто обходить её стороной.

Но, даже это – путешествие в историю почти отсутствующих взаимоотношений профессора и населения Эллады – не могло дать полного объяснения курьёзу, случившегося во время премьеры столь лелеемого Аполлоном спектакля. Люди, испытывая рядом с Горгоной ощущение неопределённой опасности в силу описанных выше причин, стали, помимо свойственных ей черт характера, награждать её совершенно вымышленной атрибутикой.

Сперва заговорили о её необычной причёске: дескать, локоны волос её настолько густые и длинные, что, если присмотреться внимательнее, окажется – не локоны это вовсе, а огромные змеи! Конечно, желающие убедиться в этом воочию – после не особо затяжных разглядываний – убеждались... Таким образом – с каждым праздным разговором – профессор всё более «обрастала змеями».

Несколько позже предметом обсуждения стал её «парализатор» – старинное, крайне раритетное устройство, основанное на принципе цифрового сохранения подвижных и неподвижных изображений. Учёные уже давным-давно разработали новые модели многопараметровых сканеров, не имеющих ничего общего со своим древним «прародителем», однако Горгона продолжала использовать его – и вскоре будет указано, почему. Аппарат можно было носить в очках или даже вмонтировать в контактные линзы – на усмотрение пользователя. Надо сказать, что глазные зрачки при его ношении приобретали ещё большую неподвижность; что касается глаз Горгоны, то взгляд профессора – при почти постоянной отрешённости – выглядел неподвижным до неприличия! Потому неудивительно, что люди, мгновенно подметившие общее «странное» выражение лица биолога, недолго думая, связали этот феномен с её волосами: «Волосы у неё – змеи жалящие, да и взгляд такой же!» Многочисленные слухи об этом, благодаря питейным заведениям, незамедлительно разносились по всей Элладе.

Однако, пытливые греки на этих заключениях не остановились, продолжая награждать профессора немислимыми способностями. Поскольку Горгона большую часть времени проводила на собственной мини-базе, сканируя и коллекционируя биологические образцы для будущего музея, часто видеть её не могли не только коллеги-учёные, но и простые смертные. Хотя её комплекс и находился неподалёку от «Свободного Владения Аполлона», биолог практически не покидала стен собственного «Храма Науки». Уединённый образ жизни профессора породил среди последних массу других сплетен, например, что «боги» прогнали её с Олимпа за какое-то невероятно ужасное преступление; когда же Горгоне поведал об этом всезнающий доктор Гермес, она отреагировала на услышанное так, как никто не мог предвидеть – улыбнулась. Но самое интересное и немислимое из того, что о ней судачил народ, было следующим.

Ещё до появления на Земле человека, Горгона успешно и продуктивно работала со всеми биологическими образцами по всей земной поверхности; неподвижная водная флора и фауна к тому времени уже была ею тщательно сохранена, оформлена и каталогизирована. Столкнувшись с подвижными существами – амёбами, акулами, саблезубыми тиграми и, в частности, с человеком разумным, профессор вновь начала испытывать трудности: представители животного мира, особенно *homo sapiens*, совершенно неадекватным образом реагировали на попытки Горгоны их увековечить. Когда же история Земли достигла по своей шкале отметки «Древняя Греция», в отношении последних это стало практически немислимым делом.

Вот что случилось: профессор, подыскивая для музея лучшие – а какими же им ещё быть? – экземпляры, отправлялась в ближайшие деревеньки и города. Встретив человека (в данном контексте «человека» следует понимать обобщённо: мужчина, женщина, ребёнок), отвечавшего своими параметрами её видению задачи, пыталась его полностью

просканировать, чтобы составить подробную анкету его данных, как то: общая биологическая справка; пол, рост, вес; состояние здоровья, болезни – если таковые имеются – и многое другое. Важно и то, что жадная до исследований учёный непременно желала получить и цифровую копию будущего экспоната. Да, во всех уголках Вселенной были подобные музеи абсолютных копий бесконечного множества живых существ, навечно сохранявшие все данные жизни своих прототипов, даже их болезни! Только вот на Земле безотказно применяемый повсюду метод профессора – в силу определённых обстоятельств – хромал на обе ноги.

Люди панически боялись, когда Горгона сканировала их своим немигающим взглядом; они постоянно двигались, дёргались, крутились вокруг оси – словом, всячески замедляли процесс получения данных и снятия копии. Другое дело – сканировать да копировать растения: стоят себе (висят, лежат, плавают): сканируй – не хочу! Тогда-то Горгона и перестала расставаться со своим неизменным помощником: чудесным аппаратом, который давно был выведен из употребления и который коллеги называли «парализатором».

Действие его сводилось к следующему: навядясь на объект (именно поэтому его применение считалось куда более практичным с очков или с контактной линзы: ведь оттуда зафиксировать образец можно не в пример точнее, нежели из руки – в ранние времена у «парализатора» была форма пистолета, от которой впоследствии отказались), аппарат, по сигналу оператора, полностью обездвигивал его. Объект замирал в положении, в котором «парализатор» его фиксировал. В нашем случае, конечно, приходится говорить лишь о состоянии временной неподвижности объекта, поскольку аппарат снимал все показания с исследуемого образца в течение нескольких минут. После этого объект снова мог двигаться. Итак, обнаружив нужный ей человеческий экземпляр, профессор, без долгих церемоний, обездвигивала его из «парализатора» – и, сняв цифровую копию на миникомпьютер, преспокойно удалялась. Да и чего ей было беспокоиться? – ведь человек полностью приходил в себя через пару минут; никакими отрицательными для живого организма эффектами «парализатор» не обладал. Бывало и так, что позарез необходимый образец в момент его обнаружения Горгоной находился не один, а в компании приятелей или приятельниц, вот только ей и это было совершенно по барабану: улучив благоприятное мгновение, она пускала в ход свою милую штучку – и копия была готова к исследованию, а в недалёком будущем – и к экспозиции в музее. Работать стало легко; всё чаще коллеги с «Олимпа» с удивлением могли наблюдать улыбку на обычно строгом лице учёного.

Нельзя сказать с уверенностью, сколько времени это продолжалось: то ли полгода, то ли столетия, но благодаря тому по всей Элладу пошла гулять новая порция слухов об из ряда вон выходящих способностях профессора Горгоны. Теперь люди сплетничали не только о «змеях» вместо её волос, не только о её ужасных, немигающих и доводящих до дрожи во всём теле, глазах – ныне стала модной легенда о том, что под взглядом Горгоны обязательно каменеет любое существо, осмелившееся вовремя не отвести собственных очей!

Когда подобные пересуды, столь живо занимающие греков, достигли ушей профессора – опять-таки, через всеведущего покровителя журналистики доктора Гермеса – её хватило только на то, чтобы произнести:

- Вот бездельники эти мифотворцы! Удивляют меня эти эллины: такой смышлёный народ, а сказок им, видать, определённно не хватает...

- Дело принимает нешуточный оборот, коллега! – доктор хрустнул пальцами. – Как вы считаете, профессор: что случится, если подобные рассказы появятся в МАИ, а оттуда – перекочают на столы Совета?

- Ровным счётом ничего, - Горгона оторвалась от микроскопа и скользнула немигающим взором по лицу говорящего. – С каких это пор Совет интересуется происхождением того или иного мифа?! Да ещё из столь далёкого сектора Вселенной, о котором практически никто из них даже не слышал?

- Я полагаю, что вы не совсем правильно представляете себе положение, в котором можете оказаться, друг мой! Дело, естественно, не в мифотворчестве, никто в Совете не намерен

заниматься всякими бреднями; тем не менее, вас могут обвинить в том, что именно вы являетесь вольным или невольным виновником их происхождения! Как-никак, с вашей подачи, Горгона, рождаются такие сплетни, что, простите – моё почтение!

Профессор, поражённая подобной аргументацией, молча смотрела на коллегу. Вдруг она улыбнулась:

- Хорошо, доктор. Вы правы. Что же мне делать? Вы – непревзойдённый мастак по части всяких уловок... Мне, вероятно, следует изменить причёску?! Или, прекратив любые научные изыскания, перестать появляться вне территории базы?! Можете что-нибудь посоветовать?

- Для начала перестаньте пугать молодое человечество, коллега! – собеседник достал из-под гиматия несколько свитков – и положил их на стол перед профессором. – Пожалуйста, полюбостудуйте! Мне удалось кое-что собрать для вашего личного архива...

- Что это? – осторожно спросила Горгона, разворачивая ближайший от неё документ.

- А вы почитайте, почитайте! – пока женщина, перебирая рукописи, вникала в смысл написанного, Гермес, скрестив руки на груди, прохаживался по кабинету.

Несколько минут прошли в полном безмолвии. Наконец, Горгона с презрением оттолкнула свитки от себя – и поднялась со стула:

- Гесиод?! Гомер?! Эсхил?! Пиндар?! Еврипид?! Это ещё кто такие, провались он в Тартар?!

- К вашему сведению и огорчению, все эти ребята – ученики Аполлона, его сестрёнки Артемиды и отчасти мои...

- Ах, вот как! Получается, что вина – отчасти, как вы говорите – лежит и на вашей компании? Вы – научили людей грамоте, Аполлон – слагать слова в стихи; Гестия, Артемиды и прочие приложились со своей стороны – и вот вам результат! Нет-нет, вы только гляньте, что здесь написано! – она ткнула пальцем в лежащие на столе рукописи. – Что Медуза Горгона – ужаснейшее чудовище во Вселенной! Оказывается, что у меня ещё и сёстры имеются – такие же твари... Медуза... Не могли, что ли, придумать что-нибудь приличнее?! Что в её жилах течёт ядовитая кровь; что её локоны-змеи... Ладно, это простительная мелочь... Но то, что взгляд её превращает человека в камень?! Как такая чушь вообще может прийти в голову нормальному, мыслящему и анализирующему природу вещей существу?! И ещё, – Гермес с удивлением подметил, что красивое лицо женщины зарделось, – эти ваши писаки уверяют, что у меня были сексуальные отношения с профессором Посейдоном! Это неслыханно! Я возмущена до корней волос!.. Никакая фантазия не может служить оправданием столь лживым измышлениям!

- Я неоднократно ознакомился с написанным, прежде чем появился у вас, коллега! – ответил Гермес, огромным усилием воли подавляя смех; вернее, тот уже прорвался, однако доктор умело смог выдать его за кашель. – Наши эллины – это ещё не мы, поэтому утверждать, что они понимают природу вещей на одном уровне с нами – абсурд, не так ли? Вот они и восполняют пробелы в отсутствии знаний фантазией... Что некогда делали, кстати, и мы сами.

- Но ведь это – чудовищный поклёп, дружище! Вы хотите сказать, что верите хоть одному слову из написанного?!

- Конечно, нет, профессор! Я понимаю, что всё, изложенное в рукописях – не более, чем плод неуёмной фантазии древнегреческих авторов... К слову сказать, я отобрал для вас не самые опасные свидетельства... Я же, со своей стороны, приложу кое-какие усилия, чтобы далеко не все рукописи, повествующие об ужасном чудовище по имени Медуза Горгона, остались в истории и получили повсеместное распространение...

- Спасибо вам, доктор! – профессор благодарно положила руку на сердце. – Буду вам бесконечно признательна...

- Однако, в дальнейшем будьте весьма осторожны, Горгона! Репутация ваша среди людей, мягко говоря, уже настолько подмочена, что, честно говоря, вам лучше вообще не высываться с базы...

- Прелестно! То есть, вы предлагаете мне забросить работу, над которой я корплю миллионы... да что там – миллиарды! – лет?!
- Нет, конечно, профессор! Я призываю вас вовсе не к этому... Понимаю, что вы – строгий учёный, не знающий ни улыбки, ни выходных. Но, в свете сложившейся ситуации, мой вам совет: поменьше контактов с представителями человечества! Займитесь, в конце концов, какими-нибудь теоретическими изысканиями: не все же научные открытия происходят со скальпелем в руках... Пусть пройдёт хоть немного времени, неприятности улягутся – и, возможно, следующие поколения людей станут относиться к вам иначе...
- Биология, дружище – не теоретическая физика; её гипотезы подтверждаются или опровергаются чаще всего именно, как вы изволили выразиться, со скальпелем в руках, - фыркнула Горгона.
- Допустим... Но хотя бы прекратите вашу охоту на эллинов с «парализатором»!
- А как же мой музей биологических образцов Земли?! Он, что – должен пустовать, Аид знает, сколько лет?!
- Ах, Горгона, Горгона! Да вы меня, похоже, совсем не слышите!.. Что же, давайте-ка отложим в сторону письменные свидетельства разных времён, лежащие перед вами – и обратимся к сегодняшним... Я ту составил небольшой календарик ваших контактов с людьми за последнюю сотню лет, опираясь исключительно на рассказы очевидцев; впрочем, для нас и этого будет слишком много... Возьмём лишь последнее десятилетие, - доктор пробежал пальцами по жезлу-компьютеру, сверяясь с данными. – Итак, вот вам история семилетней давности: мне пожаловался один молодой грек, что вы стали причиной его самого неудачного свидания в жизни. Стоило ему затащить девушку в кустарник, как откуда ни возьмись появилась Медуза Горгона – и в самый неподходящий момент обратила его в камень. Девушка, естественно, убежала...
- И что такого? Разве он до сих пор окаменевший?
- Нет, просто такого облома он никогда ещё не испытывал, если вы, конечно, понимаете, о чём я говорю...
- Да будет вам, доктор: это даже камню понятно... Подумаешь! Ну, сходил бы к этой девице снова – уже после того, как пришёл в себя...
- Поверьте, он так и поступил. Но та прогнала его, мотивировав отказ тем, что не намерена делать «это» с камнями. Как он ни убеждал девушку в том, что он – не кусок горной породы, она так и не поверила, продолжая считать его человеческое обличье наваждением Диониса... а употребили они, надо вам сказать, прилично!
- Горгона, внимая коллеге, вновь улыбнулась. Это не укрылось от Гермеса:
- Вам смешно, дорогая? Отлично, идём дальше... Вот ваше «дело», имевшее место быть четыре года тому назад. Возвращаясь с дионисьевых игрищ из Афин в свою деревню, некая весьма тёплая компания решила искупаться в море, неподалёку от дороги. Стоило им начать плескаться, как возникла Медуза Горгона – и парализовала одного из несчастных, чем ввергла остальных в неопикуемый ужас. В результате начавшейся паники люди стали разбегаться в разные стороны; однако, поскольку они делали это с закрытыми глазами, чтобы – не дай Зевс! – не встретиться взглядом с очами зловещего существа, некоторые из них получили серьёзные травмы. В итоге: пара сломанных ног, одна рука – и масса незначительных ушибов. Синяки я подсчитывать и снимать не стал, экспертиза в них не нуждалась...
- Дорогой мой, вы заговорили, как прокурор!
- Да-с, кто на что учился! – усмехнулся Гермес. – Но вы могли бы хоть принести извинения пострадавшим! Впрочем, вряд ли они стали бы вас спокойно слушать... Продолжим. Два года назад вам вновь не сиделось на месте без достойных экспонатов для музея – и вы снова вышли на большую дорогу... На сей раз «жертвой Науки» стал мальчик, прогуливавшийся под присмотром няни по берегу Эхидор, если быть точнее – в том живописном месте, где река впадает в Эгейское море и располагается чудесный город Салоники. Пока вы сканировали мальчика на предмет цифровой копии, бедная нянечка отсиживалась на ветвях

дерева; мне потребовалась, пожалуй, дюжина попыток, чтобы после вашего ухода её оттуда снять. Испуганная женщина никак не могла объяснить себе, каким образом ей – также обратите внимание, вслепую! – удался подобный аттракцион: судя по её пышным формам, никакой цирковой или атлетической подготовки у неё и быть не могло! Вам опять смешно? – прервался Гермес.

- Нет... Впрочем, говоря честно – да!

- Ну-ну... Стоило мне опустить пострадавшую на землю, как она с воплями понеслась по дороге в город. Я не стал её преследовать, оставшись с ещё не пришедшим в себя мальчиком. Когда действие вашего «парализатора» закончилось, я объяснил, что ему, наверное, просто приснился дурной сон; словом, старался замазать эту историю любым способом, лишь бы на вас не была брошена тень... И отвёл ребёнка домой. Родители его были со мной согласны: сыну приснился кошмар...

- Вот видите, доктор: можете работать, когда захотите!

- Легко вам говорить, профессор! Хорошо ещё, что они ещё не стали доискиваться до самой причины кошмара!.. Правда, история на этом не закончилась. Нянечка, которая на четвёртой космической скорости скрылась из моих глаз, домой так и не вернулась; с одной стороны, она ужасно боялась явиться к хозяевам без ребёнка – от себя добавлю, что опасения её были справедливы и оправданы; с другой – ей было просто необходимо выпить... что тоже, в общем-то, понятно... Только дело не в этом, самое весёлое впереди.

Пока женщина залечивала полученную травму в какой-то таверне, на дороге по указу архонта было установлено несколько статуй, которые, по его мнению – и с этим я тоже согласен – должны были придать ещё большую красоту одному из крупнейших городов Эллады. Как вы, несомненно, догадываетесь, статуи изображали не только «богов» и героев, но и воинов, и писцов – и, разумеется, детей. На том месте, где случилась история с нянечкой, была водружена именно фигура мальчика – по удивительному стечению обстоятельств, чрезвычайно похожего на вашего подопытного.

Женщина, естественно, об этом ничего не знала, пока в течение нескольких дней не спустила в таверне всё до последнего обола – и лишь представьте себе, сколько у неё за это время было слушателей! Наконец, она решила-таки вернуться к хозяевам – и поведать им ужасную историю о страшной смерти ребёнка... Дальнейшее не тяжело представить: шок оттого, что мальчик жив и невредим; мне пришлось пустить в ход своё красноречие, чтобы уговорить хозяев не наказывать няню... Кончилось тем, что она, в доказательство своего рассказа, повела родителей мальчика на место, где имело место быть ваше приключение; а когда она увидела невесть откуда взявшуюся каменную статую – прекратите хихикать, профессор! – как две капли воды похожую на её подопечного... Словом, мне пришлось применить к ней все свои врачебные умения, чтобы вернуть женщине здравый рассудок. Кроме того, мне пришлось её впоследствии закодировать: хозяева стали жаловаться, что она пристрастилась довольно часто прикладываться к амфоре, - печально закончил доктор, отключая информационный поток жезла.

- Но мальчик-то жив! Разве это не доказывает, что все рассказы о моём «обращающим в камень» взгляде – глупость, возведённая в неведомую степень?!

- Да какая в том разница для простого греческого обывателя, уже успевшего начитаться и послушаться произведений того же Гесиода?! История о вас уже пошла гулять по Элладе, родная моя! Своими опытами вы настолько возмутили общественное спокойствие, что лишь течение времени может привести чашу весов в равновесие! Я понимаю, что потомки эллинов будут смеяться над преданиями пращуров, но теперь...

- Но, дорогой мой, вы же в состоянии поскорее развеять эти нелепые сказки?

- А вам мало, дружище, что я и так прикрывал вас уже никому неведомое количество раз?! Я устал от этих басен гораздо больше вашего, честное слово! Знаете, - он вдруг приложил указательный палец ко лбу. – Я даже был свидетелем того, как некоторые люди пытаются на «легендах» о вас делать самый настоящий бизнес!

- Как это, доктор?!

- Да элементарно: кое-какие головастые личности давно водят целые экскурсии простаков, за деньги показывая им обыкновенные булыжники, уверяя, что это – окаменевшие жертвы Медузы Горгоны! А сколь душешипательные истории при этом рассказывают эти самодеятельные «гиды» – сам Гомер обзавидует! Потому и говорю: гениальное – в простом! Увяжи легенду с коммерцией – и в деньгах захлебнёшься...

- Интересно, кто бы мог подбросить упомянутым деловым людям подобную идею? – подозрительно глядя на коллегу, спросила Горгона. – Не Ваше ли Торговое Величество?

- Согласен, моим ученикам необходимо тренироваться, - рукой отмахнулся тот. – Но в этом я участия не принимал. И, знаете, почему?

- О, Гермес аргументирует свою непричастность?! Как здорово!.. Ну, так почему же?

- Потому, что в результате подобных действий на стол Совета ляжет не только ваше дело – в невольном потворстве людям создавать религиозные бредни, но и моё: за преступное использование сложившейся по вашей же вине ситуации, беспардонно обращённой мною в средство личного обогащения. И если вы, возможно, хотите именно такого заключения следственной комиссии, то я – нет!

- Успокойтесь, дорогой доктор! – Горгона легонько скользнула к Гермесу, дружески обняв его за плечи. – Клянусь вам, что постараюсь вести себя, по возможности, гораздо умереннее... Кстати, - она внезапно осознала, что отражается вместе с собеседником в большом стенном зеркале и лукаво улыбнулась. – Не хотите ли селфи на память? В обнимку с Медузой Горгоной?

- Увольте меня от такого удовольствия, профессор! – воскликнул Гермес, вырываясь из объятий женщины. – Я же не экспонат для вашего музея!

Вот, вкратце, и всё, что может послужить истинной причиной случившегося в «Свободном Владении Аполлона». Неудивительно, что, после всего сказанного, реакция людей на появление профессора во время спектакля оказалась столь бурной: никто не ожидал увидеть её в таком месте и в такое время!

Конечно, провал аполлоновской премьеры беззлобно осмеивался персоналом всех трёх баз; само начальство, заседаая после очередного собрания в апартаментах инженера Зевса или в столь полюбившейся бессмертным таверне «У Гелиоса», неоднократно вспоминало случившееся в театре за амфорой-другой великолепного вина. Некоторые сотрудники, аналогично наслушавшиеся мифов или работающие непосредственно с людьми, которые ничуть не стеснялись поставлять им самую свежую информацию о «проделках зловещей Медузы Горгоны», советовали незаслуженно оболганному молвой биологу выходить на люди с повязкой на глазах, чтобы хоть так демонстрировать встречным свои благие намерения.

- Ерунда! – отмахивалась она от этого и ему подобных предложений. – Начни я выходить в таком виде, так сама буду поминутно спотыкаться! К тому же, на меня здорово осерчает коллега Фемида: ведь это лишь её прерогатива – прикрывать глаза повязкой. Не хочу с ней ссориться из-за пустяков...

Тем не менее, сотрудники не отставали от Горгоны, продолжая безобидно над ней подтрунивать. В случае критической ситуации в зоологической лаборатории, куда профессор время от времени была обязана наведываться для поддержания порядка на библиотечных полках, беседующий с Горгоной коллега мог сказать:

- Профессор, ваши чудесные глаза вновь остекленели!

Или:

- Профессор, ваш парик опять зашевелился! Разрешите мне откланяться...

А то и просто с воплями: «Медуза Горгона идёт! Спасайся, кто может!», со смехом разбегались по углам лаборатории.

Следует заметить, что находились, естественно, разумные люди – в том смысле слова, к которому человечество привыкло за время своего существования, – которые при личном контакте с профессором убедились в полной её невиновности; но, как правило, таких людей было подавляющее меньшинство. К большому сожалению, ни одного из них не оказалось

на спектакле, чтобы, опираясь на личный опыт, дать необходимые разъяснения своим сородичам; впрочем, что мог сделать, как смог бы повлиять десяток-другой человек на несколько сотен орущих и обезумевших от страха соплеменников?! Это были учёные и философы, преодолевшие боязнь перед неизведанным; кое-кто из них впоследствии даже работали под руководством самой Горгоны, в её персональном передвижном блоке, что находился неподалёку от аполлоновых владений. Некоторых из своих новых друзей, кстати, профессор получила благодаря непредвиденному случаю.

Помимо человеческих экземпляров, Горгона далеко не прекратила охоту за представителями других образцов земной фауны. Однажды, бродя по окрестностям Киликии в поисках материала, она наткнулась на очень красивого щенка: маленького, пушистенького и бесконечно миленького. Мгновенно сосканировав его, Горгона собралась идти дальше, как вдруг заметила, что за ней ведётся пристальное наблюдение из ближайшего соснячка.

А щенок не отставал от неё: прыгал вокруг, ласкался к её ногам, радостно вилял хвостиком. Профессор, делая вид, что увлечена новым знакомым, постепенно подходила к деревьям; наконец, уловив момент, она совершила отвлекающий манёвр – и, взяв пёсика на руки, резко заглянула за стройные стволы деревьев.

Перед ней оказался мальчик лет пяти-семи – златокудрый, с огромными голубыми глазками; на нём был хитон и сандалии. Он сидел прямо земле и взирал на Горгону без малейшего беспокойства.

- Хайре, мальчик! – удивлённо произнесла женщина, не представляя, как вести себя дальше.

- Хайре, Медуза Горгона! – ответил тот обычным тоном, будто встретил знакомую. – Что ты здесь делаешь?

- Хм, – профессор была готова ко всему, но только не к такому повороту: мальчик отлично знал, с кем беседует, однако даже не пытался спастись. – Значит, ты меня совсем не боишься?

- Нет, не боюсь.

- Почему? – женщина удивилась ещё больше – и неизвестно, чему именно: то ли тому, что её – не боятся, то ли – тому, что её бояться не следует. – Ты же знаешь, наверное, что при моём появлении люди разбегаются... Они называют меня чудовищем, способным причинить человеку самые ужасные страдания! Мои волосы – это змеи, мой взгляд – превращает в камень...

- Конечно, знаю, – мальчик продолжал демонстрировать не только мужество, но и прекрасную осведомлённость. – Но теперь я понимаю, что всё, что о тебе рассказывают – враньё!

- Интересно, очень интересно! – Горгона и не заметила, как уселась на землю рядом с мальчиком, а щенка отпустила побегать. – С чего ты это взял?

- Да проверил на собственном опыте, – было ей ответом. – А сначала – вот на нём, – добавил он, указывая пальцем на щенка, играющего с его сандалией. – Ты ведь не причинила вреда Одиссею, превратив его в камень! К тому же, Одиссей – очень умная собака: она ни за что не подойдёт к злому человеку... и, надеюсь, к сверхъестественному существу... На основании этого я сделал вывод, что ты – не такая уж и злая, как о тебе говорят. Да и, потом... – мальчик почесал щенка за ушками и посмотрел Горгоне прямо в лицо. – Я сегодня глядел в твои глаза уже много раз – и ничего со мной не случилось!

Сердце строгого профессора дрогнуло:

- А мои волосы? Тебе они не кажутся похожими на змей? – едва слышно пробормотала женщина.

- Ничуть. Я считаю, что ты очень красива... Волосы, правда, немного длинноватые! Но сейчас длинные волосы в моде: любая девочка хотела бы иметь такие же! – просто сказал её собеседник.

Какая сила удержала профессора, чтобы не залиться слезами счастья, самому Зевсу неведомо; она схватила мальчика в объятия; Одиссей радостно заплясал вокруг них.

- Что с тобой, Медуза Горгона? – спросил также удивлённый ребёнок. – Ты плачешь? Вот этого не надо! Хочешь, я разрешу тебе всегда играть с Одиссеем? Можешь даже на время забрать его к себе домой, но после – обязательно верни! Я понимаю тебя, - философски рассуждал он, поглаживая профессора по руке. – Ты – одинока, тебе нужен друг. Ты скучаешь – и потому часто плачешь... Если хочешь, давай дружить! У тебя буду я и Одиссей; у меня – Одиссей и Медуза Горгона; у Одиссея – Медуза Горгона и я!

- Как тебя зовут? – женщина, возможно, впервые так расчувствовалась за всё своё бессмертие; это маленькое существо, далёкий предок которого был создан буквально в пробирке её коллегами, отбросило её в те незапамятные времена, когда сама профессор была смертной, да и вовсе не была ещё профессором...

- Педаний, - ответил мальчик. Мгновение помолчал – и добавил. – Педаний Диоскорид всегда готов помочь тебе, Медуза Горгона! Идём, поиграем с Одиссеем – и ты развеселишься!

- Пстой! Но ведь ты вернёшься домой... Ты расскажешь родителям, что повстречал сегодня Медузу Горгону?

- Конечно, расскажу, - честно сказал тот. – Пусть не только родители, но и все мальчики с девочками знают, что ты – совсем не злая! Хочешь, я возьму тебя за руку?

- Конечно! А ты хочешь увидеть Олимп?

Кончилось тем, что новые друзья пошли в гости к Горгоне; профессор воспользовалась телепортационным модулем ограниченной видимости, поскольку расстояние до базы было немалым, да и по «Инструкции» никто из сотрудников, кроме доктора Гермеса, не имел права на зримое воздушное перемещение.

- Ух ты! – воскликнул Педаний, оказавшись в считанные секунды у подножия Олимпа. – Вот красота! Но меня больше интересует, как мы сюда попали... Медуза Горгона, это твоё колдовство?

- Да нет здесь никакого колдовства, - улыбнулась женщина. Одиссей по-прежнему ластился к её ногам. – Когда-нибудь ты вырастешь, и я постараюсь объяснить тебе, как можно так быстро перемещаться с места на место... А вот и мой дом! – она вытянула руку в сторону сверкающего комплекса, питающего временный музей Горгоны энергией, вырабатываемой солнечными батареями.

- Занимательный домик, никогда такой не видел! – Педаний кликнул щенка – и побежал с ним на перегонки к строению; Горгона, казалось – вопреки всем инструкциям – плыла следом за ними по воздуху...

Два робота, имевших обличье гуманоидов, приветствовали вошедших в блок. Только с ними профессор разделяла своё гордое одиночество; механические слуги помогали ей в работе, присматривали за аппаратурой – и разговаривали только по существу. Такие машины уже давно вышли из употребления – даже в бытовом отношении, поскольку прогресс шагнул так далеко, что в подобных конструкциях отпала надобность. И если такие технически подкованные специалисты, как молодые Фобос или Деймос, вообще не застали упомянутых машин в повседневной жизни, то старшие бессмертные – Горгона или Гефест – использовали роботов скорее по привычке, ностальгируя по старому доброму Прошлому...

Педаний, общаясь с ними, не выказал ни малейшей боязни: его очень заинтересовали человекообразные металлические существа, передвигающиеся вразвалочку и разговаривающие отрывистыми фразами. Он был бесконечно удивлён, когда профессор объяснила ему, что эти немногословные помощники могут выполнять любую порученную им работу – и при этом никогда не устают. Мальчик, восхищённо осматривая машины, казалось, забыл обо всём на свете.

- Кем ты думаешь стать, когда вырастешь, Педаний? – спросила профессор, показывая новому знакомому своё хозяйство, попутно рассказывая о назначении того или иного прибора, коих в её комплексе было видимо-невидимо.

- Врачом.

- Почему?

- Потому, что у меня больная бабушка. Я хочу её вылечить, - серьёзно ответил ребёнок. – А однажды я видел раненого македонского воина. Мне тоже хотелось его вылечить... Мама говорит, чтобы я учился собирать и сушить полезные травы и корни деревьев – и тогда из меня получится настоящий врач!

- Слушайся свою маму, дорогой! – женщина занесла над ни благословляющую длань. – Я тоже покажу тебе, как это делать правильно... И научу тебя многим вещам, необходимым для хорошего врача!

- Боги, кто это сегодня в гостях у нашей Горгоны?! – раздалось вдруг возле входа в блок. Роботы никак не отреагировали на появление в блоке постороннего. А Одиссей кинулся к вошедшему – и запрыгал вокруг него, повиливая хвостиком. Профессор и Педаний тоже обернулись на голос: в дверях, замерев от неожиданности, стоял Зевс.

Профессор Горгона первой пришла в себя. Она улыбнулась вошедшему неповторимой улыбкой – и подтолкнула в его сторону мальчика:

- Познакомься, Педаний: это Зевс, великий басилевс Олимпа и всех его жителей! Зевс, это Педаний, будущий врач... А вокруг великого басилевса скачет Одиссей.

- Так-так, - молвил Зевс, внимательно осматривая всю компанию. – Видимо, я что-то пропустил... Никак не ожидал увидеть здесь таких приятных посетителей! Я, собственно, по делу, - он погладил щенка, - но оно вполне может подождать... Зайду позже! Педаний, Одиссей! – он с улыбкой взмахнул рукой. – Ещё увидимся!

И вышел, поражённый двумя вещами, которых уже, по его мнению, не могло произойти в принципе: рядом с женщиной, «хищность» и «злоба» коей давно стала притчей во языцех, преспокойно стоял человеческий ребёнок – и тем неповторимым сиянием, которым сверкали обычно мутные и неподвижные глаза коллеги.

- Это и был великий Зевс?! – Педаний дёрнул Горгону за руку, чем привёл её в чувство. – Маловат он что-то для царя богов! Выглядит, как самый обыкновенный смертный...

- Да, это Зевс! – в голосе профессора всё ещё были уловимы нотки мечтательности. – Только ты на рост его не смотри: знаешь, как он умён?

- Согласен: лучше быть умным, чем большим, - резюмировал мальчик; мысли его вновь вернулись к разговору с Горгоной, прерванному внезапным приходом Зевса. – Так ты покажешь мне, как правильно сушить траву и делать лекарства?

- Ну, хорошо... Смотри...

Никогда ещё профессор не была такой счастливой; подобно мгновениям, проходили часы – а она рассказывала и показывала своему маленькому ученику, как срезать траву, как её сушить, мять, растирать в специальной ступке... А в конце своей первой лекции она подарила Педанию настоящие хирургические ножницы, какие уже использовали множество древнегреческих эскулапов.

- Спасибо тебе, Горгона! – радовался ребёнок, рассматривая дорогой подарок. – Правда, я ещё не знаю, как правильно резать людей, когда они больны...

- Вот и учись пока на траве! – гладила его по голове профессор. – Это тоже непростое занятие...

- Тогда и Одиссею что-нибудь подари, чтобы ему не было обидно... А где Одиссей?! – вдруг воскликнул мальчик, озираясь. – Куда он подевался?!

Профессор, как и Педаний, стала звать щенка, но того в комплексе не было. Обшарив помещение, друзья выбежали из комплекса на воздух. Звали, искали – пёсик не отозвался.

- Убежал, куда-нибудь, - сделал печальный вывод его хозяин. – А мне уже надо домой возвращаться...

- Мы обязательно найдём Одиссея! – пообещала ему Горгона. – Я отведу тебя к родителям, а наши поиски продолжим завтра...

Вернув мальчика на полянку, где произошло их знакомство, профессор, вновь оказавшись на Олимпе, развернула бурную деятельность: писала, копировала написанное – и летала с

Аресом почти всю ночь в бесшумном глассере над окрестностями. На следующее утро всё подножие Митикас было усыпано объявлениями:

«ВНИМАНИЕ!!!

ПРОПАЛА СОБАКА (фото см. ниже)!!!

Лапочка, правда?

Вот и я считаю – великолепный экземпляр!

Отзывается на кличку «ОДИССЕЙ».

Видимо, убежала и заблудилась...

Коллегам и особо одарённым сообщаю

КООРДИНАТЫ МЕСТА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ –

40 градусов 5 минут северной широты

и 22 градуса 21 минута восточной долготы.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ за любые сведения – ГАРАНТИРОВАНО!

НАШЕДШЕГО И ДОСТАВИВШЕГО ОДИССЕЯ по адресу

(Олимп, кабинет Медузы Горгоны;

или передвижной комплекс – тот, что светится – того же получателя)

ЖДЁТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗ!

ОБЕЩАЮ БЫТЬ ОЧЕНЬ ДОБРОЙ И ОЧЕНЬ ЩЕДРОЙ!

БЕЗ ДУРАКОВ!

Медуза Горгона».

«Действительно, - думала профессор, когда дело было сделано. – Рано давать Педанию копию Одиссея: возможно, щеночек ещё отыщется... Если люди не клюнут на объявления – которые самоуничтожатся в течении двадцати часов – придётся воспользоваться услугами платной агентуры в лице Гермеса, Фобоса и Деймоса... С Аресом я уже договорилась...»

Забрав Педания со вчерашнего места, профессор, организовав штаб поисков в собственном блоке, ожидала последних новостей. Не успела она с мальчиком обсудить, к какому методу прибегнуть в случае отсутствия информации о потерявшемся друге – к орбитальной разведке, автопилотируемым дронам или специально обученным самой Горгоной змеям-мутантам – в течение ближайшего часа, как новости нарисовались прямо у них под носом.

- Медуза Горгона! – раздался незнакомый мужской крик из-за деревьев неподалёку; профессор уловила, что в нём чувствовались нотки опасения. Можно было сказать, что едва скрываемого страха. – Мы по объявлению. Собачку вашу принесли...

- Отлично! – откликнулась профессор, добавив для своего спутника. – Пойдём, Педаний!

- Горгона, слышишь? – продолжил голос. – Только ты смотри, без фокусов... как в объявлении сказано... У нас белый флаг! И учти: к дому мы подходить не намерены; собачку выпустим, а деньги принесёшь к ручью. Через час не заберём их – всем расскажем, что ты – лгунья, каких свет не видывал! За услугу просим сотню драхм, плюс десять процентов сверху – за вредность: мы за вашим пёсиком по болоту гонялись, промокли...

- По рукам!

Профессор снабдила мальчика деньгами, отправив его навстречу раздающемуся голосу; в тот же момент услышала громкий лай – и увидела, как через поляну вовсю несётся Одиссей! Педаний обнимал его, почёсывал за ушками; а когда мальчик выпустил его, он во всю прыть побежал ласкаться с Горгоной!

Увидев эту картину, из-за деревьев осторожно вышли двое мужчин: они глазам не могли поверить, что рядом со смертоносным чудищем могут находиться ребёнок и собака, причём, без какой-либо опасности для жизни. Вручивший им вознаграждение Педаний долго доказывал, что Медуза Горгона – совершенно безопасна; что она – добрая и замечательная; что ей необходимы друзья... В конце концов, нашедшие Одиссея люди решили рискнуть – и приблизились к «светящемуся домику» Горгоны.

Затем последовало весьма затянутое объяснение; профессор долго и терпеливо отвечала на вопросы новых знакомых, оказавшихся местными пастухами, типа: «Значит, лгут про твои волосы?», «Не пойму: у тебя глаза чёрные – или зелёные?», «А драхмы не фальшивые? Извини, конечно, но у нас на базарах можно столкнуться с ювелирно выполненной подделкой...»

Чтобы скрасить беседу, гостеприимная Горгона предложила гостям завтрак; сообщила по начальству, извинилась – дескать, у неё много работы, позавтракает у себя... Если бы здесь и сейчас вновь появился Зевс или любой из коллег, удивлению их не было бы предела: Горгона, этот эталон учёного безразличия ко всему, мало относящемуся к сфере её непосредственной деятельности, запросто разговаривала ни о чём, ласкала собаку, пила вино! Но самое удивительное было даже не в этом: к профессору начали приходить гости, у неё появились друзья среди людей!

Поэтому ничего странного не было в том, что информация о новых посетителях комплекса профессора Горгоны в ближайшее время стала известна на «Олимпе» и являлась, пожалуй, наиболее обсуждаемой темой среди сотрудников базы. Бессмертные радовались за коллегу вдвойне: учёный сама способствовала разрушению создаваемых о ней сплетнях, а ещё – из холодного, рассудительного, напроць лишённого эмоций существа, Горгона перевоплотилась в милую хозяйку, прекрасного собеседника и просто весьма отзывчивую женщину!

Пастухи, вернувшие Педанию Одиссея, естественно, не стали делать тайны из своего посещения «светящегося логова Медузы Горгоны»: вернувшись в свою деревню, они громогласно поведали соседям о крайне удачно заключённой сделке; о чудесном вине и закуске, которым их угощала хозяйка – и о глазах профессора, оказавшимися на поверку не только красивыми, но и совершенно безопасными. Кстати, протрезвев окончательно, мужчины и после этого не отказались от своих слов.

Им верили и не верили. Конечно, нагляднейшим доказательством правдивости их рассказа служили они сами – здоровые, невредимые и даже как следует разбогатевшие. Последний аргумент для многих перевешивал, пожалуй, два предыдущих. Тем не менее, находились любопытные, готовые на собственный страх и риск проверить поступившую от пастухов информацию – и повторить визит удачливых первопроходцев в «логово» Медузы Горгоны. Среди желающих решиться на отчаянный шаг, как ни странно, нашлись представители прекрасного пола. Молодых и не очень модниц весьма интересовало, как этот «монстр» в женском обличье следит за своими волосами, как их укладывает, какие гребни для этого использует – и тому подобные дамские штучки. В числе их была некая Ипполита – писаная красавица, за которой ухлёстывали все юноши селения, даже невзирая на то, что у девушки уже имелся суженый. Но женские забавы мало занимали девушку; желание увидеть Горгону и поговорить с ней диктовалось вовсе не этим. Ипполита, в отличие от остальных слушателей пастушьей истории, уловила следующее: в доме «чудовища» рассказчики видели не только её саму и двух медленно передвигающихся тварей, наполнявших бокалы вином (которые также вызвали у Ипполиты недостаточно внимания), но и живого мальчика! Пастухи вскользь упоминали, что он, дескать, мечтал стать врачом – и пришёл к Горгоне, чтобы под её руководством постичь тайны врачебного искусства. Это и стало основным стимулом для Ипполиты: несмотря на состоятельных родителей и богатого жениха, у неё было крайне отзывчивое сердце, лелеявшее мечту стать когда-нибудь знаменитым лекарем. Конечно, она прекрасно знала от знакомых о величайших знатоках медицины – Гермесе и Гипносе, но была настолько стеснительной, что не решалась обратиться к ним напрямую. В школы, где преподавали упомянутые эскулапы, она боялась и показаться: а ну как приёмная комиссия завалит её ещё на вступительных экзаменах?! Поэтому в голове её созрел план: нельзя ли, пользуясь случаем, познакомиться с Медузой Горгоной – и попросить, чтобы та подготовила её к поступлению, прогнав девушку хотя бы по самым азам медицинской науки? Раз «чудище» не отказало в этом маленькому мальчику,

то почему должно отказать ей? Тяга Ипполиты к врачеванию была столь сильна и неудовлетворима!..

Задумано – сделано: неким ранним утром красавица убежала из дома, оставив на столе покрытую ароматно пахнущую воском дощечку со следующим текстом: «Дорогие мама и папа! Я ухожу к Медузе Горгоне, чтобы основательно подготовиться к поступлению в медицинский. Как только закончу курс – сразу вернусь! Поэтому не переживайте. Передайте Александросу, что я его люблю – и пусть не сходит с ума! До скорой встречи, ваша дочь – а кое-кому и невеста! – Ипполита.» Путь её не был долгим; уже в скором времени она осторожно пробиралась меж деревьев, приближаясь к светящемуся жилищу Медузы Горгоны.

Вдруг двери помещения разомкнулись в стороны – и навстречу Ипполите выбежала красивая собачка; она не лаяла, просто тёрлась о её колени, выражая предельное дружелюбие. «Одиссей!» – пришёл ей на память рассказ деревенских пастухов. И она стала ласково чесать песика за ушками.

Почти сразу за ним из дома вышел мальчик, сопровождаемый весьма красивой женщиной; Ипполита догадалась, что это и есть владелица странного жилища вместе со своим юным учеником. В тот же миг они тоже увидели милую брюнеточку в роскошном пеплоне, сидящую на корточках совсем рядом с комплексом и ласкающую щенка.

- Хайре! – приветливо замахал рукой мальчик. – Ты кто?

- Ипполита, - ответила девушка, отпуская Одиссея и вставая; тот продолжал виться вокруг её ног. – Одиссей мне очень понравился; хорошо, что его нашли наши односельчане, - добавила она, не зная, как продолжить беседу. Горгона, чья ладонь покоилась на плече мальчика, молча улыбалась.

- А меня зовут Педаний... Педаний Диоскорид! А это – Медуза Горгона, - он поднял глаза на женщину. – Я обучаюсь у неё лекарскому искусству...

- Ты не поверишь, Педаний, - поскольку его окаменения от встречи с глазами хозяйки не произошло, девушка вконец осмелела. – Но я сюда пришла за тем же: хочу попроситься к ней, - указала на Горгону, - в ученицы, чтобы постичь тайны исцеления от всех болезней!

- Вот так сvezло! – Медуза молитвенно сложила руки. – Ипполита, у тебя прекрасные намерения! Только почему бы тебе сразу не обратиться к ведущим светилам медицины – например, к Гермесу или Гипносу? Кстати, душа Аполлон и его сестра Артемида тоже в этом неплохо разбираются... Лечение людей не совсем мой профиль... Ладно, подойди поближе, потолкуем! – говоря с Ипполитой, женщина пристально рассматривала её: взгляд Горгоны вновь стал немигающим.

Тогда девушка, приблизившись к ней и Педанию на расстояние вытянутой руки, поведала им о своих заботах, изложенных выше: о желании стать лекарем – и о просьбе помочь ей изучить основы медицины для поступления к Гермесу.

- Фантастика! – воскликнул Педаний, хлопая в ладоши. – Значит, мы будем учиться у Медузы Горгоны с тобой вместе!

- Похвально, девочка! – внимательно выслушав Ипполиту, ответила Медуза. – Конечно, я кое-чему научу тебя, но кто тебя так напугал, что на факультете Гермеса, якобы, такой строгий отбор?! Главное – твоё искреннее желание!..

Ипполита глубоко вздохнула:

- Стеснительная я... Всегда и во всём была первой, поэтому до смерти боюсь провала!

- И при такой самохарактеристике – стеснительная?! – улыбнулась Горгона. – Ну, да ладно... Обещаю научить тебя азам лекарского мастерства! Однако, если ты не против, у меня на тебя свои виды: я хочу... Нет-нет! – женщина рассмеялась, увидев испуг в глазах ранней посетительницы. – Я вовсе не намерена превращать тебя в камень, этого мне не дано! Просто хотелось бы снять с тебя бесподобную копию для музея. Ты изумительно сложена, девочка моя, тобой будет любоваться Вселенная!

- А это не больно? – спросила Ипполита, готовясь к чему-то страшному.

- Ни капельки! – успокоил её Педаний, взяв за руку. – Медуза Горгона с меня тоже сняла двойника... И с него, - он указал на Одиссея, гонявшего по поляне птичек. – Эти двойники такие смешные!

- Раз так, то – пожалуйста! – у девушки отлегло от сердца. – Я готова.

- Прекрасно, солнышко! – Горгона привычно настроила аппаратуру, вмонтированную в эмалированный камень-объектив охватывающего её шею изящного ожерелья. – Только не шевелись, пожалуйста, минуточку-другую!

Закончив операцию, Горгона, как и обещала, провела учеников в лабораторию, где преподала Ипполите первый урок: научила проводить обеззараживание ран и первую перевязку. Пытливая девушка, правда, немножко испугалась поначалу «металлических людей», однако, спустя четверть часа охотно помогала им правильно складывать бинты... Тем временем в доме Ипполиты царил сущий хаос. Обнаружив послание дочери, родители девушки забили в колокола; на шум, раздающийся из дома будущих родственников, прибежал и жених Ипполиты – Александрос. После долгого крика и хватания за голову, хозяева с ближайшими соседями уселись за составление хоть какого-нибудь плана по спасению девушки. Было предложена пара примитивных манёвров – таких, как попытка предложения выкупа «чудовищу» или произведение возможного обмена Ипполиты на другую девушку, – которые по вполне понятным причинам были забракованы самими заседающими: судя по тому количеству деньжищ, которое Медуза отвалила пастухам за какую-то собачонку, содержимое её сокровищницы вообще не поддавалось учёту; что же до обмена хозяйской дочери на другую красавицу – кто же согласился бы добровольно занять место Ипполиты?! Совсем ещё недавно желавших отправиться в паломничество к «логову» Горгоны женщин как ветром сдуло: больше никто не хотел узнать, как женоподобный монстр заплетает косички или какой косметикой пользуется.

Предлагались и радикальные методы, например, сообщить о бесчинствах Горгоны властям – и отправить на выручку девицы наряд тогдашней полиции. Однако, пораскинув мозгами тактически, пришлось выкинуть и этот план вместе с опустошёнными во время заседания одноразовыми кувшинами: властям предъявить решительно было нечего – ведь Ипполита отправилась к Медузе по доброй воле, последняя не понукала её к побегу и не похищала – а такие заявления блюстители порядка даже не стали бы рассматривать; кроме того, сами сатрапы могли оказаться суеверными людьми, для которых поднять карающий меч закона против мифического создания, лежало далеко за пределами любой смелости – и, соответственно, любого порядка.

Наконец, утомлённый долгими и витиеватыми измышлениями соседей и будущих родственников касательно способов вызволения девушки, слово взял сам Александрос, предложив до гениального простой и одновременно дерзкий план: его стратегия сводилась к тому, чтобы под покровом темноты похитить невесту – и доставить в отчий дом.

Излишне говорить, что проявивший беспредельную отвагу жених был мгновенно освистан сидящими по обе стороны стола: его убеждали, что подобное мероприятия ни за что не окончится успехом, поскольку не может им окончиться в принципе. К тому же имелись реальные опасения – в случае допущения, что дело каким-то чудесным образом выгорит – что Медуза, которая вряд ли будет намерена смириться с вырванной ни за что, ни про что свалившейся в её пасть добычей, не кинется по следам похитителя Ипполиты, что неминуемо приведут погоню в деревню. В таком случае, от селения останется самый большой в мире – по количеству экспонатов – музей статуй под открытым небом, о котором никакая Медуза и не мечтала.

Но юноша, пусть и не видя поддержки со стороны остальных, сделал свой выбор – и вместе с преданными друзьями Орестесом и Тезеусом, решивших в случае неудачи пожертвовать собой, ещё засветло отправился к «логову» Медузы Горгоны.

По дороге смельчаки разработали более детальный план, как им попасть в дом Горгоны – где та, несомненно, прятала невесту Александроса – не вызывая никаких подозрений. Поскольку послание, написанное рукой Ипполиты, ясно говорило о намерениях девушки

учиться у Горгоны на врача, молодые люди решили сыграть на том же самом: Орестес, прикинувшись отчисленным за неуспеваемость студентом Гипноса, проберётся внутрь дома, отыщет Ипполиту – и подготовит её к бегству. При этом, конечно, разведает обстановку изнутри – и, в случае необходимости, заговорит Горгоне зубы. Было решено, что сам Александрос вместе с Тезеусом будут ждать его условного сигнала, когда для побега наступит самый благоприятный миг; правда, о самом сигнале не было сказано ничего определённого... Ну, мало ли, каким он мог оказаться: хлопок в ладоши, громкий крик – какая разница?! Главное, что сидящие поблизости от дома в засаде друзья должны быть постоянно начеку – и сразу же поспешить на помощь Ипполите и Орестесу. Погоня их мало интересовала, главное – заполучить живую и невредимую девушку, которую, в целях экономии времени, они будут поочерёдно нести до самого дома на руках.

Забегая событиям вперёд, можно сказать, что план Александроса и его друзей полностью оправдал себя: всё случилось чётко и быстро. В придачу, на стороне благородных похитителей оказалось непредвиденное обстоятельство, весьма сыгравшее им на руку: стоило им затаиться в кустах неподалёку от «логова» Горгоны, как само «чудище» вышло на порог своего светящегося дома – и, коснувшись правого уха, произнесла, глядя под ноги и ни к кому не обращаясь: «Да, Зевс, я иду! Конечно, вместе с докладом... Пусть руководство подождёт всего полминуты!» После этого она, прямо на глазах изумлённых спасителей красавиц, растаяла в воздухе.

Юноши ворвались в дом, двери которого услужливо распахнулись перед ними. В первой же комнате им преградили путь два человекоподобных железных монстра, расставив свои лапы в стороны; но троица, решившая либо спасти девушку, либо умереть, ринулась прямо на них. Нельзя было сказать, что юноши были чересчур атлетического сложения, однако веса их тел вполне хватило, чтобы железные чудища, отвратительно жужжа, повалились на пол; из головы одного из них появилась лёгкая струйка отвратительно пахнущего дыма. Перескочив через поверженных врагов, спасители оказались в следующем помещении: там они и нашли Ипполиту, сидящую за столом в окружении каких-то мигающих, как звёзды, коробочек; она выглядела растерянной, но при этом даже не была связанной.

- Ипполита, любовь моя, бежим! – крикнул невесть откуда взявшийся Александрос.

- Что ты здесь делаешь, Александрос? – удивлённо спросила девушка, не делая и малейшей попытки подняться навстречу любимому.

- Мы пришли за тобой, - ответил Орестес. – Поспеши, Ипполита!

- Верно, - добавил Тезеус. – Нам лучше не мешкать, пока эти железки в соседней комнате не пришли в себя...

- Куда ещё бежать? – непонимающе спросила Ипполита, глаза её увеличились. – Чего это вы врываетесь сюда, будто к себе домой? Вот лабораторную доделаю, а там видно будет...

- Вы что, не понимаете, друзья?! – осенило Александроса. – Медуза Горгона околдовала её! – он подскочил к невесте, схватил её в охапку и вновь крикнул. – Бежим!

И они понеслись во всю прыть. Несмотря на увеличившийся вес, Александрос как лань перепрыгнул через всё ещё жужжащих на полу врагов; в комнате ужасно воняло, по полу стелился дым, не переставший извиваться из пробитой головы одного из человекоподобных тварей. Оказавшись на воздухе, молодые люди даже не перевели дыхание, убегая подальше из проклятого места и унося на себе драгоценную ношу.

Да, Александрос был прав: Горгона явно поразила девушку странным видом колдовства, потому что Ипполита упорно сопротивлялась их бегству – ничуть не меньше, чем своему спасению! Она вырывалась, царапалась, даже укусила возлюбленного за ухо, не переставая при этом кричать:

- Отпустите меня, неучи! Я всё равно буду студентом у Медузы Горгоны! Отпустите, недотёпы, дайте хоть подготовительный курс закончить! Да я на вас самому Зевсу пожелаю, Горгона обещала меня с ним познакомить! Отпустите, насильники! Медуза, родная, на помощь!

Словом, её причитания были услышаны в деревеньке задолго до того, как лихие красавицекрады достигли черты селения. Солнце хоть и скрылось, но никто и не думал о сне: неуёмное горе поначалу сменилось столь же неуёмной радостью родителей, получивших назад живую дочурку; однако, видя её состояние, радость вновь уступила место отчаянию – особенно после того, как Александрос поделился с родителями собственными мыслями на предмет объяснения постигшей его невесту трагедии. Час спустя силы Ипполиты выдохлись, её едва смогли уложить в постель и напоить вином; уже засыпая, красавица пробормотала:

- Всё равно побегу к Медузе Горгоне!.. Вот дураки: неужели вам в деревне не нужен профессиональный врач?! – и захрапела.

Эту ночь Александрос провёл у дверей спальни своей возлюбленной. Памятуя о её словах, касающихся нового побега, он испросил у родителей разрешения постоять возле опочивальни Ипполиты в почётном карауле – и получил их согласие. Бедняга настолько измучился, столько потерял сил и нервов, что незаметно для себя заснул на часах. Кроме того, он и его союзники упустили из виду довольно существенную вещь: в комнату можно было войти и выйти не только через дверь, оставалось ещё два просторных окна... Впрочем, это уже история следующего дня.

А профессор Горгона, отсидев положенное ей время в Храме Совещаний, как ни в чём не бывало, вернулась в свой блок у подножия Олимпа. От уведённого в комплексе у неё глаза полезли на лоб, а колени предательски задрожали. Переговорив с выжившим от внезапного нападения и падения роботом, она ясно представила себе, что здесь произошло в её отсутствие; женщина сверкнула глазами – и в гневе телепортировалась обратно.

- Что случилось, чудо моё? – спросил Зевс, раскладывая по столу какие-то материалы. – Ты что-нибудь забыла? Да что с тобой, милая? – он поднял на неё взгляд и присмотрелся.

– На тебе нет лица!

- Слушай, Зевс! Я, пожалуй, начну применять защитное дезинтегрирующее поле, чтобы заблокировать любую возможность приближения незваных гостей к моей временной базе! А для большей гарантии распорядюсь применить боевых дронов для круглосуточного патрулирования периметра!

- Что случилось? – повторил Зевс.

- Тебе лучше увидеть самому, - жестом пригласила его коллега. – Хорошо ещё, что я успела отправить домой Педания с собачкой! Можем проехать на фуникулёре, этот кавардак никуда не денется... Эти вандалы уничтожили моих любимых роботов. Привели в негодность значительную часть технического обеспечения комплекса. Украли мою новую ученицу. Повредили полы и мебель в обоих помещениях, – перечисляла по дороге профессор Горгона. – Да что я разоряюсь: ты сейчас сам увидишь всю печальную статистику их разбойничьего налёта... А я-то даже перестала «парализатор» носить!

Что и говорить, руководитель базы остался под большим впечатлением от увиденного. Подробно расспросив коллегу о новой ученице и уяснив себе картину случившегося, он позволил ей установить защитное электрическое поле с минимальной силой тока, обещал немедленно прислать на место происшествия техников, но предупредил: никаких дронов-дезинтеграторов!

И всё же судьба-злодейка не до конца оставила профессора Горгону в покое. Утром, следом за вновь сбежавшей к ней Ипполитой, к подножию Олимпа явилась целая толпа народа. Отвлечённый от своих занятий их гомоном, доктор Гермес решил узнать причину внезапно нарисовавшейся у базы демонстрации – и отправился к людям для выяснения отношений. Четвертью часа спустя он уже докладывал руководству обо всём, что ему удалось узнать в ходе форменных переговоров с эллинами. По этому поводу Зевс назначил спешное собрание старших бессмертных в Храме Совещаний, где за огромным столом заняли места представители всех трёх баз: «Олимпа», «Океана», «Тартара». Доктору Гермесу снова пришлось повторить сказанное ранее Зевсу.

- Беспрецедентный случай, до сих пор не встречавшийся в практике сотворения миров, - говорил пресс-атташе МАИ. – Представляете, созданные нами существа поставили нам жёсткий ультиматум: или мы у них на глазах уьём профессора Горгону – или они начинают повсеместно сжигать наши храмы! Согласились дать нам час на размышление. Что думает собрание о положении, в котором мы оказались?

- Сжигать храмы? Идея неплохая, правда, время христианства ещё не пришло, - усмехнулся доктор Гефест. – Впрочем, о сожжении храма более всего следует беспокоиться Артемиде: как-никак, одно из семи чудес света...

- Тогда они начнут так поступать с библиотеками, - добавил Гермес. – Им всё равно, что сжигать...

- А может, просто подавить этот маленький бунт? Не вся же Эллада собралась под Олимпом? – осторожно спросил доктор Прометей.

- И это говорит великий человеколюбец! – улыбнулся профессор Аид. – Дружище, да ты в мифы войдёшь, как поднявший бунт – ради них! – против самих олимпийцев!

- Да-а-а, это не наш метод, - задумчиво протянула доктор Афина, подмигнув Аресу. – Даже мы – «боги» войны – ничего подобного не предлагаем...

Собрание зашумело; каждый высказывал свою точку зрения, аргументируя её так, что разносил в пух и прах предыдущее мнение – и так по кругу... В какой-то момент наступило общее молчание. Коллеги переглядывались; было слышно, как муха пролетит. Вдруг, нарушив тишину, из-за стола поднялась профессор Горгона. Десятки глаз следили за каждым её движением.

- Дорогие коллеги, поскольку речь идёт обо мне – вернее сказать, о моей голове – то считаю своим прямым долгом решить возникшую проблему лично...

- Я полностью согласен с профессором, - одобрительно кивнул доктор Гермес. – Во время общей дискуссии мы поговорили с Горгоной и, смею так думать, нашли достойный выход из положения...

- Интересно! – молвил профессор Протей. – Что задумало Ваше Хитрейшество?

- Всё просто, - ответил тот. – Раз люди хотят увидеть смерть Горгоны, они её увидят. Для этого нам понадобится обыкновенный голографический фокус, который, несомненно, нам организуют Фобос и Деймос... Итак, поместим голограмму профессора перед Олимпом, чтобы зрителям было видно с самых дальних рядов, - он усмехнулся, - а потом появится Геракл – и снесёт ей голову!

- Геракла я отпустил по делам, - вставил Зевс. – Увы, но этот подвиг зачтётся не ему...

- Ладно, - Гермес пожал плечами. – Предлагайте варианты...

- У меня есть великолепный протезе! – подняла руку Афина. – Младший научный сотрудник Персей. Очень талантлив! Кстати, профессор Зевс, это же ваш сынок!

Глаза коллег насмешливо буравили руководителя «Олимпа»; тот крутил палец вокруг пальца и многозначительно помалкивал.

- Точно, Афина! – обрадовался Гермес. – Это же мой бывший студент! Предлагаю кандидатуру Персея на голосование... Итак, - он осмотрел зал, – единогласно. Тогда нам следует вызвать техников и Персея, - он глянул на клепсидру в центре стола, - время поджимает...

- А что делать с профессором Горгоной? – поинтересовалась доктор Гера. – Ведь после этого шоу она не сможет оставаться на базе, чтобы фокус не был разоблачён. Её – бывают же в мире случайности! – могут увидеть люди...

- Мы обдумали и это, - доктор Гермес потёр руки. – Пока вся эта история не уляжется – полагаю, нескольких людских поколений будет вполне достаточно – Горгону, чтобы не отрывать её от работы и одновременно укрыть подальше от человеческих глаз, переместим на базу «Океан»... Профессор Посейдон, ведь вы не против?

- Ни в коем случае! – тут же откликнулся руководитель глубоководной базы. – Профессор Горгона – весьма ценный и опытный учёный, я лично позабочусь о всех удобствах её труда и отдыха... Добро пожаловать в океан!

Горгона положила руку на сердце и легонько поклонилась профессору Посейдону:

- Спасибо, дорогой мой! Что же, как говорится, Медузе медузово! Только я хотела бы проститься со своими новыми друзьями... – и умоляюще посмотрела на Зевса.

- Несомненно! – немедля ни секунды, отозвался тот. – Скажу больше того: мы будем устраивать вам с ними встречи где-нибудь на островах, вы сможете по-прежнему обучать их... Если, конечно, ваши ученики сумеют держать язык за зубами от своих сородичей!

- Я в этом уверена, профессор! – поклонилась Горгона и ему.

- Значит, всё решено! – подытожил Гермес. – Профессор Зевс, дайте, пожалуйста, сигнал техникам и нашему чудесному юному палачу! Самое время начинать, как мило заметила доктор Гера, шоу!

- Чепуха! – вдруг раздался голос Протея. – Кто же из людей поверит в то, что можно убить бессмертную... хм, вы же не богиня по статусу... В любом случае, вы – мифическое существо!

- Ошибаетесь, профессор! – печально улыбнулась Горгона. – Как раз по мифологии, я – смертна... Единственная смертная из трёх сестёр-горгон... Поэтому всё у нас получится.

Профессор оказалась абсолютно права: всё получилось на загляденье удачно! Ничего не напутавшие Фобос и Деймос заслужили личную благодарность руководства; молодой, но крайне перспективный сотрудник Персей – личное признание Зевса и огромной толпы народа, собравшейся перед Митикас. Ему слагали гимны, его прославляли... Словом, всё пошло так, как и должно было идти.

Тем временем профессор Горгона собирала вещи для отправки на «Океан». В дверь её кабинета раздался стук.

- Можно? – на пороге стояла доктор Артемида, сжимавшая несколько фолиантов. – Принесла твои любимые книги...

- Спасибо, заходи! – Горгона взяла рукописи и положила их рядом с личным багажом. – Останешься временно без библиотекаря? – улыбнулась она коллеге. – Но разве это преграда для тебя, Артемида?

- Да что ты знаешь о преградах, Горгона? – улыбнулась доктор. – Давай обнимемся, а?

ПРЕГРАДА АРТЕМИДЫ

*Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
 Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
 Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
 Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
 И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает,
 Стрелы в зверей посылая стеньящие. В страхе трепещут
 Главы высокие гор. Густотенные чащи лесные
 Стонут ужасно от рёва зверей. Содрогается суша
 И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
 Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
 После того как натешится сердцем охотница-дева,
 Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
 И направляется к дому великому милого брата
 Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской.
 Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
 Гомеровы гимны, «К Артемиде», 1-15*

После сестринского прощания с профессором Горгоной, доктор Артемида вернулась в собственные апартаменты. Наступил вечер, рабочее время закончилось. Женщина сбросила сандалии – ходить босиком было её излюбленным занятием, однако положение «богини» обязывало... Сбросив с себя пеплон, Артемида осталась в голубом ионийском хитоне; уселась в кресло за рабочим столом, намереваясь немало посидеть над своей новой книгой. Да, знаток биологии Артемида работала над своим очереднымopusом «Облава. Руководство для начинающих». Её предыдущие пособия, из которых достойны упоминания «Искусство следопыта. Из записок натуралиста» или «Методы элегантной разведки», конечно, не могли конкурировать с такими бестселлерами, как дневники её коллеги Афины, однако в определённых кругах считались весьма авторитетными. Несмотря на то, что доктор не воспитывала учеников «за партами», как тем занимались её друзья Гермес, Гестия или «братишка» Аполлон, по её работам вполне можно было заниматься дистанционно; что, кстати, и делали множество её негласных студентов во многих мирах.

Нельзя утверждать, что увлечение доктора охотой было её хобби; скорее, корни его лежали в прямых обязанностях Артемиды как биолога. Мало изучить тот или иной биологический организм, необходимо знать все его повадки, инстинкты, непосредственно ориентироваться в среде его обитания. Впрочем, «охота» – не совсем точное определение, поскольку включает в себя довольно большой комплекс мероприятий, начиная от разведки местности и выслеживания зверя до его поимки, разделки и правильной транспортировки; при этом некоторые детали охоты здесь даже не упоминаются. Главное было в том, что доктор – при авторстве стольких охотничьих руководств, при своих бесчётных путешествиях и неоспоримом опыте следопыта – ни разу не возвращалась с трофеем! Да, в это тяжело – практически невозможно! – поверить, но факт продолжал оставаться фактом: за всё своё бессмертие биолог не причинила вреда ни единственному живому существу!

Когда она получила назначение на «Олимп» для участия по специальности в «Проекте «Земля»», доктор Артемида несказанно обрадовалась: во-первых, ей уже порядком поднадоело пописывать охотничьи справочники – видимо, как раз писательство она и полагала своим подлинным хобби; а во-вторых, назначение обещало ей встречу с командой

старых знакомых, со многими из которыми она общалась едва ли не со студенческой скамьи.

Однако наступил момент приоткрыть некоторые детали биографии нашей героини, о которых были осведомлены далеко не все бессмертные: доктор Артемида являла собой весьма страстную и азартную натуру. В детстве она мечтала стать актрисой, выступать во Вселенском Мегатеатре – но, увы! – с актёрской карьерой как-то не сложилось: то ли музы на неё не оказывали необходимого влияния, то ли сам Аполлон был не особо внимателен к сестре – и девушка поступила на факультет биологии. Впрочем, новое занятие вскоре пришлось ей по вкусу, поскольку неуёмной страсти и азарта у неё никто не отнимал. Тем не менее, именно с последним Артемида сталкивалась почти постоянно, борясь с ним не на шутку.

Не следует думать, что азартность её проявлялась в каких-нибудь причудах, вызывающих патологическую зависимость, нет; дело в том, что обуревающий её азарт носил исключительно охотничий характер! И чем больше проходило времени, тем больше он её одолевал. Артемида пыталась разобраться в себе, как такое могло произойти: на неё, ни разу в жизни не обидевшую ни единого живого существа, иногда находило просто неудержимое желание поохотиться по-настоящему!

- Типичное раздвоение личности, дорогая, ничего страшного! – констатировала Гестия, а вслед за ней – и доктор Гипнос, которых Аполлон как-то попросил освидетельствовать сестру. – Психология с этим успешно борется, поэтому твоё выздоровление – не за горами... К тому же, твой недуг – временный, врождённым не является... Лучшее, что ты можешь сделать сейчас, это начать описывать всё, что с тобой происходит, когда ты подвержена вспышкам азарта. И, прошу тебя, милая – не стесняйся фантазировать! Просто держи себя в руках – и не уставай напоминать себе, что ты – вовсе не «та» Артемида, что хочет носиться по лесу с бластером... или с чем там теперь модно охотиться?

Таким образом, видимо, сами Гипнос и Гестия спровоцировали Артемиду на новое хобби – писательство. Доктор, основываясь на своей внутренней страсти к охоте и применив все имеющиеся навыки и умения, стала самым читаемым автором и непререкаемым авторитетом в среде «Вселенского Охотничьего Братства». Поклонники её творчества, доверяя бесценному опыту Артемиды, требовали от неё новых книг, которые неизменно обсуждались профессионалами на форумах. Однако почти никому – из заядлых охотников и любителей – не было ведомо, что увлекательно пишущий на охотничьи темы автор в действительности ни разу не убил даже комара – и, вот она, вершина гуманности! – является негласным основателем и патроном «Вселенского Общества по защите Жизни»!

И женщина, осознав собственную, иногда проявляющуюся двойственность, ринулась в бой со своим кровожадным «другим я». Чтобы всегда помнить о внезапно возникающем желании схватить лук – и перестрелять половину населяющих предгорье Олимпа ланей, доктор, сразу по прибытии на Землю, вывела на одной из стен своего кабинета следующее:

ДОКТОР БИОЛОГИИ АРТЕМИДА,
 ПЕРСОНАЛЬНЫЙ НОМЕР – 06 14 1926.
 НИЧТО И НИКОГДА НЕ ПОМЕШАЕТ МНЕ
 ПЛАТИТЬ ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ В ЗАЩИТУ ЖИЗНИ!
 ЧИТАЙ ЭТО – И РАДУЙСЯ!

Стена, на которой она вывела эту надпись киноварью, подаренной ей доктором Гермесом в числе прочих женских коммодических аксессуаров, находилась как раз перед её рабочим столом; следовательно, памятная надпись постоянно была у неё на глазах. Доктор, в порыве страсти, не постеснялась изобразить буквы как можно крупнее, чтобы их кровавый цвет сразу бросался в глаза – и не давал «настоящей Артемиде» сорваться... Когда же ей приходилось особенно тяжело, она, нацепив за спину лук и колчан со стрелами, уходила в

леса неподалёку от базы, чтобы отвести душу на специально для неё смонтированных Фобосом и Деймосом животных.

- Мамочка! – и в шутку, и всерьёз обращалась она в такие дни к коллеге – доктору Деметре. – У меня вновь был приступ – и я положила нескольких «олений»!

- Прости, дорогая моя, - обычно отмахивалась от неё Деметра. – У меня опять головная боль зашкаливает положенную ей норму... Сходи к Гестии, пусть она тебя выслушает: её «Метагалактическое Общество Психиатров» за это субсидирует...

- Ты никогда меня не слушаешь! – надувала губки Артемида. – Судьба воздвигла передо мной настоящую преграду – в лице меня же, но только азартной – и никому до этого нет дела!

- Это хорошо ещё, что ты по казино не шляешься, милая! Знаешь, у скольких существ во Вселенной это психологически неразрешимая проблема номер один?! Ты же с ней вполне справляешься, не морочь мою бедную голову... И куда же я сунула отчёты по налогам на финики?!.

- А вот и пойду! – иронизировала Артемида, вызываяюще нахмуривая свои божественные, насурьмлённые брови. – Да здравствует казино! Пора сменить одну страсть на другую!

- Ой, иди уже, иди! – доктор Деметра с улыбкой, но уверенно подталкивала гостью к выходу. – Никакого с тобой сладу нет, Артемида Азартная!

Кстати говоря, несколько раз Артемида так и поступала – к величайшему удивлению остальных посетителей «Чертогов» Афины. Однажды она заявила туда – и устроила настоящий спектакль: нализалась амброзии, а после полезла на импровизированную сцену петь гимны. Сперва ей даже аплодировали, поскольку голос её был поистине великолепен; но, когда она, увлечшись вниманием публики, взяла несколько фальшивых нот, в зале послышались вздохи разочарования.

- Ах, так?! – не переставала буйствовать Артемида, сбрасывая сандалии. – Вам не нравится моё пение? Ну и Аид с ним!.. В таком случае, приглашаю присутствующих на танцы! Диджей, музыку! Танцуют все! – и закружилась в каком-то сумасшедшем, отнюдь не в древнегреческих канонах, ритме.

Когда в помещении появились Аполлон с Гермесом, решившие малость отдохнуть после рабочей недели, то, увидев на сцене изрядно весёлую Артемиду, беззвучно переглянулись – и заняли столик подальше от сияющей разноцветными огнями эстрады.

- Это что ещё за театр?! – спросил Аполлон, когда наступила пауза и заметившая приход друзей доктор присоединилась к их компании.

- Привет, Аполлончик! – Афродита обняла коллегу и громко чмокнула его в щёку. – Привет, Пилот! – проделала то же самое с Гермесом. – Ну, вы же в курсе, особенно ты, мой милый братик, что начинала я актрисой... Боги, боги, как же я мечтала сниматься в кино! Просто всё пошло несколько иначе... Вот повстречаю Ананке – и выскажу ей в лицо всё, что думаю!..

- Ах, вот откуда твоя неадекватность, дорогая! Да ты уже совсем тёпленькая! – рассмеялся Аполлон.

- Представьте себе – да! К тому же сегодня у меня неважный день...

- Снова сорвалась, дружище? – Гермес наклонился к Афродите и поправил несколько выбившихся из причёски волос. – Артемида вновь натолкнулась на свою преграду?

- Увы! – женщина выдохнула, заёрзав на стуле. – Тебе, Пилот, хорошо говорить: для тебя вообще никаких преград не существует! Ты – птичка вольная... А как быть мне?! Психика у меня покалечена, актрисой стать не получилось...

- Ладно, сестрёнка, не нагоняй жалость! – отрезал Аполлон. – Только, знаешь, что? Советую тебе не попадаться Зевсу на глаза в подобном состоянии! Если хочешь, топай отсюда прямо ко мне: мои апартаменты ближе, чем твои... Неровен час, столкнёшься с ним где-нибудь по дороге... Ты ведь знаешь папашу: он в гневе страшен!

- Аполлон прав, милая! – поддержал друга Гермес. – Если тебя накроют, Зевс применит такие пытки, что тебе невольно придётся сдать ему наши «Чертоги»... Афина будет безмерно огорчена; да и все мы тоже...

- Ладно, ребята! Ещё несколько глоточков амброзии – и домой! – ответила Артемида.

- Нет уж, никаких больше глоточков! – повысил голос доктор литературы. – Если хочешь, Гермес купит тебе пару затяжек, но употребишь их только дома... В своём кабинете можешь вытворять всё, что тебе заблагорассудится! Ты ведь доставишь её, Гермес? – спросил он друга, тот кивнул. – Я её проводил бы, но мне здесь надо кое-с кем увидеться...

- Ну-с, красавица, собирайся! – доктор Гермес щёлкнул жезлом. – Карета подана, кони ждут!

- Бедная я, бедная! – устало произнесла женщина, кладя руку на плечо своего спутника.

Гермес обнял её за талию, кивнул Аполлону – и исчез вместе с Артемидой.

Только миг – и они уже стояли в кабинете руководителя Лабораторией зоологии. Гермес аккуратно усадил Артемиду в кресло:

- Как ты, в целом?

- Побудь со мной, Пилот! – попросила женщина, закидывая руки за голову. – Кстати, я в «Чертогах» забыла сандалии...

- Не проблема: слетаю назад – и принесу, – доктор медицины осмотрелся; взгляд его остановился на стене, возле которой он стоял, на крупно выведенной надписи. Он усмехнулся. – Так вот куда пошла подаренная мной киноварь! Может, ты белила и прочую коммотику используешь на подобные художества?!

Доктор Артемида вытащила из ушей массивные серьги, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза:

- Нет... Просто чем дальше, тем больше мне надо иметь перед глазами напоминание об этой моей внутренней преграде... Как же это ужасно, Гермес – быть разделённой на две сущности: одна Артемида – безжалостная охотница на животных, другая – их беззаветная защитница! Аид меня побери, а кто я?! Когда-нибудь моя самость среди всех артемид окончательно запутается!

- Успокойся, дорогая, всё будет замечательно! Со всеми такое случается; в этом виноваты и непомерные нагрузки, что лежат на наших плечах, и, отчасти, постоянные скачки во времени – от его нахождения в начальной точке до конечной – да и просто усталость, в конце концов... В первую очередь тебе просто необходимо выспаться! Иначе завтра ты не сможешь нормально руководить своей лабораторией, а это, согласишься, уже никуда не годится...

- Ты всегда прав, Гермес...

- Тогда я сгоняю за твоими сандалиями, а когда вернусь – баю-бай, Артемида, баю-бай! Не заснёшь сама, применю к тебе отличный метод бесконтактного снотворного, которому меня научил дружище Гипнос! – он погладил женщину по волосам, накрыл её широким мягким покрывалом – и пропал из глаз.⁶

Следующий день уже ничем не напоминал ей о предыдущем: то ли Гермес действительно воздействовал на Артемиду незаметным для неё образом, то ли ей не снились страшные сны; в лаборатории всё шло так, как и было заведено с незапамятных времён. После общего обеда профессор Зевс, поймав её взгляд, вдруг поманил биолога пальцем; не ожидая ничего хорошего и вспоминая вчерашний «спектакль», Артемида приблизилась к начальству. Однако тон руководителя «Олимпа» и смысл произнесённой им речи мгновенно успокоил женщину.

- Доктор, мне необходима ваша консультация и помощь... Вернее говоря, не мне самому, а местным охотникам, которые увязались вместе с Паном до самого Олимпа. Даже на фуникулёре захотели покататься, представляете!

⁶ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Смешно. Охотникам-то что от меня понадобилось?
- Как это – что?! – выпучил глаза профессор. – Вы же, несомненно, лучший специалист во Вселенной по данному вопросу! Выручайте, доктор Артемида, иначе от нас не отстанут! Им хочется узнать у вас новейшие методы охоты.
- Методы-то разные! Не пойдёте же вы охотиться по одному шаблону на медведя, волка или косулю...
- Вот-вот, вы прекрасно меня поняли! Ступайте же – и объясните им это на практике... или что им там ещё понадобится...
- Всё это как-то странно, - покачала головой Артемида. – Странная мифология у этих эллинов, без кувшина-другого не разобраться! Везде, насколько мне известно, принято, что охотник и добытчик в семье – мужчина. Неужели они не могли додуматься, что у охоты должен быть «бог», а не «богиня»?! Это же курам на смех! А мне теперь расхлёбывать заваренную баснописцами кашу...
- Ничего не поделает, дорогая моя, так уж получилось...
- Будь сейчас в Элладе движение феминисток, я, наверное, была бы назначена их покровительницей!
- Да будет вам, доктор: будто бы мало ваших поклонниц – лучниц-амазонок!.. Ну, ладно – посмеялись и хватит. Приступайте к исполнению задания, родная моя!
- Но, дорогой мой, вы же знаете, что я категорически против убийства животных! – в отчаянии повысила голос Артемида.
- Знаю, девочка моя, знаю: ко мне доктор Гестия вчера заходила с отчётом... – Зевс ласково погладил доктора по руке. – Но ты не беспокойся, всё у тебя наладится...
- Спасибо за участие, папочка! – вздохнула она. – Вот только за луком и стрелами схожу – и пойду на первую в своём бессмертии лекцию!
- Через некоторое время она, вооружённая до зубов, стояла у подножия Олимпа, где её дожидались четверо сидящих мужчин. «Пусть даже и не просят меня стрелять! – подумалось ей, когда заметившие её появление охотники поднялись с земли и пошли ей навстречу. – Тактические ходы, если надо – покажу, но никаких увечий!»
- Мужчины, также вооружённые луками, с поклонами приблизились; старший из них, единственный в круглой войлочной шляпе, от имени всех пропел:
- Славься, о златострельная Артемида, любимица Ночи!
Благословенье твоё да сделает нашу охоту удачной!
Пусть твоя длань, о богиня, любую стрелу направляет...
- Пойдите, пойдите! – женщина поочерёдно посмотрела каждому из них прямо в глаза. – Никакие стрелы я направлять не намерена! Пан передал мне через Зевса, что вы пришли получить совет относительно каких-то новых охотничьих методов... Итак, я здесь! Слушаю вас внимательно.
- Не гневайся, о богиня! – вновь поклонился старший. – Великий бог Пан совершенно прав, нам очень нужны эти методы! Мы его встретили в лесу с какими-то поэтами, разговорились... Он увидел, что сегодня охота у нас не задалась; сжалился – и попросил обратиться к тебе...
- Ну, спасибо Пану за такую подставу! – Артемида, скорее всего, сказала это себе, нежели другим. – Какие ещё методы, милые вы мои? Все методы известны: взял лук – и выстрелил. Взял копьё – и бросил. Взял яму – и выкопал... то есть, выкопал яму... то есть... В общем, вы меня поняли!
- Да как тебя не понять, владычица! Зверь очень хитёр стал, легко не даётся... Конечно, стрелять-то по нему мы сумеем, и обложить его – тоже не велика работа, но ведь только для этого его сперва требуется выследить... А из нас никто следов читать не умеет. Вот и пришли мы молить твоей милости о подсказке...
- Как это – никто из вас не умеет читать следов?! – удивилась «богиня». – Как же вы вообще охотитесь, граждане?! Вам, что, никто не преподавал науку выслеживания зверя?!

- Нет, - поклонившись, впервые заговорил другой мужчина. – Да мы и вовсе не охотники: всю жизнь пахали да сеяли... Просто неделю назад попали мы к другому хозяину, а ему пришло в голову определить нас на охоту. Из нас только Филиппос, - он указал взглядом на старшего в шапке, - свободный; но и он – не охотник, а плотник!

- Понятно, - Артемида вновь осмотрела всю четвёрку. – Значит, вы даже не любители... Ну, раз так, придётся вам преподать основы охотничьего ремесла...

- Мы готовы! – воскликнули все, будто по команде.

- Ценю это, но я сама не очень готова... Сделаем так: я вернусь домой, на Олимп – и кое-что вам принесу... Подождите меня здесь, я скоро! – и женщина, неспешно двигаясь, направилась к фуникулёру.

Вскоре она вернулась – без лука и стрел; правда, в руках Артемиды был маленький прямоугольный предмет, о назначении которого немедленно полюбопытствовали её ожидающие.

- Это – полное собрание моих сочинений на тему охоты, - не без гордости ответила женщина. – Думаю, что интересующие вас вопросы заключаются в двух главах, сейчас я их отмечу... Вам будет более, чем предостаточно... Вот, теперь я научу вас, как этой штукой пользоваться... Итак, - мужчины внимательно, но без особого понимания предмета, глазели на устройство – и Артемида прекрасно это видела, - вам ничего не надо понимать, просто запоминайте мои движения автоматически. Кладёте палец – вот сюда – и услышите мой голос. Я буду рассказывать об охоте. Захотите прекратить мой рассказ – нажмёте вот сюда, рядышком. Если будет надобность прослушать ещё раз то, что я говорила – нажимайте вот сюда. Запомнили? И не бойтесь, когда услышите мой голос из этой штуковины, хоть я по-прежнему буду стоять рядом с вами – и молчать.

- Дай-ка попробоваться, - несмело пробормотал Филиппос, принимая диковинку из рук биолога. – Значит, нажимаю вот сюда...

В тот же миг из таинственного прямоугольничка раздался голос Артемиды:

- Как было сказано в предыдущей главе руководства, главное при выслеживании зверя – это производить как можно менее шума. Помните: ваши шансы быть услышанным в условиях леса или на открытой местности совершенно разные. К тому же, некоторые животные обладают...

Старший надавил пальцем рядом – и голос Артемиды умолк.

- Как, я вам уже надоела?! – воскликнула женщина. – Кто-то всего минуту назад горел неудержимым желанием стать великим охотником!

Мужчины переглянулись; ни малейшего страха они не выказывали и лишних вопросов не задавали.

- Ты же сама сказала, о великая: ни о чём не думать, просто запоминать! – вновь сказал второй, взъерошивая волосы. – Вот мы и запомнили... Если Филиппос даст мне эту говорящую коробочку, то я легко смогу повторить любое действие пальцев нашей покровительницы.

- Странно, что вы не испугались, - сказала Артемида, ожидавшая, честно говоря, не столь спокойной реакции людей на впервые увиденный и услышанный предмет. – Будь на вашем месте какой-нибудь средневековый, забитый своими духовниками, неграмотный... Ладно, проехали!

- Кого же нам бояться, если мы находимся здесь, у божественного Олимпа, да ещё под защитой прекрасной Артемиды?! – резонно ответил молчавший до сих пор юноша со шрамом на лице. – Хочешь, Филиппос споёт тебе ещё гимн?

Женщина улыбнулась:

- Благодарю, друзья, не стоит того!.. Но запомните, что я вам скажу. Итак, даю вам эту штуку на три дня. Во-первых, не потеряйте её: это единственная копия на Земле... На мой взгляд, не совсем этично мне, как автору, снова требовать у МАИ полное собрание собственных сочинений; да и не хочется, простите за откровенность, писать

объяснительную на предмет обстоятельств их утраты... Во-вторых, никому её не показывайте и не слушайте мой голос в таких местах, где вас могут услышать другие...

- Кто? Охотники? – спросил Филиппос, бережно пряча прямоугольник в складки плаща.

- Да при чём здесь охотники?! Я говорю о людях вообще... Я уверена, что если ваш хозяин или кто-нибудь из его работников увидит эту вещицу, то у вас обязательно её отберут.

- Конечно, отберут! Такой волшебной коробочки ещё никто не видывал... не слыхивал, - поправился старший. – Но я – свободный; и хоть работаю на хозяина, дома моего он не обыскивает... Спасибо тебе, бесконечно добрая Артемида!

- Уже лучше... В-третьих, никому не говорите о том, что мы вообще с вами встречались, понятно? Начнутся лишние расспросы-вопросы, вы можете не выдержать – и похвастаться нашим разговором у Олимпа; или начнёте, упаси вас Зевс, задирать нос перед профессионалами, а эта охотничья братия, поверьте мне на слово, подобных вещей не прощает... В-четвёртых, эта штука самоликвидируется в течение пяти суток. Несмотря на пространные инструкции, постарайтесь запомнить самое главное: если не вернёте мне этот аппарат, клянусь вам, ребята – я сама устрою на вас охоту! Найду по следам – и, согласно своему же творчеству, начну отстрел моих касатиков!

- Зевс с тобою, о великая! – заверил её Филиппос, в глазах которого мелькнул неподдельный страх. – Всё будет в полном порядке! Никто ни о чём не пронюхает, а мы встретимся с тобой ровно через три дня, ещё до захода солнца...

Указанный Артемидой срок пролетел более, чем незаметно: учёный была поглощена текущей работой в лаборатории. Можно сказать, что, если бы она не имела перед глазами своей постоянной «напоминалки» – красующейся в кабинете напротив её рабочего стола стене огромной надписи киноварью – вполне возможно, что и сама позабыла бы о назначенной встрече... Итак, незадолго до захода солнца, Артемида покинула вверенный ей участок рабочего фронта – и на фуникулёре спустилась к подножию Олимпа.

К её удивлению, на встречу пришёл один Филиппос; одинокая фигура его резко выделялась на фоне большой поляны, с которой люди и «боги» начинали своё восхождение на Митикас. Увидев приближающуюся Артемиду, Филиппос поклонился – и запел ей хвалебную песнь:

- О Артемида, владычица наша, яви свою милость

Тем, кто пришёл поприветствовать ныне тебя, о хозяйка охоты!

- Хайре, Филиппос! – ответила доктор. – Давай-ка славословия отложим на потом... Что скажешь, как продвигаются ваши штудии моих охотничьих опусов? Кстати, - она развела руками и ещё раз осмотрелась. – Почему ты сегодня один? Что поделявают твои коллеги-охотники?

- Как что: охотятся, о великая, прекраснейшая Артемида! – умолкнув на полуслове, объяснил ей эллин. – Ты не поверишь: мы слушали твой чудесный голос много раз – и теперь вряд ли кто-нибудь может поспорить с нами в знании искусства нахождения следов! Конечно, мы ещё не так хороши, как эти... как ты их там назвала... профессионалы, но, будь уверена: вскоре мы овладеем твоими уроками – и покажем всем, что ни один зверь, ни одна птица не сможет уйти от нас!

- Я была рада оказать вам эту маленькую услугу, - улыбнулась женщина. – Но почему ты сам – не с друзьями?! Почему не продолжаешь овладевать охотничьим искусством с тем упорством, с каким это делают твои коллеги?!

- Ты, уважаемая, вероятно всё запомновала, - эллин озабоченно воззрился на неё. – Ведь мы обещали тебе вернуть твой божественный голос! – он порылся в складках плаща – и протянул женщине заветный аппарат. – Пока, как ты сама нас предупредила, он не самоликвидировался...

- Ах, ну конечно! – доктор легонько хлопнула себя по лбу. – Прости, я до сих пор вся в работе... Зевс требует незамедлительного отчёта, а у меня сотрудники совсем запустили один из секторов биоисследований... Время, понимаешь ли, поджигает... Аид меня побери, вот уж никогда не думала, что бессмертный в состоянии произнести подобную фразу! Спасибо, что сохранили мои книги в целости! – она взяла протянутый её прибор,

безразлично повертела его в руках. – А теперь мне пора, Филиппос! Не сомневаюсь, что мы ещё увидимся. Передавай привет друзьям!

- Понимаю, - сочувственно произнёс человек. – Но, скажи мне, о величайшая охотница, не найдётся ли у тебя ещё капельки этого ничтожного времени? Мне очень хотелось бы, чтобы ты кое на что взглянула... Клянусь тебе, что долго не стану тебя занимать!

- А что такое? – заинтересовалась доктор.

Филиппос переминался с ноги на ногу, молча разводя руками и покачивая головой; любопытство Артемиды росло с невероятной скоростью.

- Ну, что случилось-то, дружище? – не выдержала женщина, хватая собеседника за руку. – Рассказывай, Филиппос, не томи меня!..

- Рассказ тут не поможет, уважаемая богиня, это надо видеть собственными глазами, - молвил, наконец, эллин, поправляя сползшую на его левое ухо шапочку. – Я хочу, чтобы ты пошла ко мне домой – и покажу тебе, что я для тебя приготовил...

- О-о-о, у тебя что-то припасено для меня?! – доктор лукаво улыбнулась. – Откровенно признаюсь, что просто обожаю неожиданные подарки! Хочешь отблагодарить меня за мои дистанционные лекции, Филиппос?! Ах, почему ты не догадался принести свой дар прямо сюда?! Кстати, - в голосе её послышались нотки наигранной суровости, – неужели ты не в курсе, что свои дары «богам» люди должны доставлять по месту обитания последних?!

- Можно и так сказать, - уклончиво ответил пожилой грек. – Однако, давай поступим следующим образом: быстренько сходим ко мне домой, я тебе кое-что покажу...

- И подарю?! – вставила покровительница всех следопытов и вольных стрелков.

- И подарю, - согласился человек. – На всё про всё у нас уйдёт не более часа-другого...

Артемиде, выслушав заманчивое предложение, взяла минутку на размышление. Рабочее время закончилось, написание отчёта потребует несколько часов; впрочем, это можно вполне проделать в течение ночи, как она уже неоднократно поступала. Поэтому нет вроде бы никаких осязаемых причин, прямо сейчас препятствующих небольшой прогулке...

- Хорошо, друг мой, я согласна! – отчеканила доктор, поправляя за спиной лук и колчан. – Давай прогуляемся, а после мне надо вернуться на Олимп: если ты только знал бы, сколько у меня дел, требующих немедленного завершения!..

- Понимаю тебя, - повторил человек, кивая. – Но обещаю тебе, что мы доберёмся ко мне кратчайшей дорогой: ведь теперь я – благодаря твоей охотничьей науке – стал одним из лучших проводников по окрестности! Заодно с женой и детишками тебя познакомлю...

- Ладно, веди меня, Филиппос! Хотя это весьма неудобно – ходить впервые в гости без подарка...

- Ничего страшного, - успокоил женщину эллин, показывая её на небольшую тропинку. – Твой приход в наш дом – сам по себе большой подарок!

- Ладно, я непременно принесу твоей жене и детям что-нибудь нужное, - пообещала «богиня». – Ты ведь понимаешь, что твоё предложение застало меня врасплох...

- Не надо беспокоиться! – махнул рукой Филиппос. – Лучше гляди себе под ноги: на этой тропе иногда попадаются корни деревьев, высывающиеся из земли... Неровен час, споткнёшься, упадёшь – и как после этого себя чувствовать себя любителю, ведущего профессионала?! – ухмыльнулся он.

Дальше они шли практически молча; Филиппос был не из тех, кто мог часами болтать без умолку. Видимо, он не хотел растерять усвоенных навыков следопыта даже теперь, во время простой прогулки. Артемиде, понимая это, мысленно похвалила человека за столь фанатичную приверженность делу; впрочем, доктор и сама была такой же...

Придя в дом своего нового знакомого – через деревеньку пришлось пробираться тайком, чтобы их не заметили соседи, для чего обоим весьма пригодились владение всевозможными методами лазутчиков – Артемиде немного пообщалась с его домашними; оказалось, что жена Филиппоса, маленькая и очень подвижная черноокая Зофия, активно посещает курсы доктора Гестии «Практическое руководство по выживанию в семейных условиях: проблемы, решения.» Однако, не дав жене долго задерживать «богиню», Филиппос

попросил последнюю следовать за ним в мастерскую, находившуюся в отдельном помещении во дворе. Артемида, которой очень понравилась болтливая непринуждённость Зофии, с лёгкой неохотой последовала за хозяином дома.

Мастерская Филиппоса напоминала хлев, за исключением отсутствия в нём хоть каких-нибудь домашних животных. Правда, в помещении имелось всё, что необходимо для честного труженика: аккуратно развешанные на стенах слесарные и плотницкие инструменты; ткацкий станок, по соседству с которым стояла большая корзина с овечьей шерстью; здоровенный верстак, на котором находилось нечто, накрытое льняным покрывалом; другие установки, о техническом назначении которых доктор могла лишь догадываться... Артемида обратила внимание, что здесь находился и гончарный круг, и большая кузнечная печь, наковальня и миниатюрный столик для чеканочных работ – всё содержалось в образцовом порядке, что выдавало разносторонность хозяина мастерской и указывало на его одинаковое владение несколькими профессиями.

- Подойди сюда, о великая! – Филиппос пригласил посетительницу к верстаку, таинственно указывая глазами на нечто, скрытое от посторонних глаз куском льняного материала. – Это и есть мой тебе подарок! – добавил он торжественно. – Попробуй предположить, что я хочу преподнести богине в дар за её бесконечную доброту и доверие?

Доктор Артемида приблизилась к хозяину мастерской, с бесконечным любопытством разглядывая укрытый льном предмет и пытаясь угадать по его очертаниям, что он из себя представляет. Размером он был около полутора метра в ширину и столько же – в высоту; ничего более Артемиде узнать о нём не удалось. Форма предмета также не являлась определённой, поскольку льняное покрывало в некоторых местах стелилось по нему многочисленными складками. Постояв перед верстаком с минуту и ещё столько же потратив на полный его обход, доктор со вздохом решила сдаться:

- Да откуда же мне знать, Филиппос?! – женщина пожала плечами. – Мало ли что ты спрятал под материалом!.. Давай уже, не ломай комедию, показывай!

- Хорошо, но для начала я попрошу тебя отвернуться, - улыбаясь, продолжал интриговать хозяин. – Сделаем так: когда ты услышишь моё разрешение, то сможешь повернуться обратно, договорились? Но, чур, не раньше!

- Хорошо, хорошо! – воскликнула изнывающая от любопытства Артемида, с нетерпением оборачиваясь вокруг своей оси – совсем как детский волчок – на сто восемьдесят градусов; за спиной она слышала, как Филиппос снимает аккуратно снимает покрывало, как что-то позвякивает; при этом слышался лёгкий, едва уловимый звук скрипящего дерева...

Вдруг Артемида услышала голос, который громко произнёс на всю мастерскую:

- Как было сказано в предыдущей главе руководства, главное при выслеживании зверя – это производить как можно менее шума...

Биолог опешила. Услышанное показалось ей странным, поскольку голос не принадлежал Филиппосу. Кроме них двоих в помещении никого не было, в этом она могла поклясться. Но самое удивительное было в том, что голос говорящего вообще не являлся мужским: фраза была произнесена женщиной!

Не веря собственным ушам, Артемида, хоть и дала хозяину слово не оборачиваться раньше, пока он её того не позволит, крутанулась на месте – и оказалась лицом к лицу с улыбающимся Филиппосом.

- Я тебя не напугал, о покровительница натягивающих лук? – спросил он, наблюдая за её непониманием. – К несчастью, - он указал на приспособление, которое до сих пор прибывающая в шоке доктор теперь могла увидеть, - я не смог сделать его таким, чтобы он уместился на ладони...

Артемида, наконец, смогла перевести дух. Всё стало на свои места, хотя, откровенно сказать, сперва она действительно от неожиданности испугалась. Оказалось, что она слышала ничто иное, как свой собственный голос!

- Как, Филиппос?! – она подскочила к человеку, который по-прежнему улыбался своей невинной шутке – и, взглядом пронзая его насквозь, схватила за руку. – Как у тебя получилось это... то, что получилось?!

- Да вот, - обыденно произнёс мастер, - захотелось сделать тебе небольшой подарок... То есть, как ты можешь видеть, он не то, чтобы небольшой – он огромный! – и ласково погладил пальцем тетиву лука. – Видишь, на что способно обыкновенное орудие охотника, если использовать его пружинящие свойства в несколько иных целях!

Пока он говорил, доктор внимательно осматривала большой деревянный ящик, увенчанный простым охотничьим луком рогами вниз, к коим были привязаны тяжёлые свинцовые грузила. Над ящиком находилась медная труба – аналогом её послужил обычный музыкальный инструмент, который мастер зачем-то модифицировал – и неимоверно расширил к мундштуку; под ним располагался медный диск правильной формы, вращающийся от движения втулки, подведённой к нему снизу. Втулка вращалась при помощи тетивы, которая высвобождалась и вращалась по спирали при помощи грузил, привязанным к рогам лука. Подсоединённая к музыкальному инструменту медная игла выписывала на диске спиралеобразные круги, заканчивающиеся в его центре.

- Хочешь ещё раз послушать саму себя? – задумчиво добавил Филиппос.

- Охотно! – ответила Артемида. Как бы она себя не чувствовала, до полного спокойствия ей было весьма далеко. Глаза её были до сих пор широко раскрытыми.

Филиппос кивнул – и закрутил втулку, вращающую диск от тетивы, согнув лук таким образом, что грузила оказались лежащими на верстаке; осторожно отпустил – и рога лука, распрямляясь, при помощи тетивы завертели втулку. Диск соответственно, также пришёл в движение; бороздки его побежали под иглой, а из трубы снова на всю мастерскую зазвучал голос доктора:

- Как было сказано в предыдущей главе руководства, главное при выслеживании зверя – это производить как можно менее шума...

Продолжалось это до тех пор, пока рога лука полностью не разогнулись, подтянув к себе грузила. Как и в прошлый раз, странный, имитировавший голос Артемиды громоздкий прибор, замер на том же месте. Доктор обратила на это внимание собеседника.

- Я совершенно не понимаю, как тебе такое удалось, но ты каким-то чудом повторил конструкцию моего диктофона! – она достала аппарат и показала его мастеру. – Расскажи мне, Филиппос, как тебе такое пришло в голову? И – зачем?

- Ну, начнём с того, что именно это я и хотел сделать, - ответил эллин, предлагая единственный в мастерской грубый стул своей гостье, а сам – уселся напротив неё – на верстак, рядом со своим чудесным прибором. – Конечно, всё началось тогда, когда счастливый случай свёл меня с тобой – и ты доверила мне с друзьями свой удивительный... как ты назвала эту штуку?

- Диктофон, - подсказала Артемида. – Но ведь мы познакомились всего три дня назад! – она внимательно осмотрела аппарат. – На нём нет ни следа того, что ты разбирал его на части... Впрочем, у тебя и не может быть таких точных и тонких отвёрток, чтобы это сделать...

- А мне и не надо было разбирать его, несравненная Артемида! – усмехнулся Филиппос. – Знаешь, что в нашем – мастеровом – деле главное? Правильно поставленный вопрос!

Внезапно доктора осенило:

- Слушай, дружище, я тебя обязательно должна кое с кем познакомить! – перебила женщина рассказчика, прикладывая пальчик к своему уху. – Да, рада тебя приветствовать, Арес!

- Как?! – изумлённо, но достаточно громко прошептал Филиппос, молитвенно складывая руки на груди. – Ты говоришь с великим богом войны, Аресом?!

Доктор, глянув на собеседника, приложила палец к губам, давая тому понять, что лишние вопросы сейчас отвлекают её; сделав необходимый жест, она продолжила беседу с «великим богом войны»:

- Как – сверхурочная?! Послушай, бросай всё – и срочно выдвигайся в деревню! Конечно, я сейчас здесь... Не поверишь: я тебе такое покажу, что ты просто обалдеешь! Естественно,

высылаю координаты... У меня такое ощущение, что у тебя только что появился ученик! Как, какой – замечательный, если я хоть немного смыслю в технике... Нет, никаких отговорок – я вызываю тебя немедленно! Только вот, что – не вздумай прилетать сюда на глассере, всю деревню обеспокоишь: ещё подумают, что война началась! Знаешь, небось, какие о тебе слухи гуляют по Элладе!.. Понимаю, договорились! Жду!

Окончив разговор, Артемида улыбнулась мастеру:

- Ну вот, сейчас здесь появится Арес, ты не против? – она подметила лёгкий испуг, мелькнувший в глазах человека. – Да ты не бойся: Арес – превосходный технарь; если кто-нибудь на «Олимпе» сможет по достоинству оценить твою работу, так это он... А пока он доберётся к твоему дому, расскажи мне, что вообще тебя сподвигло на это, как мне известно, преждевременное изобретение подобной машины...

- Надеюсь, что в твоём присутствии мне и моему дому ничего не угрожает от бога Ареса, - вздохнул Филиппос. – А что касается этого, - он бросил взгляд на свой прибор, - так здесь всё проще простого. Я уже сказал тебе, что в нашем деле главное – это правильно заданный вопрос...

- Всегда полагала, что искусство правильно заданного вопроса более относится к философии, нежели к технике, - задумчиво произнесла Артемида. – Но, прости мне этот комментарий, прошу тебя! Вырвалось...

- Ничего подобного, - не согласился человек. – Что у нас, мастеров, что у философов, правильность постановки вопроса решает половину дела... Психология, так сказать, в чистом виде!

- Интересно, откуда такие познания? – глаза доктора вновь округлились.

- Известно, откуда – от вас, богов! – без тени иронии ответил Филиппос. – Ты же знаешь теперь, что моя Зофия посещает занятия по семейной этике у бесподобной Гестии, твоей тётушки. Несколько раз и я с женой ходил, довелось с хранительницей семейного очага пообщаться...

- Понимаю, - с улыбкой кивнула доктор. – Продолжай, пожалуйста!

Филиппос хмыкнул:

- Итак, первое, о чём я спросил себя, когда мы с друзьями прослушали твою лекцию и разошлись по домам, это было совершенно абстрактное «Как работает этот удивительный механизм?» Любой дилетант, несомненно, ограничится подобной постановкой вопроса, поэтому – и в следствии этого – он никогда не получит на него единственно правильного ответа. Выводы же может делать только человек наблюдательный. Я же разложил свои наблюдения об этом, полученном от тебя предмете, на три категории: во-первых, этот механизм умеет воспроизводить звук. Во-вторых, чтобы его воспроизводить, его необходимо уметь принимать и сохранять, таким образом «во-первых» и «во-вторых» неразрывно связаны; это, кстати, подтверждается тем, что мы с друзьями неоднократно прослушивали твой голос заново: несколько раз твоя машина, под действием моего пальца, произносила одни и те же самые слова. В-третьих, что следует за второй категорией моего наблюдения, было умение этого механизма находить нужные слова – и снова из воспроизводить. Следовательно, если мне удастся решить вопрос принятия, сохранения и воспроизведения звука, то у меня будет аналогичная копия твоей говорящей диковинки... правда, как я уже говорил, на ладони она, увы, не поместится. Впрочем, если заняться делом вплотную, то со временем машину можно будет наверняка уменьшить... Тогда я смогу сохранять на ней лекции Гестии, спектакли Аполлона, музыку – и вообще, что угодно!

- Аид меня похитить, Филиппос, но Арес с ума сойдёт, когда выслушает тебя! – воскликнула доктор, всплеснув руками. – Ай да мастер!

Эллин, никак не отреагировав на похвалу «богини», тем временем продолжал:

- Я решил, что медный диск, который я равномерно вымазал древесным углём и пеплом, будет отличной дорожкой для сохранения звука, принять который на себя мне поможет обыкновенная швейная игла моей жены из того же металла. Над усилением воспроизводимого звука я вообще не ломал голову: достаточно было взять простую

духовую трубу – и ещё больше расширить её выходное отверстие, тогда как входное – мундштук – я сузил настолько, насколько было возможно. Мне очень пригодились мои познания в кузнечном ремесле, а равно и в деле чеканки; благодаря им я смог изготовить сам диск, сделать иглу тоньше и окончательно переделать музыкальный инструмент так, как мне то было необходимо. Я снабдил диск для вращения втулкой, поместив всё вышеупомянутое для удобства в ящик – и стал ломать голову над новой задачей.

Гораздо больше времени мне пришлось потратить на то, чтобы заставить эту втулку вращаться. Конечно, я мог бы приводить механизм действием вручную, однако это не устраивало меня по причине естественной неравномерности движения человеческой руки, получаемый входящий на диск звук был бы также неравномерным; соответственно, при его воспроизведении он передавал бы оригинал с ещё большими искажениями. Я решил пристальнее приглядеться к тому, что меня окружает, чтобы найти необходимый – упругий, пружинистый – предмет.

К моему великому счастью, долго размышлять над решением задачи не пришлось: взгляд мой упал на лук, с которым я уже несколько дней безуспешно ходил на охоту. Более естественной пружины, пожалуй, и не найдёшь... Только вот мне нужна была пружина, работающая не на сгибание, а на кручение, чтобы подсоединённая к этой пружине втулка вращала мой медный диск...

- Bravo! – захопала в ладоши доктор Артемида. – Арес может погладить меня по головке и дать конфетку: если не ошибаюсь, такие называются торсионными...

- Что?

- Ничего, ничего, рассказывай дальше! Так, мысли вслух...

- Мне пришло в голову, что я могу использовать силу сгибаемого лука, но применить её для вращения втулки следующим образом: для начала снять тетиву – и обмотать ею втулку так, чтобы сила на её кручение прилагалась тетивой в противоположные стороны. Добиться этого проще простого: ведь рога лука имеют привычку распрямляться до своей первоначальной формы. Чтобы это не происходило моментально, к самым концам этих рогов я прикрепил тяжёлые грузила: теперь они распрямлялись равномерно и в течение десятка секунд. Этого времени хватило на то, чтобы воспроизвести первые слова, произнесённые твоим голосом... Повторяю: впоследствии можно увеличить силу пружины и вес грузил – и механизм сможет произвести твою лекцию полностью! Дело времени – и всё, – закончил Филиппос.

- Почему ты выбрал именно мой голос для первой записи? – кокетливо поинтересовалась доктор. – Я, конечно, очень польщена... Но почему не свой, не жены, ни гимн какой-нибудь, в конце концов?

- Чтобы сделать тебе приятное и хоть как-то отплатить тебе за благодеяние: ведь теперь я не только мастер, но ещё и неплохой следопыт! – улыбнулся эллин.

- Я другого не понимаю, – задумчиво произнесла Артемида. – Техническая сторона твоего механизма безупречна. Но как ты понял, что диск необходимо покрыть пеплом?! Как ты догадался, что игла способна записывать и воспроизводить звук?!

Филиппос неожиданно стал хмуриться; его глазки забегали из стороны в сторону. Такое поведение свойственно человеку, который не знает, как выкрутиться из неприятного положения. Артемида неотрывно взирала ему в лицо.

- Что случилось, мастер?

- Да вот... Даже не знаю, как тебе сказать, уважаемая Артемида, – он, казалось, не находил себе места, переминаясь с ноги на ногу.

- Я – вовремя или что-то пропустил? – вдруг раздался за их спинами мужской голос.

Артемида и Филиппос обернулись на него, как по команде: в дверях, с хитренькой улыбочкой, стоял Арес. Он задержался у входа ещё на мгновение – и прошагал прямо к верстаку.

- Вот, посмотри! – воскликнула доктор Артемида, указывая рукой сперва на механизм, затем – на его конструктора. – Я же даром сказала, что у тебя появился ученик!

Улыбка на лице прибывшего стала ещё шире:

- Ладно, шапки, как говорится, прочь! – он приблизился к человеку и похлопал его по плечу. – Всё было замечательно, Филиппос! – а потом, подойдя к Артемиде, нежно обнял её. – С днём рождения, дорогая Артемида!

- Ничего не понимаю! – только и ответила та, видя, как Филиппос улыбается. – Вы, что – знакомы?! И с чего ты взял, что мой день рождения именно сегодня?! Честно говоря, за прошедшее время я и сама толком не помню, когда родилась...

- Да, мы знакомы, - ответил Арес, по примеру хозяина присаживаясь на верстак. – С того самого дня, когда ты дала ему своё полное собрание сочинений о методах охоты! И он – действительно мой ученик, в этом ты не ошиблась! После того, что мне здесь удалось увидеть и услышать, я даже задумался: а не отдать ли Филиппоса в театр к Аполлону?! Актёр из него, как я погляжу, ничуть не хуже, чем техник!.. Что касается твоего второго вопроса, то могу тебе ответить так: какая, в конце концов, разница? Нужно лишь одно: чтобы с тобой всё было замечательно! Чтобы ты трудилась и приносила пользу окружающим, а не паялилась на стену с надписью в твоём кабинете, тихо страдая... Чтобы ты радовалась! Ты должна быть счастлива, Артемида!

- Кому это нужно, Арес?

- Всем. Мне, Пилоту, Гестии, Деметре, Зевсу, всему «Олимпу», каждому существу во Вселенной! Не правда ли, Филиппос? – обратился он к хозяину принимавшего их дома; тот молча кивнул в ответ, не переставая улыбаться. – Ты нужна всем нам, коллега! И ты – наш друг! Все наши врачи сходятся на том, что тебя надо как можно больше занимать – и всё у тебя будет хорошо! Хватит наткаться на собственные преграды...

- Значит, во имя моего блага вы разыграли меня? – дошло до Артемиды. Она не знала, гневаться ли ей – или смеяться.

- Самую капельку, - Арес взял её за руку. – Филиппоса действительно заинтересовал твой диктофон; я случайно находился рядом, когда ты передала ему эту штуку. Я попросил его оказать мне услугу, которая, как утверждают наши почтенные эскулапы, поможет тебе поскорее справиться с собой...

- Итак, меня обвели вокруг пальца! – Артемида нашла в себе силу улыбнуться. – Что же, мне действительно полегчало... И день рожденья приплели ни к селу, ни к городу...

- «Обвели», дорогая, не совсем точное определение. Будь справедлива к Филиппосу: все части механизма он действительно изготовил собственными руками, мне пришлось ему лишь кое-что объяснить, увы, до конца не успел... Филиппос очень, очень способный мастер! – он внимательно посмотрел на женщину. – Артемида, ты не рада подарку? Нашему общему с ним подарку?

- Да, - вставил Филиппос, - мне рассказывали предки, да и сам я читал, что боги очень часто вступают в союз с людьми против других богов... Почему же они не могут этого сделать ради того, чтобы помочь своим богам-друзьям?!

- Ах, вот вы где? – раздался ещё один голос в дверях.

- Нет, это уже слишком! – Артемида даже не стала оглядываться, узнав в говорящем доктора Гермеса. – Похоже, сегодня весь «Олимп» соберётся в этой мастерской, чтобы поздравить меня с днём рождения!

- Именно! Поздравляю! – Гермес легонько коснулся губами щеки Артемиды. – Скоро и Аполлон сюда подтянется со своими музами...

Действительно, этим вечером здесь побывали все сотрудники и коллеги доктора Артемиды на Земле. Поздравляли её – и возвращались назад, чтобы в небольшом помещении не наступать друг другу на ноги.

«Странная же эта штука – жизнь, тем более – жизнь вечная! – думала доктор Артемида, принимая поздравления. – Выдумать мой день рождения, организовать подарок-шутку, договориться с человеком о помещении вне базы, незаметно приходить и незаметно удаляться... Разве бессмертные в этом не нуждаются?! То ли ещё будет!..»

Филиппос, для которого разговоры многих гостей представлялись совершенно непонятными, уловил только суть происходящего: сегодня – день рождения Артемиды, и по этому случаю друзья решили её разыграть.

- Интересный приём, - сказал он Аресу. – Вот уж никак не предполагал, что из любви к другу можно над ним посмеяться!

- Брось, - ответил тот, - это же прикольно! Конечно, шутить следует только по-доброму, например, как мы над Артемидой, иначе подобная забава не имеет смысла...

- Понимаю, - смыслённый эллин анализировал услышанное. – Что ж, тогда и я буду так прикалываться! У моей Зофии скоро день рождения – что ты мне посоветуешь, учитель? Как её разыграть, чтобы всем было весело?

- Ну, – «бог войны» задумался, - например, когда она будет вывешивать на улице бельё для просушки, выбегни из дома с вылупленными глазами – и скажи, что у неё молоко убежало! Вся соль в этом деле – в неожиданности и лёгкой абсурдности приготовленного сюрприза...

- Это – отличная мысль! – обрадовался Филиппос. – Надо будет запомнить... Я считаю, что подобные розыгрыши должны стать нормой для проведения любых праздников. Следом за Зофией я начну шутить с друзьями, они – станут проделывать то же самое со своими знакомыми... В мире станет больше смеха и веселья, а это – прямой путь к увеличению на земле благих дел, - философствовал мастер.

- Увы, не получится! – тут же отреагировал на его мечтания стоявший рядом с ними доктор Гермес. – Отдельные представители Эллады воспримут твоё нововведение, Филиппос, но повсеместным оно не станет. Вот почему я и сказал «увы»... Но ты не грусти, дружище, - добавил он, видя, что эллин после его слов опечалился. – Могу утешить тебя тем, что с приходом римской цивилизации твоя задумка станет настоящей традицией! Она приживётся, получит огромное признание, разойдётся практически по всем странам и народам – и просуществует, наверное, до тех пор, пока люди не разучатся смеяться...

- Ты верь Гермесу, - поддержал коллегу Арес, хлопнув по плечу своего ученика. – Он никогда не болтает попусту... Если что-нибудь сказал – значит, это событие обязательно свершится!

- Скажу больше, Филиппос: римляне, положим, не станут невинно разыгрывать своих друзей непосредственно в день их рождения, но введут специальный праздник, когда человеку будет можно – и нужно! – беззлобно обманывать своих близких и знакомых!

- Это мне нравится! – воскликнул эллин, от печали которого после гермесовой речи не осталось и следа. – Пусть хоть поколения потомков станут добрее своих пращуров!

- Ты не поверишь, но таким забавам человечество будет уделять целый день! – продолжал доктор Гермес. – Только представь себе: целый день на всей планете люди шутят и разыгрывают друг друга! Такого позитивного настроения многим будет хватать на год, до следующего праздника. А назовут его «Днём Смеха» или «Днём Дураков», как кому больше нравится...

- Ого! – Филиппос не удержался и захлопал в ладоши. – Это же надо: люди будут посвящать Смеху целый день! Кто бы мог подумать?

- Ты лучше подумай о том, как Артемида потащит отсюда твой подарок! – улыбнулся Арес, махнув рукой в сторону собранного эллином прибора. – Не просить же лошадку у твоего хозяина, чтобы доставить на Олимп этого далёкого предка первого на Земле фонографа? Или, - он хитро глянул на коллегу Гермеса, - мы попросим нашего друга контрабандно пронести его через время и пространство?

- Никаких проблем, - тут же согласился Гермес. – Мне это не составит никакого труда. Только бы Артемида была счастливой!..

Неразлучники-техники Фобос и Деймос, явившись одними из последних, торжественно вручили доктору Артемиде колчан стрел, расписанный умопомрачительными серебряными узорами.

- Поздравляем нашего чудесного биолога! – воскликнул Фобос, протягивая подарок виновнице нежданного праздника.

- Полностью присоединяюсь к поздравлениям братца! – отрапортовал Деймос, склоняясь перед раскрасневшейся Артемидой: столько добрых слов её ещё не приходилось выслушивать за всё своё бессмертие.

- Узор-то какой навороченный! – женщина с радостью приняла подношение коллег, любуясь подарком проказников-близнецов. Тем не менее, недоумённо спросила. – Но почему стрелы? У меня их и так сколько угодно...

- А ты дарёному коню в зубы не смотри! – нашёлся Фобос. – К тому же, дорогая Артемида, таких стрел у тебя точно нет, поверь нам на слово!

- Точно, Фобос! – поддакнул ему брат, доставая одну из них – изящный, сверкающий предмет, гораздо больше похожий на женское украшение, чем на смертельное оружие. – Зацени: точно рассчитанный вес, превосходное оперение...

- Серебряное покрытие, - вставил Деймос, - как и подобает лунной «богине»...

- ...а главное их достоинство, - продолжал Фобос, - они всегда бьют без промаха! О прекрасная Артемида, мы с братом впервые в истории разработали подобную самонаводящуюся конструкцию! Всё это – для тебя!

Он взмахнул приступил к описанию технической части подарка, но Деймос перебил его вновь:

- Это ещё что! Мы создали для тебя самый настоящий виртуальный тир: знаем, что ты равнодушна к компьютерным пострелушкам! – и протянул женщине маленький – в четверть ладони – плоский прибор четырёхугольной формы, переливавшийся всеми цветами радуги. – Ну, заходишь в программу, попадаешь в меню, устанавливаешь необходимые параметры... Всё, как обычно. В этом охотничьем симуляторе тебя ждёт увлекательнейшая одиночная кампания на ста сорока двух шикарных уровнях; а если надоест и захочется поиграть с друзьями, зови нас! Тебя ждёт умопомрачительный мультиплеер, включающий «дезматч», «захват флага», «убийство на время» и тому подобные нежности!

- Ты, вероятно, хотел сказать – няшности? – поправил его Фобос. – Ну и речь ты задвинул, даже мне любо-дорого было слушать! Как будто рекламный агент, расписывающий прелести своего товара... Не у Гермеса ли ты этому научился, братишка?

- Есть немного, - улыбнулся Деймос, исподтишка глянув на доктора Гермеса. – Словом, бери – и пользуйся на здоровье! Кстати, - он интригуяще перешёл на шёпот, - там есть несколько секретных уровней – с сюрпризом непосредственно для тебя...

- Ты, видимо, запомнил, дорогой, что я – профессиональный следопыт? – напомнила ему Артемида, с улыбкой принимая и этой подарок. – Спасибо вам, друзья мои! Обещаю, что обязательно найду их! Ведь, как вам известно, каждый охотник желает знать...

- ...где сидит фазан! – хором закончили Фобос и Деймос, обнимая доктора Артемиду.

- Уж не потому ли ваша игрушка так и переливается всем спектральным набором?

- Не подкалывай наших близнецов, Артемида! – усмехнулся Арес. – У них как раз со зрением всё в порядке, никакого дальтонизма!..

Импровизированный день рождения Артемиды продолжался. Не закончился он и завтра, и послезавтра. По крайней мере, таково было ощущение самой женщины. Кабинет её был почти до потолка забит различными подарками, полученными от коллег; из-за их обилия практически не просматривалась надпись на стене; и – вот чудо! – доктор почти совсем забыла о её присутствии! Аполлон, чтобы доставить милой «сестричке» удовольствие, переименовал свой театр в «Олимпийский» – и неизменно приглашал её на каждую из последующих премьер. Однажды он, придя в Зоологическую лабораторию ни свет ни заря, предложил ей роль в одном из его спектаклей.

- Аполлончик, милый, как же я тебе благодарна! – Артемида повисла у него на шее, не обращая внимания на коллег. – Ты же знаешь, что это всегда было моей заветной мечтой!

- А ты, дорогая, знаешь, что мечты имеют такое свойство – сбываться? – сказал ей доктор литературы. – Вот смотрю на тебя – и думаю: ну, пусть ты будешь играть не на самых высоких подмостках во Вселенной...

- Да какая разница?! – воскликнула биолог, всё ещё не отпуская друга. – Для меня главное – это тряхнуть стариной, которой у меня, по-хорошему, и не было... Наука затянула меня, а об актёрстве пришлось позабыть. Я даже сама не знаю, к лучшему это или нет...
- Как бы не случилось, ты – признанный всеми профессионал в своей области! – ответил Аполлон. – Однако, почему бы не попробовать и ту часть жизни, которая до сих пор оставалась в стороне? У тебя неплохие задатки, дорогая, я ничуть не беспокоюсь за твою игру на сцене, где ты столько раз мечтала оказаться!
- Ты считаешь, что время ещё не потеряно? – Артемида проницательно взглянула на собеседника, наконец, освобождая его от объятий. – Думаешь, что я смогу наверстать упущенное?
- Кто бы говорил! – широко улыбнулся доктор изящных искусств. – У тебя впереди целая Вечность, а ты о чём-то беспокоишься!
- Позади – тоже! – парировала Артемида, однако глаза её сияли. – Полагаешь, что мне стоит попробовать?
- Обязательно! Вспомни, что ты от отчаяния устроила в «Чертогах» Афины! Может, это был не лучший из твоих показательных номеров, но, поверь профессионалу, для актрисы ты выступила весьма недурно!
- Мне одновременно стыдно и весело лишь от одного воспоминания об этом, - улыбнулась женщина.⁷
- Сейчас я вижу в твоих глазах надежду, - Аполлон коснулся её щеки, поправил неровно сидящую в ухе серьгу. – Однако, готов отдать всё на свете, чтобы увидеть в них уверенность!..
- Дорогой, можно обнять тебя ещё раз? Впрочем, на дополнительные занятия в театре необходимо лишнее время – и где мне его достать?!
- Да хоть сотню, милая! А что касается твоей заботы, то вот, прошу взглянуть, - он показал ей миникомпьютер. – Личное распоряжение начальника базы о предоставлении тебе трёх часов ежедневно – с целью проведения твоих новых занятий в театре доктора Аполлона «Олимпийский»! Подпись и печать Зевса, как можешь убедиться, на месте.
- Но моя работа, дорогой! Мои исследования, мои эксперименты, мои отчёты, наконец! – Артемида прекратила чтение, поднимая глаза на собеседника. – Мне и так не хватает времени, а тут ещё три дополнительных часа!
- Ну, положим, вниманием и терпением ты тоже никогда не отличалась, - ответил Аполлон. – Если ты дочитала бы приказ до конца...
- Не отличалась?! – сверкнула глазами женщина. – Вниманием и терпением?! Не забывайся, Аполлон, что сейчас ты разговариваешь с самым лучшим следопытом и охотником – как минимум, в этой галактике!
- Дорогая, я не утверждаю этого с категоричностью глупца, просто внимание твоё, равно как и терпение, находят своё применение исключительно в профессиональных плоскостях! Ну, не обижайся, пусть плоскости будут сферами, - усмехнулся он собственной шутке. – Но, если ты дочитала бы приказ до конца, у тебя не осталось бы вопросов относительно распределения времени в связи с новыми артистическими занятиями, - Аполлон вновь перевёл взгляд на компьютер. – Так, где мы остановились?.. Ага, вот: «...новых занятий в театре доктора Аполлона «Олимпийский». В связи необходимостью замены доктора Артемиды на другого сотрудника...»... Это немного не то... Нашёл! Слушай: «Время, отведённое доктору Артемиде настоящим приказом для занятий на новом месте, таким образом, необходимо вычесть из её постоянного рабочего графика в Зоологической лаборатории, куда новый приказ руководства не отменит только что введённого». Ну, убедилась, что не всё твоё внимание и терпение всегда направлено в нужное русло? Доктор Артемида на мгновение потупила взгляд:

⁷ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- И почему ты всегда прав, Аполлон?

Но тут же он вновь загорелся:

- Это же замечательно! Если я смогу проводить на репетициях по три часа ежедневно, что это мгновенно вернёт мне необходимую форму! Правда, меня очень интересует, кто будет назначен моим заместителем на время моего отсутствия?

- В приказе это также оговорено: на твоё личное усмотрение, - доктор Аполлон, спрятал миникомпьютер. – Зевс разумно полагает – и я полностью с ним солидарен – что именно ты сможешь назначить достойного заместителя из числа собственных подчинённых, поскольку хорошо знакома персонально с каждым из них... Так что не стоит тянуть: сейчас я вернусь к себе на «факультет», а ты собери коллег – и объяви им о распоряжении руководства; соответственно, назначь себе замену на неопределённое время... Ну и, естественно, я жду тебя в любое время в театре, дорогая! – закончил он, безболезненно щёлкнув Артемиду указательным пальцем по хорошенькому носику.

И дни потекли за днями; Артемида, по воле профессора Зевса незаметно изменившаяся – не полностью, конечно! – из учёного в актрису, по-новому раскрылась как себе, так и другим. От ежедневного посещения театра преследовавшие её ранее кошмары прекратились; доктор, разобрав гору подарков, отчего надпись на стене вновь оказалась открытой взору, ныне уделяла ей гораздо меньше внимания, нежели такое случалось с ней раньше. Иногда её взгляд задерживался на выведенных киноварью словах и цифрах, но это было во время работы или репетиций, когда поглощённая Наукой или Искусством женщина даже не отдавала себе отчёта в том, на что устремлены органы зрения.

Фобос и Деймос, подарившие ей замечательную игрушку, неоднократно интересовались, каких успехов достигла Артемида, на каком уровне находится и не надо ли составить ей компанию.

- Нет, мальчики, благодарю! – честно отвечала биолог. – Не поверите, но у меня совершенно нет времени на эту игру!

- Не поверим! – отвечали те в один голос. – Неужели тебе не понравилось? Графика, что ли, подкачала? Или единиц оружия маловато? Да ты не стесняйся, только скажи – и мы всё подтянем, пальчики оближешь! А когда дойдёшь до секретных уровней...

Да, лишь ради этого доктор Артемида и пробовала играть, на что убила несколько выходных своего бессмертия... Как же замечательно, что в её положении не надо было думать о потерянном времени; сожаления вызывало только ощущение физической усталости. Впрочем, декларированные техниками секретные уровни игры порадовали доктора: на одном из них она обнаружила великолепные оды в свою честь, на другом – удивительную музыкальную композицию, на третьем – бесподобно написанную картину...

- Ну, и как? – вновь спрашивали её близнецы-хитрецы, когда она пришла к ним с благодарностью за подарок.

- Здорово! – без лишнего лукавства ответила Артемида. – Огромное спасибо за секретные уровни; я, правда, получила большое удовольствие!

- А то! – братья задорно перемигивались. – Мы старались изо всех сил!

- У вас получилось! Только сдаётся мне, что не вы одни приложили руку к возникновению этого замечательного охотничьего тренажёра, - она подозрительно погрозила им изящным пальчиком. – Откуда вы взяли стихотворения, картины, музыку? Не сами же написали?

- Конечно, - ничуть не стыдясь, техники перевели стрелки на доктора Аполлона. – Это он отбирал лучшее на всём своём «факультете»! Даже конкурс устроил среди композиторов, поэтов и художников: призовое место за лучшую работу, посвящённую Артемиде! Так-то...

- Так вы и людей подключили к моему спасению?! – схватилась за голову биолог.

- Не беспокойся, они ничего о твоей преграде не знают! Просто мы решили сделать тебе приятное вместе с ними, вот и всё! Арес скооперировался с Филиппосом, мы – через Аполлона – с другими; остальные «олимпийцы» – с третьими... Просто хотели показать тебе, что ты нужна всем, Артемида! Умная, красивая, уверенная, заботливая, трудолюбивая – без каких-либо преград!

Но больше всего новоявленную актрису занимали предписанные профессором Зевсом (несомненно, по настоянию докторов Гестии, Гермеса и нетрадиционалиста Гипноса) занятия у Аполлона. Счастливая, она ежедневно прилетала туда, будто на крыльях; окрылённая, упархивала после них на Олимп. Артемида «разминалась» на небольших программах, многие из которых были моноспектаклями; Аполлон почему-то особенно настаивал на них, почти не давая ей даже второстепенных ролей в постановках, которые ставил со своими студентами. Когда женщина указывала ему на это, режиссёр всея Вселенной неизменно отвечал:

- Тебе необходимо многому научиться, милая сестрёнка! В массовках я не смогу уделять тебе столько внимания, сколько твоё обучение заслуживает! Пойми, это же разные вещи: либо я провожу занятия только с тобой, либо – с целым коллективом... Хорошо ещё, что мне частенько ассистирует вездесущая Мельпомена, иначе я вообще не справлялся бы с театром!

Доктору Артемиде это казалось вполне убедительным – и счастья не лишало; однако, иногда ей чудилось, что Аполлон по каким-то причинам сознательно не допускает её к «большой игре».

- Не переживай, Артемида! – говорили ей коллеги по сценическому мастерству, но не «боги», а люди. – Твоей вины в том нет. Всё дело не в том, что ты – новенькая, и Аполлон не доверяет тебе, а в том, что женщинам вообще не позволено играть на сцене...

- Идиотские правила! – негодовала Артемида. – И какому дураку такое могло прийти в башку?!

Эллины опускали голову, чтобы ей не было заметно их попыток сдержать смех.

- Да ладно, - говорил кто-нибудь из них, когда приступ хохота оставлял их в покое. – Главное в том, что невзирая ни на какие правила, Аполлон принял тебя в театр и занимается твоим обучением. Оглядишься вокруг – и скажи: видишь ли ты хоть ещё одну женщину в актёрском шатре?! Разумеется, кроме наставницы и ассистента Мельпомены...

- Нет, - соглашалась доктор.

- Вот! У поэтов – да, у художников – да, у музыкантов – да, но у нас – ни одной, кроме тебя! Значит, это о чём-то говорит, если Аполлон всё-таки сделал для тебя исключение из правил!

- Но ведь я – «богиня»! – из последних сил сопротивлялась Артемида, по забывчивости применившая запретное для создателей оружие: никогда не подчёркивать перед людьми свою «божественность». Подобное поведение резко осуждалось «Инструкцией» и грозило нарушителю определёнными санкциями, однако случившееся с Артемидой можно было трактовать как «непонимание содеянного в результате раздвоения личности».

Правда, актёры, ничего и слыхом не слыхавшие ни о каких «Инструкциях» и вытекающих по причине игнорирования их предписаний последствиях, и без того были не лыком шиты.

- Ну и что с того? – хором удивлялись её собеседники. – Всё равно женщина! Ну, скажи на милость, неужели в мире не существует бездарных в чём-либо богинь?!

- Не знаю, не задумывалась... Не видела, - вновь обрела былую осторожность Артемида.

- Мы тоже. Однако, позволь нам рассуждать теоретически... скажем, с большой долей вероятности... Элементарная комбинаторика, как говорит наш любимый Геракл! Но, так или иначе, раз уж ты оказалась среди нас вопреки всем правилам, то, несомненно, ты – избранная!

Доктора рассмешили рассуждения коллег по цеху о бездарных «богинях», что те, в свою очередь, приняли за хороший знак: раз Артемида смеётся – значит, она успокоилась и неприятных вопросов больше не будет.

Время шло, а доктор продолжала заниматься моноспектаклями под бдительным надзором Аполлона и Мельпомены. Ей было несказанно хорошо, когда, наконец, режиссёр признал её успехи весьма похвальными – и неожиданно пригласил на общую репетицию.

- Дорогая, ты освоила себя, - загадочно улыбнулся Аполлон, глядя ученицу по волосам. – Теперь тебе предстоит узнать, что такое командная работа!

- Я так этого ждала! – воскликнула счастливая Артемида, непроизвольно склоняясь в глубоком реверансе перед наставником. – Когда же, Аполлон, когда?!

- Да прямо сейчас! – ответил тот, указывая рукой на сцену, где её ожидали другие актёры.

- А кого я буду играть? – женщина являла собой воплощение нетерпения. – Где моя роль?

- Подожди, дорогая, сейчас тебе всё объяснят, и текст выдадут...

Это был очень странный спектакль; вернее, спектакль намечался по странному сценарию. Артемиде – вот это да! – досталась главная роль; ей предстояло играть героиню, путешествующую по различным звёздным системам в поисках возлюбленного. Да, именно так и значилось в сценарии: «по различным звёздным системам».

- Неужели подобная терминология понятна нашим актёрам? – удивлялась она.

- Ты не о них думай, актёры-то у меня вышколенные! – успокаивал её Аполлон. – Внимательно изучи свою роль, чтобы, хоть ночью тебя подними – и ты ответила бы по ней с любого места и без запинки!

- Хорошо, Маэстро! – ответила женщина, всходя на подмости...

Когда роль была вызубрена Артемидой настолько, что слова буквально отскакивали от её губ, а движения стали автоматическими, Аполлон объявил, что завтра у неё – генеральная репетиция.

- И нигде никаких афиш о спектакле с моим участием?! – изумилась доктор.

- Не переживай, дорогая моя! – спокойно ответил ей наставник. – Просто иди к себе – и жди!

С этим непонятным напутствием, до сих пор звеневшим в её ушах, Артемида поднялась на базу – и прошла в свои апартаменты. Продолжая размышлять над словами коллеги, она села в кресло за рабочий стол; глаза немедленно зацепились за выведенные на стене её же рукой слова:

ЧИТАЙ ЭТО – И РАДУЙСЯ!

Она опустила веки...

- Не помешаю? – услышала женщина сквозь шум распахнувшихся дверей.

- Входи, Пилот! – пригласила Артемида. – Ты уже не стучишь при входе?

- Стучать надо тебе, дружище! – таинственно ответил тот, становясь перед нею. – И, как говорит о том международная примета землян, желательно, стучать по дереву. Трёх раз, полагаю, будет достаточно... Собирайся, красавица, тебе пора на генеральную репетицию! Кажется, я оставил тебя без подарка на твой день рождения? Так вот, оно – продолжается! И будет продолжаться постоянно, дорогая!..

- Что за шутки? – Артемида открыла глаза и поднялась.

- Разве я шучу? – доктор Гермес извлёк из складок своего гиматия миникомпьютер, положив его на стол перед другом. – Завтра у тебя генеральная репетиция, причём, очень далеко от Земли. Послезавтра – ты снимаешься в кино...

- Что?!

Доктор Артемида схватила в руки миникомпьютер. С экрана на неё смотрел улыбающийся академик Крон; за спиной его были видны лица членов Совета Вселенского Научного Конгресса, видимо, они отвлеклись от дел именно для того, чтобы выйти с нею на прямую связь.

- Доктор Артемида, - произнёс он. – Сердечно благодарю вас за приглашение на премьеру фильма с вашим участием! Не сомневаюсь, что многие из коллег, - он указал рукой на сидящих за ним, - непременно присоединятся ко мне! До скорой встречи – и всех вам благ! Экран погас: академик всегда был лаконичен. Ничего не понимающая Артемида едва не выронила компьютер:

- Что здесь происходит, Гермес?! – только и смогла произнести женщина.

- Я же сказал, это – мой небольшой тебе подарок! – Гермес обнял её. – С днём рождения, Артемида! Вернее, это не только мой подарок, над ним трудился весь «Олимп»! Кое-что организовали мы с Зевсом, кое в чём – помогли другие...

- Я?! Буду?! Сниматься?! В кино?! – биолог до сих пор не могла прийти в себя.

- Конечно! Неужели ты опасаясь, что после слов Крона я скажу тебе: «Поздравляю с Днём Смеха»?! Ладно, объясню всё по порядку... Разве ты думаешь, что Зевс определил тебя в театр просто так?! Что Аполлон дрессировал тебя на сцене, а потом предоставил роль, не очень-то годящуюся для спектакля в условиях Земли?! Что я от твоего имени сделал приглашение Крону и Совету?! Всё очень просто, дорогая: вскоре ты станешь настоящей звездой! Тебя увидит любой бессмертный! К съёмкам ты подготовлена идеально, потому собирайся: мы прямо сейчас – на целый месяц! – отправляемся домой! Так что мечта твоя – сбылась! Поздравляю!

Услышанное потрясло Артемиду. Она подошла к стене, долго вглядывалась в написанное; потом, взяв со стола сосуд с киноварью, замазала на ней текст, кроме двух слов:

АРТЕМИДА,
РАДУЙСЯ!

Женщина внезапно почувствовала бесконечную свободу, потому что преграда рухнула, а стену вполне можно было отремонтировать и после возвращения на Землю. Больше она не боялась той, «другой себя», потому что та, «другая», только что прекратила существовать. Мгновением спустя Артемида беззвучно бросилась Гермесу на шею. Из-за его головы она хоть и видела краем глаза одно-единственное слово, но даже не хотела его читать – отныне она могла только радоваться.

«МОЛОТ ГЕФЕСТОВ»

*...Загорелась Земля-великаниша
От несказанной жары и, как олово, плавиться стала –
В тигле широком умело нагретое юношей ловким
Так же совсем и железо — крепчайшее между металлов, –
В горных долинах лесистых огнём укрощённое жарким,
Плавится в почве священной под ловкой рукою Гефеста...
Гесиод, «Теогония», 861-866*

*...Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлокою славным ремёслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
Ныне ж без многих трудов, обучённые всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.
Милостив будь, о Гефест! Поддай добродетель и счастье!
Гомеровы гимны, «К Гефесту», 1-8*

Увы, доктору Гермесу – со своей прелестной и бесконечно счастливой спутницей доктором Артемидой – не было суждено отправиться домой «прямо сейчас», как он предполагал это сделать: возле Сектора Центрального телепортера царил настоящий хаос. Фобос и Деймос с помощниками, в поту и в трудах, занимались разгрузкой прибывшего для нужд базы нового оборудования; Гермес понял, что им с Артемидой придётся повременить с отъездом.

- Ребята, это у вас надолго? – с опаской спросила биолог, обращаясь к технической команде.

– У нас специальное задание Совета, а вы тут в чурики играете!

- Аид его знает! – прямолинейно ответил Деймос, пронося мимо неё какой-то металлический контейнер.

- Не пори горячку! – осадил его следовавший за ним с подобным контейнером Фобос. – Ничего об этом Аид не знает вообще, поскольку среди прибывшей аппаратуры для базы «Тартар» не предназначено ни единой посылки!

- Почему бы вам не воспользоваться левитатором? – усмехнулся Гермес. – Уверяю, эта штука экономит вам – а тем самым, и нам – массу времени...

- Совет хорош, Пилот, но мы решили не сидеть сиднем в лаборатории, а немного поразмяться, - ответил Деймос. – Соблюдение физической культуры никогда ещё не вредило ни единственному телу во Вселенной!

- Культура... Тоже мне, культуристы!.. – покачал головой доктор Гермес. – Ладно, мы можем подождать... Верно, Артемида? – и он отошёл к передвижному аппарату, предлагающему на выбор любой фруктовый сок. Взял два стаканчика цитрусовых – для себя и спутницы – и вернулся на площадку ожидания.

Доктор Артемида присела в одно из кресел, полукругом расположенных возле камеры Центрального телепортера, вокруг которого, нагруженные ящиками, сновали сотрудники технического персонала. В этот момент автоматические двери помещения распахнулись – и в зал вошёл доктор Гефест. При его появлении работа прекратилась, как по мановению

волшебной палочки: отряд техников, как по команде, побросал свою ношу – и почтительно замер перед вошедшим едва ли не по стойке «смирно».

- Король олигархов сердечно приветствует короля конструкторов! – звучно обратился Гермес к коллеге, раскрывая объятия навстречу Гефесту.

Тот широко улыбнулся – и ускорил шаг по направлению к Гермесу и Артемиде, которая, также поднявшись с кресла при виде вошедшего, с улыбкой протянула ему руку.

- Хайре, Пилот! Всё ещё носишься с поручениями, старый мошенник?!

Они долго обнимались, хлопая друг друга по плечам; высокие своды Сектора неоднократно отразили эти хлопки громким эхом от расписанных фресками стен помещения. После доктор Гефест церемонно поцеловал ручку биологу, и вся троица расположилась в креслах для краткого обмена информацией. Техники, получив от начальства лёгкий кивок, снова принялись за работу.

- Ну, рассказывай, дружище: что занесло тебя к нам, на «Олимп»? – спросил доктор Гермес.

– Давай уж, колись...

- Нет, дорогой, лучше сначала ты! – ответил доктор Гефест, улыбаясь женщине. – Вот какая нужда занесла в Сектор телепортации тебя, раз ты имеешь благословение начальства перемещаться как угодно и куда угодно? Или ты путешествуешь не один, а с потрясающей доктором Артемидой?

- Угадал, дружище! Ладно, раскрою тебе наш маленький секрет: мы с Артемидой отправляемся в наш Голливуд...

- Куда, куда?! – не понял доктор Гефест.

- Ну, то есть на родину: Артемида едет сниматься в кино; я лишь доставлю её, обо всём договорюсь на съёмочной площадке – и сразу назад...

- Сниматься в кино?! – доктор Гефест ещё раз поцеловал руку биолога с непередаваемой галантностью. – Поздравляю тебя, дорогая Артемида! Буду счастлив увидеть картину с твоим участием!

Женщина зарделась:

- Спасибо, Гефест! Заранее приглашаю тебя на премьеру – и, по возможности, постараюсь застолбить за тобой местечко в первом ряду!

- В первом ряду будет Крон с членами Совета, - напомнил ей мастер на все руки. – Впрочем, и мы с Гефестом никуда не денемся, если я достану билеты для особо важных персон... А я их обязательно достану!

- Кто бы сомневался? – улыбнулась доктор Артемида. – Так что ты всё-таки забыл на «Олимпе», Гефест?

- Действительно, коллега, ты совсем заболтал меня, и я позабыл о собственном вопросе, - поддакнул женщине доктор медицины. – Выражаясь твоими словами, какая нужда занесла тебя на наш «Олимп»?

- На ваш «Олимп»?! – глаза Гефеста округлились. – С сегодняшнего дня он такой же мой, как и ваш! – и с улыбкой поглядел на собеседников, ожидая их реакции.

Доктор Артемида от неожиданности даже всплеснула руками, а Гермес молча сканировал лицо друга.

- Неужели тебя прислали для командования этой шайкой проказников?! – смеясь, Артемида указала пальцем на возящуюся в Секторе группу технической поддержки базы.

- погоди, не понял, - он демонстративно потрогал доктора Гефеста за запястье, коснулся его лба. – Пульс вроде бы нормальный, да и с температурой никаких неполадок... Дружище, ау! – он шутливо помахал пальцами перед глазами коллеги.

- Да нет тут ничего непонятного, всё как на ладони! – ухмыльнулся Гефест. – Меня удивляет другое, Пилот: ты, специальный представитель пресс-службы МАИ – и ничего об этом не знаешь?! Понимаешь ли ты, что подобное незнание текущих событий – твой личный провал: и как всеведущего существа, и как журналиста-оперативника!

- Каких ещё текущих событий? – поинтересовался доктор медицины, пропустив мимо ушей замечание друга касательно его, гермесова, краха. – Я, по указанию руководства, решал

дела с Артемидой. На разговор с ней у меня ушло минут десять; минут десять после этого она приходила в себя – и ещё минут сорок собирала необходимые в дорогу вещи... Итого: в отрыве от всех новостей Вселенной я провёл около стандартного земного часа... Что же случилось в мире, пока я был занят делами – и о чём ты осведомлён гораздо больше меня, Гефест?!

- Случилось, дорогой мой! И тоже по указанию руководства, - доктор ядерной физики закатил глаза к потолку. – Пока ты с будущей кинозвездой готовился в путь, Зевс, Посейдон и Аид, по своему обыкновению, проводили время на секретном совещании в так полубившейся всем смертным и бессмертным таверне «У Гелиоса». Там же, неподалёку от них, крутились вот эти ребята, - он указал глазами на Фобоса и Деймоса, - которые тут же и передали мне суть их беседы по закрытому каналу связи. Сводилась она к следующему: чтобы сотрудники технического персонала не особо привыкали – каждый к своей базе и обязанностям на ней – и не теряли хватку для универсальных работ, трое наших старших мудрецов решили произвести их ротацию на неопределённое время. Поясню подробнее: Тритон, постоянно работавший в глубоководных условиях, указом руководства отныне перемещён с «Океана» на «Тартар»; Гидра, соответственно – в обратном порядке; а меня приписали к «Олимпу», который отныне – моя резиденция. Я и сюда-то явился лишь после того, как осмотрел свои новые апартаменты – и состояние лаборатории Фобоса и Деймоса, которые вместо меня отправляются на «Тартар»... Устал немного, - Гефест умолк, закрыв лицо руками.

- Вот так чудеса! – вновь всплеснула руками доктор Артемида. – Поздравляю с новосельем!

- Решение неплохое, - согласился Гермес. – Нечего привыкать к одному месту, обслуживая одни и те же агрегаты... Добро пожаловать на Олимп, Гефест! – он протянул коллеге ладонь, по которой тот задорно хлопнул в ответ. – К тому же эллинские баснописцы тебя всё равно запишут в число «олимпийских богов», поэтому беспокоиться не о чем... Чего ты смеёшься, дружище? – добавил он, увидев, как плечи Гефеста легонько сотрясаются.

- Да вспомнил, как Фобос и Деймос описывали дикую перепалку начальства из-за моей персоны! – Гефест подавил смех. – Когда Зевс, Аид и Посейдон поделили между собой моих коллег, вопрос стал непосредственно обо мне. Поймите, друзья, - доктор ядерной физики стыдливо поглядел себе под ноги, - я не хвастаюсь, а просто рассказываю... В общем, Зевс сказал Аиду, мол, отдавай-ка мне Гефеста! Тот даже и слушать не хотел: да катись ты сам, отвечает Зевсу, в Тартар! Гефест – уникальный специалист, выдающийся конструктор, обладающий одновременно и научным, и техническим образованием; таких, дескать, даже среди бессмертных – раз, два и обчёлся... Гидра, говорит, только техник; Тритон – тоже; да и Фобос с Деймосом такие же. Каждый из них – в той или иной степени – ученики Гефеста! А вот сам Гефест... Словом, сцепились из-за меня не на шутку! Посейдон тоже свои права на меня взялся отстаивать. Умора, да и только! Пришлось Зевсу прямо из таверны прямую связь с Советом затребовать, чтобы помогли их троице технарей поделить; а те, вместе с Кроном, решили спор в пользу Зевса...

- Он не так уж и неправ, - задумчиво прокомментировал услышанное Гермес.

- Кто? Крон?

- Аид. Если мне не изменяет память, специальное и универсальное техническое образование, сочетаемое с научным, среди сотрудников всех трёх баз Земли имеют только двое – ты и Зевс. Потому и говорю, что Аид не так уж и неправ...

Тем временем техники под руководством Фобоса и Деймоса завершили свои нелёгкие труды, очистив Центральный телепортер и зал от нагромождения прибывших для работы материалов. Поговорив ещё немного, друзья попрощались – и Гермес с Артемидой скрылись за дверьми Центрального телепортера.

- До скорой встречи, дорогие! Всех вам благ! – доктор Гефест послал им вдогонку воздушный поцелуй – и направился в Техническую лабораторию.

Склонный к философским размышлениям, доктор Гефест, как сообщалось о нём ранее, был категорическим противником всего, что убивает. Некогда это являлось необходимым, но

теперь... Когда – ещё много-много эонов назад – некоторые межгалактические оружейные концерны, пользуясь разработками конструктора, под давлением Совета и Конгресса Вселенского Пацифизма объявили мораторий на производство тех или иных видов новейшего вооружения, доктор не мог не приветствовать это новое веяние, получившее со временем в свои ряды всё больше и больше сторонников. По его глубокому убеждению, лишь объединённое устремление технического прогресса и моральных ценностей на благо Бытия позволяло создавать новую эпоху – Мира без войн – наступление которой предсказывали и ожидали не только бессмертные аналитики, но и здравомыслящие существа, находящиеся на различных уровнях развития, из любого уголка Вселенной. Бывший создатель разнообразного оружия отметил это своим вступлением в Трансгалактический Блок Спасителей Мира, членство в котором проходило под девизом «Оружие – опора слабых!». Его решение так повлияло на представителей многих оружейных корпораций, что часть их владельцев или совладельцев, на кого авторитет изобретателя оказывал влияние, немедленно подали заявления об отставке – и не менее успешно попробовали себя на более мирных службах. Та же тенденция просматривалась и в рядах Вооружённых Сил: даже среди любителей побряцать оружием нашлось немало персон, безмерно уважающих решение Главного Мастера. Впрочем, «покаявшийся дизайнер разрушения», как он иногда мысленно именовал себя, вступлением в Блок Спасителей Мира не ограничился: доктор старался проявить себя всюду, где его появление могло способствовать укреплению дела мира во всём Мире.

Несмотря на очевидную предрасположенность к серьёзным рассуждениям, доктор Гефест отличался неутомимым чувством юмора; видимо, в том сказывалось его универсальное техническое образование, поскольку всем было известно: техники обладают подобным атрибутом в гораздо большей форме (частенько, на примере других небезызвестных вселенских техников – даже ненормированной!), нежели жрецы Науки. Когда в некоторых звёздных системах стартовало Общественное Движение Естественной Красоты, получившее довольно массовую поддержку и мгновенно распространившееся по необъятным просторам Вселенной, доктор Гефест, не мудрствуя лукаво, тотчас присоединился и к нему – а именно в тот его сектор, который пропагандировал великолепие отсутствия волосяного покрова на голове. Неудивительно, ведь доктор Гефест, при своей окладистой и пышной бороде, был абсолютно лыс! Поэтому он считал своё нахождение в Обществе, выступавшего под девизом «Лысина прекрасна!», вполне закономерным и логичным. Достаточно сказать, что он также являлся почётным членом или активным сторонником многих других обществ, союзов или альянсов, целью которых, в конечном итоге, было сплочение различных рас или создаваемых миров на основе взаимопонимания, взаимопомощи – и, естественно, решения межгалактических конфликтов без применения оружия.

После того, как доктор обжился на базе «Олимп» и приступил к исполнению ежедневных обязанностей, которые практически ничем не отличались от его занятий по обслуживанию технической части комплекса «Тартара» и кое-каких срочных поручений руководства, он, наконец, решил поближе познакомиться с людьми, о которых уже слышал множество забавных историй, включая рассказы собственных учеников. Однако, стоило ему как следует подготовиться к первому контакту – для чего он решил посетить очередной спектакль коллеги Аполлона, чтобы непринуждённо пообщаться с людьми на нейтральной территории – как внезапно был вызван профессором Зевсом по не терпящему отлагательств делу.

Войдя в апартаменты начальника базы, доктор Гефест, помимо самого профессора, обнаружил там ещё одного коллегу – доктора генетики Эрота, нетерпеливо расхаживающего по кабинету. Увидев вошедшего, ожидающие его прихода учёные тут же приступили к изложению материала, с которым Гефесту было необходимо познакомиться для дальнейших действий.

- Садитесь, дорогой Гефест! – пригласил его профессор, указывая на кресло. – Мы побеспокоили вас по весьма важному, чрезвычайному обстоятельству, которое носит крайне угрожающий характер для всех нас в целом, равно как и для эксперимента «Проект «Земля»» в частности...

- Короче говоря, мы крупно влипли! – не выдержал доктор Эрот, наливая себе чего-то из амфоры на рабочем столе хозяина. – К планете приближается астероид, а времени на то, чтобы организовать ему достойный приём, катастрофически не хватает...

- Так в чём проблема? – Гефест поочерёдно посмотрел на обоих собеседников. – Вот ещё, приём они для него задумали! Разве вы не в курсе, коллеги, как поступают приличные хозяева с незваными гостями? Давайте хлопнем его ещё на подлёте – или отклоним его направление от Земли... В конце концов, мы всегда можем отмотать ленту времени до необходимого нам участка – и сделать всё, что требуется!

- Вот потому мы и позвали вас, Гефест, – Эрот торжественно вытянул руку с бокалом в его направлении. – Кроме нас троих, об этом пока ещё никто не знает... Если получится, мы сможем сохранить информацию об угрозе в тайне, чтобы не пугать понапрасну коллег...

- Откуда сведения? – резонно осведомился доктор, садясь в кресло и закидывая ногу на ногу.

- Вот, полюбопытствуйте, – профессор Зевс протянул ему миникомпьютер. – Эти показания мы только что получили с датчиков слежения за небесными объектами, которыми усеяна не только вся Солнечная Система, но и обозримый космос вообще. Вернее, получил их коллега Эрот: данные со станций слежения пришли на его компьютер...

- По чистейшему совпадению обстоятельств, – продолжил доктор Эрот за профессора. – Иногда я имею обыкновение просматривать космические сводки... Честное слово, я вовсе не придал бы никакого значения какому-то астероиду, если бы программа слежения не отправила мне координаты точного места падения этой небесной дряни: представляете, она намерена грохнуться аккурат в центре моего острова!

- Хорошее обыкновение! – улыбнулся доктор Гефест, но тут же лицо его вновь приняло серьёзное выражение. – Итак, господа, имею сообщить вам, что, если мы хотим выжить и сохранить планету, то действовать следует немедленно! Согласно вычислениям, диаметр астероида превышает сто двадцать четыре километра и появился этот гость из Галактики Андромеды... Если мы не собираемся отматывать ленту Времени, тогда – за работу!.. Кстати, что ещё за остров такой? – вдруг вспомнил доктор Гефест, внимательно глядя на доктора Эрота. – В чём его ценность для вас лично?

- Дело в том, – объяснил за коллегу инженер Зевс, – что на этом острове расположена закрытая Лаборатория генетики, где доктор Эрот занимается важными исследованиями на предмет мутаций высокоразвитых организмов. Потеря подобного комплекса и связанных с исследованиями доктора материалов была бы чрезвычайно серьёзна; как руководитель, я смею утверждать, что это стало бы для проекта фактически непоправимым дисбалансом!

- Понятно, – доктор погладил бороду. – Значит, мой замечательный Аскалаф вновь проспал вахту...

- Да, доктор! И самое ужасное, повторяю, в том, что, судя по траектории, этот проклятый астероид намеревается постучаться прямо в мою лабораторию на Атлантиде! – сокрушённо произнёс генетик. – Это же надо, какое несчастье! Сколько незаконченных опытов, – он потёр глаза и печально добавил. – А я только-только с атлантами начал экспериментировать... Словом, как только я узнал ознакомился со сводкой по дальнему космосу, сразу прибыл на «Олимп» – и поставил в известность начальство... Не судите меня за кажущийся эгоизм, коллеги... – и доктор приглушённо забормотал что-то о вторично применённом им вирусе, милых ящерицах и продлении жизни образца под номером шестьсот шестьдесят шесть.

- Нам следует незамедлительно связаться с «Тартаром» и потребовать помощи Фобоса и Деймоса, которых вы недавно сослали туда вместо меня, – улыбнулся конструктор, обращаясь к руководителю базы. – Мои парни разнесут угрожающий нам астероид задолго

до его появления в Солнечной Системе... Ведь, насколько я понимаю, на «Олимпе» даже не имеется пригодного для решения подобных задач оборудования...

- Вот ещё! – фыркнул профессор Зевс, закладывая руки за спину. – Дорогой мой, сделав запрос о помощи на «Тартар», мы получим именно то, чего всеми силами стараемся избежать: всеобщей огласки случившегося и... скажем, не паники, но в любом случае – излишнего беспокойства занятого в «Проекте «Земля»» персонала. Будем решать задачу собственными силами...

- Интересно, каким же образом? – усмехнулся доктор Гефест, поднимаясь с кресла. – Или у вас в закромах есть нечто, о чём мы не подозреваем? Фобос и Деймос утащили с собой на «Тартар» всю оборонную «технику»; я, во всяком случае, не нашёл в лаборатории ничего стоящего...

Профессор хитро улыбнулся, взгляд его забегал:

- Как вам сказать, друзья... Вы же знаете о моём хобби: коллекционировать старинную, целые эпохи назад выведенную из производства и употребления технику... Полагаю, что кое-что из арсенала моего персонального музея можно использовать, не особо привлекая к тому внимания остальных...

Его собеседники – с надеждой и немым вопросом в глазах – взирали на профессора, ожидая продолжения столь окольных и витиеватых речей; доктор Эрот, сложив руки на груди, так и поедал его собственными органами зрения.

- Мы можем противопоставить астероиду одну из моих любимых штучек: старинную модель стандартного армейского гиперболоида, которая, несмотря на свой возраст, находится в прекрасном состоянии! – Зевс горделиво тряхнул головой и поднял кверху указательный палец. – Почему, спросите вы? Извольте, отвечу: да потому, что я неизменно и весьма тщательно присматриваю за экспонатами своей коллекции, содержа артефакты в полном порядке – и никому не позволяю касаться их даже пальцем! Сама профессор Горгона учила меня, как обращаться с музейным раритетом, – и он вновь гордо тряхнул головой.

- Профессор, дорогой, простите, но вынужден перебить вас: сейчас не время для самолюбования!!! – воскликнул доктор Эрот. – Не кажется ли вам, что нам следует как можно скорее приступить к реализации вашего плана?!

Начальник «Олимпа» хмыкнул, но ничего ему не ответил; после, знаком руки пригласил сотрудников следовать за собой.

Троица вышла в соседнее помещение, представляющее из себя странное сочетание спальни и библиотеки. Профессор шагнул в правый угол комнаты, где находилась панель управления пространством. Поманив за собой гостей, он произвёл череду быстрых манипуляций – и прямо за его спиной с лёгким электрическим гудением возникли широкие двери, ведущие в его персональный музей.

- Добро пожаловать! – Зевс шагнул сквозь сверкающий портал; его спутники тут же последовали за ним. – Добро пожаловать в мою сокровищницу!

От увиденного за дверями у посетителей захватило дух: они находились в огромном помещении с высочайшими потолками, уставленного стеллажами в несколько рядов; насколько мог видеть глаз, стеллажи уходили вдаль – и не было им ни конца ни края. Зевс, довольный произведённым впечатлением, наблюдал за коллегами с чувством той гордости, которая свойственна лишь закоренелым коллекционерам.

- Это же надо! – произнёс доктор Гефест, когда дар речи вернулся к нему. – Спрятать такие ценности во внутреннем пространстве! Профессор, да вы просто обязаны сделать этот музей открытым: на изучение и осмотр его экспонатов слетится вся Вселенная! Поразительная коллекция!

- Вы мне льстите, – профессор скромно погладил подбородок. – Впрочем, собрание артефактов поистине уникально, спорить с вами не стану; я собирал образцы для своего музея на протяжении почти тринадцати миллиардов лет! Обратите внимание, вас окружают только инопланетные изобретения, тогда как отечественный производитель – в других

помещениях! Открою вам тайну, друзья: лишь для того, чтобы собрать первые три зала, включая этот, мне пришлось рыскать не только по всем закоулкам Вселенной – я побывал за искривлённым пространством, в других измерениях, коих, как вам обоим известно...

- Профессор, помилуйте! – взмолился доктор Эрот, ломая руки. – Поберегите время; у нас, если вы ещё о том не забыли, имеются неотложные дела!

Инженер Зевс ощерился на говорившего подобно собаке, у которой отняли лакомый кусок – и, отчаянно махнув рукой, быстро зашагал меж стеллажами с такой скоростью, что спутники едва поспевали за ним. По дороге доктор Гефест улучал-таки время, чтобы внимательнее рассмотреть тот или иной экспонат из привлёкших его внимание; и чего только не пришлось увидеть ему в этом грандиозном собрании древних и не очень технических чудес! Огромные сагритарийские деструкторы, вемирагнотские баллистические установки, бломиарские аудиопарализаторы с радиусом действия в несколько парсеков – каждый из массивных экспонатов был аккуратно уменьшен до полуметрового размера, который, в случае необходимости наглядной демонстрации, можно было запросто увеличить до его подлинных размеров в специальном смотровом отсеке. Каждый образец находился в специально разработанном для его вечного сохранения прозрачном контейнере, наполненном особым газом и тщательно пронумерованном по каталогу. Разглядывая технические достижения древних цивилизаций, доктор Гефест время от времени восторженно чмокал губами и повторял:

- Поразительная коллекция!

Наконец, учёные прошли необходимое расстояние – и оказались в зале, как шутливо называл его сам хозяин, Боевой Славы Отечества. Профессор остановился перед одним из бесконечных стеллажей – и указал пальцем на контейнер с необычным содержанием. Оба доктора тут же приблизились к гордому коллекционеру всякой технической всячины.

- Вот, господа, этим старинным приспособлением я и намерен – с вашей помощью, конечно! – ликвидировать угрожающую нам опасность! – он сложил руки на груди. – Прошу знакомиться: стандартный армейский гиперболоид, производимый для действий в межзвёздном пространстве ещё до обретения нашей расой бессмертия... Несмотря на возраст, конструкция просто уникальна. Итак, четыре режима ведения стрельбы. Автоматическое переключение по команде оператора. Оптимальная кастомизация настроек панели управления. Автор проекта – доктор Гефест...

- Спасибо за рекламный ролик, дорогой профессор! – скрипнул зубами конструктор. – Тем не менее, прошу заметить, идея изобретения – не моя!

- О боги, ну и что?! У всех подобных изобретений в роли крёстных отцов выступают или Гефест, или Арес или ещё кто-нибудь из их братии, это общеизвестно! – торопил коллег доктор Эрот, не проявивший к музею практически никакого внимания.

- Только не в этом случае, – кивнул головой доктор Гефест. – Эрот, мы понимаем, что подобная коллекция не представляет для закоренелого экспериментатора с генетическими материалами никакого интереса, но сейчас ты созерцаешь то, что исчезло из нашего вооружения задолго до твоего появления на свет: изобретение самого инженера Зевса! Отдай должное памяти тех великих лет!

После слов Гефеста вся троица застыла перед контейнером, однако лица созерцающих его содержимое имели совершенно разные выражения: глаза профессора Зевса светились непередаваемым умилением; лицо доктора Гефеста носило отпечатки охватившего его одновременно противоположных чувств – гордости и покаяния; что касается доктора генетики, то его взгляд был просто отрешённым, а руки – заложены за спину; за таким сочетанием конечностей и зрительных органов обычно скрывается полное безразличие.

Почтив память славных времён минутой молчания, профессор Зевс установил контейнер на портативный левитатор:

- Друзья, самое время отправляться на охоту! – он привёл аппарат в действие. – Нам ещё предстоит увеличить нашего спасителя до натуральных размеров – и установить на смотровой площадке...

- Замечательная мысль! – парировал генетик. – Ведь там полным-полно как бессмертных, так и смертных: таверна «У Гелиоса» рядом, школы Аполлона и других преподавателей – почти у самого подножья Олимпа... Или мы сделаем прилюдно то, что ранее договорились совершить в тайне?!

- Ничего страшного, Эрот! – успокоил его доктор Гефест. – Даже при обычной величине эта конструкция не привлечёт ничего внимания: устройство занимает не более двух метров в высоту, плюс выдвигающийся телескопический ствол – ещё на столько же... Не забывай, что никто, кроме меня, профессора и теперь тебя, даже не поймёт назначения подобного оборудования; скорее всего, случайные свидетели примут его за древнюю промиканскую радиотелескопическую установку – подумают, что мы с профессором впали в детство и любуемся звёздами по старинке...

- Именно! – подтвердил профессор Зевс. – Поэтому, дорогой мой, всё будет шито-крыто! Вскоре учёные появились на смотровой площадке – и привели прибор в подобающую готовность. Теперь доктор Эрот мог рассмотреть древнее изобретение руководителя базы; чтобы не мешать коллегам, он отошёл в сторону – и с деланным видом предался его созерцанию. Устройство выглядело как обыкновенный большой греческий сундук с расположенной на его откидывающейся крышке панелью управления; из недр сундука выдвигался телескопический ствол, принимавший заданную программу. После введения координат цели и подсоединения оружия к блоку питания бесконечной энергией, гиперолоид был готов к нанесению удара.

- Почему бы нам не шарахнуть по астероиду из гертуррианского бомбомёта? – тихонько спросил доктор Гефест, возясь с кастомизатором и выбирая нужный режим стрельбы, покуда профессор сверял теперешнее нахождение астероида по миникомпьютеру и щёлкал пальцами по клавиатуре. – Он гораздо мощнее, да и радиус действия не в пример шире...

- Не поспоришь, – соглашался профессор. – Увы, бомбомёт в ужасном техническом состоянии: лазерное самонаведение барахлит... Я уже давно хотел заняться его починкой, да времени не хватает...

- А если применить знаменитый «шанкертинский расчленитель»? – задумчиво предложил покровитель всех молотов и наковален, видимо, вспоминая и другие образцы зевского музея.

- О, вы тоже о нём подумали?! Несомненно, у него и дальнобойность выше, и нанесение ущерба... Вот только лучегаситель его не модифицирован; мне удалось найти для музея, пожалуй, одну из его протомodelей, которые даже в серию не были запущены... Таким образом, любой наш выстрел будет замечен не только на Олимпе, но и по всему Средиземноморью! Хотя пушечка знатная, весьма знатная! – печально выдохнул Зевс, заканчивая проверку текущих данных. – Стало быть, мне осталось ввести координаты, а вы, доктор, займитесь подключением энергии. Сейчас мы устроим этому астероиду такую внутреннюю энергодетонацию, что в Солнечную Систему от него не долетит ни единого осколка! Итак, прошу к штурвалу, капитан! – подмигнул он бывшему оружейнику всея Вселенной, уступая тому место за панелью управления.

Доктор Гефест занял позицию перед монитором; коллеги тихо замерли у него за спиной.

- Даю последний отсчёт! – торжественно прошептал он, уверенно бегая пальцами по клавишам. – Три, два, один! – и с силой вдавил мигающую красную кнопку в панель управления.

Доктор Эрот, ожидавший звука произведённого выстрела или хотя бы вспышки от него, зажмурился и закрыл уши руками; его коллеги оставались на местах, не совершив при этом ни единого действия.

- Что с вами, дружище? – профессор тронул генетика за плечо. – Уши болят?

Доктор Эрот, удивлённо поглядывая на улыбающихся друзей, воззрился на аппарат:

- Что за бесшумное изобретение?!

- Да, оно такое! – рассмеялся доктор Гефест, потягиваясь. – Если гиперолоид работает не в лучевом режиме, то никаких шумов от его действия услышать невозможно, не так ли, профессор?

- Что же, коллеги, теперь нам осталось дожидаться данных о том, достиг ли цели наш незримый и беззвучный выстрел, - выдохнул профессор Зевс. – Полагаю, что если доктор не ошибся, то информация поступит на монитор в течение нескольких минут...

- Не ошибся, профессор! – уверенно сказал Гефест.

- Может, пока данные обрабатываются, сходим в таверну – и пропустим по бокалу? – робко предложил доктор Эрот.

- Да без проблем, дорогой! – ответил глава вселенских кузнецов. – Но только угощение – за твой счёт! Я только что спас твою лабораторию...

- Верно! – поддержал его Зевс. – А я снабдил вас палочкой-выручалочкой! Поэтому мне также причитается от благодати доктора!

Действительно, пока продолжалось тайное сражение за существование планеты, ни один из её нынешних обитателей – как сказал Эрот, смертных или бессмертных – не заинтересовался стоявшим на смотровой площадке гиперголоидом; возможно, что с дороги на Олимп его даже не было заметно. Вернувшись из таверны к аппарату, учёные обнаружили пульсирующую, постоянно бегущую по центру монитора надпись: «Внимание! Внимание! Цель уничтожена! Цель уничтожена! Осколки цели будут сожжены атмосферой Плутона!»

- Поздравляю, мои дорогие! – профессор легонько поклонился обоим докторам. – История человечества, равно и наша с вами, может успешно продолжаться: мы только что избавились от реальной угрозы вынужденного прекращения проекта, как говорится в подобных случаях в «Инструкции», «ввиду неуправляемого вмешательства извне»! Впрочем, кое-какие останки астероида долетели до Солнечной Системы, несмотря на мои прогнозы...

- Хорошо ещё, что вы ещё не побились об заклад, профессор! – хихикнул доктор Эрот.

- Предлагаю вернуться в таверну! – Гефест вытянул ладонь, на которой сияли совсем недавно отчеканенные монеты. – Я, когда окончательно перебрался на «Олимп», решил изготовить их побольше... Не беспокойтесь, не фальшивые! – он улыбнулся. – В противном случае мне наш финансист Гермес да родная матушка голову снимут!

- Вернуться?! – нахмурился Зевс, сделав вид, что не расслышал ничего ни о Гермесе, ни о «матушке». – Мы же только что оттуда!

- Ну, в прошлый раз мы всего лишь ждали информации, а теперь идём отметить успех!

- Ну, это разница! – Зевс улыбнулся широкой улыбкой. – Вы ступайте и займите столик, потому что скоро обеденный перерыв... А я лишь верну аппарат в музей – и присоединюсь к вам!

Установив оборудование на левитатор, профессор Зевс быстренько достиг своего кабинета – и, оставив его в своей библиотеке-спальне, поспешил назад. Он разумно полагал, что с его раритетом ничего не может случиться, раз он находится в его апартаментах; в музей же Зевс решил переправить его чуть позже. Поэтому, как было сказано, профессор со спокойной совестью вернулся к ожидающим его появления в таверне коллегам.

В этот день с работой было покончено: руководитель базы распорядился – естественно, негласно, исключительно за общим столиком на троих! – что участникам тайной операции по спасению планеты с этой самой минуты полагается недельный отдых. Излишне говорить, что указ начальства был встречен аплодисментами и дружным звоном бокалов... Когда доктор Гефест более-менее пришёл в себя, ни Зевса, ни Эрота он не обнаружил; вместо них за столом восседало несколько десятков эллинов, обсуждавших, насколько он понял, самые свежие новости; до его ушей доносилось, в частности, обрывки следующих диалогов:

- ...вот и я говорю: не может быть! А он как заладил – и хоть ему кол на голове теши: «Такие ужасы предотвратил Гефест, что по сравнению с ними проделки Медузы Горгоны просто детский лепет!»...

- ...да-а-а! Наковал он каких-то волшебных молний, да как давай вместе с Зевсом лупить ими по врагу, что тот рассыпался на части...

- ...конечно, ведь эта тварь летела пожрать Землю и нас с вами! Ах, Гефест, от такого несчастья нас избавил!..

- ...поэтому и устал он смертельно, сам подумай: такую битву выдержать! Потому и спит сейчас прямо за столом, бедняга!..

- ...всё так, как мне передал наш пастух Гектор: Гефест потому и лыс, что волосы свои потерял в битве с чудовищем, дескать, оно ему их своим дыханием опалило!..

Доктор широко открыл глаза – и немигающим взглядом уставился на компанию за столом. Оказалось, что все столы заведения составлены вместе – и в центре этой громадины восседает он, Гефест. Мужчины тут же обратили на это внимание – и таверна наполнилась радостными криками:

- Гефест! Великий спаситель Гефест проснулся!

- Слава лысым героям! Да здравствует Гефест!

- Эй, хозяин! Всем по двойному пиву за мой счёт: пьём за Гефеста!

Доктор протёр рукой глаза; сел, подперев локтями голову:

- Товарищи, нельзя ли тише? Что празднуем? – поскольку он впервые общался с людьми, то старался быть очень осторожным.

- Как, что?! – удивился один из компании, сидевший слева от него. – Ну, ты меня удивляешь, Гефест, честное слово!.. Мы пьём за твоё здоровье... Впрочем, нужно ли оно богам?! – поправил сам себя говорящий. – Пьём за твою победу над ужасным чудовищем, от которого ты сегодня спас нашу Землю!

- Что за чушь? – Гефест почесал макушку. – Какое ещё чудовище? Какие земли?

- Он скромничает! – тут же воскликнул его сосед справа. – Скромный лысый герой! Слава Гефесту! – завопил он ещё громче, поднимая бокал.

Ответом ему был шумовой эффект такой силы, от которого доктор едва не выключился. Он лишь вытянул перед собой руку – и, услышав лишь одно слово из речи соседа, спросил:

- Разве почтенные эллины имеют что-нибудь против лысых? То есть, вы – сторонники дискриминации по внешним отличиям?

- Да Зевс с тобою, Гефест! – ответил ему некто третий, сидящий чуть дальше по левую сторону. – Какая там дискриминация! Если не веришь, так спроси любого за этим столом – мы тебя обожаем! И восхищаемся твоей беспредельной отвагой!

- Это правда, – подтвердил сосед доктора справа. – Настолько восхищаемся, что каждый из находящихся сегодня на этом пиршестве дал нерушимый обет: не далее, как завтра, расстаться со своими волосами...

- Зачем? – устало поинтересовался доктор.

- Как это – зачем?! Да чтобы быть похожими на тебя, Гефест! – дружески хлопнул его по плечу проходящий мимо кто-то четвёртый. – Чтобы быть такими же сильными и смелыми!

- Да, Гефест, – донеслось к нему ещё откуда-то. – Ты хоть и покровитель кузнецов, но тебя обожают все достойные труженики!

- Точно! – ввернул сосед слева. – Кстати, я тоже кузнец, поэтому завтра же приглашаю тебя в гости! – он протянул Гефесту бокал. – Меня зовут Эйнейос, будем знакомы! Посидим, поговорим, с семьёй познакомлю... Может, после трапезы сходим в кузницу, научишь меня чему-нибудь? Если что, можно и лекцию организовать, я других собратьев по цеху приглашу!..

- Хорошо, я подумаю, – не рискнул обещать что-либо доктор, поднимаясь. – Ну, так я пойду? – он виновато оглядел роскошное застолье. – Отдохнуть мне надо, как вы говорите, после битвы с чудовищем...

- Конечно! А я тебя с друзьями буду ждать завтра у подножия горы – там, где Аполлон певцов своих тренирует, – кивнул ему Эйнейос. – Калинихта, Гефест!

- Да уж, воистину, калинихта! – удивлённый Гефест поднял глаза к небу, увидев, что уже совсем стемнело. – Ну и загулял я, однако... – и, едва не опрокинув стол, вышел из таверны на улицу.

Ранним утром он стучался к профессору Зевсу.

- Да-да! – расслышал он с порога. – Милости прошу!
Зевс сидел в кресле за столом; перед ним стояла вчерашняя амфора.
- А, дружище Гефест! – хозяин указал ему рукой на соседнее кресло, а глазами кивнул на амфору. – Не желаете ли капельку прохладительного?
- Нет, спасибо, воздержусь... Меня интересует следующее, профессор: куда, как и когда вы исчезли вместе с Эротом из таверны?
- А-а-а, вот оно что!.. Кстати, почему вы поднялись так рано, дорогой доктор? – Зевс плеснул чего-то в бокал и, будто в раздумьях, осушил его. – Вы забыли, что по распоряжению руководства у нас с вами ещё неделя положенного, честно заработанного отдыха?!
- Я пришёл навести кое-какие справки по вчерашнему дню, поскольку сам не всё помню, – не стал он ходить вокруг да около. – Не знаю, откуда, но любому смертному стало известно о наших вчерашних подвигах, профессор! Я слышал собственными ушами, что...
- Ах, вы об этом, – Зевс положил руку себе на лоб. – Да-с, небольшой прокол вышел с нашей тайной операцией... Только вы не беспокойтесь, недельного отдыха это не отменяет! – добавил он, увидев во взгляде раннего гостя беспокойство.
- И в чём дело?
- Да, собственно, ни в чём... Во всём оказалось виноватым изумительное червонное золото, которое вчера текло сквозь ваши пальцы, подобно воде... Эрот, уставший первым, отправился к себе на Атлантиду; я – покинул вас чуть позже... А к вам потихоньку подсаживались люди, которые о вас до сих пор только слышали, впрочем, как и вы о них... Пришла, знать, пора вам познакомиться поближе...
- Уже познакомился, когда вчера очнулся за столом таверны... Они наперебой клялись мне, что сегодня в мою честь все до единого побреются наголо!
- Вот видите, как вы популярны, дружище! И, заметьте, всё это – из уважения к вам, доктор Гефест! Не одному Аполлону быть вечным законодателем мод! Но вы не беспокойтесь: пройдёт сотня-другая лет – и вас начнут изображать с волосами, – усмехнулся профессор.
- А в том, что наша тайна перестала быть таковой, опять-таки виновато ваше червонное золото – и отчасти мы с доктором Эротом, – профессор напряжённо выдохнул, видимо, борясь с собой. – Каюсь, но вино развязало нам языки – и мы славословили великого Гефеста, который спас Землю от астероида-убийцы... Словом, если тебя будут поздравлять бессмертные – не удивляйся, а если смертные...
- Уже поздравили, ещё вчера! – рассмеялся доктор. – Так вот какое чудовище, опалившее мои волосы, они имели ввиду! Ладно, раз у меня выходной, спущусь с Олимпа – и попытаюсь объяснить им, что же случилось на самом деле!..
- Вот и замечательно! – Зевс устроился в кресле поудобнее. – Только больше не носите с собой столько монет: искус велик, да-с!..
- Таким образом, доктор Гефест ещё с самого утра выслушал столько комплиментов своей отваге и находчивости, что до вечера скрывался в Технической лаборатории. Однако те, кто не успел поблагодарить его лично, не постеснялись навестить и в его хозяйство. Почти друг за другом заявили Афродита, Деметра и Гестия – и долго обнимали его. После явились Протей, Арес, Аполлон; с каждым из них, волей-неволей, пришлось пригубить по маленькой... Когда Гефест уже подумывал закрыться от посетителей на пневмоключ, в лабораторию вошла завхоз базы – и нежно поцеловала Гефеста:
- Ты – настоящий герой, дорогой мой! – шепнула ему на ухо доктор Гера. И шутливо добавила. – Я горжусь тобой, сынок!
- Эвхаристо, матушка! – подыграл ей доктор. – Только ты что-то путаешь: герой – вовсе не я, а Геракл!
- Да ладно тебе, все вы у меня герои! – улыбнулась Гера. – Ведь Зевс именно тебя выбрал на роль спасителя Земли! Я была с ним полностью согласна. Поэтому перестань дуться на папочку и мамочку! Не впутывать же опять в историю невинных детей, вроде Персея!.. Очень рада тому, что ты – на «Олимпе», Гефест!

Самым последним к нему в лабораторию явился доктор химии Дионис. Гефест уже собирался отправиться в гости к кузнецу Эйнейосу, чтобы не задерживаться более на базе, где, по причине вчерашних событий, все так и лезли ему на шею; однако вошедший Дионис заверил, что не задержит его более, чем на несколько минут.

- Я к тебе не с пустыми руками, Гефест, а с подарочком! – заговорщически прошептал химик, пряча что-то за спиной. – Поэтому, извини, обниму тебя одной правой!

- Благодарю, дружище! Я уже устал от поздравлений – хочу сбежать к людям, объяснить им вчерашнее происшествие... Может, хоть они – в отличие от бессмертных – поймут, что на моём месте так поступил бы каждый... Тем более, под руководством Зевса!

- Может, и поймут! – лукаво улыбнулся доктор Дионис. – Но раз ты собрался к людям, то, согласишься, нехорошо идти без подарка... Значит, я к тебе пожаловал в самый раз! – он поставил на металлический универстак небольшую амфору. – Получите и распишитесь!

- Что это? – осторожно спросил Гефест. – Алкоголь, что ли?.. Ах, Дионис, Дионис, за что ты меня так ненавидишь?! – деланно запричитал покровитель конструкторов. – Да я под твоим влиянием вчера весь день провёл! Зевс и сегодня к амфоре прикладывается... Как себя чувствует Эрот – вообще ума не приложу... Связаться, что ли, поинтересоваться, как он вчера попал на свой остров?..

- Алкоголь алкоголю рознь! – задорно ответил химик. – Это не просто алкоголь, а моё последнее изобретение... Да ты только попробуй, Гефест! – он взял амфору с универстака и протянул другу. – Ты ведь даже не знаешь, что это такое!

Доктор Гефест открыл сосуд – и осторожно понюхал его содержимое. Глаза его округлились: запах был весьма приятным и бодрящим.

- Интересно, – пробормотал он. – Это действительно алкоголь? Я вообще не чувствую спирта!

- То-то! – доктор Дионис не переставал улыбаться. – Дамы и господа, – он развёл руками в сторону воображаемой публики, – единственная во Вселенной экспериментальная лаборатория традиционных и не очень алкогольных напитков «Дионис и компания» представляет вам новинку: сверхмощная алкогольная смесь «Молот Гефестов»! Спрашивайте в любых магазинах и тавернах! Ваш заказ – наше производство!

- Чувствуется рука Гермеса, – рассмеялся Гефест после выступления химика. – Уроки вы все у него берёте по маркетингу, что ли?!

- Да нет, скажем так: согласно мифологии, я просто обязан тебя напоить, чтобы ты нашего завхоза не мучил!..

- Ах, ты об этом! – вновь рассмеялся физик-ядерщик. – Гера мне сегодня уже напомнила о наших родственных связях... Кстати, а почему это – «Молот Гефестов»?!

- Ну, во-первых, потому, что напиток сей – именной; я рецепт разработал сразу, как только узнал о твоём вчерашнем подвиге... Во-вторых, если его не пить маленькими глоточками, то сразу валит с ног, что твой молот! На себе ещё вчера испытал – просто потрясюще!

- Ну, спасибо тебе, дружище! С таким подарком и к людям не стыдно!

- На здоровье – и вперёд! Только запомни: маленькими глоточками!..

Гефест прибыл к подножию Митикас в приподнятом настроении. Его вчерашний знакомец Эйнейос уже поджидал будущего наставника в компании ещё двух мужчин. Увидев своего покровителя, они радостно замахали руками; кабина фуникулёра остановилась – и Гефест вышел им навстречу. И обомлел: каждый из встречающих его был лыс, как коленка!

- Приветствуем тебя, о великий Гефест! – все трое разом поклонились ему. – Вот мы, вернейшие твои слуги! Мы поклоняемся тебе – добро пожаловать...

- ...к вашему столику? – закончил доктор Гефест. – Головы-то брить зачем было?

- Обет сдержали мы, – торжественно произнёс Эйнейос, кланяясь ещё раз; спутники его были совсем молоды, но уже весело поглядывали на принесённую Гефестом амфору. – Так что отныне мы – гефестисты, а ты – единственный наш господин!

- Позвольте, но я – всего лишь кузнец! – не сразу сообразил доктор. – А как же Зевс? Как же Аид, Посейдон и другие?

- А что нам Зевс? – невозмутимо ответил юноша, выглядевший постарше. – У Зевса пусть будут зевсисы, ежели таковые найдутся... Мы же свой выбор сделали – раз и навсегда!

- Понятно, - вздохнул Гефест. – Ладно, друзья, придёт с вами обсудить и этот вопрос...

- Тогда просим великого Гефеста, как он точно изволил выразиться, к нашему столику! – пригласил Эйнейос. – Вот сейчас придём ко мне домой – и поговорим обо всём...

На импровизированную пирушку в дом кузнеца собралось немало народа, причём, представителей его трудового цеха пришло явное меньшинство. Главное, что все они были лысыми и называли себя гефестистами; люди иных воззрений, как уже понял доктор, сюда не могли попасть ни под каким предлогом.

«Что же в этой Элладе затевается? – настороженно обдумывал он услышанное среди членов обособленного религиозного движения. – Так или иначе, надо будет поставить в известность руководство...» Чтобы перевести тему беседы, он предложил хозяину и гостям отведать нового, только что изготовленного напитка своего имени. Его предложение было встречено бурей аплодисментов.

- «Молот Гефестов»?! Фантастика! Вот это название! – Эйнейос, как председатель собрания, глотнул из посуды на правах первого. – Предлагаю сделать это чудесное словосочетание девизом нашего общества!

Одобрительный рёв был ему ответом.

- Эйнейос, дружище, маленькими глоточ... – только и успел произнести Гефест, как хозяин дома, выпучив глаза и поперхнувшись, рухнул прямо на пол.

- Ого! Действительно, как молот – наповал! – констатировал кто-то из угла. – Пускаем эту вещь по кругу!

В считанные мгновения амфора пошла по рукам – и минутой спустя Гефест остался один. Вытащив из руки последнего упавшего посуду, он на вес почувствовал, что в ней кое-что осталось; подумав, что всё равно ещё неделя выходных, он запрокинул голову – и вылил в рот остатки сладкого, пряного на вкус напитка... Мгновением позже стало абсолютно темно; из этой крошечной тьмы вылетел сверкающий астероид с лицом самого Гефеста, который произнёс: «Здравствуй, чудовище!» – и с размаху двинул ему в лоб...

Когда он пришёл в себя и осмотрелся, оказалось, что последователи новой секты пребывают в состоянии полной неподвижности и полной невменяемости; кто-то из них урчал, кто-то – мычал; доктору ничего не оставалось, как покачиваясь из стороны в сторону, убраться поскорее на Олимп...

На следующий день среди людей только и было разговоров о новом волшебном напитке; эллины разных возрастов требовали его в каждой таверне, поскольку уже попробовавшие его на вкус взахлёб слагали о волшебном действии ононого целые оды, при этом напрочь забывая о других алкогольных предложениях. Доктор Дионис, весь день получавший жалобы и требования на новую партию «Молота» как от потребителей, так и продавцов, работал не покладая рук. Правда, ему пришлось ослабить первоначальный эффект микстуры, грозившей повторить историю Аполлона, когда тот перебарщивал с алкоголем, едва не приучив тем самым человечество не к прекрасному, а к выпивке.

А доктор всё пытался объяснить незадачливым эллинам, что на самом-то деле не было никакого его подвига, ни с каким чудисцем-де он не сражался и никаких волос в битве с ним не терял. Но, как и следовало ожидать, все его благородные намерения пропали даром: люди просто не понимали конструктора.

- То есть, - греки изо всех сил старались уловить хоть тень его разъяснений, - ты хочешь сказать, Гефест, что к нашей Земле направлялся... как его там... огромный астероид, а ты уничтожил его незримым пучком направленной энергии, - по слогам произнося неведомые им термины. – Не получается!

- Что не получается? – легонько бил кулаком по столу доктор ядерной физики. – Именно так всё и случилось!

- То, что в твоих словах нет логики, - отвечали ему. – Даже если допустить, что из твоего волшебного оружия можно стрелять невидимой энергией... Всем известно, что Земля

плоская. Значит, все небесные тела – тоже плоские; это касается и твоего астероида. Следовательно, он просто пронёсся бы мимо Земли, как блюдечко над – или под – другим блюдечком – и всё было бы ладно! Никакого столкновения... А вот с чудовищем всё так славно получается!

- О-о-о, неучи! – доктор ударял кулаком вторично. – Для вас ещё и плоская Земля нуждается в опровержении?! Чудовище, видимо, тоже... Да вы хоть соотечественников читаете?! Только что ученики вашего Пифагора сформулировали теорию шарообразной Земли, а вы об этом ничего не слышали?!

- Ну, это философы!.. Они же мудрецы!

- А вы, полагаю, ослы?! Согласен! – и Гефест заканчивал очередную обречённую на провал попытку заставить собеседников подойти к видению проблемы по-научному.

Он страстно желал растолковать своим слушателям множество непонятных вещей, приводя примеры, но всё было бесполезно. Доктор Гефест искренне любил людей, те – относились к нему с аналогичным чувством (лишь гефестисты выражали ему не завуалированное преклонение и фанатичную преданность), но стоило лишь зайти разговору о научном обосновании того или иного события или вещи, как спокойная до сего момента беседа превращалась в бесконечные споры и обоюдное кручение пальцем у виска.

Однажды он привёл нескольких эллинов в Техническую лабораторию, где показал им миниколлайдер – и попытался объяснить им принцип его работы. Конечно, затея была изначально обречена, поэтому по прошествии часа вся компания заседала в таверне «У Гелиоса»: Гефест едва не плакал, а люди всеми силами старались его утешить.

- Я же совершенно понятным языком говорю вам, - отчаянно бормотал он, одной рукой сжимая бокал, а другой – вода по воображаемому чертежу на столе. – Вот главное кольцо, это – вакуумные трубки, в которых разгоняются микрочастицы... Вот здесь – магнитная и криогенная оболочка... Неужели не понятно? – он поднял печальный взгляд на слушателей, следивших более не за его указательным пальцем, а за количеством стремительно пустеющих кувшинов. – Заряженные частицы несутся друг другу навстречу почти со световой скоростью и – бах!..

- Бах! – единогласно восклицали восседающие за столом эллины – и разом опустошали наполненные до краёв кубки.

- Ой, горюшко моё горькое! – окончательно упал духом доктор, отчего машинально повторил действие собутыльников. – Я же пытаюсь объяснить вам элементарные вещи...

- Мы тебя внимательно слушаем, - отвечал один из сотрапезников, записывая что-то на восковой табличке. – А потому усваиваем сказанное тобой, о великий Гефест, насколько нам это по силам! Ты – могущественный бог, поэтому главное, чтобы тебе самому были понятны собственные речи, раз ты думаешь за всех нас! Это тебе положено знать всё, а нам-то зачем?

- Но мне хочется, чтобы в первую очередь это было известно и понятно вам! Ведь вы, если не в курсе, такие же боги, как и я, - доктор в отчаянии наливал себе бокал за бокалом. – Ну, смотрите ещё раз, всё так просто: протоны, магниты, кольцо... Вам ясно?

- Ясно. Ты превосходно объясняешь. Ну, кольцо, ну, частицы... Лично мне всё понятно. А вам, друзья? – ответил таинственный писарь, обращаясь к остальным.

- Конечно! – неслось ему в ответ со всех сторон. – Подумаешь, коллайдер!..

- И что же вам понятно? – с неожиданной коварностью спросил доктор.

Ответом ему была тишина, пока находчивый писарь не нарушил её:

- То, что ты – бог! Поскольку нормальному человеку, честно говоря, ни за что не разобраться в твоих частицах, трубках и магнитах, значит, ты сам или бог, или просто безумец. Но, раз ты превосходно в этом разбираешься, и наука от того что-то получает – значит, ты бог!

- Надоело! – доктор в изнеможении уронил голову на стол. – Достали вы меня, товарищи! Короче, я – бог! Только отвяжитесь от меня со своими псевдовыводами...

- Так бы и сразу! Раз ты – бог, то это во мгновение ока всё делает понятным, – раздались облегчённые вздохи по всему помещению. – А то как заведёт какую-то чушь о кольцах... Конечно, согласно «Инструкции», Гефесту ни в коем случае не позволено было настаивать на собственной «божественности», однако он избежал взыскания, удачно подпав под пункт смягчающего обстоятельства: «...если бессмертный, в момент попытки уверения созданных существ в своём божественном происхождении, находится в неадекватном состоянии.»

Тем временем сотрудники базы были обеспокоены другой, крайне несвоевременной неприятностью: гефестисты, руководимые кузнецом Эйнейосом, стремительно пополняли свои ряды сторонниками, чаще на профессиональной основе; и, как следствие, в противодействие им остальные, оказавшиеся не у дел элины, незамедлительно стали группироваться в подобные движения по иным признакам. Как на дрожжах, возникли «Партия Зевса», «Общество Истинных гермесистов», «Друзья Геракла» и подобные структуры. Ещё никогда ранее население Эллады не подвергалось столь тотальной раздробленности. Мало того, что пошатнулись основы официальной доктрины много- и относительного равнобожия, люди занялись тем, что стали выяснять отношения между своими кумирами не иначе, как в уличных потасовках. Многочисленные секты росли, как после дождя. И если, например, те же гефестисты, отличавшиеся поначалу довольно ненасильственными методами пропаганды собственных идей, ещё не взялись за дубинки и палицы, то отколовшаяся от них группа антизевсистов стояла на непримиримо радикальных позициях.

- Мы знаем, что этот мерзавец Зевс сбросил тебя с Олимпа, о великий Гефест! – говорили доктору яркие антизевсисты в приватной беседе. – Надо свергнуть тирана – и посадить на его трон тебя, о Ваше Молотейшество!

- Что за ерунда?! – оцумело спрашивал доктор Гефест, пытаясь хоть как-то разобраться в происходящем. – Я по-прежнему живу на Олимпе, никто меня оттуда не сбрасывал!

- Тогда почему ты хромал во время нашего последнего застолья? – не отставали от него настойчивые поклонники.

- Не знаю... Наверное, просто покачивался после пары глотков «Молота»!

- Не рассказывай сказок, владыка! Ты научил нас кузнечному делу и многим другим вещам – и Зевс разгневался на тебя! Кое-кто из наших видел, как он схватил тебя за пятку – и швырнул вниз; отсюда и причина твоей хромоты...

- Мне это что-то напоминает... Послушайте, друзья, а вы меня, часом, не перепутали с Прометеем?!

- Да при чём здесь Прометей?! У него свои сторонники. А нас интересует свержение Зевса в твою пользу, господин!

Доктору оставалось только разводиться руками. Так же поступали и его многие коллеги, внезапно ставшие объектами самого пристального поклонения новых общественных формирований. Канцелярия «Олимпа» ежедневно была завалена неподдающемуся никакому учёту количеством восковых табличек, в которых одни сектанты беспощадно клеветали на своих конкурентов и противников, другие – с точностью до наоборот переиначивали сказанное в свой адрес – и требовали персональных «богов» своего движения оказать им помощь в беспощадной ликвидации супостатов, всех до единого. Анонимных доносов было ещё больше. По рукам оголтелых фанатиков ходили странные документы: «Евангелие от Аполлона», «Сборник посланий от Прометей», «Подлинный Апокалипсис от Ареса» или «Письма Диониса к правоверным». Баснописцы, выражая идеи поддерживаемого ими движения в собственных опусах, требовали противников прекратить создавать ложные мифы и документы, грозя им в случае неповиновения кровавой расправой; время от времени создавались специальные комитеты, решавшие, объявить ли то или другое «евангелие» запретным для чтения и не перепродать ли его втридорога местным оккультистам.

Женщины, давно скучавшие у очагов по собственной политической активности, сбивались в команды по тому же принципу: замужние и богатые, в основном, собирались под хоругвью Геры, обещая показать кузькину мать обычно менее состоятельным сторонницам Афродиты, невзирая на то, что последних было подавляющее большинство; впрочем, не принимая во внимание личную принадлежность к той или иной фракции, любая женщина втайне всегда полагала себя истинной афродитисткой. За ведущую роль в бардаке государственного масштаба, с ними вели непримиримую борьбу явно меньшие по количеству приверженцев «Культ Деметры Ясноокой», «Весталки Гестии» и «Первый Ударный Отряд Артемиды», прозываемых также «Белыми Сандалиями».

Обитатели священной горы успели окончательно утомиться от людских распрей: те посягали, во-первых, на запланированный создателями планетарный исторический порядок, внося в его массу анахронизмов, а во-вторых, представляли глобальную угрозу непосредственно самому «Проекту «Земля»».

Кончилось тем, что в Зале Совещаний собрались все без исключения сотрудники «Олимпа»; повесткой дня являлись именно последние события. Профессор Зевс даже не стал терять времени на озвучивание проблемы, поскольку о ней все были превосходно осведомлены: так или иначе, но существующее положение вещей напрямую касалось того или иного олимпийца.

- Не хочу напрасно сотрясать воздух, - начал Зевс, упёршись руками в стол. – Что будем делать, коллеги? Если мы не вмешаемся и не прекратим эту слегка подзатынувшуюся свистопляску, то потеряем контроль не только над людьми – мы рискуем провалить работу, ради которой вообще тут находимся!

- Прошу прощения, за невольное опоздание профессор, - в зал вошёл доктор Гермес, несущий на подносе гору покрытых воском табличек. – Не хотелось бы прерывать заседание, но это срочно...

- Читайте вслух, - решительно кивнул головой начальник базы.

- «Зевсу, олимпийскому узурпатору, в собственные руки», - начал тот, перебирая дощечки одну за другой. – «Мы, антизевсисы, вступившие в коалицию с артемидистками, прометеистами и другими союзниками, заявляем следующее: если ты не отречёшься от трона в самое ближайшее время – его мы сейчас уточняем – в пользу – кого именно, мы ещё не решили, но вскоре сообщим – то готовься к нашему вторжению на Олимп! От имени Гефеста, Артемиды, Прометея и других – мы!»

- Вы это слышали, господа и дамы? – руководитель «Олимпа» развёл руками в стороны, когда доктор Гермес сделал паузу. – Эти несчастные антизевсисы даже толком не знают, чего хотят! Прямо религиозное помешательство какое-то!.. Продолжайте, пожалуйста! – кивнул он Гермесу – и тот продолжил.

- «Великой Артемиде, покровительнице натягивающих лук! Нас много, мы верны тебе до последнего вздоха – и мы прекрасно вооружены! Решили мы в скором времени вознести имя твоё и славу твою на трон олимпийский, а всех, кто тому противиться будет – безжалостно изничтожить! Ждём ответа – и гордо подтягиваем свои белые сандалии! С безмерным обожанием, навеки преданные тебе – артемидянки!»

- Как хорошо, что доктор Артемиды сейчас снимается в кино и не слышит подобных посланий! – молвила Афина, накручивая один из своих роскошных локонов на палец. – Я не допущу такого издевательства над историей! Получается, что, имей мы сейчас христианство, то вместе с многочисленными его сектами получили бы заодно и сатанизм в чистом виде?!

- Тебе, дорогая, тоже есть корреспонденция! – усмехнулся доктор Гермес говорившей. – Вот: «Бесподобная Афина, победоносная дева! Один твой свисток – и мы начинаем массовую зачистку всех мужских обществ, союзов и ассоциаций! Когда свергнешь Зевса и тебе поклонятся другие, пришли нам свою сову: она будет для нас знаком, что всё прошло успешно! Как будет на Олимпе, так будет и на Земле! Твои бесстрашные афинистки.»

- Аферистки, а не афинистки, так будет вернее! – рассмеялся доктор Эрот.

- Нет, это переходит всякие границы! – глаза Афины засверкали. – Арес, может, тряхнём стариной – и прокатимся на глассере по ближайшим городам?
- Дружище, не теряй выдержки, - ответил ей техник. – В конце концов, ты же «богиня» справедливой и честной войны, это я обязан быть лицемером и мерзавцем...
- Последнее послание, коллеги, – доктор Гермес поднёс табличку к глазам. – «Моя великолепная Гера, поклон тебе до самой земли! Я влюбился в тебя с первого взгляда и ни о чём, кроме тебя, не могу думать! Хочешь, я убью Зевса и хоть половину Олимпа – и ты станешь Владычицей Земною! Мечтаю о тебе, моя небесная возлюбленная, чтобы твои...» – доктор на мгновение запнулся. – Словом, дальнейший контент носит откровенно эротический характер, посему мне не хотелось бы зачитывать личные письма прилюдно!
- Вот так поэзия! – растерянно отозвалась завхоз базы, краснея. – Не следует ли запретить Аполлону преподавание литературы?
- Я не воспитываю хамов и убийц на почве ревности! – рявкнул Аполлон, глянув на доктора Геру, затем – на Гермеса. – Слушай, Пилот, ты скоро закончишь?!
- Тот демонстративно положил последнюю дощечку на поднос, давая понять, что сообщений больше нет.
- Итак, коллеги, - вновь заговорил профессор Зевс. – Какие будут соображения?
- Сходить к людям – и поговорить с ними, чего же проще! – поднялся с места доктор Гефест.
- Ну, конечно! Похоже, ты с ними вдоволь не наговорился? – усмехнулся доктор Гермес. – Но своё, увы, ты уже сказал!
- О чём это ты, дружище? – не понял Гефест, поворачиваясь к нему. – Что я уже сказал?
- С позволения собрания, хочу озвучить для присутствующих некий документ, - покровитель писцов и глашатаев коснулся своего жезла. – Итак, вот каким образом выглядит небольшой отрывок «Евангелия от Гефеста», полученного мной с камеры слежения одного из дронов: «...и сказал Гефест, полупустым бокалом поигрывая: «Какой толк от коллайдера, коли молодое вино по его трубам не бегаёт? Истинно, истинно говорю вам: большое кольцо – лучше малого, ибо вмещает куда больше напитка божественного!» И выпили мы с ним со световой скоростью в честь такого открытия научного – и закусили частицами, из протонов, нейтронов и электронов хлебных; и стало всем хорошо. И молвил Гефест: «Запомните, братья: после «Молота Гефестова» все вы – боги, не только я!» И потянуло нас, как магнитом, к кувшину следующему, что достала хозяйка – по просьбе нашей – из криокамеры...»
- По залу волной прокатился смех – и античное помещение наполнилось его отголосками. От монотонного чтения доктора Гермеса расхохотались все, даже особенно мрачный сегодня профессор Зевс; уронив голову на руки, громко смеялась доктор Гера; младшие бессмертные едва не стояли на ушах от услышанного...
- Да чтоб мне провалиться на месте, ни одного подобного слова не говорил! – воскликнул доктор Гефест, делая протестующий жест рукой. – Это поклёп и клевета!
- Да ну?! – Гермес ухмыльнулся. – Если хочешь, могу и видеозапись с того же дрона продемонстрировать! Ты выступал в таверне перед эллинами, объяснял им принцип работы собственных технических достижений... Вспомнил?
- А-а-а, конечно! – Гефест тряхнул головой. – Помню, там какой-то юноша всё за мною записывал... Ну и что?! Всё равно там не одного моего слова нет, этот аидов писец всё напутал!
- Ладно, успокойся! – улыбнулся его приятель. – Это я так, обстановку разрядить...
- Тем не менее, коллеги, - профессор Зевс, отсмеявшись, призвал к порядку и остальных. – Как будем выходить из создавшегося положения?
- Напугать людей, как минимум, мы просто обязаны – всё зашло очень далеко! – предложила доктор Афина. – Иначе эта катавасия не скоро прекратится...
- Хорошо, вряд ли кто-нибудь из присутствующих воздержится от сего неоспоримого вывода, - согласился Зевс. – Как же это сделать?

- Как я и предлагала: мы с Аресом сделаем несколько вылетов – без применения оружия, конечно – и сделаем то, о чём недавно говорил коллега Гефест: поговорим с ними. Но только по-свойски... Иначе эллинской мифологии – какой-никакой, но всё же прекрасной и гуманистической – наступит конец. Этого я, как историк и хранитель истории, не могу – да и не намерена – допустить!

- Возражения будут? – осведомился Зевс, оглядывая собрание.

- Согласен с Афиной на все сто! – Арес поднялся с кресла и хлопнул в ладоши. – Мы обсудим детали – и поверьте: ни о каких зевсистах или эротистах «Олимп» больше не услышит!

- Хорошо, господа и дамы! – заключил Зевс, также поднимаясь. – Только смотрите мне, не переусердствуйте! Все свободны! – громогласно объявил он собравшимся.

Сотрудники «Олимпа», всё ещё посмеиваясь на гефестовым «евангелием», покинули помещение; в зале осталось всего несколько персон.

- Профессор, мы всего лишь устроим огненное шоу над несколькими городами-государствами, пострадавших не будет! – произнесла доктор Афина. – Арес прав: после нашей операции запугивания базу не потревожит более ни одна сектантская анонимка! Доктор Гефест, если вы не против, то просим вас принять участие в мероприятии в качестве консультанта-пиротехника!

Конструктор молча кивнул, приложив руку к сердцу.

- Но, помилуйте, доктор, если вы напугаете человечество как следует, то как после этого мы будем с ним контактировать? – забеспокоился Зевс. – Ведь это ничуть не меньше ставит под угрозу проект, нежели всё вместе взятое сектантство!

- Не знаю! – честно призналась доктор Афина. – Придумаем что-нибудь позже...

- Погодите, погодите! – профессора внезапно осенила идея. – Эврика, как некогда воскликнул некто из гермесовых друзей! Чтобы не рушить отношений с людьми и продемонстрировать им нашу добрую волю, предлагаю сразу после этого устроить Олимпийские игры! Вместо религиозного фанатизма мы дадим людям профессиональный спорт! К тому же, это даст им возможность узнать и понять нас ещё лучше!

- Какие ещё игры? – удивился Арес. – Объясните, профессор!

- Погоди, дорогой, я тебе всё расскажу ещё до нашего вылета! – пообещала ему девушка. – Я вас превосходно поняла, профессор! – доктор Афина сверилась со своим компьютером, многозначительно посмотрела на Зевса. – Действительно, пришло время для их основания; а заодно – и для уничтожения всех этих сект, евангелий и прочей религиозной чепухи, отравляющей чудесные греческие сказочки... Кстати, для начавших спиваться от «Молота Гефестова» эллинов, спорт – лучший стимул для новой жизни!

- Думаю, что мне удастся уговорить доктора Геру профинансировать мероприятие как зримый акт благотворительности... Если же будет необходимость моего участия в вашей операции – ведь я, как-никак, царь всех «богов»! – улыбнулся Зевс, - могу вам подыграть! Извещайте меня о том, как проходит мероприятие... Что же, удачи вам! – сказал профессор и направился к дверям. За ним пошли и остальные...

В течение двух суток Афина, Арес и Гефест воплощали свои планы в действительность: носились на самом устрашающем с виду лайнере над эллинскими метрополиями, устраивая умопомрачительные пиротехнические фокусы; при этом на палубу летающего аппарата передавалась прямая трансляция с Олимпа, в которой голографический Зевс, потрясая своим сверкающим молниями жезлом, грозил ужасными карами за устроенный эллинами религиозный раскол, повергший общество в смуту и взаимную ненависть. Люди, и так напуганные до беспамятства суровым Зевсом и огненными фантазиями доктора Гефеста, куда более теряли голову от созерцания стоящих рука к руке Ареса и Афины, что в их понимании вообще было делом неслыханным: если эти двое, каждый из которых беспощаден сам по себе, ныне решили объединиться против человечества, то любому эллину подобный союз говорил лишь об одном – явилось время расплаты, носящей фатальный характер! Одуревшие от ужаса бывшие сектанты всех направлений, полов и

возрастов, выстраиваясь на коленях перед низко парящим над землёй лайнером, толпами навечно отрекались от своих безумных идей, добровольным покаянием уничтожая и проклиная вчерашние свидетельства запретного отныне мифотворчества.

Но «боги» не только проявили высочайшую милость, не уничтожив ни одного человека, но спустя ещё некоторое время, когда люди понемногу стали приходить в чувство от пережитого в последние дни кошмара, явили им своего посланника Гермеса, который объявил им о грандиозном событии – установлении Олимпийских игр и целой программой связанных с их торжественным проведением мероприятий. Крылатый глашатай объявлял во всеуслышание, что любой из свободных эллинов может принять в них участие. Падкие до зрелищ и всяческих новшества люди, совсем недавно дрожавшие от панического страха перед «карой» за самовольные занятия богословием, немедленно заинтересовались деталями грядущего праздника – и массово начали к нему готовиться.

Каждая метрополия – да что там метрополия, каждая деревня! – старалась выставить на состязания как можно больше своих претендентов. Избранные упражнялись не на шутку: согласно регламенту, следующие подобные игры должны были проводиться через пять лет, а ведь не каждый мог ещё быть в форме спустя указанный промежуток времени! Общий ажиотаж подогревали слухи (запущенные в массы всё тем же Гермесом), что победителей ожидает неслыханная награда – возможность устанавливая собственные статуи наряду со статуями «богов».

Незадолго до начала Олимпийских игр, когда профессор Зевс и доктор Гермес находились на смотровой площадке Олимпа и решали последние организационные вопросы, перед ними, улыбаясь широкой улыбкой, возник доктор Геракл.

- Наконец-то, доктор! – обрадовался Зевс. – Вас хоть вообще никуда не отпускай: столько времени прошло! Мы успели соскучиться... Как чувствует себя цивилизация, что просила вашей помощи?

- Спасена, профессор! – ответил прибывший, дружески обнявшись с обоими. – Я к вам прямо с дороги, даже к себе зайти не успел...

- А ведь это весьма вовремя, друг мой! – нашёлся Гермес. – Посмотрите, пожалуйста, программу Олимпийских игр, может, что-нибудь посоветуете? Как-никак, вы – единственный на базе специалист по спортивным соревнованиям!

- А ведь правда! – улыбнулся Зевс. – Как это мне раньше в голову не пришло?! Доктор, с этой минуты вы возглавляете наш спортивный комитет!

Информатик внимательно просмотрел предложенную покровителем всея журналистики программу состязаний. Улыбнулся – и присел на балюстраду смотровой площадки:

- Кто составлял?

- Мы вместе и составляли, - ответили учёные.

- Ставлю двойку! – отрезал Геракл. – Вы напутали всё, что только можно было напутать: доброй половины упомянутых игр никогда не было в Элладе – потому, что они либо исчезли до её возникновения, либо были придуманы гораздо позднее...

- Мы же не специалисты! – сконфузился Зевс. – Вот возьмите – и займитесь этим собственноручно!

- Соглашайтесь, Геракл! – заведомо громко зашептал ему на ухо Гермес. – Хотя идея проведения Олимпийских игр принадлежит Зевсу, после вашей корректировки программы народная молва всё равно припишет все заслуги его изобретения вашему имени!

Все трое громко расхохотались. И доктор Геракл включился в работу...

Одним словом, всё прошло в наилучшем виде: люди соревновались в беге, одиночной борьбе и многоборье; в метании диска и копья; в прыжках в длину и конных бегах с колесницами... Огромная арена для всех видов спорта расположилась в тенистой долине у подножия Митикас, тысячи и тысячи людей могли наблюдать за самыми первыми на Земле Олимпийскими играми.

Олимп, кстати, тоже выставил на игры своего кандидата – любимого всеми доктора Геракла. Нет нужды говорить, что именно он одерживал верх в любом виде спорта; не

оказалось ему равных ни на беговой дорожке, ни на борцовской арене. Однако, когда наступил момент награждения наиболее отличившихся удальцов, наблюдающая за церемонией публика испытала настоящий шок: Геракл, стоявший на арене среди состязавшихся с ним людей, одновременно появился и на трибуне в сопровождении Зевса, несущего самую главную награду Олимпийских игр – золотые венки победителей.

- Спокойно, дорогие друзья и гости Олимпа! – заговорил он, поднимая руки и улыбаясь. – Спешу объяснить вам причину моего раздвоения... Поскольку я не мог являться одновременно и организатором, и непосредственным участником нашего торжества – чего, честно сказать, мне очень хотелось! – то вместо себя выставил двойника, правда, обладающего гораздо меньшими по сравнению со мной силами... Следовательно, правила игр нарушены не были, а мне остаётся только поздравить победителей – и пригласить их всех в мой спортивный клуб, который начинает работу с завтрашнего утра рядом с «факультетом» Аполлона. Добро пожаловать! А мой двойник – марш в лабораторию! – скомандовал доктор информатики.

«Геракл», стоявший среди людей, похлопал по плечу каждого из соперников, кто вышел с ним в финальные состязания, быстренько перебежал арену – и молча вскочил в кабину фуникулёра.

- Это же надо, как всех развёл наш мастер по всем видам спорта! – присвистнул доктор Гермес. – Выставил вместо себя киборга!

- Ну, раз уж сам Гермес удивлён моим трюком, значит, я далеко не без ловкости! – парировал Геракл.

- Да уж, ловкач!

Победители действительно получили право устанавливать свои статуи как по месту проживания, так и до смотровой площадки Олимпа включительно; поэты слагали им оды, художники – изображали на фресках. Кстати, одно из самых красивых художественных произведений заказала себе доктор истории Афина...

«ЧЕРТОГИ» АФИНЫ⁸

*...Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боёв колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожей нежной она обучила в чертогах
Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок...
Гомеровы гимны, «К Афродите», 10-15*

*...богиню, Палладу-Афину,
С хитро искусным умом, светлоокою, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил её сам многомудрый Кронион.
Из головы он священной родил её, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде её изумленья
Всех охватило бессмертных...
Гомеровы гимны, «К Афине», 1-7*

Если Его Бессмертие Крон искренне полагал, что заглянул абсолютно в каждый уголок «Олимпа», то вряд ли кто ещё так наивно заблуждался: было-таки на базе местечко, о котором не подозревал не только всемогущий инспектор, но даже сам профессор Зевс, доктор Гера и вся верхушка руководства. Мало того: об этом не догадывался никто – кроме тех, разумеется, кто был вхож в сие сакральное место. Более десятка миллиардов лет, что успели пробежать с момента возникновения Вселенной, оно неизменно возникало в любом из создаваемых миров и условно носило одно и то же наименование – «Чертоги» Афины. Говоря простым языком, «Чертогами» Афины называлось подпольное увеселительное заведение, где посвящённые в его тайну могли превосходно расслабиться и отдохнуть после работы. Если профессору Зевсу и руководству «Олимпа» вполне хватало для восстановления энергии поиграть на замаскированном под миниколлайдер тотализаторе, то более молодому коллективу базы «Чертоги» были просто необходимы в силу возраста и для поддержания более независимого общения. То, что заведением управляла доктор истории Афина – потому оно гордо несло сквозь Бесконечность её имя – являлось сложившейся за миллиарды лет традицией. Иногда, в зависимости от обстоятельств или местоположения, оно могло именоваться не только «Чертогами», но и «Залом», «Станцией», «Владением» или даже «Холмом» Афины, что, впрочем, никогда ни у кого не вызывало подозрения, буде это странное словосочетание произнесено при непосвящённых. Всегда можно было сослаться на то, что речь идёт о личных апартаментах или библиотеке всеми уважаемого доктора исторических наук; в пример всегда можно было смело привести неофициальное наименование «факультета» доктора Аполлона, островной лаборатории доктора Эрота или даже базы профессора Посейдона, а также кабинет ещё кого-нибудь из коллег. Тем не менее, куда сложнее было обыграть такие понятия, как «Добыча» или «Ад» Афины; однако, посетители заведения неизменно выкручивались из любой ситуации, почему тайна «Чертогов» Афины так и не была раскрыта до сих пор. К тому же доктор Афина, являясь прямым и непосредственным начальством коллег Мнемосины и Клио, однажды раз и навсегда отдала им указание либо изымать из Центрального Архива Каталогизации малейшую информацию, могущую хоть единственным упоминанием засветить её

⁸ Глава изъята. Ограниченное пользование. Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

«Чертоги», либо держать ознакомление с материалом третьей стороной под грифом особого допуска. Словом, то, что по ночам имело место быть среди младшего и среднего научного и технического персонала на «Гартаре» или «Океане», на «Олимпе» было совершенно законспирировано и поставлено доктором Афиной на куда более широкую ногу. Соответственно, в связи с предпринятыми Афиной мерами предосторожности, общеизвестная норма «Из всех допустимых неприятностей обязательно случится именно та, что нанесёт наибольший урон», ещё ни разу не получила подтверждения, благодаря чему «Чертоги» до сих пор не были дискредитированы.

Заведение доктора исторических наук находилось в небольшом зале между Храмом Зевса и Сектором Центрального Телепортера, причём Афина выбрала такое его расположение далеко неслучайно. Во-первых, никому и в голову не придёт искать его там, где постоянно кто-нибудь находится – тем более, так сказать, в самой пасти льва. Во-вторых, несмотря на абсолютно непроницаемую звукоизоляцию – благодарение Фобосу и Деймосу за труды! – любой доносящийся из «Чертогов» шум и без того успешно глушила Техническая лаборатория, которую ныне занимал доктор Гефест. Доктор Афина ловко рассчитала конструкцию базы, избрав из всех возможных вариантов наиоптимальный: воспользовавшись – не без помощи упомянутых выше техников – неучтённым пространством, она предусмотрела аж четыре аварийных выхода из заведения, если вдруг «Чертоги» будут-таки раскрыты. После этого историк принялась украшать помещение: генетик Эрот организовал великолепную мебель; трансгуманист Прометей – роскошную сцену и бильярдный стол; красавица Афродита частенько и добровольно исполняла обязанности барменши (впрочем, в заведении действовал негласный закон самообслуживания), а химик Дионис – исправно поставлял в «Чертоги» приятные алкогольные напитки различной крепости, изумительные наборы благовоний и всевозможные курительные смеси. Благодаря четырём выходам, из помещения можно было удалиться вполне незамеченным. А поскольку «Чертоги» открывали двери посетителям исключительно после рабочего времени, чаще всего, за полночь, риск столкнуться с кем-нибудь из случайных прохожих в коридорах «Олимпа» был сведён к минимуму.

Излишне говорить, что в «Чертогах» заседали не только сами олимпийцы: посвящённые в их тайну сотрудники других баз исправно посещали это уютное местечко хоть раз в неделю. Ликующие друзья оттягивались по полной программе, а сама хозяйка и попечительница заведения исправно пополняла собственный дневник теми или иными, списанными прямо с природы, приколами из жизни коллег... Людям, естественно, вход в эту святая святых был строжайше воспрещён.

Сразу после церемонии награждения победителей первых в человеческой истории Олимпийских игр, доктор Афина, готовясь к неизменному по такому случаю в «Чертогах» празднеству, любовно несла туда только что приобретённую у кого-то из аполлоновых учеников чудесную художественную работу.

- Привет, Афина! – легонько хлопнул её по плечу доктор Эрот. – Это ещё что за штука?

- Да вот, решила поддержать денежкой творцов прекрасного, - девушка развернула полотно и всмотрелась в каждый его уголок. – Правда, потрясающе?

Собеседник перевёл взгляд с Афины на полотно:

- Хм, понятно... И куда ты тащишь эту мазню?

- Мазню?! Много ты понимаешь в искусстве!

- Ты лучше вот что скажи, - отмахнулся Эрот. – Сегодня ночью, как я понимаю, в «Чертогах» особая программа?

- Кто тебе об этом...

- Да так, просто я успел немного поговорить с Прометеем, - уклончиво ответил генетик. – Ну и, разумеется, Дионис тоже шепнул мне, что ты попросила его удвоить количество поставляемых в заведение напитков и этой... как там её... травки!

- Ну, знаешь! – Афина сверкнула глазами, сворачивая шкуру в трубку. – Коллеги совсем уже страх потеряли: Зевса ещё с трибуны не унесло, Гера – там же находится, а они шепчутся с тобой на всю арену!

- Да будет тебе переживать, никто нас не спалил! – оправдывался Эрот.

- Вот именно! Потому, что я постоянно забочусь об этом! Ладно, - девушка забросила полотно на плечо. – Увидимся позже, мне ещё надо немного поработать...

Пройдя через собственный кабинет в «Чертоги», Афина придирчиво осмотрела помещение: украшенные шикарными фресками стены, стойка, бар, бильярдный стол, большая сцена с роялем... Она улыбнулась: пожалуй, если бы не рояль, не свойственная Элладе музыка и не многочисленные иллюминационные шары на потолке зала, сюда вполне можно было бы пускать людей... Но, подобно любому историку, Афина терпеть не могла анахронизмов, а что касается абсолютных исторических искажений – и подавно. Поэтому она с печальной улыбкой выдала:

- Двадцать три миллиарда, восемьсот два миллиона, двести сорок одна тысяча, девятьсот шестьдесят три афины по индивидуальному времени... Всё больше и больше поражаюсь тому, во что эллинские баснописцы превратили своих создателей! Вот, только что завершились первые Олимпийские игры. Увы, о Зевсе в мифологии даже не будет упомянуто, все лавры – помимо уже полученных – достанутся Гераклу... Но не тому, который киборг, а тому, который создал киборга, уступив ему собственную внешность. Впрочем, о лаврах на его псевдовнешности также не будет упомянуто ни слова! Ах, История! Ах, дорогая моя Клио!

- Слушаю тебя внимательно, дорогая! – мгновенно раздался голос её подчинённой. – Что-нибудь случилось?

- Клио?! – Афина слегка вздрогнула, легонько касаясь своего золотого шлема с вмонтированным в него компьютером. – Ты что, подслушиваешь меня?!

- Вовсе нет, - было ей ответом. – Просто ты произнесла моё имя – и я подумала, что ты меня вызываешь на связь... Как прошли Олимпийские игры?

- Какие ещё игры?! Ах, эти... – Афина, находясь на прямой связи с Центральным Архивом Каталогизации, направилась к одной из стен за сценой. – Прошли замечательно, дорогая моя! Жаль, что тебя не было; полагаю, что тебе самой было бы любопытно взглянуть на выкинутый Гераклом финт!

- Конечно! – засмеялась доктор Клио, находясь за гуголы мегапарсеков от Земли. – Мы уже кое-что получили! Твой отчёт уже закончен?

- Да, вышлю его тебе через несколько минут... Мнемосина рядом? – спросила девушка, внимательно разглядывая стену.

- Как всегда! – раздался в ответ голос коллеги. – Всех тебе благ, дорогая Афина!

- Как же я скучаю без вас, милые! – вздохнула Афина. – Ах, зачем вы сейчас не со мной?

- Ничего страшного, дорогая! – вновь раздался успокаивающий голос доктора Мнемосины. – Каждый из нас обязан заниматься своим делом: ты – на Земле, мы – дома, в Архиве... Ты являешься нашими глазами в этом участке Вселенной, помни об этом! К тому же ваши земляне всё равно запишут нас в спутницы к Аполлону!

- Верно! – улыбнулась Афина. – Вы тоже войдёте в человеческую историю музами! Кстати,

- она прервалась, - как там дела с моими особыми материалами? Попыток проникновения со стороны Совета не было? Всё по-прежнему хорошо запаролено?

- Не переживай, дорогая! – ответила доктор Клио. – Конфиденциальность аудио и видео документов, которые ты присылаешь нам для отчётности под особым грифом, ни разу не подверглась угрозе! К тому же, Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ сейчас вовсе не до Земли: после посещения академиком Кроном вашей планеты и положенного им на стол Совета доклада по проекту в целом – и о вашей работе в частности – никто не беспокоится...

- Иными словами говоря, о твоих «Чертогах» до сих пор не подозревает ни единое существо во Вселенной! – вставила доктор Мнемосина, судя по голосу, с улыбкой. – Твоим увеселительным, но крайне полезным экспериментам, ничто не грозит!

- Спасибо, милые! – Афина продолжала задумчиво рассматривать стену. – Если бы не эти «Чертоги», то нас всех можно было бы списывать за непригодность! Работы просто завалились!.. А я уже совершенно схожу с ума от того, что греческие баснописцы вытворяют со всеми нами! То, ради потакания их мифотворчеству, следует отправить на «Океан» профессора Горгону – великолепного специалиста, с которой я и Зевс провели в трудах бесчётное количество лет; то Полифема выставляют каким-то одноглазым чудовищем и сочиняют про него оскорбительные сказки; перепадает от них и Гермесу, и Аресу, да и самому Зевсу... Даже меня – и ту записали в стратеги! А вся моя стратегия – это История! Но самое главное, что мы сами уже начинаем верить в это мифотворчество! Знаете, как Зевс недавно обратился ко мне?! Дочурка! Согласно эллинской мифологии, которую вряд ли кто-нибудь знает лучше меня, мы все – родственники! Я, например, одновременно являюсь матерью, женой, сестрой – или, на худой конец, любовницей – наверное, половине «Олимпа», трети «Океана» и четверти «Тартара» в придачу! С остальными коллегами – та же история... Нигде ещё, нигде до сих пор во Вселенной наши творения так не издевались над своими создателями!

- Если бы я сейчас не видела, что ты смеёшься, Афина, то подумала бы, что ты – жалуешься и плачешь! – расхохоталась доктор Клио. – Мы превосходно понимаем необходимость твоих «Чертогов»! Впрочем, желаю тебе сегодня оторваться в них как следует!

Беседа продолжалась ещё некоторое время, после чего девушка, распрощавшись с подругами, отключила связь – и аккуратно повесила шкуру на стену, которую до той поры внимательно рассматривала. Поправила неровный уголок – и отчётливо произнесла:

- Ноль целых восемьсот сорок девять десятитысячных одной афины. Итак, я только что поместила этот чудесный прообраз картины на стену моего заведения, за которой – с сегодняшнего дня – находится пятый аварийный выход из «Чертогов»! Доступ к данным закрыт с момента их получения МАИ! Спасибо вам, девочки!

Как упоминалось выше, мало кому что говорил этот набор цифр – Афине же он говорил всё! Кроме того, что собственное земное имя являлось для неё единицей индивидуального времени, она иногда произвольно меняла всю систему; таким образом, уроки Фобоса и Деймоса, а также некогда личные занятия комбинаторикой не прошли для неё даром: «код Афины», как в шутку называли его коллеги, до сих пор оставался никем не дешифрованным.

Некоторое время спустя «Чертоги» сияли всеми цветами радуги; гремела музыка, бессмертные танцевали на сцене или восседали за столами заведения, отмечая удачное завершение первых Олимпийских игр. Поскольку начальство всех трёх баз подводило итоги прошедшему мероприятию, рискуя засидеться за этим до зари, собравшимся в «Чертогах» никто не мог помешать отдыхать на всю катушку. Милая хозяйка, обходя столик за столиком, приветствовала каждого из посетителей персонально.

- О боги, насколько же у неё всё правильно, всё точно, всё отлажено! – закрывая от удовольствия глаза, пробормотал доктор Аполлон, чокаясь маленькими амфорами с доктором Гефестом. – «Чертоги» у неё всегда в полном порядке, посетители довольны, дефицита на товар – никакого! Удивительно доброго нрава девушка! Просто сказка!

- И не говори, дружище! – отвечал тот, разом осушая посуду со своим любимым напитком – «Молотом Гефестовым». – Только не забывай, что наша Афина – тот ещё фрукт! Против самого Зевса частенько прёт, как стригорианский лазерный танк! Тот, говорят, даже совета её просит по вопросам стратегии!

- О чём это вы, други мои? – подсел к ним с бокалом доктор Гермес. – Что обсуждаем? Победу псевдоГеракла? Да уж, развод эллинских спортсменов оказался знатным!..

- Ничуть, - открыто признался ему Аполлон, приветствуя подошедшего амфорой. – Обсуждаем попечительницу «Чертогов» – Афины-Палладу! Светлооую, Предостойную, Превнимательную и Нежнейшую...
- Нежнейшую?! – вылупил на него глаза Гермес. – Да что это с тобой, в самом деле?! Вероятно, уже наклюкался чего-нибудь по новому рецепту Диониса?!
- Вот и я говорю, - ввернул Гефест, подзывая пальцем роскошнейшую барменшу во Вселенной – Афродиту. Та мило улыбнулась ему – и, взяв со стойки амфору, направилась к их столику. – Афине, честно говоря, совершенно чихать на нежности!
- Верно, - продолжил доктор Гермес. – Я однажды слышал, как Зевс по какому-то поводу сцепился с Аидом. Спорили они, спорили, а потом Аид возьми да скажи: «Знаешь, что, коллега? Ты трахнул себя однажды по башке – и получил Афины! Вот теперь и ешь её с кашей!» Это я к тому, - пояснил он своим слушателям, - что не такой уж и кроткий характер у нашей хозяйки! Афина, конечно, мне друг, но истина дороже! Так-то!
- Ну, что, мальчики? – красота подошедшей барменши, казалось, застила собой не только лазерную иллюминацию в зале, но и сами «Чертоги». – Это тебе, Гефест, - Афродита поставила перед коллегой амфору – и с улыбкой осмотрела остальных. – Итак, будем что-нибудь заказывать – или с вас и музыки довольно?
- Дай-ка мне, пожалуйста, «Глоток Леты», - задумчиво произнёс доктор Аполлон, заметив, что доктор Афина поймала его взгляд – и очаровательно улыбнулась в ответ. Здороваясь по пути с другими посетителями, она не спеша отправилась к их компании.
- «Глоток Леты»?! – вновь воззрился на друга Гермес. – Не рановато ли тебе утонуть в водах забвения? Послушай, Афродита, я попрошу тебя больше Аполлону вообще ничего не предлагать!
- Да, он только что сказал, что Афина – Нежнейшая, – сдал друга с потрохами доктор Гефест, улыбаясь до ушей.
- Да будет вам, - улыбнулась Афродита. – Всё равно все вы любите меня!
- Естественно! – мигом нашёлся всё тот же Гефест, прикладывая к губам пальцы и посылая девушке воздушный поцелуй. – Ты же – моя жена, как-никак!
- Опять началось! – шутливо произнесла доктор Афродита, отмахиваясь.
- А разве это не так? – продолжал неистовствовать доктор Гефест, подмигивая друзьям. – Да об этом известно любому эллину! Коли не веришь, спроси Афины – вон она, в центре зала – та враз тебе докажет, что я говорю правду!
- Вижу, как ты успел к этой правде привыкнуть! – парировала красавица-барменша. – То амфору ему принеси, то кальян... Что же ты попросишь завтра?!
- Да ладно вам пикироваться, друзья! – развёл руками доктор Гермес. – Каждая женщина – богиня; и, если она существует, то, как минимум – является богиней вдвойне!
- Конечно, это лишь ты один – Триждывеличайший, уж каким богиням равняться с тобой, Гермес! – расхохотался Аполлон. За ним рассмеялись и остальные.
- Всех вам благ, дорогие! – рядом со столиком будто из ниоткуда возникла приветливая хозяйка заведения. – Развлекаемся?
- Именно! – всё ещё смеясь, ответила доктор Афродита. – Слушай, Афина, ты ведь спец по древнегреческой мифологии: Гефест мне в мужья сватается! Законно ли это?
- Ещё как! – доктор Афина уселась на свободное место. – Только вот в чём проблема: Гефест, помимо этого, ещё и мой муж! Ну, как минимум, любовничек... Да и с Аглаей у него также не менее тесные отношения, если хочешь знать...
- То есть?! – Афродита воззрилась на Гефеста. – Так, отвечай: когда, где и при каких обстоятельствах ты успел спутаться с Афиной?! И ещё с целым сонмом практически незнакомых мне коллег?! Как после этого ты смеешь предлагать мне себя, нехороший?!
- Уносим ноги, друзья! – воскликнул Аполлон. – Если сейчас Афродита сбегает к бару за тряпкой, так не только Гефесту – нам всем несдобровать!
- Ой, да ну вас всех к Аиду, коллеги! – Афина устало закрыла лицо руками. – У меня от этих родственников – в большинстве случаев, кровосмесительных – связей просто голова кругом

идёт... К слову сказать, самой Афродите также негоже особо злиться на Гефеста, поскольку её возлюбленным – согласно той же мифологии – числится никто иной, как наш коллега Арес... который сейчас – в углу зала – пялится на младших муз...

Торжество продолжалось. Гремела музыка, амброзия всевозможной крепости лилась рекой. Наконец, в заведении показались доктора Эрот и Дионис; их сопровождали коллеги из «Тартара». Афина извинилась – и временно покинула друзей, переместившись за столик к пришедшим.

- Всех благ тебе, о Афина! – поздоровался с ней Эрот. – Чему же славному ты сегодня обучишь нас в своих «Чертогах»?

- Всех благ, Эрот! – девушка по очереди обнялась с обоими. После, хитренько глядя на доктора химии, добавила. – Ты сделал то, о чём я тебя просила, Дионис?

- Спрашиваешь, дружище?! – ответил тот, ставя перед нею на столик небольшую шкатулку.

– Всю ночь сидел над этой мудрёной штукой, пока, наконец, нахимичил... А ты думала – подведу?!

- Ни секунды в том не сомневалась! – Афина ловко подхватила шкатулку со стола и открыла крышку: в ней рядами лежали ароматические то ли сигариллы, то ли сигареты. – Чудесно, дорогой! Что же, - она кивнула в сторону сцены, - самое время подниматься на подиум – и рекламировать наш товар! Надеюсь, что ты проверил его действие?

- Обижаешь, Афина! Да я абсолютно всё испытываю на себе самом – иначе, какой бы я был учёный?!

Мгновением позже она уже была на эстраде и требовала тишины. Музыка смолкла, движения в зале стихли. Афина гордо сжимала в руках полученную от Диониса шкатулку; множество глаз безотрывно наблюдало за ней, уверенно и радостно вещающей собравшимся:

- Двадцать три миллиарда, восемьсот два миллиона, двести сорок две тысячи, шестнадцать с половиной афин по индивидуальному времени... Ведь собравшиеся не против, чтобы я, в целях экономии времени, сделала в дневнике запись для отчёта? Благодарю вас! Итак, дорогие друзья, коллеги-олимпийцы и наши замечательные гости! Как известно, в наших обожаемых всеми «Чертогах» имеется пятьсот тридцать девять дверей. Так мы именуем количество разнообразных напитков, курительных веществ и благовоний, которые, совмещая в себе приятное с полезным, даруют нам отдых и силу; радость, за которой неизменно следует труд! Каждая из этих дверей открывается по-своему; любая из них ведёт избранных к новым переживаниям и открытиям. С сегодняшнего дня этих дверей стало пятьсот сорок. Их бездны раскрываются не-глазами; симфонию их можно услышать не-ушами – и уж, конечно, не-мозгом усваивается пройденный по ним долгий, извилистый путь. Наши замечательные мастера, честь и хвала им, уже давно разрабатывают универсальные средства, которые не только полезны для организма, но при этом – весьма приятны. Здесь, на Земле, в нашем новом временном доме, люди называют подобное алкоголем и наркотиками, поскольку на большинство из наших творений эти вещества именно так и действуют. Нам же, конечно, их воздействие не может причинить никакого вреда: лишь успокоить, дать радость, которая вскоре сменится невероятной мозговой активностью...

- Почти, как мой СУМ – Сингулярный Усилитель Мышления, - негромко перебил хозяйку «Чертогов» доктор Гермес, однако та услышала коллегу.

- Вот-вот, именно! – доктор Афина, соглашаясь в Гермесом, кивнула в ответ на его реплику.

– Разница в том, что СУМ повышает мозговую активность, однако выполняет это без придачи процессу ощущения огромной радости... Если хотите, можно назвать её счастьем... Люди, в отличие от бессмертных, привязываются исключительно к ощущению этого эфемерного счастья, совершенно игнорируя подлинное назначение процесса; вместо того, чтобы сосредоточиться на первостепенной задаче – познания Вселенной и её законов, расширения сознания и использованию узанного на благо других – они следуют лишь за мнимыми видениями... Ведь если у нас – после применения тех или иных препаратов – тела

рвутся к звёздам, то у них – звёзды в глазах только мелькают... И ничего более, кроме, скажем, алкогольного абстинентного синдрома... Прости, Гипнос, я, кажется, не особо перемудрила с медицинской терминологией? – вдруг спохватилась оратор.

- Да нет, пока всё нормально! – заверил спрошенный ею доктор альтернативной и не только медицины. – Ты вполне могла бы читать лекции моим ученикам... Особенно после упомянутого и весьма свойственного им синдрома...

- Спасибо, дружище! – улыбнулась ему девушка. – Итак, возвращаясь к сказанному, хочу поздравить всех нас с новым изобретением великого Диониса!

- Не совсем верно: Афина приложила к изобретению руку гораздо более моего! – раздался голос честного доктора химии. – Слава Афине-Палладе!

Его слова утонули в бурных овациях. Раскрасневшаяся Афина лёгким движением руки хотела прекратить шум, но этого действия оказалось явно недостаточно, чтобы успокоить собравшихся. Когда, наконец, наступила относительная тишина, девушка смогла продолжить:

- Как я упоминала ранее, отныне в наших «Чертогах» появилось новое ощущение, открылась новая – пятьсот сороковая – дверь в Непознанное! Дамы и господа, встречайте: «Троянский конь»! Прошу угощаться, сегодня всё – в счёт заведения! – с этими словами она, предварительно закурив одну из сигарет и установив открытую шкатулку на край эстрады, величаво сошла с подиума в публику.

Что и говорить, попробовать изобретение самой королевы «Чертогов» возжелал каждый. Вновь загрела музыка; кто ещё был в состоянии танцевать – вернулись на сцену. Хозяюку заведения буквально затискали в объятиях как олимпийцы, так и не олимпийцы; каждому хотелось поздравить доктора Афины персонально. Пока её ласково раздирали на части, к историку – благодаря своей огромной фигуре – пробился доктор Геракл; он уже успел несколько раз затянуться – и едва не плакал оттого, что дым разъедал ему глаза.

- Афина, радость моя! Ты просто чудо! – он схватил девушку на руки и закружился вокруг своей оси. – Как тебе пришло в голову изобрести подобную вещь?!

- Ну, измельчила немного того, немного этого... После – химическая очистка, - Афина положила голову на плечо великана, даже не делая попыток вырваться.

- Как ты говоришь, эта смесь называется? «Троянский конь»?

- Ага...

- Афина, тебе цены нет! О моя валькирия!

- Попрошу без анахронизмов, дорогой!

- «Троянский конь»! Очень, очень звучит! Откуда такое название? Сама придумала или кто-нибудь подсказал?

- Конечно, сама! А откуда – уж и не помню... Но что красивое – согласна. Думаю, что в будущем пригодится... Только на пол-то меня верни, Геракл!

Некоторое время спустя, после последнего собрания в «Чертогах», доктор Афина, занятая бесконечными отчётами и приведением в порядок исторических документов, решила устроить себе небольшой перерыв – и выбраться на природу. Спустившись на фуникулёре к подножию Олимпа, она с удовольствием вдохнула – и медленно пошла через поляну к ближайшей роще, чтобы хоть оттуда, в тени деревьев и журчащих ручьёв, не слышать репетирующих актёров театра Аполлона. Стоило ей, усевшись под деревом, закрыть глаза и сделать пару затяжек, как до неё донеслось странное шуршание откуда-то сбоку. Доктор открыла глаза и повернула голову на шум: буквально в десятке метров от неё, тщетно пытаясь укрыться за стволами деревьев, стояли несколько эллинов разных возрастов, одетых в плащи, хламисы или гиматии. Во взгляде их застыло изумление, причину которого Афина не могла понять; чтобы прекратить затянувшуюся паузу, девушка поднялась с травы – и подошла к бесцеремонно рассматривающим её мужчинам.

- Хайре, приятели! – обратилась она ко всем одновременно. – Что случилось?

Эллины продолжали разглядывать девушку в полном молчании; глаза их продолжали бегать по лицу доктора. Историк улыбнулась:

- Так, короче: если мы с вами ещё не знакомы, то зовут меня Афина...

После этих её слов люди, казалось, пришли в себя, потому что один из них высокий, бородатый и густоволосый – тут же произнёс:

- Как же, как же, великая Афина, мы превосходно знаем тебя! Ты – олимпийская богиня, дочь великого и достохвального Зевса...

- Кто же не знает тебя, о могучая дева-воительница! – поддакнул ему другой, несколько постарше первого и носивший не столь длинную бороду. – Впрочем, мы местные – и были одними из первых, кто видел тебя на огненной колеснице вместе с Аресом... Как же тебя не узнать, о богиня?! Лишь ты – единственная из дев, кто носит на своей величавой главе золотой шлем бесстрашного воина!

- Афина?! – с непередаваемым очарованием в голосе подхватил третий, самый старший на вид, протягивая руку в сторону доктора истории. – С нами говорит светлейшая Афина, краса битв?! Афина, чей глас всемогущий советует избранным?!

- Да, да, Гомер, не сомневайся, - ответил ему второй, беря его за протянутую руку. – Это Афина-Паллада, гроза сражений, великая мать ремёсел и покровительница Эллады!

- Ах, Гесиод! – воскликнул его друг, поворачивая лицо в ту сторону, откуда к нему доносился голос девушки. – Как досадно, что по причине отсутствия зрения мне не дано узреть вдохновительницу кораблестроения! Как жаль, что...

- Погодите, погодите, друзья! – замотала головой королева стратегии. – Вы что-то путаете: ладно, с титулом «грозы войн» я ещё согласна... Но кораблестроение?! Я даже на лодке никогда не плавала! Корабли, кстати говоря, создаёт мой коллега Арес!

- Ничего подобного! – возразил ей грек, которого слепец назвал Гесиодом. – У меня последняя информация, друзья, что родоначальником корабельного дела является богиня Афина! – он достал из-под гиматия деревянную табличку, протягивая её девушке. – Вот, убедись сама!

Та лишь махнула рукой вместо ответа:

- Не хочу даже спрашивать, откуда у тебя подобные сведения... Лучше скажите мне: кто вы и что здесь делаете?

- Мы – поэты! – гордо ответил белокурый, одетый в хитон и хламис юноша, впервые включаясь в разговор. – Каждый из нас имеет великую честь обучаться у твоего великого родственника Аполлона!

- Ах, вот как? – Афина сделал затычку, выпуская изо рта изящную тоненькую струйку ароматического дыма; эллины безмолвно наблюдали за её действием – все, кроме, естественно, Гомера. – Повезло же мне: в желании уйти подальше от шума, поднимаемого актёрами Аполлона, я немедленно наткнулась в лесу на его поэтов! Ну, и как гуляется? Птичек пришли послушать, как Орфей – пения Эвридики?

- Не совсем, - ответил Гесиод, пожимая плечами и отводя в сторону свободную левую руку; правой он держал за руку своего друга Гомера. – Аполлон отправил нас на поиски вдохновения... Кстати, о птичках: Афина, а где твоя сова?

- Дома оставила, - мгновенно нашлась доктор. – Чего ради брать её с собой в лес: мало ли – улетит куда, потеряется... Заснёт где-нибудь, а потом ищи её, свищи... То ли дело – война!

- А что это у тебя такое? – продолжал свои расспросы Гесиод, указывая глазами на сигарету в пальцах доктора.

- Ах, это? – Афина грациозно стряхнула пепел под ноги и хитренько улыбнулась. – Это – моё личное вдохновение!

- Чем здесь так вкусно пахнет, о мои зрячие друзья? – встрял в беседу Гомер, страстно приносиваясь. – Наверное, таково присутствие среди нас великой Афины? Ох, со сколькими богами, музами и героями довелось мне общаться, но так сладко пахнуть может одна лишь Афина! – сделал он ошеломительный вывод. – Никогда и ни с кем отныне тебя не перепутаю, о повелительница сражений!

Доктор Афина рассмеялась; остальные, не понявшие причины её веселья, недоумённо переглядывались.

- Богиня время от времени подносит к своему изумительному роту какую-то дымящуюся палочку, а после – выпускает клубы дыма, - ответил ему Гесиод, передавая коллеге на словах увиденное собственными глазами. – При этом она уверяет, что эта палочка – её личное вдохновение!

- Ну, при таком чудесном запахе я охотно этому поверю! – Гомер вновь сильно втянул носом воздух. – А ведь Аполлон как раз послал нас на поиски вдохновения... Скажи нам, о бесподобная Афина, не могла бы ты хоть немного поделиться своим вдохновением с нами, поэтами? – он вновь обратил лицо в сторону девушки.

Доктор истории не могла и не хотела сдерживаться – и потому громко расхохоталась вместо ответа. Великий слепец не мог видеть Афины, но превосходно улавливал интонации её звонкого смеха; он был совершенно беззлобным. Поэтому он решил повторить попытку.

- Так как насчёт вдохновения, о величайшая и прекрасная? – Гомер вновь протянул руку по направлению к девушке. – Не откажи бедным пиитам, одари нас своим вдохновением!

- Я, конечно, извиняюсь, - отсмеявшись, ответила Афина, - но почему бы вам не обратиться к музам? Насколько мне известно, это именно их прерогатива – вдохновлять!

- В настоящее время у них нет на это ни малейшей возможности, о владычица справедливых боевых действий! – вступился за Гомера юноша. – Они все задействованы в новом спектакле Аполлона, попросили нас хоть немного обождать... Потому наставник и посоветовал нам прогуляться по лесу – может, нам самим удастся найти это самое вдохновение? А тут – ты, вся сияющая, со своей волшебной палочкой...

- Помоги нам, о Афина-Паллада! – взмолился до сих пор молчавший второй поэт. – Ты же знаешь, как это у нас бывает: без вдохновения мы не на что не способны! А так хочется создавать нечто красивое! И создавать, по возможности, как можно чаще...

- Отлично понимаю вас, друзья: ни дня без строчки! – улыбнулась доктор. – Только хочу предупредить сразу: не больше одной затяжки! И только единственный раз в жизни, понятно? Привыкания, конечно, никакого, но главное – в том, что курительные ритуалы вашей культуре вообще несвойственны...

- Как скажешь, повелительница! – пожал плечами Гомер.

- Если хоть кому-нибудь проболтается, что Афина разгуливает по лесу и дымит направо и налево, я всё стану отрицать, ясно? Доходчиво объясняю?

- Согласен! На всё согласен! – без долгих раздумий выпалил Гомер.

- Постой, Гомер, постой! – Гесиод внезапно дёрнул приятеля за руку. – То есть ты, будто ни в чём не бывало, готов отведать вдохновения самой Афины?!

- А что такого? – возразил ему Гомер. – Она же сама сказала: привыкания никакого...

- Да, но подумал ли ты о том, что она сказала незадолго до этого? Афина назвала эту дымящуюся палочку своим собственным вдохновением!

- Не понял... И что с того?

- Как это – что?! – Гесиод наклонился почти к самому уху коллеги – и зашептал, хотя, поскольку ему мешали плещущие через край эмоции, шёпот его был прекрасно слышен на всю поляну. – Это же личное вдохновение Афины! Афины, понимаешь? Она – богиня войны! Следовательно, воспринимая её вдохновение, ты станешь нереально воинственным, Гомер! Неужели непонятно?

- Брось, дружище Гесиод! Да какой из меня, слепца, воин?!

- Не знаю, приятель! Но черпать вдохновение у самой Афины – небезопасно, уж поверь старому другу! И вообще, почитай свои собственные произведения: они у тебя и так воинственны до невозможного! Сплошные столкновения, свалки да побоища! А что будет дальше?

- Может, ты прав, мой миролюбивый Гесиод! Но попробовать стоит! Я вовек себе не прощу такой возможности: быть вдохновлённым самой Афиной – и смалодушничать, отказаться от этого! Аид меня побери!

Доктор тихонько посмеивалась, слушая эту первую в истории человечества поэтическую перепалку. Двое других греков молча внимали друзьям; по их лицам нельзя было понять,

какой из спорящих сторон они сочувствуют – Гомеру или Гесиоду. А страсти накалялись – и Афина решила более не задерживать развязки.

- Ещё раз извиняюсь, - она вынула из одежд новую сигарету, прижигая её от простого прикосновения к собственному шлему. – Поторопитесь с решением, ребята: эта штучка у меня последняя, а на Олимп я вернусь не скоро...

- Я готов, о всеславная Афина-Паллада! – воскликнул Гомер. И повернул голову справа налево. – Друзья-товарищи, дорогие братья по стилю! Кто со мной?

- Я, пожалуй, рискну! – решительно отрезал юноша, воинственно наматывая гиматий на свою левую руку.

- Я тоже! – поддержал его поэт постарше.

- Решайся, Гесиод! – уговаривал коллегу Гомер. – Второго такого случая может и не представиться!

- Я не трус, друзья, и бесконечно обожаю нашу бесценную покровительницу, но должен ведь хоть кто-нибудь присмотреть за вами? – обеспокоенно ответил тот. – Если что, то подожду следующей встречи с великой Афиной... Пока же воздержусь от лишней воинственности...

- Как знаешь, - пожал плечами Гомер – и вновь обратился в сторону доктора истории. – Начнём же, о Афина! Дай мне твою волшебную ароматную палочку!

Девушка протянула старцу сигарету, вложив её ему в пальцы. Гомер ощупью поднёс её к губам – и смачно затянулся. Остальные смотрели на него во все глаза. Поэт закашлялся с непривычки, но тут же затянулся ещё раз.

- Эй, Гомер, не жульничай! – доктор вытащила дымящийся предмет из его пальцев. – Ведь договаривались: каждому по затяжке! Оставь хоть друзьям... Тебя-то хоть как зовут? – обратилась она к юноше, передавая ему сигарету.

- Алкман, - ответил тот, повторяя действия Гомера и выпуская сладкий дымок через ноздри.

- Будем знакомы, - склонила головку Афина. – Хотя, по-хорошему, не мне следует возиться с вами, а Эрато, Евтерпе и Каллиопе... Следующий!

Ошеломлённый от увиденного, Гесиод невольно выпустил руку Гомера, наблюдая за странным ритуалом передачи вдохновения от «великой богини»; тем временем Афина добила сигарету, окурок которой исчез неведомо куда прямо с её ладони. Друзья, в ожидании чуда, поглядывали на девушку и друг на друга – разумеется, те, кто был в состоянии это делать. Вдруг Гомер, воздев обе руки к небесам, рухнул, как подкошенный, оземь; вновь вскочил – и с криком «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!..» понёсся прочь с поляны; странно было то, что он совершенно при этом не спотыкался, наоборот: весьма уверенно огибал попадавшие на его пути камни, кустарники и деревья. Мгновение спустя он, не переставая что-то выкрикивать, пропал с глаз долой. Трое мужчин с Афиной во главе продолжали изумлённо поглядывать друг на друга.

- Что это с ним стряслось? – молвил, наконец, Алкман. – При чём тут Ахиллес, Пелеев сын? Может, Гомер опять вошёл в контакт с давным-давно преставившимися героями?

- Ничего не понимаю, - покачал головой Гесиод. – Он что, внезапно прозрел, что ли? Коллеги, вы видели, как он огибал попадавшие на его пути препятствия? Непостижимо! И вся троица вопросительно уставилась на историка. Афина развела руками:

- Вот только не надо на меня смотреть, как на врага народа! Я предупреждала, что от моего вдохновения сознательное и бессознательное начинает творить чудеса! Возможно, что сейчас наш Гомер уже шныряет по иному измерению – и безуспешно...

- Да чтоб у меня самого глаза лопнули, - воскликнул Алкман, - но только он теперь – вполне безуспешно – шныряет и по нашему... Друзья, какому странному явлению мы только что оказались свидетелями, а?

- Аид его знает! – тактично ответила стратег всех времён и народов. – Прозрения Гомера, я, конечно, не допускаю ни на миг – моё вдохновение не для этого создано... Вполне возможно, что мой ароматизированный дымок затронул некие его внутренние возможности – например, обострил его способность ультразвуковой ориентации, наподобие

нетопырей... Впрочем, не знаю; хоть я и доктор, но, увы, не биологии... Однако, его необходимо найти, пока не натворил чего-нибудь в своём поэтическом угаре, иначе...

Она не успела договорить: Алкман, полностью повторив действия Гомера (руки вверх – бум оземь – снова вверх), с воплями «...Поднимаются Плеяды В мраке амбросийной ночи...» понёсся следом за своим предшественником. Мгновением позже те же движения были содеяны и третьим поэтом, отведавшим вдохновения Афины; имя его – увы! – осталось неизвестным и бормотания которого были весьма неразборчивы. Девушка осталась на поляне в компании почти теряющего сознание Гесиода.

- Ну, так я пойду, ладно? – извиняющимся тоном произнёс поэт. – Друзей надо разыскивать, мало ли что может с ними случиться... Нельзя же им в таком виде бегать где попало; более того – появиться в школе Аполлона...

- Ступай, конечно! – ответила Афина, изо всех сил стараясь не расхохотаться. – Не беспокойся за них, ничто плохое им не грозит... А вот насчёт школы Аполлона ты абсолютно прав: на уроках им в таком виде лучше не показываться... Хорошо ещё, что ты не вкусил моего вдохновения!

- Ну, может, как-нибудь в следующий раз, – честно сказал Гесиод, оборачиваясь к лесу. – Вдохновение-то мне нужно, но вот не такое агрессивное...

- Оставляю за тобой это право, поскольку ты – настоящий друг! – утвердительно кивнула доктор. – А я, пожалуй, ещё немного погуляю...

Поздно вечером, вспоминая дневное приключение, историк всерьёз задумалась над тем, какие последствия может иметь её невольный эксперимент над людьми. Естественно, ни о каком вреде для человеческого организма от её «вдохновения» не могло быть и речи, но... мало ли, что напишут эти баснописцы в своих апокрифах? И – как? Ведь кому, как не ей, стоило об этом беспокоиться больше других? Поэтому она, великолепно рассчитав стратегию, пригласила к себе доктора Гефеста – и дала ему тайное задание...

Ещё через день доктор Афина была потревожена прямо в собственной библиотеке. Переходя от компьютера к компьютеру она, подняв глаза от очередного монитора, обнаружила стоящего за ним доктора Гермеса.

- Привет, Пилот! – Афина ласково провела пальцами по его щеке, получив взамен лёгкий поцелуй в лоб. – До сих пор не могу привыкнуть в твоим бесшумным возникновениям!

- Привет, Афина! – прибывший, задорно поправив крылышки своей обуви, уселся на одно из кресел. – На выход! Тебя ждут.

- Кто ждёт? Где? – не поняла девушка. – Не хочешь ли ты сказать, что инженер Зевс вызывает меня на ковёр за какую-либо лёгкую провинность?

- Инженер Зевс? А есть, за что?

- Не знаю... Это ты у нас мегажурналист, владеющий любой информацией задолго до её возникновения...

- Успокойся, дорогая! С Зевсом всё в порядке, никаких претензий к тебе не имеется... Ты что, до сих пор не можешь отойти от последних трудов по приказу нашего дорогого Кронида?

- Это ты о чём, Пилот?

- Да об очищении данаид от скверны... Мерзость какая!

- Ну, хорошо хоть, что этого не было на самом деле! – улыбнулась Афина. – Так что там у тебя?

- Только что в таверне «У Гелиоса» некий эллин попросил меня разыскать великолепную и всемогущую Афины...

- Что за эллин?

- Аид его знает... Где-то я его уже видел; возможно, кто-нибудь из аполлоновых ученичков...

- А-а-а, кажется, догадываюсь, – доктор сверилась с монитором. – Передай ему, пожалуйста, что я скоро буду.

Повелитель глашатаев исчез прямо из кресла, будто его ветром сдуло; доктор Афина, закончив свои дела, отправилась в указанное место.

Она не ошиблась в собственных предположениях: за одним из столиков восседал её недавний знакомец Гесиод; увидев Афину, он церемонно поднялся со стула – и стал громогласно прославлять госпожу Афину, дарующую победу любимцам.

- Неплохо, очень неплохо! – кивнула Афина, усаживаясь за стол и приглашая поэта последовать своему примеру. – Только вот не очень размеренно... Не хочу критиковать тебя, дружище Гесиод, я ведь не литературовед, однако...

- Вот и я чувствую то же самое, о великая! – собеседник налил ей вина из амфоры. – Вроде бы написано неплохо... Так почему бы не сделать, спрашивается, ещё лучше?

- Так делай! Кто тебе мешает?

Гесиод опустил глаза:

- Кто знает, может быть, надо было и мне тогда отведать твоего вдохновения? Я постеснялся – а потом своих коллег полдня разыскивал да в чувство приводил...

- Наоборот, ты поступил совершенно правильно: ты был осторожен! – торжественно произнесла Афина, поднимая бокал. – Помнишь, я ещё сказала тебе, что ты – настоящий друг? Кто бы искал своих приятелей столь преданно, как ты? Даже Гомер назвал тебя другом и миролюбом! Тем более, что ты не трус! Запомни, поэт: Афина никогда не станет принимать сторону труса! Но зачем же тебе моё воинственное вдохновение, Гесиод?

- Возможно, я научился бы его использовать иначе, – задумчиво ответил поэт. – Я направил бы его только в миролюбивую поэзию: в восхваление честных тружеников, их олимпийских покровителей... Ведь даже воинское искусство можно обратить во благо... Даже самую войну... Но вот если бы со мной поделились вдохновением миролюбивые боги! – и он мечтательно посмотрел на вершину Храма Зевса, возвышавшегося прямо над смотровой площадкой Олимпа. – Я смог бы писать гораздо лучшие произведения!

- Замечательные слова, дорогой! И я хочу наградить тебя за доблесть и за верность собственным идеям! – доктор Афина поднялась из-за стола. – Пойдём со мной, Гесиод! У меня есть для тебя подарок! Причём, подарок не только от меня!

Смущённый поэт бросил на стол монетку – и отправился следом за девушкой.

Доктор привела его в личные апартаменты:

- Входи, Гесиод, не стесняйся! У меня, правда, небольшой беспорядок, но я и не готовилась к приёму гостей, – лукаво произнесла историк.

- Красотища какая! – молвил поэт, озираясь по сторонам. – И потолки такие высокие – ну, прямо, как в храме! А это что такое? – поскольку кабинет был заставлен по большей части непонятными для него причиндалами – компьютерами, мониторами, копировальной техникой последнего поколения – он обратил внимание на единственный знакомый ему предмет: каменную статую в человеческий рост, изображающую удивительной красоты женщину, держащую в руках шкатулку. – Кто это?

- А-а-а, это? – доктор улыбнулась. – Это и есть подарок для тебя!

- Подарок? – удивился Гесиод, не отрывая тем не менее взгляда от красотки, пусть и каменной. – Зачем же мне статуя, о бесподобная Афина? Мне нужно благостное вдохновение!

- Так она и есть вдохновение! Знакомься: её зовут Пандора...

- Пандора? – поэт обошёл статую со всех сторон. – Очень красивое имя! И очень красивая статуя! Значит, Пандора будет одаривать меня вдохновением?

- О, ты даже не представляешь себе, на что она способна! – продолжала интриговать Афина. – К тому же, она полностью отвечает твоим требованиям: её создавал довольно миролюбивый олимпиец – Гефест!

- О-о-о, Гефест! – расплылся в улыбке Гесиод. – Очень, очень достойный бог! Помнится, я сам едва не стал гефестистом во время смуты... Ой, прости, позабыл о запретной для эллинов теме! – он на мгновение смутился.

- Ну да, тогда даже самым лучшим людям башни срывало! – поддакнула ему доктор. – Но я не об этом... Понимаешь, прерогатива любого создателя – одаривать свои создания, не так ли? Величайший дар – жизнь. Однако, всякому живущему следует позаботиться о том, как и чем наполнить её, чтобы она стала осмысленной и полезной – как для него самого, так и для окружающих. Ты избрал для себя поэзию – и это замечательно, Гесиод! Ты стал учеником Аполлона – и это замечательно вдвойне! Я, со своей стороны, пусть и благодаря случайной встрече, также захотела одарить тебя – равно как и твоих друзей – но ты отказался принять мой дар, поскольку он не совсем соответствует твоим понятиям. Ты разделяешь вдохновение на «светлое» и «тёмное», на «злое» и «доброе», на «миролюбивое» и «воинственное». Но ведь и мне не хотелось оставлять тебя без подарка! Что же, я решила зайти с другой стороны – и пригласила на помощь Гефеста, дар которого ты, несомненно, оценишь и примешь!

- Спасибо тебе, несравненная Афина! – Гесиод наклонился и потрогал пьедестал скульптуры. – Как же она будет вдохновлять меня? И что это у неё в этом ящике?

- Вот теперь-то мы подошли к самому главному! – доктор приблизилась к статуе – и откинула крышку со шкатулки. Поманила поэта пальчиком подойти ещё ближе. – Видишь, в шкатулке, на первый взгляд, самая обыкновенная высушенная трава. Мы её поджигаем... – девушка сняла с головы шлем и легонько коснулась им содержимого ящика; по залу медленно поплыли клубы ароматического дыма. – А теперь садись в кресло – и закрой глаза, Гесиод!

- И что произойдёт? – заинтересованно спросил тот, выполняя просьбу хозяйки.

- Просто сиди и следи за своими ощущениями, - ответила Афина, усаживаясь в кресло напротив и откидывая голову на спинку. – Я буду рядом, ничего бояться не следует... Если хочешь, можешь говорить со мной... или с собой...

- Да, это весьма интересно, Афина, - бормотал поэт с закрытыми глазами; время было потеряно, но он ничуть не сожалел о его отсутствии. – Кругом звёзды, одни только звёзды...

- И как тебе – среди них?

- Поразительно! Теперь я понимаю, что у каждого из нас – свой путь к ним... Итак, ты значительно уменьшила силу действия своих волшебных си-га-рет?..

- Не жадничай, дружище: по крайней мере, не будешь носиться, как угорелый, и сыпать стихами... Просто получай удовольствие – и вдохновляйся!..

- Понимаю, что самому мне никогда не подняться к ним, но к звёздам полетят мои далёкие потомки... И будут пребывать среди них вечно... И создавать другие миры...

- Да, так оно обычно и происходит... Теперь-то ты понимаешь, что никаких «богов» попросту не существует?..

- Понимаю. Но как же тогда созданиям называть своих создателей, Афина?!

- Ну, скажем, учителями... Друзьями, конечно, было бы лучше...

- Называем и так... Но, раз уж у смертных имеется понятие бога – от этого лишь яснее его недостижимость...

- Даже в том случае, когда на тебя снисходит осознание, что ты и есть – он?! Или – тем более – знание, что ты когда-нибудь достигнешь его уровня?!

- Знаешь, мне пришли в голову следующие строки:

*Пьёт и живой, и усопший, в покоях Афины-Паллады,
Время своё обманув, он становится равен бессмертным;
Из колыбели земной направляется к сотням чертогов,
Где для избранных двери Вселенной распахнуты настежь...*

- Эй, Гесиод, это нечестно: ты читаешь мои мысли!

- Ты так громко думаешь, что слышу и улавливаю любое твоё колебание!

- Ладно, проехали! Что же, ответу тебе в том же духе:

*Стоит нам только вернуться из нашего долгого трипа –
Стих сей забудешь навек: я сотру о нём воспоминанья...*

Когда Гесиод пришёл в себя, доктор Афина наблюдала за ним; и, видимо, наблюдала уже давно.

- Хайре, дружище! Как самочувствие? – улыбаясь, девушка протянула поэту амфору. – Держи, тебе сейчас это необходимо!

Гесиод глотнул вина и подскочил на ноги:

- Клянусь всеми богами, никогда ещё так хорошо себя не чувствовал! И не переживал ничего подобного! Что это было?

- То, что с тобой произошло, и называется расширением сознания в энной степени, - так что теперь ты почти всеведущ! – она вновь улыбнулась и отошла к окну. Над Олимпом сияли звёзды дальнего Космоса.

- Странно! Я помню, что совершил невероятное путешествие, но абсолютно не помню его деталей!

- Но вдохновение-то осталось, не так ли? – подзадоривала его доктор.

- Ещё какое, о великая воительница! – Гесиод поправил волосы и подошёл к хозяйке кабинета. – Я даже уверен в том, что оно останется со мной до конца жизни...

- Вот и замечательно! Поэтому – ступай и твори, поэт! Но, только давай договоримся: в моих покоях ты никогда не был и никакой Пандоры не видел, - она лукаво глянула на статую.

- Но, могущественная Афина, я ведь как раз собирался написать об этом! – возразил эллин.

– Конечно, я ни словом не упомяну о том, что ты принимала меня в своих покоях...

- Впрочем, можешь писать, что тебе придёт в голову, - девушка надела свой золотой шлем.

– Тем более, что все твои великолепные произведения уже написаны...

- Как это – уже написаны?! – удивился Гесиод. – Ведь я только думаю о том, чтобы поскорее вернуться в школу Аполлона – и приступить к работе! Ты не представляешь себе, о Афина, как меня распирает это самое вдохновение! Аж пальцы трясутся, а по их кончикам пробегают незримые молнии...

- Если ты помнил бы своё путешествие к звёздам от начала до конца, то понял бы, о чём я говорю... Тебе ещё предстоит собрать разрозненные мысли в единое целое, Гесиод!

Внезапный стук в дверь прервал их беседу: в кабинет вошли доктора Гефест и Прометей.

- Прости, Афина, за невольное вторжение! – сказал начальник вселенских кузнецов, кладя руку на сердце. – Ты очень занята?

- Да нет, мы уже закончили! – ответила наблюдавшая за Гесиодом историк; видя, что тому не терпится взяться за творчество, она предпочла его не удерживать. – Иди, Гесиод! Ещё увидимся!

Поэт поклонился вошедшим, затем – самой Афине; ещё раз пристально осмотрел каменную статую Пандоры – и выбежал из помещения.

- Похоже, у тебя очередное приключение, Афина? – спросил доктор Прометей, мельком глянув на закрывшуюся за поэтом дверь.

- Что тебе сказать... Точнее будет – приключение у всех нас! – загадочно ответила девушка.

- Ну, и как работает твой заказ? – доктор Гефест посмотрел на статую, приблизился к ней и поднял крышку шкатулки. – Ого! Судя по всему, испытания прошли успешно?

- Спасибо, дорогой Гефест, это был очередной образец безотказной работы! – доктор Афина улыбнулась, также кивнув на дверь. – Мы только что убедились в этом...

- Полагаю, это новая штучка предназначена для «Чертогов»? – любопытно спросил Прометей, тоже подходя к Пандоре.

- Нет, дорогой, Гефест создал эту каменную красотку исключительно для моего индивидуального пользования! – Афина плавным движением руки захлопнула крышку шкатулки.

- А о каком приключении ты говоришь? – напомнил коллеге доктор Гефест. – Ты ведь упомянула о нашем общем приключении...

- Да, его можно назвать «приключением на троих»! – рассмеялась стратег. – После того, как только что ушедший из этого кабинета ученик Аполлона напишет то, что задумал написать, мифология эллинов обогатится ещё одним никогда не имевшим места в действительности шедевром! Мне же, как всегда, придётся кое-что подчищать за ним... Хотя всего, естественно, не подчистить никогда.

- О чём ты?

- О том, что благодаря моему новому кальяну по имени Пандора появится легенда, в которой мы трое будем играть далеко не последние роли! – улыбнулась доктор Афина. – Даже Зевсу и ещё кое-кому достанется местечко на галёрке... Ох уж эта человеческая фантазия!

После этого разговора владычице воинов всея Земли пришлось некоторое время заниматься исключительно рутинной работой: МАИ требовала отчётов по совершенно незначительным деталям проекта. Но, как было общеизвестно, доктор Афина ничем и никогда не нарушала «Инструкций», справедливо полагая, что делу – время, а потехе – час. Она неустанно вела дневник, комментируя в нём события, имевшие или не имевшие места в анналах человеческой истории; с родины пришли радостные вести, которые принесла вернувшаяся с успешных съёмки доктор Артемида, что на основе её аудиозаписей по «Проекту «Земля»» дирекцией одной из кинокомпаний было решено снимать очередной юмористический сериал. Словом, всё складывалось весьма успешно: вести из дома радовали доктора; работы хоть и было через край, но она не особо обременяла привыкшую и не к таким космическим перегрузкам воительницу. «Чертоги» её по-прежнему процветали: доктор Дионис неизменно улучшал и поставлял для заведения неограниченные запасы товаров широкого потребления; собиравшаяся вечерами компания откровенно радовала глаз гостеприимной хозяйке. Однако, вскоре случилось нечто, что заставило её пересмотреть отношение к работе и несколько подкорректировать её стратегию. Вот как это случилось.

Спустя неделю после памятного открытия «ящика Пандоры», доктор Афина пришла к профессору Зевсу: тот вызвал её для какой-то консультации. Войдя в кабинет профессора, Афина обнаружила, что последний там не один: по помещению взад-вперёд возбуждённо прохаживался доктор литературы Аполлон, время от времени воздевая руки и перебивая самого себя восхищёнными восклицаниями. Профессор, увидев вошедшую гостью, молча приложил палец к губам и указал ей глазами на кресло; Афина поняла, что Зевс просит её немного обождать. Девушка молча кивнула в ответ, и изящно облокотившись на колонну, тихонько замерла возле дверей. Сам Аполлон даже не обратил внимания на её приход, настолько был увлечён своим рассказом.

- ...Представляете, дорогой профессор, все до единого! – громко говорил он, вышагивая перед столом, за которым сидел руководитель «Олимпа». – Это просто чудо какое-то! Неслыханные таланты! Нет – гении! Все!

- То есть, дорогой, вы хотите сказать, что ваши поэты вырвались в число самых одарённых учеников «факультета Искусств»? – уточнил инженер Зевс, глядя на лежавший перед ним на столе трезубец.

- Я хочу сказать, что не только вырвались, но и оставили далеко за собой все оставшиеся классы! Ни актёрам, ни музыкантам, ни художникам за ними просто не угнаться! Талант, талант!.. И потрясающая работоспособность! Не считайте, что я хвастаюсь учениками, профессор, но не доложить вам об этом просто гордость за них не позволяет!

- Конечно, дружище, ведь вы – Аполлон, а не Нарцисс! – усмехнулся профессор Зевс. – Действительно, как такое могло случиться?

- Да я шутки ради сказал некоторым из них, мол, сходите в лес, на природу, поищите, дескать, вдохновение среди красот Эллады... И, знаете, что?! Вернулись они поздно ночью – и как уселись за сочинительство, так вот до сих пор ничем иным и не занимаются! Был

среди них поначалу один более-менее адекватный – по имени Гесиод – но теперь и этот слетел с катушек, уподобившись своим собратьям по перу...

- Так-так, - его слушатель нахмурился, что выражало явное недоверие к словам собеседника. – Значит, они даже ничего не едят и не спят – только трудятся? Уж не стали ли они бессмертными? – профессор вновь улыбнулся.

- Ну-у-у, нет, конечно! – встряхнулся Аполлон. – Рабы, разумеется, приносят им пищу и питьё, но едят они очень мало. И спят, насколько я заметил, урывками... Я хочу сказать, что они не уделяют насущным потребностям столько внимания, сколько необходимо нормальному человеческому организму. Пишут и пишут... Я, естественно, их превосходно понимаю – вдохновение! – однако в таких количествах... – доктор вновь взмахнул руками.

- Ничего страшного, друг мой, всё будет хорошо: отправьте муз в другие классы, а к поэтам пусть не приближаются! – резюмировал профессор. – В конце концов, постоянно вдохновение – только у вас!

- Тут дело в чём-то другом, не только в одном вдохновении, - осторожно сказал Аполлон, стараясь подбирать точные выражения. – Именно те люди, которых я в шутку отправил на поиски вдохновения, отличаются невероятной способностью схватывать буквально на лету всё, что необходимо настоящему творцу! Судите сами: теорию литературы они начали изучать вместе с остальными, а теперь вполне могут сами её преподавать! Всего неделю назад я изобрёл гекзаметр, над освоением которого довольно безуспешно бьются другие ученики, а эти четверо ведут себя так, будто им привычно не писать им, а разговаривать! О трудоспособности этой четвёрки я уже упоминал: они требуют и исписывают мелким почерком целые горы восковых табличек... Хочу сказать пару слов об их фантазии: она просто безгранична, профессор!

- Может, вы приведёте пример, о чём же фантазируют ваши гениальные ученики, доктор?

- Несомненно, поскольку это заслуживает всяческого внимания! Уже упомянутый мною Гесиод создал просто шикарную сказку о некоей Пандоре – первой женщине, обладавшей всеми мыслимыми и немыслимыми дарами Зевса, спрятанными в шкатулке... То есть, дары-то оказались от других богов, а Зевс, гадёныш этакий, упрятал в шкатулку всевозможные напасти – и за каким-то Аидом подарил её Эпиметею, коллеге Прометея, Атланта и Менетия...

- Что-то не помню я никакой Пандоры, - с улыбкой вставил профессор, - но, продолжайте, прошу вас!

- Я, честно говоря, не совсем вникал в смысл написанного, анализируя только литературную часть, - доктор Аполлон легонько смахнул со лба выступивший от возбуждения пот, – хотя, Аид меня побери, в последнее время я ничего больше и не делаю – кроме того, что занимаюсь редактированием рукописей учеников, внезапно посыпавшимися на меня как из рога... как напасти из ящика этой самой Пандоры... Между прочим, перепадает в этой истории не только вам, профессор, но и Гефесту с Афиной, которые, увы, всего лишь воплотили ваш коварный замысел по окончательному решению человеческого вопроса. Иначе говоря, всемирный потоп вы организовали, Ваше Величество, а после – наградили оставшихся людей чем попало, кроме надежды!

- Это всё? – усмехнулся профессор, незаметно подмигивая по-прежнему стоявшей возле дверей Афине.

- Почти, многоуважаемый Зевс! Старший из этих ребят – некто Гомер – в кратчайшие сроки накатал огромный отрывок из будущей, по его словам, эпической поэмы, которую назвал... – доктор Аполлон сверился с персональным миникомпьютером, - «Илиада»... Он придумал великолепную историю о том, как прагреки-ахейцы, ведя непримиримую войну с троянцами, придумали – не без помощи нашей Афины, заметьте! – некоего деревянного коня, внутри которого спрятались, проникли на территорию супостата – и совершили успешную диверсию в стане врага! Гениально, согласитесь?

- Бесспорно, вы меня здорово повеселили, коллега! – профессор похлопал в ладоши – и указал пальцем на притаившуюся у входа Афины. – Кстати, вот и сама доктор явилась; не

угодно ли вам предложить все эти литературные чудачества на суд настоящего специалиста по эллинской мифологии?

Доктор Аполлон удивлённо обернулся – и увидел девушку.

- Афина?! – он едва не сел мимо кресла. – Ничего не понимаю... а как же «Троянский конь»? – глаза его округлились.

- А что не так с этим конём? – пожал плечами профессор. – Этот миф известен даже мне, что в нём такого особенного?

- Да, пожалуй, ничего, - запнулся доктор Аполлон, мысленно расставляя все точки над «і».

- Раз тут у вас заседание, во время которого обсуждаются непосредственно меня не касающиеся вопросы, то я позволю себе удалиться, профессор! – ловко нашлась Афина, открывая дверь. – Я позволю себе вернуться через четверть часа, когда вы с Аполлоном всё обговорите! – и плотно закрыла дверь с другой стороны.

«Ходу отсюда, ходу!» – только и слышала она внутренний голос, однозначно советовавший ей уносить ноги подобру-поздорову. – Надеюсь, что наш красавчик поймёт, что я дала ему четверть часа на встречу со мной!»

Действительно, не прошло и нескольких минут, как доктор Аполлон нагнал её в одном из смежных с Храмом Зевса коридоров.

- Что случилось, Афина?! – с беспокойством, но без испуга спросил он коллегу. – Что известно Зевсу?!

- Насчёт чего? – лаконично ответила та вопросом на вопрос. – Ты взаправду не понял, что название «Троянский конь» в какой угодно интерпретации просто не может явиться твоим ученикам – даже после самого распрекраснейшего вдохновения?! Похвальбой о гениальности своих поэтов ты лишь благодаря чуду не спалил меня! И «Чертоги», кстати! Если бы Зевс заинтересовался твоим рассказом по-настоящему, почувал бы нечто подозрительное и стал вытягивать из тебя слово за словом – а ведь он мастер на такие дела, – то где гарантия, что ты не прокололся бы хоть на одном из ответов ему?! Явись я к нему чуть раньше или чуть позже – и кто знает, чего бы ты ещё не нагородил... Хорошо, что хоть подробности о ящике Пандоры тебе неизвестны!

- Прости, Афина! – руководитель «факультета Искусств» потупил взор. – Боги, а я так надеялся, что мои поэты до всего дошли сами!..

- Ладно, проехали! – доктор Афина обняла коллегу за плечи. – В конце концов, ничего страшного не случилось... Однако, смею тебе заметить, ты несправедлив к своим ученикам: я всего лишь поделилась с ними вдохновением, на поиски которых их оправил именно ты! – девушка ткнула пальчиком в грудь покровителя искусств. – Вдохновение-то приходит ко всем, но ведь не все в состоянии им воспользоваться вовремя! Не мне тебя учить этим азбучным истинам, Аполлон! Твои ученики всего добились сами, собственным трудом... А я, скажем, им лишь капельку помогла. И, смею тебя заверить, - лукаво улыбнулась Афина, - по возможности буду помогать им и дальше!

- Ты что, серьёзно?! – глаза Аполлона вновь округлились. – Будешь пичкать творцов литературы вдохновением, предназначенным для бессмертных?!

- Почему бы нет? Пичкать, предположим, не буду, но вдохновить разок – это всегда пожалуйста! Вдохновение-то – что у смертных, что у бессмертных – одинаково... Тем более, что твои музы с его равномерным дозированием явно не справляются...

- Да, я в последнее время чересчур загрузил их театром и танцами...

- Вот я и помогу тебе! Не кручинься, буйная твоя головушка: не пройдёт и нескольких сотен лет со времени нашего разговора, как среди венценосцев эллинской поэзии явятся и утончённые Сапфо, и Анакреонт, и Симонид, и великий Пиндар! – доктор Афина ласково потрепала шевелюру друга, и заговорщически прильнула к его уху. – А вечером обязательно увидимся в «Чертогах», договорились?

После трудового дня сотрудники «Олимпа», как было заведено, отрывались в заведении доктора Афины по полной. Невзирая на заслуженный отдых, мозг девушки продолжал работать над тем, что он вынашивал раньше – над стратегией преобразования работ по

историческим исследованиям и неукоснительному протоколированию событий. Афина поделилась своими соображениями с коллегами, всерьёз намереваясь подключить к этому самих землян.

- Мысль неплохая! – поддержали её предложение доктора Гермес и Аполлон. – Как-никак, эллины достаточно цивилизованы, чтобы вести собственную хронику. Уж если с этим замечательно справлялись древние египтяне... Тебе и карты в руки, Афина!

- Что?! Махни на подобные идеи рукой – и забудь о них! – прямолинейно сказал ей доктор Гэфест, когда услышал о её планах. – Не хочу тебя разочаровывать, но это просто дохлый номер, дружище Афина! На каждое твоё слово у них непременно отыщется сотня отмазок и непонимание вопроса... Я уже не говорю об их возможном кардинальном несогласии с твоим мнением или о радикальном расхождении взглядов, которых тоже найдётся сколько угодно... Прости, что забегаю вперёд со своими прогнозами, но откуда бы они взялись у меня, если бы мне самому не довелось заполучить столь бесценный опыт на свою бедную голову?! Эти мифотворцы едва не свели меня с ума...

- Пстой, Гэфест, дорогой мой, но я говорю вовсе не о мифотворцах! – владычица «Чертогов» заботливо разливала содержимое огромной амфоры по бокалам сидящих за её столиком. – Со сказочниками бесполезно разговаривать вообще, поэтому мне от всего сердца жаль тебя, Гэфест! У меня, кстати, совсем недавно был и такой опыт, Аполлон не даст соврать... Когда-нибудь мифотворчество как жанр канет в небытие, оставив человечеству исключительные по своей литературной красоте памятники. Я же хочу воспитать самых настоящих историков: тех, кто не искажает событий, не трактует их в угоду тем или иным общественным кругам – большинству, меньшинству, правящей элите; тех, кто станет беспристрастно фиксировать события, происходящие на территории Эллады и за её пределами...

- В таком случае, ты готовишься воспитать толпу мучеников задолго до христианства! – усмехнулся доктор Геракл. – На всякий случай, включи в число своих учеников и Прометея: он хоть и не историк, но пострадать за правое дело никогда не откажется... Не так ли, приятель? – он усмехнулся и хлопнул сидящего рядом с ним коллегу по плечу.

- Ладно, хватит вам прикалываться! – легонько стукнул по столу ладонью доктор медицины Гипнос. – Как любит повторять хорошо вам знакомый доктор, нет медицины ни традиционной, ни альтернативной. Различие исключительно методическое. Эта максима вполне приложима и к истории.

- Почему так грозно, дружище? – возразила ему доктор Артемида, совсем недавно вернувшаяся звезда потрясающей экранизации романа некоего дальнегалактического автора. – Ты полагаешь, что ни у кого и никогда не возникнет идиотского желания переписать что-нибудь в угоду, скажем, себе самому или кому другому, в качестве аргумента выдвинув некое «переосмысление исторического события»? Разве такое невозможно?

- Бесспорно. Но это никогда не будет носить характер серьёзной претензии на это самое «переосмысление»! Автор подобного «переосмысления» будет просто высмеян – и не более. Возможно, у него даже найдутся последователи – по тем или иным причинам, – но считаться с ним на равных не станет ни один уважающий себя учёный. Уважающий Историю, какой бы она не была; ведь, согласитесь, что для кого-то она – в определённые моменты – может быть как приятной, так и наоборот... К тому же, обратите на это внимание, историю, однажды зафиксированную – тем более, многочисленными хронистами, переписать просто нельзя! Не получится, хоть ты тресни! Естественно, ни одно имевшее место в прошлом событие не застраховано от подобных попыток, но что из этого?! Если человеком движет искреннее желание проникнуть вглубь свершившегося в прошлом, то он – однозначно историк, как его при этом не называй: альтернативным или догматическим. Если же он – всего лишь шарлатан, то самое ему место там, где и прочему мусору – на свалке!

- Ладно, ладно, друзья, вы слишком увлеклись! – хлопнула в ладоши доктор Афина. – Что такое История, мне известно гораздо лучше, чем любому из здесь находящихся... И сегодня цель нашего собрания не в том, чтобы научить людей отличать науку от псевдонауки. Я твёрдо решила подключить людей к своей собственной Истории, и прошу вас помочь мне выбрать тот или иной метод внедрения в жизнь предложенной мною программы... Для вас это, похоже, довольно затруднительно?

Несколько мгновений над столиком зависла, фигурально выражаясь, тишина: в «Чертогах» Афины продолжала греметь музыка, отовсюду неслись смех и разговоры. Наконец, слово взял покровитель всех глашатаев, доктор Гермес:

- Ну, ты можешь устроить мастер-класс для своих эллинских учеников... Боюсь, что Гефест прав – и школу для них открывать несколько нецелесообразно...

- Как это? Собрать в кучу именитых историков со всей Эллады? Может быть, даже с разных отрезков времени? – прыснул трансгуманист Прометей. – А может, и не только с Эллады: незачем обижать историков других времён и народов!

- Почему нет? – вставил доктор Аполлон. – Не вижу в этом ничего смешного! Предложение, конечно, романтическое, но совершенно имеет право на существование...

- А ты пораскинь мозгами, дружище: великолепный же получится мастер-класс, если на этот вневременной и внепространственный исторический конгресс слетятся историки совершенно разных народов – и, что наверняка, совершенно противоположных взглядов на одно и то же историческое событие, обусловленных как раз их собственной принадлежностью к разным народам! Тебя, видимо, ничуть не беспокоит, так сказать, перспектива общеземной вневременной драки, которая неизбежно будет сопровождать это торжественное мероприятие?

- Да, дела, - доктор Аполлон поднял руки над головой, изображая полную капитуляцию. – Каюсь, не подумал об этом...

- Есть и другой нюанс, - продолжал доктор Прометей. – Каким будет язык собрания, если пригласить на него участников из разных стран и временных отрезков?

- Лектор может воспользоваться автопереводчиком, вещающим каждому на его родном языке, - предложил техник Фобос, решивший сегодня навестить «Чертоги» прямо после окончания работы на «Тартаре». – С этим не возникнет ни малейших проволочек...

- В придачу, после подобного межнационального и межвременного совещания Афине придётся разгребать целые тонны анахронизмов! – с улыбкой ввернул доктор Гермес.

- Тогда имеется ли смысл вообще собирать подобное мероприятие? – вставила красавица доктор Афродита, обслуживающая соседний столик и, видимо, превосходно слышавшая сказанное в компании до этого. – Афине достаточно персонального появления к каждому из историков – и малейшие поводы к дракам между участниками исключены!

- Тоже не годится, - доктор Эрот поиграл бокалом. – Неужели ты допускаешь, что на появление «греческой богини» совершенно одинаково отреагируют представители разных времён и народов? Ну, эллины да их потомки – это ещё понятно: как-никак, это их собственная культура... А что, позвольте вас спросить, подумают египтяне, римляне, викинги – или, возьмём ещё дальше в будущее – немцы, русские или французы? В конце концов, что подумают при появлении Афины монотеисты-иудеи – даже после того, когда она им представится? В лучшем случае – говорящая галлюцинация, в худшем... – и генетик многозначительно опрокинул содержимое бокала в рот.

- Да, вот Афина и задала нам задачку! – почесал голову доктор Дионис. – Как ты не крути, что-то ничего путного не предлагается...

- Думаю, что нам просто следует отдохнуть, коллеги! – предложила доктор Артемида. – С этой идеей, как говорит одна моя знакомая актриса, необходимо переспать!

- Возможно, что это единственно правильное решение на сегодняшний вечер, Афина! – поддержал «сестрёнку» доктор Аполлон. – Я собираюсь накатить пол амфоры чего-нибудь позабористей, а после отправиться на боковую...

Афина, внимательно слушавшая дружеские перепалки и предложения коллег, мечтательно возвела очи к потолку:

- Ах, мои милые Геродот и Страбон, Ксенофонт и Фукидид! За этим столом клянусь при свидетелях, что неминуемо отыщу способ связаться с каждым из вас и потомков ваших, чтобы научить чтить Историю, заботиться о ней, сохранять её!

- Не беспокойся, дорогая! – доктор Гермес нежно похлопал девушку по руке. – Не сомневаюсь, что каждый из нас, - он обвёл глазами весёлое застолье, - обязательно поможет тебе найти заветный метод – и всё будет хорошо!

- Главное, чтобы ты сам, несносный журналюга, не путал людей да их отношение к истории своими противоречивыми новостями! – расхохотался доктор Геракл, шутливо грозя ему здоровенным кулачищем.

- Слышишь, Пилот? – улыбнулась Афина. – За меня ходатайствует самый любимый герой Эллады!

- Оно и понятно, - усмехнулся Гермес. – А всё потому, что именно любимому герою Эллады более всего придётся пострадать от раздуваемых вокруг него мифов, легенд и сказок! Наш Геракл будет почитаться не только среди эллинов; со временем он прочно войдёт в легенды множества народов, а впоследствии – даже станет величайшим Героем Галактики!

- Откуда ты знаешь?! – хором осведомились все за столом.

- Дело в том, что я сам буду его пиар-агентом... Правда, в человеческой истории этому не найдётся почти ни единого подтверждения...

ГЕРАКЛ, ГЕРОЙ ГАЛАКТИКИ

*Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше ещё на земле, чем дотеле;
Честью великой решив отличить знаменитого сына...
Гесиод, «Теогония», 530-532*

*По бесконечной земле он и по морю много скитался;
Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живёт...
Гомеровы гимны, «К Гераклу Львинодушному», 5-8*

Действительно, не было на Земле другого существа, перед которым не благоговели бы эллины столь сильно, как доктор информатики и инструктор по туризму Геракл. Поэтому хитроумному доктору Гермесу было вовсе не тяжело делать свои предсказания относительно славного будущего своего коллеги: для этого не требовалось быть пророком. Почёт и обожание землян окружали альпиниста-экстремала с того мгновения, как тот появился на «Олимпе», а установление и проведение им первых в истории человечества Олимпийских игр лишь упрочило его безмерное почитание в народе.

Любопытных эллинов интересовала любая мелочь, касавшаяся их любимца, особенно – его прошлое; стоило доктору по тому или иному поводу спуститься с Олимпа, как его неизбежно окружали целые толпы, в числе коих было немало детей. И если взрослых – в зависимости от пола и персонального интереса – больше занимали вопросы такого порядка, как «Кого из богинь любит Геракл больше остальных?» или «Сколько видов оружия использовал Геракл в последнем сражении?», то маленьких землян мучило любопытство иного характера: в основном его можно было бы свести к следующим категориям – «Как Геракл стал таким великим героем?», «Что надо делать, чтобы стать таким, как Геракл?» и «Что Геракл ест на завтрак?» Доктор, весьма скромный по своей натуре, сперва старался избегать излишнего внимания греков, уходя и возвращаясь на базу такими тропами, чтобы не быть увиденным своими почитателями; однако, когда население Эллады разрослось, ему стало крайне тяжело проделывать свои вылазки незаметно: на Земле совсем не осталось местечек, где величина подобного ему масштаба могла бы ступать без лишнего шума. Безмерные поклонники его образа и стиля жизни фактически не давали ему прохода, стоило тому лишь возникнуть на горизонте; и если поначалу доктор спасался от своих неугомонных преследователей бегством, то впоследствии руководство базы запретило ему так поступать с людьми, с готовностью идущих на контакт. Профессор Зевс, видя не по дням, а по часам растущую популярность коллеги, иногда попрекал его за такое поведение, а ещё некоторое время спустя даже обязал его не делать и шагу в сторону от приближающегося к нему человека.

- Разве я нянька?! – недоумевал доктор, когда после одного из заседаний начальник «Олимпа» решил его судьбу окончательно. – Этим людям нужно лишь одно: чтобы я рассказывал им сказки! «Геракл, как ты стал героем?», «Геракл, когда же ты помиришься с твоей покровительницей Герой?», «Геракл, сколько надо упражняться, чтобы стать похожим на тебя?»... Совсем с ума посходили, честное слово!

- Вот и замечательно! – воодушевлял его профессор Зевс, пытаясь вовлечь собеседника в общественную работу. – И рассказывайте на здоровье! Хватит вам прозябать в лаборатории, коллега! Только замените сказки на реальные истории, чтобы не путать неокрепшее в интеллектуальном плане человечество... А ещё лучше – организуйте-какой-нибудь

спортивный кружок: поверьте, это пройдёт для людей не без пользы! Посмотрите на своих друзей – Аполлона, Гестию, Деметру, Гипноса, Гермеса, Афродиту... Ведь работают же с людьми – и безуспешно!

- А что? Это, пожалуй, отличная идея! – быстренько прикинув в уме возможности и очевидную выгоду от подобной аттракции, согласился доктор. – Я ведь и сам раньше хотел водить людей в горы, увлечь их физической культурой... Заодно, конечно, можно начать готовить мужское население к самообороне – с оружием или без оно... Времена-то грядут беспокойные, Эллада нуждается в подготовленных, квалифицированных защитниках!

- Чудесно! – воскликнул профессор, обходными путями добившись от Геракла того, чего никак не хотел навязывать ему напрямую. – Может, вам следует почитать лекции на эту тему? Ещё лучше: организовать военный лагерь или самую настоящую тренировочную базу... Что вы об этом думаете, дружище? Со своей стороны, обещаю, что лично отыщу для неё приличное местечко где-нибудь под Олимпом – и склоню нашего завхоза оплатить все издержки, связанные с постройкой комплекса! Впрочем, что я говорю: любое из незанятых пространств можете выбрать на собственное усмотрение...

- Ну, военная база – это, наверное, перебор... Пока, во всяком случае, – почесал бровь сокрушитель всех вселенских злодеев. – А что касается небольшого спорткомплекса – так это в самый раз! Бег, метание копья, борьба, верховые скачки – это как раз то, что нужно! Естественно, присовокупить к тому турпоходы всех категорий сложности...

- Видите, доктор, как легко и приятно сделать единственно правильный выбор! – от радости потирал руки профессор-искуситель. – Приступайте к воплощению ваших задумок в жизнь немедленно! Контактируйте с доктором Гермесом: он поможет вам с распространением афиш с расписанием лекций или занятий в спортзале... Аид меня побери, я уверен, что вы сможете воспитать целую плеяду достойных спортсменов!

- Да, ловлю вас на слове, уважаемый профессор: на открытии комплекса обязана присутствовать доктор Гера. Пусть эллины убедятся воочию, что никакого разлада меж нами нет. Считайте это моим последним условием – и я прямо сейчас принимаюсь за работу!

- Что же, по рукам! – ответил инженер Зевс. – Отправляйтесь к коллеге Гефесту и Гермесу, пусть они помогут вам со строительством и рекламой, а я свяжусь с нашим завхозом... Гера никогда не откажет вам, дорогой мой, ведь мне известно, что ваша с ней дружба продолжается уже несколько миллиардов лет!

Сказано – сделано. Не прошло и мгновения на часах Истории – и у подножия Митикас возник прекрасный спортивный комплекс имени Геракла, Героя Галактики – таким было его официальное название, несмотря на отчаянные протесты главного тренера по всем видам спорта. Открытие его прошло на столь высоком уровне и освещалось столь широко, что, благодаря трудяге-Гермесу, даже попало в сводку Обязательных Вселенских Новостей. Само собой, на Земле это мероприятие тем более стало событием номер один, несмотря на то, что по размаху уступало Олимпийским играм. В присутствии огромного количества людей и бессмертных, владыка Олимпа Зевс произнёс великолепную речь перед собравшимися, призывая как первых, так и вторых не стесняться – и как можно чаще посещать новый спорткомплекс. После этого, на радость публике, профессор Зевс подал всем личный пример, сойдясь в контактном поединке с доктором информатики Гераклом. Разумеется, зрелище носило постановочный, рекламный характер, но не поняли этого только люди: так в мифологию вошёл знаменитый бой Геракла с самим Зевсом. Правдой было лишь то, что он завершился дружеской «ничьёй», хотя созерцать при этом ничтожные размеры Царя Олимпа по сравнению с массивными габаритами его «противника» было уморительно смешно.

А потом для доктора Геракла потекли обычные тренерские будни. Учеников, приходивших к нему на тренировки, приходилось разбивать на группы по интересам и весовым категориям; следить, чтобы посетители комплекса содержали в образцовом порядке бассейн и беговые дорожки; готовить множество лекций на самые разнообразные темы,

имеющих цель как практической, так и теоретической подготовки людей к таинствам физической культуры.

Однако, самым любимым занятием людей было время, когда тренировки заканчивались – и у них появлялась прекрасная возможность пообщаться с наставником в неформальной обстановке. Эллины любых возрастов просто обожали вечера, когда, приведя в порядок комплекс после занятий, они большой толпой собирались послушать Геракла, рассказывающего о своей жизни, жизни самого обыкновенного Героя Галактики. Иногда подобными откровениями тренер делился с ними не в самом Храме Силы и Ловкости, а в романтической обстановке – например, у большого костра под звёздами Олимпа или в таверне «У Гелиоса»; при этом им категорически подчёркивалось, что таверна носит характер исключительно места собрания, а не питья, ибо, как известно, последнее никоим образом не совмещается с образом жизни активно спортуящего человека.

Бывало даже так, что коллеги, видя очередное заседание Геракла и его многочисленных слушателей в таверне, сознательно проходили мимо, чтобы не отвлекать их и не расхолаживать собственным поведением.

- Что это за тусовка «У Гелиоса»? – удивлённо интересовались мало что знавшие о геракловой моде вести в этом месте застольные беседы с эллинами – без употребления чего-нибудь горячительного – сотрудники «Океана» или «Гартара», прибывшие на «Олимп» промочить горло.

- А-а-а, да это Геракл там сегодня травит байки эллинским спортсменам! – отвечали им прекрасно информированные коллеги из единственной наземной базы. – Видимо, сегодня дождь, у костра не посидишь, вот они сюда и припёрлись...

- Понятно, значит, нам в таверну путь заказан!.. Двинем тогда в «Чертоги» Афины, что ли?!

- О, чудесная мысль! Вперёд!⁹

Рассказы доктора Геракла завораживали слушателей настолько, что они полностью терялись во времени и пространстве, пытаясь вникнуть в детали повествований, которыми изобиловали речи наставника. Он рассказывал о великих сражениях, о дальних и опасных походах, о безумных и бесстрашных боевых операциях, свидетелем и непосредственным участником которых некогда являлся сам.

- ...Вот, друзья, ещё до того, пока не стал я бессмертным, мы вели войны с многочисленным и опасным врагом из другой Галактики, - размеренно вещал он хлопающим глазами и ушами грекам, забывавшим обо всём на свете при первых словах своего тренера. – Несколько миллиардов лет прошло, сейчас мне даже трудно вспомнить, как эта Галактика называлась, надо будет справиться у Блока Воспоминаний... Ну, да ладно! Постараюсь рассказывать так, чтобы у вас возникало поменьше вопросов, то есть используя более-менее понятные и принятые в Элладе термины... В армию я попал довольно юным; из меня хотели сделать штабиста, но я упрямил начальство отправить меня прямо на фронт. Воевали мы тогда против ящероподобных тварей...

- То есть, против ящериц? – уточнил некий благообразного вида старец, сам, в силу возраста, не спортуящий, однако не пропускавший ни единой лекции Геракла; человек этот являлся одним из лучших учеников доктора Гермеса, обладавший его личным разрешением вести хронику. – А чего с ними долго воевать? Они же размеров всего в треть локтя, самое большее – в половину! Такую мелюзгу даже ногами давить удобно...

- Это у вас, на Земле, они такие, да и то не все, - невозмутимо ответил Геракл. – А наши были настоящими великанами – величиной около пяти локтей, если не больше! Представляете: до зубов вооружённые гигантские ящеры, передвигающиеся на двух лапах и палящие во все стороны из атомных винтовок!

---

⁹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Это как, наподобие атлантов? – не отставал от Геракла первый неугомонный представитель журналистской профессии. – Говорят, такие же проживают на острове, в центре Океана...

- Тебе-то, уважаемый, откуда известно об атлантах?! – удивился доктор информатики. – Ты, что – успел побывать в лаборатории Эрота?!

- Слухами земля полнится, – уклончиво ответил тот, выводя что-то на покрытой воском табличке.

- Понятно, – мастер всех видов спорта прищёлкнул пальцами. – Твой учитель Пилот, значит, насвистел... Хорошо, на чём я там остановился?... Ах, да... Так вот, прибыл я в свою часть, получил оружие, познакомился с ребятами из казармы... Всё вокруг пропитано насквозь духом войны; на стене, в изголовье моей кровати – плакат: «Бей чешуйчаторылых! С нами Зевс!» Аналогичные лозунги развешаны по всем помещениям казармы; даже в туалете красовалась табличка над зеркалом: «Для нас и плоскомордых Вселенная слишком мала!» Словом, не успел я как следует освоиться, а космоящеры уже ненавидел каждой частью своего – пока ещё целого, забегу немного вперёд – тела... Тут приказ из штаба приходит: немедленно начать атаку соседней высоты, где вражий космопорт – по-вашему, скажем, город – находился. Занять его было для нас делом первостепенным. И мы рванулись в наступление.

Командовал нами хилиарх по кличке Рыгни-Пёрни: тёртый калач, он таких столкновений с ящерами отведал, что только держись! Закалка военная у него прямо в глазах читалась, один из которых был некогда повреждён вражеской лучевой миной... Командир толковый, ему быть бы при его опыте не хилиархом, а самым настоящим полемархом – или, поднимай выше – самим стратегом! Вот под его началом мы и выступили. К слову сказать, те, кто выжили в том бою, прошли с ним долгую войну до самого конца...

Мне сперва казалось странным его военное прозвище. Солдатом он был отменным, ничего на свете не боялся; уж только не за трусость к нему эта кличка прилипла. Я думаю, что просто из-за его обыкновения пускать газы из обеих отверстий одновременно так его и окрестили. Кстати говоря, на ящеров это действовало особо устрашающим образом. На нас – тоже.

Вот и ломанулся я, простой гоплит, в своё первое сражение под руководством столь опытного бойца. А на высоте, охраняя подходы к космопорту, закрепился вражеский РСУ – радиопулевая самоходная установка – и пожирает тех из нас, кто додумается голову из окопа высунуть. А мы перед ним – как на ладони....

- Радио... что? – вновь прервал рассказчика старец, возясь со своей дощечкой и стилем. – Если пожирает, значит – лев?

Геракл улыбнулся:

- Ладно, пусть будет лев... Главное, подобраться к нему тяжело: этот лев, скотина, засел в ангаре с двумя выходами: появится с одной стороны – и шархнет несколько залпов; быстренько прокатит сквозь помещение – и долбанёт с противоположной! Тогда-то Рыгни-Пёрни и дал мне самое первое в жизни боевое задание...

- Прости, о великий герой, значит лев сидел в пещере с двумя выходами? Я правильно тебя понял? – уточнил любимый ученик доктора Гермеса.

- Ты схватываешь прямо на лету! – похвалил внимательного слушателя альпинист-экстремал. Тот молча поклонился в ответ – и продолжил едва слышно скрипеть своим стилем. – Мне надлежало пробраться лёжа до самого ангара... то есть пещеры, пока наши ребята отвлекали этого поганого льва на себя ценой собственных жизней, честь и слава этим героям! Остальное было делом тактики. Я рассчитал время, потребное установке противника для совершения манёвра через ангар – и заминировал с моей стороны правый выход...

- Замини... как? – не отставал от Геракла назойливый писатель. Тот улыбнулся, однако остальные слушатели громко зашикали на старика.

- Хватит уже перебивать героя, дедуля!..

- Сколько можно!..

- Я же для хроники!.. – оправдывался тот. – Наши потомки мне ещё спасибо скажут!

- Завалил вход камнями, - ответил доктор, пытаясь отыскать наиболее подходящую и понятный для эллинов смысловой оборот. – В общем говоря, машина подорвалась через несколько мгновений; я, для пущего удовлетворения, закидал её магнитными гранатами... то есть, выпустил в проклятого льва несколько стрел из лука, – добавил он поспешно, предчувствуя возможные дополнительные расспросы со стороны хрониста. – Из развороченного чрева установки выпал полудохлый зеленомордый оператор, которого я в пылу битвы придушил собственными руками... Миг спустя я по закрытому каналу связи дал знать хилиарху, что зверь уничтожен – и наша часть, вернее, то, что от неё осталось – может выступать на штурм космопорта. Однако, после уничтожения РСУ, это не было столь сложным делом: ящеры не предполагали, что мы сможем обойти их защиту и всецело полагались на её бесспорную убойность. В космо... в городе находились довольно небольшие силы противника, которые поспешно смылись при нашем появлении...

- Ай, что делается! – всплеснули руками многочисленные слушатели. – Придушить льва голыми руками! Вот как становятся героями! Боги, боги, какой великолепный подвиг! Самый первый подвиг нашего любимого Геракла!

Дети визжали от радости; женщины, посещавшие аэробiku, вторили своим чадам – и хлопали в ладоши; мужчины с нескрываемым восхищением поглядывали на рассказчика, который скромно опустил голову, давая понять, что на сегодня история окончена.

- А вот, что произошло со мной на другой планете, - рассказывал он очарованным слушателям в следующий раз. – Ящеромордые сильно окопались в довольно важной точке, занятие и контроль над которой являлись для нашего дальнейшего успешного наступления жизненной необходимостью. Проблема была в том, что вражеские позиции защищала десятиствольная гиперпушка, укреплённая от воздушных налётов нашей техники таким слоем прочно сцементированных... забетонированных... словом, таких мощных мегалитов, что нанести ей ущерб не представлялось возможным. На это задание со мной отправился сам хилиарх Рыгни-Пёрни; он отметил мою ловкость во время сражения со львом, поэтому решил, что вместе мы справимся и с этим чудовищем...

- Как оно выглядело, о великий Геракл? – спросил вездесущий ученик журналистского факультета доктора Гермеса. – Я хочу подробно описать его для будущих поколений, чтобы они ещё многославнее чествовали твою победу над врагом!

- Ну, - Герой Галактики на мгновение задумался, приложив указательный палец к губам. – Как тебе сказать... Представь себе такую огромную змееподобную дрянь на четырёх лапах, у которой десяток голов, каждая из которых изрыгает пламя... Самое страшное в том, что каждая из этих голов способна к автономной работе, даже в случае повреждения соседней...

- О, я тебя превосходно понимаю, Геракл: ты говоришь о гидре! – воскликнул всезнайка-журналист. – Признаться, мне уже доводилось слышать о ней от других, но ведь лучше послушать историю из первых уст, верно? – хитровато улыбнулся он.

- Что правда, то не ложь! – ответил доктор информатики. – Ну, слушайте... Мы с хилиархом вышли из казармы за день до начала операции: необходимо было провести более подробное исследование местности, чтобы враг не застал нас за работой. Кстати, во время этого задания нашими глазами была никто иная, как Афина, которая тогда активно сотрудничала с Центром Стратегических Операций: она вела нас через минные поля, помогая ориентироваться среди вражеских ловушек; указывала точные координаты расположения неприятельских постов и зон особо повышенных систем патрулирования...

- О! Великая Афина! – с почтением и восхищением выдохнул скрипящий писалом старик.

- Да, впоследствии – после войны – мы с ней познакомились очно, но пока Афина была для меня всего лишь приятным, ободряющим голосом, направлявшим каждый мой шаг и советовавший, когда именно этот шаг следовало сделать, - мечтательно произнёс Геракл, вспоминая о событиях более, чем миллиарднолетней давности. – Тогда же она провела нас

с хилиархом к этой гидре кратчайшим путём; нас не засёк ни один патруль, да и потери времени были минимальными.

Подобравшись к этой аидовой установке, мы получили известия о грядущей через несколько минут атаке; действовать следовало незамедлительно. По счастью, гиперпушку ящеры совершенно не охраняли, поскольку ни налёт с воздуха, ни взрывы на поверхности ничем не угрожали её благополучию; как я уже упоминал, установка была прочно охвачена тройным кольцом из практически не разрушаемых мегалитов. Наши враги наивно полагали, что достаточно хорошенько следить за местностью, чтобы не подпустить к орудию нас. Впрочем, как вам уже понятно, на этом они и прокололись...

Чтобы выполнить задание – не буду вдаваться в технические подробности, вы всё равно вряд ли что уразумеете, друзья – нам с хилиархом нужно было разделить: мне выпала задача по уничтожению самонаводящихся прицелов, а Рыгни-Пёрни должен был заняться непосредственным уничтожением гиперпушки. Для этого он предложил использовать метод так называемого прижигания, и сейчас вы поймёте, в чём он заключался.

На данном участке боевых действий зеленомордые использовали довольно старую, однако проверенную временем технику – убойность её являлась беспрецедентной, в плане использования подобной конструкции имелся лишь незначительный минус: в момент выстрела из орудия, внутренность его ствола на несколько мгновений была абсолютно беззащитна, поскольку с него автоматически сбрасывался металлический затвор. Таким образом, при удачном расчёте, в жерло ствола можно было опустить магнитную мину, которая непременно детонировала бы от следующего выстрела, разворотив к аидам собачьим и сам ствол. Однако, для этого надо было ждать, чтобы орудие начало свою ужасную работу...

Слушатели внимали доктору, не переводя дыхания. Они и представить себе не могли, что где-то очень-очень давно и очень-очень далеко могли происходить невиданные сражения с применением невиданного оружия, лишь от описания которого у них стыла кровь в жилах. - Тем временем началась атака, - продолжил Геракл, поглядывая на лица посетителей спорткомплекса. – Я принялся отстреливать лазерные прицелы с каждой головы гиперпушки, а Рыгни-Пёрни, отсчитывая про себя время и перебегая от ствола к стволу, ухитрился пропихивать в каждую пасть по хорошему магнитному заряду. Работа наша была аккуратной и чёткой: я сбивал выстрелом систему наведения, после чего грохотал выстрел; само собой, без прицела нанесённый нам урон не был столь опасен, нежели точечное попадание по цели. Хилиарх просовывал заряд в ствол – и перебегал к следующему, ожидая моего очередного выстрела. И так далее...

Спустя несколько минут всё было закончено. Взрыв наших мин отлично «прижигали» выстрелы гиперпушки, каждый из которых превращал очередной ствол в груды покорёженного металла. Однако, нам ещё предстояло уйти с места диверсии, и уйти, желательно, невредимыми. Это оказалось не простой задачей: наши враги, основываясь на показаниях своих радаров, поняли, что их орудие ни разу не попало по заданным программой целям – и выслали хорошо вооружённый наряд выяснить, почему так не произошло. Они превосходно понимали, что обезвредить их орудие не могло слишком крупное войсковое отделение, иначе его передвижение по их территории не осталось бы незамеченным. И если они уже не были в состоянии управлять своей треклятой гидрой, то, по крайней мере, вполне могли уничтожить диверсантов, лишивших их такого мощного союзника.

Ящеры верно рассчитали, что до нашей территории мы никогда не доберёмся, поскольку у нет никакого средства передвижения, поэтому погнались за нами в небольшой, но довольно проворной для пологой местности «десятиножке»...

- А это что такое? – вновь спросил дотошный любитель точных определений.

- Машина, похожая на скорпиона, - рассказчик попытался дать описание техническому устройству. – Нет, скорее она напоминает рака... Так вот, при наличии у ящеров этой штуки, мы точно не ушли бы живыми, если бы не меткий выстрел Рыгни-Пёрни, который

разворотил и опрокинул «десятиножку», превратив в металлолом как сам аппарат, так и его экипаж – в гору вонючего мяса. Однако, ещё до того счастливого момента, по нам, несущимся по совершенно открытому пространству, гнусные преследователи открыли ураганный огонь из своих дезинтеграторов. Один из выстрелов попал мне прямо в пятку, чем немедленно превратил её в облачко пара... Я рухнул плашмя, проклиная всё на свете и теряя от боли сознание – и лишь тогда Рыгни-Пёрни сделал свой замечательный выстрел, угодивший прямо в топливную систему средства передвижения наших супостатов...

- Понимаю: подлый рак укусил тебя в ногу, - немедленно сделал вывод писец. – Но, чтобы пятка превратилась в облачко... Как такое возможно? Тем более, что я прекрасно вижу: все твои конечности на своих местах, Геракл...

Доктор информатики и мастер спорта по туризму улыбнулся:

- К сожалению, такое страшное оружие когда-нибудь появится и у людей: оно сможет дотла сжигать всё, чего только ни коснётся... Равно, как и невероятные возможности медицины...

Да и тело у меня тогда было... М-м-м, скажем, несколько иное...

- А дальше?

- Дальше... Очнулся я уже в казарменном госпитале, где над моей головой увидел агитационный плакат: «Солдат, береги голову – остальное пересадим!» Рядом со мной, улыбаясь во весь рот, сидел мой начальник и сотоварищ Рыгни-Пёрни; он поведал, что вскоре после того, как гиперпушка умолкла, база отрядила на наши поиски несколько воздушных лайнеров, которые не только нашли и подобрали нас, но и попутно зачистили логово этих тухлых уродов... После столь удачно проведённой боевой операции, мы с хилиархом получили по месяцу отпуска: он – провёл своё время на роскошной планетарной системе «Казино», а я – провалялся в военном госпитале, где мою ногу, путём хитрых парамедицинских манипуляций, вернули на место...

- Ты – величайший из героев, о Геракл! – восхищённо воскликнул некто из посещающих спортзал тяжелоатлетов. – Как же мы все хотим быть похожими на тебя!

- Кстати, Геракл, а за что вы так ненавидели этих ящеров? – обратился к нему гермесов протеже. – Почему вы, ныне такие миролюбивые создатели, объявили им войну?

- Они были дважды фальшивыми: и как либералы, и как демократы, - загадочно ответил Герой Галактики.

Иногда повод для дальнейших откровений доктора Геракла перед людьми невольно подавали его коллеги, оказавшиеся не в то время и не в том месте. Поскольку многие из них знали его не первый миллиард лет, то, естественно, были весьма информированы о тех или иных деталях воинской биографии альпиниста-экстремала. Однажды, в момент отсутствия Геракла в тренировочном зале для тяжелоатлетов, туда заглянул доктор Гермес.

- Где тренер? – спросил он занимающихся в помещении мужчин.

- Вышел куда-то, но обещал вскоре вернуться, - ответил один из них, возящийся с тяжелеными гирями. – Что ему передать, Гермес?

- Передайте этому отрезателю носов, что через час собрание, а Зевс не может найти его: сигнал по индивидуальной связи не проходит... Вот, меня послал, - доктор легонько погрозил пальцем далёким предкам всех обладателей титула «Мистер Вселенная». – Словом, только появится – немедленно отправляйте его к Зевсу!

Конечно, первые на Земле поклонники бодибилдинга сразу же передали тренеру то, о чём их попросил владыка прессы, а заодно и поинтересовались странным выражением последнего в его адрес.

- Почему Гермес назвал тебя «Отрезателем носов»? – спросили своего дрессировщика древнегреческие культуристы.

- Ах, это... – улыбнулся их наставник, поправляя на плечах львиную шкуру. – Ребята, сейчас мне, действительно, некогда; вы же сами сказали – Зевс вызывает... Но после собрания вернусь – и расскажу...

Покончив с насущными делами, доктор вернулся в спортзал, где его появления ожидали не только тяжелоатлеты и другие спортсмены, но и люди, которые, узнав от первых о новых

приключениях своего любимца, собрались послушать об этом со всей округи, так сказать, из первых уст. Гераклу ничего не оставалось, как поведать им ещё несколько историй. Довольные слушатели расселись по всему помещению – и, развесив уши, приготовились наслаждаться очередными сказаниями легендарного героя.

- Это случилось на одном из планетоидов в системе... Впрочем, какая разница?.. Мы захватили секретный бункер, в котором от наших истребителей укрывалась часть командования вражеской армии, не успевшая вовремя эвакуироваться; наше наступление разворачивалось столь стремительно, что сбежать у них не было ни единого шанса. При атаке погибло очень много моих товарищей; ну, просто не находил себе места – и сколько не пытался Рыгни-Пёрни развеселить меня своими выходками, я ещё долго не мог прийти в себя.

В захваченном бункере, помимо обнаруженных тактических планов противника и прочей ценной информации, мы обнаружили так называемую «Галерею Почёта»: ящерицеобразные частенько устраивали подобные в театре боевых действий. Представляли они из себя череду статуй особо смело сражавшихся и героически погибших зеленомордых в натуральную величину. Такие «Галереи» обычно располагались в коридорах казарм или штабов, чтобы поднять боевой дух сражающихся.

Следует принимать во внимание, что в те далёкие времена я был ещё довольно эмоциональным; к тому же потеря друзей очень сказалась на моём самообладании. Стоило мне войти в захваченный бункер и увидеть проклятую «Галерею», как уже ничто не могло остановить моего гнева и отчаяния; разум мой совершенно помутился – и я, сорвав пристёгнутую к поясу сапёрную лопату, полагавшуюся любому гоплиту моего времени, принялся отбивать носы каждой статуе, что попадалась на моём пути. «Галерея» оказалась довольно протяжённой... скажем, коридор был в длину более ста локтей, однако я не мог успокоиться до тех пор, пока не прошёл ураганом по указанному расстоянию. Я почти не слышал окриков Рыгни-Пёрни, призывавшего меня к порядку и самообладанию; едва чувствовал, как на каждом из моих плеч повисло по двое сослуживцев – ярость ослепила меня, белая пыль повергаемых статуй лезла в глаза и нос, но я продолжал неистовствовать... Вот, собственно, и вся история, - выдохнул Геракл. – С тех пор в течение довольно долгого времени за мной закрепилось прозвище «Отрезатель носов». Кто-то потешался надо мной за проявленную эмоцию, кто-то – наоборот, восхищался тем, что я не стал её сдерживать; тем не менее после случившегося меня надолго комиссовали в полевой госпиталь, где врачи целую бесконечность пытались понять, в состоянии ли я ещё нести боевую службу или нет. Но, случилось так, как случилось: я был признан вполне вменяемым – и вернулся в строй...

Другой раз Геракла на внеочередную лекцию невольно спровоцировал доктор Гефест, пришедший в спортзал немного поплавать в бассейне. Обставив на скорость всех желающих потягаться с ним эллинов, он крикнул наблюдающему за импровизированном миничемпионатом коллеге:

- Видишь, дружище, я хоть и не людоящер, но далеко не потерял форму! А это тебе не ордена для дальтоники подделывать! – с этой загадочной фразой всех конструкторских дел мастер завернулся в полотенце – и пошёл восвояси.

Излишне говорить, что после слов удалившегося в раздевалку доктора ядерной физики все, находившиеся в бассейне люди, разом обступили своего наставника.

- Что он имел в виду, о могучий Геракл? – засыпали его вопросами пловцы, как профессионалы, так и любители. – Людоящеры здорово плавали? О каких орденах говорил великий Гефест?

- Так и быть, - ответил тот, понимая, что отмахнуться от любопытствующих всё равно не удастся. – С подачи моего коллеги расскажу вам и об этом... Да, ящеры всегда были превосходными пловцами, что ясно из общего курса биологии: организм рептилий для этого создан не в пример лучше! Не верите, так спросите Артемиду... или хотя бы нашего милого экспериментатора Эрота, как раз вовсю взявшегося с атлантами... Впрочем, речь

идёт не об их выдающихся плавательных особенностях и возможностях, а о некой диверсии, имевшей место во время нашей большой войны с ящерообразными. Случилось так, что нам в руки попал весьма интересный материал, на основании которого учёные сделали ошеломляющий вывод о том, что не все наши враги обладают цветовым зрением. В результате их долгих исследований получалось, что нормальными трихроматами среди них являются исключительно члены королевской семьи и высокопоставленные вельможи; дихроматами были представители высшего и среднего командного состава – а все остальные, составляющие регулярную армию рептилоподонков, были стопроцентными монохроматами...

- Какое замечательное наблюдение ваших учёных! – эти слова произнёс откуда ни весть оказавшийся среди слушателей в бассейне старый знакомый Геракла, протеже его друга доктора Гермеса; усевшись на скамеечку посреди пловцов и не пловцов, он водрузил на колени покрытую воском табличку – и приготовил стиль. – Предвосхищаю, насколько ценным для тебя оказалось подобное наблюдение!

- Ты даже не представляешь себе, насколько, господин хронист! – улыбнулся доктор информатики. – Нельзя, конечно, утверждать, что мы выиграли эту – уже и не помню, сколько лет тянувшуюся – войну благодаря лишь этому открытию, но то, что оно нереально способствовало нам и ускорило нашу победу – сомневаться не приходится... Мы перекрашивали наши казармы и бронетехнику, вводили специальные комбинации расцветок для униформы и тому подобное, а проклятые супостаты лишались возможности видеть нас практически у себя под носом. Случись это в самом начале войны, она не была бы столь затяжной и кровавой...

- Прости нас, о великий Геракл, Герой Галактики, но объясни, что такое монохроматия и прочие слова? – раздался чей-то голос из задних рядов. – Мы ведь люди неучёные...

- Странно, несмотря на то, что я говорю с вами на чистейшем древнегреческом языке! – усмехнулся доктор, усаживаясь поудобнее перед слушателями. – Для вашего времени это, пожалуй, рановато, однако, чтобы не запутывать ситуацию, я готов сделать необходимые пояснения... Дело в том, что мы с вами видим и различаем все цвета... цветовых слепцов попрошу воздержаться от комментариев! – прервал он себя, но, опомнившись, лишь махнул рукой. – Ладно, идём дальше... Словом, по сравнению с нами, многие ящерообразины обладают сильно заниженным цветовым восприятием, при этом частенько не в состоянии отличить красного цвета от зелёного, синего – от жёлтого, золотого – от серебряного; что же касается их солдат, то, как уже было сказано, они видят всё окружающее исключительно в чёрно-белом цвете... Впрочем, для вас, эллинов, синий цвет – та ещё загадка!.. Теперь-то хоть немного понятнее?

- Как дважды два! – кивнул спросивший – и начал что-то царапать стилем на дощечке.

- Очешуеть! – только и молвил опешивший доктор. – Вот только не следует сейчас записывать услышанного, хорошо?

- Почему? – не понял тот, немедленно прерываясь.

- Потому, что это сведения будут известны лишь вашим далёким потомкам! Не для вашей эпохи подобные рассуждения о медицине или оптических исследованиях спектра! И вообще, - доктор понизил голос, - то, о чём я вам сейчас рассказываю, мой друг Афина может расценить как должностное преступление! Вы что, хотите иметь дело с Афиной?!

- Нет!!! – с испугом в голосе единогласно воскликнули слушатели.

- То-то! Мне тоже не хотелось бы, честно говоря... На этом и остановимся... Так вот, приблизительно в то же время, когда нам стало известно о невосприимчивости подавляющего большинства солдат противника к цветовой гамме, разведка доложила, что этим тварям строго-настрого – под страхом смертной казни – запрещено носить пожалованные им за боевую доблесть награды или знаки воинского различия вверх ногами. Ходили слухи, что нередко за подобную оплошность ящерона начальство предавало полевому суду без следствия даже лучших из лучших, поскольку главный ящероархонт терпеть не мог подобной небрежности. В нашем штабе проанализировали ситуацию; вот тогда-то я и

предложил командованию эту блестящую диверсию. Она состояла в том, что нам следовало изготовить огромное количество знаков, имеющих хождение в армии ящеров – и распространить их среди врага. Эти знаки носились на груди ящеров и отличались только размерами – от трети указательного пальца до раскрытой ладони – указывающих на ранг или награды своего носителя; а вот особыми оригинальными задумками дизайнеров они не блистали: всего лишь ромбик из лёгкого металла, разделённый надвое двумя полосками – сверху красной, а снизу – зелёной. Я мог бы прочитать вам настоящую лекцию о знаках различий и отличий, принятых среди ящеромордых военных, но не считаю необходимым заострять ваше внимание на межгалактическом конфликте, к тому же давным-давно канувшем в Лету...

Проще говоря, в течение нескольких дней пара наших полков усердно штамповала «подарочки» для ящериц, которые следовало во время очередного налёта доставить к довольно крупному неприятельскому укреплению, мешающему нам продвигаться дальше – к сердцу империи этих гадёнышей. Было решено, что «груз» будет сброшен с воздуха, подобно листьям с дерева – пусть-де, ящеры сами подбирают «товар»; нам было превосходно известно, что несмотря на личную отвагу, рептилоиды отличаются большой любовью к мародёрству. Никто из них не отказался бы украсить свою грудь ни за что, ни про что попавшим к нему генеральским орденом... Правда, поскольку все они видели мир только чёрно-белым, то не было никакой гарантии, что каждый из польстившихся на более высокое звание, нацепит его на себя именно так, как надо. Раньше или позже, согласно их же военному трибуналу, навесивший на себя побрякушку вверх ногами обязательно будет расстрелян своими.

- Не совсем понимаю тебя, о великий! – вновь поднял руку писец. – Кто же мог бы сказать этим ящерам, как правильно надевать эти самые знаки? Ответь, пожалуйста, ты же видишь, что я ничего не записываю!

- Я об этом и говорю, дружище! Всё просто: для того, кто не различает цветов так, как это было с ящеросолдатами, что красный цвет, что зелёный – одно и то же. Для них оба цвета будут выглядеть неопределённо тёмными. Потому пусть и гадают, как правильно вешать на себя эту чушь! Зато, когда они, так принарядившись – и, с возможностью пятьдесят на пятьдесят процентов, перепутав верх знака с низом, попадутся на глаза начальству – никто не даст за их прыщавые морды и четверти лепты! На этом и строился наш расчёт.

Чтобы не быть многословным, скажу сразу, что операция прошла более, чем успешно: под видом обычного налёта на ящеровидных, мы разбросали заготовленные фальшивки над всей линией фронта. Как и предполагалось, рептилии повелись на поводу у собственной жадности – и украсили себя неприсущими каждому из них знаками отличия. А после мы пошли в атаку; а когда заняли позицию, то оказалось, что моя комбинаторика даже превзошла возможные ожидания: офигевшее от поведения своих подчинённых начальство, которое могло различать хоть какие-то цвета, распорядилось расстрелять более трёх четвертей гарнизона, державшего оборону на этом рубеже! Словом, мы практически вошли в никем не охранявшийся укрепрайон... Подобный аттракцион мы ухитрились использовать ещё несколько раз, но потом среди ящеров стало об этом известно – и малина наша, увы, закончилась!..

- Расскажи ещё что-нибудь, о Геракл! – посыпались на него просьбы со всех сторон, когда он умолк, потирая ладонь о ладонь и неподвижно глядя в одну точку у себя под ногами. – Даже твоим эмоциям можно найти достойное оправдание, а кто настолько бесчестен, чтобы судить поступки героя?!

- Действительно, мастер, расскажи! – подал голос здоровенный эллин в одном хитоне, который даже не успел переодеться после тренировок. – Любое из твоих повествований станет легендой, на которой мы будем воспитывать наших детей!

- Ладно, - согласился доктор, собираясь с мыслями. – Поведаю вам о том, как мы с Афиной разнесли в щепки вражеский ракетодром...

- Опять с Афиной?! – воскликнул старец, нетерпеливо ёрзая на скамье. – О великая Афина-Паллада, будь к нам благосклонна! – он вопросительно воззрился на Геракла. – Ну, о ней-то хоть можно написать для потомков?

- Валяй, - позволил ему лектор, прикинув возможные последствия, если эта история попадёт в народ и станет предметом обсуждения на Агоре. – Только не публикуй раньше времени, пока Гермес не просмотрит, договорились?

- Замётано, Геракл! – тот положил руку на сердце.

- Вот и здорово! Итак, дело было почти в конце войны. Мы тогда добивали остатки ящероподобных на одной тихой планетке... Она уже находилась под нашим контролем, однако на одном из её спутников расположился вражеский ракетодром, имевший связь с большими силами ящеров за искривлённым пространством; время от времени со спутника они даже осмеливались наносить нехилый ущерб по уже отбитым нами территориям. Ракетодром надо было уничтожить любой ценой, а после – преследовать врага до победного конца... Манёвренность ракет, отправляемых ящерицами против нас, была невероятно высокой: их трудно было запеленговать, тем более – отразить их внезапную атаку. Впрочем, это был последний скрип мозгов учёных-рептилоидов: победа явно склонялась в нашу сторону и никакие ноу-хау уже не могли спасти мерзавцев...

- Минуточку, Геракл! – прервал его хронист. – Требуется некоторые пояснения. Будь добр, скажи, пожалуйста, что такое ракеты? Да и ракетодром, признаться, меня интересует не меньше...

- Ракеты... Хм... – рассказчик почесал подбородок. – Ну, это... такие очень быстрые машины, летающие на предельно высоких скоростях в атмосфере и в космосе. Несут на себе невероятное количество вооружения: могут использовать лазерные установки, сыпать ядерными зарядами хрен знает во сколько мегатонн и прочее... Палить по ним – полный бесплезняк: во-первых, сомневаюсь, чтобы даже наша искусная Артемида попала, а если и попала бы, то – во-вторых – никакого толка от попадания не будет. Машины эти из такого толстого сплава, что мама мия! Есть у них, правда, одно довольно уязвимое местечко – окно в кабинке оператора – однако, повторяюсь, попасть в него при такой скорости и расстоянии – невозможно...

- А подробнее? Это же технические характеристики, а я в них ничего не смыслю, – человек выглядел крайне озадаченно, явно пытаясь представить себе не представляемое. – Как хоть они выглядят, Геракл?

- Послушай, ты видел, на каких штуковинах летает Арес? – доктору пришло в голову хоть приблизительное сравнение. – Ракеты – это нечто похожее, просто в моём повествовании у них – боевое назначение, тогда как наш Арес использует мирный и не столь манёвренный транспорт...

- Конечно, видел! – радостно отозвался тот. – Очень похоже на огромных птиц с медными лапами, клювами и крыльями...

- Хорошо, - вздохнул доктор, - пусть будут птицы...

- Вот так бы и сразу: быстрые, металлические аресовы птицы... Никакого урона им нанести, соответственно, нельзя... Сыплют на людей ужасными перьями, которые убивают всё, что движется... Следовательно, ракетодром – это гнездо, где они проживают, не так ли? – блистая безупречной логикой, старец торжественно взмахнул своим стилем.

Рассказчик улыбнулся:

- Именно так! Ещё вопросы есть?

- Никак нет, о великий! Огромное тебе человеческое эвхаристо за пояснения! – и хронист вновь яростно заскрипел по табличке.

- Не за что... Словом, в активе у нас – постоянные налёты противника; в пассиве – наша полная неспособность хоть как-нибудь на них ответить. А командование требует, чтобы наступление продолжалось; наступлению-де, заглёбываться нельзя... Вот тут-то и появилась Афина, притаранив весьма полезную штучку: великолепный сверхскоростной одноместный лайнер, снабжённый последней модификацией мощнейшей инфразвуковой

пушки. Не хочу хвастаться, друзья, но с выбором кандидата в кресло управления этой чудесной машинкой у нас на базе споров не возникло: Рыгни-Пёрни сразу предложил начальству меня – и как зарекомендовавшего себя боевого лётчика, и как достойного снайпера. Руководство дало добро на операцию, запланировав мой вылет к одному из последних оплотов врага на самое ближайшее время – и больше никаких вопросов на этот счёт не поднималось.

Забыл сказать, что мать-природа наградила зловредных ящеров не только недостаточным зрением: в отношении слуха у них тоже был полный беспорядок. Кое в чём, они, правда, превосходили нас – например, превосходно чувствовали и различали запах по системе «свой-чужой» на огромных расстояниях; при таком нюхе могли бы вообще детекторами не пользоваться... Ну, да ладно. Добавлю, чтобы вам стало понятнее, что если у меня или у вас определённая частота инфразвука не вызовет ничего, кроме улыбки, то самого крепкого ящера она просто порвёт на части... Ну, как минимум, вызовет в его чешуерылой башке такую панику, что из первоклассного бойца он мгновенно превратится в тьюфак. Вот на что способен инфразвук, дамы и господа!

Короче говоря, отправился я на задание; приблизился к этому треклятому спутнику с той стороны, откуда меня не ждали – и давай лупить по ракетодрому, пока ракеты неприятеля не успели взлететь! При манёвренности моего кораблика они даже опомниться не успели: ношусь среди них да шарахаю инфразвуковыми торпедами, а потом накрываю магнитными бомбами! Некоторым, правда, удалось-таки подняться в атмосферу, только мне это всё равно: какая разница, куда стрелять из пушки – прямо по окну оператора или чуть в сторону: инфразвук его везде, подлеца, достанет! Иным, как говорилось, даже дополнительных трассирующих с моей стороны было не надо: запаникуют от прямого попадания в лоб, потеряют нафиг управление ракетой – и сами рухнут на поверхность; а там как рванёт!..

- погоди, о Геракл, погоди! – гермесов протеже снова поднял руку. – Я понял, что ты в одиночку уничтожил всех железных птиц из своего могучего лука... Но зачем ты говорил про какой-то звук? Ну, про тот, что тебе Афина подарила?

- Он был нужен для того, чтобы привести врага в замешательство, чтобы как следует напугать его, - пояснил бесконечно терпеливый доктор. – Как бы тебе это объяснить... Представь, что ты бьёшь в такой огромный тимпан, от которого у твоих врагов разрывает барабанные перепонки – и они начинают теряться, совершают неправильные действия, путаются в мыслях; словом, чтобы долго не распространяться на эту тему, попросту сходят с ума от ужаса...

- Так бы и сказал! – обрадованно сказал эллин, почёсывая макушку. – Значит, великая Афина подарила тебе особый тимпан...

- Мощный, очень мощный тимпан! – улыбнулся рассказчик.

- ...очень мощный тимпан, от которого перепуганные насмерть птицы разлетелись, так? А потом ты перестрелял их из лука...

- В точку! – рассмеялся любимец народа. – Если переложить мои слова на твой язык, то, наверное, так оно и было...

- Геракл, а расскажи что-нибудь о том, как тебя ранили! – внезапно попросил маленький кудрявый мальчик, сидящий на коленях миловидной эллинки в первом ряду. – Я очень хочу быть похожим на тебя, поэтому интересуюсь: что делать, если тебя ранили неприятели?

- Как – что делать?! Конечно же, немедленно обратиться к доктору! – мастер всех видов спорта нагнулся к малышу и потрепал его по щеке. – Но если хочешь, могу рассказать тебе о том, как я некогда потерял... м-м-м... левую руку!

- Но ведь она у тебя на месте! – недоверчиво произнёс ребёнок, замороженно разглядывая львиную шкуру, покрывавшую плечи героя.

- Её мне тоже вернули врачи, как и сожжённую пятку! – ответил тот. – Впрочем, назвать рукой или ногой то, что было у меня во время войны, можно лишь для того, дабы всем было понятнее...

- Расскажи ему, о могучий Геракл! – попросила, зардевшись, молодая мать. – Он и так плохо спит по ночам...

- Хорошо, расскажу, - доктор с улыбкой погрозил мальчику пальцем. – Только и ты обещаешь мне, что будешь хорошо спать и слушаться мамочку, договорились?

- Договорились! – обрадовался ребёнок, обнимаю за шею свою заступницу. Люди приготовились к слушанию очередной легенды.

- Было это в далёкой системе огромной звезды, вокруг которой, как и у вас, вращалось около десятка планет, - певучим голосом начал доктор. – Положение в системе было очень непростым: нам, равно как и нашему неприятелю, принадлежала ровно половина системы. Стоило какой-нибудь из сторон взять верх в малом, то есть захватить хотя бы одну из планет, баланс был бы нарушен – и противнику пришлось бы неминуемо отступить. Конечно, никто не хотел сдавать завоёванных позиций; каждый из нас – и мы, и ящеры, даже воздерживались от небольших столкновений, желая поднакопить побольше сил – и единой ураганной атакой по всему фронту выбить врага из системы раз и навсегда.

Я тогда служил в разведке, поэтому обстоятельства требовали от меня неотлучного нахождения у самой границы. Как известно, это самое опасное место: то враги шлындают к нам, то мы – к ним; а в случае атаки пограничник и разведчик рискует больше остальных. Мне же, несмотря на риск, судьба дала возможность принести большую пользу нашей расе именно на границе.

Сунулись мы однажды небольшой группой в тыл противника; Рыгни-Пёрни весьма долго инструктировал нас, однако, с нами не пошёл. Не из трусости, естественно, а потому, что в штабе так решили: дескать, он хоть солдат бывалый, и на все руки мастер, но негоже ему – хотя бы из-за прозвища да обыкновения своего внезапного – обнаруживать нашу группу там, где, согласно заданию, нужна полная тишина. Старшим командование назначило меня – и наказало нам без языка назад не возвращаться.

А планета, доложу я вам, по центру которой пролежала граница, была практически единым горным хребтом; невысоким, надо сказать; место достаточно холодное и неприветливое, растительности мало... Враги – по одну сторону хребта, мы – по другую.

Случилось так, что стоило нам приблизиться к вражеским позициям, как в лагере началась общая тревога: заметить нас они вроде бы не могли, мы были очень аккуратны, но чем-то они, видать, были напуганы... А может, просто проверочный сбор был или учения, кто их знает? Выслали по всему периметру свои идиотские шагоходы – и давай прочёсывать местность.

Чтобы не попасться ящерам на глаза или чего хуже – в плен, я скомандовал друзьям разделиться – и поодиночке возвращаться на свою территорию. Видел, как они рассредоточились – и, мимикрируя под булыжники, отправились назад. Да и сам я не стал на месте топтаться; жаль, что не удалось подобраться поближе – и выполнить задание, но ничего не поделаешь, завтра можно попробовать снова...

Стоило мне подумать об этом, как прямо из-за скалы вылетает на меня шагоход неприятеля – и как я не услышал, что ко мне так близко подобралась рептилоидная техника?! К слову сказать, вес этой машины небольшой – тонны две, не больше... Это, по-вашему, около восьмидесяти талантов, что ли... Я, конечно, ноги в руки – и наутёк! А тот не отстаёт от меня ни на локоть: пристал, как лист лаконикума к заднице – и что ты будешь делать?! Стрелять по нему – бесполезно: во-первых, из моего оружия его броню не пробьёшь, а во-вторых – на выстрелы его сотоварищи сбегутся и тогда мне точно крышка. Одно утешало, что оператор в этой модели всего один: гоняться за мной и одновременно вести по мне прицельную стрельбу не может... Мне оставалось только удирать от него в сторону границы.

- Дорогой Геракл, пожалуйста... – послышался до боли знакомый голос из первого ряда.

- Да, да, знаю! – доктор улыбнулся и потянулся. – Сейчас объясню: шагоход – эта такая машина на четырёх ногах, применявшаяся врагом, особенно в начале войны. Весьма

устойчивая и не особенно медленная. Основное вооружение: радиопулемёт и лучевой парализатор...

- Типа вепря, что ли? – покрутил головой желающий всё знать старец. – Четвероногий, довольно быстрый, массивный – и, насколько я понял, вооружённый двумя клыками...

- Что же, пусть будет вепрь, - Геракл не решился отвлекать внимание слушателей на дальнейшую полемику с одним из них. – Так вот, этот самый аидов вепрь погнался за мной, как только был способен, а я – драпал от него со всех ног! Палить по мне он почему-то не стал; видимо, как я и предположил, оператор не успевал справляться с управлением этой зверины, ведь мы находились в гористой местности. К чести этих людоящеров можно сказать, что применение подобной – прекрасно автоматизированной конструкции – в условиях гор оказалось весьма продуктивным: лапы шагохода были снабжены множеством шарниров, что позволяла машине передвигаться по склонам и ущельям с удивительной устойчивостью.

- А потом? – нетерпеливо спросил доктора кудрявый мальчик. – Что было потом, Геракл? Тебя ранили?

- Пока ещё нет, но это в скором времени случится! – успокоил ребёнка рассказчик, улыбаясь то ли ему, то ли собственным воспоминаниям. – Ладно, по просьбе самого маленького слушателя укорочу повествование: в какой-то момент я обратил внимание, что вепрь гораздо лучше чувствует себя в горах, нежели на равнине. Лапы его были словно приспособлены для лазания по скалам. Когда же нам попадались более-менее равнинные места, он замедлял ход – потому, что не сделай этого оператор, кабину немедленно начинало водить из стороны в сторону; лапы вепря расползались в поисках твёрдой опоры, а всем вместе взятым шарнирам конструкции явно было тяжело работать согласованно в ускоренном режиме. Таким образом, скакать по равнине на прямых ногах для шагохода не представлялось возможным, что гораздо увеличивало мои шансы на выживание и спасение от этой проклятой машины.

А потом меня будто осенило: раз моему противнику вообще едва возможно передвигаться по равнине, то почему бы мне не заманить его на снег, где он просто увязнет?! Надо сказать, что по-настоящему глубоко заснеженных мест на планете было немного, особенно там, где мы оказались; к тому же, чтобы привести мой план в исполнение, мне следовало вернуться назад, от границы. Впрочем, добежать к нашим я всё равно был не в состоянии – расстояние было ещё весьма отдалённым; потому я, к полной неожиданности моего преследователя, развернулся на девяносто градусов – и практически проскочив между его лап, стремительно понёсся в сторону расположения вражеских войск.

Надо думать, что вепрь, видя мой поступок, не на шутку задался вопросом: а всё ли в порядке у меня с головой? Чего ради я побежал туда, где меня обязательно выловят, или, на худой конец, уж точно прикончат? Но, видать, эта игра в догонялки настолько увлекла его, что он даже не подумал о коварстве моего плана – и продолжил преследование. Я же изо всех сил старался заманить его в ловушку, чтобы тем самым ускорить гибель неприятеля.

Вскоре ноги мои ступили на снег, а противник не отставал – полагаю, что его подвёл инстинкт самонадеянного охотника-новичка: ослеплённо гнаться за добычей, не обращая внимания на окружающую среду, не анализируя увиденного. Он даже не успел трезво оценить ситуацию, в которой оказался: снежный наст оказался достаточно твёрдым, чтобы без помех выдерживать меня, но для куда более весомой машины это было фатально. Однако, горе-охотник пренебрёг и этим, рванувшись прямо за своей предполагаемой жертвой.

Проскакав за мной не менее полусотни метров, преследователь, наконец, осознал, в какой неприятной ситуации он оказался; однако, выводы свои он сделал слишком поздно, чтобы хоть как-нибудь исправить положение. Я маневрировал по насту до тех пор, пока не услышал, что шум моего преследования затих. А обернувшись, увидел, как замершая машина, окончательно закопавшись в глубоком снегу, нерешительно покачивается, словно

раздумывая, падать ей или нет. Возможно, что она и устояла бы на ногах, если бы оператор в панике не стал метаться по кабине; в результате чего произошло то, что и должно было произойти: он сам стал причиной нарушения ещё удерживаемого машиной весового баланса. Четырёхметровая скотина, ещё несколько мгновений покачавшись из стороны в сторону, рухнула, поднимая над собой целую вьюгу; стекло кабины треснуло – и сквозь него на снег выпал здоровенный ящер, беспощадно ругавший, насколько я его понял, мою треклятую смекалку.

Описанное произошло гораздо быстрее, нежели занимает мой рассказ. Не давая противнику опомниться, я добрался до него в несколько прыжков – и как следует двинул его по башке рукоятью своего бластера; он без сознания растянулся передо мной, однако мне этого показалось мало – и я, для пущей верности, ещё раз приложил его, на сей раз кулаком. Бой с противником был выигран со счётом 1:0 в мою пользу; впрочем, как вы понимаете, в подобной олимпиаде второе место никогда не присуждалось...

- А когда будет про твоё ранение? – напомнил о себе мальчик, спрыгивая с материнских колен и касаясь руки рассказчика.

- Прямо сейчас. Так вот, я понимал, что хоть и выиграл эту изнуряющую дуэль, тем не менее, сделано было только полдела: мне предстояло ещё вернуться к своим, а путь туда был не таким уж близким. Помимо того, немедленно вспомнилось об основном задании, ради чего я, собственно, и пришёл в тыл противника: захватить языка и доставить его в распоряжение командования.

Итак, задача моя усложнилась вдвойне: мне надо было преодолеть огромное расстояние, таща на себе здоровенного ящера – и это невзирая на факт того, что его сотоварищи могли рыскать где угодно поблизости... Пленник мой оказался огромным даже для своих собратьев: ростом он был больше двух с половиной метров, то есть около пяти с половиной локтей по-вашему; мне пришлось стянуть его лапищи проводами, выданных мной из кабины оператора – и, кое-как взвалив на спину тяжеленную ношу, поперся в расположение своих...

- Проводами? – писец уставился на доктора Геракла.

- Верёвками! Конечно, верёвками, чем же ещё?! – тот хлопнул себя по лбу. – Так и началось моё возвращение... Было зверски холодно; пленный ящер, казалось, весит едва ли меньше своей боевой машины. Кстати, я обратил внимание на то, что его воинский знак был гораздо крупнее обыкновенных красно-зелёных ромбиков простых ящероподобных гоплитов. Следовательно, мой пленник вполне мог обладать и поделиться с нами действительно стоящей стратегической информацией. Бросать его было никак нельзя. Время от времени я прятался со своим трофеем за огромными булыжниками или выступами скал, когда мне слышались шаги неприятельского патруля; хорошо, что ящер всё время находился без сознания и не мог позвать на помощь.

Спустя несколько часов я, наконец, вышел к нашим позициям. Правда, к тому времени у меня совершенно не было сил тащить пленника на себе: последние пару часов я буквально тянул его за собой на проводе, которым были стянуты лапы этого изверга. Я намотал провод на левую руку и плечо, волоком протаскивая зеленомордого до самой границы – и пересёк её. А потом я потерял сознание...

Спустя какое-то время я открыл глаза – и понял, что нахожусь среди своих; случилось так, что друзья заметили моё приближение – и выслали на помощь спасательную команду. Останься я в сознании ещё несколько минут – и мы встретились бы... Врачи обрадовали меня, сказав, что моя левая рука нуждается в срочной ампутации до самого плеча, поскольку, в следствие невероятных нагрузок, совершенно омертвела на ужасающем холоде; впрочем, они добавили, что через несколько дней у меня будет новая рука, могу-де не заморачиваться на этот счёт... Я кивнул вместо ответа: ведь задание было выполнено, и я остался жив! А день спустя меня гораздо больше обрадовало начальство, которое в полном штабном составе навестило меня в госпитале: оказалось, что пленник мой являлся большой шишкой среди ящерозубых и владел настолько ценными данными о группировке

противника, что после его основательного допроса наши пребывали в уверенности: полученной информации вполне достаточно, чтобы в скорейшем времени начать полномасштабную боевую операцию по всему фронту. И действительно, пока я валялся в больничке, наши войска развернули широкое наступление – и выбили врага с планеты; а в дальнейшем, когда я вновь встал в строй и взял в руки оружие, мы окончательно разделались с неприятелем, взяв под контроль всю планетарную систему...

Стоило доктору умолкнуть, как со всех сторон раздались шумные аплодисменты и славословия его доблести; народ чествовал своего любимца – и один лишь старец-хронист, насупив брови, старательно скрипел стилем по восковой табличке...

- Послушай, Геракл, - как-то обратился к нему доктор Прометей. – Не надоело ли тебе сидеть в своём спортзале и занимать людей твоими биографическими побасенками? Не хочешь ли устроить своим почитателям нечто по-настоящему стоящее, например, поход высшей категории сложности с несколькими ночёвками на природе?

- Спасибо за совет, дружище, но только мне и там придётся заниматься тем же самым! – усмехнулся покровитель физической культуры. – Только где здесь взять эту самую сложность, будь она неладна?! Впрочем, идея, действительно, прекрасна: сегодня же подумаю над этим... Надо будет выбрать маршрут, позаботиться о горнопроходческой экипировке...

И Геракл стал готовиться к турпоходу, объявив набор для самых сильных и выносливых; мероприятие было рассчитано на месяц. Кандидатов отбирал сам тренер, ставя перед ними довольно сложные испытания. Как ни странно, но старый писец, иногда раздражавший своей журналистской дотошностью профессионального альпиниста, прошёл их самым великолепным образом: несмотря на то, что он ни разу не становился на беговую дорожку и не поднимал тяжестей, на деле же показал себя ничуть ни хуже других, более молодых и сильных.

Наконец, группа из двух десятков человек – под предводительством Геракла – стартовала по выбранному им маршруту; путешественникам надлежало провести месяц в горах, лесах и долах; проводить ночлеги на голой земле и питаться лишь тем, что смогут раздобыть их собственные руки. И хоть тренер заранее грозил им непомерными тяготами, невзгодами и лишениями, ни один из туристов не отказался от похода: все, как один, подтвердили своё обязательное участие – и на всякий случай попрощались с семьями, у кого таковые имелись. Неким солнечным утром из спорткомплекса, под рукоплескания народа, потянулась вереница спортсменов со своим героическим наставником во главе; близкие желали им приятного пути – и неизменного возвращения группы в полном составе. Кое-кто из бессмертных, располагавшие временем, также провожали коллегу и его учеников прямо с арены перед спорткомплексом; более занятые коллеги внимательно наблюдали за ними со смотровой площадки Олимпа.

- Ставлю свой жезл, что из похода – до самого его окончания – ни вернётся ни один из участников! – с улыбкой сказал доктор Гермес, провожая взглядом путешественников, гуськом следующих друг за другом.

- Не сомневаюсь! – ответил стоявший рядом с ним профессор Зевс, также глядя на исчезающих сквозь древесные кроны фигурки туристов. – Геракл отлично знает, что делает, да и в группу он набрал самых лучших! Эллины всё вынесут, я в них верю; это стойкий и донельзя гордый народ... Скажите, дорогой, а вы покинули бы первый в истории человечества культмассовый поход?

- У меня после этого не хватило бы сил показаться на глаза собственной жене, если бы я был женатиком!.. Впрочем, оставим это... Вы правы, профессор: наш Геракл всё делает правильно! Он, хоть и любит запугивать людей невыносимыми тяготами спортивных будней, даёт и прививает человечеству то, в чём вы или я не можем быть достойными учителями – физическую культуру. Геракл настолько возвысит её, настолько облагородит, что со временем во время Олимпийских игр в Элладе будут прекращаться любые военные

действия; это ли не говорит о том, что преклонение людей перед прекрасным позволяет им забывать о мелочах, тревожащих и терзающих их и без того короткую жизнь?

Тем временем поход под руководством опытного тренера проходил в штатном режиме: утренние тренировки, состязания, переход с места на место – и вечерний привал. Возможно, иногда было нелегко, но никто из людей не жаловался: для них мероприятие являлось, вероятно, интереснейшим приключением в жизни. Не лишним будет сказать, что именно вечеров они ожидали больше всего, ибо что может быть увлекательнее, чем после упорного движения в течении дня устроиться возле костра – и послушать очередную гераклову историю...

Так случалось постоянно, людям даже не следовало просить об этом тренера или напоминать ему; после охоты и собирательства люди молча занимали места около него – и Гераклу всё становилось понятно. Сам доктор также привык к этому ритуалу, венчающего любой из вечеров – и он никогда, на радость слушателей, не нарушал его...

- Сегодня я расскажу вам о том, как довелось мне тренировать новобранцев, - так однажды начал он свои воспоминания. – Кому-то в штабе пришло в голову, что я обязан поделиться своим бесценным воинским опытом с молодыком – и навязали мне сотню мальчишек, день назад прибывших в армию для прохождения действительной службы. Тогда я уже сам был в звании хилиарха; мне даже советовали идти дальше, получать специальное образование, однако я принял твёрдое для себя решение – раз и навсегда: останусь здесь, на передовой... Неважно – в разведке, в заградотряде, в штурмовом батальоне – лишь бы в самом центре сражений; видимо, натура моя сказывалась, за время войны порядком огрубевшая... Ой, друзья, вы даже себе не представляете, сколько миллиардов лет нужно, чтобы вновь стать нормальным!

- А как же Рыгни-Пёрни? – перебил его кто-то из слушателей. – Он-то куда подевался? Или ему по каким-то причинам перестали доверять обучение молодых?

- Да куда он подевался, повисили его – и перевели в Генеральный штаб, - улыбнулся доктор Геракл. – Стал очень большим командующим, правительство оценило его по заслугам. Иногда, во время отпусков, мы встречались с ним, поскольку крендель он был правильный – и даже, когда заступил на новую должность, никогда не брезговал встречаться с боевыми товарищами, хоть те были рангом значительно ниже... А вот по жизни на фронте тосковал нереально, сам неоднократно в том признавался, причём, не мне одному. Я, естественно, скучал по нему – особенно первое время – и как по учителю, и как по другу. Да что там говорить: иногда мне даже во сне снилось, как он отмачивает свои физиологические штучки! Ладно, думаю, пусть теперь веселит Генеральный штаб своими нежданчиками... А я – остаюсь в центре войны.

Так о чём же я?... Ах, да! Базировались мы некогда на одной громадной планете, почти целиком состоящей из воды – скажем, суша была представлена на ней порядка одного к десяти. Мало того, что не хватает тверди для сражений – просто развернуться негде – так ещё по этим самым островам реки текут во все стороны! А для неприятеля такие условия самые подходящие: ящеры-то водичку любят, им только подавай H₂O побольше – и диверсии обеспечены! Столько планов нам сорвали своими подводными выходками... Впрочем, рассказ мой не об этом, а как раз наоборот: о том, как иногда водичка и нашему брату может сослужить великую службу.

Сидим мы, значит, на одном из островов вместе с чешуерылыми – ну, тут, как обычно: половина острова они контролируют, другая половина – наша. Силы приблизительно равны, никто первый в драку не ввязывается; соответственно, каждая сторона ожидает подкрепления, чтобы эту драку начать – и как можно скорее, потому что нервы на пределе. Тут как раз мне и навязали новобранцев. Я – к начальству: «Вы что, говорю, с ума посходили?! Необстрелянных ребят кидать прямо в гущу сражения?!» А те: «Вот, - говорят, - и займись их обучением! Ты – бывалый солдат, поделись опытом с новичками!» «Согласен, - отвечаю, - и солдат я бывалый, и опыта больше, нежели у других, но почему именно здесь я должен открывать полевою военную академию? Тут ящеров – сколько

угодно, подводные области – почти все – ими контролируются, так неужели нельзя было послать меня с ребятами на другую, более спокойную планету? Хотя, не нравится мне эта затея вообще: я не дрессировщик, а воин! И учтите, - говорю, - что плоскомордые свой молодняк на фронт необученными не посылают: у них, если прибыл на войну, значит прямиком из тренировочного лагеря!» «А здесь как раз наиболее подходящие условия, - отвечают мне. – Не приближенные к войне, а сама война! Поэтому усвоение ваших уроков пройдет для них гораздо быстрее и продуктивнее, а закреплено будет прямо, так сказать, под боком, настоящей практикой!» Эх, вот когда сейчас встречаю этих своих командующих, которые уже даже мемуаров не пишут, а либо преподают, либо вскапывают собственные огороды, так и вспоминаю, как после войны с ними вместе над этим разговором посмеивались – и, надо сказать, вместе и лечились о поствоенного синдрома... Ну, что было, то прошло.

Словом, только прибыли новобранцы в моё распоряжение, как ящеры встали под ружьё: раз к нам прибыли дополнительные силы, значит, жди скорой атаки! Усилили патрули, удвоили охрану на вышках и тому подобное. Им-то, дуракам, неизвестно, что из моих ребят никто даже целиться толком не умеет...

Потренировал я своих молодцов день, потренировал другой, а сам по настоящей работе скучаю. Вернулся к начальству: «Увольте, - говорю, - не могу больше! Не моё это дело – преподавать; может, замените меня кем-нибудь?» «Никого больше нет, - отвечают. – Но, так и быть, есть у нас для тебя на сегодня отдушина: диверсию хочешь устроить?» Я обрадовался – и начальство посвятило меня в планы операции...

Укрепление противника, кстати, находилось почти прямо над нами – то есть, метрах в трёхсот выше по склону... это, грубо говоря, шестьсот локтей; они, значит, засели на возвышении, мы – аккурат на равнине. Две реки сверху обтекают их базу; чтобы лучше закрепиться на позиции, они возвели над своим фортом огромную дамбу. Прямо под ней – ангар, в котором мотопехота ящерозавров содержала свой многочисленный транспорт: малогабаритные, весьма подвижные четырёхколёсные аппараты, на которых они с триумфом по Вселенной возжелали прокатиться...

- Четырёхколёсные? То есть, четвероногие? Это как тот вепрь, поимку которого ты некогда совершил в снегах? – уточнил внимательный протеже доктора Гермеса.

- Нет, это, скорее, лошади; вепрь был гораздо крупнее...

- Понятно, лошади, - кивнул головой хронист. – Ангар... Знакомое словечко... Пещера, гнездо... Конюшня!!! – воскликнул он вне себя от радости. – Как же я сразу не догадался: в каком ещё месте будут содержать лошадей?! Представляю, какой там стоял запах, если, по твоим словам, транс-порт был мно-го-чис-лен-ный, - произнёс он по слогам.

Гераклу ничего не оставалось, как развести руками; тем не менее, продолжил без каких-либо комментариев:

- Словом, нашим стратегам пришла в голову удачная идея: отправить вражескую базу в далёкое плавание, взорвав находящуюся над ними дамбу...

- Не сомневаюсь, что большие конюшни всегда нуждаются в большой чистке! – засмеялся писец и заплодировал.

- Так и случилось, - заверил его доктор информатики. – Не буду утомлять вас пересказом технических деталей, как я пробрался на базу ящеров, как обошёл три кольца их патруля; как заложил в определённые участки стены плотины мины с дистанционным управлением... Ведь вы уже догадались, что случилось после того, когда я, отойдя на приличное расстояние, послал сигнал на их детонаторы?!

- Что же? – недоумённо посмотрели друг на друга некоторые слушатели.

- Несколько взрывов разнесли стены дамбы – и нескончаемые потоки воды обрушились вниз...

- А дальше? – не поняли туристы.

- Глупцы! – воскликнул смекалистый старик, демонстрирую не дюжий интеллект. – Вода хлынула в конюшни – и разом смыла все нечистоты, которые в них находились! Я прав, о Геракл? Так всё и случилось?

- Приблизительно, - доктор со смехом хлопнул себя обеими руками по коленям. – Да, пожалуй, так всё и случилось: вода смыла все нечистоты... Кстати говоря, операция немного аукнулась и нам: хоть наши войска, предупреждённые о моей диверсии, снялись с места и перенесли стоянку в сторону от предполагаемого схода воды, разлив её оказался столь мощным, что часть моих товарищей также промокла... Многие из новобранцев в тот день не только впервые отстреливали ящерам носы, но заодно и плавать научились!

- Вот это да! – будто сговорившись, зааплодировали все участники этого отнюдь не крестового похода. – Вот так Геракл: он демонстрирует смелость и ловкость; сами силы природы пребывают с ним – и повергают его супостатов! Слава Гераклу, Герою Веков!

- Галактики, идиоты! – поправил коллег-туристов находчивый писец. – Впрочем, Герой Веков также не является преуменьшением достоинств нашего благословенного руководителя...

- Ещё, ещё, Геракл! – несло со всех сторон. – Расскажи ещё что-нибудь! Мы готовы часами слушать о твоих великих подвигах!

- А вам не кажется, господа, что нам пора на боковую? – осведомился тот, глядя на зажигающиеся в небе звёзды. – Завтра нас ожидает нелёгкий переход вот через эту гряду...

- Клянёмся: ещё история перед сном – и мы идём баиньки! – не успокаивался народ.

- Ладно, ловлю на слове, - согласился Геракл. – Что же, приступим... Это была операция по спасению заложников. Долгожданная победа над врагом уже улыбалась нам во всю ширь, оставляя в его лапах всё меньше и меньше территорий; с каждым днём космический флот нашей расы приближался к сердцу империи ящерогадов, сжимая стальным кольцом их последние владения.

Как вдруг – гром среди ясного неба: трое бессмертных, выдающихся в своих областях учёных, попали в лапы этих недочеловеков! Враги содержали их местонахождение в тайне, время от времени перевозя на ту или другую планету; видимо, предчувствуя скорое поражение в войне, они решили приберечь их для того момента, когда наступит время торговаться с победителями за собственные пупырчатые шкуры... Тем не менее, как бы не ухищрялся противник, нашей разведке стало известно место содержания коллег: они находились на древней планете людоящеров под названием Золотой Сад, поскольку там находился один из любимых дворцов императора. Разведка также располагала сведениями, что буквально через день их должны переправить в иное место, но вот в какое именно – увы! – было совершенно неизвестно. Ещё наш информатор сообщал, что учёным удалось заполучить три пульта с кодом снятия энергетической защиты флота противника – по присланным данным, они напоминали собой ваши обыкновенные яблоки; попади они к нам в руки, последнее сражение было бы за нами в считанные минуты... Словом, учёных с раздобытыми ими материалами, необходимо спасти – и я, выполняя приказ руководства, тут же поспешил им на выручку.

Планету, на которую меня сбросил линкор нашего десанта, охраняли не только усиленные специальные войска ящерообразных, но и огромный истребитель, в арсенале которого имелось всевозможное оружие. Мне надлежало сперва заняться его ликвидацией, прежде чем разбираться с ящерами и разыскивать учёных, поскольку, пока корабль будет в воздухе, он не даст мне никакой возможности заняться ни первым, ни вторым.

Скажу вам, друзья, это была эпическая битва! Крылатая тварь, как у нас называли подобную модификацию, плевалась в меня огненными шарами; мне оставалось лишь бегать, укрываясь от попадания за всевозможными постройками, которыми изобилует Золотой Сад. Впрочем, необходимо добавить, что своей стрельбой треклятая машина нанесла гораздо больше урона своим союзникам, нежели мне: так как после моей высадки на планету в рядах ящеромордых случилась паника, и они, в попытках изловить шпиона, частенько попадали под огонь зависшего над моей головой чудища... Я понимал, что

имеющееся у меня в наличии оружие никак не повредит сверхмощному корпусу истребителя, поэтому активно разыскивал его среди возможных подручных средств.

И наблюдательность – одно из основных качеств солдата – не подвела меня: в одном из ангаров, охрану которого я в течение нескольких минут перебил из своего плазмомёта, глазам моим предстала чудесная фотонная пушка! Эта красавица вполне могла завернуть лапки моему супостату – и я, немедленно прыгнув в операторское кресло, стал наводиться на крылатую тварь вручную.

Стоило мне исчезнуть с открытого пространства, как истребитель потерял меня из виду – поэтому, значительно снизив скорость, начал облёт местности в моих поисках. К тому времени я успел поймать летательный аппарат ящериц в перекрёсток прицела – и шарахнул по нему самым мощным зарядом из имевшихся в арсенале. Мгновением позже окрестность потряс невероятный взрыв – и чудовище разлетелось на куски: кабина – рухнула прямо над дворцом императора, превратив одну из его частей в груды обломков; хвост – отлетел к воротам, снеся собой заградительные укрепления людоящеров вместе с персоналом. Получив такое приветствие от пехоты, оставшиеся ящеры бросились в разные стороны; я же занялся первостепенной задачей: розыском заложников. Обойдя остатки дворца, где время от времени мне приходилось вступать в не особо затяжные перестрелки с противником, я обнаружил наших учёных в одном из подвальных помещений; все трое были целыми и невредимыми, пульта для снятия энергоглобикровки космолота зеленомордых – в сохранности. Я вывел спасённых на поверхность – и послал сигнал об успешном завершении операции; спустя несколько минут командование выслало за нами быстроходный крейсер...

- Славься, о великий Герой! – хором воскликнули туристы всех возрастов.

- А что вы сделали с золотыми яблоками? – спросил хронист. – Съели?

- Да, использовали по назначению! – улыбаясь, ответил тренер.

- Какими ещё яблоками, дедуля?! – немедленно зашикали на него остальные.

- Да чем же вы слушаете, разини: ушами или?.. – спокойно ответил тот, вставив неприличное слово. Затем опустил глаза на свою покрытую воском табличку. – У меня тут каждое его слово – он кивнул головой на доктора, - буквально записано! Вот, пересказываю вкратце для других: Геракл явился в Золотой Сад, чтобы похитить яблоки – а какими ещё они могут быть в Золотом Саду, болваны?! Убил охраняющего их огнедышащего дракона – и смылся с добычей!..

- Я же говорил тебе, что ты станешь самым легендарным из всех олимпийцев! – напомнил информатику коллега Гермес, когда турпоход закончился и все его участники вернулись к Олимпу в полном здравии. Он протянул ему жезл. – Вот, скопируй себе на память и почитай на досуге, что мой ученик наворотил о твоих подвигах! Ты стал не просто Героем Галактики, отныне ты – самая настоящая – земная! – легенда! Люди перенесли твои космические подвиги в свою собственную историю, дружище!

- Что же, за это следует накатить по рюмашке! – рассмеялся доктор Геракл.

В тот же мновение он услышал сигнал вызова.

- Слушаю! – ответил он, прикладывая палец к мочке уха.

- Геракл, дружище, срочно нужна твоя помощь! – отчётливо донёсся к нему взволнованный голос доктора Эрота. – Возьми с собой Прометея, мне нужны самые крепкие олимпийские ребята... Можешь и Гефесту сказать, он также пригодится.

- Да что случилось, Эрот?

- Я же сказал: мне требуется помощь ваших сильных рук, - без дальнейших объяснений повторил генетик. – Собирай команду – и срочным маршем ко мне, на Атлантиду!

ОСТРОВ ДОКТОРА ЭРОТА

*И, между вечными всеми богами прекраснейший, – Эрос.
Сладкоистомный – у всех он богов и людей земнородных
Душу в груди покоряет и всех рассужденья лишает...
Гесиод, «Теогония», 120-122*

Большая камера телепортера засияла, подобно вспыхнувшей сверхновой – и доставила докторов Прометея и Геракла на остров, в лабораторию генетических исследований. Стоило друзьям покинуть отсек, как они увидели того, кто их, собственно, и позвал в гости: прямо по коридору к ним навстречу бежал улыбающийся доктор Эрот.

- Всех благ! – поздоровался он с прибывшими, вопросительно озираясь. – А почему вас только двое? Где доктор Гефест?

- Гефест сейчас занят, приносит свои извинения, - ответил кибернетик Прометей. – Он конструирует нечто важное...

- Так что тебе от нас понадобилось, Эрот? – повторил свой вопрос доктор информатики Геракл. – За каким Аидом мы сюда прибыли? Ты намекал, что тебе нужна помощь сильных рук – вот они! – он сжал свои лапищи в кулаки. – Так в чём дело, дружище?

- Понимаете, коллега Дионис приготовил новую партию разнообразных напитков для «Чертогов» Афины; конечно, часть их предназначена для оптовой и розничной торговли в официальных тавернах «Олимпа», - пояснил генетик. – Продукции скопилось столько, что её пришлось складировать в одном из помещений моей лаборатории; я отдал Дионису под неё целый блок. А завтра её следует доставить в пункты назначения, поэтому я и обратился за помощью к вам... Один-то я никак не справлюсь, даже с помощью левитаторов!¹⁰

- Почему бы тебе не позвать на выручку своих атлантов, Эрот? – усмехнулся альпинист-экстремал. – Они будут гораздо посильнее нас, не то, что людей...

- Сейчас их лучше вообще не трогать, у них брачный период: нервными они стали да раздражительными, - ответил генетик. – Словом, поможете?

- Ладно уж, не зря же мы здесь появились! – усмехнулся трансгуманист, поплёвывая на ладони. – Не переживай, Эрот: мы тебя не бросим!

- Тем более, что всё это – нужное, общее дело! – вторил ему доктор Геракл. – Веди нас в свой таинственный блок, Твоё Генетическое Величество!

И друзья отправились по извилистым коридорам лаборатории, пока не попали в большое помещение, вход в которое преграждал световой барьер; сняв энергетическую защиту, доктор провёл коллег внутрь – и указал рукой на штабеля серебристых контейнеров с красными и синими метками на крышках, занимавших практически всё пространство:

- Ну, и как вам? Неужели я в состоянии справиться с погрузкой и доставкой подобного количества алкоголя в одиночку?

- Ого! – присвистнул Прометей, - оглядываясь по сторонам. – А Дионису-то надо отдать должное: какой широкий производственный размах!.. Что в ящиках?

¹⁰ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Всё, что пожелаешь! – горделиво ответил доктор Эрот. – Контейнеры с красной меткой предназначены для «Чертогов», с синей – для таверны «У Гелиоса» и ей подобных открытых заведений... Убедительно прошу вас, коллеги: не перепутайте тары с различной маркировкой, иначе людей порвёт на части от крепости напитков, предназначенных для бессмертных! Сейчас я подгоню левитаторы – и приступаем к работе!

Доктор Эрот, руководитель Лаборатории генетики – и, кстати, единственный её сотрудник – был весьма любопытным существом. Неутомимая страсть к научным изысканиям заводила исследователя так далеко, что порой требовалось вмешательство начальства, чтобы тот или иной его эксперимент не вышел из-под контроля. Правда, компетентность доктора никогда не вызывала сомнений – он был незаменимым в своей области специалистом, однако свойственная ему жажда познания простиралась настолько далеко, что иногда, в целях предосторожности, вышестоящим приходилось сдерживать её. Например, когда профессор Зевс пригласил генетика участвовать в «Проекте «Земля»» и организовал ему первое ознакомительное путешествие на базу «Океан», доктор Эрот, совершив некоторые генетические манипуляции, позволил кистеперым рыбам выйти на поверхность планеты миллионами лет раньше, чем это требовалось. Естественно, с одной стороны, это было самым настоящим прорывом с научно-исследовательской точки зрения, но с другой – нарушало ход истории Земли, предвещавшее заблаговременное возникновение земноводных. Кончилось тем, что начальство распорядилось отмотать время назад, а доктор получил небольшую взбучку за самоуправство. Тем не менее, его наставник и куратор профессор Зевс не стал отчислять Эрота – в котором видел превосходного сотрудника – из проекта, а хитроумно решил ограничить ему пространство для исследований: под Лабораторию генетики выделил специально сформированный в океане остров, предоставленный в полное распоряжение последнего. Однако, помня о его преждевременном эксперименте над кистеперыми рыбами, профессор время от времени наведывался на Атлантиду – ибо так генетик наименовал подаренный ему наставником клочок земли – с личной проверкой, всё ли там в порядке. Эрот формально числился приписанным к базе «Олимп», хотя фактически проводил на острове всё своё время – за исключением, естественно, обязательных для всех сотрудников научных собраний, массовых мероприятий и – что говорить! – неизменных посещений «Чертогов» Афины, к которым он имел самое непосредственное отношение: войдя в положение коллеги Диониса, заведующего на «Олимпе» Химической лабораторией, которому профессор Зевс посоветовал перенести своё хобби – изготовление крепких напитков – куда-нибудь подальше от базы, он приютил друга на острове – и отдал тому под его любимое занятие целый блок. Контакты генетика с людьми поначалу были весьма незначительными и носили беспорядочный характер, пока он не стал экспериментировать над представителями человечества как следует... в результате чего и вошёл в древнегреческую мифологию как олицетворение любовного влечения.

Проживая на Атлантиде в своё полнейшее удовольствие, доктор вовсе не был фанатиком-одиночкой, как о том можно было составить ошибочное первоначальное мнение. Просто, как он неизменно любил комментировать собственное добровольное уединение, «не желаю, чтобы руководство или подчинённые путались у меня под ногами во время работы». Одиночеством он тоже никогда не страдал, поскольку раз за разом, будучи задействованным в проектах по сотворению миров, Эрот своими руками создавал себе помощников. Если его коллеги предпочитали пользоваться услугами роботов – продуктов синтеза синтетики и кибернетики – то доктору доставляло непередаваемое наслаждение выращивать собственных союзников из пробирки. Естественно, в иных мирах они принимали самые разные формы, наиболее приспособленные к условиям создаваемого очередного островка Разума во Вселенной, однако и Земля не стала исключением из правил: доктор и здесь не захотел отказываться от своих принципов – и вывести нечто подобное человеку, чтобы эта небольшая колония, эта сосуществующая на одной планете с настоящими людьми раса, была ему одновременно спутником и помощником в дальнейших

генетических исследованиях... Однако, впервые за всю историю сотворения миров, именно здесь, на Земле, кое-что пошло не по плану – и лишь благодаря совершенно непредвиденному обстоятельству: невольному появлению на Атлантиде Токолоша.

Выше упоминалось, каким образом этот отставший от собственной экспедиции научный сотрудник потерялся во времени – и волей судьбы оказался на «Олимпе». Также было сказано, как он был временно укрыт от посторонних глаз в лаборатории доктора Эрота, ожидая перехода к цели своего назначения. Однако, пока эвакуация его не была налажена, успели произойти некоторые события, оказавшие непосредственное влияние на развитие исторической линии Атлантиды – и расы атлантов, которая возникла в результате этого непреднамеренного вмешательства.

Доктор Эрот, оказавшись в лаборатории с африканским гостем после их успешного незаметного побега с «Олимпа», полагал, что присутствие неожиданного коллеги никак не должно отразиться на его научных изысканиях и продолжении работы вообще. Поэтому, пока Токолош устанавливал контакт со своим колдуном-оператором в центре связи, Эрот также принялся колдовать, по своему обыкновению, над лучшими видами генетического материала землян, хранившихся в запасниках Атлантиды. Доктор планировал сотворить себе небольшой штат помощников: приготовил чистые пробирки, проверил работу мощного микроскопа – и закатал рукава, готовясь к операции. В тот же мигновение на пороге помещения вприпрыжку возник Токолош, невероятно гримасничая от радости:

- Да здравствуют Лучезарные Силы Вселенной!

- Чему ты так радуешься, коллега? – спросил генетик, не прерывая работы и стремясь сфокусировать линзы микроскопа на одной из клеток. – Как твои успехи?

- Превосходно! Я успешно связался с нашими, координаты для моей переброски придут на ваш обработчик данных через несколько минут...

- Это хорошая новость, - произнёс доктор, отводя глаза от аппаратуры и поворачиваясь. – Я, конечно, не хочу показаться неприветливым и нерадушным, но, честное слово, дружище: у меня полным-полно работы... Пойми правильно, Токолош: сейчас мы все – на нервах, потому что треклятая инспекция с академиком Кроном во главе – на «Олимпе»! Прости, но ты свалился нам на голову в самое неподходящее время.

- Да ладно тебе! – обиженно пискнул его собеседник. – Мы-то на острове, как я понимаю, одни! Не кипятись – и продолжай свою работу, мешать не стану; к тому же моя эвакуация – через четыре минуты... Кстати, чем это ты занят?

- Ты же обещал не мешать! – укоризненно напомнил доктор существу, видимо, столь же любопытному, как и он сам. – Ну, если уж иначе от тебя не отделаться ещё целых четыре минуты, то скажу: буду выводить из пробирки помощников! – и, гордо уперев руки в боки, генетик кивнул в сторону лабораторного стола.

- Интересно, интересно, - засуетился Токолош, пытаясь дотянуться на своих лапках до окуляра микроскопа. – И кого думаешь создать? Человека?

- Да, генетически параллельную ему расу, которая, правда, никогда не покинет пределов острова, - согласился Эрот. – Осторожнее, дружище, ты мне аппаратуру не переверни! Иначе потребую у наших африканских коллег такой же микроскоп как выкуп за тебя, «древнегреческими богами» спасённого!

- Хм, скучно, друг! – мохнатое существо оставило бесплодные попытки приложиться к окуляру. – Скучно создавать в такой крутой лаборатории человека, который без того и так по всей земле расплодился... Нет в тебе, прости за прямоту, экспериментаторской искорки!

- Это во мне-то ты обнаружил её отсутствие?! – нахмурился доктор. – Да у меня, к твоему сведению, даже незаконченные проекты отбирают и замораживают, настолько они прогрессивны и революционны!

- Знаю, знаю, я твои работы читал – причём, неоднократно, - потупил взгляд Токолош. – Но почему бы тебе не попробовать что-нибудь... э-э-э... нестандартное?

- То есть? – мгновенно заинтересовался генетик. – Ты хочешь мне предложить какую-нибудь новую сферу для исследований?

- Типа того, - без тени шутки на своём крокодило-бабуиновом лице ответил гость. – Сам посуди: ведь ты на острове один-одинёшенек... даже не хочу интересоваться, за какой твой очередной эксперимент тебя сюда сослали... Люди – существа, конечно, неплохие, только чересчур ленивые; тебе же понадобятся помощники, на которых всегда можно положиться: сильные, ловкие, без всяких там сантиментов... Чуешь, к чему клоню?

- По правде говоря, не совсем, - откровенно признался доктор. – Но, считай, что твои неопределённые намёки меня бесконечно заинтересовали...

- Вот! Теперь узнаю мёртвую хватку настоящего исследователя! – похвалил его Токолош, усаживаясь в одно из кресел. – Поэтому, как возмещение неприятного недоразумения, которое случилось в связи с моим не запланированным пребыванием в этом месте и в это время, предлагаю тебе свой собственный генетический материал! Пусть он послужит науке, а для тебя останется воспоминанием о приключении с Токолошем и проведённым с ним часам...

- Спасибо за подарок! – доктор отвесил церемонный поклон собеседнику. – И что прикажешь с ним делать?

- Как – что?! – гость вскочил с места, будто на пружине. – Ты используешь его для выведения своих помощников! Просто скрести мой ДНК с человеческими образцами... Твои творения будут весьма похожи на людей: они будут мыслящими, говорящими, только не в этом вся соль! Главное, что они будут гораздо более подвижны и сильны – как-никак, но среди моих «предков» были бабуины; ну и, конечно, абсолютными чемпионами по плаванию, поскольку крокодилы также мне «родня»... Эх, знал бы ты зулусскую мифологию, сколько в ней всяких интересных штучек! – мечтательно замурлыкал Токолош, умилённо складывая лапки на животике.

- Хм, это весьма занимательно, - пробормотал доктор Эрот, обращаясь больше к себе, нежели к собеседнику. – Разумные, прямоходящие, сильные, ростом выше человека... хвосты, естественно, я им удалю, чтобы не путались под ногами... – негромко перечислял он достоинства будущих существ, возникших в его воображении. – Что и говорить, коллега, над этим стоит поработать хотя бы теоретически!

- Вот и работай! – воскликнул Токолош, глядя на часы. – Слушай, доктор, мне, пожалуй, пора выдвигаться: проводи меня в телепортер... А это – мой тебе обещанный подарок, на долгую память о нашей неожиданной встрече и знакомстве! – существо схватило со стола одну из чистых пробирок – и, смачно плюнув в неё, водрузило на прежнее место. – Ну, чего уставился?! Пойдём!

- Ну и скотина же ты, Токолош! – покачав головой, изрёк генетик, взирая на лабораторный стол. – Мог бы лучше капельку крови оставить или кусочек шерсти...

- Ой, ладно, не будь таким брезгливым! Нашёлся неженка! – отрезал гость. – Я же от сердца даю...

И новые знакомые зашагали к камере телепортера, находившейся в центре комплекса; когда они шли по коридору, на обработчик данных поступили сведения о том, что время старта назначено и точка перенесения выбрана.

- Интересно, что же у меня получится от скрещивания твоего ДНК с человеческим образцом? – доктор никогда не стеснялся рассуждать вслух, тем более, что большую часть времени находился один.

- Уверен, что созданные тобой экземпляры будут неподражаемы! – осклабился Токолош. – Мне тут даже пришло в голову, что мы с тобой оба – неподражаемы и весьма схожи!

- В чём же, коллега? – не понял его Эрот.

- И об этом меня спрашивает меня доктор генетики?! – хихикнул тот, прыгая из стороны в сторону. – Подумай сам: тебя зовут Эротом, не так ли? Я, в некотором роде, тоже личность весьма эротическая... Значит, нам по пути!

- Надеюсь! – выдохнул доктор – и втокнул коллегу в телепортер. – Счастливого пути, неутомимый африканский любовничек!

- Давай, друг! – успел крикнуть Токолош, взмахнув лапкой; аппарат заурчал, двери его сомкнулись – и коридор на мгновение осветился ослепительной вспышкой...

Весь оставшийся день доктор, изредка поглядывая на «подарок» африканского коллеги, провёл в долгих размышлениях; его разбирало любопытство – что же произойдёт, если... Однако, памятуя о том, как с его лёгкой подачи в эллинскую мифологию уже вошли некоторые генетические эксперименты – например, ужасный мутант Кербер, снабжённый бычьей и козлиной головами, или грифон – помесь орла и льва – доктору становилось немного не по себе. Он прекрасно помнил, сколько времени ему потребовалось на то, чтобы доказать коллегам – в особенности, профессору Зевсу – что он, Эрот, не имеет ни малейшего отношения к созданию сфинкса, сбегавшего от своего создателя в первую же минуту испытаний его лётных способностей... То есть, помесь льва, орла и быка ему удалось-таки создать в стенах своей лаборатории, отчего несколько раз увидевшие пробный полёт невиданного существа эллины со страху приписали его облику и женское лицо – что, собственно, и стало причиной допроса на «Олимпе» любопытного учёного. Конечно, доктор Эрот клятвенно заверил руководство базы, что если он и скрестил первых трёх вышеупомянутых животных, то человеческое лицо явилось воображением напуганных древнегреческих баснописцев – а он, честный генетик, не имеет со случившимся ничего общего. Сфинкса, естественно, пришлось упрятать в лабораторию, когда наконец удалось изловить беглеца, чтобы тот более не беспокоил своим видом людей, предварительно предъявив его профессору Зевсу... Были и другие странные творения, и хоть долго они не жили, слухи о них среди эллинов успели разойтись настолько, чтобы навеки вписать мутантов в древнегреческие сказки.

Конечно, никто не мог запретить ему продолжать любые эксперименты, но ставить опыты по скрещиванию ДНК человека с какими-либо другими – это было нечто новое даже для него, доктора Эрота. Для этого обязательно требовалось согласовать исследования с руководством, убедить его в том, что они пойдут на пользу как науке, так и человечеству, которое и являлось краеугольным камнем проекта... «Скажем, если представить будущих атлантов – как-никак, на полсотни процентов полулюдей – не только моими помощниками, но и соучастниками новых экспериментов на почве генных и гормональных исследований, тогда можно быть уверенным в положительной реакции начальства на мой проект», - полагал доктор.

Впрочем, тем же вечером связавшись с профессором Зевсом и предложив ему дать добро на проведение опытов в несколько новой области, до сих пор не исследованной, генетик был внезапно обрадован полной благосклонностью начальства: руководитель базы, выслушав своего молодого коллегу, не стал чинить препятствий на его пути, однако, поставил условие: ни одно из созданных на основе генетических мутаций существ никогда не должно покидать пределов лаборатории – или, во всяком случае, острова, на котором лаборатория находилась. Восторженный доктор немедленно пообещал профессору, что будет внимательнейшим образом следить за каждой стадией своих изысканий.

- Но почему бы вам просто не воспользоваться людьми, коллега? Или роботами? – спросил его начальник «Олимпа», обсуждая с ним замысел выращивания нового представителя земной фауны на частоте связи.

- Слишком ленивы и болтливы, - ответил генетик. – Впрочем, это я о людях... Что же касается роботов, вам ведь известно моё к ним отношение... Предпочитаю создавать своих помощников самостоятельно. Такие уж мои принципы, профессор!

- Полагаете, что ваши людоящеры будут менее разговорчивы? – усмехнулся Зевс.

- Уверен в этом, уважаемый коллега, - доктор Эрот, даже общаясь с собеседником, неоднократно поглядывал на заветную пробирку. – Я смогу ограничить их речевые возможности по своему усмотрению; а вот сильные и ловкие помощники в моей лаборатории всегда понадобятся...

- Хорошо. Тогда с вас – еженедельный отчёт, с которым – перед моим прочтением – пусть ознакомится доктор Артемида и несколько ведущих биологов из её команды. Можем считать вопрос исчерпанным.

- Благодарю вас, профессор! Мне кажется, что мы стоим на пороге удивительных наблюдений и открытий!

- Вот и чудненько, доктор! Открывайте и наблюдайте, но про отчёты – не забывать!

Итак, судьбоносный разговор завершился – и той же ночью выдающийся генетик, вооружившись всеми имевшимися в его распоряжении средствами, закрылся в лаборатории, которую не покидал до самого утра: при свете мощных люминесцентных источников он рассчитывал – смешивая, замеряя, укалывая, клонируя оставленный Токолошем образец с ДНК человека – каким будет это новое существо; вычислительные машины, определяющие внешний вид, основные биологические данные и все параметры гибрида, закладывали новую базу для его возникновения... Задолго после этой ночи, проведённой на далёкой планете в далёком уголке Вселенной, будущий академик генетики Эрот ещё признается своим будущим студентам, что это была самая великая ночь в его бессмертии...

А тогда, с восходом солнца, он наконец увидел в огромном ретортообразном агрегате плоды своих трудов: здорового рептилоида – двух с половиной метров роста – коричневого цвета; оно свободно стояло на двух ногах, а руки свисали вдоль его крепкого туловища. Существо, одновременно напомилавшее ящерицу и человека, было почти бесхвостым – в соответствии с заданными параметрами доктора, определившего при помощи геной инженерии его спинной отросток как рудимент; лицо его ничего не выражало, глаза были закрыты: доктор запустил аппарат, загружающий в мозг существа необходимыми знания, понятия и образы на пока ещё только бессознательном уровне; и как доктор ожидал пробуждения сознания в своей доселе никем не виданной креатуре! Наконец, веки рептилоида дрогнули – и на Эрота глянули два внимательных глаза; два вертикальных зрачка так и впились в окружающий мир, в лабораторию, в самого доктора...

- Доброго утра, доктор! – раздельно произнесло существо, разминая руки и переступая с ноги на ногу. – Рад видеть вас в хорошем настроении!

- Контакт, честное слово, контакт! – возликовал учёный, обратив внимание на абсолютное произношение рептилоида; его древнегреческий был безупречен. – Это просто поразительно!

Он протянул руку к клавиатуре компьютера – и стеклянная, едва заметная дверь, закрывавшая капсулу, отошла в сторону. Доктор поманил пальцем нового обитателя своего острова, приглашая его выйти из огромной реторты:

- Ну, дружок, вижу, что ты вполне освоился! А известно ли тебе, кто ты?

Гигант, смело шагнув через дверь, оказался прямо перед своим создателем; в глазах его не было ни страха, ни удивления:

- Нет, доктор, не знаю. По-моему, что-то с памятью моей стало...

- Интересно, - учёный обернулся к показаниям на мониторе, задавая программу слежения за процессом данных – и едва не сел на пол от увиденного. – Ой, прости, дружище, это мой косяк: забыл привнести в твою память кое-что на предмет самоидентификации... Извини, я был так увлечён твоим происхождением... – доктор Эрот развёл руками; существо наблюдало за ним безотрывным змеиным взглядом. – Ты... ты... – Эрот слегка задумался – и глаза его засияли. – Ты – первый атлант, ты – настоящий уроженец этого дивного острова! – вдохновенно вещал он, вытянув руки по направлению к существу.

- Атлант... Этого острова... – эхом повторил за доктором рептилоид, впервые осматриваясь по сторонам. – Что же, мне это нравится! А в этой штуке, - он указал рукой на реторту у себя за спиной, - я, наверное, буду жить?

- Нет, конечно! – рассмеялся учёный. – Не беспокойся, первый атлант, сейчас мы совершим с тобой небольшую прогулку по острову – и ты сможешь выбрать любое место для проживания: здесь полно пещер, и ты заживёшь, как и подобает нормальному троглодиту...

Пойдём, дружище, я покажу тебе твой мир! – с этими словами доктор Эрот направился к дверям – и странное существо беспрекословно последовало за своим создателем.

После первого пристрелочного осмотра ближайшей территории, два обитателя Атлантиды вышли на берег океана; генетик улыбался, наблюдая, с какой радостью людоящер впервые плещется в его волнах. Кстати, и первую свою добычу появившееся этой ночью из пробирки существо также обнаружило в воде; ловкими движениями рук оно хватало проплывавших мимо него рыб – и, ничуть не стесняясь присутствия доктора, лопал за обе щеки; лишь наевшись и накупавшись, атлант выбрался из воды – и приблизился к своему спутнику.

- Мне кажется, что я не совсем красиво поступил, - неожиданно произнёс он, сверкнув зрачками.

- А что случилось, дорогой? – обеспокоенно спросил доктор Эрот.

- Как воспитанный атлант, я должен был сперва предложить рыбу вам... – он развёл руками, подражая действиям учёного.

- И всего-то?! – облегчённо усмехнулся доктор. – Я уже Аид знает о чём успел подумать... Ну, и как рыбка?

- Очень вкусная. Очень полезная, - кивнул головой атлант. – Что доктор ещё покажет мне сегодня?

- Думаю, что тебе лучше всего самому познакомиться с этим лучшим из миров, - ответил Эрот. – Далеко, конечно, лучше тебе не забредать, потеряешься... Словом, если что – приходи прямо в лабораторию – туда, где ты появился на свет... Дверь комплекса будет открытой, я никогда её не запираю... Мне не от кого здесь её запирают, - вновь улыбнулся генетик, возможно, впервые за миллиарды лет осознавая своё внешнее одиночество.

- В лабораторию... В комплекс... – автоматически повторил рептилоид, но взгляд его при этом был осмысленным. – Странные определения...

- Я проработал кое-какие слова и понятия исключительно для тебя, о мой атлант! Их даже в древнегреческом не существует, - заметил доктор Эрот. – Мы с тобой, как бы это сказать, находимся здесь вне времени и пространства, поэтому как первое, так и второе я имею полное право для тебя подкорректировать!

- А что будет делать доктор, пока я буду знакомиться с миром? – искра первого любопытства, как показалось учёному, мелькнула в вертикальных зрачках.

- Не поверишь: пойду в лабораторию, чтобы создать тебе пару! – игриво ответил тот. – Ты же не хочешь остаться без самочки, не так ли?

- Конечно! – подтвердил атлант, оскаливаясь, что, вероятно, означало улыбку в доступном ему эмоциональном багаже. – То-то я и думаю: понятие о самочке у меня есть, а саму её до сих пор не вижу, как ни высматриваю!..

- Вот и я о том же, - кивнул головой покровитель эротики. – Мне и самому не терпится поскорее её к тебе привести... Да, ещё одна вещь: ты хоть имя-то себе придумай, дружище!

- Оно уже есть – Атлант, - ответил тот, не моргнув и глазом.

- Э-э-э, нет, не годится! – покачал головой доктор. – Атлант у нас уже есть... Правда, он далеко отсюда, но есть!

- Хорошо, я постараюсь что-нибудь придумать, - покорно ответил тот – и, попутно трогая цветы и ветви деревьев, потопал в сторону возвышающихся неподалёку гор. – Вот найду пещеру, и как заживу там вместе со своей самочкой! – донеслось до ушей генетика.

До самого вечера новорождённый атлант не беспокоил доктора Эрота, за что тот был безмерно благодарен рептилоиду: учёный успел составить несколько отчётов о проделанной работе – и приступил к выполнению обещания, данного новому обитателю острова. Вновь в лаборатории засияли электрические вспышки, освещая ретортообразную камеру – и, ко времени появления нового друга, гордый доктор смог представить ему второго коренного атланта, вернее, такую же полноценную атлантку. Когда тот возник на пороге лаборатории, учёный, галантно взяв за руку первую островитянку, несмотря на то, что ростом доходил ей всего до пояса, подвёл её к своему рептилоиду:

- Ну, как, нравится? – он вместе с рептилоидной девушкой прошёлся вокруг замершего на месте человекаящера. – Теперь ты не будешь одинок; дай мне ещё некоторое время – и на Атлантиде возникнет целая колония аборигенов! Естественно, потом пойдут детишки... Ну, чего ты молчишь, дружище? – забеспокоился доктор, обратив внимание, что вошедший до сих пор не совершил ни одного движения; он стоял, как вкопанный, безотрывно гипнотизируя змеиным взглядом будущую подругу.

- Гхгрл'хмых! – вырвалось из его глотки вместо ответа.

- Что?.. Понимаю, - удовлетворённо закрыл глаза учёный, аккуратно подталкивая атлантку к своему первому творению. – У кавалера всё в голове помутилось от твоей красоты, - добавил он, обращаясь к даме, которую до сих пор держал за руку. – Ну, подойди же к своему суженому...

- Ничего у меня не помутилось, - ответил тот совершенно нормально. – Просто это моё имя! Настал черёд удивиться самому генетику. Он отпустил руку, которую до сих пор сжимал – и воззрился на первого в мире атланта:

- Какое ещё имя? Что за имя?

- Доктор, вы же сами просили меня, чтобы я придумал себе имя, - терпеливо напомнил ему рептилоид, переминаясь с ноги на ногу. – Я выполнил задание. Меня зовут Гхгрл'хмых.

- Гх... как?! – учёный выпучил глаза; приблизился к существу – и дважды обошёл вокруг него. – Как ты сказал?!

- Гхгрл'хмых, - услужливо, но не без некой гордости произнёс атлант, пытаясь изобразить улыбку. – Я прогуливался по острову и размышлял, как же мне себя называть, когда появятся другие, похожие на меня? И как они будут обращаться ко мне, до сей поры безымянному? Раз уж получилось так, что имя «Атлант» застолбил за собою некто из ваших коллег, то я продолжал тщетно ломать голову, отыскивая какое-нибудь благозвучие для самоидентификации... Вдруг в моём мозгу, подобно молнии, сверкнул именно этот набор букв – и разве он не красив, разве не чудесен?!

- Странно, - резюмировал доктор, переводя глаза с одного существа на другое. – Я полагал, что в древнегреческом найдётся немало других прекрасных фонетических сочетаний... Не хочу критиковать тебя за вкус, но... – учёный пожал плечами. – Может быть, тебе следует заменить такое труднопроизносимое имя на нечто более определённое – например, племенное прозвище Великий Рептилоид?

- Не надо ничего менять, доктор! – отчаянно замотал головой первоатлант. – Нет ведь пока никакого племени... А имя мне очень нравится!

- Эй, господа, а ничего такого, что я не участвую в разговоре?! – впервые подала голос рептилоидная женская особь, высокомерно скрещивая руки на груди. – Болтают здесь о всякой ерунде, а дама обязана ждать, когда всё это, наконец, прекратится?!

Неожиданное заявление третьей стороны повергло в шок спорящих; они мгновенно умолкли – и, как по команде, воззрились на рептилоидную красотку.

- Для меня большая честь, мадам, - начал доктор Эрот, первым пришедший в себя от удивления.

- Да много ли чести в том, что женщина стоит перед двумя самцами без одежды?! – перебила его атлантка. – Ну, я понимаю, что мой соплеменник довольно неотёсан, но вы-то, доктор?! Не ожидала я от вас подобной бестактности, уважаемый!

- Хм, - нашёлся несколько пристыженный учёный, - у меня в личных апартаментах имеются несколько запасных костюмов, которые, конечно, не подойдут вам по размерам, однако из них вполне можно будет сделать вполне приличные набедренные повязки...

- Почему это – повязки! – вновь замотал головой Гхгрл'хмых. – Нет уж, доктор, давайте-ка нам что-нибудь посовременнее!

- Позвольте, но у меня больше ничего нет, дружище! Но если ты столь настаиваешь на длинном одеянии, мне надо слетать на «Олимп» и позаимствовать у завхоза несколько метров великолепного льняного полотна... А повязками вы будете пользоваться, скажем так, первое время...

- Не знаю я никакого «Олимпа»! – возразил на его предложение людоящер. – Леди права: создали нас, доктор, так извольте и приодеть! И попримечнее, а не в какие-нибудь набедренные повязки! Я не варвар, чтобы рядиться в подобные грубые одеяния!

Перепалка нарастала; каждый из спорящих отстаивал собственную позицию. И никому неведомо, сколько бы она ещё продолжалась, если в пререкания вновь не вмешалась бы рептилоидная красавица.

- Грмл'лыхм! – внезапно прорычала первая атлантка, что немедленно прекратило выяснения между мужскими особями.

- Что?! – одновременно обернулись к ней спорщики.

- Я говорю, что рада представить вам себя! – оскалилась рептилоид. – Кстати, доктор, у вас, часом, не найдётся миниатюрного зеркала?

- Она хочет сказать, доктор, – пояснил учёному Гхгрл'хмых, – что только что придумала себе имя!

- Вот те раз! – удивился тот, поглядывая то на одного, то над другого. – Да что это с вами происходит, ребята?!

- Ничего, – ответила женская особь, усаживаясь в кресло и прикрываясь лежавшим на нём гиматием генетика. – Вы, насколько я поняла, дали Гхгрл'хмыху задание – придумать себе имя. Конечно, после этого аналогичное задание получила бы и я, логично? Вот я и решила поторопить события: меня зовут Грмл'лыхм! Рада познакомиться с вами обоими!

В ответ на это заявление атлант радостно заурчал и оскалился, а доктор Эрот схватился за голову, будто в приступе внезапной головной боли:

- Да вы с ума посходили, честное слово!!! Откуда, откуда вам в голову лезут такие ужасные звукосочетания?! Мне – даже при всём желании – подобных имён никогда не произнести!..

Всё, на что я способен, так это называть тебя, – он указал пальцем на атлантическую мужскую особь, – Гых, а тебя, – указал на развалившуюся в кресле рептилоидную девушку,

- Гыр! Надеюсь, хоть такое обращение вас устроит?

- Вполне! – заверила его Грмл'лыхм, благосклонно кивая головой. – У вас прекрасное крокодило-бабуиновое произношение, дорогой доктор!

- Прекрасное! – поддакнул соплеменнице Гхгрл'хмых. – Создаётся впечатление, будто вы только и занимались тем, что плавали по болотцам да прыгали с ветки на ветку! Ни малейшего акцента!

- Я польщён, – расшаркался доктор. – Ладно, схожу к завхозу за одеянием для вас, голубки... А вам не хотелось бы прогуляться, пока я буду в отлучке?

- Зачем? Мне и здесь довольно удобно, – ответила Грмл'лыхм, закидывая ножки на лабораторный стол. И подняла глазки на своего кавалера. – А что скажешь ты, Гхгрл'хмых? Тот лишь топтался на месте, поглядывая попеременно то на красотку, то на доктора. Последний поманил его пальцем – и, когда тот приблизился, вытащил его из блока в коридор:

- Дурачок! Мой тебе совет: пригласи девушку на свидание! Понимаешь меня? Погуляй с ней по берегу океана, угости рыбкой, почитай стихи... Неужели я должен и этому тебя учить? – шептал на ухо пригнувшемуся великану генетик. – Не теряй благоприятного шанса, Гых!

- Понял! – оскалился атлант. – Пойду, предложу женщине романтическую прогулку...

- Доктор! – донёсся до учёного оклик с кресла. – Пожалуйста, не забудьте зеркальце, о котором я вас просила!

- Сделаем! – ответил тот, видя, как Гхгрл'хмых приблизился к Грмл'лыхм и что-то зашептал ей на ухо; мгновением спустя красотка-рептилоид вскочила на ноги и радостно закивала.

Минутой позже счастливая парочка, взявшись за руки и мило болтая, прошла мимо доктора, не обратив на него никакого внимания; учёный проводил взглядом первых атлантов, самостоятельно покинувших его лабораторию – и сразу поспешил в камеру телепортера.

«Странно, – размышлял он по пути. – Между собой они говорят по-древнегречески; что же их надоумило взять себе такие непривычные для произношения имена? Почему Грмл'лыхм

сказала мне, что у меня прекрасное крокодило-бабуиновое произношение? Видимо, сказывается последствие скрещивания ДНК Токолоша с человеческими образцами... Следовательно, на подсознательном уровне оба атланта продолжают оставаться помесью крокодила и бабуина?! Непонятное звуко сочетание, которое Гхгрл'хмхх принял как своё имя, явилось, по его признанию, откуда-то изнутри; бессознательное вытолкнуло в сознание непонятный фонетический набор, который показался ему непередаваемо родным... Вероятнее всего, так оно и есть... Ах, треклятая токолошева ДНК взяла-таки верх над человеком, пусть хоть в подсознании!»

Прямо из Сектора Центрального телепортера доктор направился в закрома всемогущего завхоза. Эрот застал коллегу вместе с доктором Гераклом, внимательно изучающими последние документы касательно эллинской мифологии, которые информатик получил от доктора Гермеса.

- Ты у меня столь велик, что совсем затмил подвигами свою мачеху, Геракл! – услышал Эрот смех доктора Геры.

- Так и рождаются легенды! – улыбался великан, глядя на стоящий перед ними на столе монитор. – Пилот предупредил меня, что мне уготовано стать самым крутым героем эллинских мифотворцев! Вот уж никак не думал, что моя армейская жизнь будет перенесена из Космоса на Землю и так лихо адаптирована баснописцами!.. А самое главное, что в мифах напрочь отсутствует хоть слово из того, что я рассказывал после занятий своим любителям спорта!

- Всех вам благ, коллеги! – прервал их возникший у стола будущий по неволе знаток эротических тонкостей. – Доктор Гера, нужна ваша помощь: мне необходимо несколько метров льняного полотна... и дамское карманное зеркальце, - вовремя вспомнил он о настоятельной просьбе Грмл'лыхм.

Коллеги с удивлением уставились на неожиданного просителя.

- Интересная подборочка, - почесал бороду Геракл, вопросительно глядя на генетика. – Уж не на свадьбу ли ты намылился, Эрот?

- Ну, наконец и Эрот занялся своими прямыми обязанностями! – улыбнулась завхоз базы. – Сам-то хоть в курсе, каким тебя представляет мифология, сводник ты наш?

- Даже не спрашивайте, - рассмеялся в ответ генетик. – Я с ума схожу от того, что прочитал о себе ещё тогда, когда лишь готовился к участию в проекте! Если Геракл, согласно мифотворчеству, всего лишь воин, а вы, доктор – простите, не я это написал! – завистливая и ревнивая сумасбродка, то мне перепало гораздо больше вас обоих! Честное слово, никто на Олимпе не может похвастаться столь длинным списком возможных родителей, как ваш покорный слуга! Хорошо, хоть с матерью у меня, на первый взгляд, достаточная определённости: почти все баснописцы сходятся на том, что это – моя коллега, доктор Афродита... Это мнение наиболее устоявшееся. Впрочем, и тут не всё окончательно ясно: в числе претенденток на мою мамашу кое-кто называет коллег Ириду, Метиду, Илифию, Пеню – и даже королеву сейсмологов и терраформаторов, доктора Гею! А что до отцовства, так тут вообще полный разнобой во мнениях: тут тебе и доктор Зефир, и старший техник Арес, и Эреб, и Хронос, и Порос, и Орфей, и Хаос, и доктор Гефест; самые звучные кандидаты в мои папочки, естественно, сам профессор Зевс и даже никто иной, как Его Бессмертие академик Крон! Кто-то из особо одарённых фантазией баснописцев даже всерьёз намекает, что я – вообще безотцовщина... Так и охота, честное слово, воздеть руки – и воскликнуть им в лицо: «Да вы, наконец, определитесь, кто же мои настоящие родители!» Понапутали, блин, понаписали всякого... А мне, как генетику, мучайся, расхлёбывая эту кашу! – заключил он.

- Ладно уж, не переживай, дружище: пробьёт и твой час! – легонько хлопнул его плечу доктор Геракл. – Без твоих эротических чар человечество просто не выживет!

- А он уже пробил, - загадочно ответил Эрот. – Как раз поэтому я и пришёл к вам... Прошу вас, доктор Гера, выдать мне просимое!

- Вот как? – завхоз положила руки ему на плечи. – Ну, так поделитесь же с нами своей радостью! Мы с Гераклом – не баснописцы, лишнего не напишем, да и другим не проболтаемся!

- А у меня нет секретов: вчера я вывел из пробирки первого атланта, а сегодня – создал ему парочку, - простодушно поделился своей работой доктор Эрот. – Видите, я не делаю из собственных исследований, кстати, санкционированных профессором Зевсом, никакой тайны... И вот, только что созданные мной негодники погнали меня на «Олимп» за одеждой; а девушка ещё и зеркальце потребовала... Коллега Гера, на складе не найдётся этой серебряной безделушки, желательна с крышечкой?

- Сейчас глянем, - ответила завхоз, сверяясь с монитором. – Тебе везёт, Эрот: несколько экземпляров где-то завалылось... Схожу, посмотрю на стеллажах, обождите меня! – с этими словами доктор Гера удалилась в необъятные закрома своих владений.

Информатик и генетик остались вдвоём.

- Слушай, а покажи-ка мне этих своих новых питомцев! – неожиданно попросил коллегу Геракл. – Всё равно мне сейчас в спортзале делать нечего: штангисты и без меня управятся, а наглядная лекция по борьбе – только вечером...

- Да не вопрос! – ответил его собеседник. – Только прошу запомнить, дружище: это вовсе не питомцы, а мои помощники! Неделя-другая – и я надеюсь обучить их простейшим правилам безопасности и работы в лаборатории; чего не смогу сделать сам – загрузит в их мозг центральный процессор... А чуть позже создам целую колонию новых существ... Слишком много энергии уходит на их сотворение, пусть размножаются обычным половым путём... Видишь ли, Геракл, они...

- Вот тебе льняной материал, а вот и зеркальце! – прервала его речь появившаяся доктор Гера, неся небольшой прозрачный контейнер. – Если твоим островитянам ещё что-нибудь понадобится, приходи прямо сюда... Эй, куда направился? – остановила она схватившего ящичек генетика и собравшегося было идти. – А расписаться в получении?!

Пока Эрот вводил своё факсимиле в складскую базу данных, Геракл сказал Гере, что смотается ненадолго на Атлантиду, чтобы поглазеть на выращенных коллегой новые формы жизни.

- После вернусь, расскажу! – закончил он.

- Давай уж, бездельник! – она потрепала друга по волосам. – С радостью составила бы вам компанию, мальчики, но прибыл заказ Диониса – набор совершенно непонятных мне по своему назначению приборов – и он намерен прийти за ними прямо сейчас, - женщина приложила указательный палец к уху, давая понять, что поступил персональный аудиовывод. – Так что ступайте!

Когда доктора перенесли на Атлантиду и оставили контейнер в лаборатории, Геракл похвалил комплекс, ибо находился на острове впервые:

- Нехило ты тут устроился, коллега! – об обвёл руками главное помещение генетических исследований. – Потолки у тебя определённо повыше моих будут... Даже отделка коридоров получше, чем у меня в бассейне! Одного лишь не пойму: каково тебе здесь одному?!

- За миллионы лет привыкаешь, - улыбнулся генетик, сверяясь с показаниями центрального обработчика данных. – К тому же, с сегодняшней ночи я уже не один... Да и не был я одним никогда...

- И где же твои сотрудники? – осведомился информатик.

- Этим я как раз и занят, - ответил доктор Эрот, бегая пальцами по клавиатуре. – Тела моих новых друзей снабжены специальными датчиками, позволяющими фиксировать их местонахождение в любом месте острова... Пожалуйста, вот они – на берегу океана, совсем неподалёку от лаборатории!купаются, наверное... Пойдём, познакомлю с ними?

Выйдя из комплекса, коллеги отправились на место, которое Гхгрл'хмых облюбовал для принятия океанических ванн и куда потащил купаться свою подругу.

- Смотри, Геракл, вот они! – доктор Эрот махнул рукой в сторону своих созданий.

Но стоило доктору Гераклу увидеть плещущуюся в волнах парочку атлантов, как лицо его изменилось: губы исказило презрение, если не сказать – ненависть; глаза наполнились кровью, как у быка; а правая рука инстинктивно скользнула к поясу. Однако, не найдя там привычного бластера, Геракл выставил вперёд кулаки:

- Солдат, бегом в лабораторию! Ты ещё не готов сражаться с этими тварями... А я покажу ящеромордым скотинам, трусливо отсиживающимся на далёкой планете вместо того, чтобы участвовать в театре военных действий! Они не вооружены; вот сейчас вырву с корнем это молоденькую пальму – и задам жару ублюдкам!

- Ой, Геракл, я совсем забыл, - начал было Эрот, но коллега Геракл, поражённый увиденным на берегу, исчез, уступив место ветерану давным-давно прошедшей войны – Герою Галактики. И этот ветеран, оценивая взглядом участок неминуемого столкновения с неприятелем, по-военному перебил его.

- Ты не слышал приказа, рядовой?! Если я скомандовал «бежать», значит, бежать! Я сам справлюсь с этими гадами!

Доктор Эрот, одной рукой обхватив друга за поясницу, другую положил ему на глаза, шепча что-то на ухо; мгновением позже его коллега обмяк – и растянулся на земле, не потеряв, однако, сознания; генетик уселся на песке рядом с ним, позволив тому окончательно прийти в себя.

- Что это было? – спросил Геракл, по-прежнему лёжа. – Ну и кошмарчик же меня посетил!

- Уф-ф-ф, если бы меня не учили специальным пассам, специально разработанным самим академиком Кроном для ветеранов войны, я просто не знал бы, что с тобой делать и как тебя выручать из цепких объятий памяти! – спокойно ответил Эрот. – Почему бы тебе не стереть эти воспоминания, Геракл? Многие ветераны так давно поступили.

- Нет уж, это – мои воспоминания! – отрезал тот и сел на песке. Глянул на атлантов, которые вышли из воды и, заметив рассеявшихся на берегу учёных, направились прямо к ним. – Но, Аид меня побери, ты хочешь сказать, что вот эти двое... Постой: ты говорил, что намерен создать целую колонию подобных существ?!

- Именно так, дорогой мой! – продолжил его мысль генетик. – Это и есть первые атланты! Насчёт колонии не беспокойся: она не будет особенно численной... Прости, что не успел предупредить тебя, на кого они похожи: Гера заболтала меня со своим – то есть моим – факсимиле... А после как-то из головы вылетело. Не вздумай причинить им не малейшего вреда, они его ничем не заслужили!

- Я ожидал увидеть здесь людей, или хотя бы гуманоидов! – Геракл потихоньку приходил в себя от пережитого шока. – Дались же тебе эти генетические выкрутасы...

- Каждому, видать, своё, - улыбнулся Эрот. – Ладно, веди себя поприличнее, дружище! – поспешно добавил он, поскольку атланты почти приблизились к сидящим на песке учёным.

- Приветствую вас, доктор! – гаркнул во всю пасть Гхгрл'хмых, взмахнув рукой; Грмл'лыхм, оскалившись в улыбке, молча поклонилась новому знакомому.

Информатик, поглядывая то на друга, то на людоящеров, поднялся на ноги; следом за ним, отряхнувшись, встал и Эрот.

- Ну, как ваша прогулка? – ласково обратился к пришедшим генетик. – Надеюсь, не скучали?

- Нет. Столько вкусной рыбы... И такая тёплая водичка! – промурлыкала Грмл'лыхм, пляясь на Геракла. – А как зовут вашего друга, доктор?

- О, конечно! – учёный приосанился. – Знакомьтесь: мой замечательный друг – доктор Геракл! Доктор Геракл, представляю вам чудесную атлантическую пару: это – Гых, а это – Гыр!

- Позвольте, значит, он – тоже доктор?! – не понял Гхгрл'хмых. – Как такое произошло?! На каком основании тогда я не могу быть Атлантом?!

- Доктор – это не имя собственное, дружище, а учёная степень! Понимаешь ли, можно быть доктором Эротом, Гераклом, Гефестом и ещё кем угодно; а вот Атлант или Гых может быть только один... Впрочем, я ещё объясню тебе тонкости всех этих отличий...

- Да мне и так всё понятно! – оскалился Гхгрл'хмых, беря подругу за руку. – Поверьте, доктор Эрот, я очень смышлёный!

- А вы принесли нам одежду? И зеркальце? – перешла к более насущным для неё вещам Грмл'лыхм. – Ибо теперь я совершенно нага уже не перед двумя мужчинами, но тремя! – и рептилоид смущённо захихикала.

- Конечно, друзья, доктор Эрот слов на ветер не бросает! – гордо тряхнул головой генетик, приглядываясь к Гераклу; тот выглядел довольно спокойным, возможно, лишь малая настроенность проглядывала в его лице и движениях. – Пойдёмте в лабораторию, получите подарки! Кстати, раз вы уже отобедали в океане, то мы с доктором, наверное, не откажемся чего-нибудь перекусить... Тебе не нужна таблетка успокоительного, Геракл? – шутливо обратился он к коллеге.

- Нет, Эрот, лучше плесни мне чего-нибудь покрепче... Говорят, запасы у тебя неиссякаемые, - без лукавства ответил информатик.

Нет нужды говорить о том, что генетические исследования на Атлантиде стали притчей во языцех не только на «Олимпе», просочились они и к людям. Но если «боги», каждый из которых побывал на острове лично, чем засвидетельствовал своё почтение новой, параллельно развивавшейся с человеческой, расе, то людям оставалось только гадать и предполагать, как могли выглядеть загадочные атланты, сколько их и какова их культура и законы...

Тем временем усилиями доктора Эрота колония атлантов достигла более сотни особей обоего пола – и остров действительно стал очагом иной, рептилоидной, цивилизации. Доктор Эрот, гораздо позже описываемых событий, суммировав оставленные собой записи по так называемому «Атлантическому Кодексу» как специальной подборке материалов к «Проекту Земля», подсчитал, что они превышали размерами несколько толстенных виртуальных энерготомов! Со временем его аналитические выкладки были опубликованы отдельными тематическими справочниками под грифом «Специальная литература. Только для генетиков экстра-класса», сведения которых, почерпнутые непосредственно из опыта будущего академика Эрота, послужили великолепным пособием для множества кандидатских и докторских диссертаций огромного числа бессмертных, решивших посвятить себя тайнам генетики.

Гхгрл'хмых, первоатлант, действительно оказался очень смышлёным: по праву происхождения он занял пост Верховного Жреца и Судьи племени, а также Хранителя Закона, автоматически распространявшегося на каждого из появляющихся на свет атлантов. Сам Закон, кстати, был сформулирован в следующем виде:

НЕ ХОДИТЬ БЕЗ ОДЕЖДЫ – это Закон. Мы – атланты!

НЕ ПИТЬ ТОГО, ЧЕГО НЕ ПРЕДЛАГАЮТ – это Закон. Мы – атланты!

НЕ КУПАТЬСЯ В ЗАПРЕТНОМ МЕСТЕ – это Закон. Мы – атланты!

НЕ ИГРАТЬ С ОГНЁМ ВНЕ ПЕЩЕР – это Закон. Мы – атланты!

НЕ ПРИЧИНЯТЬ ВРЕДА ЧЕЛОВЕКУ – это Закон. Мы – атланты!

Правда, о людях атланты тоже имели весьма неконкретное представление, хотя доктор провёл колонии несколько лекций о том, что за океаном живут существа, внешне напоминающие его самого или других «богов», время от времени заглядывавших по делам на Атлантиду; генетик демонстрировал островитянам фотографии и фильмы о людях, однако, поскольку почти никто из атлантов так и не повстречал человека, то последний пункт Закона носил, по большей части, условно напоминающий характер. Нельзя не отметить удивительный факт того, что понятие «бога» или «богов» у атлантов напрочь отсутствовали: соплеменников они, как положено, именовали «Братьями» и «Сёстрами» (понятие «муж – жена» не имело среди них никакого хождения, полигамия являлась общепризнанной нормой), бессмертные были для них «Старшими Друзьями», а сам их создатель, хоть и находился, по их пониманию, выше остальных на иерархической

лестнице, носил титул «Большого Брата». Особым почтением рептилоиды окружали доктора Геракла, поскольку тот научил их спортивным играм и постоянным физическим упражнениям. Поэтому понятие «Верховного Жреца» являлось, скорее, номинальным, по сути исполняющим функцию главнокомандующего военизированного ритуала, которому неизменно следовали все особи мужского пола; проще было бы назвать её обязанностью Вождя, а сам ритуал – воинским парадом или, точнее, спортивным смотром, однако подобная терминология в понимании атлантов не использовалась, а потому и не прижилась. Первый пункт Закона, несомненно, был введён первоатланткой, красавицей Грмл'лыхм, надолго запомнившей, видимо, о своём конфузе сразу после появления на свет. Второе и четвёртое законоположения были введены Верховным Жрецом после имевших место тех или иных случаев, не носивших, правда, массового характера. И, наконец, что касается третьего пункта Закона, то его предложил атлантам сам доктор Эрот, который иногда любил проводить время с удочкой в небольшой лагуне, отдыхая после праведных трудов за лабораторным столом. Островитяне, руководствуясь в данной ситуации пятым пунктом Закона, немедленно вняли просьбе «Большого Друга» – и до скончания веков объявили это место запретным для купания.

Несмотря на внешность рептилий, атланты по строению организма приходились людям едва ли не ближайшими родственниками, что было вполне объяснимо: генетически Токлош более являлся бабуином, нежели крокодил. Лишь форма тела, его покрытие, хвост и глаза выдавали в них потомков рептилий, но остальные показатели их внешней и внутренней конституции явно стремились к человекообразным обезьянам. Как справедливо предполагал доктор Эрот, они были быстрыми и ловкими; им вполне можно было доверить любую физическую работу. Особо одарённые интеллектуально даже ассистировали ему во время сложных экспериментов; остальные же занимались уборкой лаборатории, великолепно готовили – и даже принимали гостей с «Олимпа» и других баз.

Конечно, после возникновения государственности, атланты занялись строительством собственных жилищ; они пробивали в скалах длинные извилистые коридоры – или углубляли уже существующие – пока вся колония не заселилась в самом настоящем, уютном пещерном городе, который они сами называли Градом Золотых Врат. На восходе и закате скалы сияли, подобно благороднейшему из металлов – отсюда, по-видимому, город и получил своё название...

Потекли столетия. Доктор Эрот пристально наблюдал за атлантами, усердно фиксируя любые изменения в их физиологии и развитие их была в пространственных отчётах, направляемых на рецензию доктору Артемиде. И только после комментариев биолога изумительной красоты, материалы попадали на стол руководителя «Олимпа», а оттуда – в МАИ. О, это было воистину занимательное чтение! Доктор Эрот отличался небывалой дотошностью учёного, поставившего перед собой задачу досконально исследовать не только созданных им существ, но и, путём совершенно невинных опытов над последними, избавить самих людей от множества болезней того времени. Поскольку, как говорилось выше, организм атлантов практически соответствовал человеческому, любое лекарство обязательно проверялось именно на них, а уж потом доктор Гермес переправлял его на континент, в аптеки...

Однако, вирусология или фармацевтика, хоть и являлись прямой прерогативой доктора, всё же не были его коньком; гораздо больше внимания генетик уделял проблемам гормональных исследований. Поэтому вовсе не трудно догадаться, почему он вошёл в эллинскую мифологию как «божество любви».

Ещё на заре своей работы с островитянами, доктор Эрот с удивлением констатировал некоторую фригидность атлантов, что и привело его к началу удивительных опытов с их гормонами; помимо того, генетик, не мудрствуя лукаво, решив не останавливаться над устранением излишней фригидности, развернул многоярусную программу по всевозможным гормональным изысканиям. Для этого им был создан потрясающий прибор воздействия на химические соединения, непосредственно влияющие на клетки всего

организма: ЧП. Сам доктор, бесконечно гордый от своего изобретения, предпочитал его называть «чувствопобудителем»; аббревиатуру предложил конструктор, доктор Гефест, известный тягой – подобно всем техникам – к лаконике и терминологическим сокращениям, который и предоставил пользователю первый экспериментальный экземпляр ЧП, сделанный, кстати, по чертежам самого изобретателя. Счастливый Эрот просто не мог дожидаться мгновения, когда открытый им стимулятор будет испробован на практике; едва получив из рук «олимпийского кузнеца» долгожданный аппарат, он стремглав полетел на Атлантиду, к своим любимым рептилоидам.

В течение недели он колдовал над персональными ДНК всей колонии атлантов, настраивал свой «чувствопобудитель» на необходимую силу электроразряда, которая и должна была стать причиной «пробуждения» того или иного чувства в своём носителе; доктор не планировал ограничиваться исключительно устранением фригидности атлантов, изобретение сулило ему возможность прикоснуться к модификации и наблюдению за искусственно вызванным его прибором мутациями таких чувств, как страх, удивление, удовольствие, гнев, стыд...

Интересные выводы ожидали его после первого же использования ЧП: наплевавшие на фригидность атлантики безостановочно беременели, наполняя остров первым потомством коренных аборигенов Атлантиды. Поскольку они являлись живородящими, доктор Эрот сам принимал первые роды счастливых матерей, подробно ведя свои аудио и видеонаблюдения. Малыши атлантов появлялись на свет почти человекообразными, однако день за днём меняли форму, уподобляясь родителям: у них удлинялись мордочки, вытягивались хвостики, зубки и коготочки всё более заострялись. Несмотря на это, они очень быстро развивались, и этой удивительной акселерации доктор посвятил немало самых пристальных наблюдений.

Потомство атлантов великолепно чувствовало себя как в воде, так и на суше. Согласно первому пункту Закона, которому атланты натаскивали детей сызмальства, любые родители одевали своих отпрысков, чтобы те привыкали к одежде и, соответственно, половому различению. Гомосексуальные и лесбийские проявления среди атлантов никогда не имели места: на протяжении всей их истории, кропотливо разбитой доктором Эротом на столетние периоды, он не упоминает ни о едином случае возникновения указанных отклонений. Несколько раз, правда, им отмечалась возможность прогрессирующего трансвестизма, тем не менее ЧП искусно подавлял назревающую опасность. Малыши атлантов развивались гораздо быстрее человеческих детей, что подтверждалось неоднократным сравнением их с последними, принимая во внимание одинаковый возраст и условия появления на свет; подробнее с этим могли ознакомиться любые биологи, проштудировав довольно массивную полемику докторов Эрота и Артемиды, изданную отдельным томом «Занимательная биология. К вопросу о вундеркиндах, а также о своевременном и отсталом развитии форм жизни на углеродной основе (на примере «Проект «Земля»»)). И если человеческие младенчики ползали на четвереньках практически весь первый год своей жизни, то у появившихся новорождённых атлантов проблема хождения на своих двух сводилась всего к месяцу.

То же касалось и навыков речевого общения; здесь люди тоже проигрывали своей параллельной ветви, основанной на далёком острове доктором-генетиком. Если маленькое человеческое существо в годовалом возрасте могло оперировать односложными словами, то атланты, лишь после трёх месяцев своего прихода в этот лучший из миров, запросто заучивали наизусть – естественно, с полным пониманием – полную формулировку Закона; более того, по наблюдениям доктора Эрота, они вполне могли философски рассуждать на тему только что узнанных законоположений. «Большой Брат» на этом основании делал сам по себе напрашивающийся вывод об интеллектуальном превосходстве последних, а в качестве поясняющего примера приводил своеобразный ритуал маленьких атлантов, свидетелем которого ему доводилось быть неоднократно.

Годовалые дети рептилоидов, обычно сразу после ознакомления с Законом, приводились в Верховному Жрецу, который тут же экзаменовал их на предмет усвоения и понимания его положений; оставшись довольным ответами маленьких соплеменников, он объяснял им, что в мире существует два вида мыслей – короткие и длинные. Короткие – таковы, что их могут воспринимать младенцы, длинные же пока были для их возраста недоступны или доступны не полностью; чтобы их понимать, необходимо постоянно учиться мудрости у родителей и более старших соплеменников. Поскольку отпрыски атлантов отличались необыкновенной смышлёностью, то старались буквально наперегонки приобретать эти самые «длинные» мысли, перенимая опыт старших. Другими словами, рождённые островитяне – не в пример людям – гораздо быстрее развивались, поскольку при каждом удобном случае напрямую обращались к родителям, пытаясь как можно больше «удлинить» свои «короткие» мысли. Доктор Эрот в своих записях отмечает, что в определённый отрезок времени – по шкале истории атлантической цивилизации – имела место попытка ввести в Закон поправку следующего содержания: «УДЛИНЯЙ СВОЮ МЫСЛЬ ПРИ ЛЮБОЙ ВОЗМОЖНОСТИ – это Закон. Мы – атланты!» Тем не менее, Верховный Жрец и его советники отказались нарушить монолитную концепцию существующего законодательства, мотивируя это полной не сочетаемостью предложенного пункта с предыдущими. Ведь Закон состоял доселе из запретительных максим, каковые гораздо понятнее любому мыслящему существу, чем побудительный и достаточно неопределённый призыв «удлинять свою мысль». Кончилось тем, что пожелание «удлинять свою мысль» стало негласным, но обязательным руководством для повседневного бытия атлантической колонии и нормой её существования; а от официального введения его в Закон воздержались по вполне разумной причине, дабы не нарушать единство его запретительной поэтики.

Получив, таким образом, убедительные доказательства, что изобретённый им «чувствопобудитель» безотказно действует на атлантов, доктору Эроту не терпелось опробовать его на представителях человеческой расы. Как и в случае с населением Атлантиды, генетик решил провести свой первый в человеческой истории эксперимент путём увеличения уровня допамина, усилив его влияние на мозговую реакцию подопытных. Но, для того, чтобы повлиять на указанный нейромедиатор в испытуемом или испытуемой, необходимо было заручиться наличием оных; однако, как известно, особых контактов доктора с людьми до сих пор не наблюдалось. Эроту ничего не оставалось, как выйти, так сказать, на большую дорогу – в поисках живого материала для исследований.

И доктор Эрот принялся за дело со свойственной ему ретивостью. Для начала он обратился к коллеге Гермесу, чтобы тот, во время своего общения с людьми, незаметно «заимствовал» у них по волоску для будущих экспериментов; при этом генетик убедительно просил его отмечать координаты подопытных, как то: пол, имя и точное место проживания. Также доктор Эрот настаивал – для большей достоверности исследований, – чтобы коллега Гермес собирал материал в разных городах и селениях, при этом обязательно предоставляя в его распоряжение фото или видеозаписи подопытных в полный рост. Естественно, по соображениям популяционной генетики и в целях сохранения генофонда эллинов, доктору Гермесу было строжайше запрещено собирать образцы за пределами их среды обитания.

Пока доктор медицины по поручениям друга носился по всей Элладе, высматривая подходящие экземпляры и под тем или иным предлогом собирая коллекцию для коллеги, Эрот не терял времени даром, совершенствуя свой чудо-аппарат по всем параметрам; кстати, по совету доктора Артемиды, он замаскировал чувствопобудитель под обыкновенный охотничий лук, чтобы не вызывать особых подозрений у людей, когда начнётся большая охота. Это впоследствии дало ему лишний повод жаловаться коллегам на то, что муляжное стрелковое оружие, в которое он поместил ЧП, породил среди людей очередные сплетни о том, что в претендентках на роль матери Эрота, возможно, числится и сама Артемиды: дескать, всего лишь пара «богов» имеет подобный атрибут, лук – Артемиды и Эрота; уж не родственники ли они, часом?! Тем не менее, хоть и призывая

иногда все зевсовы молнии на головы глупых баснописцев, доктор не особо обращал на это внимания, готовясь к новым свершениям, новым открытиям.

Но вот, необходимые материалы были собраны – и с прилежным описанием своих владельцев доставлены доктором Гермесом в лабораторию на острове. Генетик не скрывал радости, предвкушая величайший эксперимент, революционный скачок в одной из самых таинственных областей науки – то есть собственные грядущие опыты с группой катехоламинов, отвечающих за те или иные человеческие состояния, ощущения и эмоции. Излишне говорить, что научный прогресс частенько сопряжён с досадными ошибками, недосмотрами и неверными расчётами – и это верно, ибо лишь таким является путь настоящих исследователей, в какой из областей он не пролегал бы. В случае же доктора Эрота не было ни фатальных мегаразрушений, ни апокалиптических – или даже социальных – коллапсов; его эксперименты, благодаря тем или иным недочётам, носили исключительно комический характер.

Покинув на время Атлантиду, генетик провёл прекрасное во всех отношениях время: гораздо ближе познакомился с людьми, в результате чего совершил массу ценных открытий, получил несказанное количество впечатлений и равно обогатил как науку – своими исследованиями, так и мифологию – своими «эротическими» шуточками. Так или иначе, но появившиеся впоследствии в категории «Автобиографическая проза» сборники – кстати, мгновенно ставшие настоящим раритетом по причине весьма ограниченного издания – «Хождения по Стране нимфоманок» и «Невероятные приключения Обнажённого», до сих пор поражают своих счастливых обладателей разнузданной фантазией также до сих пор неустановленного автора.

К слову сказать, даже первый опыт генетика пошёл совершенно не так, как планировалось; и случилось это в силу того, что доктор Эрот – благодаря своему вчерашнему посещению «Чертогов» Афины – перепутал катехоламины двух испытуемых: в избранную для эксперимента эллинскую красавицу он «стрельнул» определённым зарядом, стимулирующим повышение уровня допамина в крови, а вот предназначенного для «контакта» с ней юношу, по недосмотру, накачал эpineфрином по самые уши.¹¹

- Эй, куда же ты?! – только и смог воскликнуть доктор, глядя на улепётывавшего со всех ног молодого эллина, за которым не менее проворно неслась безмерно возбуждённая девушка.

И лишь когда действие нейромедиаторов закончилось, запыхавшемуся от долгой ловли своих подопытных доктору удалось, наконец, установить причину сорвавшегося эксперимента.

- Что случилось?! – допытывал он юношу, когда тот смог перевести дух и более-менее объяснить угнетавшее доктора недоразумение. – Почему ты побежал, Аид тебя дерит?!

- Испугался я, Эрот! – выдохнул несчастный, обхватывая голову. – Так испугался, как со мной никогда ещё не приключалось! Стою себе под деревом, щёлкаю семечки, никого не трогаю; вдруг, глядь – девчонка на меня смотрит, а глаза у неё такие дикие! Честное слово, подумалось мне, при ином раскладе я ни за что не отказался бы, но взгляд её был просто безумным! Повторюсь: может быть, кому-нибудь и нравится быть изнасилованным, однако со мной подобные штуки уж точно не пройдут; к тому же у неё на лице читалось, что, попадись я ей в руки, то живым стопудово не уйду – замучит до смерти! Вот я и рванул, куда ноги понесли, лишь бы от неё подальше... А после – и ты меня нагнал, интересоваться начал... Ладно, Эрот, пойду-ка я назад через горы, чтобы, не дай Зевс, вновь с этой чокнутой не столкнуться...

- Ну, а с тобой что произошло?! – расспрашивал он девушку, которая отстала от парня более чем на десяток стадиев и к моменту появления доктора смогла как следует отдышаться. – Что ты почувствовала?!

¹¹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- О, это была любовь с первого взгляда! – мечтательно произнесла красотка, сидя на придорожном камне и растирая пальцами босые ступни; сандалии слетели с её ног во время безуспешной погони за жертвой её внезапной страсти. – Бедные мои ножки, если бы это наваждение не закончилось, то сбила бы вас до самых костей... Ну, что тебе сказать, Эрот... Вышла сегодня из дому, увидела юношу, который лужгал семечки... Ничего в нём примечательного – таких в городе сколько угодно... Как вдруг от взгляда на него аж кровь во мне забурлила: так захотелось его попробовать!.. Боги, думаю, какой же красавец! Даже семечки так сексуально грызёт!.. И почувствовать толком ничего не успела, одна лишь мысль в голове: ты – мой! Причём, прямо сейчас, на виду у всех! Вот и ломанулась к нему на всех парах, а тот – от меня как припустил! Нет, думаю, не уйдёшь; хоть ты и проворен, но раз во сто покрасивее будешь... Догоню – и невесть что с тобой сотворю! – девушка вздохнула и скромно опустила глаза. – Уф-ф-ф, как хорошо, что наваждение прошло!

- И теперь с тобой всё в порядке? – допрашивал доктор, едва сдерживая улыбку.

- Вроде, да, - неуверенно ответила она, оглядываясь по сторонам. – Знаешь, Эрот, пойду-ка я назад, мне после такого забега полежать необходимо... Да ещё и сандалии по пути подберу...

- В добрый путь! – легонько поклонился ей генетик – и принялся озабоченно рассматривать «лук», мысленно проглотив первую неудачу.

Досадное недоразумение было ему жестоким уроком, из которого доктор, несомненно, извлёк пользу: отныне всякий раз, отправляясь на «полевые» исследования (так он именовал их, в отличие от лабораторных), он внимательно проверял каждый заряд своего чувствопобудителя – и никогда не «спускал тетиву» до того, пока трижды не перепроверял его патронник.

Полученный и вовремя усвоенный урок избавил его от пренеприятнейшей ситуации, в которую мог угодить не только он, но и некая парочка, прогуливавшаяся по берегу моря с венками на головах. Уже приготовившийся «стрелять» доктор каким-то десятым чувством ощутил, что следует на всякий случай проверить готовый к выстрелу заряд – и это откуда ни возмись ощущение недоброго спасло его от унижения, которое, несомненно, испытал бы на его месте всякий нерадивый учёный: в патроннике находился невесть как там оказавшийся электрический заряд, предельно повышающий уровень норэпинефрина! Понимая, какой непоправимую оплошность он едва не совершил – ведь это могло закончиться для кого-нибудь из влюблённых самой настоящей древнегреческой больничкой, доктор опустил «лук» – и мысленно поклялся себе быть стократно более внимательным. Если в асклепейоны начнут поступать подобные «плоды» его исследований, то Зевс просто закроет его работу; более того – Совет, вероятно, незамедлительно удалит его из проекта...

Однако, ни в отчётах самого доктора, ни в других источниках МАИ, ни разу более не упоминалось хоть об одной ошибке генетика; то есть они, конечно, имели место в лучшем из миров, однако никогда не носили увечного характера для рода человеческого. Возможно, сам Эрот отказался от дальнейших экспериментов над группой катехоламинов, искусственным путём вызывая в них определённые мутации, сочтя это представляющим потенциальную опасность для подопытных, или попросту сам заморозил проект, перенеся его в будущее – кто знает? Так или иначе, если он и продолжал изучать воздействие на нейромедиаторы, то оставил для исследований только «ген удовольствия» – допамин, полагая воздействия на него – в умеренных количествах, естественно! – довольно безопасным.

Однако и на этом поприще доктора поджидало множество анекдотичных ситуаций. Однажды, после общего собрания сотрудников «Олимпа», профессор Зевс попросил его задержаться – и полусхотливо полусерьёзно пропесочил генетика на предмет эротических опытов с жителями Афин, которые тот устроил незадолго до того.

- Скажите, доктор, разве сейчас Эллада находится в состоянии войны с кем-нибудь? – издали начал профессор, усаживаясь и кладя перед собой на стол очки.

Учёный неопределённо пожал плечами, пока не понимая, к чему клонит патрон:

- Аид его знает, профессор! Я ведь живу на Атлантиде, в метрополиях появляюсь редко...

- Хорошо. Позволю себе сформулировать вопрос несколько иначе: на каком основании вы устроили в столице самую настоящую оргию? Вы решили окончательно ввести среди эллинов полигамию, так вас надо понимать? Присаживайтесь, коллега – и, хорошенько поразмыслив над вопросом, ответьте!

- Ах, вот в чём дело! – доктор присел ближайшее кресло. – Это была вовсе не оргия, просто... так получилось. Одного не пойму: при чём здесь полигамия?

- Я не наобум задал вам вопрос о войне, коллега Эрот, - профессор Зевс приподнялся и легонько погрозил собеседнику пальцем. – Только во время войн или сразу после оных – ради восполнения числа павших мужчин и юношей – эллины могут позволить себе подобные вещи; не имея на то оправдания, вы невольно покусились на традицию, что, мягко говоря, не есть хорошо...

- А как же коллега Пан? Или Дионис? – нашёлся генетик. – На мистериях в их честь вы такое увидите, что...

- Вот они-то пусть и занимаются тем, что им предписано самими эллинами, - Зевс уселся на место, - а вас о вмешательстве никто не просит. Нечего развращать наших эллинов сверх меры, слышите? А полигамию оставьте для своих атлантов, раз уж они никак без неё не обходятся...

Доктор опустил глаза.

- Умерьте свой пыл, дружище, - улыбнулся профессор, - ведь я вам зла не желаю... Никогда не желал... Ограничьте свои исследования единичными случаями, прошу вас!

- Хорошо, я постараюсь, - пообещал доктор.

О его разговоре с Зевсом стало известно коллегам. Несколько дней спустя, когда Эрот прибыл развеяться в «Чертоги» Афины, доктор Аполлон, взойдя на сцену, где попеременно исполнял мужскую и женскую роль, исполнил произведение собственного сочинения, в котором изобразил восхваление эллинами генетических трудов доктора Эрота. Ещё до конца этого моноспектакля все собравшиеся начали подпевать ему хором:

*- Наш Эрот – не урод,
Но проблемы нам несёт!*

Доктор, подпевая актёру вместе с коллегами, которые то и дело похлопывали его по плечам и толкали в бок, едва не падал со смеху на пол; после, когда уникальная в своём роде премьера закончилась, он с друзьями, в числе которых был и Аполлон, дегустировали что-то новое от доктора Диониса.

- Слушай, Эрот, ну и навёл же ты беспорядков своими гормональными исследованиями – и не только в столице! – констатировал Гермес, смакуя новый напиток. – Весь Олимп гудит от слухов, скольких эллинов и эллинок ты поразил своим острыми любовными стрелами!

- Точно! – с улыбкой подтвердила Артемида, затягиваясь предложенной хозяйкой заведения сигаретой. – В короткий срок ты стал, наверное, популярнее самого Геракла!

- Видишь, с людьми гораздо прикольнее, чем с рептилоидами, - добавил Геракл, подвигая к себе большую амфору с амброзией. – Не так скучно...

- Ну, почему же, друзья: я вовсе не скучаю ни с первыми, ни со вторыми! – ответил генетик, разглядывая лица коллег. – С атлантами мне интересно по одним причинам, с людьми – по другим...

- А Зевс полагает, что в твоей бедной голове все причины спутались воедино, и ты уже не в состоянии отличить, где люди, а где – атланты! – засмеялась доктор Афина. – Ничего, дорогой мой, не вешай нос: с утра я иду к нему на консультацию, замолвлю за тебя словечко...

- Спасибо, милая! Это незачем: он ведь лука моего не отобрал... Тем не менее, попросил, чтобы я не палил из него во все стороны, - улыбнулся Эрот, наполняя очередной бокал.

- А что тебе от него понадобилось, от этого Зевса? – расправил плечи Прометей – и сдунул с колена случайно упавший на ней пепел с сигареты Афины.
- Мне – ничего. Это я буду его консультировать, а не он меня! – вновь расхохоталась историк.
- Что-нибудь интересное? – полюбопытствовала Афродита, расставляя на столе новые амфоры и собирая на поднос пустую посуду. – Или это – первое олимпийское таинство?
- Конечно, нет! Ему понадобилась кое-какая историческая справка, вернее сказать – прогноз на ближайшие несколько сотен лет; вот он и попросил меня помочь ему с этим, поскольку единственный на базе полный «Каталог событий» – только у меня... Сам Зевс, насколько я поняла, сейчас занят чем-то гораздо более важным.
- Мне он тоже пригласил, - сказал Гефест, барабанив пальцами по столу. – Кстати, тоже с самого утра... Говорит, что надо осмотреть коллаидер, что-то он в последнее время барахлит... То ли протоны не набирают положенной скорости, то ли магниты чересчур мощные; словом, погляжу – и разберусь...
- Послушай, Дионис, а чем это ты нас сегодня угощаешь, а? – сменил тему разговора Гермес. – Никогда ещё не пробовал такого мягкого сочетания... э-э-э... чего-то с чем-то!
- Ты же знаешь, Пилот, что фирма никогда не выдаёт своих секретов! – усмехнулся химик, откидываясь на спинку кресла. – Вдруг ты начнёшь похищать мои рецепты и выдавать их за собственные?!
- Уж лучше сразу скажи – продавать за хорошие денежки! – улыбнулся Гермес. – Брось, дружище, все во Вселенной прекрасно осведомлены, что из меня такой же изобретатель благородных напитков, как из тебя журналист!
- Сидящие за столом расхохотались.
- Ну, хоть название-то сообщи! – не отставал от химика Гермес. – Напиток не особо крепкий, но весьма приятный, - он прищёлкнул языком и облизнулся. – Колись, Дионис: ведь всё равно выставишь его на продажу в таверне «У Гелиоса» и других торговых точках!
- Вот выставлю – и узнаешь! – отшутился тот.
- Но всё равно ведь узнаю! – не сдавался покровитель глашатаев, видя негласную поддержку остальных. – Говори, дружище, ведь не только я один сгораю от любопытства!
- Что же, раз вся честная компания – на твоей стороне, пожалуйста: этот напиток я назвал «Стрелы Эроса»!
- Вот те на! – присвистнул тот, в честь кого было названо питьё, и кто успел познакомиться с ним, пожалуй, больше других. – Это с какой-такой радости, Дионис?
- Просто так, - отмахнулся химик, когда вокруг раздалась аплодисменты в его честь. – Говоря откровенно, у напитка вовсе не было названия, когда я прислал Афине первую партию... часть которой успешно разошлась по нашему и соседним столам. Название родилось у меня экспромтом: сперва выступил Аполлон со своим моноспектаклем, затем мы заговорили о последних достижениях нашего гормонального специалиста; после Пилот отметил мягкость напитка, почему-то вызвавшую у меня стойкую ассоциацию с тонким искусством эротики... К тому же, Эрот – один из моих вернейших друзей, не так ли? – он протянул ему пятерню, по которой генетик звонко хлопнул ладонью. – Кстати, Эрот, не заглянешь ли ненадолго ко мне после того, когда выпьем в «Чертогах» положенную нам порцию?
- Да не вопрос, дружище?! – ответил тот. – Но только ненадолго: у меня атланты сегодня некормлены!¹²

¹² Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

45,1 ГРАДУС ПО ДИОНИСУ

*Шумного славить начну Диониса, венчанного хмелем,
 Многохвалимого сына Крониды и славной Семелы.
 Пышиноволосые нимфы вскормили младенца, принявши
 К груди своей от владыки-отца, и любовно в долинах
 Нисы его воспитали. И, волей родителя-Зевса,
 Рос он в душистой пещере, причисленный к сонму бессмертных.
 После того как возрос он, богинь попечением вечных,
 Вдаль устремился по логам лесным Дионис многопетый,
 Хмелем и лавром венчанный. Вослед ему нимфы спешили,
 Он же их вёл впереди. И гремел весь лес необъятный.
 Так же вот радуйся с нами и ты, Дионис многогроздный!
 Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!*
 Гомеровы гимны, «К Дионису», 1-12

- Заходи, Эрот! – доктор Дионис пропустил гостя вперёд себя, в лаборатории автоматически вспыхнул свет. – Только не испугайся моей охраны! – добавил он в шутку.

- А-а-а, твоего знаменитого пёсика? – улыбнулся его коллега. – Ничего, я к нему уже привык!..

Сразу после его слов в соседнем помещении послышалось механическое жужжание, будто внезапно заработал вентилятор средней мощности – и навстречу вошедшим выскочило странное небольшое существо: блестящий, металлический треугольный корпус – на который крепилась такая же треугольная голова – держался на четырёх лапах, снабжённых шарнирами для быстрого и почти бесшумного передвижения. Существо бросилось к доктору Дионису – и стало, подобно собаке, ластиться к его ноге. Тот погладил его, почесав за металлическими ушками – и тогда, с не прекращаемым урчанием, неведомой породы зверёк уставился на доктора Эрота, повилая смешным металлическим хвостом.

- Вижу, он здесь днюет и ночует! – доктор Эрот также погладил треугольную голову существа. – Прямо, как и ты, Дионис...

- А что прикажешь делать? – развёл руками хозяин Химической лаборатории «Олимпа». – Всё, пёс, успокойся! – скомандовал он зверьку, указывая пальцем в сторону помещения, из которого тот появился. – Иди на место!

Существо немедленно прекратило урчать; его маленькие глазки полыхнули синим цветом – и оно, развернувшись вокруг своей оси, медленно удалилось обратно, оставив друзей наедине.

- Что? А где ему, по-твоему, днество и ночевать?! Зевс распорядился, чтобы мой механический пёс не шлялся по коридорам базы, путаясь под ногами сотрудников... А у меня столько работы, что я даже вылезать отсюда перестал... Не могу вспомнить, когда в последний раз ночевал в собственном кабинете; наверное, там уже всё покрылось метровым слоем пыли да паутиной заросло... Так что мы с ним делим эти несколько помещений лаборатории на двоих.

- Понимаю тебя, сам работаю в подобном режиме, - сочувственно кивнул доктор Эрот, присаживаясь в кресло возле дверей. – Атланты занимаются обустройством своего города: задумали окружить подход к нему несколькими рвами воды, чтобы в них же и плескаться, не тратя время на прогулки к океану... А тут ещё довелось мне с людьми связаться...

- Ну да, я превосходно наслышан о твоих амурных приключениях среди последних! Им сегодня целый концерт в «Чертогах» был посвящён! – засмеялся доктор Дионис, усаживаясь в кресло по соседству. – Вернее сказать, не о твоих лично приключениях, но о тех, что ты преподнёс человечеству своими гормональными исследованиями...¹³

- Обыкновенное недоразумение... Нарушения, выявленные в плане генетической несовместимости... Некоторые перегибы на молекулярном уровне... – забормотал себе под нос его собеседник. – Короче, Дионис: зачем ты позвал меня? У тебя-то что стряслось?

Химик внимательно посмотрел на Эрота:

- Тут такое дельце, понимаешь... Наш вселюбимейший инженер Зевс полагает, что при всей моей занятости в лаборатории, я ещё недостаточно нагружен. Предлагает мне организовать при базе школу по изучению основ химии...

- Ну и что? – откликнулся генетик. – Делов-то! Возьми да открой её... Неужели у тебя не найдётся времени на урок в пару академических часов, скажем, трижды в неделю? Посоветуйся с другими преподавателями – Пилотом, Деметрой, Аполлоном, Гестией – как и что для этого сделать... Они помогут!

- Согласен, время-то можно найти, да вот только я не чувствую в себе ни малейшего таланта преподавать! Мне самому ещё учиться и учиться... Тем более, мне тут Афина намекнула, что никаких особо важных открытий в области химии эллинам не светит... Так чего ради, спрашивается, попусту тратить время? С другой стороны – нашего старика-профессора не хочу обижать своим отказом... Что посоветуешь, дружище?

- Спроси Пилота, это он большой мастер давать советы! – улыбнулся доктор Эрот, но тут же лицо его приняло серьёзное выражение. – Предлагаю тебе следующий вариант: раз у тебя за спиной утверждение Афины, которым можно прикрыться не хуже, чем её щитом, то тебе следует организовать не школу, а непродолжительные курсы. По тем же самым основам химии... Итак, предложения Зевса ты вроде бы не оттолкнёшь, но и увязнуть в преподавании по уши у тебя также не получится. Усёк, приятель, к чему клоню? Почитай лекции, пригласи юных эллинских химиков сюда для работы с опытными материалами, - он обвёл рукой пространство лаборатории, - научи их смешивать металлы и удобрять землю навозом – это ведь, как не крути, и есть основы твоего искусства! А после передай их Гефесту: пусть занимается их дальнейшим обучением, он никогда от этого не откажется! И дальше всё пойдёт, как по накатанной: если химики, которых ты подготовишь, и не совершат ничего революционного для своего времени, то уже их ученики шагнут гораздо дальше и глубже, передавая свои знания потомкам. Таким образом, как ты понимаешь, хорошо будет всем...

- Времени жаль, - откровенно пожаловался Дионис. – Ты же помнишь, как я придумал театр? Менады просто с ума сходили, стоило мне спуститься с Олимпа; коллега Пан с сатирами стояли на ушах от радости!.. Так я носился с этой идеей, так её лелеял... Но из-за занятости химией пришлось отдать изобретение коллеге Аполлону... Да, дружище, химия для меня – всё! И время, в том числе...

- Ну, положим, менады и Пан с сатирами до сих пор на ушах стоят – правда, из-за твоих горячительных напитков! – усмехнулся доктор Эрот. – Эх, дружище, не отчаивайся: всё будет хорошо! Ладно, - он хлопнул по подлокотникам кресла и поднялся, - мне пора на Атлантиду, время довольно позднее... Проводишь до смотровой площадки?

- Конечно! Может, по стаканчику перед дорогой? – предложил вежливый доктор Дионис.

¹³ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Благодарю, с меня хватит сегодняшних «Стрел Эрота»... Забористая штучка, надо будет ею разжиться как следует, - ответил генетик. – Прощай, пёс! – крикнул он в соседний сектор, откуда немедленно раздалось жужжание вентилятора – и в сопровождении коллеги покинул помещение.

Доктор Дионис был не только вежливым и скромным существом: не беспричинно называли его выдающимся химиком окружающие, поскольку факт этого был оправдан и неоднократно доказан на деле. Его страсть к химии простиралась столь же далеко, сколь генетические исследования притягивали коллегу – доктора и одного из его ближайших друзей – Эрота. Всё, чем бы не занимался доктор Дионис, в какую область органической и неорганической химии не устремлялась бы его пытливая мысль, обретало форму потрясающих открытий, надолго опережавших время, причём, не только в «Проекте «Земля»»: на любом участке Вселенной путь учёного был отмечен невероятными свершениями.

Как и у любой творческой, созидательной натуры, у доктора было своё хобби, которое, впрочем, было напрямую связано с его работой: Дионис до безумия обожал создавать всевозможные алкогольные напитки, утончённо играя с их ингредиентами и крепостью. Во множестве миров огромное количество их разновидностей до сих пор используется для легального употребления; всевозможные эзотерики всех мастей ещё разыскивают на просторах далёких галактик будто бы написанные им некогда «Трактат о Величайшем Веселии», а также «Огонь, вода и медные трубы. Практическое руководство»; однако, поскольку эти приписываемые доктору труды до сих пор не обнаружены, не следует настаивать на их неоспоримом существовании... Естественно, что, приняв приглашение Совета на участие в «Проекте «Земля»», доктор, прибыв на очередную созданную планету, привёз и неотделимое от себя хобби. Поэтому можно смело утверждать, что его биография и заслуги перед человечеством были описаны в эллинской мифологии довольно непредвзято, чего, увы, никак нельзя сказать о других «олимпийцах».

Неизменный создатель и поставщик высокоградусной продукции для «Чертогов» Афины и всех трёх расположенных на Земле баз, доктор пошёл гораздо дальше, предложив устроить на Земле питейные заведения. По его мнению, подобная акция оказала бы неоценимую услугу в непосредственном общении с людьми, что, несомненно, облегчало создателям контакты со своими созданиями; многочисленный опыт по сотворению предыдущих бессчётных миров позволял резонно полагать, что так оно случится и здесь. Его задумку сходу поддержал коллега Гермес, поначалу видевший в том великолепное практическое применение для собственной профессии: чем больше болтали посетители таверн, тем легче ему было ему собирать информацию о человечестве для пресс-центра МАИ. Впоследствии Гермес, используя те или иные индивидуальные доводы для каждого собеседника, сумел убедить в необходимости поддержать замысел доктора Диониса и других бессмертных, включая само руководство «Олимпа» – и дело мгновенно сдвинулось с мёртвой точки. Однако, здесь и возник нюанс, могший серьёзным образом тормознуть одобренный самим профессором Зевсом проект, оставляя его на неопределённое время в подвешенном состоянии.

Для начала выяснилось, что земная органика и неорганика несколько отличается от привычных для бессмертных химических комбинаций, а также тех, что доктор Дионис встречал прежде: флора, фауна, геологические породы и состав атмосферы представляли собой столь странный набор молекулярных соединений, что доктору пришлось разбираться с этим, будто впервой. Для этого ему пришлось посетить частные уроки доктора Гефеста; прослушать вводный курс по биологии докторов Артемиды и Горгоны; даже посетить – с целью получения более точных сведений о мире, в котором он оказался – тематические лекции коллег Геи и Посейдона из соседних баз. Доктор занимался этим до тех пор, пока, положив руку на сердце, не смог сказать себе: отныне им досконально изучены все химические элементы, составляющие любые минералы, растения и животных созданной планеты. Прилежно ознакомившись со всевозможными для Земли химическими

соединениями, доктор считал себя прилично подготовленным для внедрения в жизнь проекта, находящегося в прямой связи со своим хобби.

Так, стоило доктору вплотную приступить к работе, на «Олимпе» была открыта первая в истории таверна на земной поверхности – «У Гелиоса». Пользуясь неизменной популярностью как у бессмертных, так и у людей, хозяйство химика – и оказывающего ему неопределимую рекламную помощь доктора Гермеса – стало разрастаться как по мановению волшебной палочки: по всей Элладе возникали большие и маленькие питейные и увеселительные заведения, где любой желающий мог чудесно провести время; торговая сеть «Лавка Диониса», мгновенно приобретающая как постоянных, так и случайных клиентов, имела свои легитимные представительства на каждом базаре Аттики, Беотии, Коринфии, Лаконики, Фессалии... Химик ничуть не раскисался, что взял в компаньоны такого ушедшего коммерсанта, каким был коллега Гермес: с его помощью ликёро-водочный бизнес пах и процветал. Если возникали какие-нибудь неувязки с поставками или реализацией товара, покровитель денежных знаков решал их во мгновение ока, нимало не роняя при этом ни престижа фирмы, ни собственного достоинства.

- Слушай, Дионис, - однажды он вызвал доктора по каналу закрытой связи откуда-то из Аттики, тогда как сам химик пребывал в собственной лаборатории на Олимпе. – У меня тут небольшая заминка... Я на базаре, в нашем офисе... Припёрся налоговый инспектор, требует табличку за печатью архонта на предмет легальной торговли нашей продукцией... Её копия, что мы оставили продавцам, его, видите ли, не устраивает!

- Что за чушь? – Дионис поправил в ухе втулку-ракушку. – Может, ему ещё нашей продукцией и взятку дать? Пусть сам отправляется к архонту, тот лично подтвердит ему наши торговые полномочия! Заодно и вставит ему по первое число, чтобы в следующий раз не отвлекал своими гнусными проверками честных тружеников нашей фирмы...

- Слушай, дружище, да ты учишься не по дням, а по часам! – похвалил коллегу мастер базарных уловок и специалист по ведению переговоров с инспекторами всех мастей. – Ладно, не буду тебя отвлекать по мелочам, тут я и сам справлюсь... Мне сообщили, что в Лаконике наша лавочка совсем опустела – подумай о самых срочных поставках! Продавцы говорят, что покупатели устроили возле базара настоящий митинг...

- Этим я сейчас и занимаюсь, - ответил химик, вокруг которого витали пары и бурило в каждой колбе. – Уговори их немного подождать: я как раз доварю товар и разолью его по амфорам... А потом вызову Ареса с его самым быстроходным лайнером: нельзя же лишать постоянных клиентов дорогого удовольствия! Репутация фирмы не должна пострадать!

- Понял тебя, уговорю! Только поспеши, так как даже при всей моей дипломатии я не смогу долго сдерживать жаждущую толпу!

- Не страдай, Пилот! Скажи им, что помощь жаждущим уже в пути...

Чтобы угодить любому из потребителей собственной продукции, доктору пришлось изобретать неисчислимые сорта алкоголя разного достоинства, в результате чего им попутно были открыты основные пять видов брожения: простое, спиртовое, уксусное, молочное и слизистое. Излишне говорить, что невиданное доселе новшество снискало в самые скорые сроки необыкновенную популярность в кулинарии и прочих изысках застольных удовольствий.

Мало того, что Дионис являлся изобретателем напитков опьяняющего действия различной степени, ему же – на правах первооткрывателя – приходилось давать им названия, рождавшиеся у него в голове с поводом и без оного. После того, как он предложил олимпийцам и людям первач под незамысловатым названием «Эх, ухнем!», ему показалось разумным, что не следует столь бесцеремонно открывать потребителю крепость пока ещё не изобретённых им напитков: алкоголь обязан содержать в себе тайну, постичь которую можно лишь языком, а не глазами, заранее прочитав фабричную этикетку. Посетив несколько занятий, которые коллега Аполлон ежедневно проводил со своими поэтами, доктор несколько поднаторел в литературных образах, отчего его последующие достижения носили более загадочные, ассоциативные и романтические наименования:

«Старая Бочка», «Молодая Лоза», «Дыхание Зефира»... С последним названием, кстати, была связана подлинная история, когда коллега Зефир, неудачно плюнув химику под ноги, спровоцировал последнего на падение: Дионис, не заметивший этого действия, поскользнулся – и едва не сломал руку. Конечно, сотрудники не стали ссориться попусту, тем более, что Зефир немедленно протянул упавшему руку и принёс глубочайшие извинения за случившееся; тем не менее, произошедшее с химиком положило начало его принципиально нового отношения к названию своих спиртных открытий: так появилась целая серия «именных» напитков разного состава и крепости. И хоть друзья, памятуя причину возникновения этого алкогольного шедевра, иногда в шутку называли его «Плевком Зефира», романтически настроенный изобретатель на их слова никак не реагировал.

Поэтому один за другим стали появляться напитки не только с различными вкусовыми наполнителями – недаром доктор прослушал длинный курс профессора Горгоны и доктора Артемиды по земным употребляемым в пищу растениям – но и названиями: «Зевсов Трезубец» (рекомендуется к употреблению исключительно маленькими глоточками – 70%); «Сапоги-Скороходы» (доктор Гермес, в честь которого было названо питьё, даже попросил друга понизить градусы с 55 до полусотни); напиток в честь его друга с базы «Тартар» Кербера был представлен аж в трёх ипостасях – «Трёхглавый Кербер» (25%), «Пятидесятиглавый Кербер» (34%) и «Стоглавый Кербер» (41%, соответственно); «Глубокий Сон Гипноса» (хоть название прозрачно намекало, в какое бредовое состояние рискует погрузится отведавший его, напиток расходился с невероятным успехом – 60%); «Афродита Прекрасная» (лёгкая настойка – 17%) – и уже упомянутые ранее – по случаю спасения планеты от астероида – «Молот Гефестов» (в чистом виде желательно не употреблять – 90%) и «Стрелы Эроса» (лёгкая настойка – 23%). Фантазия Диониса казалась столь же неиссякаемой, как и запасы спирта Химической лаборатории, словно доктор желал увековечить имена, достоинства или подвиги коллег для будущего. Над ним подшучивали, что если бы Афины по каким-нибудь причинам отозвали с базы, то Дионис вполне мог бы заменить её, как хронист. Доктор лишь усмехался вместо ответа – и с упорством фанатика продолжал пополнять свою коллекцию новыми рецептами и наименованиями, непосредственно связанными с тем или иным бессмертным.

Естественно, недостаточно залить напиток в посудину; перед тем, как выставить товар на прилавок, необходимо было подумать о его внешней привлекательности. Таким образом доктору – под руководством аполлоновых муз – пришлось освоить рисунок, чтобы не ударить лицом в грязь перед придирчивой и жаждущей во всём видеть произведения искусства клиентурой. Конечно, сам он не расписывал амфоры – на это, при его занятости бизнесом, просто не хватало времени; однако, призвав на помощь коллегу Гефеста (до него ему неоднократно пособляли с производственными техническими решениями братья Фобос и Деймос), он заказал ему принтер, помещавший изображение на уже готовый кувшин. Обычно на амфорах помещался портрет или шарж тех, чьё имя носил напиток, или изображение снабжалось, согласно эллинской мифологии, деталями их биографии. Время от времени Дионис позволял себе небольшие отступления, расписывая посуду классической древнегреческой орнаментикой или – охваченный внезапной ностальгией по былому – даже вставляя элементы подлинной истории бессмертных. Впрочем, профессор Зевс, разглядевший на одном из банкетов собственное изображение в скафандре на одной из амфор, попросил его больше не касаться доисторических – по земным меркам – времён: - Это что же получится, коллега?! Что станет с наукой, если вдруг археологам будущего удастся обнаружить осколки амфор вашего производства?! – без лишней нервозности, но довольно обеспокоенно сказал он. – Они же сразу поймут, что их планета – всего лишь эксперимент иных цивилизаций, чем поднимут на уши всё человечество! А оно к тому ещё не готово... Глядишь, ещё собственную историю начнут переписывать...

Доктор Афина, присутствовавшая при разговоре, поддержала профессора:

- Действительно, Дионис, это уже перебор! Лучше рисуй на кувшинах обыкновенных лошадок: коли археологи примут их за кентавров, это не так страшно... А вот если они разглядят в них средство передвижения для мотопехоты людоящеров, с которыми Геракл бесстрашно бился во время войны – начнутся проблемы, которые нам же и придётся решать...

Выслушав аргументацию коллег и признав её логику, химик впоследствии отказался расписывать керамику космическими сюжетами и подробностями собственных воспоминаний.

Не следует думать, однако, что необычное хобби доктора хоть в какой-то мере мешало его научным исследованиям. Дионис, пусть время от времени отвлекаемый партнёром и консультантом по бизнесу – доктором Гермесом – никогда не забывал, сколько, чего и в какой срок ему надо сделать на благо человечества. Иногда он даже отправлял вперёд во времени свои открытия, тем самым подсказывая учёным будущего, как правильно использовать попавшую к ним голову идею. Чаще всего он прибегал для этого к помощи коллег Морфея или Гипноса, одаривавших химиков ещё не наступивших эпох опытом Диониса на бессознательном уровне; иногда сам подбрасывал те или иные данные в виде старинных алхимических книг или рукописей...

А хобби его по-прежнему продолжало оставаться хобби, несмотря на то, что производство напитков стало носить массовый характер. Совершив примитивный подсчёт, можно было установить, что в его весёлый проект были включено множество сотрудников «Олимпа», не говоря уже о людях, с которыми доктор лично поделился теми или иными рецептами своих изобретений. Изготовлением алкоголя всевозможной крепости заведовал, конечно, сам Дионис; рекламой и подписанием контрактов – от метрополий до малюсеньких селений – доктор Гермес; технический сотрудник Арес ведал мгновенными поставками продукции на рынки Эллады и решал некоторые производственные вопросы; доктор Гефест отвечал за лабораторное оборудование... Конечно, были и другие. Например, доктор генетики Эрот, который с некоторого времени стал ответственным за складирование и хранение производимых продуктов.

Ранее упоминалось, что в результате чрезмерного, на взгляд руководства базы, увлечения химика своим хобби, выгодный и для бессмертных, и для людей бизнес едва не пришлось свернуть. И речь идёт вовсе не о тех временах, когда доктор Аполлон пытался при помощи алкоголя привить любовь человечества к Искусству... Случилось так, что профессор Зевс, который сам был вовсе не прочь опрокинуть рюмочку-другую, взвесив все «за» и «против», решил, что столь массовое производство алкоголя больше вредит обществу, нежели стимулирует его на творчество в любых проявлениях. И отправился к доктору Дионису с ультиматумом.

- Я, конечно, понимаю вас, доктор, - начал он издали, устроившись в одном из кресел Химической лаборатории. – Мы не выбираем наших увлечений, скорее, они – выбирают нас... Но, в вашем случае, как мне думается, хобби взяло верх над вами! Что это булькает в этой здоровенной реторте, а? Небось, ваше новое изобретение?

- Да, - ответил химик, сидя в кресле напротив. – Хотите попробовать, профессор? Очень рекомендую!..

- Хм... А в этом перегонном сосуде? Так дымится, так пахнет...

- Тоже. Правда, я ещё не придумал названия новым изобретениям, да и мой механический пёс их пока не дегустировал...

- Бросьте, доктор, бросьте! – начальник базы встал со своего места и стал прохаживаться между дверью и лабораторным столом; лежавший под ним механический пёс вращал глазами и урчал. – Вы не понимаете, что уже преступили последнюю грань? Количество алкоголя, производимое в лаборатории, скоро негде будет складировать! – он указал рукой на металлические ящики, штабелями занимавшие две стены.

- Но ведь он тут и не задерживается, профессор! – напомнил ему доктор Дионис, легонько погрозив пальцем киборгу; урчание под столом прекратилось.

- Есть и другие вещи, которых вы не видите или просто не хотите замечать! – невозмутимо продолжил тот, не переставая двигаться по выбранному маршруту. – Алкоголя очень много! Кроме того, этот запах, который я чувствую даже в своём кабинете!.. А ведь это аж через два коридора отсюда! Я иной раз из-за этого не в состоянии сосредоточиться для работы... Весь «Олимп» провонял спиртом, а вам хоть бы хны!

- Что же теперь будет? – спросил доктор, поднявшись – и, склоняясь возле стола, погладил по голове своего электронного помощника.

- Ну, для начала не пытайтесь натравить на меня своего киборга! – улыбнулся Зевс. – Я не прошу вас, коллега, прекратить ваши увлечения или полностью от них отказаться. Однако, вынужден настаивать, чтобы производство алкоголя на «Олимпе» – в таких гигантских количествах – было прекращено!

- Странно, - только и сумел молвить химик.

- Что странно? – не понял его собеседник.

- Я полагал, что глоток того или иного доброго напитка никогда не повредит – ни нам, ни людям... Кроме того, я обратил внимание, - увлечённо заговорил доктор, поднимаясь на ноги, – что даже у нашей базы, у «Олимпа», абсолютно алкогольные координаты: 40 градусов 5 минут северной широты и 22 градуса 21 минута восточной долготы. Мистика, честное слово!.. Надо обязательно создать такой напиток – и назвать его «Звёздами Олимпа», как вы считаете, профессор?

- Вот что, дружище, вы мне зубы не заговаривайте! – руководитель базы прекрасно понял и раскусил тактический ход коллеги. – Давайте договоримся на следующем: своё самогонование не прекращайте, просто перенесите его куда-нибудь. Считайте сказанное приказом, доктор! Пусть уж Химическая лаборатория базы исполняет свои прямые функции: исследования, напрямую связанные с «Проектом «Земля»». Просто перенесите своё хобби в другое место... В качестве примера могу привести вам доктора Артемиду: своим хобби – песнями и танцами – она занималась не в Зоологической лаборатории, не в собственном кабинете, уважая тишину окружающих, а спускалась к подножию Митикас, в театр доктора Аполлона. Вот и вам советую пощадить носы сотрудников! Я, признаться, шёл к вам с заготовленным ультиматумом, но...

- Спасибо, профессор! – искренне произнёс химик. – Обещаю вам немедленно подумать над услышанным – и принять меры в самое ближайшее время!

- Вот и ладно! – профессор Зевс сделал шаг по направлению к дверям. – Очень рад, что мы друг друга поняли и договорились без лишних эмоций... Кстати, может, мне действительно стоит попробовать вот этого?.. – и он, будто в рассеянности, указал на реторту, в которой бурлилась янтарно-коричневая жидкость.

Так доктор, во мгновение ока, почти лишился и бизнеса, и хобби. После ухода профессора он вновь уселся в кресло, мысленно перебирая, куда можно перебросить производство, причём, как можно скорее. Строить специальное помещение – долго и накладно; к тому же время будет потеряно... А клиенты долго ждать не станут – разбегутся... Вдруг его осенило: Атлантида!!! Разве его друг Эрот откажет ему в помощи?! У него там целый комплекс, неужели он пожалеет для общего дела какой-нибудь сектор – или на худой конец, блок?!

И доктор немедленно связался с генетиком. Эрот сходу пригласил его на обсуждение возникшей неприятности. В результате заседания, длившегося не более пяти минут, друзья решили все свалившиеся на их плечи заботы: доктор гормональных исследований без какой-либо рисовки выделил Дионису двухблочное помещение под приготовление и складирование алкоголя – и тут же повёл гостя на его смотрины.

- Спасибо, Эрот, что приютил меня! – химик с чувством положил руку на плечо своего спасителя.

- Не только тебя, - со смехом ответил тот, - но и всё твоё хозяйство! Сегодня же установлю на двери энергозащиту... Кстати, механического пса также доставишь сюда?

- Не хотелось бы, - печально произнёс доктор Дионис. – Мы к друг другу очень привязаны... общим делом... Лучше я его каждый раз буду приносить с собой, ты не против?

- Конечно, нет! Только на время вашего здесь нахождения буду вас запираю, чтобы его атланты не увидели... Мало ли, что подумают...

Механический пёс, о котором неоднократно шла речь выше, был всеобщим любимцем олимпийцев. Ещё бы: без него не появилось бы огромного количества напитков, которые так радовали и бессмертных, и людей! Правда, ни один из землян никогда не видел того, без чьей помощи он не смог бы наслаждаться алкогольными открытиями Диониса... Кстати, раз уж речь зашла о кибернетическом сподвижнике доктора, необходимо отметить, что причиной для его создания стал более, чем комичный случай.

Задолго до того, когда в лаборатории Диониса появился механический четвероногий друг, доктор неизменно, как и подобает истинному испытателю, любой из созданных напитков проверял на себе. Естественно, производителю надо было увериться, что продукция его безопасна для употребления и не несёт никаких побочных эффектов. Доктор ограничивал свои исследования двумя часами после приёма внутрь очередной микстуры, внимательно следя за собственными ощущениями: нет ли рези в желудке, не возникла ли головная боль, не появляются ли позывы к тошноте... Всё вроде бы шло нормально – до тех пор, пока химик, наворотив чего-то весьма необычного, не пал первой жертвой одного из своих изобретений.

Сейчас он уже и сам не помнил, что это был за напиток и из каких ингредиентов состоял, поскольку после случившегося доктор изъясил его рецепт и вывел из употребления; даже напрягая память на всю катушку, не мог бы поручиться, что у напитка было название – ведь обычно он присваивал своим изобретениям имена лишь после того, когда они проходили необходимые испытания. Единственное, что удержали воспоминания, так это неоспоримый факт того, что питьё оказалось совершенно убойным.

Итак, приняв положенную дозу для тестирования напитка, доктор, как ни в чём не бывало, занялся своими делами, ожидая, пока отведённое на эксперимент время закончится; после этого он намеревался прервать текущие занятия, чтобы придумать название напитку и внести новое алкогольное произведение в реестр.

Однако, случилось необычайное: не прошло и четверти часа, как доктор почувствовал, что его непреодолимо тянет взлететь! Голова была совершенно ясной, поэтому он не мог ошибаться в собственных ощущениях. Да, его тянуло вверх с такой силой, что химик поглубже вжался в кресло, обхватив руками подлокотники, но чувство полной потери собственной массы усиливалось.

Стоило доктору испугаться по-настоящему, как потеря веса внезапно сменилась на свою полную противоположность: теперь его начало плющить, причём, под таким давлением, что Дионис ощутил перемещение внутренних органов. Мгновение за мгновением он ожидал, что под его массой кресло рассыплется в щепки, тем не менее, в результате до сих пор неустановленных причин этого не случилось.

Последним, что удержала память экспериментатора, было ощущение, что давление, откуда ни возмись возникшее, исчезло столь же внезапно, как и появилось; Дионис поднялся на ноги, не испытывая больше никаких неудобств – и вышел из лаборатории в центральный коридор базы...

Об остальном ему довелось узнать от многочисленных коллег, которые – со смехом или сочувствием – поведали химику о его дальнейших приключениях. По их словам, выходило, что доктор, внешне выглядевший совершенно нормальным, никоим образом не ориентировался в окружающем его временном пространстве. Он отказывался узнавать коллег, а ответ на их вопросы о своём самочувствии нёс такой бред, что общаться с ним не представлялось возможным. Друзья, видя полную неадекватность изобретателя, немедленно заподозрили химическое отравление – и немедленно доставили больного в кабинет доктора Гипноса.

Проведя незначительные анализы, поклонник альтернативной медицины установил, что подозрения коллег относительно отравления Диониса не беспочвенны: в его организме было обнаружено повышенное количество некоего вещества, до сих пор толком не описанного, однако, судя по данным, принадлежавшего к группе одноатомных спиртов. Тем временем химик, связанный на кушетке в целях безопасности как собственной, так и окружающих, о чём-то разглагольствовал с воображаемым собеседником; в речи его, довольно тёмной по смыслу, проскальзывали такие слова, как «девушка», «вино» и «одуванчик». Когда доктор Гипнос сделал пациенту несколько восстановительных инъекций, того стошнило – и затрясло в конвульсиях. Впрочем, после манипуляций бросившегося ему на помощь врача, Дионис будто на мгновение пришёл в себя: широко раскрыл глаза, в которых появились проблески разума, и вертя головой по сторонам, тихонько прошептал:

- Где она?

- Кто?! – хором воскликнули собравшиеся, ожидающие окончательного протрезвления почти фатально рискнувшего своим здоровьем оголтелого химика.

- Она! – возбуждённо повторил доктор Дионис. – Та, которая с одуванчиком...

Его друзья недоумённо переглянулись, а пострадавший, уронив голову на подушку, мгновенно захрапел.

- Ничего страшного, это реакция организма на мои пассы! – успокоил коллег доктор Гипнос. – Сон пациента теперь настолько глубок, что разбудить его не смогут даже все фанфары театра Аполлона! Пусть приходит в себя и восстанавливается...

Придя в себя, доктор Дионис выразил бесконечное удивление, оказавшись вне стен собственной лаборатории, где его память удержала последние осознанные мгновения; долго беседовал с лечащим врачом на предмет того, как, почему и с какого времени он лежит спелёнатый по рукам и ногам в кабинете последнего...

- Ну, что тебе сказать?.. – бормотал доктор Гипнос, развязывая пациента и помогая ему сесть на кушетке. – Тебя обнаружили Афина и Эрот, слонявшегося по центральному коридору; ты совершенно не воспринимал окружающий мир – и безостановочно общался с кем-то невидимым... Позвав на помощь проходивших мимо в свой сектора Деметру и Артемиду, они притащили тебя ко мне; к чести твоей надо сказать, что сопротивления ты не оказывал. Потом, связав тебя на всякий случай, я занялся твоим возвращением в привычный мир, на что потребовалось несколько часов, включая и твой последующий сон... Ну и напугал же ты нас, дружище! Хоть бы своё сознание заранее послал в резервную копию!.. Хорошо, что тебя в таком виде не застучал Зевс или кто-нибудь из начальства!

- Но что со мной произошло? – химик схватился за голову. – Я совсем ничего не помню... Прогдегустировал новый напиток... Вышел из лаборатории... И всё: дальше – как отрезало!

- Ну, главное, как говорится, себя не потерять... Дорогой, ты едва не покинул лучший из миров! В твоём организме я обнаружил весьма загадочную субстанцию, которая едва не отправила тебя в путешествие по параллельным Вселенным. До сих пор не могу точно определить её молекулярного состава... Словом, траванулся ты очень нехило, дорогой! Интоксикация больше напоминает наркотическую, нежели алкогольную... Перехимичил ты, дружок, со своими препаратами!

- А дальше? Что было дальше? – не отставал потерпевший.

- Дальше... Дальше, после введения тебе нескольких инъекций, нейтрализующих последствия отравления, ты заблевал весь пол кабинета... Впрочем, я на тебя не сержусь, всё равно думал на днях провести у себя генеральную уборку! – поспешно добавил Гипнос, увидев, как Дионис стыдливо закрыл лицо руками. – Не бери в голову, с кем не случается! Тем более, что ты находился без сознания...

- А с кем я разговаривал, Гипнос? – выдавил из себя спасённый пациент.

- Мне-то откуда знать? Об этом лучше у себя спроси, коллега! – резонно ответил тот. – Только мой тебе совет на будущее: давай-ка, завязывай с подобным тестированием! Ты

слишком хороший специалист, поэтому вовсе не хотелось бы потерять тебя во время какой-нибудь очередной неудачной дегустации...

Доктор последовал предупреждению коллеги; прикинув всевозможные варианты безопасного знакомства с новой продукцией, он отправился к доктору Гефесту за помощью. Конструктор выслушал приятеля и попросил немного обождать; в результате чего через несколько дней появился МД, иначе говоря, механический дегустатор, мгновенно решивший все возможные осложнения в работе первого в человеческом мире алкогольного концерна. Свой прибор доктор Гефест сам принёс в лабораторию заказчика – и под наблюдением удивлённого химика поставил его на пол.

- Что это? – спросил Дионис, со всех сторон разглядывая неведомую машину, устроившуюся возле ножки стола; его поразил факт того, что при этом она двигалась, издавая странное, приглушённое попискивание.

- Прошу знакомиться, - не без гордости ответил изобретатель, - МД! Механический дегустатор, призванный отныне охранять здоровье нашего Диониса, а также, по совместительству, его драгоценную лабораторию от внезапных посягательств!

- Это робот?

- Кибернетическая конструкция, - уточнил доктор Гефест. – Пользуясь его услугами, ты навсегда обезопасишь себя от провалов во время исследований собственных произведений. Он обладает самым настоящим – виртуальным, правда – человеческим организмом, поэтому смело можешь передоверить ему все тесты, которые доселе опытным путём проверял на себе. Кроме того, после каждой дегустации он выдаст тебе подробный отчёт о состоянии организма потребителя после принятия жидкости в то или иное время. Этот процесс можно ускорить, или наоборот, замедлить...

- То есть, как это?

- Ты можешь потребовать отчёт о физическом состоянии через, скажем, четверть часа после тестирования напитка - или сразу через два часа, задав специальную программу ускоренного реагирования. Могу тебе объяснить подробнее – или, может, следует оставить инструкцию пользователя? – улыбнулся конструктор.

- Нет, полагаю, что сам научусь управляться с этой штуковиной...

- В этом нет ничего сложного, поверь! – продолжал Гефест. – Главное, в чём ты никогда не ошибёшься, так это следить за его глазами: зелёный цвет означает, что продукт совершенно безопасен – и его смело рекомендует к употреблению Минздрав имени Диониса. Жёлтый цвет предупреждает о том, что в составе тестируемого напитка находятся подозрительные вещества, угрожающие организму лёгкой степенью интоксикации – и МД выдаст тебе подробный список этих самых веществ. Если глаза киборга во время пробы жидкости загорятся красным – знай, что он только что отведал на вкус самой настоящей смерти! Может быть, тебе, как химику, и будет интересно в деталях, что ты там наворотил, тогда получи отчёт – и исследуй собственные ошибки на здоровье; однако, приготовленное в подобном соотношении ингредиентов напитков смело можешь спускать в унитаз!

- Действительно, это очень умная и ценная машина! – доктор Дионис похвалил аппарат, продолжавший попискивать. – Кстати, а почему у неё теперь глаза синего цвета, Гефест?

- Синий цвет означает готовность к работе и ничего более, - ответил тот.

- Но почему ты придал механическому дегустатору такую странную форму? Почему не сотворил его в человеческом облики?

- Считаю это просто моей блажью, - простодушно сказал конструктор. – Хотелось создать нечто маленькое, ласковое, напоминающее собачку профессора Горгоны... Вот я и решил намного повыкаблучиваться: в придачу к виртуальному человеческому организму встроил в этого малыша все щенячьи инстинкты... только вот лаять он не обучен...

- Да уж, - улыбаясь, заметил доктор химии, заметив, как из мордочки существа на пару сантиметров высунулась игла-акцептор – и мгновенно исчезла. – Если тебе кажется, что два поставленных друг на друга металлических треугольника, снабжённые четырьмя лапками, напоминают щенка, то у тебя что-то не в порядке с визуальным восприятием!

- Много ты понимаешь в гротеске! – ответил доктор Гефест. – Это существо – настоящий шедевр не только синтеза механики и биологии, но и...

- Ладно, ладно, дружище! Я вовсе не хотел умалить твоей творческой мысли и полёта неуёмной фантазии! – химик похлопал приятеля по плечу. – Несказанное тебе спасибо за подарок, Гефест! Считаю тебя в долгу за него; придёт время – и я обязательно назову какой-нибудь напиток в твою честь!

- Принято! – тряхнул головой конструктор. – Только сделай что-нибудь покрепче...

- Обязательно! Но ведь и простым пивом, принимая во внимание количество, вполне можно надраться вусмерть! – доктор Дионис усмехнулся. – Хорошо, я посмотрю, что у меня получится...

Так на «Олимпе» появился новый обитатель, практически не покидавший химической лаборатории. В работе доктора Диониса он стал просто незаменим, экономя тому время и сведя к нулю риск последнего повторить свой печальный, едва не стоивший ему существования, подвиг. Механический пёс, как стал именовать его доктор и другие олимпийцы, верно нёс свою службу; всякий раз, едва ли прикоснувшись иглой-акцептором к испытуемому по всем параметрам напитку, он сразу же выдавал всю его характеристику: как химический состав, так и возможные последствия для человеческого организма. Работа доктора упростилась до невозможного: лишь получив жидкость на анализ, металлический, лишённый эмоциональных окрасок голос машины громко заявлял:

- Состав: вода, виноград, сахар, спирт, глицерин, органические кислоты. Крепость: 21%. После 1-2 литров – угроза головокружения, 3-4 – тошноты. Согласно принятой классификации, причисляю напиток к креплёным винам.

Или:

- Состав: ячмень, вода, спирт. Крепость: 42%. Пол литра могут привести к полной потере контроля. Последствия: сухость во рту, головная боль, тошнота, другие крайне неприятные физиологические эффекты вследствие алкогольно-абстинентного синдрома. Согласно принятой классификации, причисляю напиток к виски.

По дополнительной просьбе своего оператора, механический пёс мог выдать более подробный расклад тестируемой жидкости, включая химические формулы мельчайших ингредиентов, а также их анализ на субатомном уровне. Доктор просто не знал, как благодарить коллегу за роскошный подарок. К тому же он весьма подружился со своим механическим четвероногим, относясь к нему не просто как вспомогательному аппарату, но как к полноправному с ним сотруднику базы «Олимп».

Время шло, но воспоминание о едва не завершившемся трагедией эксперименте всё не покидало доктора химии; мысленно он неизменно возвращался к тому дню, когда, напрочь лишённый рассудка, он топтался по коридорам базы, разговаривая с невидимым собеседником – и очнулся на кушетке в кабинете доктора Гипноса. Мысли об этом не давали ему покоя, пока он, наконец, не решился дать бой внутренним демонам – и отважился на энцефалографию проведённых вне сознания мгновений. Для этого ему потребовалось вернуться во времени – и спроецировать увиденную в бессознательном состоянии картинку на монитор персонального компьютера...

Он увидел, что находится на бескрайнем зелёном лугу; вернее, он находился на дороге, ведущей через этот луг – оба её конца упирались в небо, исчезая за линией горизонта. Ландшафт природы ничем не отличался от эллинского: где-то вдалеке возвышались горы, над которыми светило полуденное солнце.

Сперва доктору показалось, что в этом мире он совершенно один, пока, приглядевшись, он не заметил движения на дороге: маленькое белое пятнышко приближалось к нему, постепенно увеличиваясь в размерах; доктор присмотрелся ещё внимательнее – и понял, что навстречу ему идёт девушка. Одета в хитон, поверх которого не по сезону была наброшена хляйна, она уверенно приближалась к доктору; на ногах её были сандалии, украшенные многочисленными ремешками. Волосы её были ослепительно-чёрными и распущенными по плечам.

- Хайре, Дионис! – произнесла незнакомка мелодичным голосом, легонько касаясь руки удивлённого химика.
- Хайре, прекрасная дева! – он положил руку на сердце. – Что ты делаешь в таком пустынном месте?
- Пришла, чтобы поговорить с тобой, о повелитель пива, водки, коньяков, ликёров, виски и тому подобных вкусовностей!
- Постой, постой! – обеспокоенно произнёс учёный. – Кто рассказал тебе об этих напитках?! Ведь большей части из них в мире ещё не существует! То есть, они существуют в моём персональном каталоге, но их просто запрещено выносить из лаборатории! В своё время каждый из народов откроет их, но...
- ...но когда-нибудь они всё равно появятся! – подсказала ему девушка, плотнее заворачиваясь в хляйну. – Мне известны многие тайны, Дионис, о которых даже не подозревают другие! Дело в том, что я не такая, как все...
- Почему? – любопытно спросил он, чувствуя крайнюю заинтересованность в происходящем: девушкой, взявшей ся ниоткуда и рассуждающей о лишь ему известных предметах; местом, в котором он оказался, хотя и не мог сказать себе, каким именно образом; всем этим до реальности нереальным миром, необычность которого только подчёркивалось ведущей из ниоткуда в никуда дорогой, на которой больше нельзя было разглядеть ни единого движения...
- Ну, просто не такая! Например, я вижу то, чего не могут видеть остальные; могу слышать то, что не дано услышать другим; мои ощущения также весьма отличны от восприятия иных людей...
- А почему ты кутаешься в хляйну? – Дионис ещё раньше обратил внимание на подобную несуразность, но лишь теперь вспомнил об этом. – Разве тебе не жарко? Так тепло, а ты носишь одежду, предназначенную для холодной погоды...
- Я же говорю тебе, что я – не такая, как другие! – с улыбкой повторила девушка. – Иногда я прихожу сюда посмотреть, как поднимается или встаёт солнышко; иногда – послушать, как поют птички...
- Не понимаю тебя, - пробормотал Дионис, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. – Я до сих пор не услышал – и даже не увидел ни одной из них! Солнце, положим, я ещё в состоянии рассмотреть, но...
- Вот! – девушка со значением подняла вверх указательный пальчик. – Об этом я и хочу сказать! Птиц ты не слышишь. Солнце, как ты говоришь, ты в состоянии рассмотреть, но не увидеть!
- Погоди, - осенило доктора. – Как же я сразу не догадался! Ты – бессмертная?
- Не знаю, - сходу ответила она. – Никогда об этом не задумывалась... Всё, что меня окружает – бессмертно. И если я прихожу сюда, когда и сколько захочу – возможно, что бессмертие распространяется и на меня...
- Интересно, я сейчас сплю? – спросил себя Дионис, вновь оглядываясь по сторонам; ни вдалеке, ни рядом, казалось, не произошло ни малейших перемен.
- А ты ущипни себя, - посоветовала незнакомка. – Проверь на себе старинное поверье!
- Не работает! – сознался тот, проделав необходимое действие. – Итак, сплю! Или уже представился...
- Ни то и ни это! – рассмеялась девушка. Задумчиво посмотрела под ноги, а потому – прямо ему в глаза. – Скажи мне, Дионис, ты влюблён?
- Что? – не понял химик.
- Я спрашиваю: ты влюблён? – повторила она, опускаясь и срывая с земли одуванчик.
- Наверное... Я всегда влюблён, - пробормотал доктор. И для пущей вескости добавил. – Я же Дионис! Пусть не Эрот, однако любовь для меня – отнюдь не пустой звук!..
- Говорят, что если провести под носом цветком одуванчика, то сразу станет ясно, влюблён ты или нет, - игриво произнесла девушка, приблизившись к доктору на расстояние ладони. – Если губа пожелтеет, значит, точно влюблён! Попробуем?

- Пожалуйста! – нерешительно пожал плечами Дионис; пока она проводила над ним эту необычную операцию, химик едва не чихнул.

- Ничего! – разочарованно ответила незнакомка, на сей раз проведя цветком по собственной губе. – А как дела на моём любовном фронте?

- Весьма милые жёлтые усики! – засмеялся доктор. – Ты очень красива, прекрасная дева! И весела... И игрива... Ну, прямо как хорошее вино!.. Стоп! – его осенило вторично. – Раз уж тебе известен род моих занятий, то могу сделать тебе маленький подарок: хочешь, я в честь нашей встречи, в честь тебя, изобрету новый сорт вина – и назову его «Одуванчиком»?!. Впрочем, нет: лучше пусть так и будет – «Вино из одуванчиков», хоть из названия становится ясен набор ингредиентов...

- Спасибо, Дионис! Но не стоит утруждать себя рецептами: такого сорта вино когда-нибудь забродит и настоится даже без твоей помощи!..

- Опять не совсем тебя понимаю, но пусть будет так, как ты хочешь, – согласился доктор, по-прежнему наблюдая за девушкой.

- Главное, Дионис, это всегда обладать чистым сознанием; когда оно полностью охватит тебя, тёмное бессознательное исчезнет, – поучительно произнесла она, пряча одуванчик под хлайну. – Вот тогда можно будет услышать хлопок одной ладони... или увидеть лицо своего правнука задолго до рождения своего прадеда...

Вдруг картинка начала темнеть; мгновения спустя она из цветной обратилась чёрно-белой и стала распадаться на части; незнакомку закружило в каком-то смерче, следом за ней полетела дорога, поле, далёкие горы и солнце... Последним смерч затянул и самого Диониса...

Закончив просмотр энцефалограммы, доктор задумался над увиденным: что бы оно могло означать? То, что он – самое несчастное существо на бессознательном уровне?! То, что надо больше медитировать, чтобы меньше встречаться со своим подсознанием?! Рассуждая над этим, он вспомнил о самом провалившемся изобретении, пробирку с несколькими граммами которого хранил в лаборатории как памятник собственной неудаче... И мысли его потекли по другому руслу, направив доктора в совершенно иную область исследований. Дотошно разобрав жидкость на молекулярные составляющие, доктор Дионис выявил в остатках «гибельной» подборки сильнодействующее психоактивное вещество. После не особо длительных трудов ему удалось синтезировать его экстракт. Химик поражался: как этот неизвестный ему ранее элемент смог попасть в реторту с приготавливаемым напитком?! Откуда он взялся и когда попал в стерильную лабораторию?! Однако, доктор решил не сдаваться – и раз и навсегда выяснить причину возникновения и силу воздействия этого странного препарата.

Исследования велись за закрытыми дверями; учёный ни с кем не делился тайной своих занятий. После долгого и самого настоящего расследования выяснилось, что таинственный препарат являл собой споры некоторых совершенно земных растений, которые, вероятно, оказались занесёнными в лабораторию, буквально, сандалиями доктора Гермеса, носившегося по всему свету; очевидно, часть их вполне могла попасть воздушным путём и в реторту с новым напитком. Проведя массу побочных исследований, для консультации в которых доктор дистанционно привлёк нескольких ботаников из Биологических лабораторий базы, он в скором времени смог представить в «Чертоги» Афины абсолютно новую продукцию: курительные смеси различной степени воздействия. Естественно, изобретение могли посчитать незаконным – а главное, вневременным! – поэтому его употребление держалось в тайне от высшего начальства «Олимпа»; впрочем, табачные изделия, иногда даже с лёгкими примесями, были в относительном ходу по всем базам. Если же эллины случайно умудрялись увидеть кого-либо из бессмертных с сигаретой в зубах – как, например, позже случилось с доктором Афиной, – то непонятные по назначению дымящиеся палочки люди неизменно приписывали особым нуждам своих «богов».

После того, как доктор Дионис прочитал желающим несколько обещанных лекций по основам химии и несколько раз пригласил их в буквально вылизанную перед появлением гостей лабораторию для наглядных химических опытов, он вполне мог считать себя ничем более несвязанным по отношению к руководителю базы: обещанные начальству «Олимпа» курсы были закончены, поэтому доктор мог вернуться к временно прерванным занятиям. Можно сказать, что он дневал и ночевал на Атлантиде, восстанавливая за время своих исследований и расследований слегка пошатнувшийся алкогольный бизнес. Поскольку у Зевса и старших бессмертных не было к его дальнейшей деятельности ни малейших нареканий, доктор – также с позволения своего друга-генетика – реформировал отведённый для его пользования блок: с помощью помогавших ему атлантов перенёс и установил в надлежащем порядке необходимую аппаратуру; с невероятной аккуратностью разместил в месте складирования новой продукции пока пустые амфоры и контейнеры для их транспортировки; в помещении, предназначенном под конвейер и упаковочную камеру, поставил в углу огромный, также сделанный по его просьбе доктором Гефестом агрегат, на боку которого красовалась надпись, залихватски помещённая туда самим конструктором: «Гарантирован один миллиард пробок!» Вскоре новый производственный цех заработал на полную мощность, и партнёры Диониса едва успевали справляться с принятыми на себя обязанностями.

Казалось, недостатка в изобилии и разнообразии напитков не предвидится – и это было так; однако, среди их количества не было ни одного, чтобы носил имя самого их изобретателя. Первым обратил внимание на это досадное упущение никто иной, как сам доктор Эрот, арендовавший другу помещение для алкогольных экспериментов.

- Слушай, Дионис, почему среди огромного множества веселья, закупоренного в чудесные амфоры, до сих пор отсутствует хотя бы одно питьё, названное в честь тебя? Как-никак, лишь благодаря твоим заслугам, все мы – и бессмертные, и люди – имеем возможность наслаждаться поистине божественными экстрактами от матери-природы и твоих безупречных познаний в химии! Кстати говоря, даже атлантам уже стало кое-что перепадать из твоих открытий... Почему бы тебе не назвать какой-нибудь изумительный напиток своим именем?

- Не знаю... Как-то никогда об этом не думал, - пробормотал доктор, возясь с какими-то препаратами на лабораторном столе; вокруг него бурлили жидкости в колбах, а урчащий под его ногами механический пёс, судя по его синим глазкам, изнывал в ожидании работы. Словом, атмосфера была самая что ни есть творческая.

- А ты подумай, дружище! – не отставал от него генетик. – Сам посуди: в мире полным-полно твоих произведений, носящих имена любого из участников «Проекта «Земля»»: тут тебе и Зевс, и Гера, и Аполлон, и даже я... Ты увековечил в названиях и на этикетках всех олимпийцев без исключения! Да что там олимпийцев: с твоей подачи появились напитки, носящие имена сотрудников всех трёх расположившихся на планете баз! Кстати, некоторые из них имеют аж по несколько категорий крепости, например, «Кербер»... Почему же ты столь несправедливо вывел из существующего списка себя самого?!

- Аид его знает, - пожал плечами химик. – Повторяю, Эрот: это никогда не приходило мне в голову...

- Дарю тебе эту ценную идею! – засмеялся его друг. – Придумай рецепт на своё усмотрение – и назови его, скажем, «Пляска Диониса» или «Дионис Неповторимый»...

- Чересчур вычурно и высокопарно, - покачав головой, Дионис с ходу отверг предложенные Эротом варианты. – Надо бы что-нибудь поскромнее и позагадочнее...

- Ну, ты же больше меня смыслишь в этике и в поэтике, разберёшься сам! – развёл руками приятель. – Ну ладно, не буду отвлекать тебя от дел...

Доктору не то, чтобы очень пришлась по вкусу идея, подаренная товарищем, тем не менее очевидная несправедливость была налицо: действительно, почему из всей массы уже имевшихся напитков нет ни одного, названного в честь их открывшего?! Согласно всем вселенским традициям, имя изобретателя имеет полное право венчать совершённое им

изобретение или открытие... Так или иначе, доктор решился на это, иначе летопись земных алкогольных изобретений рисковала оставаться без своего хрониста.

Для этого он надумал сыграть в орлянку с судьбой: пригласил в производственный блок коллегу Ананке – и, выпив с ней под хорошую закуску, задал своей аппаратуре программу произвольного выбора компонентов будущего – и возможно, заключительного – напитка. После того, как ингредиенты были отобраны, а слегка покачивающаяся Ананке покинула Атлантиду, доктор запустил следующий процесс, рассчитывающий соотношение случайно избранных для напитка веществ друг к другу. Ещё несколько минут аппараты перегоняли жидкость по трубочкам от одного к другому, прежде чем химик подпустил к ней своего механического дегустатора.

- Ну-с, преступим! – молвил доктор, протягивая мензурку к мордочке электронного помощника, вердикт которого обычно венчал почти все предыдущие открытия.

Тот, завивая от радости металлическим хвостиком, сунул в отверстие посуды иглу-акцептор – и заурчал громче; в момент процесса обработки данных глаза его попеременно сверкали всеми цветами радуги. Наконец, глаза машины окончательно позеленели – и механический голос произнёс:

- Состав: ячменный солод, рожь, вода, спирт. Крепость: 45,1%. Пол литра обязательно приведут к полной потере контроля. Последствия: сухость во рту, головная боль, тошнота, другие крайне неприятные физиологические эффекты вследствие алкогольно-абстинентного синдрома. Согласно принятой классификации, причисляю напиток к виски. Даже не требуя подробного анализа новорождённого напитка, доктор, скрестив руки на груди, задумался о его названии. Ему крайне не хотелось чего-нибудь велеречивого, поскольку, как известно, самовосхваление всегда дурно пахнет, поэтому он решил ограничиться всего лишь приставлением своего имени к крепости только что открытого напитка. Подобное решение показалось ему оптимальным: оно отвечало заданной претензии на таинственность – не попробуешь, не узнаешь! – и вполне удовлетворяло скромному желанию изобретателя не остаться безвестным.

В «Чертогах» Афины новый напиток был принят на ура; несмотря на простенькое название и дизайн амфоры, «45,1 градус по Дионису» в самое короткое время попал в рейтинг наиболее употребляемых коллегами увеселительных микстур. Естественно, как полученное и синтезированное задолго до времени своего появления новое питьё, напиток не мог выйти за пределы «Олимпа», «Океана» и «Тартара». Многочисленный персонал всех трёх баз остался непередаваемо счастлив, получив в своё распоряжение новый вид амброзии, отличавшийся изысканным сочетанием вкуса и крепости; к названию у сотрудников претензий не было, а если подобные и возникали, то доктор неизменно отвечал на это следующим образом:

- Подумаешь, буквы небольшие да картинка неброская! Дело-то, коллеги, в самом содержимом, а не в его оболочке... Не судите о напитке по его посуде!

Можно отметить и то, что более всех не могли нахвалиться напитком непосредственно руководители баз – профессора Зевс, Посейдон и Аид, которые, будто по предварительному сговору, сделали его неизменным спутником совещаний своего триумvirата. Руководитель «Олимпа» настолько полюбил «45,1 градус по Дионису», что решил сделать его изобретателю небольшой подарок. По этой причине он однажды и пригласил химика в собственные апартаменты.

- Дорогой коллега, поразмышляв на досуге – кстати, не без чудесной помощи вашего детища! – профессор указал рукой на рабочий стол, на одном из углов которого стоял большой кувшин упомянутого напитка, - я вспомнил, что вы довольно долгое время находитеесь без положенного отпуска... Ведь особенно в последнее время вы трудитесь, не разгибая спины: изобретения, бизнес, изобретения – и так по кругу... Не хотите ли немного освежиться от работы и несколько месяцев провести вне базы? Обещаю вам, что лишь за открытие вот этой волшебной штучки, - он вновь указал на стол, - вы заслуживаете самого комфортного отдыха!

- Вы шутите, профессор? – недоверчиво произнёс химик, привыкший, что раз уж начальство вызывает его для персональной беседы, то положительных последствий после проведения таковой обычно не предвидится.

- В моих словах вы ухитрились обнаружить что-нибудь смешное? – собеседник доктора растерянно двинул бровями. – Нет, я говорю вам совершенно серьёзно: дорогой, вам следует отдохнуть от работы! Вот сейчас подпишу приказ – и отправляйтесь, куда угодно! Хоть домой! А после, набравшись сил, вернётесь – и приступите к продолжению ваших исследований...

Доктор Дионис перевёл дыхание: он никак не ожидал, что вызов начальника может быть продиктован столь банальной причиной; хоть справедливость и отходчивость собеседника были общеизвестны, филантропия явно не находилась в числе особо любимых занятий профессора.

- Отпуск?! На несколько месяцев?! – доктор не счёл нужным скрывать радость от услышанного. – Это же просто замечательно!

- Вот и я об этом, коллега! Развейтесь где-нибудь, но только без особого шика: доктор Гера вам этого не позволит! Словом, оправляйтесь на все четыре – или, вернее, на все известные нам шестьсот восемьдесят две – стороны света!

- Хм... А можно мне не покидать планеты? – полюбопытствовал доктор, вспомнив, что у него, помимо работ на Атлантиде, осталось множество незавершённых дел. – Дома меня пока никто не ждёт...

- Это ваше полное право! – ответил тот, наливая себе и коллеге по бокалу из заветного кувшина. – Проложите свой приблизительный маршрут – и отправляйтесь в путешествие! Зайдите к завхозу, получите необходимое, если таковое вам понадобится... Итак, - профессор с улыбкой поднял бокал, - за ваш заслуженный отпуск!

Таким образом, доктор оказался на некоторое время абсолютно свободным, о чём он немедленно уведомил партнёров по бизнесу. Передав ведение дел в руки коллег Гермеса, Эрота, Ареса и Гефеста, он решил заняться тем, что давно зрело в его голове, а именно: провести социальный опрос среди бессмертных, людей и даже атлантов на предмет употребления ими спиртных напитков – ему давно уже хотелось составить рейтинг продукции собственного концерна. Поклявшись себе помнить, что он, как-никак, находится в отпуске, учёный, совмещая по своему обыкновению приятное с полезным, наметил себе посетить все уголки Эллады, где имелись его торговые представительства. Получив у доктора Геры средства для проведения намеченного путешествия – а их оказалось так немного, что ему пришлось воспользоваться алхимическими навыками доктора Гермеса, чтобы пополнить свою казну отдыхающего – Дионис на следующий день отправился в путь. Однако, даже наслаждаясь полной свободой и созерцанием величественной природой Эллады, доктор ничуть не позабыл о своих намерениях попутно совершить соцопрос на крайне интересующую его тему. Поэтому, когда он остановился для непродолжительного отдыха в Ларисе, созерцая красоты извивов полноводного Пенея, каждый из сотрудников всех трёх баз получил на персональный компьютер полушутливое письмо следующего содержания:

«ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

Торговому дому и сети алкогольных магазинов «Лавка Диониса» представляется необыкновенно важным доподлинно узнать, как Вы оцениваете качество производимых концерном напитков. Вы имеете полное право высказать пожелания или критику в адрес указанной продукции, если таковые найдутся.

Также хотелось бы знать некоторые детали Вашего отношения к производимым напиткам вообще, например, как часто Вы их употребляете, каким именно отдаёте предпочтение, как их принимаете и в каких количествах. Все предоставленные Вами данные будут носить конфиденциальный характер и ни при каких условиях не станут достоянием гласности: сохранность Ваших откровений гарантирует Администрация «Лавки Диониса».

ПРИМЕЧАНИЕ: это не провокация Совета Вселенского Научного Конгресса, проверяющего подчинённых на допустимые в обществе пристрастия!

ПОДПИСЬ: доктор Дионис.

ОГРОМНАЯ ПРОСЬБА заполнить приложенную ниже анкету, отметив выбранный Вами вариант ответа галочкой. Итак,

1 КАК ЧАСТО ВЫ ПРИБЕГАЕТЕ К АЛКОГОЛЮ?

Вообще не употребляю (напрягая фантазию, допустим такое).

Раз в месяц.

Раз в неделю.

Раз в день.

Это двигатель моего существования и творчества!

2 КАКОЙ НАПИТОК ВЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ?

Пиво.

Вино.

Ликёр.

Джин.

Водка.

Коньяк.

Ром.

Самогон.

Бренди.

Виски.

Абсент.

3 НАИМЕНОВАНИЕ ВАШЕГО ЛЮБИМОГО НАПИТКА (развёрнутый каталог изделий прилагается)?

Специальный ответ: «45,1 градус по Дионису»! Только!

4 ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПОРЦИИ НАПИТКА, ВЫ ЗАКУСЫВАЕТЕ?

Да.

Нет.

Иногда.

Ты в своём уме?!

5 ВЫ ПРЕДЛОЖИЛИ БЫ ВЫПИТЬ ЗЛЕЙШЕМУ ВРАГУ (допустим наличие такового) ИМЕННО (развёрнутый каталог изделий прилагается)...

6 ПРИНЯТИЕ АЛКОГОЛЯ ПОБУЖДАЕТ ВАС ЗАНЯТЬСЯ

Настольной хореографией.

Развитием внезапно появившегося вокального дарования.

Цирковыми номерами наиопаснейшей категории.

Медитацией на предмет смысла или бессмыслия бытия.

Да пошёл ты!

7 В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ ВЫ ПРЕДЛОЖИЛИ БЫ БЛИЗКИМ ПОСЕТИТЬ

Театр Аполлона.

Курсы психотерапии Гестии.

Спортивный комплекс Геракла.

«Лавку Диониса».

ДОПОЛНЕНИЕ:

8 НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГО У МЕНЯ ИНТИМНЫХ ВОПРОСОВ?

Да.

Нет.

Почему же? Отличное интервью! Ты действительно не намерен его опубликовать?!

Ты отвлек меня от процесса возлияний, болван!

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЕН ЗА ВАШИ ОТВЕТЫ!

ПОМНИТЕ: не судите о напитке по его посуде!

НАСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА: в целях получения наибольшей информации, предложить подобные вопросы знакомым людям и атлантам (исключив из вопросника, естественно, ещё незнакомые настоящей эпохе и региону напитки).

С уважением, Ваш доктор Дионис.»

Можно добавить, что химик ещё в первые дни своего путешествия был буквально засыпан многочисленными ответами коллег, однако, поскольку никакого отчёта доктора о результатах опроса в Межгалактическую Ассоциацию Инфоохранилищ так и не поступило, то, надо полагать, что все они носили весьма правдивый, откровенный характер.

А каникулы Диониса продолжались; несмотря на полноценный отдых, путешествие отбрасывало-таки некую тень полугомерческого вояжа. Доктор, всеми любимый и узнаваемый, по-прежнему мучил эллинов своим коварным вопросником и проверял деятельность торговой сети собственных учреждений. Передвигаясь по стране, он благословлял профессора Зевса, столь вовремя подарившему ему возможность и мир посмотреть, и дела порешать; в ходе его долгосрочной отлучки с «Олимпа» ничего примечательного не случилось: последние новости он узнавал от доктора Гермеса, с которым поддерживал почти постоянную связь. Однако, стоило химику закончить свой поход по суше и сесть на один из тирренских кораблей, как с ним случилось неслыханное приключение, равно вошедшее в историю бессмертных, и – в довольно искажённом виде – в эллинскую мифологию.

Инспектируя торговые точки на многочисленных островах Эгейского моря, доктор, как было сказано, воспользовался услугами тирренских моряков, чтобы до этих самых островов добраться. Персональным телепортером Гермеса или скоростными лайнерами Ареса ему пользоваться не хотелось: ведь так романтично было поплавать меж островков архипелага на самом обычном человеческом судёнышке! Команда корабля отличалась трудолюбием, поэтому он довольно быстро ухитрился посетить большую часть представительств своего концерна. Однако, за время плавания моряки, не принадлежавшие к коренному населению Эллады, с удивлением узнали, что их пассажир – не просто эллинский чиновник высокого ранга, каким они его себе представляли до сих пор, а великий Дионис, изобретатель всевозможных алкогольных напитков! Естественно, заполучить в свои руки непревзойдённого мастера по части веселящего питья стало их главным побудительным мотивом; корабельная команда, узнав о том, кто именно находится у них на борту, сошлась в трюме на специальное совещание, после которого единогласно постановила: Диониса пленить – и назначить за него неслыханный выкуп его же собственной продукцией!

Во время рейса между Икарией и Наксосом, когда доктор блаженствовал на палубе под тентом и с бокалом пива в руке, к нему приблизился капитан судна – и вежливо сообщил ему, что с этого мгновения он может считать себя пленником команды. Мягко, но в ультимативной форме, он добавил, что требует за жизнь Диониса трюм и всё свободное пространство на палубе заполнить алкоголем – и не потерпит никаких возражений последнего.

- А что, кроме меня вам больше пленять некого? – доктор не счёл нужным даже для приличия удивиться от услышанного.

- Увы, дорогой, - заверил его капитан, - кроме тебя, на судне больше нет пассажиров! Итак, с нашими условиями ты ознакомлен. Команда даёт тебе час на размышления: или ты соглашаешься – и в ближайшем порту наполняешь корабль под завязку своим сногшибательным товаром, - при этих словах моряк облизнулся, - или мы вышвырнем тебя за борт! Думай, Дионис, время пошло!

Сторожить химика не было смысла: захватившая его корабельная команда превосходно понимала это, поэтому люди продолжали заниматься своими делами, не обращая на него

ни малейшего внимания. Как только капитан отошёл от пленника и скрылся в трюме, доктор связался с коллегой Гермесом:

- Хайре, дружище! Как дела, как настроение?

- Да вот, преподаю бухгалтерам основы счетоводства... Что у тебя? Всё путешествуешь?

- Да, наслаждаюсь заслуженным отдыхом!..

- Как там наши отдалённые офисы в Эгейском море? Как прибыль?

- Всё в полном порядке, хотя тебе следует заглянуть на несколько островов архипелага: кое-где, в результате восстаний рабов, началась бешеная инфляция... Разберись с этим, по возможности, скорее – ты же мастер в таких делах...

- Без проблем, дружище! Проведу ещё пару уроков – и слетаю туда, гляну, что можно будет сделать...

- Кстати, я отрываю тебя вовсе не по этому поводу, Пилот! – доктор с удовольствием хлебнул пива. – Не поверишь: меня только что в плен взяли!

- Что?! – не понял его собеседник. – Какой ещё плен?!

- Да самый настоящий: несколько дней назад я сел на корабль, чтобы прошвырнуться по нашим дилерам на островах; пока плавал, моряки на судне – кстати, все они не местные – узнали в каком-то из портов от эллинов, кто я такой – и несколько минут назад взяли меня в плен, требуя выкупа...

- Иди ты! – присвистнул доктор медицины. – И что, тебя заковали в кандалы? Бьют плетью? Тянут по волнам за кораблём, на верёвке?

- Ничего подобного! Сажу под тентом, лакоплюсь пивком... Меня даже никто не стережёт, что вообще обидно! Капитан предупредил, что у меня час на то, чтобы дать им ответ, согласен ли я на выкуп – и, в случае отказа, грозился выбросить меня в синее море...

- Офигеть! – вновь присвистнул Гермес. – А что за тебя хоть просят?

- Вот-вот, теперь уж точно можешь офигевать: не больше, ни меньше, как набить нашей продукцией всё их корыто по самую ватерлинию! Словом, чтобы на корабле не осталось и места, на котором нельзя было бы уместить даже самого маленького кувшинчика...

- Что думаешь делать, Дионис? – после краткого молчания спросил коллега. – Помощь нужна?

- Да брось ты! – беззаботно ответил тот. – Неужели сам не вывернусь?

- Что же, уплатишь выкуп?

- И не подумаю! Ещё чего не хватало: я, в поте лица, создаю отменный товар – и, на тебе: ни за что ни про что отдавай его каким-то тирренским морякам! Не то, чтобы мне было жаль, но, Аид меня побери, потворствовать подобному – на мой взгляд, гораздо большее преступление, нежели брать меня в заложники и требовать выкуп!

- Почему ты так решил, Дионис?

- Всё просто: пока я не поднялся на борт и моя личность не была раскрыта, эти люди были честными тружениками, зарабатывающими на хлеб довольно опасной, однако, благородной профессией: перевозкой пассажиров и грузов по морям... Следовательно, они – честные люди. Стоило им раскрыть моё инкогнито, как они потянулись к лёгкой наживе... Если это не пресечь, мало ли, чем они займутся в будущем? Глядишь, от пленения других несчастных перейдут к откровенному пиратству и вооружённым ограблениям портов...

- Согласен с тобой, - поддержал его друг. – Но что намерен делать?

- Вот сейчас и подумаю, - невозмутимо ответил тот. – Времени-то у меня хоть отбавляй!..

- Может, сообщить о твоём положении коллегам на «Океан»? Они немедленно вышлют за тобой спасательный катер! Тогда пусть тебя эти ребята хоть сто раз бросают за борт...

- Честно говоря, не очень хочется промокнуть, - химик допил пиво и поставил пустую посуду рядом. – К тому же я так хорошо попил пивка, не охота в не совсем трезвом состоянии купаться...

- Чепуха! Как раз и протрезвеешь! – засмеялся доктор Гермес. – Ладно, если что-нибудь пойдёт не так, я всегда на связи!

- Отлично, Пилот! Отбой.

Тем не менее, напоминание коллеги о базе, находящейся в водяных глубинах планеты, подало доктору Дионису идею – и он тут же связался с профессором Горгоной.

- Здравствуйте, профессор! Доктор Дионис беспокоит... Не особо отвлекаю от дел?

- О, сколько лет, сколько зим! – услышал он приятный голос биолога. – Ничуть, я как раз собиралась немного отдохнуть: как-никак, обеденный перерыв... Что-нибудь случилось, доктор?

- Как вам сказать... Мне нужна ваша помощь, коллега: нет ли у вас в лаборатории дрессированных дельфинов?

- У меня – нет, а вот у коллеги Фетиды, насколько помню, было такое увлечение... Мне поинтересоваться у неё или вы сами с ней свяжетесь?

- Да, пожалуй, я лучше поговорю с ней... А вам, профессор, огромное спасибо за подсказку!

- Не за что, доктор! Всегда к вашим услугам...

Мгновением спустя доктор уже разговаривал с Фетидой, которая разом решила его вопрос: в аквариуме, находящемся в её ведении, имелось около десятка этих грациозных, великолепно обученных существ; Дионису оставалось указать биологу координаты своего местонахождения – и в установленное время ждать первого в истории человечества дельфиньего шоу.

Когда отведённое доктору время истекло, капитан, сопровождаемый командой, возник перед ним, интересуясь, как же насчёт выкупа? «Пленный» дал сигнал Фетиде – и выпрыгнувшие из-под воды дельфины устроили такое умопомрачительное синхронное выступление, что тирренские моряки, посчитав поведение животных знаком свыше, сразу же отказались от своих планов на Диониса. Они падали на колени и бились головой о палубу, умоляя доктора о прощении; более остальных усердствовал капитан, поскольку именно он являлся автором нечестивой затеи. Кое-кто из команды от удивления и страха даже свалился за борт; правда, доктор позволил разбойникам-неудачникам выловить своих приятелей из воды. А после Диониса доставили на нужный остров – и вскоре доктор успешно завершил как осмотр своих торговых точек, так и отпуск.

- Это надо было видеть! – смеялся химик, вернувшись после своих приключений в родные «Чертоги» Афины, где рассказывал о случившемся с ним коллегам. – Какие у ребят были лица, когда дельфины синхронно отмачивали тройное сальто-мортале!

- Да ладно тебе! – прокомментировала услышанное хозяйка «Чертогов». – Всё равно эллины до неузнаваемости перепишут твою эгейскую историю: честные моряки станут не только закоренелыми злодеями-пиратами, но и самими дельфинами в конце концов... В наказание, чтобы, дескать, более не похищали олимпийских небожителей, обратил их дельфинами великий Дионис!

- Ой, простите! – доктор Прометей, заслушавшись химика, случайно пролил полрюмки мимо рта. Все заплодировали.

- Ну, и чего вы веселитесь? – безобидно поинтересовался он. – У меня катастрофа застольного масштаба, а вы...

- Ладно, проехали, сегодня все угощения за мой счёт! – доктор Дионис хлопнул его по плечу. – Веселье по случаю моего возвращения предлагаю считать открытым! Каждый может проливать, сколько ему заблагорассудится...

Стоило ему произнести свои слова, как доктор Прометей вновь пролил часть только что наполненной рюмки себе на колено, испачкав белоснежный гиматий.

- Да что с тобой такое, приятель? – осведомился доктор Аполлон, сидевший рядом за столом и на всякий случай отодвигаясь от него подальше. – И почему ты всё проливаешь, Прометей?

- Сам не знаю, почему... – задумчиво ответил трансгуманист. – Видимо, рука у меня сегодня невезучая...¹⁴

¹⁴ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

РУКА ПРОМЕТЕЯ

*В гневе сказал Прометею Кронид, облаков собиратель:
 «Сын Иапета, меж всех наиболее на выдумки хитрый!
 Козней коварных своих, мой любезный, ещё не забыл ты!»
 Так говорил ему Зевс, многосведущий в знаниях вечных.
 В сердце великом навеки обман совершённый запомнив,
 Силы огня неустанной решил ни за что не давать он
 Людям ничтожным, которые здесь на земле обитают.
 Но обманул его вновь благороднейший сын Иапета:
 Неутомимый огонь он украл, издалёка заметный,
 Спрятавши в нартексе полom. И Зевсу, гремящему в высях,
 Дух уязвил тем глубоко. Разгневался милым он сердцем,
 Как увидал у людей свой огонь, издалёка заметный...
 Гесиод, «Теогония», 558-569*

Доктор кибернетики, высококлассный специалист по бионике, крионике и трансгуманизму Прометей вовсе не являлся таким необузданным учёным, постоянно конфликтующим с начальством, как о нём ходили слухи; говоря начистоту, единственным его уязвимым местом можно было назвать разве что вспыльчивость, в состоянии которой доктор действительно мог наговорить собеседнику массу неприятных вещей. Тем не менее, Прометей обладал справедливым и отходчивым характером: сразу после бурных высказываний совесть побуждала его принести извинения – и диалог продолжался в совершенно мирной струе. Видимо, доктор придерживался правила сперва высказаться – чтобы на сердце не лежало, а потом продолжать вести по-прежнему конструктивный разговор. Зная эту его особенность, коллеги старались не доводить его до белого каления, нутром чувствуя, когда Прометей может взорваться. Однако, главное его достоинство – доскональное знание и полнейшая осведомлённость во множестве дисциплин – делали доктора незаменимым сотрудником огромного количества научных проектов.

Он занимал апартаменты между Техническим сектором Ареса и лабораторией доктора Гефеста, с которыми у него сложились прекрасные отношения; чуть дальше по центральному коридору располагались другие исследовательские помещения, такие как Химическая лаборатория его старого знакомого доктора Диониса, крупный комплекс биологических разработок доктора Артемиды и библиотека истории доктора Афины; ближе к выходу находились Зал Совещаний «Олимпа» и Храм Зевса. Сектор доктора Прометея представлял собой восьмиугольник, заполненный техническими агрегатами, сложной аппаратурой воспроизведения и копирования, а также криогенными капсулами. Тут были его крепость и вотчина; здесь, во время своих практических изысканий, он чувствовал себя бесконечно счастливым.

После окончания отпуска его соседа по коридору доктора Диониса, Прометей – на пару с Гефестом – помогли тому решить некоторые сложности производства, сведя неподдающееся учёту количество реторт, колб и прочих необходимых до сих пор технических аксессуаров до ничтожного по размерам синтезатора: огурцеобразного предмета сантиметров пятнадцати-двадцати в длину, напичканного электроникой и снабжённого всего лишь двумя кнопками действия, отвечающими за начало и окончания

процесса работы. Изобретение коллег Прометея и Гефеста, усовершенствовавшее невероятную по сложности и неудобству использующуюся до сей поры схему приготовления алкогольных напитков, настолько понравилось химику, что тот вознамерился в самом скором времени перевести всё производство исключительно на предложенную коллегами конструкцию.

Аппаратура была весьма удобной для использования и простой по техническому оснащению; главным же достоинством синтезатора, несомненно, являлась его крайне малая величина; производительность же при этом была потрясающей – количество напитка зависело только от желания и потребности оператора.

Как было сказано, прибор имел форму огурца и состоял из весьма стойкого, блестящего металла; на его корпусе были всего две кнопки – зелёного и красных цветов, означающих начало и прекращение работы устройства. Одна из сторон вытянутого цилиндра представляла собой сужающийся конец, из полости которого вытекал приготовляемый в считанные мгновения напиток; сперва доктор Дионис решил не выводить его название на самом приборе между кнопками, ограничившись понятной любому химику формулой, однако, поскольку некоторые изделия имели не по одному названию и крепости – тот же «Кербер» – то ему пришлось-таки прописывать имена своих изобретений на каждом из цилиндров.

Изобретение доктора Прометея, которым химик немедленно вооружил своё производство своего торгового дома, носило аббревиатуру КАС – Кислородно-Азотный Синтезатор, поскольку он работал на молекулярном составе основных воздушных элементов планеты. Согласно нехитрому устройству, КАС, благодаря определённой программе, расщеплял обыкновенный воздух Земли на кварки, синтезируя из них уже необходимые для приготовления молекулы того или иного заданного напитка, который в чистом виде начинал вытекать сквозь предназначенную для этого полость. На каждый из сортов был свой запрограммированный КАС, украшенный названием производимого продукта. Немаловажным достижением и отличием от обыкновенного самогоноварения было и то, что в процессе производства синтезатор практически не давал никакого запаха. Словом, применение указанного прибора разом снимало с плеч доктора Диониса уйму забот, экономя его время своей производительной эффективностью; да и блок химика на Атлантиде, в котором находилось приготовление продукции, стал выглядеть гораздо свободнее: уже ненужные колбы да реторты химик вернул в лабораторию «Олимпа», а освобождённое в результате генеральной уборки место вполне мог предназначить для складирования и хранения будущего товара.

Случилось так, что по неким – до сих пор толком не установленным – техническим причинам, «Чертоги» Афины не могли предоставлять обычных услуг своим посетителям в течение нескольких недель; однако вряд ли подобное неудобство могло служить хозяйке заведения помехой для проведения неизменных после рабочего дня и всеми ожидаемых вечеров. Посоветовавшись по поводу временных неприятностей с коллегой Эротом, весёлые застолья на указанный период были перенесены на Атлантиду, где – согласно терминологии атлантов, в Запретном Месте – ничто не угрожало гуляющим по полной программе. Иначе говоря, там, где генетик предпочитал ловить в свободное время рыбу, предаваясь медитации, отныне проходили практически ежевечерние собрания олимпийцев, а также избранных сотрудников других баз, которым, кстати говоря, добраться на остров было гораздо проще и безопаснее, чем телепортироваться в «Чертоги» на «Олимп»: посещение островных посиделок являлось менее рискованным предприятием. Поскольку нерабочее состояние «Чертогов» прогнозировалось на довольно непродолжительное время, участники пирушек даже не позаботились перенести на побережье лагуны мебель из находящейся неподалёку лаборатории доктора Эрота: само сидение под открытым небом на траве и на песке придавало определённую романтику этим недолгим, продолжавшимся

на острове, встречаю.¹⁵ В случае внезапного дождя, высокие пальмы вполне могли укрыть развлекающихся своими листьями, однако дожди в это время года обычно обходили Атлантиду стороной... Трудно было поверить в то, что одному из этих мирных и наполненных неуёмным весельем вечеров было суждено стать переломным для жития его коренного населения – и неотвратимо изменить судьбу находящегося в сердце Атлантического океана острова.

Расположившись на траве привычными компаниями, олимпийцы и коллеги с других баз, попеременно с атлантами, вели непринуждённые беседы на самые разные темы, запивая сказанное отличной продукцией доктора Диониса.

- Я слышал, что на ближайшем Собрании будут обсуждать возможных кандидатов, которых Совет планирует отправить сюда – в помощь уже находящимся здесь учёным, - говорил Арес, смакуя креплёное вино «Крылья Ареса». – Инженер Зевс мне сам намекнул об этом...

- Ты слышал, а вот я знаю об этом наверняка, - ответил ему доктор Гермес. – Совет действительно намерен это сделать, можешь мне поверить! Впрочем, я не считаю его задумку в этом отношении самой нелепой...

- Что ты имеешь в виду, Пилот? – поинтересовалась искусствовед и ботаник Афродита. – Чего ради здесь нужны дополнительные интеллектуальные ресурсы? Или Совет полагает, что мы сами не справляемся с проектом?

- Ну, зачем же так сразу воспринимать решение начальства в штыки? – доктор медицины и журналистики сделал большой глоток «Сапог-Скорыходов». – Я, например, вижу предложение Совета не лишённым смысла: речь идёт не о новом персонале, направленном в помощь уже имеющемуся на планете, а о частичной замене его новыми силами! Вот как следует правильно понимать Зевса, дружище Арес, принимая во внимание его намёк...

- Ну, час от часу не легче! – воскликнул техник. – То есть, те из нас, кто уже освоился на Земле, привык к ней с её флорой и фауной, должен будет покинуть планету, уступив место ничего не смыслящим новичкам?! Да им понадобится полсотни лет, чтобы войти в курс дел, которыми им придётся заниматься ежедневно!

- Можно подумать, коллега, что ты космоист, у которого только что умер гуру! – Гермес допил бокал и улыбнулся. – Ты что, всё своё бессмертие собрался проторчать на Земле?! Разве ты не хочешь попробовать себя в других проектах, поскольку этот почти завершён?! Ведь, скажем, твоя возможная замена не является отставкой или отчислением из действующих кадров, а всего лишь переводом на другое рабочее место!

- Возможно, я уже успел привязаться к людям, к атлантам, - Арес хлопнул по плечу сидящего рядом с ним ящероподобного верзилу, отчего тот осканился, изображая тем самым удовольствие от услышанного и с урчанием закивал головой, - и к прочей земной живности...

- Твоя сентиментальность, Арес, общеизвестна! – воскликнула доктор Афина, отойдя от костра и подсаживаясь к их компании. – Я вообще удивляюсь, как при твоих подобных качествах характера ты попал в эллинскую мифологию довольно злобным и – прости, конечно – подленьким божеством!

Компания рассмеялась; техник, лишь пожал плечами в ответ, давая понять, дескать, да, я такой – добрый и ласковый, а несмышлёные древнегреческие баснописцы, как всегда, совершили фатальную ошибку...

- Эй, Дионис! – внезапно раздался голос сидящего в соседнем дружеском кругу доктора Гефеста. – Ты не поверишь, но у меня топливо закончилось... Атланты говорят, что здесь моего напитка больше нет.

- У меня, кстати говоря, тоже! – поддакнула ему коллега Гидра. – Нельзя ли попросить добавки «Яда Лернейской Гидры» – креплёной, разумеется?

---

¹⁵ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

Доктор Дионис, как оказалось, в этот момент был увлечён вместе с доктором Эротом рыбалкой на некотором отдалении от пирующих друзей, поэтому никак не прореагировал на окрики; к нему отправился кибернетик, уполномоченный выразить претензии оставшихся без напитков гостей.

- Слушай, Дионис, народ жалуется, что по твоей милости ему приходится проводить вечер на сухую, - начал он, пытаясь привлечь коллегу к возникшим проблемам.

- Погоди, дружище! – нетерпеливо в один голос пробормотали не желавшие отвлекаться от занятия друзья: поплавок удочки Эрота так и сновал по воде, то внезапно погружаясь, то не менее неожиданно всплывая.

– Неужели не видишь, что это мой первый клёв за сегодня, - генетик указал другу глазами на пустую, валявшуюся на траве кожаную сумку для рыбного улова; доктор Дионис изо всех сил помогал тому тянуть леску руками.

– Так что делать? – Прометей присел на корточки, наблюдая за манипуляциями Диониса. – Ждать, пока не вытащу рыбу на берег, - ответил тот, азартно сверкая глазами. – Судя по всему, экземпляр мне попался довольно крупный: отдам его атлантам на закуску... Впрочем, чтобы не задерживать публику, Прометей, вот тебе ключ, - он подал ему свой миникомпьютер. – Будь добр, сходи в мой блок в лаборатории Эрота – ведь ты там уже неоднократно бывал, не так ли? – и принеси прямо сюда синтезаторы тех напитков, по которым так страдают вожделеющие коллеги... Код в моём миникомпьютере – автоматический; снимешь блокировку с дверей, возьмёшь то, за чем тебя послали – и возвращайся... А я тем временем надеюсь управиться с этой рыбёшкой...

Сказано – сделано: пока Эрот с Дионисом возились с не к месту и времени начавшимся клёвом, доктор кибернетики успел сходить в лабораторию – и затариться необходимыми синтезаторами, которые были аккуратно разложены рядами в стоящих у стен высоченными металлическими этажерками. Трансгуманист даже присвистнул, увидев подобное изобилие, собранное в одном месте; если бы не указательные надписи, которыми этажерки были снабжены – «Вино», «Виски», «Водка», «Коньяк» и другие – он не сразу смог бы обнаружить заказанные коллегами напитки. За некоторыми синтезаторами пришлось даже взбираться по специально предназначенным для этого лесенкам.

- Вот это масштаб, Аид меня побери! – не переставая удивляться вслух, бормотал Прометей, отыскивая на полках необходимые КАСы. – Не будь эти стеллажи украшены вспомогательной системой каталогизации, никогда не найдёшь того, что тебе нужно!

Обнаружив всё, за чем его послали коллеги, доктор закрыл блок – и отправился обратной дорогой в лагуну. Синтезаторы – числом более десятка – он аккуратно нёс в руках, крепко прижимая к груди. Покинув лабораторию и проделав уже более половины пути, он вдруг споткнулся на кочке – и во весь рост растянулся на земле; правда, контакт с поверхностью планеты прошёл для него без тяжёлых последствий.

- Это же надо так наугощаться! – констатировал Прометей, потирая ушибленный локоть, которым он при падении пытался защитить КАСы. – Видать, не только рука, но нога у меня не особо счастливая... Все синтезаторы разлетелись, ищи их теперь, – он принялся шарить по земле, собирая драгоценную аппаратуру.

Вернувшись в лагуну и раздав синтезаторы жаждущим, Прометей, сведя случайное знакомство с каким-то атлантом, имени которого он так и не смог произнести, заговорил с ним о парадигме трансгуманизма как о величайшем достижении высокоразвитых форм биологической жизни, которое, несомненно, изменит ход истории не только островитян, но и живущих по оба берега океана человеческих существ... О, если бы он только знал, сколь пророческими окажутся произнесённые им слова!

- Люди этого пока не поймут, может, сообразят атланты? – Прометей хлопнул по плечу соседа. – Любая биологическая форма жизни – при желании достичь бессмертия – обязательно нуждается в тотальном совершенствовании своих данных, заложенных поначалу природой. На том или ином этапе телу понадобится какой-нибудь другой носитель – электронный, например – чтобы сознание смогло продолжить существование

после его распада, вследствие изношенности временем. А чтобы успешно решить этот и подобные ему вопросы, просьба постелить красный ковёр разработке молекулярной нано- и биотехнологии, крионике, нейробионике и загрузке сознания на виртуальный носитель.

- Бесспорно, это было бы здорово! Если выбор личности – за самой личностью, конечно: хочу – живу, хочу – умру, а хочу – так не умру никогда! – согласился его собеседник. – А что, ты думаешь, могут найтись существа, которым не хотелось бы жить вечно?

- Поверь мне, такие уже есть, по крайней мере, среди людей! Им не нужно совершенствование человека, на которое должны быть устремлены и всегда были направлены все усилия науки; им гораздо спокойнее подохнуть, вопя о том, что трансгуманисты не оставляют им права на смерть. Для этого они будут всячески тормозить прогресс, сдерживая тем самым техническое развитие собственной расы. Больших человеконенавистников и днём с огнём не сыщешь! Знаешь, они найдут массу прикрытий – от божественных запретов до простого нежелания мыслить. А коли существо не мыслит, то вряд ли подобное бытие можно именовать Существованием... Люди – разумные существа; в их силах преобразить Вселенную, победить болезни и смерть – и странно то, что в достижении этих невысказанных благ одни люди противостоят другим! Следовательно, часть человечества – это самые что ни есть враги собственного вида, в конечном итоге – сознательно или неосознанно – желающие погибели себе самим...

- Ладно, Прометей, хватит о людях! Может, уделишь хоть капельку внимания нам, атлантам? – оскалился собеседник доктора.

- Легко! Только любая раса раньше или позже сталкивается с подобным выбором, будь то ли мы сами, люди ли, или атланты...

Остаток ночи ничем не отличался от тех, к которым привыкли посетители «Чертогов»: все веселились, потому что были навеселе, даже танцевали вокруг костров без музыки; а под утро, избавившись от хмельного состояния, дружной толпой выстроились перед главным телепортером лаборатории в порядке очереди – необходимо было возвращаться на рабочие места... Следующая встреча в тихой лагуне на Атлантиде была оговорена заранее, поэтому организаторы очередного застолья в лоне природы могли своевременно побеспокоиться о проведении более роскошного мероприятия.

Тем временем, пока бессмертные продолжали заниматься исследованиями на отведённом каждому из них участке работы, некто из атлантов, утром прогуливаясь неподалёку от Запретного Места – оно называлось так не потому, что было запретным для посещения вообще, в нём запрещалось исключительно купаться, поскольку доктор Эрот облюбовал его для рыбной ловли – обнаружил валяющийся на траве странный предмет: стержнеобразную металлическую шутовину с двумя точками – красной и зелёной, между которых имелась какая-то надпись. Поскольку атлант был довольно юным – настолько, что ещё не успел освоить грамоту, – то он не придумал ничего лучшего, чем отнести находку Верховному Жрецу: пусть-де сам разбирается, что это такое. Гхгрл'хмых, несомненно, мудрейший и образованнейший представитель своей расы, недолго ломал голову над тайной, попавшей к нему в руки от случайно её обнаружившего соплеменника: буквы и цифры, которые он немедленно распознал, складывались в слова «45,1 градус по Дионису», но вот что они могли означать? Гхгрл'хмых, неоднократно посещавший лабораторию доктора Эрота и частенько ассистировавший тому при довольно сложных опытах, имел относительно представление о технических устройствах, правда, назначения которых он далеко не всегда понимал; тем не менее, у него вполне хватило смекалки догадаться, что две разноцветных кнопки – атланты всё-таки не были ни дальтониками, ни монохроматами, как их родственники по внешнему виду из далёких уголков Вселенной, с которыми некогда сражался доктор Геракл – могут значить лишь одно: старт и завершение работы. Но для чего служит таинственный прибор, Гхгрл'хмых не знал; проверить это можно было непосредственно на опыте. Обратив внимание, что одно из окончаний стержнеобразного аппарата совершенно сглажено, а другое – имеет открытую полость, он отвёл шутовину отверстием от себя – и, долго не раздумывая, надавил на зелёную кнопку.

Несколько мгновений ничего не происходило, как вдруг тоненькая струйка жидкости вырвалась из отверстия – и ударила в стену помещения, в котором находился отважный испытатель; мигом спустя струйка стала более ощутимой, по воздуху пещеры пронёсся удивительный манящий запах... Гхгрл'хмых надавил другую кнопку – и поток жидкости немедленно прекратился. Верховный Жрец принюхался – и осознал, что так может пахнуть лишь алкоголь: превосходная штучка, которой балуются бессмертные; впрочем, атлантам также частенько перепало от яств и питья своих создателей, которые никогда не обижали отказами проживающих на Атлантиде островитян. Эксперимент Гхгрл'хмых закончился тем, что он, время от времени прикладываясь к волшебной палочке, безвыходно провалился дома почти неделю.

Естественно, его соплеменники не могли не заметить странного, необъяснимого поведения первоатланта: обычно спортующий Верховных Жрец не пропускал ни единого вечернего занятия по плаванию. Грмл'лыхм решила отправить к нему делегацию из нескольких высокопоставленных атлантов, которую сама же и возглавила; в течение довольно непродолжительной беседы выяснилось, что Верховный Жрец в стельку пьян и ничего путного сказать не в состоянии. Удивлённые делегаты удалились, а Грмл'лыхм поклялась себе дождаться, пока их родоначальник придёт в сознание – и откроет ей тайну своего затянувшегося пьянства.

Будучи по натуре прямым и ничуть не жадным, Гхгрл'хмых не стал делать секрета из случайной находки юного соплеменника, поэтому в течение пары суток у него была прелестная собутыльница. После внезапного исчезновения Праматери – как иногда её уважительно именовали представители второго, третьего и всех последующих поколений островитян – в пещеру заявили уже побывавшие тут ранее делегаты; излишне говорить, что в самом скором времени их аналогично понадобилось разыскивать. Словом, беспробудное пьянство старших атлантов порядком надоело представителям подавляющего большинства молодняку – и те явились прямо в хоромы Верховного Жреца, требуя объяснений.

Но до откровенных разборок дело не дошло: Гхгрл'хмых заявил, что в распоряжение их, атлантов, попала удивительная вещь, которую необходимо использовать в общих целях. Он вызвал юнца, обнаружившего синтезатор – и тот, в присутствии соплеменников, слово в слово повторил историю обнаружения таинственной находки неподалёку от Запретного Места. Верховный Жрец честно попросил прощения у родичей за использование волшебной палочки исключительно в личных целях в течение первого времени, объяснив это желанием понять её действие и назначение; однако, отметил, что, дескать, отныне всё будет наоборот: аппарат поступает в общее пользование, поскольку является бесконечным источником удивительного наслаждения.

- Всем нам известно вино или пиво, но продукт, содержащийся в этом инструменте, превосходит любые напитки по вкусу и воздействию на организм! – проповедовал он. – К тому же, эта удивительная палочка может производить просто ошеломительные количества этого... «45,1 градуса по Дионису»! Мы поместим это чудо в Главной Пещере, и каждый из нас сможет пить из неё столько, сколько пожелает!

Демократические нововведения, обещанные Верховным Жрецом атлантов, разом нашли отклик среди всего населения острова; синтезатор был немедленно доставлен по указанному адресу – и Гхгрл'хмых на личном примере продемонстрировал, как пользоваться волшебным аппаратом, наполнив для личного пользования здоровенный глиняный кувшин. После этого его примеру последовала Грмл'лыхм, затем – старшие атланты, также приготовившие посуду заранее, а за ними – в порядке очереди по праву рождения – выстроились и все остальные островитяне. Мероприятие закончилось торжественным вознесением изумительного прибора на алтарь, специально установленного в Главной Пещере, которую Верховный Жрец отныне предложил именовать Храмом Чуда.

Несколько вечеров подряд после основания Храма Чуда, до ушей доктора Эрота, то ли рыбачившего, то ли медитировавшего в своей лагуне, иногда доносились развесёлые песнопения атлантов, правда, странность для доктора заключалась не в самих вокальных упражнениях рептилоидов: он превосходно понимал, что островитянам также необходимо время от времени развлекаться – не так ли поступали и люди, и сами бессмертные в «Чертогах» или здесь, на его же острове?! Удивительным являлся факт того, что песни атлантов носили характер каверов произведений, которые должны были появиться на Земле задолго после их теперешнего исполнения! Атланты залихватски распевали хором «Let It Be», «Don't Bring Me Down» или «Hotel California», используя при этом правильный древнегреческий язык и однострунные инструменты собственного изобретения, а несуществующие в его рамках слова заменяли собственным крокодильим бульканьем, сопением и рычанием; иногда ему слышалось, что певучие рептилоиды поднимались к более виртуозным высотам исполнения: уши его неоднократно улавливали мотивы «Коробушки» или даже «Калинки-Малинки»! А в один из вечеров ему почудилось, как чей-то одинокий голос, эхом отражаясь от прибрежных скал, изобразил а капелла атланто-греческую версию «I Wanna Be Somebody»; впрочем, во время её исполнения моментами налетал порывистый ветер, так что доктору могло просто почудиться. Тем не менее, он не мог сдержать улыбки, слушая те или иные хиты далёкого будущего планеты в аранжировках случайно возникшей на Земле расы. Откуда атланты могли узнать пока не существующие мелодии, оставалось тайной за семью печатями, которую романтик Эрот не хотел столь быстро раскрывать, обратившись напрямую к первоисточникам; доктор предположил, что, вероятнее всего, островитяне могли случайно познакомиться с музыкой в его собственной лаборатории – или наслушались довольно частого насвистывания докторов Гермеса, Геракла или Прометея.

Всё шло, вроде бы, замечательно – до тех пор, пока шеф концертна «Лавка Диониса» не обнаружил пропажу: один из синтезаторов – да ещё какой, именной! – бесследно исчез из производственного блока. Конечно, «45,1 градус по Дионису» был довольно востребованным напитком, поэтому химик, не откладывая дела в долгий ящик, изготовил его копию: благо, что рецепт дорогого состава остался в базе данных его алкогольных изобретений.

Однако, исчезновение синтезатора продолжало беспокоить доктора Диониса: ведь случившееся представлялось неслыханным безобразием в масштабе всего «Проекта «Земля»!»! Не мог же он просто испариться! Не мог потеряться, поскольку любому из собственных аппаратов химик вёл невероятно строгий учёт. Не мог где-нибудь завалиться, потому что ответственность, напрямую связанная с аккуратностью доктора, не позволила бы ему допустить подобную небрежность: каждый предмет в его лаборатории или на Атлантиде имел место, на котором неизменно находился; перемена же для раз и навсегда предназначенных синтезаторам мест была исключена. Дионис полагал, что дело вовсе не в его рассеянности или забывчивости: при обладании подобными качествами невозможно ни заниматься точными науками, ни вести требующего самого пристального внимания бизнеса. Прикинув, таким образом, все «за» и «против», доктор пришёл к выводу, что причина пропажи аппарата кроется где угодно, но только не в его халатности. Поэтому он, особо не раздумывая, обратился за помощью к коллегам: не попадался ли кому-нибудь на глаза его «именной» синтезатор? Опрос вёлся, разумеется, в обход профессора Зевса и администрации базы; доктор переговорил со всеми, посвящёнными в тайну «Чертогов» Афины, однако на след пропавшего предмета так и не напал.¹⁶

Самое загадочное крылось в том, что из расспросов не было никакой возможности установить точное – или хотя бы приблизительное – время исчезновения синтезатора: будь известен этот временной отрезок – можно было бы знать, от какого угла начинать пляску,

¹⁶ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

но... Всё же упорство химика – одна из основных черт его характера – не позволяло ему сдаваться, и он решил подойти к возникшей проблеме с другой стороны. Для этого ему пришлось как следует поднапрячь свою память.

Итак, в последние недели доктор занимался серьёзными исследованиями, даже возложив ведение бизнеса на более свободных коллег, поэтому совсем не посещал Атлантиду, где, несомненно, находился синтезатор до того, как безвестно исчезнуть. Если принять такое допущение за точку отсчёта, то получалось, что последний раз он был в производственном блоке во время рыбной ловли с Эротом и всеобщей гулянки. Это событие особенно запомнилось ему тем, что рыбу они всё-таки упустили, что для выпивших докторов было обидно вдвойне.

Дальнейшая цепочка воспоминаний и бесхитростных рассуждений привела его напрямик к доктору Прометею: во-первых, тот пришёл к рыбакам от имени коллег, у которых закончилась выпивка; во-вторых, он, Дионис, самостоятельно вручил ему свой компьютер с ключом от склада, попросив не отвлекать его с Эротом от рыбалки и принести необходимое самому; в-третьих, именно обкуренный Прометей хихикал более остальных, когда рыба всё-таки сорвалась... Последнее, возможно, имело в его логическом построении довольно косвенное отношение к кибернетику, однако благодаря этой детали врезалось в память Диониса.

Доктору ничего не оставалось, как пойти к коллеге для разговора. Мысль о том, что Прометей мог с какой-то целью – известно, какой! – присвоить синтезатор, химик отбросил, как невозможную: среди бессмертных никогда ещё не фиксировалось случая кражи. Шутки, розыгрыши – это пожалуйста, но кража?!.. Не зная, что и думать по этому поводу, доктор Дионис день за днём продолжал откладывать неприятный разговор с кибернетиком. Тем временем информацию к размышлению ему невольно подбросил доктор Эрот, когда химик, наконец, смог вырваться из своей лаборатории на Атлантиду. Совершенно невзначай, после какого-то абсолютно научного монолога, он пожаловался коллеге, насколько сильно изменились атланты в последнее время.

- Представляешь, я их просто не узнаю! – сказал генетик. – Раньше были такими милыми, добрыми, послушными существами!.. А ныне их будто подменили!

- А что такое? – более из вежливости, нежели всерьёз интересуясь свалившимися на плечи коллеги невзгодами, поинтересовался химик.

- Они стали чересчур много пить, - вздохнул доктор Эрот.

Коллега рассмеялся:

- Ах, вот оно что! Неудивительно: ведь они берут пример с нас, гуляющих в твоей лагуне, пока «Чертоги» Афины на ремонте!

- Ну, я в этом не сомневаюсь! Впрочем, они и раньше были не прочь приложиться к амфоре больше, но, чтобы настолько увлечься...

- Ладно тебе, погудят и перестанут! – махнул рукой доктор Дионис.

- Однако, меня гораздо больше беспокоит другое, - генетик, возможно, даже не расслышал комментарий друга. – Они очень изменились нравственно: если раньше при встрече любой атлант неизменно здоровался со мной, то теперь они словно не замечают моего присутствия! Они стали раздражительны и ужасно невежливы... Обленились по самое не могу; обращаться к ним с просьбами прибраться в лаборатории или подмести её коридоры – напрасная трата времени. Я даже отметил за ними внезапные вспышки агрессии – потому, что собственными глазами видел ссорящихся между собой атлантов! Раньше такого нельзя было увидеть и в кошмаре!

- Подумаешь! Ты же сам говоришь, что они постоянно бухают! Вот и головка побаливает, внимание снижено, реакции замедленные... В свете этого и раздражительность понятна!

- Это, положим, так, но я несколько раз видел атланток, вышедших из пещер, в чём мать родила... Вернее сказать, в чём я их создал!

- И что?

- Как, что?! – генетик взмахнул обеими руками. – Ах, да, ты же не в курсе их законодательства... Первый пункт их Закона гласит: «НЕ ХОДИТЬ БЕЗ ОДЕЖДЫ – это Закон. Мы – атланты!» Что же получается, дружище? То, что их женщины нарушают Закон, а всем глубоко наплевать на это?!

- Да ведь они постоянно пьют, как ты сам уверяешь – и не мало... Разве не знаешь, что пьяному море по колено, а не то, что соблюдение правил какого-нибудь там законодательства!

- Согласен, но в том и весь ужас положения! К тому же... Я начинаю думать... – собеседник доктора Диониса испытывал явные затруднения, подбирая необходимые слова для предельно точного описания ситуации. – Мне представляется это совершенно невероятным, однако, похоже, что атланты придумали себе религию...

- Иди ты! – химик выпучил глаза от услышанного. – Быть того не может! На каком основании ты делаешь подобный вывод?!

- Из обрывков их разговоров я установил, что в пещерном Граде Золотых Врат появился некий Храм Чуда, где они, судя по его названию, отправляют какие-то странные ритуалы... Верховный Жрец, небезызвестный тебе Гхгрл'хмх, он же первый атлант, ввёл, насколько я понял, обязательное для соплеменников поклонение загадочной палочке, неизвестным образом появившейся в распоряжении населения и генерирующей для островитян нескончаемое удовольствие... Таким образом, атланты получили жречество в прямом смысле слова!

- Ну-ка, погоди! – вдруг прервал его приятель. – Пстой, Эрот: ты говоришь – палочка, генерирующая удовольствие?! Неизвестно, откуда взявшаяся?!

- На этом мои печальные наблюдения за островитянами не прекратились, увы! – придавленный своими бедами, продолжал учёный, вновь не расслышавший реплики Диониса. – Недавно принимал роды одной из их женщин, так та обложила меня настолько неприличными словами, что... – Эрот зарделся и опустил взгляд. – Кстати, сразу после этого только что появившийся на свет её детёныш пребольно ткнул меня за палец, чего раньше тоже не случалось! Атланты вообще никогда не кусались; неужели агрессия так быстро передаётся на генетическом уровне?! Ужас, да и только!

- Да послушай ты меня, наконец! – взмолился химик, хватая друга за плечи и легонько встряхивая. – Хватит причитать, Эрот! Значит, ты уверяешь, что к атлантам – каким-то непонятным образом – попала странная чудотворная палочка, производящая удовольствия?!

- Ну, - не понимая, к чему клонит коллега, генетик утвердительно кивнул.

- А не приходило ли в твою озабоченную беспробудным пьянством атлантов голову, что в их руках оказался мой синтезатор?! Сам факт их постоянных гулянок прямо указывает на это!!!

- Хм, логично! Но как он попал к рептилоидам? – удивился доктор Эрот. – Похитили они его, что ли, из твоего блока? Ведь вход в него оборудован энергетическим полем...

- Пока не знаю, но кое-какие мысли – благодаря твоим наблюдениям за поведением островитян – у меня уже родились, - ответил химик. – Не хочу утомлять тебя своими подозрениями и основанными на них выводами, но, чтобы проверить мою гипотезу, мне надо немедленно побеседовать в Прометеем... Ладно, бывай, дружище, у меня срочное дело! – с этими словами доктор Дионис направился по коридору в Сектору телепортации с Атлантиды.

- Всех благ! – поприветствовал он кибернетика, найдя того в собственных апартаментах. – Что нового? – доктор не знал, как тактичнее начать неприятный допрос товарища.

- Всего помаленьку, - ответил Прометей, просматривая бегущую сводку новостей на одном из мониторов. – Вот, полюбуйся: наши умники из Совета наконец-то поняли мою правоту – и дали добро на введение нейропротезирования в шестнадцати галактиках! – он радостно хлопнул в ладоши. – Я думаю, это стоит отметить... Не плеснёшь ли нам чего-нибудь по капельке, Дионис?

- Ну, почти за этим я к тебе и пришёл, - воодушевлённо продолжил гость, поскольку сам хозяин кабинета облегчил его нелёгкую задачу следователя.
- Не знал, что ты так пристально интересуешься вопросами биомедицинской инженерии! – Прометей взглянул на коллегу с непередаваемым восхищением. – Этим новостям ещё нет и дня, а ты уже в курсе... Значит, ты подписан на рассылку «Вестника Трансгуманизма»?
- Да, иногда я просматриваю ленту открытий в этой сфере – и даже участвую в онлайн-форумах! – заверил его пришедший. – Но, честно говоря, цель моего визита немного иная... Скажи, Прометей, хорошо ли ты помнишь наши посиделки на Атлантиде?
- Довольно неплохо, если как следует при этом не перебираю, - тот смущённо почесал бороду. – А что такое?
- Это признание делает тебе честь! – похвалил его доктор Дионис. – Итак, основываясь на твоих собственных словах, все наших гулянок ты уж точно не вспомнишь...
- В смысле? – кибернетик осторожно посмотрел на нежданного гостя. – Если ты имеешь ввиду детали многочисленных бесед, то, естественно, не помню... А кроме этого – могу вспомнить, что хочешь!
- Тогда напряги память – и скажи, что случилось во время последнего нашего загула?
- Это когда вы с Эротом обломились на рыбной ловле, что ли? – усмехнулся трансгуманист.
- Угадал. Чем был занят ты сам, помнишь? Напомню: я отдал тебе ключ от блока производства и попросил принести несколько синтезаторов, поскольку у наших коллег закончилась выпивка...
- А что тут вспоминать: я сходил на склад, взял десяток заказанных Гефестом, Гидрой, Афиной и кем-то ещё синтезаторов – и принёс назад! Я и запомнил-то этот вечер не только благодаря сорвавшейся с твоего крючка рыбины, но и потому, что на обратном пути грохнулся оземь, споткнувшись на кочке... Синяк посадил на локте; недели две прошло до полного его исчезновения...
- Понятно! – зааплодировал удовлетворённый рассказом Прометея доктор химии. – Всё сходится: вот оно, недостающее звено!
- Какое ещё звено, дружище? – кибернетик непонимающе нахмурился. – Что-то ты всё ходишь вокруг да около? Ну да, я упал, подобрал рассыпавшиеся из рук твои причиндалы – и вернулся к нашей компании...
- А ты уверен, что собрал синтезаторы все до одного?! – химик потряс указательным пальцем перед носом коллеги. – Можешь это гарантировать – тем более, в состоянии, в котором находился, раз стал спотыкаться?!
- Ну-у-у, я, кажется, внимательно осмотрел место своего падения, - развёл тот руками. – Помоему, на земле ничего не осталось... А что тебя, собственно, так беспокоит?
- «Кажется!» – многозначительно повторил за трансгуманистом Дионис. – А вот мне кажется, что ты посеял «45,1 градус по Дионису», который после был найден атлантами – и с тех пор успешно используется ими по прямому назначению! Всё, всё указывает на это...
- Да ладно! – перебил его собеседник, смущаясь ещё больше. – Возможно, я виноват, но кто, Аид меня побери, гарантирован от внезапных падений?! Тем более, у меня есть смягчающее обстоятельство: я выполнял общественное поручение, пока ты – тот, в чьём ведении организация банкетов – ловил рыбу!
- Не спорю, в случившемся есть и моя вина, Прометей, - согласился Дионис. – Мне самому следовало позаботиться о достаточном количестве напитков... Словом, мы с тобой лоханулись на пару, как ни верти... Как будем выкручиваться из положения? – он вопросительно посмотрел на коллегу.
- Не понимаю, есть ли необходимость для превращения мухи в слона? – после недолгих размышлений выдал из себя Прометей. – Сходим к атлантам – кстати, у меня среди них появились толковые друзья – и потребуем назад твою собственность! Много пить – вредно! – нравоучительно заключил он, поднимая вверх указательный палец.
- Надо попробовать, поскольку больше делать нечего, - пробубнил Дионис. – Только опасаясь, как бы нам не опоздать с претензиями на утерянную собственность...

- А что такое?

- Вот ты сидишь тут, читаешь научные сводки, а на Атлантиде, по словам Эрота, назревает бунт! Атланты, говорит, совсем вышли из-под контроля... Впрочем, почему я должен об этом рассказывать?! Собирайся, Прометей: мы немедленно отправляемся в лабораторию Эрота на острове, пусть он сам тебе расскажет, к каким последствиям привело твоё падение, в результате которого был утрачен синтезатор!

Коллеги перенесли на Атлантиду – и в течение двух часов общались с генетиком; тот для начала пересказал Прометею свой разговор с химиком, а после поделился самыми последними новостями, от которых у прибывших захватило дух. После этого доктор Дионис поведал руководителю лаборатории о своём разговоре с Прометеем, о своих выводах касательно простой случайности, благодаря чему атланты заполучили «волшебную палочку».

- Вот, я провёл ещё некоторые исследования, - доктор Эрот указал на монитор, экран которого пестрел диаграммами ДНК и РНК островитян, а также образцами их мозговых энцефалограмм. – Дело обстоит гораздо хуже, чем это можно себе представить. Получается, что «45,1 градус по Дионису» – это для наших рептилоидов ничто иное, как яд в чистом виде!

Услышанное настолько поразило гостей лаборатории, что на минуту в помещении зависло ужасающее молчание; Прометей закрыл лицо руками, а Дионис, переваривая сказанное другом, отрешённо уставился в диаграммы на экране центрального процессора данных.

- Прости, хотелось бы уточнить, - первым нарушил молчание химик, складывая руки на груди. – Ты говоришь, что работа синтезатора несёт атлантам неминуемую смерть. Другими словами, они стали умирать от принятия алкоголя? Тебе, как я понимаю, пришлось стать свидетелем одной или более смертей, или, во всяком случае, зафиксировать летальный исход как данность?

- До сих пор не зафиксировал ни одной! – поспешно ответил генетик, поднимая руку. – Я недостаточно точно выразился, применив к напитку определение яда: вернее, оно соответствует действию подобных веществ, однако, моё применение одного термина носит, так сказать, характер не особо отдалённой перспективы, если атланты не перестанут злоупотреблять своей находкой...

- Иначе говоря, «45,1 градус по Дионису» для них, так или иначе, ядовит, только действие токсического вещества – замедленное? Так, что ли? – ввязался в разговор кибернетик.

- Опять-таки не совсем так...

- Ну, так объяснись доступным языком, Эрот! Нечего водить нас за нос, как первокурсников: то яд, то не яд, – заворчал доктор Дионис. – Что означают эти твои инсинуации?

- Ладно, - махнул рукой генетик. – Попробую применить картинки... Взгляните ещё раз на монитор. Мои исследования однозначно указывают не на отравление, а на прогрессирующую семимильными шагами деградацию атлантов! Вот в каком смысле я употребил слово «яд»! И этот «яд», проникая в структуру организма, способен настолько расшатать нормальные функции гипоталамуса и гипофиза, что их полноценную работу уже не восстановить никаким хирургическим вмешательством! Химический состав напитка необратимым путём сказывается на мозговых клетках, которые, даже единожды соприкоснувшись с его воздействием, лишаются восстановительных процессов и способности размножаться... Это – не просто смерть, господа, это – тотальное вырождение расы! Теперь вам понятно, что лучше бы атланты заполучили термоядерный заряд в сотню миллионов мегатонн – и сразу использовали его, чем обнаружили утерянный Прометеем синтезатор?!

- Интересно, - доктор Дионис озабоченно почесал лоб. – Это что же получается: я изобрёл отраву, которую ты только что назвал путём к деградации?! Почему же мои исследования не отметили ни единой погрешности в его составе?! Почему, в конце концов, механический дегустатор не распознал в нём ни малейшей угрозы для жизни и здоровья?!

- Этим, дружище, мы наверняка ещё займёмся вместе с тобой, причём, как можно скорее! – миролюбиво ответил ему генетик. – Тебя никто ни в чём не обвиняет... Ты создал великолепную вещь, замечательный напиток, который – могу тебя заверить в этом! – никоим образом не действует отрицательно на употребляющих его бессмертных! Людям его использование тоже ничем не угрожает; впрочем, рецепт напитка появится у них лишь спустя несколько тысяч лет... Но вот его ужасное влияние на атлантов – неоспоримо: за довольно короткое время они стали подвержены лени, неповиновению, агрессии, интеллектуальному падению до такой степени, что мне трудно представить их через сотню лет мыслящими вообще! Они практически забросили спорт, полностью наплевали на искусство – и никому не ведомо, куда их заведёт «45,1 градус по Дионису» в самое ближайшее время! Я уже говорил Дионису, что чрезмерные возлияния атлантов довели их до поклонения синтезатору, который они, несомненно, вскоре обожествят!

- Да, ты упоминал о том, что они уже создали для него некий Храм Чуда, - усмехнулся химик. – Вот уж, действительно: дай мыслящему существу алкоголь – и он допьётся до изобретения религии!

- Ну и дела! – вздохнул доктор Прометей. – Что же, в свете случившегося предлагаю нанести визит в Град Золотых Врат – и потребовать назад нашу собственность! Возможно, кое-кого из рептилоидов можно будет образумить и спасти...

- Выбор, конечно, небогат, но попробовать стоит...

Чтобы не тратить время впустую, попытку бессмертных можно описать точными и достаточно скупыми словами: переговоры с атлантами закончились полнейшим провалом. Стоило только делегации докторов приблизиться к пещерам островитян, те словно нутром почуяли, что бессмертные явились за «волшебной палочкой» – и практически все до единого собрались в Храме Чуда, на защиту источника своих удовольствий. Напрасно доктор Прометей рассказывал слезливую историю о том, как он случайно потерял аппарат, настаивая на его немедленном возвращении законному владельцу; напрасно доктор Эрот предупреждал атлантов, сколь губительны последствия от употребления напитка для их интеллектуального и физического самочувствия; напрасно обращался к ним и сам доктор Дионис, обещая даже выменять синтезатор на что угодно, даже на любой другой из имевшихся в его ассортименте аппаратов – островитяне остались непреклонны и переговорщикам пришлось удалиться ни с чем. Почему честным до обнаружения синтезатора рептилоидам не пришло в голову сразу вернуть таинственную находку правомочным обладателям, осталось неустановленным, но не менее неприятным фактом... Естественно, свой поход в Град Золотых Врат они скрыли от профессора Зевса и руководства «Олимпа», ещё питая некие надежды на исправление ситуации; впрочем, каждый из парламентариев прекрасно осознавал, насколько их надежды призрачны: за прошедшее время атланты слишком привыкли к напитку, потому и отвергли любое предложение изобретателя.

Дионис и Эрот совместно корпели над загадкой, почему лишь один из всевозможных напитков – именно «45,1 градус по Дионису» – столь негативно сказывается на островитянах? Они перелопатили массу специальной литературы, прослушав полный виртуальный курс по земной ботанике и минералогии; часами просиживали над исследованиями створчатых клеток населения Атлантиды, роясь в генетических кодах созданных на острове существ – ответа не было. Не дал его и внимательный молекулярный анализ самого напитка, вызывающего необратимые процессы в организме рептилоидов; казалось, ничто из его ингредиентов не могло так повлиять на них и вызвать столь беспощадную деградацию...

И только в результате совершенно случайного наблюдения, сопоставляя те или иные употребляемые ранее атлантами разновидности алкоголя, доктора смогли сделать определённый вывод: дело было исключительно в крепости продукта! Проверив полученные данные на многочисленных электронных и биологических тестерах, оба доктора не могли изумляться этому внезапно обнаруженному ответу: именно указанная

крепость – 45,1% – оказалась для организма атлантов фатальной! Любые другие соотношения воды и спирта являлись для них абсолютно безвредными; проведённые опыты с соотношением жидкостей в случае 45% или 45,2% также не выявили ни малейших предполагаемых отклонений – и лишь консистенция «45,1 градус по Дионису», по каким-то судьбоносным обстоятельствам, оказалась для рептилоидов роковой!

Но пока учёные были заняты решением своих генетических и химических ребусов, Храм Чуда и его неиссякаемый источник понемногу обращался похмельной головной болью не только для собственного населения, но и для нормального развития человеческой цивилизации; говоря без обиняков, рептилоиды ставили под угрозу сам «Проект «Земля»!»! И вот какие стадии успели миновать островитяне с тех пор, когда с похабными шуточками и улюлюканьем выставили трёх горе-парламентёров из Града Золотых Врат.

После с треском провалившихся для бессмертных переговоров, Верховный Жрец созвал соплеменников на добрый банкет, чтобы отметить эту первую политическую победу. Из всего, о чём говорили парламентёры, он вынес лишь одно: Прометей потерял «волшебную палочку» только для того, чтобы её обнаружили атланты – и вступили в обладание этим рогом изобилия. Поэтому, когда в Храме Чуда не оставалось более ни одного трезвого рептилоида, Гхгрл'хмхх заявил во всеуслышание, что заполучили они всемогущий аппарат лишь благодаря Прометею, а потому его следует немедленно объявить поборником благ островитян. Некоторые, хоть и путаясь в мыслях, возражали, что Прометей находился в числе тех, кто явился требовать «волшебную палочку» обратно, но Гхгрл'хмхх не хотел выслушивать никаких возражений.

- Он принёс огонь в наши сердца, воспламенил наши очи светом! – вещал он под сводами огромной пещеры, едва ворочая языком и постоянно смыкающимися глазками. – Он подарил нам удивительную воду, которая напитала нас однажды – и напитает в дальнейшем!

На следующее утро первые из протрезвевших атлантов шёпотом передавали друг другу «легенду о Прометее», который совершил кражу синтезатора у Диониса – и принёс его рептилоидам, чтобы явилось им великое счастье. Услышанная ими ночью от своего лидера и без того путанная история при каждой передаче обрастала всё большими подробностями: вторые и третьи её передатчики сообщали интересующимся, что кража была совершена не у Диониса, а у их «Большого Брата» Эрота, который хотел презентовать прибор всем олимпийским богам. Девятые и десятые рассказчики уверяли, что аппарат принадлежал вовсе не Дионису, а самому Зевсу, который заныкал «волшебную палочку» исключительно для личного пользования. Однако, несмотря на очевидные противоречия в повествовании, «легенда о Прометее» прочно вошла в верования атлантов и стала краеугольным камнем зародившегося на острове культа.

А далее случилось наиболее угрожающее «Проекту «Земля»» событие: атланты, вспомнив некогда просмотренные фильмы о людях, решили с ними познакомиться поближе – и отправиться для этой цели на материк. Доподлинно неизвестно, какими были их намерения – завязать ли с человечеством торговые отношения или провести чемпионат по плаванию на длинные дистанции, только – увы! – добропорядочный контакт не заладился с самого начала. Позже консилиум специалистов в разных областях наук, собранный по этому поводу на «Олимпе», высказывал различные мнения на этот счёт; однако, прогрессирующая деградация и агрессия островитян позволяли заподозрить истинные намерения атлантов по отношению к предпринятым экспедициям довольно безошибочно. Несмотря на то, что атланты являлись великолепными пловцами, они занялись постройкой целого флота, на котором и собирались преодолеть разделяющее их от людей расстояние. Судами их средства передвижения по воде назвать было нелегко: они представляли из себя, скорее, здоровенные плоты, снабжённые килем и широкими парусами; борта у этих конструкций были не более метра в высоту; при штиле они шли довольно ровно и устойчиво. По центру «судна» располагались специально возведённые низкие помещения для хранения продуктов питания, отдыха пассажиров и команды гребцов, которых

насчитывалось по пятьдесят со стороны каждого борта. Каждому плоту полагался кормчий, одновременно исполнявший при этом обязанности капитана, штурмана и даже механика. Словом, это была главная фигура любой плавучей атлантической единицы.

Несмотря на неплохую экипировку и готовность к дальним походам, плоты атлантов не несли на себе никакого вооружения, да и сами рептилоиды никогда не имели даже обыкновенных дубин или луков. Факт полного отсутствия у них какого-либо оружия заставил некоторых олимпийских исследователей «Атлантической проблемы» отстаивать поначалу всё-таки мирные цели пришельцев на материк; однако, их оппоненты, исповедующие точку зрения изначально враждебного отношения островитян к людям, возражали, разумно указывая на отсутствие в числе перевозимых плотами предметов обычных в таких случаях товаров для торговли. Тем не менее, к торжеству придерживающихся именно последнего мнения послужили действия самих атлантов, когда они преодолели водные просторы за Гибралтаром – и высадились на южном побережье Эллады: в результате первых же столкновений с людьми выяснилось, что при невероятном росте островитян, их силе и подвижности, никакое оружие им просто не нужно; кроме того, было сразу установлено и то, что любое, существующее в ту пору человеческое оружие ближнего боя не может нанести им ни малейшего вреда. Исключение составлял только лук, а также более мощные стрелковые и метательные машины – баллисты да катапульты, которые были в состоянии нанести гигантам непоправимый урон.

Первая экспедиция атлантов на заселённые человеком территории не была особо многочисленной – всего несколько плотов – и носила исследовательский, так сказать, пристрелочный характер. Миновав Гибралтар, островитяне каким-то чудом прошли мимо европейских и африканских берегов, оставив в стороне Сардинию и Сицилию – и высадились в Мессении. Там путешественники и столкнулись впервые с людьми, которые, ужаснувшись вида коренного населения Атлантиды, едва ли не совершили массовой миграции в Лаконию, под защиту бесстрашных спартанцев.

Здоровенные, мгновенно впадающие в аффект, агрессоры разорили несколько прибрежных селений, когда, наконец, люди смогли понемногу прийти в себя – и дать отпор возникшим со стороны моря захватчикам. Хоть силы были явно неравны – рептилоиды превосходили эллинов почти вдвое – людям, несмотря на ужасные потери, удалось предотвратить атаку неприятеля и отправить остатки врагов туда, откуда они и появились – в море.

Если бы не лучники, битва, несомненно, была бы проиграна: любой, более чем двухметровый, атлант голыми руками сметал на своём пути целые группы оборонявшихся, копьё и мечи которых практически не наносили ему никакого урона. Удары их мощных, размером почти с человеческую голову, кулаков сминали шлемы и щиты, поэтому люди, довольно быстро усвоившие полученный опыт, остаток сражения провели с дальних дистанций, предпочитая не встречаться с врагом лицом к лицу. Меткие эллинские стрелки завершили разгром нападавших: уцелевшие островитяне, побросав большинство плотов с провизией, бежали на двух оставшихся в сторону Кикладских островов, надеясь восстановить силы – и, возможно, рассчитывая вызвать на помощь подкрепление: как установил доктор Эрот, в ускоренном режиме ведущий исследования с несколькими специалистами под руководством доктора Артемиды, влияние «45,1 градуса по Дионису» на бихевиоризм и наследственность атлантов выявило у них определённую – вероятно, побочную – способность к телепатии. Согласно расчётам группы исследователей, она не могла прогрессировать, однако даже с её возможностью на существующем у рептилоидов интеллектуальном уровне неизбежно приходилось считаться.

В тайне от руководства «Олимпа», по просьбе биологов на место вооружённого конфликта был направлен доктор Гермес. Он побывал непосредственно на месте высадки ящероподобных агрессоров и последовавшего фактически на берегу места сражения; пообщался с многочисленными очевидцами и участниками битвы, которые торжественно делили военные трофеи бежавшего с поли брани врага. Можно упомянуть, кстати, что особой пользы от захваченного имущества островитян эллины не получили: практически

весь груз, оказавшийся в руках людей вместе со здоровенными плотами неприятеля, оказался солёной рыбой, причём, солёной настолько, что её невозможно было использовать в пищу. Победителям ничего не оставалось, как растащить на доски морские средства передвижения атлантов, а пересоленную рыбу за ненадобностью выбросить.

Доктор Гермес, дотошно собиравший любую информацию по непредвиденному столкновению, навёл справки у прибрежных селян, не осталось ли в живых хоть одной ящерицеобразной особи. Например, пленённой... Люди с ужасом заверили опросчика, что им и не пришла бы подобная мысль: рептилоиды выглядели в их глазах столь отвратительно, что пленить подобное существо и сделать из него раба в своём хозяйстве было бы вершиной как неизлечимой отваги, так и неизлечимого безумия. Доктор понимающе кивал, выслушивая людей; однако, как оказалось, поставленный диагноз вполне можно было отнести к кое-кому из проживающих в соседней деревушке.

Случилось так, что спустя несколько часов после окончания эпического сражения, некий уцелевший, но при этом смертельно раненый атлант почти приполз на подворье к некоему шепелявящему Акакайосу, который жил несколько на отшибе от деревни и слыл среди соседей персоной с лёгким помешательством. Так ли это было на самом деле или селяне всего лишь распускали слухи о старике, наверняка сказать нельзя; действительно лишь то, что имени своему сердобольный дедушка соответствовал нельзя как лучше: увидев на своём дворе валявшегося без чувств атланта, человек из последних сил втащил незнакомого здоровяка неопределённой внешности в дом. Там он заметил, что тело лежавшего на полу без сознания гостя сплошь и рядом покрыто рваными ранами; хозяин, как умел, оказал ему первую помощь, состряпав из каких-то тряпок перевязку на скорую руку – и попытался уложить несчастного в постель... Увы, для оказавшегося в его доме верзила та оказалась невероятно мала; Акакайос, кое-как подстелив под рептилоида льняное покрывало со стола, наконец, внимательно рассмотрел внешний вид бесчувственного незнакомца. Никакого страха от взгляда на атланта он не испытывал: дедушке натикало так много лет, что добрую половину прожитой жизни он не помнил вообще; а что касается внешности – так мало ли, чего с ней в жизни не случается?!

Соседи, мгновенно прознавшие, что сумасшедший старикан дал убежище одному из тех, кто совсем недавно атаковал мессенское побережье, настойчиво убеждали Акакайоса убить незваного гостя – или, по крайней мере, вышвырнуть его из дома, чтобы явившиеся к нему с претензиями люди завершили с атлантом не законченное на берегу дело. Но добрый дедок наотрез отказался выполнить их требования, возразив, что пострадавший в битве и так долго не протянет, дескать, раны у него слишком глубокие и многочисленные, поэтому пусть уж дадут ящерице упокоиться с миром.

Наконец рептилоид пришёл в сознание; отыскав глазами своего нежданного спасителя, он горячо благодарил Акакайоса за доброту – и просил перед смертью хоть глоток напитка, странное название которого напрочь выветрилось из головы его единственного слушателя; к тому же, в доме благочестивого старика никогда ничего не водилось, кроме воды, о чём он немедленно информировал потерпевшего. От услышанного сознание атланта вновь помутилось – и он грохнулся в довольно продолжительный обморок.

Пока хозяин хлопотал по дому, островитянин ещё несколько раз ненадолго приходил в себя; тогда Акакайос спешил к нему, выслушивая всё, о чём лепетало неведомое ему существо. Поэтому можно с громадной долей вероятности утверждать, что старичок был самым первым на земле атлантологом, выслушавшим и запомнившим предсмертные откровения людоящера, глаголющего о своей расе, об обычаях, о Законе и тому подобных занимательных вещах.

Когда в доме старичка появился доктор Гермес, существо незадолго до этого успело испустить дух, поэтому заслуженному работнику пресс-центра пришлось общаться с человеком, оказывавшего последние услуги приползшему к нему рептилоиду. Дедушка, усадив дорогого посетителя на единственный в доме стул, уселся на кровать, рядом с накрытым покрывалом телом ящера. В процессе беседы, повествуя Гермесу о последних

часах жизни атланта, дедушка часто сбивался, перепрыгивал с мысли на мысль, пересказывая сначала одно и то же; он вещал обо всём, что ему только довелось услышать от умирающей ящерицы. Один рассказанный им сюжет, основанный на откровениях атланта, настолько поразил доктора медицины, что он специально для МАИ привёл его аудиозапись полностью:

- Видишь, как оно получилось! Верховный Жрец сказал, мол, негоше гневить судьбу так, как Прометей прогневил шамого Царя богов – великого Зевша. И поведал, што когда-то атланты были очень нешшастны, но появившя Прометей, и пошалел их. И похитил он у Зевша огонь, и принёш его атлантам. И штали атланты шшастливы, как никогда! Разгневалшя Царь Олимпа – и приказал приковать Прометея к шкале за ошлушание... Так там, бедный, и вишит до сих пор... А такую воду нам дал – ну, просто огонь! Вот и шшашливы мы, атланты! Огненная вода – вкушнее вшего на швете, так он меня уверял.

А я, шештно говоря, не шовшем его понял: пошлушай, шказал я незнакомцу, ты уж как-нибудь определишь: то Прометей огонь вам принёш, то – воду... Огненная вода, на мой взгляд, понятия шовшершенно нешовместимые. А тот мне нишего уше не ушпел ответить, потому што помер...

Выслушав до конца это взятое в далёкой Мессении интервью, доктор Гермес уже на «Олимпе» занялся его дешифровкой – и в результате стало понятно, каким образом в мифологию эллинов попала знаменитая «легенда о Прометее». Самым удивительным оказалось то, что к людям она пришла благодаря рассказу умирающего атланта, который доверил информацию шепелявящему Акакайосу, в свою очередь разнёсшего «легенду» по ушам тех, кто желал её послушать! Неудивительно, что желающих оказалось много: эллинов бесконечно интересовала жизнь «олимпийских богов» – их семейная жизнь, склоки, внебрачные дети – даже в том случае, если характер повествования носил весьма недостоверный характер.

Тем временем события, начавшиеся на Атлантиде с момента отправки первой экспедиции и последующего за ней мессенского сражения, получили продолжение не только на обжитой человеком территории, но и на самом острове. Во время одной из посиделок в тихой лагуне доктора Эрота, когда бессмертные вновь собрались немного покутить, произошло неслыханное нарушение Закона, перед которым атланты некогда трепетали: веселящиеся олимпийцы и гости острова с других баз внезапно увидели, как километрах в десяти от них к небу поднимается столб дыма. Оправив доктора Гермеса на разведку, удивлённым учёным ничего более не оставалось, как наблюдать за поднимавшимся к небесам заревом – и обонять отнюдь не курения на собственных жертвенниках.

- Плохи дела! – доложил вскоре вернувшийся доктор Гермес. – Атланты подожгли лесной массив неподалёку от своего пещерного города...

- Да накажи их Зевс! – в сердцах воскликнул доктор Эрот. – Они же так и весь остров спалят! А здесь, как-никак, моя лаборатория! Вот уж не ожидал от этих преступников...

- Чего ты от них не ожидал, коллега? Сам же говоришь, что деградация атлантов прогрессирует гигантскими шагами! Следующий раз не будешь давать спичек детям... – констатировала доктор Афродита. – Кстати, почему ты назвал их преступниками, Эрот?

- Да потому, что они вновь нарушили собственный Закон! – ответил тот, печально взирая на отсветы далёкого пожара, которые всё яснее и яснее давали знать о себе с наступлением темноты. – Сперва их самки сбросили с себя одежду, теперь и самцы начали им подражать в бесстыдстве; а ведь ранее были такими целомудренными! Потом, на материке – попрали основное правило: «НЕ ПРИЧИНЯТЬ ВРЕДА ЧЕЛОВЕКУ – это Закон. Мы – атланты!» А сегодня они совершили очередной противозаконный шаг: невзирая на однозначный запрет «НЕ ИГРАТЬ С ОГНЁМ ВНЕ ПЕЩЕР – это Закон. Мы – атланты!», они вынесли пламя из города!

- Ну, положим, самым первым нарушенным пунктом их Закона был вот этот: «НЕ ПИТЬ ТОГО, ЧЕГО НЕ ПРЕДЛАГАЮТ – это Закон. Мы – атланты!», - вставил доктор Дионис,

демонстрируя не дюжие познания в уголовном праве островитян. – Разве можно было красть мой синтезатор и напиваться из него без моего приглашения?!

- Ладно тебе, Дионис, не мелочись! Лучше потушим пожар, ими спровоцированный, - предложил доктор Гефест. – Иначе от комплекса Эрота останутся одни головешки... Кто со мной? – спросил он, оглядывая коллег.

- Я пойду, - ответил Арес. – В моём арсенале есть кое-какие быстро тушащие пламя средства... Словом, все присутствующие на тусовке техники – прошу со мной!

К Гефесту и Аресу, отделившись от учёных, присоединились Гидра, Тритон и Фобос с Деймосом; минутой позже группа спасателей, взойдя на глиссер, отправилась исправлять учинённые рептилоидами беспорядки...

Тем временем, пока их соплеменники устраивали пиротехнические шоу на Атлантиде, оставшиеся на Кикладских островах без связи с родичами рептилоиды постарались по возможности комфортнее обустроить своё новое жильё. Доктор Эрот, предположив возможность передачи атлантами телепатических сигналов, оказался прав; правда, диапазон посылаемых ими друг другу импульсов не был столь широким, чтобы преодолевать значительные расстояния. Выбрав один из необитаемых островков, ящероподобные существа, общей численностью около полутора сотен особей, принялись заниматься повседневными делами: на их языке это означало обыкновенное пиратство, охватившее ближайшую акваторию.

Небольшие эллинские судёнышки, хоть и были довольно манёвренными, не могли, однако, тягаться с плотами морских разбойников: паруса последних были неизмеримо широкими, что давало им возможность с лёгкостью настигать не вовремя зазевавшихся людей. К тому же рептилоиды являлись превосходными ныряльщиками, которым ничего не стоило подолгу задерживать дыхание на большой глубине; они часами могли пасти суда с отдалённых расстояний, поджидая их где-нибудь на рифах – а после совершали внезапное нападение.

Кроме островов, от проделок атлантов пострадал и юг Лаконии; не проходило и недели, чтобы проживающие там люди не могли не досчитаться хотя бы одного из торговых кораблей. Уставшие от причиняемых рептилоидами неприятностей – действительно, как будто людям не хватало пиратов собственной расы! – они решили объявить последним самую настоящую морскую войну, для ведения которой двум могучим плотам атлантов эллины противопоставили около полусотни маленьких судов, специально для этой войны построенных. С виду они напоминали обыкновенную триеру, укороченную в полтора или два раза; кроме того, эти кораблики не были вооружены обычным для триер тараном – ему просто некуда было бить, по причине отсутствия у флота рептилоидов высоких бортов или строений на палубе. Кстати, сами атланты так и не позаботились об увеличении количества своих плавающих гигантов: во-первых, они действительно обленились, предпочитая добывать необходимое им в результате своих подводных вылазок, оперативности которых они отдавали большее предпочтение; а во-вторых, им просто не могло прийти в голову, что людям когда-нибудь надоеет атлантическая тирания и грабёж среди бела дня – и те ответят решительными действиями.

В один прекрасный день незаконно занявшие необитаемый остров силы атлантов были неприятно удивлены, когда, едва продравши глазки, увидели у своих берегов многочисленные эллинские судёнышки; после недолгих объяснений выяснилось, что люди считают своей прямой обязанностью прекратить разбойные нападения неприятеля на торговые караваны, и вообще – стереть с лица планеты уродливых пиратов. «Всех, до единого!», крикнул с борта одного из судёнышек не рискнувший ступить на остров грек-парламентёр – и атланты в спешке развернули боевые действия.

В результате морского сражения, продолжавшегося с попеременным успехом для той или другой стороны – в зависимости от силы надувавшего паруса ветра – люди потеряли большую часть флота, тогда как атланты отделались единственной крупной неприятностью: во время погони за скоростными мини-триерами, один из их плотов сел на

мель, причём, столь неудачно, что вернуть его на воду в неповреждённом состоянии во время боя не представлялось возможным. Впрочем, если учитывать, что в процентном соотношении люди утратили пусть хоть и две трети своих плавательных средств, то атланты – ровно половину; оттого, видимо, по негласному соглашению сторон, было принято считать проведённую операцию «ничьей».

Но если устроившиеся на доселе необитаемом клочке земли огромного архипелага рептилоиды вели подлинную войну за выживание, то проживающие на Атлантиде продолжали просто валять дурака: их обычным делом продолжали оставаться массовые запои, которые сказывались не только ускоряли их прогрессирующую деградацию, но и косвенным образом чинили неприятности бессмертным. Кроме того, по острову поползли слухи, немедленно достигшие ушей «Большого Брата»: атланты не забыли об исчезнувшей экспедиции, и собирались продолжить свои исследования заокеанских территорий...

Доктор Эрот, уже окончательно махнув рукой на свои попытки мирно договориться с Верховным Жрецом, всё-таки вёл пристальные наблюдения за рептилоидами. Несмотря на то, что большую часть времени он проводил на острове один, генетик ничуть не беспокоился за собственную жизнь: стены его комплекса были невероятно прочными, а во время прогулок по Атлантиде за ним безотлучно наблюдали боевые дроны, позаимствованные из лаборатории доктора Гефеста «на всякий случай».

«Чертоги» Афины были давным-давно восстановлены; торжества, банкеты, обыкновенные посиделки с коллегами и случайные мероприятия в послерабочее время вновь сменяли одно другое по заведённому порядку.¹⁷ Доктор вспоминал, как будто с того момента пронеслись миллионы лет, когда бессмертные веселились на его острове, в тихой лагуне, именовавшейся Запретным Местом... Кстати, положение «НЕ КУПАТЬСЯ В ЗАПРЕТНОМ МЕСТЕ – это Закон. Мы – атланты!» также был беспощадно нарушен самими законодателями: генетик видел собственными глазами, как первая появившаяся на этот свет пара атлантов – Гхгрл'хмых и Грмл'лыхм, ныне Верховный Жрец и Праматерь рептилоидов – беззаботно плескались в прозрачных водах лагуны, окружённые полупьяными соплеменниками, которые вообще больше никогда не старались удлинять свою мысль... Увы, Закон полностью потерял власть и силу, если сами предложившие и утвердившие его насмеялись над ним столь откровенным образом.

Однажды вусмерть пьяные атланты разошлись до такой степени, что, когда доктор Прометей по каким-то делам явился на Атлантиду – и, прогуливаясь по знакомым местам в послеобеденное время, попался рептилоидам на глаза – случилось неслыханное: обезумевшие от принятой слоновой дозы «45,1 градуса по Дионису», людоящеры загнали его на дерево, откуда он не мог спуститься более четвери часа, пока его не забрал Арес, прибывший коллеге на выручку на одном из лайнеров.

- Да ведь это я, Прометей! – убеждал доктор разъярённых нападающих, благословляя их неумение лазать по деревьям. – Это же я принёс вам огонь! Или огненную воду, как вам будет удобнее... Это меня вы обязаны почитать, как спасителя!

- Врёшь, негодник! – огрызались атланты, отчаянно пытаясь достать кибернетика руками и зубами. – Никакой ты не Прометей! Настоящий Прометей сейчас прикован к скале, а ты либо обыкновенный самозванец, либо его фантом, причём, слишком много болтающий... Эй, ребята, поднажмём! Сейчас мы его достанем, гада! – и рептилоиды стали раскачивать пальму, намереваясь если не стряхнуть свою жертву вниз, так хоть расшатать её корневую систему – и вывернуть дерево из земли.

- Ой, рука ты моя, несчастливая! – загрустил Прометей, исчерпавший все имевшиеся у него разумные и неразумные доводы – и, плюнув от безнадёги, вызвал на помощь коллегу-техника...

---

¹⁷ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

Было ещё одно из достойных упоминаний приключение, связанное всё с той же «Непобедимой Армадой» атлантов, окопавшихся на безымянном острове в Эгейском море. Поскольку сами греки оказались не в состоянии нанести им полное поражение в результате предпринятой морской операции, то через доктора Гермеса люди обратились за помощью к «богам». Тот посоветовался с Эротом, который к тому времени был уже совершенно разбит выходками своих питомцев, попросив коллегу вернуть на Атлантиду безобразничавших на архипелаге атлантов – и, вооружённый всеми известными о неприятеле тактическими знаниями, вылетел на воздушном катере в театр военных действий в компании Прометей, Ареса, и – как бы это не показалось странным – специально затребованной для мероприятия с «Океана» профессором Горгоной.

Несмотря на то, что атланты являлись рептилоидами, они смертельно боялись и ненавидели змей. Возможно, кое-какие архаические страхи сохранились в них от человеческого ДНК. Решив обратить эти самые страхи противника себе на пользу, команда заняла позицию над морской гладью, где, буквально под днищем катера, кипело сражение не на жизнь, а на смерть.

Оба атлантических плота – один из которых был повреждён в прошлой битве, оказался вновь восстановленным и превосходно держался на плаву – шли на небольшом расстоянии друг от друга; борта их практически соприкасались. Видимо, не особо понимавшие в навигации рептилоиды решили держать рядом свои «суда», превратив их, по их мнению, в одну огромную силу, способную раздавить любую эллинскую мелюзгу. Это оказалось как раз на руку прилетевшим: приказав людям поскорее покинуть площадку боевых действий, каждый из них немедленно занялся отведённой ему задачей. Профессор Горгона устроилась возле «Осуществителя», или как его ещё называют, Аппарата Репродуктивного Клонирования, который в считанные мгновения воспроизводил её роскошные волосы; Прометей немедленно обрезал толстые, тугие пряди – и передавал их Аресу, который сбрасывал импровизированных змей прямо в гущу атлантов. Сам Гермес, удобно устроившись у самого борта, помогал Аресу справляться с тяжкой работой, поскольку двух рук тому явно не хватало.

Короче говоря, всё веселье длилось не более нескольких минут: атлантов охватила паника – при виде ненавистных существ они окончательно потеряли способность рассуждать, впадая в ступорозное состояние. Хорошо, что снизу люди не могли видеть сидящую перед «Осуществителем» Горгону; иначе, вполне допустимая вещь, их реакция на присутствие профессора в числе помогающих им одолеть атлантов оказалась бы не менее панической. Вытащив из воды и собрав по палубам обездвиженные тела рептилоидов, бессмертные при помощи левитаторов подняли их на катер – и любезно пригласили оставшихся внизу людей воспользоваться победными трофеями, предоставив в их распоряжение два атлантических плавательных средства.

- Итак, что теперь? Рвём на Атлантиду? – спросил Арес, провожая глазами эллинские судёнышки, тащившие за собой на буксире огромные плоты. – Бедный Эрот, наверное, ужасно соскучился по своим красавчикам!..

- Да, и постарайся сделать это поскорее, - сказала профессор Горгона. – Если бы вместо моих чудесных волос был мой ненаглядный парализатор, я не беспокоилась бы о времени... А действие волос более ограничено.

- Давай уж, капитан! – Прометей хлопнул Ареса по плечу. – Отдадим Эроту его ценный груз, и пусть делает с ним, что хочет... А у меня сегодня ещё важные исследования!

Друзья достигли Атлантиды в считанные минуты. Доставленные на борту катера атланты в ещё бессознательном состоянии были транспортированы поближе к своему пещерному городу – и оставлены в пределах его видимости.

Доктор Эрот, сердечно поблагодарив коллег за оказанную услугу, вернулся к прерванной работе: расставляя последние точки над «i», он пригласил на остров доктора Гефеста.

- Атланты стали слишком опасны, чтобы хоть на мгновение оставлять их без присмотра, - перешёл он к делу без лишних слов, когда конструктор прибыл в лабораторию генетики. –

Я полагаю, что деградация их необратима; повернуть процесс вспять может только тиканье часов – в обратную сторону...

- Этим всё и должно было закончиться, - сочувственно резюмировал доктор Гефест.

- Почему, Гефест? Почему? – его собеседник затряс перед лицом обеими руками. – Что я сделал не так? Скажи мне!

- Дело вовсе не в тебе, а в них, - физик мотнул головой в ту сторону, где находился Град Золотых Врат. – С ними уже с самого начала не всё было в порядке, разве ты сам этого не видел?

- Аид меня побери, Гефест, но у меня из-под контроля ещё никогда не выходил ни один проект! – генетик уселся в кресло. – Да, иной раз я просто чувал всеми своими двадцатью шестью чувствами, что тут – ошибка, здесь – недочёт, там – недостаток понимания предмета...

- Я повторю: дело не в тебе, Эрот! – улыбнулся конструктор. – Не забывай: я – такой же изобретатель, как и ты... Ну, разве что я – старше тебя... А от ошибок, кстати, в нашем деле никто не гарантирован.

- Успокаиваешь?

- Нет. Лучше скажи, зачем ты меня позвал.

Доктор Эрот мгновение собирался с мыслями:

- Слушай, я хочу попросить тебя возвести мощную энергетическую защиту вокруг Атлантиды. Таковую, чтобы её не смог преодолеть ни один атлант. Сможешь?

- А я-то думал, ты попросишь о чём-нибудь серьёзном! – вновь улыбнулся коллега. – Считаю, что она уже возведена... Мне для этого понадобится суший пустяк: генетические коды атлантов, образцы которых мне необходимо вмонтировать в энергополе, которое я сделаю по принципу распознавания «свой – чужой»... Перебрось их мне на персональный компьютер – и чем быстрее, тем лучше, - Гефест похлопал друга по плечу. – Ладно, я буду у себя. Получу данные – займусь обороной мира от Атлантиды!

- Хорошо!

Стоило тому удалиться, как с доктором связался руководитель базы:

- Доктор Эрот, дружище, не могли бы вы ненадолго зайти ко мне? – ласково поинтересовался профессор Зевс. – Это вас не затруднит?

- Нет, профессор! Буду прямо сейчас! Вот только коллеге Гефесту материалы для работы отправлю...

В кабинете начальника базы доктор Эрот увидел своих приятелей: докторов Диониса и Прометея, сидевших в креслах друг напротив друга; через стол от них находился профессор. Ещё одно кресло, стоявшее рядом со столом, пустовало. Генетик извинился и хотел покинуть помещение, однако хозяин кабинета остановил его движением руки:

- Куда же вы, доктор?! Мы с коллегами только вас и ждем! Входите и садитесь.

Троица молниеносно переглянулась; доктор Эрот занял предложенное ему место между химиком и кибернетиком. Руководитель «Олимпа» поочередно посмотрел на каждого из них:

- Ну что, касатики? Довольно наигрались?

- Так получилось, профессор! – выдохнул генетик. – И началось всё с меня...

- Похвально, коллега, что вы начинаете беседу с самообличения, - улыбнулся Зевс; по его лицу нельзя было понять, иронизирует ли он или настроен вполне серьёзно. – Это делает вам честь – и в моих глазах, и в глазах ваших вольных или невольных соучастников. Подобное признание говорит о многом. Так говорите же, друг мой, говорите! – профессор вновь сделал приглашающий жест рукой. – А когда вы закончите, то после этого вместе подумаем над тем, о чём, когда и почему вы решили умолчать...

ГИПЕРБОЛОИД ИНЖЕНЕРА ЗЕВСА

*Зевс, меж богов величайший и лучший...
Громораскатный, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.
Милостив будь, громозвучный Кронид, — многославный, великий!*
Гомеровы гимны, «К Зевсу», 1-4

*Уже были и ещё будут многократные и различные случаи гибели людей,
и притом самые страшные – из-за огня и воды,
а другие, менее значительные, - из-за тысяч других бедствий.
...за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землёй;
равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину...*
Платон, «Тимей»

*И вот Зевс... созвал всех богов в славнейшую из их обителей, утверждённую в средоточии мира,
из которой можно лицезреть всё причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...*
Платон, «Критий»

- Итак, - профессор, открытым взором осмотрел замершую перед ним в креслах троицу, - обсудим ситуацию после долгого следственного допроса: в результате ваших – откровенно говоря, сумасшедших – идей и поступков, Атлантиду и населяющую её расу предлагаю исключить из числа дальнейших объектов, подлежащих исследованиям.
- Почему, профессор? – подал голос доктор Эрот. – Атланты совершенно безопасны, по крайней мере, теперь: более никто из них никак не сможет покинуть остров...
- Вот как? – руководитель «Олимпа» откинулся на спинку кресла. – Что же, вы лично попросите их об этом? Ну-ну!.. Вот что, друзья мои, - он протёр очки и вновь водрузил их на переносицу. – Ваши проделки уже давно попали в сферу моего самого пристального внимания. Оставим без рассмотрения ваши достижения на экспериментальном поприще: за интерес, проявленный вами в изучаемых областях, никто вас не винит. Непомерное любопытство и неуёмное воображение – вот основные двигатели научного прогресса! Но когда дело заходит столь далеко, что созданные вами, - он глянул на доктора Эрота, - существа, получают созданный вами, - он перевёл взгляд на доктора Диониса, - аппарат, и благодаря вам, - глаза профессора остановились на докторе Прометее, - становятся его безраздельными обладателями – это, прошу прощения, переходит все границы здравого смысла! Из-за нескольких выстроившихся в линию, как парад планет, случайных обстоятельств, от лап ваших рептилоидов погибло несколько сотен человек! Среди них

могли оказаться люди, которые – сами или через своих прямых потомков – могли повлиять на ход истории Земли! Впрочем, мне с Афиной ещё придётся это выяснять...

- Доктор Гефест уже возвёл мощную энергетическую защиту над Атлантидой, - сообщил начальнику базы доктор Эрот, мгновением назад получивший сообщение от коллеги на персональный миникомпьютер, вмонтированный в рукоятку его лука. – Остров, а равно и часть окружающего его водного пространства, протяжённостью в морскую милю, обнесены стабильным полем, которое не позволит любому обладателю атлантического ДНК покинуть это место, пусть даже они совершат попытку взлететь...

- Это уже лучше, - одобрительно кивнул профессор. – Хорошо, что предпринимаемые меры не носят совсем уж запоздалого характера... Лаборатория на острове не находится ли в опасности?

- Ей ничто не угрожает, профессор! – отрапортовал доктор Эрот.

- Хорошо, - Зевс – инженер, физик, биолог и математик в одном лице – приложил ладонь ко лбу, обдумывая нечто важное. – Не смею вас более задерживать, коллеги! Возвращайтесь на рабочие места – и продолжайте нести научные будни, от этого вас никто не увольнял... Но, какая жалость! – внезапно пробормотал он, взмахивая руками. – Мы с доктором Гефестом спасли Атлантиду и саму Землю от астероида, и на тебе – не одно, так другое: откуда ни возмись, нарисовался Прометей – и невольно спойл несчастных рептилоидов до полной деградации!

- Дорогой профессор, я ведь... – начал было кибернетик.

- Все свободны! – повторил профессор, перебивая подчинённого и указывая друзьям на двери. – На ближайшем Советании всему «Олимпу» придётся решать, что делать с вашими крокодило-бабуиноподобными островитянами... А пока – марш работать!

Руководитель «Олимпа» профессор Зевс, будучи одним из самых выдающихся и разносторонних учёных Вселенной, также был известен коллегам как коллекционер всяких раритетных штучек. Коллекция собранных им артефактов поражала количеством и разнообразием экспонатов, собранных по всем уголкам Вселенной: в его персональном музее, с которым он никогда не расставался, нашли своё место тысячи и тысячи всевозможных технических изобретений, созданных в разное время многочисленными цивилизациями. Это было любимым местом размышлений профессора; здесь он, окружённый старинными экспонатами, чувствовал себя невероятно хорошо... И вот, вместо того, чтобы находиться в благостном состоянии духа, созерцая предметы, служившие некогда многочисленным цивилизациям – одно лишь это иногда приводило инженера к тем или иным изобретениям и открытиям – он должен тратить драгоценное время и напрягать голосовые связки, распекая трёх молодых недотёп!

Впрочем, начальник базы никогда не отличался властным темпераментом; руководящие нотки довольно редко появлялись из его уст: профессор предпочитал более эффективную политику пряника, нежели кнута, это знали – и весьма ценили – все сотрудники, с которыми Зевсу когда-либо приходилось работать. Инженер никогда не кичился своим почтенным возрастом, научными заслугами или общественным положением, правда, было в нём нечто инквизиторское, что иногда повергало подчинённых в страх и трепет. Благодаря никому не известным техническим устройствам, находящимся в стенах запасников его музея, профессор был в курсе множества событий, как локального, так и вселенского масштаба; откровенно говоря, для него далеко не всегда являлись необходимыми услуги работника пресс-центра МАИ доктора Гермеса.

Одним из основных качеств любого начальника, несомненно, должно быть поистине сказочное терпение, выдержка и предвидение всевозможных изгибов судьбы. Зевс обладал перечисленным в такой степени, с какой просто невозможно было конкурировать ни одному из его бывших и нынешних сотрудников; видимо, обладание подобной внутренней атрибутикой и выдвинуло физика на руководящую должность, причём, не только в «Проекте «Земля»». Под началом профессора прошло множество других успешных

проектов по сотворению миров, почему его иногда называли за глаза «Инженером»; его мышление и наблюдательность никогда ещё не терпели фиаско.

Будучи, практически, с самого начала в курсе неудач коллег Эрота, Диониса и Прометея, он терпеливо позволил им самим выкручиваться из создавшегося положения – и лишь, когда деяния последних стали причиной необратимых последствий, решил, наконец, тактично вмешаться. О Зевсе поговаривали, что у него повсюду свои глаза и уши. Судя по его невероятно точному прогнозу будущих и непредвзятому анализу прошлых событий, вполне можно ставить под сомнения факт того, что Зевсу не быть известно даже местонахождение «Чертогов» Афины. Неужели столь прожжённый аналитик и психолог в течение миллиардов лет не был в состоянии раскрыть тайну подпольных увеселений молодых сотрудников?! Однако, здесь открывается область чистейших предположений: то ли существование «Чертогов» действительно не представляло никакого интереса для учёного, и он предпочёл не вмешиваться, то ли Афина была настолько искусна, что продолжала-таки в течение не представляемого числа тысячелетий скрывать нахождение своего традиционного заведения не только на Земле, но и во многих проектах на просторах Вселенной до этого.¹⁸

Не менее значимым качеством характера учёного был юмор, который нивелировал его прирождённую страсть к невинным морально-инквизиторским забавам над коллегами. Профессор обожал посмеяться, а при случае – и самому развеселить подчинённых, что, опять-таки, сближало их отношения с начальством. Научный и технический персонал, управлять которым и жить среди которого доводилось профессору во многих экспериментах вселенского масштаба, превосходно знал об отношении Зевса к доброму юмору; а на Земле над начальником даже подшучивали, вспоминая о реально попавшем в эллинскую мифологию событии.

- Вы знаете, - говорил доктор Гермес коллегам, - эллинские баснописцы уверяют меня, что Зевс хохотал после рождения целых семь дней подряд!

- И что с того? – разводил руками техник Арес. – Разве кому-нибудь на «Олимпе» или под ним запрещено смеяться?

- Да Пилот вовсе не об этом! – улыбалась вездесущая доктор Афина. – Он явно имеет ввиду, что хихикать семь дней подряд может только обкуренный! Кстати, поэтому число «семь» у наших греков – священо!

- Не понял, - пожимал плечами добряк Арес. – Священо потому, что Зевс смеялся семь дней? Или потому, что перед этим курнул какого-нибудь слабительного для мозгов из коллекции Диониса?

Однако, особыми шуточками со стороны сотрудников в адрес руководителя базы являлись те, которые – с подачи эллинских мифотворцев – в подробностях трактовали о сексуальных похождениях верховного олимпийца. Почему эллины избрали для профессора указанную тему, почему столь настаивали на непреложной правдивости невесть откуда попавших к ним в головы фантазий, осталось неизвестным; тем не менее, безвестные источники древнегреческого фольклора пользовались несомненным успехом среди любившего поприкалываться коллектива «Олимпа».

- Сексуальные подвиги Зевса – это просто караул! – рассказывал некогда любитель нетрадиционной медицины доктор Гипнос техникам Фобосу и Деймосу. – Мне о них в приватной беседе поведала Афина. У неё вышел какой-то научный спор с доктором Гераклом – мне частично довелось присутствовать при нём – и когда девушка истощила все аргументы в защиту собственного мнения, то применила против Геракла тяжёлую артиллерию: «Это всё равно, - резюмировала она, - что сравнивать все твои подвиги на просторах Вселенной с количеством сексуальным побед Зевса, одержанными им только на

¹⁸ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

Земле!» Кстати, коллега Геракл оценил вескость её аргумента – и сдался на милость победителя...

- Понятно! – захихикал Деймос. – Афина-то в прошлом – математик, но неужели Геракл принялся штудировать древнегреческие мифы?! Подумайте только, сколь невероятная осведомлённость!..

- Ну, и чем же с тобой поделилась Афина после поражения Геракла? – нетерпеливо спросил Фобос, ожидая продолжения истории.

- Да привела далеко неполный список побед Зевса над представителями прекрасного пола, который мифотворцы приписывают нашему профессору! – доктор Гипнос с улыбкой почесал затылок. – Блин, ребята, я превосходно осознал, почему Геракл объявил немедленную капитуляцию на подобный выпад Афины: весь набор его галактических приключений – просто детский лепет по сравнению с историями, какими награждают нашего старика эллины! Подобная изобретательность, с которой Зевс покорял нимф, океанид, дриад, наяд, простых смертных красавиц и даже добрую половину «богинь» всего древнегреческого пантеона, бедному Гераклу даже во сне не могла присниться! Это ему не рептилоидов из лазерных инсталляторов расстреливать!

- Ну, так поведай нам о зевсовых фантазиях! – настаивал Деймос. – Чего там начудил наш старикан?

- Мне – даже при всей моей расширенной и тысячекратно увеличенной для исследований памяти, которая ныне составляет 100 экзабайт – не перечислить и малой толики его эротических выдумок, - ответил доктор.

- Ни фиги себе! – присвистнул Фобос. – Это же получается, - он мгновенно прикинул в уме. – Десять миллиардов гигабайт! Ого!

- Пожалуй, насколько я просёк тему, учёт проделкам Зевса следует вести не в гига-, даже не в экса-, а в самых настоящих зеттабайтах! – с округлёнными глазами предположил Деймос. – Мама мия, вот так размерчики! Подобные масштабы даже доктору Деметре не снились!

- Вот и я о том же, - кивнул альтернативщик от медицинских наук. – Словом, давайте проведён минимальный анализ... Итак, мифотворцы приписывают Зевсу нескольких официальных жён, в числе которых коллеги Гера, Фетида и Метида... Что ты хихикаешь, Фобос?

- Извини! – один из самых молодых проказников «Олимпа» прикрыл лицо руками. – «В числе которых...»

- Случайных связей, как вы понимаете, у Зевса было больше всего, - невозмутимо продолжал Гипнос, стараясь сохранить солидность. – В разное время и по разному поводу его возлюбленными являлись коллеги Леда, Мнемосина, Эвринома, Ио, Европа, Латона – и уже упомянутая вами доктор Деметра...

- Офигеть! – воскликнул Деймос.

- Обождите, друзья мои, я далеко не закончил! Также в учётной карточке побед нашего уважаемого инженера числятся коллеги Фива, Фтия, Каллироя, Ананке, Галия, доктор Гея – и поистине ещё не придуманное число красавиц! Однако, самое интересное в том, каким образом хитрюга-Зевс обделывал свои дела: он выводывал те или иные склонности или слабости жертв – и принимал облик, наличие которого ему позволяло беспрепятственно попользоваться их прелестями... Фобос, хватит ржать!.. Обратившись в змея, например, он соблазнил доктора Деметру, а после и её – а потому и свою собственную – дочурку Персефону; в облике быка – бедняжек Ио и Европу; приняв вид муравья, соблазнил Эвримедусу; лебедя – Немесиду и Леду; став голубем, был приголублен Фтией, жеребцом – явился к Дие... Под видом золотого дождя он сунулся к Данае; пламени – к Эгине; обратившись в перепела, успешно посетил Латону... Да что опять не так?! – воскликнул рассказчик, обратив внимание на едва не падающих с ног слушателей.

- Ой, уморил! – только и смог произнести Деймос, хватаясь попеременно то за живот, то за покрасневшее от смеха лицо.

- То, о чём ты рассказываешь, - вторил ему едва не разрывавшийся от хохота брат, - у меня, например, одновременно ассоциируется с педо- и зоофилией, исключая, конечно, превращения Зевса в природные объекты!.. Блин, ну и наклонности же у наших красавиц: то быка им подавай, то голубя! Скажи на милость, это не наш ли старикан, часом, посетил несколькими тысячелетиями позже некую молодницу из Назарета?!

- Вот хохмачи! – не удержавшись, рассмеялся и сам доктор. – Ладно, чтобы вас хоть немного успокоить, добавлю, что не ко всем прелестницам требовался особый подход нашего созданного мифами соблазителя: прикинувшись сатиром, он огулял Антиопу, а добиваться благосклонности Мнемосины ему пришлось в облике обыкновенного пастуха...

- Круто! – его слушатели уже всю утирали потоки слёз.

- Я даже не знаю, рассказывать ли вам о других эротических забавах и приёмах грозы Олимпа, - засомневался Гипнос.

- А ты валяй, не стесняйся! – подбодрили его братья, изо всех сил пытаясь удержаться на ногах от падения.

- Ладно, - пожал плечами рассказчик, пытаясь изобразить равнодушие. – Только запомните: сами напросились... Так вот, коварство Зевса было столь велико, что, согласно греческим сказочникам, ничто ему не было чуждо. Обратившись орлом, он заполучил возлюбленного Ганимеда; жертвой его стал и несчастный Айтос... Кстати, чтобы добиться любви Каллисто, старый развратник не придумал ничего лучшего, чем принять вид – кого бы вы думали? – доктора Артемиды!

- Очешуеть! – его слушатели прыснули со смеху в очередной раз. – Мало ему гомосексуальных отношений, так надо было обязательно попробовать и лесбийских утех?! Ай да профессор, ай да сукин сын!

- Ну, как вы понимаете, одних «богинь» и «муз» ему показалось недостаточно, поэтому он принялся за самих эллинок. Каллисто я уже упомянул; впрочем, она была у нашего мачо далеко не первой настоящей земной женщиной: первой его пассией оказалась Ниоба... А после его приключения с землянками понеслись, как по накатанной дороге: Алкимена, Мэра, Элара, Пирра, Протогенея и уже упомянутые выше Ио и Даная...

- Вот старый весельчак! – едва не умирал со смеху Фобос.

- Я не понимаю другого: это же сколько здоровья требуется на подобные шашни со всем, что движется! – угорал Деймос. – Слушай, Гипнос, а случаев некрофилии за Зевсом не водилось?

- Чего не знаю, того не стану утверждать! – с невозмутимой миной ответил тот. – Однако, не все красотки поддались ухищрениям нашего громовержца: как уверяют мифотворцы, Медея и Синопа избегли зевсовых ласк – и продолжают отвергать их до сих пор...

- Интересно, а сам Зевс в курсе о собственных успешных сексуальных победах или так и неразделённых домогательствах? – спросил отсмеявшийся, наконец, Деймос.

- Конечно! – доктор улыбнулся. – Иногда он даже грозитя воплотить древнегреческие мифы в реальность, если какая-нибудь из коллег спорит с ним или в ответ на его предложения – научные, естественно! – использует логически необоснованную аргументацию... Я повторяю, друзья: приведённый мной список подвигов профессора ничтожен; если вам угодно больше познавательной информации, милости просим к доктору Афине!

К слову сказать, не только эллинские писатели во всём своём разнообразии одаривали руководителя «Олимпа» никогда не имевшим в действительности места походениями; частенько сам учёный становился невольной причиной возникновения самых разных, передаваемых поначалу из уст в уста повествований других народов, которые нашли своё дальнейшее отражение в творчестве отцов древней истории... Но обо всём – по порядку, ибо, как-никак, шествие Зевса – по достоверным и не очень – мировым хроникам началось именно с Эллады.

Однажды в его кабинет без стука, что уже само по себе являлось весьма необычным, ворвались доктора Аполлон, Гермес и Дионис; вид их был настолько пришибленным, что

профессор даже не стал журить посетителей за внезапное вторжение, поскольку понял: речь пойдёт о чём-нибудь серьёзном.

- Слушаю вас внимательно, господа! – он поднялся из-за стола, за которым работал. – Вы имеете сообщить мне нечто важное?

- Пойдёмте с нами, профессор! – молвил доктор Гермес; стоявшие рядом с ним спутники лишь закивали, будто утратив дар речи. – Вам непременно нужно это видеть!

- Куда это – с вами? – не понял физик. – Что я должен увидеть?

- В таверне «У Гелиоса», - только и смог пробормотать доктор Дионис, взмахивая обеими руками.

Начальник «Олимпа» снял очки – согласно «Инструкции», он не мог пользоваться ими вне исследовательских комплексов базы – и решительно, хотя с плохо скрываемым любопытством, направился к дверям; за ним семенили трое нарушивших его занятия коллег.

- Вы не поверите своим глазам, профессор! – по дороге вырвалось, наконец, у Аполлона. – Это... Это... Кто бы мог подумать?

Пройдя через смотровую площадку, учёные спустились по ступеням к таверне; сквозь веранду было хорошо видно, что в столь раннее время помещение совсем пустое. Впрочем, войдя внутрь и поздоровавшись с официантками, профессор обнаружил, что один из столиков в углу кем-то занят; а когда он внимательно пригляделся к устроившемуся на стуле человеку, то, внезапно пошатнувшись, едва не упал, не поддержи его вовремя коллеги за обе руки. Подобного шока инженер давно не испытывал: глядя на незнакомца, он осознал, что внимательно рассматривает себя самого!

- Ну как, профессор, эффектно? – улыбнулся доктор Дионис. – Как будто смотрите в зеркало, правда?

- Это... Это что такое? – руководитель базы, наконец, пришёл в себя, рассматривая своего двойника. – Это... Это шутка? – он уселся на скамью, во все глаза разглядывая находившегося перед ним человека; тот выглядел смущённым от столь пристального внимания главного олимпийца. Пришедшие с ним коллеги также расселись на свободные места.

- Да разве мы можем так пошутить, профессор! – отозвался доктор Аполлон, с улыбкой наблюдая за ним. – Никто из нас никогда не позволил бы себе клонировать вас для обыкновенной шутки...

- Верно, я люблю приколоться, но подобное было бы перебором, - к Зевсу постепенно возвращалось обычное спокойствие, хотя взгляд его продолжал бегать по лицам четвёрки, среди которой он оказался.

- Знакомьтесь, профессор: Парамonos, коренной критянин, - доктор Гермес вытянул руку в сторону зевсова двойника. – Мы с Аполлоном шли из театра, по пути решили заглянуть в таверну, а здесь – ваш двойник! Мы и сами едва с ног не повалились, но, взяли себя в руки, присели к нему, познакомились... Тут в таверне появился Дионис, кое-какой товар принёс...

- Да, заодно и счета проверить, - вставил химик.

- Ну, у него при виде Парамонса тоже челюсть отвисла, едва принесённые амфоры не перебил... Поздоровался с ним, как с вами, только мы дали ему понять, что Парамonos – это не вы... А после сам попросил нас, чтобы мы позвали к нему самого Зевса... И вот, мы вас привели, профессор!

- Что же ты молчишь? – обратился физик к смущённо прячущему глаза человеку. – Ты хотел меня видеть – я здесь. Теперь говори ты, зачем пожаловал...

- Не стесняйся, дружище! – ободряюще сказал критянину доктор Аполлон, касаясь его плеча. – Скажи великому Зевсу то же, что сказал нам... Эй, красавицы! – добавил он чуть громче, обращаясь к официанткам. – Дайте-ка нам чего-нибудь... – он уловил и правильно понял предупредительный взгляд начальника, - ...чего-нибудь послабее...

- Да что говорить, наниматься я пришёл! – улыбнулся Парамonos одними губами.

- Что?! – воскликнул профессор, выпучив глаза; внимание его полностью было приковано к говорящему, поэтому он даже не заметил улыбающихся коллег. – Наниматься?! Кем?! Миловидная официантка протёрла столик – и привычным движением расставила перед посетителями пиво; доктор Аполлон подал ей монетку – и девушка вернулась за стойку.

- Ещё одним Зевсом! – уверенно ответил двойник профессора. – Меня с тобой постоянно путают, о великий громовержец! Где ни покажись, сразу толпа сбегается...

- Явление Зевса народу празднуют! – усмехнулся доктор Дионис, пригубив напиток. – пей, дружище! – добавил он, глядя на критянина.

- погодите, коллега! – остановил его профессор. – Продолжай, пожалуйста, Парамonos!

- Вот я и подумал податься на Олимп, может, какая-нибудь от меня польза будет могущественному Царю богов? – человек отхлебнул пива разок, другой – и стал смелее. – Возьмите меня на службу!

- Хм, интересно, – профессор задумчиво погладил подбородок. – А что ты умеешь, друг?

- Во-первых, я грамотный, во-вторых – могу изображать самого Зевса! – не без гордости ответила его точная копия. – Разве этого недостаточно?!

- Поразительно, коллеги! – профессор даже прищёлкнул пальцами – и, к немалому удивлению друзей, произнёс. – Ладно, уговорил! Пошли пока ко мне, Парамonos, а я уж придумаю, куда тебя устроить... А вы, коллеги, – предупредил он тройку докторов, – пока помалкивайте о нашей находке!

И, действительно, прозорливый и обожавший пошутить руководитель базы не прогадал и на сей раз: именно появление на «Олимпе» двойника знаменитого профессора породило невероятное количество комичных ситуаций. Для начала Зевс выдал ему идентичную с собственной одежду и научил копировать свойственные себе жесты и походку; Парамonos оказался настолько способным пародистом, что в течение нескольких дней не только заговорил голосом профессора, но и привык к его любимому алкогольному напитку!

Излишне говорить, какая веселуха началась после официального выхода «второго Зевса» в свет. Он с хозяйским видом совершал обход лабораторий, общался с сотрудниками – и даже привык к поначалу вызывавшим резь в глазах очкам инженера! Настоящий же профессор, обычно прячась где-нибудь за углом или колонной и едва сдерживая смех, наблюдал за разводимыми своим двойником коллегами.

Однако, вскоре «второй Зевс» был окончательно разоблачён доктором Артемидой: приняв двойника за своего руководителя, пришедшего инспектировать Лабораторию зоологии, она долго и назойливо просила его об утверждении какого-то проекта; убедившись, что «профессор», судя по его застывшему взгляду, совершенно её не понимает, она с удивлением замолчала – и тут в дверях помещения со смехом появился сам Зевс! Доктор едва не лишилась чувств, сотрудники замерли на местах, вытаращив глаза на двух Зевсов одновременно; словом, немая сцена как следует позабавила профессора, который, отсмеявшись, положив руку на плечо двойника – и поведал коллегам о только что свершившемся на их глазах таинстве...

Несмотря на то, что фокус был раскрыт, подобные случаи имели место и в дальнейшем: двойника начальника «Олимпа» продолжали принимать за его оригинал ещё очень долгое время, причём, отличить их друг от друга не могли как люди, так и сами бессмертные; а когда они оба прогуливались вместе, встречавшиеся им по пути отделялись лёгким безмолвным поклоном, направленным куда-то между фигур гуляющих.

В конце концов, Парамonos оказался в театре доктора Аполлона, где стал единственным актёром, выступавшим без грима и даже маски; наверное, не стоит говорить, какую роль неизменно доверял ему режиссёр... Иногда он, прикинувшись «Зевсом», обходил таверну за таверной, требуя бесплатной выпивки, но подобные мелочи талантливому двойнику всегда прощались.

Когда Парамonos умер, профессор распорядился доставить его прах на родной остров, при этом выразив желание лично проводить двойника в последний путь. Таким образом, на

Крите появилась «могила Зевса», а древние летописи небезосновательно уверяли, что «Зевсов» на Земле было несколько.

Согласно мифологии, приписывающей «Царю богов» изобретение законодательства, профессор был неоднократно замечен и в этом, о чём напрямую свидетельствует хотя бы следующее происшествие. Неким днём профессор получил послание от архонта афинской метрополии, приглашавшего его на торжественное мероприятие по случаю открытия в столице очередного храма Зевса. Официантки таверны «У Гелиоса», дальше которой посланника на «Олимп» не пустили, передали профессору, что его ожидают по важному делу. Несколько минут спустя руководитель базы вошёл в таверну: глазам его предстал крепкий юноша лет восемнадцати, сидевший на одной из скамеек за столом. Кроме него да трудящихся за стойкой девушек, в таверне никого не было.

Парень, увидев вошедшего, подскочил, как на пружине – и, в два прыжка оказавшись рядом с учёным, затараторил:

- О великий, прекрасный, всемогущий Повелитель Олимпа! Солон, архонт наш, челом бьёт – и приглашает произнести торжественную речь во время открытия храма твоего бесподобного имени!

- Вот ещё! – фыркнул инженер, садясь за стол и указывая юноше место рядом с собой. – Лучше бы он ещё одну больницу для бедняков построил, тогда бы я с радостью прогулялся в Афины! А то понавозводили храмов, понимаешь... Ватикан, блин...

- Что? – не понял юноша.

- Ничего, - поправился профессор. – Я обдумываю твоё предложение...

В это мгновение посетителей таверны прибавилось: в помещении появился доктор Аполлон – и, осмотревшись, сразу направился к беседающим.

- Хайре, о великий Зевс! – доктор отвесил профессору лёгкий поклон, вовремя вспомнив, как сотрудникам баз следует вести себя по отношению друг к другу в присутствии людей.

– Хайре, Аполлон! – ответил тот, переводя взгляд на пришедшего. – Почему не на рабочем месте?

- Так я тебя разыскиваю, о слава Олимпа! – сказал тот, поглядывая на юного зевсова собеседника. – Зашёл в твой кабин... храм, а мне сказали, что ты решаешь какие-то дела в таверне... А мне – для получения у Геры нового реквизита – твоя бесподобная подпись нужна и печать...

- Хорошо, сейчас сделаем... Кстати, Аполлон, - ему пришла в голову идея. – Не хочешь ли – на правах моего личного представителя – слетать в Афины? Солон приглашает на открытие нового храма...

- Прошу прощения, - прервал их диалог юный молодец, кладя руку на сердце, - но ведь для открытия храма Зевса нужен Зевс, а не Аполлон! – он поднялся и низко поклонился доктору.

– Со всем уважением, конечно...

- Солон? – руководитель «факультета Искусств» почесал бровь. – Не тот ли это поэт, что впервые в истории Афин стал писать политические памфлеты?

- Он самый, - подтвердил Зевс.

- Здорово! – Аполлон присел и знаком руки попросил садиться и юношу. – Слушай, Зевс, а давай-ка и в самом деле слетаем в Афины! Солон – великолепный автор, мне хотелось бы дать ему несколько практических советов... – воодушевлённо обратился он к начальству. – Заодно и храм твой откроем... Одним больше, одним меньше; какая, в конце концов, разница?

- О, пожалуйста! – умоляюще воззрившись на говорившего посланник. – Бесподобный Аполлон, уговори Царя богов! Архонт вам такой приём организует!

- Ладно, - махнул рукой профессор. – Мы согласны... Сколько времени ты добирался к нам? – спросил он юношу, захлопавшего при его высказанном вслух решении в ладоши.

- Четыре дня, - ответил посланник. – Бежал так, что только пятки сверкали!.. С привалом на ночь, разумеется, - добавил он, разминая икры.

- Сколько?! – удивлённо воскликнул физик. – Паренёк, да ты почти побил рекорд Фидиппида, преодолевшего двести тридцать километров из Афин в Спарту менее, чем за двое суток! Аид меня побери, да ты самый настоящий марафонец задолго до Марафонского сражения! Преодолеть четыреста тридцать восемь километров от Афин до Олимпа за четверо суток – просто фантастическая скорость!

- Что? – вновь спросил эллин, не понявший из футуристической речи профессора почти ни единого слова. – Какого ещё Фидиппида? Среди афинских бегунов я – самый неутомимый и быстрый!

- Извини, дорогой Зевс, но ты немного увлёкся будущим! – тактично поправил его Аполлон и повернулся к афинянину. – Как тебя зовут, дружище?

- Зотикос, посланник великой метрополии, – тот снова руку на сердце и склонил голову, – всегда в услужении у достославных богов Олимпа!

- Хорошо, Зотикос, – кивнул профессор, – мы отправляемся с тобой прямо сейчас... Аполлон, предупреди Ареса, что нам потребуется быстроходный и малогабаритный воздушный корабль; только сам пусть эллинам не показывается, мало ли что случится при его негативной известности... Судном будет управлять Афина.

- Афина?! Вот уж будет праздник на наших улицах! – радостно воскликнул юноша. – Афиняне с ума сойдут от счастья лицезреть справедливейшую Афины! Насколько я помню, Солон выписал пригласительный и ей... Впрочем, ознакомьтесь с документом сами! – с этими словами он сбросил гиматий – и, обернувшись к учёным спиной, сорвал пряжку с хитона, тем самым обнажившись по пояс. – Вот, господа: архонт шлёт вам расписание мероприятия!

Профессор и его коллега присмотрелись к спине посланника – и едва не ахнули: вся её поверхность была мелко исписана киноварью.

- Это что за... – начал было удивлённый начальник базы, но доктор литературы, на шаг приблизившись к Зотикосу, улыбнулся – и громко прочитал вслух:

*Солон, архонт Афинской метрополии – великому Зевсу желает здравствовать тчк
Приглашаю тебя зпт Царь Олимпа зпт на произнесение речи в честь открытия твоего
нового храма тчк*

*Торжественное мероприятие состоится через несколько дней после получения тобой
этого послания тчк*

*В числе твоего сопровождения зпт славные граждане Афин желали бы видеть
божественную покровительницу города – и всех зпт кого ты считаешь нужным
пригласить в свою свиту тчк*

*Банкет зпт размещение гостей и экскурсия по достопримечательностям Афин – за счёт
городской казны тчк*

С низким поклоном и дружеским приветом зпт

Солон тчк

- Почему же телеграмма не в стихах? – добавил Аполлон, закончив чтение. – Этот Солон невероятно обленился...

- У него ныне очень много политической и административной работы, – заступился за архонта Зотикос. – Ему сейчас не до поэзии: забота о целой метрополии легла на его плечи...

- Тьфу, как же это оригинально – и одновременно бескультурно: посылать телеграммы на человеческой спине! – брезгливо поморщился профессор. – Неэтично и негигиенично, в конце концов... Надо будет намекнуть об этом архонту... А что, если бы часть послания стёрлась по пути?

- Что ты, Зевс! – оскорбился Зотикос. – У нас такая качественная краска, что и ванной не сразу ототрёшь! А что касается писания на спинах, – добавил он, разводя руками, – так у нас, эллинов, подобный способ доставки информации – дело обычное...

- Вы могли бы заучивать послания наизусть: подобный метод передачи срочных сообщений весьма успешно практикуют ацтеки, - посоветовал доктор всех искусств. – Впрочем, не моё дело...

- Ладно, дорогу, на которую у тебя ушло несколько дней, мы сделаем за несколько минут, - резюмировал профессор. – Аполлон, дружище, будь ласка, информировать о нашем срочном вылете Афины и Ареса, для компании можешь прихватить Гермеса... Старт через полчаса, время на необходимые сборы пошло!

В кратчайшие сроки маленькое судно достигло Афин; архонт и афиняне рукоплескали при виде званных гостей, прибывших задолго до начала торжеств. Мероприятие прошло с небывалой даже для метрополии роскошью; а после него профессор и указал Солону на совершенно неприемлемый метод доставки государственных депеш на спинах соотечественников.

- Как до такого вообще можно было додуматься?! – сокрушался учёный, выступая перед архонтом и его советниками в приватной беседе. – Подобное могли изобрести, пожалуй, лишь варвары! Даже атлантам не пришло бы в голову рассылать телеграммы друг у друга на хвостах! Немедленно измените систему доставки документов: принятая у вас просто унижает человеческое достоинство! Ну и, соответственно, расходы на воду выше: ведь пока отмоешь этих ваших письмоношцев...

- Как же нам быть, о Зевс? – задумчиво поинтересовался архонт.

- Я подскажу, - приосанился руководитель «Олимпа». – Да будет вам отныне новый закон: писать на деревянных, покрытым воском табличках, а писульки на спинах с сегодняшнего дня прекратить! Я – Зевс, и таково моё желание! И передайте моё постановление другим правителям городов-государств.

- Понятно, - пожал плечами Солон, поглядывая на советников. – Слышали? Сообщите приказ Владыки всем нашим друзьям и союзникам; немедленно отправьте к ним гонцов с... табличками! А я с гостями ещё немного поболтаю о том о сём... Ну, хотя бы о поэзии!

Немало путешествий совершил профессор и по иным землям, особенно, когда за успешные отчёты, предоставленные в МАИ, Совет премировал всех участников «Проекта «Земля»» долгожданным отпуском. Кое-кто из сотрудников, воспользовавшись заслуженной наградой, отправился посетить дом и родных; кое-кто – остался на планете, разумно полагая, что не может быть курорта лучше, чем созданный ими последний из миров... Профессор также решил использовать время отпуска здесь, не покидая Земли – и немного постранствовать по ней, посещая самые разные уголки её поверхности.

Вместе с коллегами, которые время от времени сопровождали его, физик побывал на Антарктиде, где его гостеприимно принимали местные жители; посетил африканский континент и Австралию – это были милые, запоминающиеся деньки его каникул, которые профессор прилежно фиксировал в своём дневнике путешественника.

Забавный случай произошёл с ним в Северной Америке, на территории гораздо позже возникшей Мексики, куда он однажды прибыл вместе с техником Аресом, вызвавшимся прогуляться с инженером после обеда. Неким днём маленький воздушный катер Ареса, довольно часто возивший профессора по делам, завис над вершиной одной из живописных гор Сакатекас; коллеги покинули судно – и, устроившись прямо на камнях, вдыхали чудный горный воздух.

Вдруг оба почувствовали, что находятся не одни: по горным тропинкам к ним осторожно подкрадывались вооружённые луками и копьями аборигены. Арес дистанционно установил энергетическую защиту на судно и самих отдыхающих; люди, негромко переговариваясь меж собой, аккуратно брали неведомых пришельцев в кольцо.

- Профессор, не следует ли нам убраться отсюда? – предложил техник, впрочем, без ноток неуверенности в голосе. – Как бы не напугать местных жителей...

- Наверное, вы правы, друг мой! – ответил профессор, оглядывая приближающихся и подмечая на их лицах непередаваемое удивление. – Как-никак, эта территория не входит в сферу нашего непосредственного влияния... – он улыбнулся людям. – А у вас, друзья, в

необходимое время ещё появятся свои Кетцалькоатль и Уицилопочтли, которыми, возможно, станем именно мы...

Внезапный крик одного из аборигенов привлёк внимание окружающих, поэтому профессор не успел закончить фразы; человек, припав к земле, протягивал соплеменникам небольшой предмет: применив усилитель зрения, Арес сообщил начальнику, что это кусок серебра. Почти в то же мгновение подобный крик издал другой человек – он также обнаружил самородок! А потом окружившие корабль и таинственных пришельцев люди разом пали на колени – и стали отбивать им поклоны, сопровождая свои действия воплями: «Аризона! Аризона!»

- Всё-таки нам лучше улететь отсюда, нечего их беспокоить! – повторил Арес, также подобрав с земли и захватив с собой несколько горных образцов – и, взойдя на борт катера вместе с профессором, олимпийцы покинули завывающих в экстатическом ритуале воинов. Тем не менее, туристы решили не прерывать отдыха на прекрасном континенте – и высадились за пару с лишним сотен километров на очередном высокогорье, в Гуанахуато. Пригубили из амфоры, обсуждая какие-то связанные с «Проектом «Земля»» дальнейшие работы; вновь подышали приятным воздухом, который отличался от олимпийского – разреженность его была меньше. Впрочем, плотность воздуха не особо влияла на дыхательные органы бессмертных, пусть даже пребывавших в человеческой оболочке; гораздо больше их поразило то, что непонятная история, случившаяся с ними в Сакатекесе, и здесь получила неожиданное продолжение: местные жители, направившись к невесть откуда взявшемуся на территории их угодий кораблю и его пассажирам, попутно поднимали с земли серебро, падали на колени – и аналогично распевали «Аризона! Аризона!»

- Да что с ними такое случилось?! – недоумевал профессор, разглядывая непонятный для него ритуал. – Похоже, что тут даже в горах нельзя найти приличного тихого местечка! Ни покоя тебе, ни отдыха! – он в сердцах бросил пустую амфору на траву.

- А вот этого я вам не советую, профессор! – нахмурился его провожатый.

- Что не так, дорогой мой?

- Не хотелось бы вам указывать, но, тем не менее: пожалуйста, подберите сосуд! – техник улыбнулся. – Если вы этого не сделаете, то придётся сделать мне самому!

- Это ещё почему? Он всё равно пуст! – возразил профессор.

- Тогда подумайте, в какое идиотское положение вы поставите археологов будущего, которые, не дай Зевс, обнаружат древнегреческую посуду в ацтекских горах?! Простите, профессор, оговорился...

- Нет, вы абсолютно правы, дорогой Арес! – начальник мгновенно осознал едва не совершённую ошибку. – Это туземцы отвлекли меня своими воплями, от которых я уже плохо соображаю... – он сделал несколько шагов и поднял кувшин. – Знаете, что, коллега? Летим-ка домой: на Олимпе гораздо тише!

- Да, пожалуй...

Пока они возвращались, техник, задав катеру необходимые координаты, включил программу автоматического пилотирования – и занялся своим миникомпьютером; профессор, также сосредоточившись на какой-то из любимых игрушек, бегал пальцами по клавиатуре и безотрывно глазел в монитор. Молчание путешественников, тем не менее, долго не продолжалось: Арес, просмотрев входящие к нему сообщения, легонько тронул физика за плечо:

- Профессор, я, кажется, знаю, что случилось с нами в горах нового континента! – с улыбкой начал он. – Знаю, почему мы привели туземцев в такой неопикуемый восторг!

- Что вы сказали, дружище? – учёный прервал своё занятие. – Повторите, пожалуйста, я немного увлёкся...

- Профессор, могу заявить, что мне известна причина неопикуемой радости аборигенов, которые даже не дали нам спокойно отдохнуть!

- Да тут и думать нечего, - уверенно потрянул головой Зевс. – Увидели наш катер, да и нас самих – и решили, что «боги» сошли на их землю! Разве не так?
- Да, но это всего лишь половина объяснения!
- Так-так! – наострил уши профессор, откидываясь в кресле. – Какой же будет его вторая половина?
- За время нашего обратного полёта, который, кстати, почти подошёл к концу, я связался с докторами Гефестом, Афиной и Гермесом, чтобы получить, так сказать, консультацию из первых рук... Вы, конечно, превосходно помните, что аборигены, пробираясь в нашу сторону, находили серебряные самородки? – профессор утвердительно кивнул, подтверждая сказанное техником. – Так вот, специалисты утверждают, что в скором времени туземное население начнёт в этих местах столь гигантские разработки драгоценных ископаемых – особенно, залежей серебра, – что на долгие тысячелетия они станут самым крупным месторождением «лунного металла» на планете! Ацтеки и их потомки станут основными поставщиками серебра для всего мира, представляете?
- Я понимаю, - произнёс профессор, приложив указательный палец ко лбу, - что доктор Гефест поведал вам о им же проделанной работе по закладке полезных ископаемых в недра планеты – с тех пор, когда он, ещё до появления нашей базы, трудился в числе коллег с «Гартара»... Я понимаю, что доктор Афина поведала вам о будущем ацтекских шахт и горной промышленности. Однако, вы помянули третьего консультанта – доктора Гермеса... А вот в чём заключались его функция, как вашего советника, увы, я не могу догадаться: слишком уж много у нашего герольда профессий! – улыбнулся учёный.
- Доктор Гермес оказался мне весьма полезен в качестве лингвиста, - подсказал Арес. – Помните ли вы, профессор, что именно кричали встреченные нами люди, когда находили серебро?
- Честно говоря, не особо... Орала что-то там про какую-то «зону»...
- Верно: они выкрикивали словосочетание «Аризона», которое с науатля можно перевести, как «рождающая серебро»! И, смею думать, что к нам с вами это не имеет никакого отношения; возможно, что туземцы даже не уделили нам должного внимания, а может статья, совсем не заметили нашего присутствия!
- Почему вы так считаете, дружище?! К кому же тогда отнести их оголтелый ритуал поклонения?!
- Ни к «кому», дорогой профессор, а к «чему»! Впрочем, рассуждая подобным образом, позволю себе заметить, что моё предположение носит исключительно умозрительный характер...
- Не тяните, уважаемый! – любопытство собеседника было взвинчено до предела. – У меня, естественно, запасы терпения неограниченны, но только не в момент разгадывания ребусов!.. Валяйте, дружище, выкладывайте свою версию!
- Они поклонялись нашему средству передвижения, - улыбнулся техник, обводя глазами кают-компанию. – Оно сияло в лучах энергетической защиты; оно зависло над горами, в которых туземцы на наших глазах обнаружили серебряные слитки... а сколько же этого материала сокрыто внутри их недр, профессор! Да, они приняли нашу воздушную посудину за «бога», который указал им неиссякаемое месторождение «лунного металла»! И, видимо, в экстазе начали благодарить этого «бога» за столь щедрый подарок...
- Другими словами, они дали нашему катеру имя собственное? – усмехнулся профессор.
- Получается...
- Хм, Арес, - вдруг прищёлкнул пальцами руководитель «Олимпа». – А как называется наше судно? Странно, но я до сих пор этим никогда не интересовался, а потому и не спрашивал...
- Да никак не называется, - пожал плечами техник. – Класс А-5197-Х, тип крейсерских яхт...
- Так значит, яхта? – Зевс радостно потёр руки. – Отлично! В итоге получается «яхта, рождающая серебро»! Превосходно, дружище! Отныне мы, с подсказки милых ацтеков, их предков и потомков, а равно и наших консультантов, будем именовать нашу яхту «Аризоной»!

- Здорово! – Арес зааплодировал. – Честное слово, профессор, от имени своего друга Аполлона ставлю вам высший балл за фантазию и поэтику! «Аризона»!

- Кстати, друг мой Арес, я обратил внимание, как вы притащили на нашу яхту несколько образцов вулканических пород... Зачем они вам? Ведь любой из минералов давным-давно исследован ещё на «Тартаре»!

- Это весьма красивая штучка, профессор! – техник сделал несколько шагов – и принёс со стола полупрозрачный зеленоватый минерал. – Это – оливин.

- И что мы будем с ним делать? – учёный повертел в руке камень.

- Как это – что? – Арес зарделся. – Для начала отшлифуем его до полной прозрачности – это всё-таки драгоценность! – а после ювелирной обработки раздарим коллегам в виде украшений ручной работы!

- Да вы романтик, Арес! – рассмеялся физик. – Олимпийские модницы вам прохода не дадут после таких подношений!

- Нам, профессор! – уточнил техник, поднося оливин к глазам. – Ведь поход, а значит, и все связанные с ним находки на противоположащем за океаном континенте, принадлежат нам обоим!

Действительно, потрудившись над минералом, за которым Арес ещё неоднократно гонял «Аризону», техник создал весьма красивую ювелирную коллекцию оливиновых браслетов, которые пользовались невероятным успехом не только у олимпиек, но и у простых смертных красавиц. Кто-то из них получал в подарок гранатовое украшение, кто-то – из хризолита. Арес был щедр на подарки; вручая той или иной счастливой красотке оливиновый браслет, он неизменно добавлял:

- Этот аксессуар – подарок от Ареса и Зевса! Создан на основе силиката, добытого нами прямо с ацтекских рудников! Носи на здоровье! Всех тебе благ!

Иметь подобное украшение на руке стало невероятным престижем для любой женщины, смертной или бессмертной; обладательницам таковым завидовали остальные. Кое-что, конечно, перепало и мужчинам: во время следующих Олимпийских игр, руководитель базы вместе с главным распорядителем мероприятия доктором Гераклом, вручали оливиновые браслеты победителям... Кстати, яхта «Аризона» с той памятной прогулки была реконструирована Аресом, снабжена новейшей аппаратурой; а на одном из бортов её появилось яркое – собственное! – имя.

Приключения же Зевса вне границ Эллады на этом далеко не закончились. Весьма трогательная и романтическая история случилась с профессором и его спутником доктором Гермесом, некогда возвращавшихся с Тибета; можно сказать, что почти на пороге собственного дома у них случилась небольшая авария: непонятным образом вышел из строя персональный левитатор доктора, при помощи которого они перемещались куда и откуда угодно.

- И что теперь? – спросил профессор, когда представитель пресс-центра МАИ тактично сообщил ему о поломке. – Может, мне стоит взглянуть на ваш жезл: всё-таки я – инженер! Или, чтобы не терять времени, вызовем на помощь Ареса?

- Не стоит отрывать его от дела по такой мелочи! – ответил доктор. – Да и вас также, профессор...

- Ну, я, вроде бы, ничем не занят, - глава «Олимпа» осмотрел окрестность, с явным неудовлетворением глянув вверх. – Кажется, дождик собирается... Как же не вовремя!

- Ничего страшного: сейчас проведу диагностику, а когда неисправность будет обнаружена – автоматически запустится программа починки, - сказал отец глашатаев.

- И сколько времени потребуется на всё это техническое самовосстановление?

- Аид его знает, честно говоря... Может, час, а может – и несколько...

- Дружище, не знаю, как вы, но мне вовсе не хочется промокнуть! – профессор вновь с опаской покосился на небеса. – Да и время вечернее... Предлагаю отправиться в ближайший город или деревню – и пересидеть непогоду в собственных храмах! – усмехнулся он.

- Хорошо, вот только установлю наше местонахождение по навигатору, - ответил доктор, покручивая в руках свой жезл. – Итак, всё ясно: мы во Фригии... Вот дрянная аппаратура: всего лишь через море не смогла перенести, выдохлась! В двух в половине километрах от нас – ничем не примечательный городок Тианы... Так, население...
- Ой, да хватит уже! Пойдёмте! – и профессор почти под руку поволок коллегу по едва различимой дороге.
- Кстати, дорогой мой отец небесный! – пытался разрядить обстановку доктор. – Надеюсь, вы не обидитесь на меня за подобное обращение?
- Да болтайте, что хотите! – мрачно ответил начальник базы. – Скорее бы в город попасть!
- А где же ваша любовь к романтике, профессор? – не отставал от него высший бизнес-авторитет. – Мы потерялись в чужом государстве – это ли не круто?! А хотите настоящее приключение?
- Какое ещё приключение? У вас, дружище, настоящий дар заговаривать зубы собеседнику! – улыбнулся, наконец, физик. – Что ещё вы придумали?
- Мы с вами оказались в удивительном положении – и неужели вы не пожелаете воспользоваться таким шансом? – подзадоривая руководителя, почти пропел доктор. – Вот вы говорите: скорее бы прийти в город – и разбежаться по храмам... Скучно, профессор! А слабо отдалиться на волю судьбы – и попроситься к кому-нибудь в дом?
- К кому?! – покачал головой Зевс. – У меня во Фригии нет знакомых...
- У меня тоже! – подмигнул ему Гермес. – В том-то и вся соль: будем стучаться в первые попавшиеся двери с просьбой переждать дождь! Заодно и узнаем, насколько сердобольный к попавшим в беду путникам народ живёт здесь... А просиживать, простите, гиматии в собственных храмах – это беспонтово...
- А что? – прикинул профессор. – Идея вовсе неплоха! Заодно с людьми пообщаемся, это, как говорится, всем на пользу... Только вот нельзя нам в подобном виде к ним соваться!
- В каком? – не понял доктор.
- В своём собственном, - пояснил руководитель базы. – Нас мгновенно узнают – и начнут оказывать поистине царские почести: ведь не каждый день к тианцам заглядывают олимпийские небожители!
- Да, это так! – спохватился глашатай. – Надо что-то придумать... Скажите, профессор, вы не против маленького перформанса? – глаза его хитро загорелись.
- Говорите, дорогой, какая шальная мысль посетила вашу головушку? – потребовал профессор.
- Мы немного изменим внешность, согласны? Тогда далеко не каждый признает в нас олимпийцев.
- Каким образом?
- Элементарно, Зевс! – рассмеялся доктор. – Нам необходимо выглядеть так, как выглядят обыкновенные путники, долгое время пребывавшие в дороге: уставшими, голодными, немывыми...
- Немывыми?! – профессор нахмурился. – А без последнего никак нельзя обойтись?!
- Хм, без одного вид любого путника будет недостоверен, - возразил собеседнику король банкиров. – Уж придётся нам слегка загримироваться... Обождите мгновение! – он совершил остановку – и провёл ладонью по траве, собирая придорожную пыль. Затем он без всякого стеснения стал мазками наносить её на лицо; закончив окончательное надругательство над чистотой, Гермес залихватски надвинул свой петас прямо на брови. После чего, с довольным видом повернувшись к коллеге, произнёс. – И каково это, профессор?
- Ужасно! – ответил тот, разглядывая невесть откуда оказавшееся перед ним улыбающееся чучело. – Мне, как я понимаю, вы приказываете сделать то же самое?!
- Не приказываю, - степенно сказала вымазанное пылью существо, в котором даже среди коллег вряд ли кто смог бы с первого взгляда признать чистюлю-доктора. – Это всего лишь необходимая мера, принятая в целях дружеской беседы с тианцами... Пожалуйста,

профессор! – он указал пальцем на обочину дороги. – Последуйте моему примеру – и мы отправимся в город! Ил вы желаете промокнуть?

Начальник «Олимпа» зажмурился; видимо, он не мог собственноручно решиться на церемонию, к которой подталкивал его коллега. Однако, первые упавшие на землю капли дождя заставили его поспешить с неприятным выбором:

- Вот что, дружище, – смиренно обратился он к спутнику. – Не могли бы вы проделать подобную грязевую процедуру и надо мной, но только своими руками? Мне так неприятно возиться в пыли...

- Хорошо, - улыбающийся доктор провёл аналогичный ритуал над профессором, который замер с плотно сжатыми глазами; мгновением позже он широко распахнул их от смеха пресс-атташе.

- Вот теперь вас действительно никто не признает, явись вы в таверну «У Гелиоса» в таком виде, да ещё в компании местных кузнецов или пастухов! – выдал Гермес, с удовольствием осматривая свои труды. – Профессор, вы выглядите самым настоящим пилигримом!.. Вот что: накиньте на голову край вашего гиматия... Отлично! Можем смело двигать в Тианы – и клянусь озолотить любого встречного, кто узнает Зевса и Гермеса в двух чумазных странниках! – заключил доктор, проведя последний осмотр.

- Кошмар! Катастрофа! – бубнил под нос профессор. – Хорошо ещё, что я не могу видеть себя со стороны!

- Могу вам это устроить! – пошутил лингвист.

- О нет, покорнейше благодарю! Полагаю, мои глаза не вынесут непосильного для них зрелища! – Зевс выдавил из себя улыбку.

- Да, чуть не позабыл, - спохватился Гермес, - давайте сюда свой трезубец, профессор: я уменьшу его вместе с собственным жезлом и спрячу в одежду... Иначе сгорим при первом же контакте!

- Верно, дружище! Держите! – атрибуты «олимпийских богов» исчезли под гиматием доктора.

- А теперь – вперёд и с песней!

- С песней?! – не понял профессор. – Мы что, калики перехожие?!

- Да нет, это я так, к слову!

Дождь, хоть и начался с нескольких невинных капель, в ближайшее время явно собирался ударить в полную силу; коллегам, почти бегущим наперегонки по городским улочкам, пришлось поторопиться с поиском пристанища. Увы, как это ни фатально, но никто из населения Тиан не пожелал принять на постой двух несчастных паломников: после их стука в дверь обычно следовал короткий – иногда мужским, иногда женским голосом произнесённый – отказ.

- Послушайте, мне это надело! – нервничал физик. – Так мы, пожалуй, пройдем через весь город, и нигде не встретим проявления гостеприимства!

- Ничего страшного, профессор! – ответил доктор Гермес. – Могу вас обрадовать: мы уже прошли центральную улицу Тиан, и теперь находимся на окраине... Давайте-ка попытаем счастья вот в этом домике, - он указал рукой на маленькое строение, стоявшее совершенно на отшибе от города, возле самой границы с лесом. – Тем более, что он – последний на нашем пути!

- Угораздило же меня связаться с вами и вашими романтическими идеями! – ворчал Зевс, поправляя на голове сорванный порывом ветра гиматий. – Если нам и здесь не предоставят крова, чтобы укрыться от бури, то, клянусь вам, больше ни за что не отправлюсь в дорогу без Ареса и его шикарной «Аризоны»!..

- Профессор, вы – раб комфорта! – констатировал доктор, нанеся по хлипкой двери несколько осторожных ударов. – Оцените же приключение, в которое попали: мрак, дождь, полная безнадёга...

- Не барабаньте так сильно, дружище! – придержал его руку Зевс. – От прикосновений вашего кулака с крыши древней халупы сыплется солома!

- Это от ветра, - заверил собеседника Гермес. – Честное слово, я вполне рассчитал устойчивость строения, потому что...

Договорить ему не пришлось: скрипящая дверь отошла в сторону – и в проёме возникла фигурка маленького человечка, который буквально втащил учёных в помещение. Закрыв дверь, он с улыбкой произнёс следующее:

- Добро пожаловать, дорогие путешественники! Экая непогода застала вас, да ещё в такой лёгкой одежке! Ну, милости просим к нашему очагу! – и приветливо указал на примитивно сработанный стол, за которым восседала такая же маленькая по росту хозяйка, поднявшаяся с места при появлении в доме гостей. – Эй, жена! – обратился он к ней. – Не сочти за труд, принеси из спальни ещё два стула!

- Позволь тебе помочь, добрая женщина! – вызвался доктор Гермес, сопроводив сказанное лёгким наклоном головы – и, отправившись в соседнее, более меньшее помещение, оказавшееся спальней, во мгновение ока приволок просимое.

- Где же ваши рабы?! – удивился профессор, озираясь по сторонам. – Неужели вам, людям столь почтенного возраста, никто не прислуживает?!

- Нет, - ответил старик, подкидывая в огонь дровишек и приглашая незнакомцев присаживаться. – У нас никогда не было рабов – потому, что нам нечем их кормить... Но для попавших в беду странников у нас обязательно что-нибудь найдётся, - радушно заключил он. – Прошу к нашему скромному столу, мы с женой только-только собирались трапезничать! Только вот пища у нас не отличается особым изыском...

Учёные уселись поближе к огню, престарелая супружеская пара – напротив неожиданных посетителей их жилища. Старушка приготовила несколько плошек с нарезанными овощами и фруктами, поставила на стол большой кувшин воды – и улыбнулась гостям:

- Очень хорошо, что вы заглянули к нам, добрые люди! Обогреетесь, утолите голод, переждёте непогоду – и нам заодно расскажете, что на свете происходит! Наверное, много всего вы на своём пути повидали?

- Всякое бывало, - уклончиво ответил профессор, наливая себе и коллеге воды. – Как вам сказать – мы, пилигримы, народ любопытный: странствуем, опыта набираемся, со всеми созданиями общаемся... А сами всё думаем, как бы эту планету привести в более приличный вид... – вдруг он внезапно ощутил, как доктор легонько наступил ему на ногу и, будто случайно, закашлялся. – Да, о чём это я?!

- Мой старший товарищ, - пришёл ему на выручку покровитель журналистов, ещё глубже надвигая петас на глаза, - хочет сказать, что в мире ничего не изменилось: добро по-прежнему борется со злом, люди встречаются разные... Например, в Тианах нам никто не открыл дверь, кроме вас, никто не предложил промокшим туристам погреться у очага и поужинать вместе с хозяевами... Кстати, скажите нам ваши имена, уважаемые! – прервал говоривший сам себя. – Клянусь, что мы запомним их и будем ставить вас в пример другим людям; а всем гостеприимцам Земли рассказывать, что во Фригии у них очень милые коллеги!

- Я – Филемон, - ответил старик, - а это, - он указал глазами на женщину, - моя жена Бавкида... Но мы совершенно уверены, что в нашем поступке нет ничего выдающегося! Так поступил бы каждый...

- Вот и напрасно, - заметил профессор. – Мой друг недаром поведал, как остальные тианцы даже поленились открыть нам: прогоняли со двора из-за закрытых дверей! Таким образом, поступок ваш неизмеримо благороден...

- Простите, дорогие гости, а как нам с Бавкидой называть вас? – поинтересовался Филемон. Профессор растерянно глянул на коллегу; тот, пытаясь растянуть время, с улыбкой развёл руками:

- Да что вам толку с наших имён, уважаемые? Сегодня мы здесь, а завтра – нет... Однако, если вы на том настаиваете, то меня зовут Агафонос, а моего старшего приятеля – Актеонос...

- Ах, как замечательно! – всплеснула руками Бавкида. – Какие красивые имена!

- Друзья, пожалуйста, не стесняйтесь! – пригласил учёных Филемон. – Угощайтесь, пожалуйста! – и подал пример, взяв из плошки кусочек яблока.
- Минутку, - прервал его профессор, - мне кое-что надо сказать другу...
- Да, можно нам выйти во двор? – поддержал его доктор Гермес, понимая, что начальник не будет просто так прерывать застолье, которого сам добивался всего лишь час назад.
- Зачем же – во двор?! – удивился хозяин. – Там настоящий ливень! Поговорите в спальне – и возвращайтесь; мы с женой вас подождём!
- «Олимпийцы» вышли в соседнее помещение – и профессор зашептал доктору на ухо:
- послушайте, коллега, сколько времени до нашей эвакуации? Как обстоят дела с автопочинкой вашего левитатора?
- Шестьдесят два процента уже в норме, - сообщил ему Гермес, сверившись с показаниями. – Ещё какое-то время – и можем валить отсюда!
- Перед стариками неудобно, - вздохнул профессор. – Такая милая пара!.. Доктор, у вас скатерть-самобранка работает? Как-то мне не улыбается объедать гостеприимных, но бедных тианцев...
- Да, с пищевым множителем всё в порядке! – подтвердил Гермес. – Но я поражаюсь вам, профессор: неужели вы так плохо помните собственную историю?! Это же Филемон и Бавкида!!!
- Я запомнил их имена, - ответил Зевс. – А вот вы тоже хороши: Агафонос и Актеонос! Аид меня побери!.. Вы что, прямо по списку эллинских мужских имён шпарили?! Причём, только на букву «А»?!
- Времени было в обрез, - оправдывался тот. – Что было на первом листе базы данных, тем и пришлось воспользоваться... Профессор, да вы вспомните известный миф, в котором Зевс и Гермес, прикинувшись людьми, не были приняты на постой ни одним из жителей Тиан, кроме старческой супружеской пары! Те накормили гостей, даже хотели зарезать своего последнего гуся, чтобы услужить путешественникам...
- Какого ещё гуся?! – удивлённо перебил коллегу инженер. – Никакого гуся я пока не видел...
- Погодите, он скоро появится! Так вот, Зевс и Гермес, видя бескорыстие и чистоту стариков, открылись им – и возвели вместо их хлипкого домика огромный храм, сделав обоих пожизненными жрецом и жрицей Зевса; остальное же население Тиан «боги» решили утопить за невнимание к пилигримам...
- Час от часу не легче! – выдохнул профессор. – Ладно, коллега, нам пора возвращаться: негоже оставлять хозяев одних, а самим шептаться в их спальне! Идёмте!
- Действительно, стоило гостям вернуться, как Филемон, открыв дверь на улицу, впустил в дом тощего, мокрого гуся; тот гоготал на непогоду и, отряхиваясь, поспешил скрыться в спальне.
- Он всегда приходит, когда на улице мокро или холодно! – объяснил путникам старик. – Совсем старый стал, гусёк наш – прямо как мы с тобой, не правда ли, жена? – усмехнулся Филемон.
- Послушай, муж, - вдруг обратилась Бавкида к хозяину. – Может, пусть гусь сослужит последнюю службу: приготовим его нашим гостям, чтобы у тех были силы для дальних странствий!
- Доктор даже не успел подмигнуть профессору, намекая на свой недавний прогноз событий, как старики устроили в домике настоящую чехарду, гоняясь за птицей; однако, той неизменно удавалось проскальзывать меж их неловких рук. Кончилось тем, что гусь, прибегая к последней защите, кинулся прямо на колени профессора – и зарылся в его одежду; тогда-то доктор и решил прекратить затянувшийся перформанс.
- Пойдите, Филемон и Бавкида! – воскликнул он, срывая с головы петас и протирая водой лицо, приглашая профессора сделать то же самое. – Мы обманули вас: никакие мы не Агафонос и Актеонос! Дамы и господа, перед вами – Владыка Олимпа, великий Зевс – и я, его скромный слуга и по совместительству сын – Гермес!

Опешившие старики так и сели на пол, переводя бесконечно удивлённый взгляд с одного «небожителя» на другого; коллеги подняли их за руки и усадили, как и прежде, за столом.

- Продолжим нашу трапезу, друзья! – объявил доктор – и на столе стали возникать такие деликатесы, что не ежедневно попадали в распоряжение архонтов и высших людей государства; ножки стола зашатались от мясных и овощных блюд, вместо воды возникли изумительные напитки.

- Это мой подарок вам за гостеприимство! – величественно произнёс верховный олимпиец, когда бесконечно удивлённые «чудом» супруги стали приходить в себя. – А что там дальше по мифологии, Гермес? В самом деле: ну не топить же мне всё население Тиан!.. У них ещё есть время исправить своё отношение к путникам – хотя бы, на примере Филемона и Бавкиды!

- Могущественный Зевс готов исполнить ваше любое желание, - спас положение доктор, выступив от имени начальства. – Говорите – и будете вознаграждены!

- Какие уж тут желания, стары мы уже! – улыбнулся хозяин, ласково глядя на жену.

- Может быть, побольше детей? – предложил профессор. – У нас на Олимпе, знаете ли, такая сногшибательная медицина!.. Один Эрот со своими приворотами чего стоит... Гермес, подскажи хоть ты что-нибудь!

- Не надо утруждаться, милостивые боги! – вздохнула Бавкида. – Век наш почти закончен... Случилось так, что мы с Филемоном родились в один день; бегали друг за другом с детства; после поженились – и каждый день наш был наполнен неопишуемой любовью! Я даже не представляю, что если кто-нибудь из нас умрёт раньше другого, то как оставшийся будет без этой любви?..

- Согласен с тобой, жена! – улыбнулся Филемон. – Пусть великий Царь Олимпа пожелает, чтобы мы с Бавкидой как родились в один день, так в один и умерли! А помимо этого, служить его жрецами до самой смерти!

- И чтобы Филемон после нашей одновременной кончины стал дубом, а я – липой, - добавила женщина. – И чтобы росли оба дерева из одного корня...

- Будет исполнено! – гордо заявил глава базы. – Только вот насчёт одного корня... Впрочем, подключим генетиков и биологов – и дело в петасе! Что касается храма, то завтра же отправлю сюда Фобоса с Деймосом... нет, эти могут с виртуальной конструкцией напортачить... лучше Гефеста: он и возведёт этот храм, где вы сможете до конца своих дней проповедовать милосердие...

- Зевс, левитатор полностью восстановлен! – сообщил доктор; он посмотрел на счастливых супругов – и низко поклонился им. – Прощайте! И спасибо вам за приём!

- Нет бы попросить бессмертия, - махнул рукой профессор, также откланиваясь Филемону и Бавкиде. – С нашим-то трансгуманистом Прометеем и его знаниями... Эх, люди-люди!.. Очередное открытие не обошло стороной физика и в Тиррении, где, с распространением эллинских колоний, с подачи доктора Диониса стало открываться всё больше предприятий общественного питания. Однажды утром, отправившись туда на «Аризоне» в сопровождении доктора химии и Ареса, профессор обнаружил среди скал на побережье удивительную панораму, способную надолго заморозить своим видом созерцательную натуру: на одной из скал отчётливо просматривался рисунок человеческого скелета, прикованного цепями к её вершине. Доктор Дионис, немедленно прикинув очевидную коммерческую выгоду от подобной природной экспозиции, заявил, что обязательно устроит здесь модный греческий ресторан.

- А что?! Место, что и говорить, элитное; ветер с моря – довольно редок; да и два тирренских города неподалёку... Назову его, – доктор напряг имеющееся у него поэтическое воображение, - рестораном «У Прикованного Скелета»!

Однако профессор, обнаруживший эту природную диковинку, следом за ней совершил ещё одно открытие: вечером, когда температура воды изменилась, а солнечные лучи преломляли воздух под другим углом, визуальные изменения затронули и картинку на скале: скелет, висевший ранее на цепях, оказался сидящим в кресле, причём, в довольно

развязной позе. Странный оптический обман наблюдался учёными в течение нескольких дней, что кстати, надоумило дотошного ресторатора сменить название нового заведения.

- В этом я вижу глубоко заложенный смысл, - говорил доктор, присматривая за быстро возводившими стены ресторана рабочими. – Этот оптический обман ещё послужит делу распространения греческой кухни! С утра и до самого вечера изображение скелета видится прикованным к скале, а после – оно довольно нахально восседает в кресле! Поэтому необходимо заменить первоначальную версию названия на «У Раскованного Скелета»!

- Да много ли разницы?! – сказал Арес, сидя с ним и профессором за одним из открытых столиков на уже законченной веранде. – С утра картинка будет одной, после наступления вечера – другой...

- Ты не понимаешь, дружище, - возразил ему химик. – В том-то и вся фишка! Ведь никому, кроме нас, об этом удивительном явлении природы не известно! Представь: посетитель явился утром, накатило пивка или чего-нибудь ещё – и увидел картинку на скале: скелет прикован. Несомненно, он будет задавать мне или обслуживающему персоналу вопрос, почему увиденному им не соответствует название ресторана; дескать, почему же всё-таки «У Раскованного Скелета», коли он болтается в цепях?! Пока он будет над этим размышлять – а для подстёгивания собственного мышления, он, конечно же, будет употреблять всё больше и больше – наступит вечер, и скелет изменит свою позицию! Тогда-то ему и откроется причина названия ресторана! Заодно он решит, что сегодня выпивке можно положить конец, раз ему начались мерещиться подобные наскальные выкрутасы... Таким образом, оптический обман заставит клиента уделять больше внимания своему здоровью, в том числе и психическому. Контроль со стороны самой природы и человеческого воображения – это же круче некуда! А утром, явившись опохмелиться, посетитель вновь увидит картинку прикованного пугала! К тому же название как нельзя лучше обыгрывает положение сидящего скелета: в такой позе он и при цепях выглядел бы до неприличия раскованно!..

- С тобой не поспоришь! Гениальная задумка! – Арес хлопнул друга по плечу. – Куда вы, профессор? – окликнул он начальника базы, видя, как тот, покачиваясь, направился к стойке.

- Да опять забыл пустую амфору, - ответил руководитель «Олимпа», памятью собственную забывчивость на североамериканском континенте.

- Да будет вам, не беспокойтесь! – с улыбкой на лице успокоил его Арес. – Это вам не Мексика, тут греческой утварью можно сорить направо и налево! Здесь столько официальных ресторанов будет открыто нашим другом, что...

Помимо «У Раскованного Скелета», в самом скором времени по всему тирренскому побережью возникло множество подобных заведений, однако, ни одно из них не пользовалось подобным успехом, как упомянутое чудо природы; секрет его был раскрыт местными учёными, только произошло это гораздо позже описываемых событий...

Тем временем перед профессором и Всеобщим Собранием базы, как упоминалось выше, оставалась до сих пор нерешённая проблема: Атлантида и её обитатели. Во время дружеского обсуждения ситуации, к руководителю «Олимпа» попали важные сведения: атланты в скором времени готовились поднять настоящее восстание против создателей (вернее, против доктора Эрота), во главе которого стоял первоатлант Гхгрл'хмых. Медлить было нельзя, профессор настаивал на скорейшем решении «атлантической проблемы».

- Я вывез из лаборатории всю базу данных, - закончил свой отчёт доктор Эрот. – Дальнейшее моё пребывание на острове становится небезопасным. Рептилоиды всё чаще покидают пещерный город, где в Храме Чуда содержится «источник живой воды» – похищенный из моих запасов синтезатор, а также некий Шайтан-камень, установленный Гхгрл'хмых после того, как доктор Гефест окружил Атлантиду кольцом энергетической защиты. Назначение его мне неизвестно...

- Садитесь, коллега, - кивнул председательствующий на Собрании профессор. – Итак, обращаюсь ко всем и каждому: каковы будут соображения? Что делать с атлантами?

- Погрузить в анабиоз, - предложил доктор Гипнос.
- Лучшее средство, полагаю, крионизировать, - сказал доктор Прометей.
- Может, всё-таки, ликвидация? – тонко намекнул доктор Геракл.
- Да негуманно это! – воскликнул доктор Эрот. – Так или иначе, это живые, мыслящие существа!
- Угу, - кивнул Герой Галактики. – Окажись они сейчас на Олимпе и не будь у нас оружия – я посмотрел бы на тебя, проповедника гуманизма...
- Это не выход, коллеги, - резюмировал председатель. – Ни одно из ваших предложений – не выход. Согласен с доктором Эротом: убивать – дело иногда необходимое, но с-а-м-о-е последнее... Не согласен и с вами, коллеги Гипнос и Прометей: что анабиоз, что криогенез в любом случае предполагают обратный процесс. А разве вы полагаете нужным когда-либо вернуть многочисленную расу в нормальное состояние?!

Прения длились долго; учёные искали одновременно безобидное и честное по отношению к деградировавшим атлантам решение. Наконец, после того, как было однозначно отброшено возвращение во времени и несколько других вариантов, Собрание утвердило наиболее рациональный выход из положения: ввести атлантам в корне меняющую их генетику чипы – и всю их расу переместить в одно из параллельных измерений планеты. Исполнителем приказа руководства был назначен доктор-кибернетик и бионик Прометей, а также парамедик, доктор Гипнос; в помощь им был прикреплен и сам доктор Эрот.

Операция, проведённая ими в довольно считанные сроки, завершилась полным успехом: больше над Землёй и человечеством не довлела «атлантическая угроза». Зачипированные гиганты в бессознательном состоянии парасомнии удалились в мир, который полностью стал принадлежать им одним; их дальнейшие контакты с нашим измерением стали достаточно маловероятны. Благодаря встроенным чипам у них были удалены любые негативные воспоминания о Земле; рептилоиды вернулись к безопасному образу жизни – в первую очередь, для себя...

Вечером, после перемещения атлантов в параллельный мир, в «Чертогах» Афины были небольшие посиделки; кстати, всё начальство базы удалилось для какого-то совещания на «Океан». Доктор Эрот, оплакивавший свой печально закончившийся эксперимент, более других налегал на питьё.¹⁹

- Ну, что ты так страдаешь, дружище? – успокаивала его доктор Афина, тоже изрядно набравшаяся «45,1 градуса по Дионису»; глядя его по плечу, она ухитрялась играть при этом сверкающим в лазерной иллюминации заведением оливковым браслетом на руке. – Ты же в любой момент можешь навестить своих ненаглядных атлантов в параллельной Вселенной, ничего же с ними не случилось! Зато теперь они все – ласковые и милые, какими и были с момента их создания...

- Это так, - ответил генетик. – Но жаль, что это уже не на Земле... Давай напьемся, Афина!
- Да-вай!

Если бы не их перебор со спиртным, то, возможно, на Земле не случилось бы того, что случилось: когда пришло время расходиться, хозяйка «Чертогов» пошла провожать коллегу в Центральный телепортёр. Алкогольные пары заставили друзей выбрать не то направление: вместо того, чтобы пойти направо по коридору, они ломанулись налево, в результате чего попали в личные апартаменты руководителя «Олимпа».

По феноменальному стечению обстоятельств, профессор Зевс – с тех пор, когда был уничтожен летящий к планете смертоносный астероид – совершенно позабыл вернуть в музей свой гиперболюид: однажды он немного выпил – и забыл это сделать, после – нашлось много срочной работы, и пошло-поехало... Аппарат продолжал по-прежнему стоять в углу его кабинета, куда и принесла нелёгкая обнявшихся и помогающих друг другу передвигаться коллег.

¹⁹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Это мы, что – к Зевсу завалили? – спросил генетик, пытаясь хоть наощупь ориентироваться в кромешной темноте.

- Да, он же разрешает мне заходить в его отсутствие! – ответила девушка. – Вот сейчас отправим тебя из его телепортера, чтобы не тащиться по коридору в такую даль!

Находясь не в особо адекватном состоянии, доктора Афина и Эрот приняли древнюю конструкцию массового уничтожения за персональный телепортер профессора, который, кстати говоря, находился чуть левее по стене. Подобное соседство оказалось для земной истории едва ли не роковым. Нажав единственную на панели красную кнопку, Афина активировала боевую готовность прибора, фиксированного после стрельбы по астероиду на пределе своей разрушительной мощности; по его монитору мгновенно побежала зелёная надпись: «Устройство активировано, введите координаты», «Устройство активировано, введите координаты»...

- Давай, Эрот, вводи позывные своего острова – и отправляйся, нам срочно требуется отдых! – историк уступила место коллеге; тот, несколько раз ткнувшись носом в монитор гиперблоида, трясущимися пальцами набрал координаты своей лаборатории. В это мгновение доктор Афина покачнулась – и, не удержавшись за стену, уселась прямо на пусковую кнопку.

- Как, ты ещё здесь?! – удивилась она, увидев никуда не девшегося Эрота. – Кто же тогда отправился на Атлантиду?!

- Странно, – тот пожал плечами, пытаясь в темноте рассмотреть панель. – Почему я до сих пор не в лаборатории? Что за... – ему, наконец, хватило ума воспользоваться своим «луком», вызвав на гиперблоид поток яркого света. – Блин, Афина, да ты только погляди сюда! – воскликнул он не своим голосом.

Историк лишь успела с округлёнными от ужаса глазами проследить за взглядом друга, когда серия глухих взрывов, прогремевших где-то в ночи и принесённых на Олимп ласковым ветром, дала им ясно понять, что ни лаборатории, ни самой Атлантиды больше не существует...

«ЛЕСТНИЦА ГИПНОСА»

*Ночь родила ещё Мора ужасного с чёрною Керой.
Смерть родила она также, и Сон, и толпу Сновидений.
Гесиод, «Теогония», 211-212*

*Там же имеют дома сыновья многосумрачной Ночи,
Сон со Смертью – ужасные боги. Лучами своими
Ярко сияющий Гелий на них никогда не взирает,
Всходит ли на небо он иль обратно спускается с неба.
Первый из них по земле и широкой поверхности моря
Ходит спокойно и тихо и к людям весьма благосклонен –
Но у другой из железа душа и в груди беспощадной –
Истинно медное сердце. Кого из людей она схватит,
Тех не отпустит назад...
Гесиод, «Теогония», 758-766*

Переглянувшись вторично, коллеги мгновенно протрезвели; впрочем, оцепенение их не было продолжительным: осознав, что оба только что стали невольной причиной катастрофы планетарного масштаба, друзья, схватившись за руки, пулей вылетели из кабинета начальника базы.

- Это же надо было так ошибиться, Афина! – пробормотал на бегу доктор Эрот. – Зевсов телепортер оказался соседним по счёту от этой аидовой машины!

- Как же я так лоханулась?! – недоумевала доктор истории, поправляя едва не свалившийся с её головы шлем. – И почему наш инженер не спрятал свой гиперболоид подальше сразу после использования?! Получается, что Гефест отразил атаку астероида-убийцы, грозившим разрушить Атлантиду, напрасно?!

- Вот досада: я и предположить не мог, что сделаю это собственноручно! – сокрушался генетик, переводя дыхание и переходя на шаг. – Стой, Афина, я уже совсем запыхался!.. Лучше давай подумаем, как будем выкручиваться из беды, в которую только что попали!

- Знаешь, - доктор истории напрягла весь свой блистательный стратегический ум, - я небезосновательно полагаю, что наше единственное спасение – в свете совокупности имеющихся при сложившейся ситуации облегчающих и отягчающих обстоятельств – это лично явиться к Зевсу и полностью признать свою вину... Согласно моим допущениям, нас может спасти только чистосердечное покаяние... Зевс очень ценит подобные телодвижения подчинённых; в конечном итоге, любые предпринятые им санкции будут значительно смягчены...

- Тебе хорошо так говорить: ты в числе его первых любимчиков! – усмехнулся доктор Эрот.

- Ты, между прочим, тоже! – парировала историк. – Ладно, обоюдный обмен колкостями сейчас ник чему не приведёт, кроме ненужного конфликта.

- Хорошо, лучшего варианта, пожалуй, действительно нет, - генетик кивнул, соглашаясь с предложением коллеги. – Поэтому советую подождать его появления на базе где-нибудь поблизости: что-то мне подсказывает, что его задержка на «Океане» не будет продолжительной...

Не успев закончить фразы, доктор завернул за поворот, где буквально налетел на коллегу Гипноса: тот топтался на месте, как сомнамбула – то ли до сих пор находился под воздействием принятого в «Чертогах», то ли уже ставил над собой эксперименты в области собственных разработок в области сна. Доктор Афина, также не успевшая снизить скорость, налетела на парамедика следом за Эротом; от второго внезапного соприкосновения с реальностью Гипнос пришёл в себя.²⁰

- О, мои дорогие друзья! – воскликнул он, взгляд его слегка прояснился и принял более осмысленное выражение. – Как же я рад вас видеть!

- Что ты здесь шляешься, Гипнос? – поинтересовалась доктор Афина. – «Чертоги» уже прекратили работу, всем пора баиньки!

- Я-то? – главный сторонник альтернативной медицины развёл руками и с глуповатой улыбочкой замер в принятой позе. – Да вот, шёл себе по коридору... А здесь, на развилке, внезапно осознал, что совершенно не помню, куда направлялся – направо или налево? Вот, стою и вспоминаю... Вы, часом, не подскажете, коллеги?

- Да ты уже совсем спятил, Гипнос! – рассмеялся доктор Эрот. – Нам-то откуда знать? Мы ведь твоих мыслей не читаем – запрещено «Инструкциями»! Ох, доведут тебя твои эксперименты до цугундера, честное слово!

- Верно! – добавила доктор Афина, также улыбаясь. – Кстати говоря, пожалуй, даже не боязнь перед «Инструкциями» довлеет над нами, Гипнос: любому нормальному существу, видящему сны, в твоё бессознательное царство лучше не соваться, чтобы не потеряться там навсегда!

- А ведь правда! – доктор медицины самодовольно хмыкнул. – Чего-чего, а подобного я никому не посоветую!

Расчёт докторов Афины и Эрота, что и говорить, увенчался полным успехом: когда начальство вернулось на «Олимп», они, смиренно опустив головы, тёрлись возле Храма Зевса. И хоть характер взысканий, наложенный на провинившихся, оказался не особо строгим – как-никак, оба были незаменимыми специалистами, в работах и консультациях которых, несомненно, нуждался весь дальнейший проект – профессор не преминул завершить случившееся показательным товарищеским судом.

В результате Всеобщего Совещания, носившего, по большей части, утончённую форму полицейского допроса, к допустившим вопиющую небрежность был применён временный домашний арест; доктор истории лишилась привилегии посещать апартаменты профессора во время его отсутствия, а доктору генетики пришлось поступить в подчинение руководителя Зоологической лаборатории доктора Артемиды.

- Прошу особого внимания начальства и коллег при рассмотрении смягчающих и отягчающих обстоятельств, представляющихся столь необходимыми при рассмотрении данного казуса, учесть состояние обвиняемых на момент совершения противоправных действий, - витиевато формулировала тезисы коллега Фемида, исполнявшая на этом необыкновенном судилище роль прокурора. – Допустимо ли принятие решения по телепортации в указанном состоянии правомочным?

- Уважаемый суд, наверное, не слышит нас! – оправдывались оказавшиеся на скамье подсудимых. – Подобные операции, а именно использование телепортов в любом

²⁰ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

состоянии «Инструкциями» не запрещены! В них не найти ни единого упоминания, что подобное – недопустимо и наказуемо!

- Естественно, - Фемида кивнула, - потому, что никому из составивших этот основной юридический документ, включающий в себя бесчисленные рекомендации по технике безопасности, не могло и прийти в голову, что мыслящее существо может позволить себе воспользоваться телепотером в изменённом состоянии сознания, вызванном психоактивными веществами!

- Ладно вам, - выдохнул профессор, маша рукой. – Кто в лес, кто по дрова...

- Не мы первые в таком состоянии используем средства мгновенного передвижения во времени и пространстве! – сказала доктор Афина. – Это общеизвестно...

- Неужели не ясно, что случившееся произошло с нами нечаянно?! – вторил ей доктор генетики. – Ошибку, совершённую нами, вы пытаетесь раздуть до космических пределов! Мы очень переживали за принудительную высылку атлантов в иное измерение... В результате такого горя, видимо, слегка перебрали...

- Ну, ни фиги себе «нечаянно»! – не сдержался руководитель базы. – Да нас на «Океане» от вашего «нечаянно» так потрянуло, что только держись! Откровенно говоря, если бы техническая команда профессора Посейдона не смогла вовремя погасить дальнейшие разрушения и, поелику возможно, остановить зародившуюся цунами, то сейчас бы вы оправдывались не в присутствии как-никак благосклонно настроенных по отношению к вам сотрудников, а перед не знающим никаких предвзятых симпатий или антипатий Советом! Словом, постановляю: обоим с базы ни ногой! – профессор легонько стукнул кулаком по столу и поднялся. – Я ещё подумаю, на какой срок ограничить ваше передвижение за пределы «Олимпа»... Доктору Афине доступ в мои покои запрещён – раз и навсегда! Что касается вас, коллега Эрот, то вы поступаете под начало доктора Артемиды, которая выделит вам для дальнейших исследований блок...

- Профессор, умоляю! – пискнул доктор Эрот, молитвенно складывая руки. – Лучше сошлите меня на «Тартар»: там ещё немало временно пустующих помещений!

- Чтобы вы разнесли их по какому-нибудь поводу, как собственную Атлантиду?! Ладно, - понял его намёк глава руководства. – Пусть будет сектор...

- Благодарю вас, профессор! – генетик поклонился. – Подобного больше не повторится... Ах, какая же была лаборатория! – он отчаянно махнул рукой. – Хорошо хоть, что успел скопировать все её наработки...

- Все свободны! – объявил профессор, давая понять, что окончательный приговор вынесен и заседание подошло к концу. – Что это с вами, коллега? – вдруг обратился он к мирно посапывающему рядом доктору Гипносу. – Вы что, проспали совещание?!

- Я-то?! – встрепенулся тот, протирая сонные глазки. – Простите, профессор: в последнее время было очень много работы с атлантами, совершенно не высыпаясь... Коллеги Дионис и Прометей не дадут соврать: вон, они тоже почти клюют носами... Да и занятия с учениками отнимают много времени... Мы с ними сейчас как раз проходим обязательную программу бесконтрольных и контролируемых сновидений...

Действительно, благодаря оперативной работе Гипноса, Прометея и Диониса, как уже упоминалось выше, обработка и ссылка расы рептилоидов по ту сторону времени и пространства прошла в минимальные сроки; хорошо ещё, что выстрел гипербоида пришёлся не по населённому участку Земли, а по совершенно пустому острову. Впрочем, принимая во внимание с тех пор разошедшиеся среди эллинов слухи, Атлантида была уничтожена «богами» вместе со всем своим противным населением... Тем не менее, время не стояло на месте; постепенно видоизменение «атлантической легенды» успешно перекочевало в творчество более или менее знаменитых древнегреческих авторов.

Доктор Гипнос, наибольший сторонник и популяризатор всевозможных новшеств в научной мысли, преспокойно занимался развитием своих учеников; главные его ассистенты – Морфей, Фобетор и Фантас – принимали непосредственное участие в подготовке будущих эллинских лекарей и знатоков медицины. О несомненном таланте преподавателя

можно было судить хотя бы потому, что он в кратчайшие сроки ухитрился выпустить несколько курсов замечательных фельдшеров, понёсших врачебную науку по просторам Эллады и даже за её пределы. Несомненной победой доктора стали Алкмеон и Гиппократ, заложившие основы древнегреческой хирургии и систематического наблюдения за пациентами, а также целая плеяда их обросшими мифами предшественников, в первом ряду которых находились великие Асклепий и Подалирий; правда, доктор Гипнос воспитывал самых первых врачей не в одиночку, а при участии коллеги Прометея.

Впрочем, не только смертные получали неоценимую помощь из рук парамедика; известно, например, весьма instructивное эссе доктора Афродиты «К вопросу о том, как Гипнос помог мне бросить курить. Откровения абстинента». Любитель альтернативной медицины следил за самыми последними открытиями и теориями в любых областях, представляющими непосредственный интерес для его исследований, однако, более всего уделял внимание проблематике сна, которую полагал одной из архиважнейших глубин науки.

- Ну, скажем, - частенько говорил он ученикам, в остаточном большом количестве посещавшим его лекции, - что, с учётом принятия среднего возраста жизни равным семидесяти годам, из них человек просыпает около двадцати трёх! Однако, далеко не каждому из вас доведётся прожить и шестидесяти! Неужели вам не хочется исследовать запредельность тех самых двадцати с лишним лет, которые вы проводите в бессознательном состоянии?!

- Да как же их исследовать? – недоумевали его слушатели. – Ты же сам говоришь, да и мы это превосходно ощущаем на себе, что драгоценное время уходит впустую!

- Ну, положим, не совсем уж впустую, - возражал преподаватель. – Конечно, сон необходим для восстановления организма, уставшего по множеству причин в течение дня... Тем не менее, я предлагаю желающим проникнуть за пределы сна, который я обычно называю Барьером, ознакомиться с ним и проводить с пользой даже такое, казалось бы, бесполезное времяпрепровождение! Я научу вас использовать специальные практики, которые помогут вам не терять ни мгновения жизни – в том числе, во время сновидений, что, в конечном счёте, обогатит ваш персональный опыт и поможет гораздо лучше познать самих себя... Начнём, пожалуй, с самого элементарного: для начала каждый, кто хочет проникнуть за Барьер как можно дальше, должен составить картотеку собственных сновидений...

- Это как? Запоминать или записывать сны, а потом трактовать их, как ты говорил на прошлом уроке, Гипнос?

- Нет, друзья, не путайте обыкновенного сонника и картотеки сновидений! – улыбался лектор. – Трактовка образов, явившихся во сне и собирание данных – не совсем одно и то же... Старайтесь фиксировать каждое сновидение, каждую его деталь; это поможет вам систематизировать свои сны, при случае проводить в них тренировку сознания, а при необходимости – и повторять любой из них по собственному выбору, исследуя в них то, что раньше ускользнуло от вашего внимания.

- То есть, ты хочешь сказать, что возможно заново прокрутить в голове сон, что снился ранее?

- Несомненно, друзья! Любое сновидение, отложенное или даже не отложенное вами в картотеку, является воспроизводимым по вашему желанию с самого начала, а если захотите – с любого его отрезка! Правда, для этого необходимо овладеть техникой автогипноза и ещё кое-какими наворотами... Только не переживайте – всему своё время! Для начала, как я сказал, сконцентрируйте внимание на ведении подробной картотеки сновидений, насколько разнообразными и бессвязными они вам не казались бы... Позже я научу вас систематизировать и расставлять в приоритетном порядке сновидения, скажем, прекогниционного характера или тех, которые могут на бессознательном уровне поведать вам о давным-давно прошедших деталях вашей жизни... Итак, следующий урок – через месяц. Просьба к желающим экспериментально заниматься и продолжать мой курс по внедрению собственного сознания за Барьер: записывать сновидения до мельчайших

подробностей, пока никоим образом их не анализируя! Только детальное описание и хронология! Всего хорошего – и до новых встреч!

Столь длительный период, возможно, оттолкнул многих желающих постичь тайны науки доктора в кратчайшее время, но тем самым очистил ряды посещающих его лекции до терпеливого и качественного меньшинства. Именно выдержавшие испытание временем и стали теми лекарями, которые первыми стали применять технику гипнотического воздействия в медицинских целях. Единственное, на чём особенно настаивал доктор, так это на запрете проводить ученикам до поры до времени самостоятельные исследования.

Поводом к этому послужили неоднократные происшествия, едва не закончившиеся трагически для кое-кого из его студентов или просто по вине обстоятельств подвернувшихся им под руку любителей острых ощущений.

Однажды на «Олимп», а время было довольно позднее, едва не со слезами прибежали несколько эллинок, притащив с собой одного из прилежных студентов сновидческой школы и требуя незамедлительно позвать им доктора Гипноса; оказалось, что муж одной из них – хозяин благочестивого семейства – поддавшись очарованию от рассказов о таинственных переживаниях, доставляемых суггестией, попросил некоего из учеников Гипноса провести над собой сей загадочный ритуал. Будущий врач, ещё не знакомый с клятвой Гиппократова и далеко не первоклассно освоивший технику, заставил того около часа медитировать на клепсидру, нашёптывая несчастному на ухо кое-какие из полученных от преподавателя ускоряющих процесс импликаций.

Доктор, в сопровождении коллеги Морфея, незамедлительно поспешил на помощь пострадавшему, которого обнаружил в глубокой коме. Согласно рассказам очевидцев, хозяин семейства уже в течение часа никак не реагировал на окружающий мир, за исключением того, что несколько раз громко и невкусно пукнул.

- Ну что, доигрался, ученичок? – доктор осуждающе глянул на горе-практиканта, которого, как непосредственного виновника эксперимента, вопящие женщины таскали следом за собой. – Я же просил: никаких опытов над людьми! Чего соваться, раз не освоил науку до конца?

- Вот так постарался ты, уважаемый! – подтвердил Морфей, внимательно осматривая любопытного, в полной отключке валявшегося на кровати. – Да здесь без анализов понятно: кома второй степени! Это же надо было так его ухайдакать!.. Что будем делать, шеф? – обратился он к старшему коллеге.

- Как, что? Вытаскивать его с того света! – резюмировал Гипнос. – Как это у тебя получилось, дружище?! – он вновь глянул на дрожащего от страха ученика.

- Да кто его знает?! – дал тот исчерпывающий ответ. – Он попросил у меня, чтобы я погрузил его в какое-нибудь эротическое сновидение...

- Куда погрузил?! Во что?! – захихикал Морфей, не удержавшись от присутствующих и трагичности положения. – В эротическое сновидение?! Блин, да что ему – женщин, что ли мало в доме?!

- Ну, тогда их ещё не было, - покрутил головой незадачливый гипнотизёр. – Все они были где-то в поле или в саду, кто их знает... Вот Грегорайос и попросил меня: давай-ка, пока их нет дома, покажи своё чудо! А я тебе, дескать, монетку за это дам...

- Нельзя, - нравоучительно сказал доктор, - никогда нельзя применять гипноз показухи ради – и уж тем более, на возмездной основе! Ты... как тебя зовут, запомнил уже...

- Филон, - услужливо подсказал тот.

- Так вот, Филон, ты – не цирковой работник, не какой-нибудь хренов иллюзионист, а будущий врач! Не пристало тебе так поступать...

- Вот уж действительно, Филон, - добавил вновь развеселившийся Морфей, хлопнув провалившегося с треском гипнотизёра по плечу. – Филонить тебе никто не позволит! Или ты нормально учишься – и до получения диплома об окончании профессии не ввязываешься за монетку во всякие неприятности, или будешь запросто отчислен с факультета, как шарлатан и халтурщик! Прости за прямоту, конечно, но выбор у тебя не богат...

- Ладно, коллега, хватит лясы точить! – приструнил весельчака главный альтернативщик от медицины. – Подержите, пожалуйста, глаза пациента открытыми: будем вытаскивать этого эротомана в сознание...

Другой из его учеников, имя которого не сохранилось, отмочил шутку похлеще, вольно и без согласия на то преподавателя экспериментируя с бессонницей. Наслушавшись лекций доктора, однако, не особо усвоив материал, юноша, видимо, вознамерился в кратчайшие сроки подарить человечеству полновесный трактат по исследованиям асомнии, почему и отважился на столь рискованный шаг. Путём изнуряющих сознание процедур, он доводил себя до полного изменения сознания, в результате чего практически перестал отличать, когда он находится по ту, а когда по эту сторону Барьера. В самом скором времени ему всерьёз понадобились реанимационные манипуляции доктора; ели бы не его неотложная помощь в виде когнитивной терапии с второстепенным применением медикаментозного лечения. В последнем случае Гипносу пришлось воспользоваться одним из собственных изобретений, именно РОГом – Релаксационным Оператором Грёз – который он с тех пор всегда носил с собой и что впоследствии стал его неизменным мифологическим атрибутом. Поскольку доктор владел универсальной картотекой сновидений любого подверженного сну существа, он смог смоделировать частоту прибора, настройка которого автоматически устанавливалась в зависимости от потребностей того или иного индивидуального пользователя; аппарат, помимо этого, служил ещё многим медицинским целям. Однако, можно утверждать, что в поэтические эллинические мифы он вошёл не иначе, как «рог Гипноса», из которого повелитель сновидений насыляет свои чары на каждого смертного, неизбежно отправляя его в страну Морфея... Бывало, что греки даже шутили над родственниками или знакомыми, подверженным инсомнии или страдающими отклонениями от нормального процесса сна по всевозможным причинам; самому доктору доводилось слышать, что единственно истинной, по убеждению людей, была таковая, что в роге Гипноса закончился сонный порошок – дескать, поэтому человеку невозможно заснуть...

- Что, всем людям отмеряно сновидений, как надо, а тебе, значит, не хватило гипнотического порошка? – прикалывались греки друг над другом, рассказывая при этом какой-нибудь очередной анекдот о проделках доктора альтернативной медицины.

Парамедику не нравился подобный стёб людей над себе подобными; иногда он даже наказывал насмешников над несчастными за такие выходы, лишая их самих сна путём искусственного вмешательства в процессы их жизнедеятельности. Однажды он даже устроил над более чем несколькими десятками эллинов следующее: лишил весёлых анекдотистов сна – и когда те, помучавшись бессонницей до тех пор, пока тянул организм, не явились просить у доктора прощения, выстроил их в длинную очередь перед Олимпом, исцеляя каждого с ценными назиданиями больше не подвергать близких насмешкам.

- Смотрите, не смейтесь более над друзьями! – наставлял он провинившихся, – иначе не видать вам сна, как собственных ушей! Ещё раз позвольте себе подобные шутки – считайте, что больше никогда не заснёте! А уж если и заснёте, то не проснётесь... Это я вам, други мои милые, душевно гарантирую!

Тем не менее, одного раза было достаточно, чтобы стёб прекратился: никому не хотелось вторично оказаться в неприятном и мучительном положении. Простые эллины запомнили это показательное мероприятие как «восхождение по Лестнице Гипноса», когда пересмешики долго поднимались за исцелением по крутым переходам Олимпа. На самом же деле – это было известно лишь посвящённым и постоянным слушателям медицинских лекций – так называлось специальное уравнение, созданное доктором для путешествий через Барьер, и не имевшее ничего общего ни с уравнениями алгебраическими, ни дифференциальными.

Студенты, проводившие в компании и под неусыпным наблюдением доктора множество экспериментов как над собой, так и над другими, наперегонки пытались усвоить это одновременно простое и непередаваемо сложное для управления уравнение сна и

реальности, эту параллельность действительности и сновидческих сфер, это мгновение перехода через Барьер. Таким был подлинный смысл и назначение «Лестницы Гипноса».

- Посмотрите сами, - убеждал учеников доктор, - во сне, когда сознание отключено и наш мозг подчиняют себе бессознательные процессы, возможно непередаваемое количество удивительных вещей! Я уже не буду говорить о так называемых пророческих снах, которые являются ничем иным, как обострением внимания к тем или иным деталям, которым сознание наше не придаёт должного, пока мы бодрствуем! Попробуйте сделать следующее: возьмите обыкновенный цветок – и разглядывайте его настолько пристально, насколько будет возможным; естественно, вам покажется, что вы узрели всю его красоту, форму, количество лепестков и их точное расположение – однако, смею вас заверить, полной картины вы всё равно не увидите. От неё вас будет отвлекать хотя бы запах цветка, шелест его лепестков – и многое-многое другое... Но в момент сновидения, вызванного в момент вашего отключённого сознания, можно увидеть гораздо больше, поскольку сон акцентирует на более ярком видении деталей проблемы. Здесь мы видим, как сознание работает вкупе с неосознанным. На этом этапе это уже хорошо, поскольку подчинение неосознаваемых при бодрствовании процессов дополняет картину, расцветивает её совершенно новыми красками... Поэтому неудивительно, что некоторые вещи, решение или понимание которых мы никак не могли завершить до наступления сна, преспокойным образом разрешаются утром, после пробуждения! Невероятное количество изобретений и открытий ждут человечество на этом пути, когда отвлекающие нас от них детали действительности ничем не сдерживаемым потоком бессознательного раскрываются в сновидениях...

Ученики, полные благоговейного внимания к произнесённому наставником, старательно скрипели своими писалами. Доктор давно приучил их записывать текст без размышлений о самом написанном, в это следовало вникать разумом лишь после окончания лекции.

- И, тем не менее, венцом пути, разделяющего сон и действительность, является осознанное сновидение, а это требует невероятных усилий и тренировок. Для этого надо глубоко исследовать всё, что находится за Барьером, исследовать до мельчайших уголков! Запомните, друзья мои, что Барьер для вас – абсолютно неизвестен и обладает многими неопишными и неизученными свойствами: он может увеличиваться, он способен уменьшаться, он имеет возможность затягивать... В конце концов, как можно убедиться в том, что за ним каждый из вас остаётся самим собой?! За Барьером вполне возможно потеряться – и даже никогда не вернуться назад без вмешательства, как вам уже известно по случаю с эротоманом-коматозником! Для этого и существует «Лестница Гипноса», благодаря которой можно беспрепятственно и с большой пользой для себя и других ходить между сном и явью. Входить по ней за Барьер и выходить обратно в любое время с заметно обогатившимся опытом. Принцип работы этого уравнения известен каждому, остаётся лишь осознанное передвижение по этой «Лестнице»...

Уроки доктора оказались крайне необходимы не только для тренинга собственного факультета, к помощи Гипноса неоднократно прибегали и представители других школ. Стоит упоминания хотя бы тот факт, что своих учеников, заподозренных в тех или иных расстройствах, к нему отправляли коллеги – доктора Гестия или Аполлон. Например, когда в театре – после довольно грандиозной программы – начались едва ли не массовые случаи бессонницы, Гипнос получил столько пациентов, что в течение недели преподавал свою науку, используя при этом наглядный материал. Случалось и так, что ему приходилось помогать людям, так сказать, в обратном направлении – и восстанавливать их состояние до нормы от излишне продолжительного сна.

- Сегодня у нас опыты с психометрией и психофизикой, - начал урок доктор, когда его слова были прерваны появлением в классе доктора литературы.

- Гипнос, можно тебя ко мне, на «факультет»? – осторожно спросил тот. – У меня срочное дело... Некоторым из моих поэтов нужна твоя помощь...

- Конечно, - не раздумывая, ответил врач. – Итак, - добавил он, обращаясь к классу, - поскольку моё присутствие необходимо в другом месте, попробуйте пока проштудировать действие «Лестницы Гипноса» на идиосинкразию... Вернусь – продолжим изучение материала по программе...

Беспокойство доктора Аполлона было ещё раньше вызвано загадочным поведением нескольких поэтов, внезапно принявшихся безостановочно творить, а ныне впавших в глубокий сон от изнеможения. Доктор Аполлон, приведя коллегу в один из шатров, указал ему на мирно дрыхнувших после «даров Пандоры» Гомера, Гесиода и ещё одного «архитектора духа», как он обычно именовал стихотворцев.

- Вот, дружище, полюбуйся! – хозяин театра сложил руки на груди. – Что скажешь?

- И долго они в таком состоянии? – осведомился пришедший, внимательно осматривая всю троицу для предварительного анализа возникшей проблемы.

- Уже третьи сутки, - ответил доктор литературы. – Почти неделю перед впадением в кому, все трое писали с таким остервенением, будто каждую новую, вышедшую из-под стилия строку, искренне полагали последней в жизни; а после – завалились на бочок и лежат так до сих пор!

- Слушай, а не допускаешь ли ты, что твои ребята употребили нечто психоактивное? – предположил Гипнос, поочерёдно приподнимая веки каждому поэту. – Налицо все симптомы использования чего-то...

- Несомненно! – всплеснул руками Аполлон. – Мне удалось установить, что наша крошка Афина поделилась с ними собственным «вдохновением», представляешь?! Впрочем, подозреваю, что сами они ни за что в этом не признаются...

- Хорошо, будем ставить твоих учеников на ноги! – почти равнодушно отреагировал на услышанное доктор Гипнос, разминая руки и доставая из-под гиматия свой знаменитый РОГ. – Только больше пусть с Афиной не якшаются: следующий приём всякой дряни может оказаться для их организма фатальным...

- Странно это для тебя, наверное, – усмехнулся Аполлон, убедившись в том, что жизни прекраснейших эллинских поэтов ничего не угрожает. – Обычно ты борешься с бессонницей, а тут – на тебе: приходится лечить людей от затянувшегося сна!

- Ну, в практике всякое случается, дорогой! – ответил врач собеседнику. – Твои ребята – далеко не первые, которых мне приходится вытаскивать из комы за уши... Минут через десять закончу, а ты пока никого не подпускай к шатру...

Кстати говоря, после приключившегося с аполлоновыми учениками, очень многие из них, осознав полезность изучения сновидений и связанных с этим специальных практик, также пополнили число постоянных слушателей лекций доктора Гипноса. К нему пришли актёры, поэты, художники, композиторы – и прочие представители различных направлений искусства. С творческими людьми работать оказалось гораздо проще, поскольку их заинтересованность была основана на неуёмной потребности в самореализации, то есть они обладали надёжнейшим из стимулов к развитию постоянного пребывания в сознании – даже за Барьером.

Серию интересных опытов доктор провёл именно с этой группой учеников, отправляясь с ними в неведомые миры; искусственное погружение в сон иногда проводилось не с одним, а с несколькими испытуемыми сразу. Исследователь создавал различные ситуации, в которых те или иные качества участников эксперимента не только усиливались, но и приобретались.

- Итак, начинаем перенесение сознания в состоянии квантовой дивергенции, - коротко предупредил Гипнос, моделируя очередную виртуальную реальность, основанную на сновидении кого-нибудь из экспериментаторов. – Сейчас, господа, вы получите наглядное ощущение и переживание коллективного сновидения...

Люди, скользящие под чутким руководством наставника меж параллельных миров сна и яви по «Лестнице Гипноса», становились свидетелями и носителями неведомых доселе чувств, которые возникали ниоткуда и компоновались в самые удивительные сочетания.

- Мы с вами находимся на одной из стартовых площадок, откуда начнём путешествие в самих себя, - сказал доктор, перемещая себя и спутников в пространство, которое даже трудно было определить привычными понятиями: оно не являлось ни открытым, ни замкнутым, ни светлым, ни тёмным, ни пустым, ни чем-либо наполненным. – Для общего понимания ситуации, прошу каждого из вас описать место своего пребывания... Начнём с тебя, Гомер! Ты, наверное, удивлён тем, что можешь видеть?

- Ничуть, Гипнос! – ответил поэт. – Я несказанно благодарен тебе за сновидения вообще, поскольку это – единственное место, где я вновь становлюсь зрячим! И если я в действительности слеп, то здесь способен на такое!.. Именно во снах я черпаю множество сюжетов для собственных произведений!

- Я в этом не сомневаюсь! – улыбнулся доктор. – Но, пожалуйста, расскажи о том, что ты чувствуешь!

- Меня сопровождает неизменное ощущение того, что я – это не я, а кто-то другой, - поэт сосредоточился на персональном переживании момента. – И этот другой передаёт мне знания о Вселенной.

- Неплохо, - кивнул Гипнос. – Теперь пусть своё ощущение об этом месте выскажет кто-нибудь из художников...

- Странно, - подал голос один из компании, озираясь по сторонам. – Я нахожусь где-то, чему даже не могу дать внятного описания: или это бесконечно яркий свет, или беспредельная тьма... Мои глаза совершенно не в состоянии внятно определить это место!

- Отлично! – похвалил его доктор. – Между светом и его противоположностью нет никакой разницы, если их возвести в абсолютную степень. Другими словами, если избавиться от оттенков, скажем, тьмы – темно, сумрачно, очень темно, и прочих – то ни за что нельзя будет сказать, во тьме ли ты находишься или на свету. Сам же свет, аналогично, воспринимается нашими органами зрения лишь благодаря своим оттенкам – при его стопроцентном видении никто не отличит его от кромешной тьмы! Что скажут наши актёры или танцоры?

- Я слышу музыку! – воскликнул один из учеников Аполлона, играющий в театре. – Это трудно объяснить, но мои ощущения сконцентрированы вовсе не на зрении, а на звуковых колебаниях, установить источник которых мне не представляется возможным! Будто я присутствую на замечательном выступлении одновременного множества арф, тимпанов и флейт, играющих нечто невообразимое!

- Великолепно, друзья! – хлопнул в ладоши доктор, хоть и сам не услышал эха от собственного хлопка. – А теперь подведём небольшие итоги: никто из вас, находясь в одном и том же месте, не смог не только внятно описать его, но даже высказал отличное от других мнение о его назначении! Вас это не удивляет? Сон-то у нас вроде бы один и тот же, а ощущения – разные!

- А чему тут удивляться? – пожал плечами Гомер. – Мы же по опыту знаем, что во сне и не такое случается...

- Правильно! Поскольку коллективное восприятие одного и того же предмета достаточно различно и в условиях реальности. А теперь я немного видоизменю картинку, - доктор во мгновение ока смоделировал более привычный для человеческого глаза пейзаж: лесную поляну, в центре которой и оказались экспериментаторы. – Теперь, надеюсь, все видят одно и то же?

- Лес, - ответил Гомер. – А мы находимся посреди поляны. Остальные подтвердили его слова.

- Итак, перед нами лес. Превосходно! Может быть, кто-нибудь хочет добавить деталей?

- Обыкновенный лес, - набрался смелости кто-то из композиторов. – Он настолько привычен, что у меня возник вопрос: действительно ли мы сейчас спим, а не вышли на прогулку где-нибудь под Олимпом?!

- Интересное наблюдение, давай свою зачётку! – рассмеялся доктор, похлопывая человека по плечу. – Каким образом ты можешь отличить, где сейчас находишься – во сне или в яви, дружище? Как ты можешь установить это наверняка?

- Не знаю, - признался тот, посматривая на соседей.

- примени «Лестницу Гипноса»! – громким шёпотом подсказал ему Гесиод.

- Верно! Уравнение включает в себя многочисленные функции, позволяющие безошибочно определить твоё местонахождение. Осознанное сновидение – это ключ. Попробуй, например, взлететь над этим лесом – и над нами... Тебе это по силам?

- Конечно! – ответил грек, беспрепятственно взмывая над поляной и зависая в воздухе под громкие аплодисменты спутников. – Ведь это проще простого!

- Итак, ты ответил на собственный вопрос! Только за Барьером возможно всё то, что немыслимо в действительности!

- Круто! – довольный эллин спустился к товарищам и поправил сбившийся во время полёта гиматий. – Жаль только, что проявленные во сне способности нельзя применять наяву!

- Ну, зачем же так категорично?! – остановил его Гипнос. – Естественно, многое из того, что возникает в воображении, невозможно перетащить с собою за Барьер – действительность существует по совершенно другим законам, однако, наблюдение за увиденным, услышанным, испытанным там, послужит достаточной наградой анализирующей натуре, смогшей выстроить полученный во время сновидений опыт в единую, стройную и непротиворечащую систему... Потому я настаиваю на непрерывной каталогизации снов, на ведении подробной их картотеки!

Нелёгкий труд, порученный доктором своим ученикам, заинтересованным вопросами самопознания, приносил свои драгоценные плоды: долгая, упорная практика вела их к цели, а единственным их орудием познания продолжала оставаться «Лестница Гипноса». Формула, призванная уравнивать сновидение и реальность, помогала пройти тонкую грань между ними – Барьер, и потихоньку ориентироваться в его кажущейся, на первый взгляд, бессистемности, использовать её дары в совершенно реальных после пробуждения условиях. Продолжая совершать групповые и одиночные вылазки в царство Морфея, доктор с радостью наблюдал, как оперились и возмужали его верные ученики, открыв для себя и других непочатый край для исследований.

Во время одного из путешествий за Барьер вместе с Еврипидом – случилось это несколько столетий спустя после описываемых выше событий – доктор наглядно продемонстрировал, какую совершенно практическую – и неожиданную! – пользу несёт в себе внимательное отношение к сновидениям. Великий драматург отправился туда вместе со своим наставником в поисках вдохновения, однако, хоть он и вернулся из-за Барьера невероятно счастливым и полным новых идей, полученный опыт был применён им в совершенно ином направлении искусства.

В одном из сновидений, куда драматург счёл необходимым пригласить своего наставника, друзья проводили анализ словарного запаса великих предшественников Еврипида: авторов «Илиады», «Одиссеи», «Теогонии» и «Труды и дни». Внезапно, прервав их занятия – исследователи находились в каком-то полуразрушенном храме – пошёл дождь; Гипнос вместе с учеником укрылись в одном из его углов, куда не досягала вода. Когда сильный, а потому кратковременный ливень закончился, над храмом взойшла радуга – и созерцание её повергло драматурга в подлинный экстаз: он стал танцевать прямо по лужам, ничуть не заботясь о состоянии одежды.

- Ты, что, спятил, Еврипид? – поинтересовался доктор, упуская из виду факт того, в чём неизменно натаскивал своих экспериментаторов: во сне может приключиться всё, что угодно. – Если тебе не жаль собственного одеяния, то мне, по возможности, хотелось бы остаться сухим!

- Как, Гипнос?! – только и воскликнул эллин, совершая невероятные подскоки в вышину – и беззаботно приземляясь в очередную лужу. – Как, неужели тебя не очаровала эта чудесная

музыка?! – взгляд его так и сиял, устремившись прямо на разноцветный мост, соединивший небо и землю.

Доктор прислушался, насколько ему это позволяли шлёпающие по воде сандалии драматурга, однако уши его не зарегистрировали ровным счётом ничего примечательного: лёгкий ветер, едва развевающий гиматий Гипноса и шелестящий листвою одинокого дуба прямо за окном храма – вот и все звуки...

- Не хочу тебя обидеть, дружище, - он тронул Еврипида за плечо, когда тот выдохся – и отдышал на каком-то булыжнике, тихонько мурлыкая себе под нос, – но, кажется, ты упоминал что-то о невероятно красивой музыке?.. Скажи, пожалуйста, хоть с какой стороны она идёт?

- Да она повсюду, Гипнос! – ответил тот, вметая руки к небесам. – Ах, какое великолепие!

- Да, это великолепие, несомненно, очень странное, - пробормотал доктор, беспокойно поглядывая на драматурга. – Ты уверен, что эта музыка звучит не только в твоей голове?

- Да вот же она! – Еврипид указал пальцем вверх. – Как можно быть таким слепым, учитель?!

- Слепым?! – недоумённо повторил врач, беря друга за руку и незаметно ощупывая его пульс. – Всегда полагал, что музыка воспринимается не глазами, а ушами... Скажи, не пора ли нам проснуться, как ты считаешь?

- Так ведь и я так полагал, Гипнос! – сказал великий эллин, пропустив мимо его последнее предложение. – А тут – такое открытие! Музыку, оказывается, можно увидеть в небесах...

- Где, где?!

- А ты посмотри на радугу, учитель! – посоветовал Еврипид. – Видишь, какие тимпаны, какая мощная дробь! И эти божественные арфы...

- Дружище, ты действительно в порядке? – Гипнос глянул на радугу, отпуская руку драматурга и кладя ему ладонь на лоб.

- В полнейшем! – мгновенно откликнулся тот. – Это было непередаваемо, - с сожалением добавил он, когда радуга стала терять яркость и постепенно исчезать. – Вот уж не думал, что музыку можно увидеть... Спасибо тебе преогромное, дорогой мой Гипнос, за откровение, полученное мной во сне при твоём прямом участии!

- Да не за что, - пожал плечами доктор, пристально наблюдая за зрачками драматурга. – Ты же в курсе: я всегда готов помочь доброму знакомому...

Вдруг его осенило: как же он сразу не понял, о чём говорит его ученик! Гипнос схватил драматурга за руки – и, крепко потрясая их, воскликнул:

- Еврипид, мне всё понятно! Знаешь, кто ты?

- Драматург, вообще-то... Похоже, что теперь и композитор: только что я нашёл такую удивительную строку...

- Вот-вот! А ещё кто?

- Ну, человек... Афинянин, честно платящий воинские налоги...

- Да я не в том смысле... Клянусь Зевсом, ты самый настоящий синестет!

- Кто?! – покосился на него эллин. – Ну, знаешь, меня так ещё никто не оскорблял! Ты, конечно, великий и бессмертный олимпиец, но если намекаешь на мои неудачные отношения с собственными жёнами...

- Опять мимо! – улыбнулся доктор, отпуская руки драматурга. – Никто не хотел оскорбить тебя... Дело в том, что в цветах радуги ты почувствовал музыкальное послание, Еврипид!

- Это так, и я этого никогда не забуду! – успокоительный тон собеседника сразу заставил его остыть. – Какое же было волшебное мгновенье!..

- Ты пережил то, что недоступно большинству: увидел музыку, как бы загадочно это не звучало...

- То есть, ты хочешь сказать, что я – обыкновенный псих?! – искорка подозрения вновь сверкнула в глазах его ученика. – Вот спасибо! Получается, что Еврипид отправился с наставником за Барьер – и там бесповоротно свихнулся?! Может, тебе действительно стоит поскорее вытащить меня отсюда, Гипнос?!

- Ничего подобного! Ни одному здравомыслящему человеку, тем более, такому авторитету в медицине, как я, никогда не придёт в голову причислять проявление синестезии к психическим расстройствам – в этом ты можешь быть абсолютно спокоен! Если человеку, в силу особенностей протекающих в его организме нейрологических процессов, вдруг удаётся, скажем, увидеть звук или услышать цвет, то, поверь мне, никто не собирается на основании этого рядить его в сумасшедшие!

- Что же, ты меня успокоил, - Еврипид коснулся руки наставника. – Огромное тебе за это эвхаристо! Я уж боялся, что, возможно, лучше и не просыпаться вообще?! Ибо кому в реальности нужен спятивший драматург?!

- Оставь подобные мысли, дружище! – заверил его Гипнос. – С тобой всё в полном порядке... К тому же, скажу тебе по секрету, приобретённое тобой во сне качество весьма поможет тебе как творческой личности, можешь в том не сомневаться... С тобой наяву подобного никогда не случалось?

- Да вроде нет, - попытался напрячь память собеседник. – Кажется, нет...

- Во сне это можно развить – и при желании перенести в действительность, вынести с собой за Барьер, - убеждал драматурга доктор. – Просто использование опыта, полученного тобой в результате обретения нового навыка восприятия, будет направлено в ином направлении: в придачу к твоим невероятным достижениям в драматургии, ты можешь стать неплохим композитором, Еврипид! Что ты на это скажешь?

- Заманчиво, - произнёс тот, вновь взглядываясь в небеса – в то место, откуда исчезла радуга. – Я с радостью занялся бы музыкой, Гипнос!

- Тогда давай повторим урок, - заинтересовался доктор. – Я немного модифицирую наше сновидение – и попробуй вновь при появлении радуги что-нибудь увидеть... Я не стану тебе мешать или отвлекать; ты же, если вновь увидишь что-нибудь интересное, постарайся записать музыку методом буквенной нотации, договорились?

- Я готов!

И захватывающийся эксперимент продолжился. При помощи своего РОГа доктор вызвал резервную копию предыдущего сновидения – и запустил её с момента прекращения дождя. Мало того: не сказав ни слова Еврипиду, он настроил цветовую гамму таким образом, что каждый из элементов радужного спектра подсвечивался в определённой последовательности. Установив прямую кибернетическую связь с «радугой», доктор мысленно передавал с цветовой панели управления различные музыкальные композиции, предназначенные для восприятия и прочтения учеником, естественно, не выходя за рамки принятых в эллинской культуре настоящего периода. Лишь однажды он увлёкся экспериментом – и совершенно произвольно вывел цветовым изображением «The House of the Rising Sun», но, быстро осознав оплошность, очистил панель – и продолжил подбрасывать Еврипиду своевременные идеи...

Немало опытов было поставлено доктором и в других областях сна, включая довольно опасные и затяжные путешествия за Барьер. В некоторых случаях он наотрез отказывался брать людей в компанию, понимая, что для их неподготовленных и неокрепших к забегам на дальние дистанции организмов подобное может повлиять необратимым образом. Особенно это касалось экспериментов, использующих методологию «замораживания» сознания, которое отправлялось за Барьер на практически неизмеримые сроки, причём возвращение предполагалось исключительно после прохождения длинной цепи сновидений, связанных единой, но весьма призрачной, распадающейся от лёгкого колебания бессознательного, концепцией. Для исследований доктора это являлось не только тотальным анабиозом, но и попыткой разведки, опытом составления картографии сновидческих реалий, которая им тщательно фиксировалась.

Довольно забавный случай – как в реальном, так и в сновидческом бытии – случился с доктором после того, как группа математиков «Олимпа», возглавляемая доктором Гераклом, также по приказу начальника базы воспитывающая эллинов, прислали к нему в лабораторию одного из своих учеников со следующим шифрованным посланием:

«Многоуважаемый доктор Гипнос! Как Вам известно из предоставленного на Совет общего отчёта о завершении набора учеников во все обучающие заведения «Олимпа», наш курс оказался наиболее переполненным, а желающих изучать математику осталось немало. Нам пришлось объявить самый настоящий конкурс, чего никогда ещё не было в других мирах. Были отобраны лучшие, однако, нельзя сказать, что только неудачникам пришлось позабыть об изучении преподаваемой нами дисциплины. Среди не прошедших конкурса, несомненно, осталось довольно много талантливых, весьма одарённых людей. Засим посылаем к Вам одного из кандидатов, не добравшего, увы, для зачисления на курс всего половины проходного балла – помогите ему, пожалуйста, хотя бы методом гипнопедии, у этого человека поистине выдающиеся способности! С уважением, от имени доктора Геракла и коллег – Урания.»

- И как зовут тебя, о жаждущий постичь точнейшую из наук, пока не вникнешь во все её исключения? – шутливо поинтересовался доктор, приняв из рук эллина послание и ознакомившись с его содержанием.

Уже больше мужчина, нежели юноша, человек вздохнул – и тихо произнёс:

- Пифагор я, урождённый Самоса... Да, я действительно хочу заниматься этим предметом, поскольку давно убеждён в том, что цифры управляют не только нами, но и Вселенной!

- Интересно, интересно! – доктор почесал подбородок. – Так для чего же тебе математика? Не для того ли, чтобы этой Вселенной управлять единолично?!

- Нет, конечно! – убедительно ответил тот; голос его зазвучал громче, глаза засверкали. – Вселенная – это бесконечная гармония заключённых в ней чисел, которая не нуждается ни в чьём управлении! Но вот познать её незыблемые законы, научиться у неё явному и тайному, совместить в нашем мозге откровение божественного числа и свободную человеческую мысль – на это вполне стоит, я считаю, потратить своё короткое существование...

- Что же, намерения твои весьма благородны, Пифагор! – ответил доктор после столь короткого экзамена будущего ученика. – Кое-чему я обязательно тебя научу, вот только метод обучения будет не совсем обычным...

- Если ты обучишь меня математике, то какая разница, будет ли твоё преподавание обычным или нет, о великий Гипнос?! – обрадовался только что зачисленный в школу доктора счастливый соискатель. – Мне бы лишь до явных и тайных знаний дорваться, а там видно будет!

- Ну, с приобретением тайных и явных знаний у тебя проблем не возникнет, - полушутливо заверил его доктор. – Но предупреждаю сразу: подчиняться моим словам беспрекословно; специально разработанную для тебя программу обучения я, так и быть, организую... Занятия назначаю тебе дважды в неделю, скажем, в часик протяжённостью – извини, больше не могу, у меня сейчас по другим системам настоящий цейтнот... А на уроки приходи прямо сюда, но только обязательно с собственной подушкой; я, видишь ли, все до последней раздал другим ученикам, - он указал на стоящий возле одной из стен пустой диван, у которого отсутствовали даже обычные мягкие валики вместо подлокотников.

- Понял! – гаркнул Пифагор, не скрывая удовольствия. – Два раза по часу – это замечательно! А дома – я тут небольшой шалаш построил под Олимпом, пока поступал на ваш математический; мне, путешественнику, не привыкать! – буду закреплять полученные уроки, повторять усвоенное за день – и развиваться, развиваться...

- Шалаш, говоришь, построил? – удивился врач. – Впрочем, это ещё хорошо, что не бочку прикатил! – невольно сорвалось у него с языка, будто Гипнос сам себе предсказывал не столь отдалённую встречу с другими эллинскими весельчаками. – Да я вижу, ты, Пифагор, действительно нигде не пропадёшь...

Чередуя, таким образом, свои обычные занятия и индивидуальное обучение математика, доктор довольно скоро привык к нему; тот и вправду оказался весьма способным, причём,

не только в точных науках; Пифагор, получая во время гипнотического транса необходимый ему объём информации по изучаемому предмету, усваивал его с невероятной скоростью. Часть свободного времени он посвящал философским штудиям, намереваясь со временем открыть собственную школу, из чего, кстати, не делал тайны – и вскоре стал довольно известной фигурой среди эллинов, по разным причинам посещавших «Олимп». Однако, несмотря на пылливый ум и высокий коэффициент интеллекта, учёный, неверно истолковав те или иные уроки самого Гипноса, попал в ловушку собственного воображения, что временами заставляло его уходить от науки в чистом виде к мистицизму. Поскольку ещё до встречи с Гипносом он успел посетить египетских жрецов, вавилонских магов и адептов финикийских мистерий, Пифагор, объединив полученные знания общеморальными нормами и подведя под этот занимательный синкретический коктейль философскую базу, в недалёком будущем стал известным проповедником, за которым пошли многие эллины и не эллины. Практики путешествия через Барьер сыграли с ним скорее злую, чем добрую, шутку: математик с потрясающими способностями всё больше и больше времени уделял не точным наукам, а нумерологии, толкованию снов и учению о метемпсихозе. Надо отдать ему должное: Пифагор немало сделал для человечества, пока его естественно-научные и математические исследования не стали переплетаться с оккультизмом. Даже научившись от Гипноса осознанному сновидению, учёный не всегда делал правильные выводы из увиденного за Барьером, в результате чего компиляция усвоенных им знаний – со временем усиленная его учениками и получившая невероятный крен в сторону мистицизма – стала выглядеть очередной «тайной» концепцией, весьма притягательной для «посвящённых» – и особенно «непосвящённых» – умов разной степени компетентности.

Разбирая невероятные казусы, к которым иногда приводит исследователей даже осознанное путешествие за Барьер, доктор Гипнос с нескрываемым сожалением обязательно приводил в пример ученикам именно историю Пифагора, который, по его словам, «так и застрял наполовину в собственных сновидениях». В его учении рациональное настолько переплелось с мистическим, а точный расчёт нередко уступал место «сверхъестественному озарению», что полагаться на те или иные выведенные Пифагором максимы без исчерпывающей их проверки категорически не рекомендовалось.

- Вот погодите немного, - уверял доктор своих слушателей, - и вы сами станете свидетелями, насколько пифагореизм захватит людские умы, в тенета которого попадутся даже самые лучшие из них! Чего будет стоить хотя бы «доказательства» Сократа, о котором в «Меноне» напишет его ученик Платон... Вы даже не представляете себе, друзья, сколько великих людей – учёных, мыслителей, изобретателей – невольно пойдут по мистическо-религиозному пути! Гениальный математик, механик и философ Паскаль, который совершит бездну научных и технических открытий, многие из которых опередят время, попадётся в лапы религиозного обскурантизма – и совершенно откажется от научных изысканий, дабы спасти свою «бессмертную душу»... Да и Сведенборг – выдающийся астроном, математик, конструктор и вообще – крайне разносторонний учёный, «благодаря» подобным «откровениям» практически забросит ради «духовидения» проторенную им ранее научную стезю... И замечательный психолог Кьеркегор... К несказанному сожалению человечества, этот печальный список невольных жертв религии и мистицизма далеко не завершён. Запомните, друзья: нет в мире ничего опаснее, чем мистификация науки – или онаучивание мистики, если вам так больше нравится!

- Прости, Гипнос, - недоумевали его ученики, - но ты, похоже, увлёкся прекогницией... Хотим напомнить тебе, что будущее подвластно лишь твоему взору, тогда как мы – подобного дара напрочь лишены...

- Да, что-то меня занесло, - спохватывался доктор. – Разъясню: Платон опишет со слов Сократа, как тот, в «доказательство» бессмертия и перерождения из тела в тело души – которая, согласно ему, является ничем иным, как носителем универсальных знаний – заставит юного раба по имени Менон, не обладавшего ни малейшими познаниями в

геометрии, «вспомнить» теорему Пифагора! Естественно, для вызова подобного «воспоминания» он применит к мальчику откровенные софизмы, то есть заведомо наводящие того на «воспоминание» положения и вопросы... Словом, кто из вас доживёт до этого, смогут лично проштудировать платоновские «Диалоги»...

- А остальные? Паскаль... Све... Кье... Что это за имена, Гипнос? Видимо, какие-то чужестранцы?

- Да, друзья, и жить они будут гораздо позже, в других странах... Прошу прощения за невольное отступление от темы, с языка сорвалось! Не будем останавливаться на чрезмерных увлечениях мистикой первых двух и над экзистенциальной драмой третьего... Итак, идём дальше!

Продолжая эксперименты по исследованию пространства за Барьером, доктор достиг последнего рубежа на шкале собственных изысканий: возможности отправлять за Барьер копию своего сознания в собственную же симуляцию, которая получала вероятность постоянно активированного контакта с бодрствующим и давно покинувшим страну Морфея персональным «я». Это было пределом: никакие дальнейшие изобретения и технологии по изучению проблематики и парадигмы сна вообще, не могли привести ничего нового в указанном направлении. Эксперимент, когда-то начатый доктором, исчерпал сам себя: двигаться дальше было некуда. Последнее открытие, кстати, принесло учёному огромную известность не только в области продвинутых нанотехнологий, но и в мире популярных компьютерных игр; продолжить труды Гипноса отважились неутомимые разработчики в сфере развлечений. Согласитесь, что обнаруженный доктором феномен – нахождение собственной симуляции во сне, за Барьером, когда само сновидение давно закончилось и спящий проснулся, но имеет прямой контакт и управление оставленной за Барьером симуляцией из реальности – послужил сюжетом для целой серии шутеров от первого лица, стратегий – и, конечно же, непередаваемо головоломных квестов. Благодаря активной связи бодрствующего «я» с симуляцией продолжающегося сколько угодно сновидения в реальном времени, оператор, путём моделирования тех или иных пространств – назовём их по-геймерски «уровнями» или «локациями» – мог лишь усилием мысли задать любой дизайнерский ход, любую задачу и любые средства для её решения. Новинки, заложенные когда-то «Лестницей Гипноса», находили повсеместное применение во всех уголках Вселенной, где только их пользователи обладали способностью видеть сны.

Немало даров принёс последователям доктора и творческий сон, подробно описанный своим первооткрывателем в одной из монографий, содержащей бесценные практические руководства для креативных натур; бессчётное количество населяющих Вселенную существ усердно изучали и использовали советы Гипноса с перенесением оных в реальный мир.

Тем временем крупнейший специалист по вопросам альтернативной и официальной медицине продолжал свою прямую – врачебную и преподавательскую – деятельность на Земле. К нему приходили самые разные люди, чтобы постичь тайны одной из важнейших наук: искусства изучения и исцеления собственного тела.

Доктор никому не отказывал в приёме и помощи; иногда ему даже приходилось проделывать немаленькие расстояния к группам обучающихся у него будущих врачей или пациентам. Во время одного из таких посещений Афин, Гипноса ожидало удивительное знакомство.

Преподав ученикам урок или излечив очередного пациента, доктор, убежав от пристающих к нему поклонников, решил немного прогуляться по красивейшему из городов Древнего Мира. Накинув на голову гиматий, он, никем более не признанный, добрался до Агоры, где решил немного передохнуть – и к вечеру вернуться на «Олимп», воспользовавшись услугами своего друга Ареса и его транспорта. Внезапно внимание его привлёк шум, поднятый толпой эллинов неподалёку от спортивного комплекса, где время от времени проводил занятия его коллега доктор Геракл; сперва он решил, что шум поднимают именно геракловы ученики, однако, присмотревшись, не увидел среди кричавших ни одного

атлетически сложенного человека. Поддавшись любопытству, доктор Гипнос приблизился к людям – и поинтересовался причиной, вызвавшей подобную уличную суматоху.

- Да вот, знаменитый городской сумасшедший только что одарил нас ещё одним перлом собственной мудрости! – ответил ему какой-то прилично одетый старик с посохом в руке, ткнув пальцем в спины толкавшихся перед ним людей.

- Интересно... Кто он? – продолжал свои расспросы доктор, одновременно пытаясь протиснуться сквозь гомонящую толпу.

- Как это – кто?! Разве ты – не афинянин?! – удивился его собеседник. – Тогда понятно, почему ты ничего не слышал о Диогене!

- Да, я прибыл сюда из другого нома, - уклончиво ответил Гипнос. – Так ты говоришь – Диоген? Что же он сказал, почтенный отец?

- Да очевидную глупость, как всегда! Правда, до таких её высот он ещё не поднимался: представляешь, Диоген осмелился утверждать, что любые религиозные церемонии – уловка жрецов, чтобы обирать обделённых умом прихожан святилищ и храмов!

- Быть того не может! – доктор весьма правдоподобно изобразил высшую степень изумления, внутренне, однако, радуясь услышанному. – Да как он посмел?!.

- Ну, знаешь ли, несмотря на его выходки, народ любит его; помимо чересчур заумных и непонятных вещей, он даёт афинянам действительно много стоящих советов: как жить, как относиться друг к другу, как понимать и принимать те или иные события... А то, что время от времени его какая-то муха кусает, мы уже привыкли, - вздохнул старик. – Совсем недавно, например, заявил, что все снотолкователи – подлецы и шарлатаны, а те, кто им верит – олухи!

- Ай, что делается! – воскликнул доктор, которого, впрочем, указанная тема ничуть не задела на профессиональном уровне. – Надо и мне глянуть на этого Диогена!

- Вперёд, если сквозь толпу пробьёшься! – ответил ему эллин, оттираемый в сторону другими любопытными. – Удачи! – и его окончательно отнесло людским круговоротом; Гипнос потерял его из поля зрения.

Добравшись, наконец, на передовую уличных беспорядков, доктор увидел огромный глиняный пифос, перед которым, выставив вперёд кулаки, стоял пожилой бородатый эллин в одном хитоне, перетянутом обыкновенной верёвочкой; наступающая на него со всех сторон толпа хоть и выкрикивала угрозы, но применять насилие против него явно не собиралась. Поскольку доктор сгорал от любопытства и желания пообщаться наедине с таинственным «сумасшедшим», но при толпе не желал раскрывать своего инкогнито, то пришлось прибегнуть к испытанному средству: насрать на присутствующих дремоту. Сразу после этого общее замешательство и вопли прекратились – и люди поспешили по домам, чтобы не заснуть прямо на камнях центральной городской площади. Пожилой человек, на которого также подействовали чары Гипноса, опустил руки – и уселся на землю, прислонившись спиной к глиняной посудине; голова его прильнула к левому плечу.

Доктор приблизился к нему – и дал мгновенную установку на пробуждение. Диоген, пару раз тряхнув головой, уставился на незнакомца, даже не делая попыток подняться.

- Вот так солнышко! – зевнул он, глаза на дневную звезду и потягиваясь. – Меня едва не сморило... А куда это подевались местные кретины? – Диоген осмотрелся по сторонам – и заметил, наконец, стоящего в шаге от него доктора.

- Разошлись, - развёл руками тот, спокойно присаживаясь рядом. – Значит, ты и есть знаменитый Диоген Синопский? – неожиданно вспомнив, как его некогда натаскивала в древнегреческой истории коллега Афина, доктор улыбнулся. – Рад познакомиться: Гипнос Олимпийский!

- Вот те раз! – Диоген поднялся на ноги, отряхиваясь. – Ты хоть заранее предупредил бы меня, Гипнос: может, успел бы приготовить...

- А готовиться тебе не к чему, дружище! – успокоил философа собеседник. – Я же просто так, поговорить пришёл... Ты опять шумиху поднял, не так ли? Люди жалуются, что ты не жалуешь проходимцев-снотолкователей? Да и жрецов, с ними за компанию?

- А за что их, шарлатанов, жаловать? – Диоген осторожно покосился на нежданного посетителя. – Ну, это... без обид, Гипнос! Если ты даёшь сновидения человеку для пользы его и отдохновения, то что они силятся выжать из набора не связанных между собой образов? Говорят, какой-то скрытый смысл; причём, чаще всего толкования этого самого смысла – противоположны друг другу у каждого из толкователей?!
- Кое-что интересное и полезное во снах, разумеется, присутствует, - поправил его исследователь пространств за Барьером, - однако, составлять универсальные сонники и заниматься прочей дребеденью – согласен, в этом нет ни малейшего смысла! Каждый индивидуум – уникален, поэтому нельзя причёсывать всех на один пробор...
- Вот и я о том же! – подхватил Диоген. – И жрецы, на мой взгляд, тоже недалеко ушли от своих коллег – а заодно, и конкурентов – по бизнесу...
- Разводят несчастных по полной программе! – поддакнул Гипнос. – Послушай, Диоген, а тебе подобные мысли не страшно высказывать? Тебя ведь и так считают сумасшедшим...
- Хо-хо, друг мой Гипнос! В этом-то и есть моё спасение! – рассмеялся философ. – Афиняне мне даже атеизм прощают, а не то, что каких-то там жрецов! Иногда, чтобы донести людям какую-нибудь стоящую мысль, приходится прикинуться ненормальным...
- Ты значительно опередил своё время, друг Диоген! – резюмировал доктор, оглядываясь по сторонам и наслаждаясь видом с Агоры. – И многие твои коллеги, утверждающие подобное, тоже ушли далеко вперёд... Когда-нибудь на Земле все поймут, что никаких «богов» не было и быть не может, но теперь... Поэтому я не могу не радоваться прогрессивным мыслям твоих предков, современников и потомков, в числе которых великие Демокрит, Диагор, Критий, Ксенофан, Сократ, Эпикур, Секст Эмпирик, Продик, Протагор, Стратон, Феодор, Эвгемер, Лукиан... Сколько же можно перечислить ещё – причём, только эллинов! – Диоген? Я доволен, что и ты сам – среди великих!
- Ты забыл упомянуть Анаксагора: он утверждал, что солнце – всего лишь раскалённая глыба... Ну, а мой атеизм носит довольно юмористическую, житейскую форму, - польщённый похвалой, философ опустил взгляд.
- Не смей меня, Диоген! – улыбнулся доктор. – Мне известно, как тебя некогда обвиняли в безбожии; ты ответил своему обвинителю, дескать, «Как я могу отрицать богов, если вижу перед собой столь богомерзкую скотину?!»
- Это так, - рассмеялся Диоген. – Моя позиция – пусть и безбожно весёлая – носит следующий характер: всё принадлежит богам. Философы – друзья богов. А у друзей всё общее!
- Наслышан и об этом, дружище! – вторил ему Гипнос. – Ты прекрасно знаешь, что я – никакой не «бог»... И на Олимпе – «богов» тоже нет... Хочешь, я подробнее расскажу тебе, кто мы, откуда и зачем прибыли на Землю?
- Конечно, Гипнос! Я понимаю, что любое существо, будучи бессмертным, в глазах людей обязательно обретёт статус божества – такова уж наша природа и склонность к «безошибочным» выводам...
- А как ты полагаешь, Диоген: может ли бессмертное существо быть верующим в «богов», в чудеса, во всякие креационистские модели развития Вселенной – то есть, быть не атеистом?! Разве такое возможно?! Допустим, что человек когда-нибудь сам станет бессмертным – и, приоткрою тебе тайну, вскоре он обязательно станет таковым! – так неужели ты считаешь, что время, ушедшее у него на поиски бессмертия, пройдёт даром для его мировоззрения?! Неужели масса научных и технических открытий, предшествующих этому, просто так испарится из его памяти?! Неужто новый моральный кодекс, единственным пунктом коего станет «Не навреди», не будет столь очевидным?! Конечно, в рамках бессмертия вообще не сможет быть выдвинутым вопрос о необходимости веры или неверия, ибо реальные научные достижения и очевидная польза от них – неизмеримо выше! После знакомства с Диогеном, доктор Гипнос ещё неоднократно появлялся в Афинах; когда необходимые дела бывали им закончены, он неизменно приходил на Агору, чтобы продолжить беседы с проживающим в огромном керамическом сосуде мыслителем. Диоген

всегда радовался его приходу; естественно, он никому и словом не обмолвился, кем был его таинственный посетитель: ни ученикам, ни даже Тимону Мизантропу, с которым нередко упивался вином, ни тем более своему злопахателю Платону; если Гипноса и видели в компании Диогена, то принимали за одного из поклонников его учения. В случае же особо любопытных приставаний прохожих, с целью узнать о личности посетителя побольше, философ прятал доктора медицины в своём кувшине, а сам появлялся на улице с клюкой, ударами которой бесцеремонно угощал назойливых надоедал.

Долгие дискуссии вели они с тех пор, когда Диоген во всеуслышание объявил себя первым космополитом; несомненно, рассуждения доктора Гипноса крайне повлияли на решение философа объявить весь мир своей собственностью.

- Солнце везде светит одинаково, так говаривал ещё Сократ, - заявлял мыслитель. – Никто не может воспрепятствовать человеку жить там, где ему милее... Никто не может повлиять на его понимание единства мира – и всеми силами, в любой точке Земли, служить этому единству!

- Да ты сегодня в ударе, Диоген! – возражали ему слушатели. – Что же случится с государством, если люди побегут из него туда, куда им заблагорассудится?

- Да чихать мне на любое государство, интересы которого стоят несоизмеримо выше, чем интересы его населения! Государство-то, в конце концов, состоит из людей...

- Итак, ты призываешь к свержению архонтской власти?

- Нет: я призываю к упразднению границ между государствами, призываю к ликвидации самих государств! Человечество вполне органично может жить на планете, которая сама по себе является единым – для всех населяющих её народов – государством! И не надо упираться на патриотизм, который является ведущим разделителем человечества на дополнительные категории! А как обычно ведут себя разделённые по тем или иным признакам группировки? Они воюют! Если бы мы были варварами и жили среди варваров, тогда вопросов нет!

После непродолжительных дискуссий, эллины – обычно пресекавшие попытки реформаторских нововведений Диогена испорченными продуктами питания – покручивая пальцами у виска, расходились по домам; философ, кое-какое время побегав по Афинам среди бела дня с фонарём в руке, возвращался к своему кувшину; когда же появлялся доктор Гипнос, мыслитель долго обсуждал с ним беспредельность человеческой глупости.

- Не обижайся на них, дружище! – успокаивал его наставник. – Вот тебе ещё один наглядный пример того, как воспринимается мысль, надолго обогнавшая своевременность... Всего несколько тысячелетий – и на Земле воцарится именно такой порядок, о котором ты мечтаешь!

- «Всего несколько тысячелетий»?! – вопил Диоген. – Получается, что для осознания элементарного и претворения в жизнь полезного для всех народов решения, этим глупцам потребуется «всего несколько тысячелетий»?!

- Увы, друг мой, тут ничего не поделаешь! На всё нужно время: и на осознание, и на решение... Люди, как-никак, это всего лишь люди!

- Но это самое настоящее преступление: жить так, как мы сейчас живём! – возражал Диоген, решительно взмахивая рукой. – Неужели им непонятна очевидная истина: чем дольше они будут тянуть кота за хвост, тем дольше будут продолжаться как конфликты между метрополиями, так и кровавые войны межгосударственных масштабов?! Вместо того, чтобы с пеной у рта вопить о показном патриотизме, между тем втуне проклиная собственный вонючий огород, не лучше ли, говорю я, общими силами навести в этом мире порядок?!

Ценой долгих увещаний доктору удавалось погасить пламенные выступления Диогена, что, кстати говоря, случалось далеко не всегда: не мог же он постоянно находиться со своим весьма прозорливым, однако крайне взбалмошным знакомым! Если бы не терпимость афинян к его выходкам, вполне возможно, что философ даже не добрался бы до Коринфа, где и закончил свои дни. Не подлежит никакому сомнению, что доктор Гипнос ещё

неоднократно посещал своего ученика и там, подбрасывая ему ту или иную идею для размышлений...

Тем временем на «Олимпе» вспыхнула настоящая эпидемия бессонницы; впервые, пожалуй, за весь период существования нового мира, за помощью к доктору обратились сами бессмертные. Гипнос обследовал нескольких первых пациентов, выражающих жалобы на отсутствие нормальной возможности отдохнуть, что причиняло им крайнее неудобство – и стал докапываться до вызывавшей нарушение причины. Станным было то, что подобных казусов ещё никогда не наблюдалось: ни один источник во Вселенной не описывал подобного поражения чёткой функциональности мозговой системы бессмертных. Кроме того, доктор был прекрасно осведомлён о том, что бессонница никак не может носить характер массового, причём, внезапного, заболевания; стало быть, разгадку этой тайны приходилось искать в чём-то другом. Самым, однако, удивительным наблюдением, сделанным врачом в процессе изучения невероятной и неожиданно распространившейся эпидемии, был непреложный факт какой-то уникальности самого доктора: он, Гипнос, был единственным существом, оказавшимся никак не подверженным действию непонятной заразы!

Проводя целые дни над исследованиями возникшего парадокса, Гипнос только тем и занимался, что опрашивал и выслушивал сменяющих в его кабинете коллег. К несчастью, они буквально ничего не могли толком сообщить: день был обычным, я работал (а) над тем-то и тем-то, ничего примечательного не случилось... Доктор просто падал с ног от усталости, используя все свои возможности в попытках поставить хотя бы приблизительный диагноз заболевания, но всё было напрасно: целую неделю в его лаборатории одни коллеги приходили на смену другим, а дело так и не сдвинулось с мёртвой точки.

И если бы не череда маловероятных совпадений... Словом, не пойдя доктор в один прекрасный вечер к своему приятелю Аполлону, а просиди в «Чертогах» Афины или в таверне «У Гелиоса», кто знает, сколько времени ещё потребовалось бы ему на разъяснение причины вспышки странного синдрома, охватившего сотрудников базы – всех, кроме его самого!²¹

Посидев за бокалами положенное время и поговорив о новом спектакле коллеги («Можно было бы в таверну или в «Чертоги» сунуться!» – почему-то подумалось Гипносу), доктор стал собираться к себе, а покровитель режиссёров, расположившись на диване, запустил прибывшую на «Олимп» игрушку, некогда изобретённую самим Гипносом – «К Барьеру!»: как упоминалось выше, она получила большое распространение во Вселенной (а в геймерской вселенной – особенно!) и была поставлена на конвейерное производство. Пожелав другу приятно провести время, доктор закрыл за собой дверь.

После этого он, следуя в свои апартаменты, вспомнил об одном ещё с давних пор не решённом вопросе с доктором Эротом – и попутно надумал нанести визит в гости к генетику. Тот, вместо того, чтобы пригласить друга войти, даже не поднялся с кресла; как выяснил приблизившийся к нему Гипнос, до сих пор переживающий расставание с атлантами коллега тоже всю игру «К Барьеру!», отчего и вовсе не пошевелился! Доктор пожал плечами – и в полной растерянности покинул увлечённого приятеля.

В течение нескольких дней он ещё неоднократно наткнулся на сотрудников базы, которые вечерами – или даже во время обеденного перерыва – безудержно шпилились в невольном изобретённую им игру, когда он занимался своими исследованиями сновидений. Это натолкнуло его на цепь рассуждений и сопоставлений, основанных на увиденном: может, именно в ней кроется причина бессонницы? Может, разработчики уровней чего-нибудь не доглядели – или сами пользователи сделали что-то не по инструкции? Отныне, проводя

²¹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

свои тесты, он стал задавать лишь пару вопросов к продолжающим обращаться к нему сомнамбулам: играют ли они в «К Барьеру!» и – второй: сколько времени?

Оказалось, что на игрушку подсади все: и технический, и вспомогательный персонал, и младший, и старший научный состав «Олимпа», и даже высшее руководство базы! Доктор Гипнос понял, что наконец-то обнаружил причину бессонницы, внезапно атаковавшей его коллег; проведённые им тесты однозначно указывали, что эпидемия разразилась аккурат ко времени доставки на базу миникомпьютеров с новой игрой; это же подтверждала и документация на товар, которую ему предоставил завхоз «Олимпа» доктор Гера, не менее других пострадавшая от виртуального увлечения. Правда, он ещё не мог точно сказать, что именно послужило толчком заболевания – то ли сбой программы, то ли неумелое пользование игрой, то ли (ему было даже страшно подумать об этом!) в «Лестницу Гипноса» вкралась фатальная ошибка... Тем не менее, применённые доктором сеансы лечения и реабилитации пострадавших сотрудников в кратчайший срок поставили всех на ноги, а если быть точнее – в два счёта уложили спать. Болезнь была побеждена, благополучное бытие «Олимпа» пришло в норму.

В процессе исследования выяснилось, что причина форменного переполоха на базе была чисто технической и никакая «Лестница Гипноса» была здесь ни при чём; последнее весьма обрадовало доктора, который намеревался отвести на проверку выведенного им уравнения ещё пару тысячелетий. Случилось так, что в результате сдвига сновидческих пластов, составляющих основную материю за Барьером, персональное «я» оператора поменялось местами с его же симуляцией; волновой контакт замкнуло – и возник эффект многократного зеркального отражения, спроецированного в обе стороны от Барьера. Это доктору с большой неохотой пояснили техники Фобос и Деймос, которые, кстати, вернулись на базу после ротации техперсонала, в один день с прибывшими сюда игровыми новинками...

- Но каким образом произошло само замыкание, вот что мне интересно! Что могло сдвинуть пласты? – недоумевал доктор, вызвав к себе в лабораторию консультантов, с помощью которых пытался разобраться в высших сферах кибернетики.

- Аид его знает, - ответил Деймос, равнодушно глядя на развороченный Гипносом миникомпьютер.

- Узнаем – сообщим, - столь же лаконично ответил его братец.

Внезапно дверь помещения разошлась в стороны – и на пороге возникла доктор Афродита. Пышная причёска девушки была сбита набок, глаза – широко раскрыты; казалось, что ещё мгновение – и она расплачется.

- Что случилось, дорогая моя? – обеспокоенным тоном обратился к вошедшей хозяйин лаборатории.

- Гипнос, друг мой, я сейчас сойду с ума! – произнесла прекраснейшая во всех смыслах искусствовед и ботаник Вселенной и бессильно опустила в кресло, которое ей услужливо подставил Фобос. – Мне нужна твоя помощь, мне просто необходимо провериться по всем твоих психотестам...

- Бессонница снова мучает? – спросил Деймос, опуская глаза. – Ничего, доктор тебя мигом поправит...

- Нет, не бессонница, - печально вздохнула первая олимпийская красавица и неизменная барменша «Чертогов» Афины. – Тут проблема личного характера...²²

²² Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

ЦВЕТЫ ДЛЯ АФРОДИТЫ

...И девушка в пене

*В той зародилась. Сначала подплыла к Киферам священным,
После же этого к Кипру пристала, омытому морем.
На берег вышла богиня прекрасная. Ступит ногою –
Травы под стройной ногой вырастают. Её Афродитой,
[«Пенорожденной», ещё «Кифереей» прекрасновенчанной]
Боги и люди зовут, потому что родилась из пены.
А Кифереей зовут потому, что к Киферам пристала,
«Кипророжденной», – что в Кипре, омытом волнами, родилась.
К племени вечных блаженных отправилась тотчас богиня.
Эрос сопровождал дева, и следовал Гимер прекрасный.
С самого было начала дано ей в удел и владенье
Между земными людьми и богами бессмертными вот что:
Девичий шёпот любовный, улыбки, и смех, и обманы,
Сладкая нега любви и пьянящая радость объятий...
Гесиод, «Теогония», 191-205*

*Сладкое в душах богов вождельенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
Скольким из них ни даёт пропитанье земля или море.
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея...
Гомеровы гимны, «К Афродите», 2-6*

Выслушав девушку, доктор Гипнос тактично посмотрел на Фобоса и Деймоса.

- Ладно, мы, пожалуй, потопаем, - братья понимающе переглянулись – и незаметно выскользнули из лаборатории.

- Хорошо, я вас позже вызову! – крикнул им вслед врач. – Внутренний голос мне подсказывает, что без вашего участия...

С кресла послышался стон – и доктор прервал свои размышления.

- Прости меня, милая! – он склонился к прекрасной коллеге и нежно взял её руку в ладони.
- Что с тобой, Афродита?
- Повторяю, Гипнос, - свободной рукой девушка прикрыла глаза. – Если ты не поможешь мне, я и впрямь стану чокнутой!
- Конечно, помогу! – успокоил её врач, оглядываясь. – Может, тебе стоит перелечь на кушетку? Тогда и поговорим...
- Ничего, я и сидя готова к сеансу, - устало ответила ботаник.
- Начинаем! – скомандовал красавице доктор, усаживаясь перед ней за столом и передвигая на его поверхности свои гипнотические причиндалы. – Итак, Афродита, прошу тебя не упускать никаких деталей... Ты говоришь, что случившееся с тобой носит донельзя личный характер?
- Более некуда! – воскликнула девушка, устраиваясь в кресле поудобнее. – За мной гоняется – или, как ему самому, скорее всего, кажется, пытается ухаживать – несносный маньяк!
- Маньяк?! – врач вперил неподвижный взгляд в переносицу пациентки. – Ого! Ты уверена, что понимаешь ситуацию именно так, как её описываешь, Афродита?
- На все сто! Гипнос, я ещё никогда не чувствовала себя настолько беззащитной! А Эроту мне вообще стоит башку оторвать за его генетические издевательства...
- погоди, не всё сразу! Давай по порядку: сперва – маньяк...
- Словом... Как бы начать... Всё завертелось с того, что однажды я обнаружила на своём классном столе – ты ведь в курсе, что по распоряжению руководства я веду занятия кружка «Юных ботаников»? – букет цветов...
- Извини, если буду перебивать, но мне это понадобится, как ты понимаешь, для полноты картины... Значит, ты обнаружила на столе букет. Как давно это случилось? Ты помнишь, какими были его составляющие?
- Так, - Афродита зажмурилась. – Около месяца назад, не раньше... А букет состоял из мяты, мака, латука и шафрана. В придачу, он был обёрнут листьями папоротника...
- Около месяца назад... Понятно! – доктор глянул на микрокомпьютер. – Ты уверена, что это действительно были тобой перечисленные цветы, дорогая?
- Конечно! Более дикой комбинации мне ещё не приходилось видеть! – доктор ботаники и великолепный по совместительству искусствовед нахмурила свои изумительные брови. – Я сразу предположила, что это – неудачная мужская шутка: женщина никогда не позволила бы себе подобной безвкусицы! Но тебе-то зачем такие подробности, друг мой?
- Просто пытаюсь выяснить, насколько адекватны твои воспоминания, - ответил тот. – Продолжай, пожалуйста!
- В моём кружке шестнадцать человек. Исключаем женщин – остаётся девять... хм... особей. Я похвалила букет, несмотря на то, что после урока отправила его в мусорный ящик – и посчитала инцидент исчерпанным. Но не тут-то было: с того дня я стала обнаруживать на столе ещё большее разнообразие цветов; композиции букетов окончательно убедили меня в том, что женские руки были к ним абсолютно непричастны. Продолжающий оставаться неизвестным, шутник ухитрялся сваливать в одну кучу анемоны, лилии, нарциссы, лотосы, гиацинты, розы, пока я, наконец, не высказалась ему при всём классе, что при его цветочных сочетаниях следует быть более разборчивым...
- То есть, ты уже заподозрила кого-нибудь из учеников, не так ли?
- Нет, Гипнос. Скажем так, я обратилась ко всем своим слушателям одновременно: в том духе, что, дескать, вы – пошутили, я – посмеялась, пора бы эти штучки прекратить... И, действительно: в течение нескольких дней я перестала находить цветы на столе, наивно полагая, что шутник принял мою критику к сведению – и наконец, после моей прилюдной отповеди, успокоился. Увы, неизвестный всего лишь прислушался к моим словам – и решил изменить тактику: с тех пор я стала получать букеты, состоящие исключительно из одного сорта цветов! Кстати говоря, к самому первому из них – огромному букету роз – прилагалась небольшая табличка, в которой тайный воздыхатель уверял, что весьма

серьёзно отнёсся к моим словам – и отныне будет гораздо более разборчивым в своих подношениях.

- Так, так! И что было потом?

- Потом я сама решила поиграть с ним: вдруг каким-нибудь чудом отвяжется, если я выведу его на чистую воду перед всем классом? – выдохнула Афродита. – И дала своим ребятам и девочкам домашнее задание: как можно пространнее описать своё любимое растение. Исходя из того, что у меня на руках имеется образец почерка этого негодника, я вполне рассчитывала накрыть его уже следующим утром...

- Не факт, - возразил доктор Гипнос. – Он вполне мог попросить какого-нибудь знакомого написать своё послание... Или написать его левой рукой... В конце концов, сильно исказить почерк, да мало ли что ещё...

- Вот и мне так показалось по простоте душевной: думаю, раз почерк у меня – значит и дело в шляпе! А этот конспиратор водил меня за нос ещё целую неделю!

- Ого! – воскликнул собеседник. – Значит, тебе удалось-таки установить его личность?!

- Честно говоря, не мне... После одного из уроков он подошёл сам – и во всём сознался...

- Так, так, очень интересно! Скажи, пожалуйста, имя у маньяка есть? Конечно, Афродита, ты же понимаешь, что я сохранию любое твоё признание в тайне!

- Да какая там тайна, Гипнос: о наших с ним якобы отношениях уже половина Олимпа проведала! Только ты один не в курсе, поскольку больше времени проводишь за своим Барьером, а не в реальности... Бакхилидом его зовут... О боги, как же он мне надоел! – и красивейший ботаник Вселенной вновь закатила глаза. – Аид меня побери, но это уже слишком! Мало того, что мифология мне приписывает отношения и с Гефестом, и с Аресом, и с Дионисом, и с Гермесом, и даже с профессором Посейдоном – так ещё и смертных мне в любовники поназаписывали!

- Да уж, не свезло тебе, дружище! – врач задумчиво почесал макушку. – Чего же ты хочешь от меня, дорогая? Чтобы я переписал эллинскую мифологию? Теоретически это, конечно, возможно: всего-то необходимо погрузить население Эллады в глубокий сон – и провести небольшую операцию по чистке памяти... Приблизительно такую же, что пришлось применить к атлантам... Правда, это займёт гораздо больше времени: людей-то в тысячи раз больше, чем рептилоидов!

- Не смейся надо мной, Гипнос! – умоляюще посмотрела на него пациентка.

- Я вовсе не смеюсь, просто ищу выход из создавшегося положения, - ответил тот. – Честно говоря, я вообще отказываюсь понимать, как такое могло случиться! Ведь не влюбился же в Артемиду мастер Филиппос или поэт Гесиод – в Афины, несмотря на долгое с ними общение!.. А они тоже, между прочим, девушки очень даже ничего!

- Я же говорю тебе: дело в докторе Эроте и его треклятых генетических хулиганствах! – доктор Афродита поднялась с кресла и принялась нервно ходить по помещению.

- То есть, как это – в докторе Эроте? – переспросил Гипнос. – Чего ещё он успел натворить?!

- А вот изволь послушать, дорогой! – девушка поправила перед зеркалом причёску, возвращаясь к восседавшему за столом терапевту. – Ты же помнишь, когда его лишили атлантов, он стал исподволь экспериментировать над людьми; невинные эротические шуточки, как же ещё назвать его исследования... Эрот точно не помнит, ставил ли подобные опыты над Бакхилидом, но последний сам ему поведал об этом... То есть, Бакхилид предполагает, что всё случилось именно так... И я тоже так считаю...

- Что случилось?! Как случилось?! Кто предполагает?! – затряс головой доктор Гипнос. – Афродита, солнышко, не прыгивай, пожалуйста, с конкретики! Иначе я просто бессилён помочь тебе!

- Значит, так, - Афродита приложила пальчик ко лбу, пытаясь максимально сосредоточиться. – Когда Эрот развлекался с людьми – на предмет повышения у них тестостеронов – он использовал для своих опытов, разумеется, их подлинные ДНК; естественно, подробности я выяснила у него сама. Бакхилид же просто обмолвился мне, что искренне полагает свою внезапно вспыхнувшую страсть именно «выстрелом из лука»

Эрота. Вот почему я и говорю, что готова оторвать ему голову за этот «выстрел»: напугал что-нибудь, как всегда – или попал не в того, что всё едино; а несчастный, по его прямому недосмотру взял – и влюбился в его собственную «маму», которую теперь повсюду преследует и домогается! Вот уж послала мне сыночка эллинская мифология! Да ещё такого меткого! – вновь загрузила девушка.

- По-твоему получается, что Эрот – допустим, что это случилось неумышленно – напугал что-то со своими нейромедиаторами – и что же? Влюблённость Бакхилида, вероятно, временная. Чего же тогда переживать?

- Временная?! – воскликнула доктор. – Ты точно в этом уверен, Гипнос?! Эрот, после своей атлантической катастрофы, никак не может привести в порядок свою экспериментальную картотеку человеческих ДНК! По его словам, база данных настолько перепутана, что на её новую каталогизацию уйдёт уйма времени... Говорит, что к его величайшему сожалению, он совершенно не помнит свой тест – если таковой вообще имел место быть – над Бакхилидом; соответственно, не помнит ни молекулярной структуры, ни анализа, ни генетического кода испытуемого – дескать, надо разыскивать одну-единственную запись среди других миллиардов образцов! Обещал, что постарается сделать это для меня побыстрее, но гарантировать временных сроков был явно не в состоянии... А для меня каждый день может оказаться последним! Во всяком случае, для моего рассудка – это уж точно!

- Неужели всё так плохо?! – осторожно поинтересовался доктор медицины, рассеянно поглядывая на свой миникомпьютер. – Успокойся, дорогая моя! Я поговорю с Эротом, подключим Диониса – и в три головы что-нибудь придумаем для твоего спасения...

- Спасибо за доброе слово, Гипнос! – то ли с насмешкой, то ли всерьёз ответила Афродита. – Очень советую поспешить с его выполнением! Если бы дело ограничивалось букетами цветов, я бы даже не переживала, но Бакхилид мне просто шагу ступить не даёт – и, Аид меня побери, я ничуть не преувеличиваю!

- Как это – шагу ступить не даёт?!

- Да очень просто! – девушка надула губки. – После того, когда он признался мне в любви и сопровождавших её выходках с букетами и табличкой (ты был прав, дружище: как он сознался позже, любовное послание было написано им же, только другой рукой), Бакхилида вынесло на новый виток отношений: он стал дарить мне цветы прямо во время уроков, нимало не обращая внимания на одноклассников. Естественно, по Олимпу и всей Элладе немедленно поползли слухи об одновременно романтических и непристойных отношениях смертного и бессмертной... Он ничуть этого не стесняется: действительно, ему-то что?! Раньше других появляется в школе – с цветами; после уроков ненадолго убегает – и возвращается с ещё большей их охапкой – и так ежедневно, Гипнос! А стоит ему остаться со мной наедине – вот тут и начинается подлинный кошмар: ни умолкая ни на мгновение, так расписывает свою безграничную любовь ко мне, что хоть уши затыкай... что я неоднократно, признаться, и делала... А ему – всё нипочём: лопочет о своём и не думает прекращать!

- Да-а-а, интересное кино! – произнёс лучший терапевт Вселенной. – То есть, ты его просто отшивала, как только была способна?

- А на него это никак не действует, почему я и говорю – маньяк! – ответила девушка. – Я пробовала с ним разговаривать – бесполезняк, да и только! Бросай, говорит, своего Гефеста или Ареса, или кто там-де у тебя ещё – и выходи за меня замуж! Юноша я, говорит, довольно состоятельный, бедствовать со мной не будешь... Вот выучись у тебя на ботаника – и займись огородным бизнесом, если будет необходимо... Даже Эрота усыновить обещал: возьму, говорит, тебя вместе с ребёнком – настолько, мол, велика моя любовь к тебе!

- Удивительный случай! – воскликнул врач, потирая руки и даже не пытаясь скрыть улыбки. – Просто удивительный, Афродита! Может, тебе стоит дать человеку шанс?

- Ну, конечно! А Зевса, Геру и остальных прикажешь взять свидетелями бракосочетания с олимпийской стороны?! Нет уж, Ваше Гипнотическое Величество, лучше подумай о том,

как остановить это безумие! – отмахнулась ботаник. – Мало, что юноша сам спятил, так ещё и меня уверенно тянет по своим стопам! Тебе будет достаточно ему в глаза посмотреть: сразу увидишь, как выглядят чокнутые! Я тебе по секрету расскажу о его последней выходке: раздала я, значит, классу тестовые карточки с изображениями груш, яблок, орехов, гранатов, смокв и прочими дарами местных садов и огородов; опишите, говорю, кому какие овощи-фрукты достались, что вы о них знаете, как их возделывают и тому подобное... Все работают, между собой совещаются да друг у друга списывают – словом, ничем непримечательный урок. А Бакхилид – тот даже к стилю не прикоснулся: глазает то на полученную карточку, то на меня; а глаза так и сияют... Я подумала, как бы мне и в самом деле не воспламениться от его взгляда... Ну, под конец занятий все сдали свои классные работы, подхожу к моему сумасшедшему ухажёру, а тот по-прежнему с меня глаз не сводит. «Ты почему, - обращаюсь к нему, - так ничего и не написал, Бакхилид? Неужели обыкновенной маслины никогда не видел и не пробовал?» «Да какая ещё маслина? – отвечает он, так и этак крутя в руках карточку. – Причём тут вообще какие-то маслины? Я вижу только тебя, о моя навеки возлюбленная Афродита!» «Ну, как же, - пытаюсь вернуть его на землю и спасти своё лицо перед замершими от удивления учениками. – Тебе попало очень лёгкое задание: описать маслину», - и указываю ему на карточку. А тот берёт у меня из руки предмет, пристально всматривается в рисунок – и громко заявляет: «Да нет тут никакой маслины! Здесь нарисована моя будущая жена – прекраснейшая Афродита!»

- Хм! – вставил внимательно ловивший каждое слово пациентки доктор Гипнос.

- Ну, думаю, берегись; сейчас я тебя поставлю на место, непослушный ты мой ученичок-приколист!.. Вернее, ученичок-маньячок! – продолжила ботаник. – Собрала по всему классу другие карточки – и сую ему под нос: «А здесь, дескать, что изображено: тоже я, что ли?!» Бакхилид, не менее внимательно рассмотрел каждую из них – и как выдаст на весь кабинет: «Конечно! На каждой картинке изображена великолепная моя богиня! Правда, на разном фоне и в разных одеяниях... А если быть предельно честным, то на вот этих трёх, - он положил перед собой изображения пшеницы, винограда и бобов, – моя чудесная преподавательница изображена вообще без одежды и в бесконечно соблазнительных позах!»

- Хм! – повторил врач.

- Я едва не села мимо стула, - вздохнула Афродита, целомудренно складывая руки на груди. – Класс захихикал, заверещал, а Бакхилид – сидит себе на месте и продолжает пожирать меня глазами. Я, конечно, не выдержала – и напрямик к Зевсу: «Хватит с меня, говорю, подобного издевательства! Раз и навсегда категорически отказываюсь вести дальнейшие занятия по ботанике и смежным дисциплинам! Надоело!» Ну, профессор, естественно, выслушал меня, долго увещевал, тем не менее, уроков моих не отменил; вызвал мне в помощь докторов Гермеса да Гестию – поскольку тебя опять не вовремя носило где-то за Барьером – и те навестили Бакхилида, по-прежнему сидевшего в классе, несмотря на то, что другие ученики давным-давно разошлись по домам. Тогда-то и выяснилось, что мой ученик вовсе не желал меня оскорбить: проведя над ним несколько тестов, коллеги пришли к выводу, что юноша не лжёт: его повреждённое от любви ко мне зрение действительно не могло уловить на картинках ничего иного, кроме той, что сейчас с тобой разговаривает! И Пилот, и Гестия констатировали у Бакхилида настолько зашкаливающее гормональное буйство, что даже посоветовали мне убраться куда-нибудь от него подальше – хотя бы на несколько часов; в противном случае тому вообще могло снести крышу. Гестия напичкала его какими-то лекарствами, - доктор Афродита достала из-под пеплоса несколько серебристых гранул, - а дальнейшего я не видела... Только его дикие глаза мне уже никогда не позабыть! – устало закончила она.

- Дай-ка глянуть, - доктор Гипнос взял с её протянутой ладони одну капсулу и приблизил к глазам; после перевёл взгляд на свой РОГ. – Вот, что я тебе скажу, дружище: препарат неплохой, но слабенький... Действие его довольно непродолжительное.

- Пилот также отрекомендовал его, - задумчиво прокомментировала сказанное коллегой доктор Афродита. – Что же мне делать, Гипнос? Как отвадить этого несчастного, прилипчивого юношу? Я уже вконец с ним извелась... А он по-прежнему таскает мне всякую зелень: вычитал где-то, что моё любимое растение – мирт, так теперь заваливает мой рабочий стол собственноручно сплетёнными из него венками... Правда, Пилот успел сделать громогласное заявление, что Бакхилид болен – и для его исцеления разыскиваются подходящие средства...

- Ну, давай рассуждать логически, - врач хрустнул костяшками пальцев – и, поднявшись из кресла, тоже стал мерять шагами помещение. – Во-первых, помощь нужна не тебе, а Бакхилиду: скажем так, что именно он, а никак не ты, пострадал от действий Эрота или ещё чего-то там... Во-вторых, раз об этом знают и на «Олимпе», и за его пределами, то умные наверняка понимают, что ни о какой интрижке не может быть и речи: юноша болен, как о том справедливо оповестил смертных и бессмертных наш драгоценный глашатай... В-третьих, надо подумать, что же делать с больным, поскольку он всё-таки так или иначе мешает тебе...

- Позволь, как это – мне не нужна помощь?! По-твоему, я ничуть не пострадала, Гипнос? – девушка удивлённо воззрилась на коллегу. – Целый месяц я схожу с ума от приставаний, а ты говоришь, что я никак не пострадала?!

- Не беспокойся, дорогая! Да, благодаря совершенно непостижимому стечению обстоятельств, ты стала невольной жертвой; однако, тебя-то я поставлю на ноги гораздо быстрее Бакхилида! Будь к нему снисходительна: ведь, если в деле так или иначе замешан Эрот, то в поведении человека нет абсолютно никакой вины... Вот, - он подал подруге свой РОГ, - я настроил его на твои биоритмы. Сегодня ночью, когда отправишься отдыхать, просто включи его – и лежи с закрытыми глазами, слушая меня...

- То есть, ты будешь наблюдать за мной, пока я сплю? – уточнила Афродита.

- Не совсем: я буду читать тебе весьма целебную лекцию из-за Барьера, - поправил её доктор Гипнос. – И, поверь мне, дорогая моя: утром ты будешь как новенькая, будто твоего месячного стресса и не бывало! Я же обещал тебе, что приведу тебя в порядок гораздо быстрее, чем твоего несчастного влюблённого!

- Спасибо, друг мой! – доктор Афродита придвинулась к нему, сильно обнимая за плечи. – Но не кажется ли тебе, Гипнос, что – даже после твоих астральных и ментальных установок – мне всё равно придётся терпеть и дальше пусть и невольные, но всё-таки довольно непристойные выходки Бакхилида? Ты же сам говоришь, что основная проблема – в нём...

- Увы, это так, - кивнул врач. – Ты, главное, не беспокойся, Афродита! Я обязательно что-нибудь придумаю! Сегодня же потолкую с Эротом и Дионисом, разработаем какой-нибудь препарат для этого несчастного... А выданные тебе Гестией пилюли я прямо сейчас усилю, так что при случае уж не постесняйся сама вовремя дать их Бакхилиду, если он окажется рядом... Не бросать же человека в лапы его собственных страстей!

- Когда давать? – не поняла его пациентка.

- А вот когда вновь увидишь его испепеляющий взгляд, тогда в самый раз! – ответил доктор Гипнос без тени шутки. – Он немедленно успокоится – и даже может заснуть...

- Чудесно! Значит, меня угораздило стать не только его преподавателем, но и нянечкой?! – всплеснула руками доктор ботаники.

- Извини, такова жизнь! – развёл руками врач. – Впрочем, уверяю тебя: долго мы с Бакхилидом возиться не будем! Обещаю ещё раз: мы втроём с Дионисом да Эротом решим и эту задачу! Конечно, постараемся как можно побыстрее...

- Послушай, а почему бы тебе попросту не положить его в анабиоз, а? Отправь его за Барьер – и пусть отсыпается, пока вы не найдёте способ вылечить его окончательно?

- Я думал об этом, дорогая моя! Но, боюсь, наш Бакхилид не выдержит подобного путешествия: для безопасности его придётся чипировать или просить Прометея прибегнуть к каким-нибудь подобным вмешательствам в его организм... Раз уж есть хоть малейшая возможность обойтись без крионики или кибернетики, давай уж постараемся к ним не

прибегать... Да и Афина за подобное нас по головке не погладит: как пить дать, замучает всю нашу четвёрку несвойственными Элладе техническими анахронизмами...

- Ой, и не говори, Гипнос! – подтвердила доктор, впервые, пожалуй, улыбаясь. – Помнится, мне срочно были нужны какие-то материалы из «Всеобщего каталога», так я буквально на минутку уселась за её персональный тренажёр – так Афина расценила мой поступок как совершенно возмутительный и недопустимый... Мне пришлось извиняться, хотя сам Зевс не усмотрел в моём действии ничего преступного, даже счёл его вполне оправданным в сложившейся ситуации... С тех пор я обхожу библиотеку «Олимпа» по техническим коридорам!

- Ах, ну, конечно, помню! – рассмеялся альтернативщик всея Вселенной. – Когда эта история попала к людям, то вошла в эллинскую мифологию как попытка Афродиты посидеть за прялкой Афины! Впрочем, вы же сразу помирились после этого инцидента, не так ли?

- Да, Афина хоть и вспыльчивая, но мгновенно отходчивая девушка! – согласилась ботаник. – Она даже позволила мне покрасоваться в зеркале в её золотом шлеме! Позже предлагала даже сфотографироваться в обнимку на обложку какого-то журнала: она – с моим поясом, а я – в её доспехах! У меня даже где-то номерочек сохранился на память... Пилот тогда сделал о нас знатный репортаж!

- Я рад, что ты развеселилась, Афродита! – врач погладил коллегу по щеке. – Продолжай в том же духе, милая! Оправляйся отдыхать, а завтра милости просим ко мне на обследование... Как у тебя завтра с уроками?

- Есть. Целых два. В первой и второй половине дня. А что?

- Отлично! Я постараюсь завтра пораньше закончить свои лекции – и загляну к тебе, посмотрю на этого Бакхилида... Ты, главное, не позабудь Релаксационный Оператор Грёз перед сном включить погромче – и всё будет замечательно! Прослушаешь одну мою хитрую программу по «ГИПНОС ТВ» – и будешь, как огурчик! Или, может, - он вновь улыбнулся, - ты хочешь быть маслинкой?!

- Да ну тебя! – отмахнулась от друга Афродита, направляясь к выходу из помещения. – Ты о препаратах для моего влюблённого не забудь!

- Прямо сейчас усилю их действие! – пробубнил в ответ доктор Гипнос, принимаясь что-то разыскивать в герметичных шкафах, которыми были заставлены стены его лаборатории...

- Скучно сегодня без нашей Афродиты! – говорил доктор Эрот, печальным взглядом окидывая полупустые «Чертоги».²³

- Ничего, переживёшь! – ответил ему коллега Прометей. – В следующий раз будешь знать, в кого и какими стрелами целиться! И с какой генетической начинкой...

- Да не помню я никакого Бакхилида! – оправдывался тот. – Аид меня возьми, такое невезение!..

- Ну, ты же имена для своих исследований не у каждого спрашивал, дружище! Явно ориентировался по ДНК, – успокаивал коллегу доктор Гермес.

- Ну, конечно! Я людей по именам вообще плохо запоминаю! – поддакнул генетик. – Исключительно по ДНК и РНК!

- Ладно, тебя никто не обвиняет, тем более, что прямого твоего участия не установить, - пожал плечами доктор Гипнос. – Лучше разберись со своей картотекой... Афродите я сегодня на ночь РОГ запрограммировал, так что завтра она будет, как новенькая! А вот что будем делать с Бакхилидом, товарищи?

- Рог Афродите на ночь – это, как минимум, круто! – расхохотался доктор Дионис. – Ты иногда высказываешься гораздо поэтичнее Аполлона, Гипнос!

²³ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Итак, ещё раз, - врач пропустил шуточку коллеги мимо ушей. – Что делать с манией Бакхилида, друзья? Я завтра иду к Афродите, чтобы немного понаблюдать за ним... Ты, Эрот, кажется, с ним уже успел познакомиться лично?

- Имел такую радость, - выдохнул генетик. – Он поблагодарил вашего покорного слугу за точное попадание – и сходу пообещал меня усыновить!

Вокруг раздался хохот.

- Ладно, прекратили веселье! – строго сказал доктор Гермес. – Предлагаю работать в следующих направлениях: Гипнос проведёт наблюдение за юношей – и незаметно получит образец его ДНК. Я разузнаю об этом Бакхилиде всё, что только есть в базе данных... Афина, помочь не откажешься? – обратился он к хозяйке «Чертогов»; та утвердительно кивнула. – Отлично! Так... Эрот, Дионис и Прометей ожидают последствий от встречи Гипноса с юношей – и в три головы думают, как использовать полученную от Гипноса информацию... И помните, други мои верные: от скорости нашей работы зависит дальнейшее самочувствие Афродиты! Не может же Гипнос еженощно снимать её стрессы!

- Ну, почему же? – возразил доктор Гипнос. – Ты не веришь в мои возможности, Пилот? К тому же я усилил препарат, выданный нашей красотке Гестией для защиты от несносного ухаждёра, так что теперь Афродита может быть спокойна...

- Полагаешь, что Бакхилид будет покорно принимать лекарства из её рук по первому требованию? – покачал головой доктор Прометей.

- Уверен, дружище, что из рук своей возлюбленной Бакхилид возьмёт всё, что угодно! – ответил доктор Гипнос. – Мы попросим её быть сдержаннее и хоть капельку приветливее к несчастному... Ну и, конечно, я убеждён в действии усиленного мной препарата, который в состоянии ослабить нечеловеческую страсть нашего юного пациента... Ладно, утро вечера мудренее!

После описанного совещания в «Чертогах», пара дней прошла в относительном спокойствии: встреча доктора Гипноса с Бакхилидом принесла ценную информацию для размышлений и ДНК последнего; полученное было немедленно переправлено для обработки доктору Эроту, который, согласно договору, в компании коллег Диониса и Прометея, начал поиск вариантов по спасению очаровательнейшей барменши Вселенной. Ещё день спустя доктор Афродита вновь пришла на приём к коллеге.

- Всех благ, Гипнос! – поздоровалась девушка, усаживаясь в кресло перед своим психотерапевтом. – Как идут успехи по «казусу Бакхилида»?

- Работаем изо всех сил, - потрепал её по плечу лечащий врач. – Поверь, мы найдём решение всех твоих неприятностей в ближайшее время! Как ты себя чувствуешь?

- Почти замечательно, если бы не очередные приставания моего безумного поклонника, - ответила Афродита и улыбнулась. – Если бы не твои чудесные пилюли, которые я подбрасываю ему в вино, то с ним не было бы вообще никакого сладу! А так он вырубается через полминуты, когда на него находит очередной припадок... м-м-м... эротизма. А пока он приходит в себя, мне вполне хватает времени, чтобы смыться от него подальше! – девушка улыбнулась ещё раз.

- В вино?! – доктор медицины удивлённо посмотрел на собеседницу. – Пстой, пстой, дорогая: ты что, поишь его вином?!

- Да нет, что ты! Это он пытается напоить меня, причём, далеко не в первый раз!..

- Интересно, - Гипнос сел за стол. – Хочешь поговорить об этом, Афродита? Вижу, ваши с ним «отношения» вышли на новый уровень...

- Мне нечего скрывать, - ответила доктор ботаники, откидываясь на спинку кресла. – После того, когда ты привёл меня в порядок, он действительно внёс некое разнообразие в наши встречи: не поверишь, но Бакхилид стал приглашать меня на свидания!

- Вот так поворот! – Гипнос даже прищёлкнул пальцами. – И как это происходит?

- Да проще простого: вместе с очередным букетом цветов он присылает мне таблички, в которых умоляет сходить с ним в какой-нибудь ресторан... Или в театр... Или ещё куда-нибудь... Поскольку я чувствую себя гораздо лучше после того, как ты вправил мне мозги,

то не вижу причин отказывать ему: лекарство-то твоё всегда со мной! К тому же ты сам просил меня не особенно раздражать Бакхилида категорическими отказами...

- Ты всё делаешь правильно, дружище! Опиши его поведение, пожалуйста!

- Знаешь, его восприятие действительности, в сущности, не изменилось: по-прежнему глаза навывкате да непристойные предложения, которыми он неизменно угощает меня... Хорошо, что хоть делает это довольно тихо, не привлекая, как раньше, внимания окружающих! Например, после того, когда ты поговорил с ним во время моего урока, он пригласил меня в таверну «У Гелиоса». Клялся всеми богами, что будет вести себя прилично, только я гораздо больше доверяла твоему лекарству, нежели всем его заверениям... Итак, мы немного задержались на смотровой площадке – и спустились в таверну, где, по счастью, оказалось не так много посетителей. Бакхилид не умолкал, рассказывая мне о своих неугасимых чувствах... Представляешь, я впервые ощутила к нему жалость! Бедный, и за что ему такое наказание!..

- Обычное дело, - вставил доктор Гипнос, поглядывая на свой миникомпьютер. – Совершенно нормальная реакция, проявляемая по отношению к...

- Не продолжай, дорогой: вот только курса по виктимологии мне читать не надо! – перебила его Афродита, поджимая прелестные губки. – Обойдусь уж как-нибудь без этого...

- Хорошо, молчу!..

- Мы довольно спокойно посидели за амфорой «Взгляд Горгоны», пока я не заметила, как мой кавалер упорно обделяет себя, разливая нам этот чудесный напиток. При этом он болтал без умолку, явно пытаясь отвлечь моё внимание... Сам понимаешь, что дальнейшие его надежды никак не входили в мои планы на вечер, поэтому я использовала твои знаменитые подавители его страсти: когда он отвернулся, чтобы заказать ещё вина, я незаметно опустила пару пилюль антиозверина в его бокал... Через несколько мгновений он уже лежал на столе, упираясь головой на скрещенные перед собой руки, однако, прежде чем уйти в забытие, успел прошептать: «Ах, моя изумительная Афродита! В следующий раз я обязательно тебя поцелую!»

- Что же, по крайней мере, тебе известно, чего от него ждать! – хлопнул в ладоши доктор Гипнос. – Противник раскрывает планы, благодаря чему ты заранее вооружена!

- Не смешно, друг мой! Словом, последние несколько дней мне приходится лишь тем и заниматься, что отшивать его в самых разных местах – и сбегать оттуда. Если я отказываюсь идти на свидание, то он немедленно закатывает истерику. Прекратить её может только моё согласие... Сколько ещё, Гипнос?! – девушка умоляюще посмотрела на собеседника. – Когда же эта вакханалия, наконец, закончится?!

- Мы – работаем, а ты – всё делаешь правильно! Совсем немного терпения – и мы тебя избавим от твоего назойливого поклонника! Я же дал слово...

- Я понимаю, Гипнос, что вы хотите мне помочь – и помогаете, но, Аид меня побери, как же я устала! – пациентка прервалась и нерешительно глянула в глаза собеседника. – Послушай, Гипнос, у тебя выпить ничего не найдётся? Только не очень крепкого...

- Ты особо не злоупотребляй, - шутиливо погрозил ей пальцем врач. – Не особо крепкого... Так, - он открыл дверцу секретера под столешницей. – Имею в наличии «Стрелы Эрота»! Что скажешь?

- Блин, да мне его стрелы и так обломились, что дорожке некуда! – усмехнулась доктор ботаники. – Ладно, плесни уж полбокальчика...

Гипнос разлил напиток в изящную посуду – и подал один из бокалов Афродите.

- А ещё Бакхилид рассказывает мне свои сновидения, - добавила девушка, отпив половину предложенной коллегой порции. – Вот ужас, как будто мне реальности не хватает!

- Сновидения?! – заинтересовался тот, отставляя вино в сторону. – Очень интересно! Ты со мной, конечно, его визионерством не поделишься?!

- Да нет там ничего примечательного! Если тебе известно, как он мыслит реальность, какая у него бурная, частенько подогреваемая вином, фантазия, то неужели трудно догадаться,

что он – прости за натурализм, Гипнос! – вытворяет со мной в своих сновидениях?! – щёчки Афродиты густо покраснели.

- Хм, занятно! Вот и попробуем покопаться в его снах, постараемся их несколько модифицировать... Как ты сама считаешь?

- Я считаю, что если тебе удастся придать откровенному порно статус лёгкой эротики, то это будет замечательно! – опять усмехнулась пациентка. – Он совершенно неуправляем наяву; чего же ты ждёшь от него в то время, когда всё его бессознательное абсолютно ничем не сдерживается?!

- Ладно, не принимай близко к сердцу! Я же сказал: это скоро закончится! А что касается проникнуть в его сновидения – это весьма, весьма интересно...

- Надеюсь, что ты не будешь транслировать его фантазии по своим сновидческим каналам! – улыбнулась Афродита, допивая вино.

- Брось, это же моя врачебная тайна! – рассмеялся доктор Гипнос. – Ещё никому и никогда не приходилось упрекать меня в бестактности!

На следующий вечер доктор Афродита, как ни в чём не бывало, вновь обслуживала посетителей «Чертогов» Афины; с лица её не сходила совершенно непринуждённая улыбка.²⁴ Коллеги радовались, видя её на привычном месте; доктор ботаники так и распространяла вокруг себя лишь ей одной свойственную добрую ауру.

- Рада тебя видеть, подруга! – сказала ей доктор Афина. – Что, закончились твои тяготы?

- Пока ещё нет, но искренне уповаю на их скорейшее завершение! – честно ответила та, расставляя бокалы по подносам.

- Что наши умники, всё химичат над тобой?

- Мной занимается Гипнос, а остальные взяли на себя моего неприкаянного ухажёра...

- Поздравляю, Афродита! Я как раз думаю подсесть к ним за столик; посмотрим, какие усилия они прикладывают к решению твоих проблем...

- Словом, тут такое дело, джентльмены, - говорил тем временем доктор Гипнос коллегам, собравшимся на маленькую сходку после трудового дня. – Подобьём итоги: я провёл исчерпывающий анализ сновидений Бакхилида за последний месяц... В общем, назвать их порнофильмом, длящимся без рекламных перерывов – значит, ничего не сказать...

- Ничего удивительного, - констатировал доктор Эрот, с непередаваемой жалостью взирая на суетящуюся меж столами потрясающую барменшу. – Если он ни о чём другом, кроме Афродиты, думать не в состоянии, то...

- Это ясно и без твоих комментариев, дружище, - перебил его доктор Дионис. – Какие будут предложения, Гипнос?

- Кое-что можно сделать, - неопределённо ответил Гипнос, попивая коньяк «Последний полёт Икара». – Я могу часть его неуёмной энергии перенаправить в иное русло...

- В какое? – встрял доктор Прометей. – Могу посодействовать с кибернетикой...

- А вот этого не надо! – погрозила ему пальцем доктор Афина. – Обойдитесь уж как-нибудь без советов нашего трансгуманиста! Предупреждаю заранее: никаких отклонений с позиции существующего временного отрезка быть не должно! Я доступно объяснила?

- Да мы это предположили с самого начала, - кивнул доктор Прометей. – Как тогда действовать? Одних забарьерных экспериментов Гипноса Бакхилиду явно не хватит...

- А вы чего помалкиваете? – обратилась Афина к докторам Эроту и Дионису. – Почему не разрешить проблему Бакхилида, так сказать, на генетическом или химическом уровне?

- Потому, что проблема-то останется, всего лишь примет иную форму – и всё! Вот если бы её источник – эту айдову гиперсексуальность – действительно использовать по другому назначению, то можно говорить о решении задачи, над которой уже раскалываются несколько голов! – возразил коллеге химик; сидящий рядом с ним генетик молча кивнул, подтверждая его слова.

²⁴ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Погодите! – задумчиво сказал доктор Гермес, поигрывая рюмкой с двойной порцией «Молота Гефестова». – Гипнос, - обратился он к приятелю. – Ты уверяешь, что можешь помочь несчастному Бакхилиду сублимировать его фантазии в нечто иное, я тебя правильно понял?
- Конечно, Пилот, - ответил тот, ни мгновения не задумываясь. – Только предупреждаю сразу: лишь моих усилий окажется недостаточно... В любом случае, понадобится время. А у нас его не так много... Вот если бы к моим манипуляциям подкрепить генную инженерию и некоторые химические вмешательства, то, возможно...
- Не сомневаюсь, что и Эрот, и Дионис окажут тебе помощь, каждый со своей стороны, - продолжил олимпийский пресс-атташе; упомянутые коллеги одновременно закивали. – Если мы станем спасать Бакхилида – а равно и нашу Афродиту – исключительно биологическо-химическим путём, без малейшего вмешательства Прометея, то этим сразу убьём двух зайцев: освобождаем юного эллина от его ужасной зависимости, - он мельком глянул на приближающуюся к соседнему столику Афродиту и понизил голос, - и попутно никак не нарушим исторических предписаний нашей уважаемой хозяйки «Чертогов».
- У тебя есть план, Пилот? – воодушевился доктор кибернетики, наливая себе полный бокал лёгонькой «Афродиты Прекрасной». – Поделись, что ли...
- Вот, что мне удалось нарыть на нашего молодого человека, - доктор Гермес пробежал пальцами по своему жезлу. – Мало того, что Бакхилид – действительно весьма состоятельный человек – и, насколько известно, неплохой специалист по вопросам эллинской флоры...
- О да, дорогой! – раздался над столом голос чудесной барменши. – Этот милый юноша был одним из лучших моих учеников, пока его не постигло... э-э-э... указанное несчастье! Подтверждаю сказанное Пилотом, как преподаватель!
- Твоё здоровье, милая! – доктор Прометей вытянул в её сторону руку с бокалом. – Предпочитаю приветствовать тебя одноимённым с тобой напитком!
- Благодарю, Прометей! – зарделась ботаник, быстро и аккуратно протирая стол. – Здоровье мне просто необходимо! – и отошла к бару, чтобы не смущать своим присутствием остальных совещающихся.
- Продолжай, Пилот! – попросил друга доктор Дионис.
- Так вот, - Гермес сверился с данными персонального миникомпьютера. – Бакхилид, помимо только что полученной великолепной рекомендации от самой Афродиты, является никем иным, как племянником Симонида и большим другом Пиндара...
- Кого?! – почти хором воскликнула вся компания. – Это ещё что за деятели?!
- Эти ребята – ученики нашего обожаемого Аполлона, - пояснил тот. – Занимаются у него в театре и посещают уроки поэтики одновременно. Посему, вот вам моя задумка: неудавшегося садовода Бакхилида сделать приличным поэтом! Поможем ему сублимировать страсть к Афродите в страсть создания великих литературных произведений!
- А что, - немедленно ухватился за предложенное коллегой доктор Эрот. – Это мне нравится! Раз его дядя – известный поэт, значит, у самого Бакхилида генетическое предрасположение к высокому искусству... Похоже, мы нашли выход из ситуации, друзья! – он победоносно оглядел соседей.
- Замечательно! – в такт ему замурлыкал доктор Дионис. – Если, вследствие применения некоторых химических и электрических вмешательств, на планете станет одним огородником меньше, но одним поэтом больше, как это скажется на истории Земли?
- В вашем случае – никак, - успокоила друзей доктор Афина, легонько касаясь указательным пальцем своего шлема. – В одном из возможных сценариев будущего подобный исход вполне допустим...
- К тому же весьма обязательно постоянное влияние на новоиспечённого поэта самых близких друзей, - добавил доктор Гипнос. – Если он будет неизменно находиться в поле зрения Симонида и Пиндара, то их пример станет для него образцом для подражания!

- Всё верно, коллеги! – улыбнулся доктор Гермес. – Осталось договориться с руководителем театрального и поэтического цеха Аполлоном – и Бакхилида можно считать спасённым!

- Кстати, где он сегодня, наш Аполлон? – поинтересовалась доктор Афина.

- Он предупредил меня, что сегодня в «Чертогах» не появится, у него чрезвычайно много работы, - объяснил повелитель честных банкиров. – Однако, не стоит беспокоиться по этому поводу: я сам навешу его... скажем, минут через десять – и изложу нашу общую просьбу...

- Не многовато ли вообще у него этих поэтов? – забеспокоился доктор Прометей. – А тут ещё и мы сбросим на его плечи этого воздыхателя по красотам Афродиты?..

- Скажу тебе по секрету, дружище Прометей: не многовато! – уклончиво ответил тот, подмигивая кибернетику. – Добавлю, что ради Афродиты наш Аполлон, как подлинный ценитель всего прекрасного, пойдёт на всё!

- Ну, за это стоит накатить чего-нибудь покрепче! – предложила доктор Афина, делая знак красотке-барменше. – Как вы считаете, мы её уже можем обрадовать найденным выходом из положения?

- Не думаю, что стоит это делать! – возразил доктор Гипнос. – Аргументирую это тем, что пусть лучше она сама придёт к тем же выводам на основании собственных наблюдений, как потихоньку меняется её разнузданный и чрезмерно возбуждённый ученик...

- Что же, решено! – хлопнул в ладоши доктор Дионис, дожидаясь прихода Афродиты. – Послушай, о прекраснейшая, - обратился он к ней, задорно подмигивая. – Меня с давних пор мучает один вопрос: ты в какой пене родилась – в пивной или винной?!

Компания расхохоталась.

- В самогонной, химическое ты отродье! – Афродита шутливо замахнулась на него тряпкой. Смех за столом перешёл в овации.

- Значит, я был на верном пути, - продолжил тот, протягивая ей пустой бокал. – Будь добра, принеси двойную «45,1 градус по Дионису»! Коллеги, я сегодня в очень хорошем настроении – угощаю!

- Извини, но мне – на посошок! – отклонил его щедрое предложение доктор Гермес. – Мне ещё с Аполлоном надо перетереть о его участии в проекте «Бакхилид»...

- Опять что-нибудь задумали у меня за спиной? – глаза доктора ботаники загорелись любопытством.

- Отчего бы и нет? – признался король журналистов. – Задумали... Но лучше не спрашивай, дорогая: таковы предписания твоего лечащего врача! – он кивнул головой в сторону доктора Гипноса.

- Да, это так, - подбоченился тот. – Раз ты выбрала своим целителем меня, а не кого-нибудь из коллег, изволь подчиняться, Афродита!

- Ах вы, злыдни! – молвила девушка. – Ладно уж, сама наведаюсь к Аполлону... Ведь теперь мне известно, где искать ответ!

Несколько дней, прошедшие за этим разговором, заставили ботаника и ведущего специалиста по вопросам искусствоведения ясно ощутить, что задуманное коллегами мероприятие даёт свои плоды: Бакхилид ни разу не появился на её уроках; более того, она совершенно не знала, где, чем и под чьим наблюдением он занимается... Несносный поклонник исчез из её жизни, будто по волшебству; случившееся удивляло её, однако девушка решила не торопить события. Затем потянулась следующая неделя... И следующая... За истёкшее время красавица не обнаружила на своём столе ни единого букета.

Доктору Афродите не было известно, что над развитием «инога» Бакхилида её друзья провели целый комплекс многочисленных операций без хирургического вмешательства: под видом персонального знакомства юноши с доктором Аполлоном, учёные ненавязчиво привили ему повышенный интерес к театру и поэзии; пациент находился под их неусыпным вниманием в любое время суток, даже – и, пожалуй, особенно – во время сна. И страсть, пожиравшая юношу, получила выход в совершенно новой форме: он стал прилежным

учеником поэтического класса доктора Аполлона, где, под присмотром родственника Симонида и друга Пиндара, осваивал силу Слова... Но, как можно было предположить, без определённых осложнений не обошлось и в указанной ситуации: одержимость Бакхилида получила некоторое продолжение в его гениальном творчестве.

Следующий раз доктор Афродита ворвалась в лабораторию коллеги Гипноса в самый неподходящий момент: тот проводил какое-то важное исследование, однако, согласился выслушать взволнованную пациентку. Девушка бросила на стол коллеги связку покрытых воском деревянных табличек – и привычно села в кресло.

- Слушай, Гипнос, я думала, что вы уже разобрались с моим бывшим учеником раз и навсегда! – начала она, скрепя руки на груди. – Оказывается, вы просто перебросили его Аполлону!

- А разве это так плохо? – доктор альтернативной медицины развёл руками. – Я имею в виду, разве это сказалось хуже на тебе, дорогая?

- В течение двух последних недель я вела совершенно спокойное существование, полагая, что Бакхилид меня больше не потревожит... А тут он вновь является ко мне с цветами – и, как ни в чём не бывало, просит меня пройтись с ним в ресторан!

- Продолжай, пожалуйста... Ты ему отказала?

- Нет, сочла, что вышвырнуть его из кабинета – себе дороже, ибо снова может закончиться истерикой последнего... Пришлось сходить.

- Ладно уж, признавайся: чем он тебя достал?

- Сначала он заявил, что больше не станет посещать мои уроки, поскольку ботаника его совсем не занимает. Я ответила, что хорошо заметила его отсутствие в последнее время; тогда он признался, что под руководством своих старших товарищей перешёл на «факультет» к Аполлону, который, судя по всему, проводит с ним усиленные индивидуальные занятия...

- Прости, милая, повторюсь: разве это плохо? Человек нашёл своё призвание – согласись: какой, ко всем аидам, овощевод из такого видного аристократа?! Бакхилид – крайне возвышенная натура; раз уж он всеми своими фибрами потянулся к прекрасному...

- К прекрасному?! – воскликнула искусствовед, окончательно нахмуриваясь. – Да ты только погляди, чего он наворотил в этом кодексе! – она метнула гневный взгляд на связку табличек перед носом собеседника. – Мне ещё никогда не доводилось читать таких гнусных стишат... Если Бакхилид всего лишь сменил занятия ботаникой на занятия по литературе, то кто-то совершил большую ошибку, обратившись за помощью к тебе, дорогой Гипнос!..

- Успокойся, Афродита! Давай разберём всё по порядку, – главный специалист по сновидениям взял кодекс в руки. – Итак, тебе не нравится то, о чём поэт написал в своих первых произведениях?

- А ты почитай, почитай! – с вызовом произнесла девушка. – Я уже целую Вечность изучаю Искусство во всех его проявлениях, поэтому...

- ...поэтому сейчас ты ведёшь себя подобно заурядному критику, мнение которого, как я могу предположить, не вполне свободно от чувства личной обиды, – закончил вместо собеседницы врач.

- Друг мой, ты прав, как всегда! – сдалась, наконец, нежданная гостья. – Но, глянь хоть одним глазком, что этот аполлонов протезе... Одним словом, ещё то хорошо, что он подарил свой шедевр мне на память, а не опубликовал его через какую-нибудь из библиотек!

Доктор Гипнос нехотя последовал приглашению собеседницы. После прочтения каждой из табличек лицо его всё более удлинялось; он нервно тербил нос, который, в результате такого занятия, пошёл красными пятнами. Постепенно тот же цвет приобретала и сама физиономия парамедика. Наконец, он прекратил чтение – и глубоко выдохнул под пристальным взглядом коллеги.

- Ну, что тебе сказать... Очень даже ничего, хоть я и не знаток тонкостей поэтических виркрутасов... Элегантно, виртуозно...

- ...грациозно и вообще – неповторимо! – с усмешкой продолжила за друга девушка. – Назовём вещи своими именами, Гипнос: то, что раньше являлось ему в бредовых видениях и не менее бредовых сновидениях, он, ныне облакая свои эротические фантазии под мастерской рукой Аполлона в литературные формы, выплёскивает их для всеобщего обозрения! Негодник он, вот кто! Мог в своих эротиках хотя бы меня по имени не называть...

- Прости, в чём?! – переспросил доктор Гипнос.

- Эротики, дорогой! Мягко выражаясь, это любовная лирика с весьма пикантным описанием тех или иных деталей... Спроси у Аполлона, он тебе сможет пояснить подробнее... Вот ведь незадача: что же обо мне подумают потомки этих самых эллинов – и Бакхилида, в частности?!

Как не пытался врач успокоить коллегу, его не хватило на то, чтобы остановить девушку – и воспрепятствовать её появлению у Аполлона.

- Я только что высказалась Гипносу, однако, теперь понимаю, что нельзя на него одного вешать всех собак! – сказала она в приватной беседе с наставником своего невольного обожателя. – Ведь это ты дрессируешь Бакхилида, это ты показал ему, как можно красиво изливать свои чувства... Понимаю, что деревянная табличка всё стерпит!

- Ты несправедлива ко мне, Афродита! И к моему ученику – тоже, - оправдывался доктор литературы. – Между прочим, Бакхилид очень талантлив, а его смелости и упорству должен завидовать каждый поэт! Ты же выдающийся знаток искусства, как тебе совесть позволяет обвинять его в бездарности?!

- Я говорю не об этом, - запнулась искусствовед на полуслове, поскольку, даже не смотря на личную обиду, она была предельно честным специалистом. – Аполлон, мы с тобой работаем вместе уже Аид знает сколько лет! Прошу тебя всего лишь исправить ситуацию: укажи ему какое-нибудь другое жанровое направление... Пусть, в конце концов, займётся просодиями, эпиникиями, сколиями или дифирамбами... Если он действительно выдающийся поэт, неужели он не сможет столь же хорошо ориентироваться во всём перечисленном?!

- Ты же знаешь, Афродита: поэту нельзя указать, над чем ему трудиться! – назидательно сказал собеседник, поправляя на голове лавровый венок. – Возможно, он когда-нибудь попробует себя во многих вещах, но теперь – прости его! – он думает только о тебе. Я даже муз просил об особенном и весьма специфическом к нему внимании – бесполезно! Но, могу уверить тебя, что со временем он придёт в норму – и оставит тебя в покое.

- Мне это уже почти месяц обещает целая команда спасителей, - печально произнесла девушка.

- Тогда верь им, как веришь мне! Кстати, ты думаешь, что только Бакхилид пишет эротическую поэзию?! И его дядя Симонид, и его друг Пиндар, и целые поколения великих эллинских лириков обоих полов до и после него следуют этой устной и письменной традиции! Ты же подкована в литературе ничуть ни меньше меня, Афродита!

- Не спорю, друг мой! Однако, никто из них не распинается в любви ко мне, настолько... м-м-м... откровенной!

- Ой ли?! Тебя любят все эллины, просто Бакхилид – это отдельный, исключительный случай... Никто не может запретить поэту писать о том, что требует сама его сущность! И Бакхилид в этом отношении – ни первый и ни последний...

- Слушай, Аполлон, - мечтательно попросила доктор Афродита. – А нельзя ли ещё как-нибудь повлиять на него, что ли...

- Нет, дорогая моя, даже не стану пробовать! На него уже влияют Гипнос, Дионис и Эрот – и в том их прямая обязанность, если угодно. И воздействие их очевидно: ты сама видишь, как сильно юноша изменился! Подожди немного – и совсем не узнаешь его! Но самое главное – это твоё личное на него влияние. Ты являешься источником его вдохновения...

- Понимаю тебя, - кивнула девушка. Мгновение помолчала и добавила. – Я, конечно, признаю несомненный талант Бакхилида, но... Может, следует придать его руке несколько

больше изящности, утонченности? Прекрасно осознаю, что великий Гомер уже был, великому Данте ещё только предстоит родиться... так сделай его хотя бы великим Петраркой!

- Хорошо, что тебя сейчас не слышит Афина! – усмехнулся доктор литературы. – Она неминуемо устроила бы тебе разнос за преждевременное вмешательство в ход истории! Понимаю, к чему ты ведёшь этот разговор: Гомер всю жизнь мечтал о Фантасии, Данте – страдал от чувств к Беатриче, Петрарка – сходил с ума по Лауре... У нашего героя – увы, похожая судьба: он полон тобой, Афродита! Поэтому пусть уж Бакхилид останется великим Бакхилидом...

Поскольку сознательно ни на «Олимпе», ни на Земле времени никто не считал, этим решила заняться сама доктор ботаники и специалист по вопросам искусства: она перестала избегать молодого поэта и воздыхателя, наблюдая за его поведением после трансформации садовода в редкого по силе слова и образа лирика. Бакхилида и самого весьма интересовал процесс его внезапного превращения в поэта; он полагал случившееся подлинным чудом. Кстати, его внешнее отношение к возлюбленной также претерпело значительные изменения: юноша стал куда более романтичным, элегантным и – что несказанно радовало Афродиту – безопасным. Он по-прежнему просил девушку посидеть с ним в таверне «У Гелиоса» или приглашал на очередной спектакль доктора Аполлона (ему, как сотруднику театра, полагался бесплатный вход на две персоны); чувства его больше не носили бывшего агрессивного характера: Бакхилид постепенно осознал ситуацию – и был готов довольствоваться исключительно платонической любовью. Возможно, это являлось следствием своевременного вмешательства докторов Гипноса, Эроса и Диониса, однако, надо полагать, львиную часть усилий над собой совершил сам Бакхилид.

- Мы опять были на прогулке, - отчитывалась ботаник доктору Гипносу во время очередного терапевтического сеанса. – Бакхилид вёл себя довольно прилично, пока его вновь не заколбасило – и он не начал зачитывать мне новых произведений о... сильно смягчу им сказанное – о моей совершенной красоте... Но, знаешь, Гипнос, это уже совсем не тот сумасшедший, который с громкими воплями и дикими глазами гонялся за мной по всему «Олимпу» и за его пределами, нахальнейшим образом желая воплотить свои эротические фантазии наяву...

- Отлично, дорогая! Из этого можно уверенно вывести, что работа Диониса да Эроса не прошла впустую! – ответил врач. – Моя, видимо, тоже...

- Да я сама чувствую, что вся эта история скоро закончится, - подтвердила доктор Афродита. – К тому же, у меня есть тому убедительные доказательства...

- Интересно...

- Однажды, когда Бакхилид явился ко мне в класс после занятий, притащив с собой охапку роз, я, вспомнив начало своего кошмара, предложила ему ещё раз пройти тест с карточками. И, что бы ты думал?! Он превосходно отличает сливу от оливы!

- Другими словами, он больше не видит на картинках той непристойности, которая преследовала его зрение в первый раз? – осторожно уточнил доктор Гипнос.

- Именно! Поскольку его мозг всё больше и больше отвлекается на поэзию – а ведь это довольно тяжёлое занятие, то сублимация, естественно, сказывается на каждом его шаге и требует определённых усилий... Мне стало интересно, понимает ли он сам происходящее с ним...

- И?..

- Не совсем, однако мыслит он в верном направлении. Главное, что он осознал то, что ни его женой, ни любовницей я не стану никогда. Поэтому он, от безысходности собственного открытия, ударился в платонические отношения. А это, если хочешь, моя полная победа! – торжественно заключила доктор Афродита. – Не знаю, сколько потребуется времени на её полное закрепление, но выпить за мои выдержавшие всю эту кутерьму нервы можно уже сейчас!

- То есть, тебе налить? – обрадовался модератор сновидений, наклоняясь к секретеру в столе. – В моём арсенале пополнение: имеется нехилый выбор... Чего-нибудь покрепче?
- Нет, пусть будет «Афродита Прекрасная!» – улыбнулась девушка, принимая бокал из рук коллеги. – Сегодня у меня ещё много работы, поэтому предпочту напитков полегче...
- Смотри, думаю, что ты с Бакхилидом ещё подружишься! – улыбнулся доктор Гипнос, чокаясь с ней рюмкой «Глубокого Сна Гипноса». – Известен не один случай, когда платонические отношения этим и заканчивались...
- Возможно, друг мой! К тому же я больше не тороплю событий: ведь кризис, так сказать, уже успешно завершился... Когда – во время нашей последней встречи – я деликатно намекнула ему, что, мол, когда-нибудь ему обязательно повезёт – и он встретит настоящую любовь, он даже не проявил свойственную ему ранее агрессию, а лишь пожал плечами. Правда, он заверил меня, что никогда меня не забудет – и что ему вообще выпала великая честь: любить саму «богиню любви и красоты» Афродиту!
- Вот видишь: ты уже можешь с ним нормально беседовать! – врач со значимостью поднял вверх указательный палец.
- Я, помнится, тогда несколько увлеклась предписаниями «Инструкций», и попробовала объяснить Бакхилиду своё отнюдь не божественное происхождение...
- Из какой пены? – рассмеялся доктор Гипнос, вспомнив одну из последних шуточек коллеги Диониса.
- ...а он ответил мне, – продолжала Афродита, возможно, даже не обратившая внимания на реплику друга, – что не может сомневаться в наличии сверхъестественного бытия, поскольку сам беседует с самой прекрасной из олимпийских «богинь»... Впрочем, он вполне разумно добавил через мгновение, что никакие «боги» его вообще не интересуют, когда он находится рядом со мной!
- Действительно, это уж он весьма тонко подметил! Любая женщина – «богиня», просто нужно зрение, позволяющее это увидеть! Кто-то из деятелей будущего произнесёт: «Если не было бы женщин, то мы, мужчины, были бы богами!» У меня вопрос: а зачем?! Неужели этот мир так плохо устроен?! Замечу, устроен нами, обладающими бесценным и неоспоримым опытом в таких делах...
- С ним стало возможно общение, Гипнос! – кивнула неопикуемая красавица, соглашаясь с собеседником. – Скажу тебе под большим секретом, что тогда я впервые с ним напилась вина, совершенно за себя не беспокоясь! Неважно, что в таверне были и другие посетители, кроме нас; честно говоря, заведение могло бы быть пустым – на мою решимость это никак не влияло.
- А ведь ты рисковала! – улыбнулся врач.
- Нет. Я видела по его глазам, что он не замышляет ничего подобного из того, в чём я подозревала его раньше. Почитав свои последние эротика, которые, на мой взгляд, ещё довольно нуждаются в корректуре, он долго рассказывал мне о своём обучении у Аполлона; о том, как он постигает лирический канон и овладевает собственным поэтическим почерком... Как литературному критику, он предоставил мне массу информации для размышлений! А после стал рассуждать на совершенно отвлечённые темы...
- Отвлечённые?
- Мне так показалось... Я не особо помню всего, о чём он говорил, в памяти осталось лишь его интересное наблюдение за прямыми линиями, которые начинают искривляться, когда как следует нарежешься алкоголя... И созерцание этого процесса доставляет удовольствие...
- Чего?! – удивился Гипнос, вытаращив глаза. – Вам что, больше не о чём было разговаривать?! Впрочем, извини... Тебе, как знатоку искусства, лучше знать, как и о чём беседовать с его представителями! Поэтому считай меня готовым к любой трансцендентности...
- Он шутливо сказал мне нечто в таком духе: «Всюду, куда бы люди не приложили своих рук, господствует симметрия, дорогая моя Афродита! Взгляни на любое их произведение,

будь то дом, стол, дорога – или даже саркофаг...» Да, он именно так и сказал – «симметрия саркофага!» «Равенство углов и равенство линий, - продолжал он, - порождает неизбежную симметрию, от которой иногда становится не по себе – будто находишься в саркофаге. А когда выпиваешь, симметрия начинает рушиться, прямые донельзя линии начинают изгибаться – и глаз получает несказанную радость от созерцания подобного хаоса...»

- Интересно, не от Диониса ли наш Бакхилид воспринял подобные поучения? – осторожно предположил врач, наморщив лоб. – Его поэтическое восприятие мира перемешало в себе все дионисовы алкогольные изобретения, симметрию окружности и число «пи» в придачу... Ты этого не находишь, Афродита?

- Я же не физик, не математик и не геометр, - улыбнулась ведущий эксперт по вопросам искусствоведения. – А что касается его поэтического мировосприятия, то поверь мне: гораздо легче вдоль и поперёк исследовать всё, что лежит за твоим Барьером, чем приблизиться к видению и ощущениям человека, создающего стихи!

- Да я с тобой и не спорю, дорогая! – доктор Гипнос замотал головой из стороны в сторону.

- Вот и замечательно! – Афродита поставила пустой бокал на край стола и поднялась. – Спасибо тебе за отличную выпивку!.. Так я, пожалуй, пойду?

- Не за что! – легонько поклонился ей хозяин лаборатории. – А если будет нужда пообщаться со мной – милости прошу! В любой момент, даже если буду занят! Я очень рад, что твои дела пошли на поправку, дружище!

- Тебе и не представить не в состоянии, насколько рада я сама! – заверила его самая очаровательная барменша Вселенной.

Неизменно весёлое настроение доктора Афродиты, естественно, не осталось незамеченным её друзьями и сотрудниками: она приветливо шутила с друзьями, содержала в полном порядке и чистоте «Чертоги» Афины – и даже совершенно перестала скрывать свои приятельские отношения с Бакхилидом, психическое здоровье которого практически нормализовалось.²⁵ Хоть он и продолжал осыпать свою «божественную» избранницу цветами и декламировать ей эротические стихи, поведение его не представляло для Афродиты ни малейшей угрозы, даже когда они оставались наедине. Доктор Аполлон иногда шутки ради попрекал коллегу, что Бакхилид, проводящий с ней так много времени, пожалуй, покинет его «факультет» – и вернётся назад, в кружок «Юных ботаников», но, разумеется, сказанное было чистой воды приколом: юный эллин и не помышлял прекращать своих эстетических занятий, восходя на новые высоты древнегреческого поэтического Олимпа.

А на следующий раз доктор Афродита появилась в лаборатории альтернативщика Гипноса не одна: вместе с ней пришёл и Бакхилид, который долго и любопытно озирался при виде непонятных по назначению приборов и идеально белых стен. Врач немедленно перевёл гостей в личный кабинет – и предложил располагаться поудобнее.

- Ты не понял, Гипнос! – рассмеялась коллега. – Сегодня твоя помощь нужна не мне, а ему! – она указала на переминавшегося с ноги на ногу спутника, с опаской остановившегося на пороге помещения.

- Не тебе?! – глаза Гипноса округлились. – Увидев вас обоих, я, честно говоря, подумал о сеансе массового гипноза... Что случилось, Бакхилид? – обратился он к юноше, подводя того к креслу и помогая сесть.

- Не надо ничего бояться! – доктор Афродита склонилась над поэтом и взяла его за руку. – Просто расскажи Гипносу ровно то же самое, о чём поведал мне... Я думаю, что «дело пациентки Афродиты» можно сдать в архив, - добавила она, глядя на врача. – Впрочем, последнее слово – за тобой, дружище!

- Итак, не стесняйся, Бакхилид! – голос Гипноса неожиданно придал пришедшему уверенности. – Расскажи, пожалуйста, что произошло?

²⁵ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

- Не знаю, у меня было какое-то странное видение, - начал Бакхилид, успокаиваясь от мягкого воздействия доктора Гипноса. – Сегодня утром я, как обычно, написал в честь своей возлюбленной богини Афродиты парочку весьма недурственных стихотворений, нарвал неподалёку от заведения Гестии цветов – и отправился сюда, на Олимп, чтобы посетить красивейшее создание, когда-либо появлявшееся на свет из пены... И сиял чудесный Гелиос, но я не мог видеть его лучей, ощущая лишь жар светила, поскольку думал только о моей единственной, к чьим ногам я спешу ежедневно... И кипела кровь в моих венах лишь от мысли о том, что...
- Я тебя понял, дорогой мой! – не выдержал доктор медицины, слегка ослабляя свою гипнотическую хватку. – Ты написал стихи, нарвал цветов – и пришёл на Олимп... Кстати, если Гестия проведает, что ты рвёшь в её саду цветы для Афродиты – честное слово, я предпочёл бы навеки остаться за Барьером, чем поменяться с тобой местами! Лучше ты сразу спёр бы у Зевса его молнии: хоть какой-то шанс на выживание ещё остался бы...
- Клянусь тебе, Гипнос, я об этом ничего не знала! – тут же покаялась невольная виновница преступлений Бакхилида.
- Ладно, проехали! Тайна моих пациентов умрёт вместе со мной! – заверил обоих терапевт.
- Это значит, что все твои тайны – бессмертны, подобно их носителю! – рассмеялась девушка.
- Хватит, милая! Дай ему сосредоточиться, - прервал коллегу хозяин кабинета. – Итак, Бакхилид, переходи прямо к своему странному видению, остальное мне известно... Вот только бы это не стало также известно Гестии...
- Я поднимался на Олимп – и уже миновал таверну «У Гелиоса», когда случайно обратил внимание на какого-то гоплита, оставившего свой гоплон и копьё возле входа в заведение; сам он прошёл внутрь – и заказал себе превосходного...
- Увы, при такой работе мне самому вскоре потребуется психиатр, - улыбнулся доктор Гипнос. – В числе твоих знакомых таковых не найдётся, Афродита?
- Найдётся: Гестия! – ответила та, возводя очи к потолку. – Нет, так действительно дело не пойдёт: и что эта Гестия к нам прицепилась?! Прямо какое-то наваждение...
- Ты ещё скажи – оговорка по Гестии! – хлопнул себя по лбу доктор, чтобы хоть немного прийти в себя. – Прошу тебя, Бакхилид: не отходи от своего видения, пожалуйста!
- Хорошо, - кивнул поэт, всем своим видом обещая больше не чинить помех своему же повествованию, - постараюсь лаконичнее и без излишних метафор... Приблизился я к гоплону – и вдруг поймал собственное в нём отражение... То есть, ничего удивительного в том не было: только понял я, что не моя сущность в нём отразилась...
- Погоди, погоди, дружище! – перебил поэта врач. – Хочу уточнить: ты хочешь сказать, что отразившееся в щите изображение было не тобой?! Соберись, Бакхилид, это очень важно!
- Нет, мной! – отрицательно покачал головой поэт. – Внешне, конечно, это был я, но внутренне – кто-то другой! Меня настолько заинтересовало увиденное, что я позабыл обо всём – и стал всматриваться в себя ещё пристальнее...
- Продолжай, Бакхилид, продолжай! – подбадривала рассказчика доктор Афродита.
- Я понимал, что столкнулся с чем-то необъяснимым; сперва даже предположил, что заснул и происходящее – всего лишь ниспосланный мне подарок Морфея... Двойник, отражающийся в начищенной до блеска поверхности гоплона, повторял любое моё действие; в какой-то момент я осознал, что взираю на самого себя, но только на того – иного Бакхилида, который некогда был ботаником и посещал кружок моей прекрасной Афродиты! Ты понимаешь, Гипнос, что случилось?! Бакхилид-поэт наблюдал за Бакхилидом-ботаником, понимая, что подобное возможно лишь в случае непонятной метаморфозы, которая разделила надвое существо, некогда бывшее единым! Я созерцал самого себя в тот период, когда ещё не был поэтом и не изведал стрел Эрота...
- Ты разговаривал со своим двойником, Бакхилид? – участливо спросил доктор альтернативной и традиционной медицины.

- Нет, Гипнос, - не задумываясь ответил тот. – И он не пытался заговорить со мной... Однако, у меня было ощущение, что невербальный диалог между нами всё-таки имел место. Мне показалось, что Бакхилид-ботаник пришёл попрощаться со мной – с тем, кем я стал в последнее время... Внезапно меня захлестнуло долгожданное ощущение целостности: тот, старый Бакхилид, исчез – и я вновь смотрел на самого себя... Настоящего Бакхилида... Единственного...

- Что было потом? – задумчиво спросил врач, видя, что пациент умолк. – Какими были твои ощущения?

- Потом? Да ничего особенного... Гоплит допил свой заказ – и вернулся к оставленной у входа собственности. Увидел, как я таращился на его гоплон – и не особо вежливо попросил меня отойти в сторону от его имущества... Я, задумавшись над неожиданным приключением, в ответ обложил его всеми известными мне рифмами – и тогда меня наполнило ощущение полной удовлетворённости!

Доктор Афродита не выдержала – и мелодично рассмеялась; её коллега, допрашивающий молодого эллина, тихонько последовал её заразительному примеру. Бакхилид, находясь в полутрансе, никак не отреагировал на их обоюдное, внезапное веселье – и продолжил:

- А вот после выяснения отношений я также зашёл в таверну: выпил немного пива – и заснул! И вот вам моё честное поэтическое: это был мой первый сон за последнее время, в котором ко мне не явилась моя бесценная Афродита!

- Ну, что скажешь? – спросила доктор Афродита коллегу. – Разве это не говорит об относительной стабилизации его психики?

- Погоди немного, я как раз снимаю последние показания, - ответил доктор Гипнос. – Дождёмся энцефалограммы головного мозга, поскольку распечатку его сновидений, так сказать, я уже получил... А ты можешь подниматься, Бакхилид! – сказал он пациенту, сразу же после его слов заморгавшего, будто от яркого света. – Итак, вот вам мой вердикт, дорогие мои господа и дамы: недуг Бакхилида практически исцелён! Ещё небольшой срок на полную реабилитацию – и дело в петасе!

- Постой, Гипнос! – протестующе вскинул руку поэт, вскакивая с кресла. – Что же, теперь я больше во снах не увижу моей великолепной Афродиты?! Я на такое не подписывался!.. И не оскорбляй моих чувств, пожалуйста: не называй мою великую любовь недугом!

- А зачем она тебе во снах, друг мой?! – спросил парамедик. – Ты вполне можешь общаться с ней наяву... Не так ли, Афродита?!

- Ну, раз таково предписание врача, – пожалала плечами доктор ботаники, поглядывая попеременно на каждого из собеседников. – Я, пожалуй, согласна!

- Тогда я немедленно приглашаю мою чудесную богиню в ресторан! – мгновенно возликовал эллин, бросаясь перед возлюбленной на колени. – Не откажи в моей просьбе, о прекраснейшая!

Обольстительная барменша «Чертогов» Афины, украдкой переглянувшись с доктором Гипносом, молча кивнула – и вышла за почти тащившим её на руках поэтом.²⁶

- Только не особо налегайте на вино! – крикнул им вослед терапевт. – Чтобы не попасть ко мне снова, правда, с уже совершенно иного рода расстройствами, рекомендую не повышать градус выше двадцати! И потреблять напитки, естественно, не кувшинами...

Одно лишь по-прежнему омрачало радость искусствоведа: одна из афинских библиотек вознамерилась в скором времени подготовить большую антологию современных лириков – под руководством, естественно, доктора Аполлона – и издатели страстно желали включить в неё творчество Бакхилида. Поскольку тот исправно продолжал писать восторженные поэтические комментарии на тему прелестей своей возлюбленной, излишне говорить о том, что последнюю крайне удручало затеянное мероприятие. Кончилось тем, что доктор отправилась к главному редактору – и настояла на том, чтобы неугодные произведения

²⁶ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

Бакхилида были сняты из готовящегося проекта и никоим образом не попали в тираж. Комиссия бессмертных консультантов во главе с доктором Аполлоном рассмотрела претензии коллеги – и единогласно признали её просьбу законной.

- Ну, раз уж ты являешься творцом любви в чистом виде, и любительницей целомудрия одновременно, то определись, наконец, с собственным статусом, раз и навсегда! – усмехнулся доктор литературы. – Конечно, можем заменить произведения Бакхилида на другие, ведь поэту такого уровня подобное действие ничем не грозит...

- Позволь, Аполлон, - поначалу артачилась доктор Афина. – Написанное Бакхилидом, как-никак, является историческим документом! Его стихи соответствуют локальной эстетике и духу времени, поэтому скрывать их было бы сродни преступлению!

- Вот спасибо тебе, подруга! – доктор Афродита сделала в сторону говорившей реверанс. – Я посмотрела бы на тебя, случись с тобой такая «историческая документика»! Баснописцы да ценители их творчества с ума сойдут от подобной лирики, да ещё и преувеличат все эти перлы!.. Эвгемер, кстати, на основании этого бреда будет уверен в том, что именно я изобрела проституцию... Как вам такое положенье честной сотрудницы, а?!

- Хорошо, мы приняли во внимание все «за» и «против», однако окончательное решение по этому вопросу должен вынести сам поэт, - развёл руками доктор Аполлон. – По крайней мере, так будет справедливо... Пригласите автора в студию!

После появления Бакхилида заседание комиссии продолжилось; поэт быстро вник в предмет разногласий – и сходу предложил самый приемлемый выход из положения:

- В моих руках – судьба моей любви и моего творчества, - сказал он, низко кланяясь доктору Афродите. – Если бы не моя олимпийская возлюбленная, то это творчество никогда не родилось бы... Вычеркнуть или изменить имя моей вдохновительницы не могу: рука не поднимается... Поэтому я, выслушав собравшихся в этом греческом зале, решил подарить свои чрезмерные эротические фантазии той, которая их вызвала – моей бессмертной Афродите! Пусть они никогда не разойдутся по миру, пусть никто и никогда не узнает о моей великой человеческой любви к богине, зато она сама, когда меня не станет, будет помнить юношу, для которого любовь к Афродите ни мгновения не была пустым звуком... Вот, все мои произведения, посвящённые тебе! – он подвинул к ногам возлюбленной большой металлический контейнер, который мгновенно материализовался рядом с ним вместе с доктором Гермесом. – Если желаешь их сохранить – сделай это; если нет – воля твоя, о прекраснейшая!

- Спасибо тебе, дорогой мой Бакхилид! – искусствовед едва не расплакалась, бросившись ему на шею. – Никто и никогда не предлагал мне лучшего подарка! Клянусь тебе, что сохраню его навсегда!

- Правда, у меня есть одно условие, - продолжил юноша. – Я возвращаюсь домой, вместе с дядей Симонидом и моим другом Пиндаром. Сами понимаете: нас ждут поэтические конкурсы, государственные и народные премии и тому подобное... Пусть Гефест изготовит для меня статую моей возлюбленной; я отвезу её на родину, чтобы ежедневно приносить к её ногам цветы...

- Замётано, дружище! Я прямо сейчас свяжусь с Гефестом, – хлопнул его по плечу доктор Гермес, долго перед тем уговаривавший эллина поступить так, как тот и поступил. – Статуя Афродиты сегодня же будет готова, завтра с утра можешь получить без всякой расписки! Собравшиеся дружно захлопали в ладоши; заседание было закончено. Поэт, ни произнеся больше ни слова, покинул зал. Доктор Афродита в растерянности замерла у контейнера с подарком, содержание которого никогда не станет достоянием мирового поэтического наследия.

- Афродита, - подошёл к ней доктор Гермес. – Доктор Гера немедленно хочет тебя видеть! Прячь подальше подарки Бакхилида – и отправляйся прямо в Сектор складирования...

- Что ей понадобилось? – улыбнулась красавица. – Ещё раз хочет подстроить со мной выгодный для своих целей брак, как это было с Гефестом?! Или объявить новый конкурс красоты, поскольку до сих пор недовольна «Судом Париса»?!

- Сказала, что прибыли запчасти для твоего знаменитого пояса, - ответил коллега. – Поэтому поспеши, пока редкие технические новинки не растащили для собственных нужд её милые внучата!

ВНУКИ ГЕРЫ

*Золототронную славлю я Геру, рождённую Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
Благоговейно её наравне почитают с Кронидом.*
Гомеровы гимны, «К Гере», 1-5

*...Киферея
Щитодробителю Аресу Страх родила и Смятенье,
Ужас вносящих в густые фаланги мужей-ратоборцев
В битвах кровавых, совместно с Ареем, рушителем градов...*
Гесиод, «Теогония», 933-936

- Привет, Гера! – доктор Афродита, пройдя несколько коридоров складской зоны, достигла, наконец, кабинета регистрации и учёта ресурсов базы.
- О, здравствуй, Афродита! – немедленно откликнулась завхоз, поднимаясь навстречу появившейся коллеге. Женщины обнялись. – Виделась с Пилотом?
- Прилетела к тебе сразу после разговора с ним...
- Хорошо, что ты так быстро пришла: это гарант того, что наши охламоны не успеют разложить причиндалы для твоего пояса на кварки...
- Не поняла, - растерянно молвила вошедшая. – Ты имеешь ввиду Фобоса и Деймоса? Им-то что понадобилось от моей собственности?
- Не знаю, - пожала плечами завхоз, поправляя на голове диадему. – Они доставили на склад последние посылки из грузового отсека, даже помогли мне их каталогизировать... Среди полученных предметов обнаружили детали для твоего пояса. Фобос завопил: «Эй, Деймос!

Только глянь, какие штучки прислали для нашей мамыши!» А тот ответил: «Давай-ка, пока её нет, ознакомимся с их внутренним устройством!» После этого я только их и видела...

- погоди, Гера, - с болью в глазах простонала доктор Афродита, ломая руки. – Значит, предназначенные для меня детали оказались в руках наших разгильдяев?! И ты не воспрепятствовала этому?!

- Слушай, ты когда-нибудь пробовала поймать два метеорита одновременно?! Я предупредила, что предметы очень ценные и предназначены отнюдь не для удовлетворения их технического любопытства, только разве за ними утонишься?! Ребята заверили меня, что посмотрят на них лишь одним глазком – и вернут тебе в целости и сохранности...

- И ты поверила им на слово?! – воскликнула специалист по вопросам искусствоведения. – Куда их понесло?

- Думаю, что в Техническую лабораторию, раз они захотели покопаться во внутренностях твоих приборов, - ответила доктор Гера. – Я, со своей стороны, предупредила Ареса, чтобы тот отобрал у них твою собственность...

- Поверить не могу в то, что эллинская мифология навязала мне таких сыновей! – с безнадежностью в голосе произнесла доктор Афродита. – Ничего нельзя оставить без присмотра, всё растащат! У меня ещё стресс от выходов Бакхилида в голове не улегся, а тут новые приключения! Вдруг они что-нибудь испортят в полученном оборудовании?

- Значит, больше я твоего пояса одалживать не буду! – улыбнулась завхоз. – Честно, подруга: я пыталась защитить твои железки, но... это же Фобос и Деймос! Так что поговори с ними сама – и разберись по-матерински!

- А ты, Гера, тоже хороша! – парировала Афродита. – Как-никак, но, согласно той же мифологии, ты приходишься им бабушкой! Не пора ли тебе самой заняться их примерным воспитанием?!

- Ты же в курсе, что это бесполезно! Наши балагуры, несмотря на все свои проступки, всё-таки пользуются покровительством своего дедушки Зевса... К слову сказать, ведь это именно он некогда преподавал им на техническом факультете!

- Ну, конечно! А вместе с техническим образованием передал им собственное любопытство! – вздохнула доктор ботаники. – Кстати, Гера, ты не обращала внимания на то, как много техников среди нашей мифологической родни?!

- Знаешь, дорогая, мне, при наличии подобной текучки, - завхоз обвела глазами кабинет, представляющий из себя самую настоящую серверную, – как-то не до лишних подсчётов...

- А ты посчитай! – не успокаивалась доктор Афродита. – Во-первых, сам Зевс с его дополнительным инженерным образованием. Во-вторых, твой сынок и мой муж Гефест, мастер на все руки Аид знает в каком поколении... В-третьих, ещё один мой супруг Арес, разработчик и конструктор летательной техники... В-четвёртых, твои внуки и мои дети Фобос и Деймос, – девушка загибала один палец за другим. – И списочек этот далеко не полон...

- Да уж, - удивилась доктор Гера. – Никогда не подумала бы, что вокруг нас расплодилось столько технарей! И каждый – со своим норовом и претензиями... – она сняла с головы сверкающий головной убор, задумчиво разглядывая со всех сторон символ власти олимпийского завхоза. – А мне приходится доставать для них всякие дефициты, потворствовать их техническим прихотям... Ох, тяжела ты, диадема Геры!

- Ладно, Гера! Побежала я разыскивать и спасать своё имущество! – резюмировала доктор Афродита, сделав собеседнице на прощание ручкой. – Мой пояс, кстати, ничуть не легче твоей диадемы!..

Близнецы-техники Фобос и Деймос, как упоминалось ранее, являлись поистине легендарными личностями. Будучи, пожалуй, самыми молодыми в числе бессмертных, они достигли широкой известности и признания коллег, трудясь над разработкой новейших технологий и написанием сверхсложных программ. Кстати, ступить на этот нелёгкий путь их вынудил несчастный случай: миллиарды лет назад, когда братья были подростками и только задумывались о профессии, в результате столкновения с метеоритом потерял

крушение исследовательский звездолёт, в составе экипажа которого находились их родственники-учёные. Выживших в катастрофе не было. Последовавшее затем расследование выявило серьёзную брешь в системе тогдашних ПМО, то есть противометеоритной обороны – и Фобос с Деймосом, ещё будучи школьниками, предложили совершенно новаторское решение проблемы; они же стали первыми из создателей принципиально новой конструкции защиты обитаемых звёздных систем от вторжения из космоса. Фобос и Деймос решили, что нашли своё призвание в обеспечении безопасности для любой формы жизни во Вселенной. Таким образом, выбор профессии техников был сделан, а после усовершенствования и реконструкции ПМО, братья сразу же попали в поле зрения известнейших изобретателей и учёных. Им даже не дали закончить школу: вундеркиндов-самоучек сразу перевели в престижнейший Университет Высших Технических Наук, где близнецам преподавали такие гранды, как доктор Гефест, ведущий специалист по техническим вопросам Арес – и даже великий «Инженер», профессор Зевс. Быстренько раскусив азы науки и техники, Фобос и Деймос с жадностью приступили к постижению глубинных тайн тех дисциплин, с которыми только соприкасались; причём, любопытство, воспламенившись в их умах лишь однажды, ничуть не ослабело и после окончания положенного университетом образования. Братьев интересовало буквально всё, что попадалось им на глаза; они принимали самое живое участие в различных научно-технических форумах и конгрессах, являлись авторами множества практических руководств. Многосотлетние исследования, проводимые Фобосом и Деймосом, охватывали неимоверную сферу интересов молодых специалистов, которым ещё задолго до того пророчили великую будущность лучшие умы Вселенной.

В свете сказанного неудивительно, что, когда Совет Вселенского Научного Конгресса принимал решение по созданию очередного нового мира и вызывал для консультации «Великую Троицу» – профессоров Зевса, Аида и Посейдона – любой из вышеназванных учёных желал видеть в своей команде именно близнецов-техников. Вследствие этого Фобос и Деймос частенько оказывались в каком-нибудь из проектов, где не только участвовали в программах созидания и непосредственной обороны многочисленных форм новой жизни, но и попутно совершенствовали свои навыки профессиональных конструкторов-изобретателей, признанных всеми на вселенском уровне.

Впрочем, невзирая на безмерное любопытство, служившее братьям перводвигателем всех их открытий, многие коллеги именно это качество ставили Фобосу и Деймосу едва ли не в упрёк: бессмертные вскоре убедились, что, благодаря указанному атрибуту их внутренней конституции, действия близнецов иногда носили, мягко выражаясь, апокалиптический характер. Любопытство толкало техников на такие подвиги, отдалённые образы которых ни за что не возникли бы даже за Барьером, даже в самом кошмарном из царств доктора Гипноса. Жажда эксперимента подвигала весельчаков – такой эпитет, пожалуй, мог служить обоим второй из характеристик, после, естественно, уже названного любопытства – на самые удивительные приключения, связанные – или не связанные вообще – с их насущными изысканиями.

Что касается их древнегреческих имён, то в эллинскую мифологию они попали совершенно случайно, хотя, в некоторой степени, принимая во внимание сказанное строкой выше, виновником подобного казуса стал никто иной, как глава «Олимпа», профессор Зевс. Поскольку молодые специалисты имели удивительную привычку забываться или отвлекаться по неустановленной причине в самый необходимый момент, то порученное им задание частенько не то, чтобы терпело полный крах, однако выполнялось не в самом лучшем виде. Достаточно вспомнить такие их проколы, как чрезмерное усиление акустического эффекта голоса академика Крона, когда тот впервые появился на Земле для инспекции – или повышенный эпатаж во время пиротехнического шоу, имевшего целью разогнать «зевсистов», «гефестистов» и прочих разрушителей допустимой древнегреческой мифологии. Конечно, к числу их несомненных успехов можно отнести работу с голографической проекцией «усекновения головы» профессора Горгоны – и многие другие;

однако, чтобы закончить тему, следует сделать следующее утверждение: если за дело брались Фобос и Деймос, то их коллеги нередко заранее спорили, чем же закончится их очередное задание – успехом или провалом. К слову сказать, что соотношение упомянутых категорий варьировалось примерно пятьдесят на пятьдесят.

Случилось так, что после тех или иных проколов профессор Зевс не ленился лично распекать своих распрекрасных «внуков»; подобные вызовы на ковёр к начальству носили довольно бурный характер – настолько, что речи громовержца были слышны далеко за пределами его апартаментов:

- Как?! Вы опять опростоволосились, коллеги?! Стоило вам отвлечься на мгновение – и этот аидов модулятор накрылся медным тазом! Друзья, ещё раз произойдёт нечто подобное – и я буду вынужден поставить вопрос о вашем преждевременном отдыхе где-нибудь подальше от Земли!

- Мы обещаем исправиться, - почти беззвучно гнусили в ответ пойманные с поличным бедолаги. – Этого больше не повторится!

- Очень надеюсь! Пока вы играете в переглядки, кто будет следить за показаниями процессоров?! Такого я более не потерплю! Это страх и ужас, во что вы превратили лабораторию!

Иногда, обсуждая с кем-нибудь из коллег очередную проделку Фобоса и Деймоса, профессор восклицал:

- Это просто неслыханно! Наши лоботрясы опять провели диагностику коллайдера так, что просто страх и ужас!

Или:

- Не представляю, как у этих близнецов хватает совести смотреть мне в глаза с непередаваемой жалостью, при этом совершая над собой невероятные усилия, чтобы не расхохотаться?! Всё, хватит мне их баловать! Вот вышлю их на кафедру Института Исследований Глобальных Проблем: пусть работают там первопричиной всего! Ох уж, эти технари, страх и ужас!

И если сотрудники, занятые в проекте, знали о невероятной отходчивости Зевса и потому не придавали воплям начальства особого внимания – пожурит и остынет, то древние греки реагировали на неоднократно услышанное совершенно иначе: они предположили, что на Олимпе поселилась парочка неведомых разрушителей с невероятными возможностями.

- Сегодня вновь слышал, как Зевс пытался умерить пыл своих подчинённых, - говорил какой-нибудь эллин своим знакомым. – Орал на них так, что стены таверны ходили ходуном... Зато теперь мне точно известны их имена!

- И как же зовут этих негодников? – интересовались любопытные.

- Фобос и Деймос, - отвечал первоисточник, даже не догадываясь о том, насколько сам не понял ситуации, которой стал случайным свидетелем – и потому переврал услышанное.

Таким образом Фобос и Деймос попали в анналы эллинского мифотворчества; надо сказать, что сперва это их не на шутку взбесило: как?! Они, самые задорные и безбашенные из бессмертных обитателей базы – и вдруг: Страх и Ужас?! Впрочем, момент для выяснения обстоятельств и споров с баснописцами был категорически упущен: слухи и сплетни о кошмарных братьях-близнецах, рождённых воинственным Аресом, давным-давно гуляли по Элладе, в кратчайшие сроки укоренившись в мифологии. Фобосу и Деймосу ничего не оставалось, как смириться с оскорбительным фактом; тем не менее, они попытались решить проблему с другой стороны. Техники стали чаще показываться на людях, общаться с населением, ничуть не гнушаясь добрых застолий; подобное поведение принесло кое-какие плоды: эллины хоть и стали относиться к ним без страха и ужаса, но народная молва успела пустить столь глубокие корни в мифологии, что исправить положение не представлялось возможным. Судьба решила так, что хоть Фобос с Деймосом и прослыли среди людей классными ребятами, но всё же остались при своих, случайно навязанных им «дедушкой», именах. Даже коллега Ананке – вместе со своими чудесными доченьками-мойрами – оказалась не в силах что-либо изменить.

Впрочем, с течением времени близнецы привыкли к своим именам; только помимо этого, у них было ещё немало прозвищ, как среди сотрудников всех трёх баз, так и среди эллинского населения. Нередко в разговорах коллег можно было услышать следующее:

- Ты не видел доктора Гестию? Ищу её уже битый час...

- Наверное, опять вставляет нашим кошмарикам-неразлучникам по первое число за вовремя не политый сад... Сходи в Техническую лабораторию!

Или:

- Я просила Фобоса и Деймоса проверить показания моего персонального компьютера: по моему, у него полностью слетела программа...

- Хм, и что же сказали эти создатели головных болей после его диагностики?!

Люди же относились к братьям гораздо поэтичнее, называя их «огнедышащими конями Ареса». Близнецы недоумевали и злобствовали, пока не привыкли к столь изысканному обращению. Впоследствии они, ничуть не стесняясь, даже перестреливались в диалогах равнозначным для обоих прозвищем.

- Представляешь, меня сегодня возниким назвали! – рассказывал Деймос очередную хохму.

- Какой же ты возникий, Деймос? Это я – возникий Эриды! – возражал ему Фобос. – А ты – всего лишь средство передвижения Ареса! Ты просто конь!

- Сам ты конь!

- От коня слышу...

И тому подобное.

На самом деле, какими бы не первый взгляд не казались труды Фобоса и Деймоса, они вовсе не носили характер страшных или ужасных; остальное сильно преувеличено баснописцами. Да, хоть те или иные проколы время от времени имели место, но таковые являлись результатом обыкновенной оплошности, свойственной изобретательным, бесконечно креативным натурам. Любопытство и весёлый нрав продолжали оставаться водителями их исследований, несомненную пользу от которых человечество получает и по сей день.

Неоднократно упредив падения смертоносных метеоритов на поверхность планеты, в чём их коллега с базы «Тартар» Аскалаф оказался не столь искусен, братья перешли к более спокойным занятиям: землетрясениям, цунами, извержениям вулканов... При этом они ни на миг не забывали, что, коли основная их работа выполнена, то у них есть полное право уделить внимание множеству второстепенных проектов, которые уже давно беспокоили их неуёмное воображение.

По заданию вечно занятого более важными делами профессора Зевса и своего непосредственного надсмотрщика доктора Гефеста, Фобос и Деймос занялись разработками всевозможных инструментов, которым предстояло сыграть огромную роль в дальнейшем развитии человеческой цивилизации. Кузнечных дел мастер передал им несколько учеников, которых неугомонные братья немедленно принялись натаскивать в законах механики и применению этих самых законов на деле.

Первым продуктом общения изобретателей с учениками стал знаменитый автоматон Филона Византийского, который был сконструирован самим механиком – и успешно прошёл испытания. Произошло это в силу того, что знаменитый грек, побывав в лаборатории близнецов, был несказанно очарован их собственным созданием – роботом-логиком, которого Фобос и Деймос собрали в качестве своей первой курсовой работы несколько миллиардов лет назад, и ныне таскали с собой, как воспоминание о весёлой студенческой жизни. Конечно, выдающийся эллинский инженер и конструктор не мог понять всех тонкостей функциональности биомеханического существа, однако решил придать ему человеческую форму и снабдить единственным назначением: изобретение было призвано смешивать вино с водой, поскольку сам Филон, достаточно мало употребляющий, бесконечно жаждал уберечь соотечественников от чрезмерного увлечения алкогольной продукцией торгового дома «Лавка Диониса».

- Вот! – гордо сказал мастер после демонстрации своего творения. – Теперь вся Эллада может употреблять, так сказать, не злоупотребляя!

- А на фига этот автоматон вообще сдался?! – неодобрительно покачал головой доктор Дионис, также получивший приглашение на презентацию невиданного доселе механического устройства. – Мои напитки следует пить, не разбавляя водой...

- погоди, Дионис, сейчас в тебе говорит конкурент! – захихикал Фобос. – Подойди к этому с другой стороны: это же просто чудо древнегреческой робототехники!

- Как?! – воскликнул изумлённый инженер, обращаясь к химику. – Побойся Зевса, Дионис: ведь это именно он распорядился объявить пьянству бой! Потому я и возмечтал создать эту чудесную машину, - он погладил своё изобретение.

- Действительно, Дионис, умерь свои амбиции бизнесмена, навеянные тебе Пилотом, - поддержал брата Деймос. – Человек столько умения приложил, полезную вещь создал, а ты – рубишь сплеча! К тому же, Филон говорит неоспоримую истину: разве ты не знаешь, что сам Зевс издал указ о том, что благочестивые эллины просто обязаны разбавлять вино водой? Ныне это признак хорошего тона...

- Мы ведь не предлагаем установить автоматон в «Чертогах» Афины, дружище! – со смехом добавил Фобос. – А эллинам такая штука просто необходима позарез, иначе схронятся ещё до прихода римлян... Неужели не помнишь, как Аполлон пытался поднять интерес человечества к театру, в результате чего едва не спилась вся Эллада?!²⁷

- Да знаю, знаю, - сдался доктор химии, махнув рукой. – Думаете, я не в курсе? Нет, мне тоже приходится идти в ногу со временем, - он глубоко вздохнул. – Зевс пошёл на это после эротических экспериментов над атлантами и кое-каких моих заморочек... Я всё понимаю, друзья! – он осмотрел собравшихся – и решительно шагнул к Филону с улыбкой и с протянутой рукой. – Поздравляю тебя, мастер, как изобретатель изобретателя!

Со всех сторон загремели аплодисменты: смертный и бессмертный обнялись, после чего доктор Дионис впервые в жизни попробовал разбавленного водой вина. Чтобы почтенный механик не заметил того, как химик скривил лицо от дегустации, он успел деликатно повернуться к изобретателю спиной.

Весьма полезные инструменты были созданы другим учеником под руководством Фобоса и Деймоса – македонским учёным по имени Клеоменес, проживавшего прямо под Олимпом – который стал случайным свидетелем разговора близнецов с доктором Герой. Братья в сопровождении Клеоменеса явились на склад со списком какого-то недостающего для работы оборудования – и, на родственных правах, стали бесцеремонно клянчить у «бабушки» необходимые материалы. Эллин впервые увидел царицу олимпийцев со столь близкого расстояния, поэтому долго стеснялся, забившись в угол серверной и в общем диалоге не участвовал. Впрочем, завхоз, несмотря на попавшие о ней сведения в сокровищницу древнегреческой мифологии, и так довольно редко показывалась на людях, разве что того требовали установленные на базе обычаи: Олимпийские игры да выходы под руку с профессором Зевсом во время особо торжественных мероприятий.

- Слушайте, внучата, - отбивалась завхоз от наседавших на неё техников, - попрошу без излишеств! Я вам говорю на чистом древнегреческом языке: у меня не найдётся и половины того, что вы просите!

- Да как же так, родненькая?! – не отставал от женщины Фобос, окидывая взглядом из окна кабинета здоровенные, уходящие вдаль стеллажи. – Как же нам продолжать исследования?!

- Действительно, Гера, - вторил брату Деймос, бесцеремонно усаживаясь в одно из кресел перед столом потрясающей красоты «бабушки». – Вот, мы даже человека с собой привели, чтобы помог нам управиться с левитаторами! А ты заявляешь, что у тебя ничего нет...

- Половины, - уточнила завхоз, сдвигая диадему набок и поправляя роскошные волосы. – Смотрите сами: согласно базе данных, - она сверилась с монитором, - я могу выдать вам шесть «удлинителей», восемь «уменьшителей» и... два «расширителя». Но вот где я возьму для вас, мои ненаглядные, три «увеличителя», пять «распылителей» и шестнадцать – ого! –

²⁷ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

«ускорителей»? Убедитесь сами, - она демонстративно развернула экран к посетителям, - что в настоящее время на складе нет ничего подобного! Шестнадцать «ускорителей», это же надо!

- Куда же они делись? Кому могло понадобиться это барахло? – недоумевал Фобос.

- Аид его знает, вдруг Гефест прихватил для своих нужд? – предположил его брат. – Или Арес?

- Я, конечно, могу проверить, кто взял и когда, только на это уйдёт очень много времени, - отрезала доктор Гера. – Шестнадцать «ускорителей»! – повторила она через короткую паузу, покачивая головой. – Что вы задумали, друзья мои неугомонные? Надеюсь, в результате вашей очередной технической революции – или, вернее будет сказать, техногенной катастрофы – на «Олимпе» не начнётся извержение?!

Воцарилось молчание, во время которого собравшаяся в кабинете четвёрка была занята многозначительными переглядками.

- Что же нам делать? – сломленным голосом, наконец, спросил Деймос.

- Во-первых, запастись терпением. Во-вторых – ждать, пока затребованные вами материалы поступят на базу, - безапелляционно ответила экономист. – Будьте спокойны: то, что вы у меня попросили, я внесла в реестр на самую ближайшую поставку...

- Это же неизвестно сколько времени будет ухлопано! – не сдавался Фобос. – Вот что, Гера: делай, что хочешь, но без аппаратуры мы не уйдём!

- Фобос, да ты, наверное, рехнулся! Или окончательно оглох, - завхоз невозмутимо достала из ящика стола миниатюрную пудреницу. – Уж не предлагаешь ли ты мне взять – и прямо на твоих глазах родить все эти «ускорители» и прочую дребедень?!

- Родить?! – неожиданно донеслось из угла помещения. – Вот так чудеса!

Бессмертные разом прекратили спор – и, как по команде, повернулись на голос: Клеоменес больше не вжимался в стену, а стоял в нормальном положении; глаза его сияли – видимо, в предвкушении того чуда, возможность которого он только что предположил.

- Ну, конечно! – восхищённо продолжил эллин, подходя к столу и поочерёдно глядя в глаза каждому из присутствующих. – Именно родить! Это же элементарно!

- Что – элементарно?! – завхоз первой пришла в себя от неожиданного предложения македонца; тем временем потерявшие дар речи близнецы учащённо хлопали ресницами.

- Ведь ты – Гера, о величайшая из всех цариц! – учёный положил руку на сердце и глубоко поклонился доктору экономики. – Недаром тебя почитают за красоту, - он склонился в поклоне ещё раз, - и за мудрость, - эллин указал глазами на сервер базы данных, - но основная твоя прерогатива – это помощь роженицам во время их разрешения от бремени! Лишь тебе одной известны все тайны гинекологии; ты, о неизречаемая Гера, одновременно являешься и величайшей акушеркой, и бесподобной повитухой!

- Да хоть ты разорвись на части! – пробормотала завхоз, роняя пудреницу на пол и машинально садясь в первое подвернувшееся кресло. – Только пока не определилась, от чего именно: от слёз или от смеха...

- Ай да Клеоменес! – наконец подал голос Деймос, прикрывая лицо.

- Слышишь, Гера! – открыто рассмеялся Фобос. – Последуй мудрому совету нашего друга – и реши проблему!

- А что я сказал такого смешного?! – не понял правоверный эллин, воспитанный на давным-давно просочившихся в мифологию баснях. – Любому человеку известно, что Гера – величайший специалист в поднятом вами же вопросе; и, коли она в состоянии помочь при родах любой женщине, так неужели не в силах совершить хоть маленькое чудо для самой себя?! Впрочем, - он почесал макушку, - может, шестнадцать детей за раз – действительно многовато, даже для богини?! Прошу простить меня, если вы находите, что моя просьба по каким-то причинам невыполнима!.. – и Клеоменес с достоинством поклонился в сторону бессмертных, после его речи превратившихся в статуи.

Мгновение спустя помещение задрожало от хохота; учёный, видимо, ожидал чего угодно, но только не такой бурной реакции «богов». Он даже невольно сторбился под накрытым

его звуковым ураганом; даже на некоторое время зажмурился, успев заметить, как бессильно рухнул в кресло Фобос... Буйство создателей продолжалось несколько минут без перерыва, пока, наконец, все трое не начали задыхаться; это, пожалуй, и спасло недоумевающего эллина от полной глухоты.

- Причины, по которым великая Гера не может исполнить просьбы Клеоменеса, чисто технические! – всё ещё надрываясь от смеха, выдал Фобос. – Шестнадцать «ускорителей»!..

- Нет, всё же лучше посмеяться, чем поплакать, - произнесла, наконец, завхоз, диадема которой едва не падала с головы. – Как же я забыла ваши родные сказочки о самой себе! Ребята, ведь я действительно засветилась среди эллинов как первая помощница роженицам!

- Очешуешь! – вторил «бабушке» Деймос. – Как было бы славно, если Гера оказалась бы способной на подобное чудо! Нам не пришлось бы забрасывать работу на полпути!

- Это же народная литература, наша национальная мифология! – воскликнул механик, возмущённо воздевая обе руки к потолку. – Нельзя же относиться к ней со смехом и хохотом!

- Верно, - сказала доктор Гера, поправляя диадему и поднимая оброненную пудреницу. – Был бы здесь Зевс, он сказал бы: «Страх и ужас!»... Открою тебе тайну, уважаемый мастер: я никогда не принимала родов! Всё это выдумки ваших мифотворцев!

- То есть, как это – не принимала?! – не понял тот. – А как же неоспоримые свидетельства моих предков?!

- Пол обола цена всем этим свидетельствам, - нравоучительно произнёс Фобос. – Как и ещё пол обола за то, что я и мой близнец – «страх» и «ужас»! Твои пращурь не поняли ситуации, в которой случайно оказались – и, в силу специфики некоторых речевых оборотов – сделали неправильные выводы... Ну и, соответственно, позже наворотили об этом мифов...

- Именно, дорогой Клеоменес! – подтвердила завхоз. – Ко мне, вот в этот кабинет, - она обвела рукой своё рабочее помещение, - постоянно являются олимпийцы с просьбой, как ты говоришь, родить им те или иные, необходимые для работы, предметы. Фигурально выражаясь, я действительно обязана им «рожать» просимое, посылая запросы, отписываясь невероятным количеством отчётов и тому подобной бюрократией...

- Она права, дружище! – с улыбкой поддакнул экономисту Деймос. – Гера заботится обо всём Олимпе – и тем самым о людях, которые пользуются благами разработанных на его вершине изобретений и открытий, но к прямому пониманию сложностей её профессии приём родов не имеет ни малейшего отношения!

- Ещё бы! – воскликнула женщина, гордо поднимая свою царственную голову. – Я вам тут на всю базу рожаю! Склады «Олимпа» – вот моё родильное отделение!

- Ах, как это печально! – с глубоким вздохом резюмировал знаменитый механик, когда более-менее переварил услышанное. – А я-то как раз хотел попросить владычицу Олимпа о помощи! Отчасти для того и вызвался сходить с вами, о могучие Фобос и Деймос, чтобы умолить Геру о милости...

- О какой-токой милости? – подозрительно покосилась на эллина завхоз.

- Дело в том, что у меня жена на сносях, - признался Клеоменес, опуская глаза. – Вот я и подумал, что, раз мне выпала великая честь обучаться у твоих знаменитых внуков технической науке, то, возможно, ты не откажешь мне – и примешь роды у моей Елены... Она неважно себя чувствует, жалуется на боли – и очень надеется на твою помощь! – мастер умолк, сделал шаг назад – и, как показалось бессмертным, вновь совершил попытку слиться с углом, из которого появился со своим внезапным предложением.

Бессмертные переглянулись.

- Где ты живёшь, Клеоменес? – спросила доктор Гера.

- Здешний я, из Диона, - с поклоном ответил тот.

- Что же, - завхоз поглядела на монитор. – Есть у меня одна задумка... Фобос, Деймос, оставим ненадолго нашего знакомого, - обратилась она к близнецам, указывая глазами в направлении складов. – Пойдёмте-ка со мной!

Несколько минут почтенному мастеру пришлось побыть в одиночестве; правда, он и этого времени не потерял даром, отчаянно напрягая мозги в попытке въехать в работу серверного

комплекса базы. За этим любопытного эллина и застали вернувшееся в кабинет бессмертные; Деймос, вошедший в помещение последним, держал в руках небольшой свёрток.

- Итак, можешь смело отправляться к жене, Клеоменес! – улыбнулась доктор Гера. – Хотя ты и неверно представлял себе мои настоящие обязанности, всё равно не хочу оставлять тебя на основании этого без подарка!

- Моя благодарность к тебе не имеет границ, о вездесущая! – поклонился ей эллин.

- Сейчас мы отправимся в лабораторию, где нам с Фобосом надо будет кое-что сделать, - сказал ему Деймос, прижимая к груди свёрток. – А после сразу же отправимся к тебе домой – и поможем Елене родить чудесного малыша!

- Только умоляю вас ничего не напутать, слышите? – завхоз подозрительно посмотрела на братьев. – Произведите модификацию именно по моему чертежу, понятно?

- Да чего там непонятного? – хлопнул в ладоши Фобос. – Всё будет в наилучшем виде, дорогая бабуся! Деймос, Клеоменес, пойдёмте! – обратился он к спутникам; у самых дверей глянул на доктора экономических наук. – А с тебя – к нашему следующему здесь появлению – шестнадцать «ускорителей» и всё остальное!

- Да уж идите, идите! – махнула рукой женщина, садясь в рабочее кресло и уже в который раз открывая пудреницу.

Братья совсем недолго задержались в Технической лаборатории. В принесённом Деймосом свёртке оказалось несколько странных металлических приборов, назначение которых македонский механик мог только предполагать; особенно его заинтересовали щипцеобразные захваты с длинными деревянными рукоятками.

- Разделим работу, Деймос, следовательно, затратим на неё меньше времени, - сказал его близнец, запуская какой-то аппарат, прозрачная камера которого мгновенно наполнилась странным свечением изнутри. – Ты сними с конструкции ненужные дополнения, а я модифицирую прибор для новых нужд...

- Хорошо! – ответил тот, принимаясь за дело. – А всё-таки хитра же наша Гера, ой хитра! Мне никогда не пришло бы в голову переделать двухполюсный конденсатор в простейший медицинский прибор! А тебе?

- Даже при всём моём воображении! – отозвался тот. – Видишь ли, это потому, что мы с тобой – новаторы, всегда идём от простого к сложному, тогда как воображение Геры обуславливает его производительность в совершенно противоположном направлении... Прими во внимание немаловажный фактор: на Земле её воображение – женское! Следовательно, она может руководствоваться только женской практичностью, которая любое сложное разом превратит в элементарное; однако, это элементарное, несомненно, будет работать!

- Кто бы сомневался! – кивнул, соглашаясь с братом, Деймос, ловко орудуя лазерной отвёрткой. – Уже не помню, кто именно – то ли Гефест, то ли Арес – рассказывали мне о некой элинке, догадавшейся переделать его персональный многоантенный радиолокатор в обыкновенную расчёску для волос! Она ещё и пользовалась им, как шикарным гребнем, на зависть подруг!.. Представляешь, сколько на это требуется воображения, а главное – как ты совершенно верно подметил – именно женского образа мышления?!

- О чём это вы, мои любимые учителя? – встрял в разговор механик. – Предмет вашей дискуссии настолько заинтересовал меня...

- Да это мы так развлекаемся, Клеоменес! – неопределённо ответил Фобос, помещая прибор в модулятор – и мгновением позже достал из камеры его почти неузнаваемую модификацию. Затем он с улыбкой передал предмет ученику. – Это и есть подарок вездесущей Геры – ведь именно так ты назвал её? Словом, отныне помощь царицы Олимпа всегда будет незримо присутствовать в этом изобретении...

- Что это?! – с нескрываемым любопытством спросил эллин, принимая и внимательно рассматривая невиданную доселе штуковину.

- Вагинальные расширители, - небрежно ответил Фобос. – Вот теперь мы можем идти к тебе домой, дружище! Роды у твоей жены могут начаться в любое мгновение, поэтому нам лучше не опаздывать...

- Так-так! – мастер повертел инструмент ещё немного. – И как же это чудо работает?

- Погоди: придём к тебе – и увидишь своими глазами! – заверил его Деймос. – А чтобы не тратить время на путешествие в Дион пешком, предлагаю воспользоваться одним из малогабаритных катеров папочки-Ареса!

- А вдруг получим по шее? – шёпотом произнёс Деймос. – Ты же знаешь, как он ревностно относится к принадлежащей ему собственности!

- Ничего, мне можно! – мгновенно нашёлся Фобос. – У меня даже есть лицензия на вождение лёгких воздушных машин! Как-никак, я – возничий Эриды! – с гордостью добавил он. – А не какой-нибудь обыкновенный конь! – и едва уклонился от подзатыльника, которым норовил угостить его вспыльчивый братец.

- От коня слышу...

Незачем описывать их дорогу в дом македонского изобретателя и процесс родов его жены; стоит лишь отметить, что в этот день Елена родила прекрасную девочку, а человечество получило в подарок – через Клеоменеса – великолепное изобретение доктора Геры. Кстати говоря, вагинальные расширители, производство которых мастер поставил на поток, принесли доктору экономики ещё большую славу и почитание – особенно, среди эллинок, готовящимся стать или уже ставшими матерями.

- Ну, вездесущая Гера, незримо пребывающая в вагинальных расширителях! – прикалывались над ней «внуки», частенько навещаясь на склад за нужными материалами и напоминая об истории с Клеоменесом. – Сколько ты сегодня родила «ускорителей»?! А сколько приняла родов у эллинских мамочек?!

- Отвалите, несносные мои козлики! – шутливо насупившись, отвечала в таких случаях завхоз. – Ой, простите: мне надо было сказать – несносные мои жеребята?!

Несомненно, одно из самых повседневных и прочно укоренившихся в жизни людей механических изобретений братья-приколисты совершили, как и положено, абсолютно случайно: как это часто бывает, саму мысль им невольно подбросил некто из эллинских гоплитов.

В те смутные времена древнегреческие метрополии сталкивались не только меж собой, что, кстати, имело место довольно часто, но порознь или заключая временные союзы, бились против многочисленных внешних врагов, главным из которых, естественно была могучая Персидская держава. Доктор Афина, в целях полноты исследований указанного отрезка эллинской истории, неизменно отправляла своего друга Ареса на поля сражений, чтобы с предельной точностью фиксировать детали битв. «Владыка кровопролитий» иногда брал с собой Фобоса и Деймоса, чтобы те помогали ему своевременно управляться с аудио и видео аппаратурой, материалы с которой попадали прямо на рабочий стол доктора истории. Воины, видевшие Ареса с близнецами, появляющихся над полем брани на воздушных кораблях, немедленно заключали, что сегодня столкновение с персами должно быть особенно жестоким, раз уж немилосердный «бог войны» явился в компании «Страха» и «Ужаса». Вполне допустимо, что после подобных возникновений близнецов над сражающимися они и получили прозвища «коней Ареса».

Словом, после одного из поражений эллинского войска, когда бежавшие от медлительных и празднующих победу персов его остатки закрепились на ночлег, спустившимся к людям для выяснения кое-каких деталей сражения «богам» пришлось выслушать массу упреков разгневанных воинов разного ранга. Люди обвиняли своих «олимпийских союзников» в невнимании и в неумении оказать своевременную поддержку своим армиям; надо сказать, что солдаты иногда переходили рамки допустимых к «богам» обращений, а потому высказывались довольно неприлично:

- Арес, похоже, сегодня созерцал побоище с завязанными глазами и ушами!.. (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение)

- И не говори: видимо, пока мы истекали кровью, Фобос и Деймос (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение) развлекали своего папочку анекдотами!.. (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение)

- Арес (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение) вообще рухнул с лошади (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение)... Правильнее сказать: с двух своих коней – Фобоса и Деймоса, которые (далее – непечатное, но весьма колоритное выражение)... вовсе не кони, а самые настоящие козлы!

«Богам» ничего не оставалось делать, как ожидать, пока воины не придут в себя – и не перестанут поносить ни в чём не виноватых олимпийцев. Конфликт в скором времени был погашен, причём, исключительно благодаря Аресу, который недаром обучался искусству тонкой дипломатии у докторов Афины и Гермеса. Фобос и Деймос тем временем просто отошли в сторонку, предоставив коллеге-технику разбираться с удручёнными поражением воинами.

- Идём, прогуляемся! – пригласил Фобос брата, указывая рукой в сторону небольшого пригорка. – Позволь папаше самому выяснить отношения с людьми: у него в этом деле большой опыт!

- Действительно, пусть солдаты выпустят пар, их состояние вполне понятно! – ответил Деймос. – Однако, какая неслыханная наглость: во всех своих бедах видеть наш с тобой злой умысел! Да ещё и поливать нас, без вины виноватых, такими эпитетами!

- Наглость? – переспросил брат. – Да, пожалуй... Но в гораздо большей степени – их потрясающее невежество!

Близнецы с минуту шли молча, осматривая спящих вокруг них по своим делам воинов. Вдруг Фобос замер на месте:

- Как ты сказал, Деймос?! «Пусть солдаты выпустят пар»?!

- Ну да, что-то в этом роде... И что негоже им, простым смертным, поливать нас, своих создателей, такими...

- Точно! – воскликнул Фобос, глаза которого были устремлены на здоровенного гоплита, который, отдалившись от товарищей и раздевшись донага, обливал себя водой из широкого круглого гоплона, черпая воду прямо из протекавшего мимо ручья. – Точно, Деймос! Что надо сделать, чтобы человек выпустил пар?

- Ему необходимо остыть! – близнец проследил за направлением взгляда Фобоса.

- Правильно! А что, в свою очередь, нужно для этого? Хорошее обливание! – продолжал брат.

- Ну, допустим, я это знаю – и сейчас наблюдаю не хуже тебя! – Деймос кивнул в сторону принимающего водные процедуры воина. – Восстановление общего тонуса, определённая релаксация, создаваемая контрастом...

- Вот! – Фобос поднял указательный палец вверх. – Именно об этом я и говорю, дружище! Надо помочь нашим эллинам восстановиться и отдохнуть! Не то их вскоре настигнут персы – и тупо задавят численностью...

- Если ты плохо ориентируешься в древнегреческой истории, основам которой нас когда-то с таким усердием тренировала Афина, то мне ничего не стоит напомнить тебе о том, что Персия сначала оккупирует Элладу, что, собственно, и приведёт к освободительным войнам, которые будут продолжаться с перерывами более полувека, - назидательно сказал Деймос. – В конечном итоге, конечно, эллины обретут независимость – и государство вступит в эпоху небывалого процветания... Но до этих времён из окружающих нас воинов, увы, доживут немногие...

- Ну, так или иначе, эллины себя ещё покажут! Несмотря на количественное превосходство противника, кстати, что делает им честь как великолепным стратегам и тактикам!

- Ещё бы: ведь сама Афина их дрессировала в упомянутых дисциплинах! Ты прав: эллинские военные формирования многократно уступают персидским! Например, только во время Второй греко-персидской войны эллины выставили около 230000 воинов, тогда как армия Ксеркса Первого насчитывала 1700000 пеших воинов, 80000 всадников, 1200

больших кораблей и 3000 малых. Почувствуй, что называется, разницу... Не веришь мне – спроси у нашего общего знакомого Геродота...

- Ладно, ты мне зубы не заговаривай! – прервал брата Фобос. – Меня посетила маленькая идея...

- Что такое? – мгновенно любопытствовал Деймос.

- Почему бы нам по случаю не осчастливить человечество некой необходимой штучкой, одинаково полезной как в мирное, так и в военное время? – загадочно произнёс его брат – и принялся что-то шептать ему на ухо.

Деймос, выслушав его, закивал головой и несколько раз хлопнул в ладоши:

- Слушай, Фобос, а ведь это очень даже неплохая мыслишка! Просто у нас на борту нет подходящих для её воплощения материалов...

- Да ладно тебе! Нет на борту – отыщем на земле! – и Фобос указал на плескавшегося в воде гоплита. – Попробуем на время одолжить у него щит!

И весельчаки бесцеремонно приблизились к воину, который заканчивал полезный во всех своих отношениях ритуал. Гоплит, окинув пришедших ничего не выражающим взглядом, принялся одеваться.

- Хайре, дружище! – обратился к нему Деймос. – Как водичка?

- Мокрая, - ответил тот, вытряхивая остатки воды из ушей. – Поздновато же вы сегодня явились, господа: мы от персов едва ноги унесли!

- Не кручинься, дорогой друг: будет ещё на эллинских улицах праздник! – подбодрил его Фобос. – Проиграть бой не значит проиграть войну... Ну, или что-то в таком духе...

- Слушай, приятель, - продолжил Деймос, поглядывая на щит. – Не мог бы ты на время одолжить нам с братом свой гоплон?

- На кой он вам сдался? – любезно поинтересовался воин. – Хотите, что ли, оказаться среди нас, простых смертных? Может, даже повести нас против персов?

- Мы – нет, - тактично ответил Фобос. – Если хочешь, спроси об этом у самого Ареса: это, как-никак, его прямая – навязанная вами же – обязанность...

- Его мы уже неоднократно просили, - махнул рукой гоплит. – Опять найдёт какую-нибудь причину – и отмажется... К Афине, что ли, обратиться?

- Попробуй! Могу специально для тебя включить с ней громкую связь! – хихикнул Деймос.

- Так, ребята: вы с персами разбирайтесь без нашей помощи, - отрезал Фобос. – Мы, как поётся в одной песне, мирные люди, но наш бронепоезд... то есть, «боги»...

- Что-то мне не приходилось о такой песне слышать, - пожал плечами эллин, поднимая с земли доспехи и опоясываясь мечом.

- Ладно, не бери в голову – это совсем из другой оперы... Гоплон-то одолжи!

- Бери, но только с возвратом! – гоплит протянул ему просимый предмет. – Если потеряешь, мне хана: свои же освищают, как труса, потерявшего вооружение!

- Да, да, знаем: со щитом или на щите! – продолжал демонстрировать свои обширные исторические познания Деймос. – Не беспокойся, храбрец: тебя не станут ругать начальство или презирать товарищи! Вернём через пять минут!

Действительно, в указанное время гоплит получил собственность назад, а братья занялись работой: они замерили параметры и материалы гоплон, введя данные в «овеществитель». Получив две идентичные копии щита, близнецы аккуратно пробили несколько десятков отверстий в одном из них, а в другом – только одно, в которое ввели свинцовую трубку; после этого они прочно соединили оба щита краями. Дело оставалось за примитивнейшим насосом, но в этот момент на борту появился Арес.

- Чем заняты мои коллеги, пока я веду словесные баталии? – он присмотрелся к предмету, над которым корпели близнецы – и схватился руками за голову. – Эй, ребята! Уж не душевую ли кабинку вы создаёте?!

- Кабинку, не кабинку, но душ-то нашим эллинам не помешает! – залихватски ответил Фобос, взясь с регулировкой поршня. – Сам понимаешь: война, не война, а мыться всё-таки гораздо лучше с удобствами!

- Да я не против, - старший техник нагнулся над Фобосом. – Душу, кстати сказать, появится самое время... Но это что?! – он указал на поршневого насос. – Вы что, не в курсе, что эта штука будет изобретена Ксетибием только через сотню с лишним лет?! Афина вам за подобную самоволку головы снимает!

- Ничего, с Афиной мы договоримся! – улыбнулся Деймос. – Всё равно авторские права на него достанутся упомянутому тобой великому механику, мы на открытие не претендуем... В своё время мы подкинем ему не только идею, как усовершенствовать насос, но и надоумим, как изобрести гидравлос и прочие весьма полезные вещицы! И вообще: именно Ксетибия история наречёт «отцом пневматики»!

- Подумаешь, сто лет в одну или в другую сторону! Лучше помоги нам вытащить конструкцию и установить возле ручья! – улыбнулся Фобос, завершая работу над установкой. – И не одолжишь ли ты столь доблестно сражающейся эллинской армии парочку небольших резервуаров?

Полчаса спустя остатки эллинской армии с удивлением присутствовали при испытаниях первого в мире душевого аппарата: презентацию изделия гордо вели близнецы. Польщённый вниманием братьев гоплит согласился выступить на подиуме в качестве модели.

- Итак, джентльмены, - начал демонстрацию устройства Фобос, - представляем вашему вниманию уникальную конструкцию: душ! Прост в обращении, в разобранном виде лёгок для транспортировки, удобен для использования! Путём недолгого подогрева одного из резервуаров на обыкновенном костре, вы получаете кипяток – осторожнее с ним, не обожгите ваших пальчиков! Однако, согласитесь: лучше тёпленькая водичка, чем холодрыга горных рек!

- Но это далеко не всё, господа, - подхватил Деймос. – Предлагаем смелым освободителям Эллады от персидских захватчиков новинку от Фобоса и Деймоса: контрастный душ! Употребление его хотя бы единожды в день – в идеале, конечно, трехкратный водный массаж весьма желателен – обеспечит вам отличное настроение, непоколебимый общий тонус и поспособствует поднятию боевого духа! Всего три минуты – и усталости как не бывало!

- Своеобразный допинг, товарищи! – сменил брата Фобос. – А разве допинг запрещён хоть в какой-нибудь армии, тем более, во время боевых действий?! Попросим же нашу модель продемонстрировать на себе чудеса этого изобретения!

С того дня ход войны, по непонятной для персов причине, неожиданно изменился в пользу противника: относительно небольшой по численности отряд эллинов, спасшийся в результате некогда разгромленного войска, совершал прямо-таки чудеса воинских подвигов. Он проводил внезапные серийные атаки – зачастую, с разных сторон – на регулярные персидские формирования, наносил непоправимый для неприятеля урон – и просто исчезал, будто растворившись в воздухе; неуловимость партизан отмечали многие, непосредственно пострадавшие при этом персы. В течение кратчайшего времени слухи о странном, неуловимом в сражениях и молниеносном в передвижении отряде, достигли ушей их соотечественников, которые воспаряли духом после поражения – и немедленно вливались в число неуловимых мстителей. Древнегреческое войско росло, как на дрожжах. Весь персидский Генеральный штаб ломал голову над подоплёкой неожиданного перелома в войне, но так и не смог придумать хоть что-нибудь вразумительное для объяснения военной хитрости, применённой против них эллинскими повстанцами.

Конечно, предложенная Фобосом и Деймосом новинка, как было сказано выше, не предназначалась исключительно для военных; возвращавшиеся домой ветераны обязательно старались произвести её аналог и в мирных условиях, поскольку за время военных действий привыкли постоянно чувствовать себя бодрячком. Мирное гражданское население немедленно оценило по достоинству одновременно приятное и полезное нововведение; даже персы, постоянно видя у себя под носом эллинский секрет множества успехов, не потрудились поначалу уделить ему должного внимания. Когда же они начали

что-то подозревать, раскрытие вражеских тайн более не имело никакого значения: битва при Платеях была уже давно и бесповоротно проиграна неприятелем, а последовавший затем «Каллиев мир» положил конец кровопролитным войнам между двумя сверхдержавами.

Несомненно, что Фобос и Деймос оказали немало случайных услуг человечеству, многие из которых так и не станут достоянием ни исторических свидетельств, ни даже мифологии; тем не менее, кое-какие факты их угарного любопытства и фанатичной любви ко всему техническому нашли своё отражение в истории самих бессмертных. И если из засекреченных архивов МАИ в открытый доступ хоть когда-нибудь попадёт следующий документ, оригинал которого при невыясненных обстоятельствах исчез из миникомпьютера создавшего его автора, то братья, поистине, вряд ли смогут продолжать славословия своему необыкновенному везению.²⁸

Речь идёт об отчёте доктора Гипноса, который в течение долгого времени занимался исследованием – и самым настоящим расследованием – необъяснимой вспышки бессонницы, резвившейся у всего персонала базы «Олимп», к которой благочестивые близнецы и были приписаны. Известно, что сам доктор оказался единственным существом, на которого эпидемия никак не повлияла: его организм не был подвержен ни одному из симптомов, в той или иной мере проявившихся у остального персонала базы.

В ходе расследования доктор установил, что причиной массовой бессонницы сотрудников «Олимпа» стала новейшая виртуальная игра «К Барьеру!», поступившая в широкое тиражирование крупным гейм-концерном, обслуживающего потребителей во всех уголках Вселенной. Нелишним будет напомнить, что при создании игры разработчики активно использовали труды сновидческих исследований самого доктора Гипноса, невольно положившего начало новой серии масс-медийных развлечений.

В отчёте было отмечено, что ведущий следствие по делу всеобщей бессонницы Гипнос сперва предположил наличие в игре каких-то досадных неисправностей, вкравшихся в процесс по вине его собственных расчётов, либо это являлось упущением создателей левел-дизайна. Проведя немалое время над неоднократными проверками и перепроверками своих выкладок, доктор убедился, что ему не в чем обвинить собственные наработки: созданная им «Лестница Гипноса» превосходно работала на практике. И, поскольку в её бесспорной функциональности не было обнаружено никаких изъянов, доктору альтернативной медицины пришлось консультироваться со специалистами на предмет косяков самой игры. И хоть причина странных сбоев «К Барьеру!» так и осталась до конца не разъяснённой, Гипнос подозревал, что к этому каким-то непонятным образом приложили свою длань любители весёлых приключений Фобос и Деймос. Подобная подозрительность доктора основывалась на косвенном факте того, что новая игра была доставлена на базу в тот же день, когда близнецы вернулись на «Олимп» из «Гартара» после ротации технического персонала; это подтверждалось расписанием нахождения сотрудников на каждой из баз с одной стороны, и подробными учётными записями завхоза «Олимпа» доктора Геры, касательно получения нового товара – с другой.

Доктор, вызвавший к себе братьев для выяснения обстоятельств невесть откуда возникших в игре помех, которые в итоге сказались на общем физическом состоянии всех олимпийцев, так и не получил от них внятного ответа; Фобос и Деймос, повозившись с несколькими носителями «К Барьеру!» и разобрав их на части, не дали ему никакого более-менее приемлемого объяснения, раскрывающего причину внезапно возникшей эпидемии. Впрочем, в самом скором времени недуг сотрудников был побеждён доктором – и тот успел на какой-то срок позабыть о своих подозрениях, занявшись иными важными делами. Однако позже, в одном из ничего не значащих разговоров с братьями, доктор Гипнос неожиданно вспомнил о незаконченном деле – и как следует прижал Фобоса и Деймоса к

²⁸ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

стене, требуя чёткого ответа на некогда поставленный вопрос. Видя, сколь явно они пытаются уйти от навязанной им беседы, норовя перевести диалог в иную плоскость или даже вообще его прекратить, альтернативщик уверился в том, что, наконец, напал на зыбкий след, ведущий к тайне откуда ни возьмись посетившего базу массового заболевания.

Как техники не выкручивались, но под лёгким гипнотическим давлением доктора им пришлось-таки сказать правду. В результате пристрастного допроса выяснилось, что близнецы имели самое прямое отношение и к виртуальным неполадкам игры, и, соответственно, к появлению странной патологии у всех, к ней прикоснувшихся.

После бурных препирательств и переведения стрелок друг на друга, братья, окончательно запутавшись в противоречивых показаниях, поведали следователю, что же случилось в тот день, когда они вернулись на «Олимп» – и, посетив «бабушку», обнаружили на складе только что прибывшую партию пресловутой игры.

- Ба-а-а, да ты только посмотри, Деймос! – воскликнул Фобос, распаковав один из комплектов нового развлечения и протягивая миникомпьютер брату. – Это и есть та самая вещь – «К Барьеру»!

- Я в курсе, - ответил Деймос, неизменно просматривавший последние новости мира компьютерных игр.

- Блин, в последнее время всё геймерское сообщество только и занято её обсуждением! – добавил Фобос, с восхищением поглаживая аппарат.

- Ладно, пошли! – оборвал брата Деймос. – Мне просто не терпится опробовать это гипносово изобретение!

Игрушка была определённо хороша, братья сошлись на этом буквально после пары часов её тестирования; однако, для столь закалённых и выдавших виды гейм-дизайнеров даже в ней оказались досадные недочёты, которых, впрочем, вполне можно было избежать.

- Приложи разработчики немного больше фантазии, «К Барьеру!» могла претендовать на звание «Игры Вечности»! – сокрушался Фобос. – Ну, вроде всё замечательно: геймплей великолепен, графика – просто отвал башки, уровни сбалансированы... Пожалуй, если бы не толпа маньяков с топорами из двести сорок шестого левела, я наградил бы игрушку всеми известными наградами в области виртуальных достижений! Дабл-бластер – штука просто изумительная!

- Тебе достался шутер от первого лица, - догадался Деймос. – Мне же перепала пошаговая стратегия в реальном забарьерном времени... Очень, очень прилично: многочисленные миссии, умопомрачительные квесты, но... Понимаешь, из уровня в уровень повторяется строительство практически идентичного замка – согласишься, что это также скучновато, как и его практически идентичная оборона от практически идентичных врагов... А если принять во внимание реальное сновидческое время, то после первой сотни уровней геймплей, мягко говоря, несколько приедается... Больше у меня нет никаких претензий.

Повисло неловкое молчание, продолжавшееся около полминуты; близнецы многозначительно поглядывали друг на друга, однако никто не решался заговорить первым. Наконец, Фобос зажмурился – и рубанул рукой по воздуху:

- Знаешь, что, близняшка? Я думаю, что нельзя дать пропасть столь классной идее Гипноса...

- А также множества разработчиков, вложивших в неё несомненный талант и время, - с плутовским взглядом поддакнул ему брат.

- Я думаю привнести в «К Барьеру!» некоторое жанровое разнообразие, поскольку дизайнеры не совсем учли особенности мультиплеера...

- А я добавлю опцию мануальной модификации по желанию игрока...

- К тому же, следует перенастроить некоторые графические возможности игрушки: на мой взгляд, на это затрачивается непозволительное количество компьютерных ресурсов...

- Да и где отлаженные аудио эффекты?! Иногда звук просто пропадает... Придётся заняться и этим...

- Не забудь, нужны будут принципиально новые дизайнерские решения...
  - Не беспокойся, я собственноручно займусь маппингом, всё будет выполнено на высшем уровне!
  - И куда смотрели разработы, тестируя физику движка?! Я, конечно, понимаю, что во снах она подчиняется несколько иным законам, но...
  - Вот-вот: устаревшую видеокарту, столь поспешно предложенную гейм-концерном, необходимо заменить более надёжной – и проблемы закончатся...
  - А если нас застукает Гипнос – и скажет, что мы вольно обращаемся с его авторскими правами? – у Фобоса в последний раз внезапно включился предупреждающий сигнал тревоги.
  - Не скажет – и, знаешь, почему? – резонно возразил на это брат. – Потому, что он никогда не будет играть в собой же придуманные игры! Ему этот Барьер и так стоит поперёк горла... Именно в последнем и крылась причина полнейшей неуязвимости самого доктора к поразившей базу бессоннице. Расчёт Деймоса оказался безупречным: врач настолько был погружён в исследования сновидений, что ему и в голову не пришло бы превращать их огромное поле в мелкую игровую площадку.
- Далее, насколько понял доктор Гипнос из показаний близнецов, последние и камня на камне не оставили от достоинств продукта, коим только час назад всецело восхищались. Втайне от остальных, они, по своей неизрекаемой доброте, решили сделать подарок – поначалу пусть не для вселенского геймерского сообщества, но хотя бы для коллег-олимпийцев: усовершенствовать игру настолько, насколько они лишь мыслили себе возможным.
- И работа закипела. Побив все существующие рекорды на скорость, Фобос и Деймос в течение одной ночи перепрограммировали и настолько модифицировали всю серию поступившей на склад «Олимпа» продукции, что ни один из разработчиков после подобного технического вмешательства ни за что не узнал бы в ней собственного, созданного его руками, детища. Однако, чтобы приспособить «К Барьеру!» под каждого индивидуального пользователя, братьям пришлось пуститься на невиданную доселе авантюру: взломать сновидческую базу данных самого доктора Гипноса, выбрав из её каталога личные файлы сновидений всех сотрудников базы!
- Офигеть! – присвистнул следователь после вытянутого из близнецов признания. – То есть, вы хотите сказать, что незаконно получили доступ к сновидениям коллег?! Без их на то разрешения?!
  - Мы же не использовали полученную информацию в личных целях, Гипнос! – оправдывались близнецы. – Просто сделали их сны более реалистичными – и усовершенствовали параметры игры... Ты же сам знаешь, как тяжело их было оттащить после этого от геймплея!
  - Вот именно, что знаю! – усмехнулся доктор. – После вашего поступка – возможно, даже имеющего определённую ценность с научной и технической точки зрения – у меня во врачебном кабинете не было возможности протолкнуться от наплыва пациентов! Эх вы, хакеры!.. Я понял: вместе с модификацией и заменой программы, используя вашу терминологию, в игру попал крайне вредоносный вирус, спустя ничтожное время атаковавший сновидения пользователей... Вам неведомо, други мои, какую работу мне пришлось проделать, чтобы очистить забарьерное пространство несчастных пациентов!
  - Прости нас, Гипнос! – умолял его Деймос. – Такого больше никогда не повторится!
  - Клянёмся! – вторил ему брат. – Хочешь мы попросим прощения у всех пострадавших?
  - А вот этого, поверьте мне, лучше не делать! – поразмыслив над ситуацией, сказал доктор медицины. – Вы что, хотите прослыть любителями подглядывания в замочную скважину?!
  - Вообще-то, нет... – хором ответили Фобос и Деймос, изобразив на лицах предельное раскаяние. – Помогите нам выбраться из положения: ты же всех вылечил... И нас в том числе...

- Ладно, други мои, я вас не выдам! – кивнул доктор Гипнос, мысленно прикинув возможные выгоды от подобной сделки с близнецами. – Однако, с этой минуты вы будете мне должны...

- Несомненно, Гипнос! – подтвердил Деймос. – Хочешь, мы до завершения «Проекта Земля» будем проставляться тебе в «Чертогах» Афины?!

- Можем переговорить с Пилотом, чтобы подогнал тебе контрабандную аппаратуру, а мы оплатим её стоимость из своего кармана! – заманчиво зашептал Фобос.

- Погодите, погодите! – улыбнулся следователь по особо важным олимпийским делам. – Позвольте мне самому решать, когда и чем именно снять с вас упомянутые только что долги... – он внезапно посерьёзней и понизил голос. – Вот что... э-э-э... Не то, чтобы это было мне особо интересно, однако... – глаза доктора внезапно заискрились. – Слушайте, а что снится Зевсу?

Братья, довольные мигом назад заключённой с собеседником сделкой, удивлённо переглянулись.

- Неужели тебе самому это неизвестно, Гипнос? – настороженно поинтересовался Фобос. – Я полагал, что это у тебя отражено в личном деле профессора...

- Странно, – согласился с братом Деймос. – Ты что, хочешь нас на чём-нибудь подловить? После нашего тайного соглашения это не совсем порядочно, Гипнос!

- Да нет, дело совсем в другом! – успокоил их повелитель сновидений. – Понимаете ли, какая штука: Зевс кое-чему у меня научился, когда я, по просьбе доктора Геры, проворачивал с ним некоторые... скажем, проекты...

- Не те ли, извини, «проекты», когда Гера преследовала Геракла?! – усмехнулся Деймос, в очередной раз показывая определённое знакомство с эллинской мифологией. – И когда та же Гера с твоей помощью организовала победу ахейцев над троянцами?!

- Весьма возможно, – уклончиво ответил доктор. – Однако, с тех пор Зевс получил реальную возможность блокировать от меня свои сновидения; то, что оседает в моём архиве, носит лишь их частичный, обрывочный характер... К тому же, Зевс изрядно поднаторел в запутывании и шифровании собственных грёз: вставляет в них образцы реального бытия, смешивает их во времени, придавая им несуществующую датировку и тому подобное... А поскольку вы делали «К Барьеру!» приспособленной для каждого пользователя индивидуально, то, несомненно, могли накопать что-нибудь побольше моего, не так ли? – он лукаво посмотрел на обоих техников. – Давайте, ребята, колитесь! Во что же играет наш профессор?

Фобос и Деймос замялись, уставившись в пол; тем не менее на их физиономиях явно читалось желание расхохотаться.

- Итак? – подбадривал близнецов альтернативщик-искуситель. – Думаете, я поведусь на то, что вы не хакнули одного из самых больших геймеров во Вселенной?! Судя по количеству его посещений, он, кстати, был одним из наиболее пострадавших от бессонницы...

- Ладно, Гипнос, только тебе, – начал Фобос.

- В рамках нашей исключительной дружбы, – подтвердил Деймос.

- И под большим секретом, – продолжил Фобос.

- Принимая во внимание только что заключённое соглашение, – добавил Деймос.

- Я понял вас. Не тяните кота за хвост, – Гипнос погрозил проказникам кулаком.

- Файтинг! – хором воскликнули братья – и прыснули со смеха.

- Что?! – выпучил глаза врач.

- Файтинг! – задыхаясь, повторил Фобос. – Зевс развлекается тем, что вызывает на бой без правил профессоров Посейдона или Аида, в зависимости от настроения...

- Да, и обычно это случается после их наиболее напряжённых совещаний! – вдогонку брату сообщил Деймос. – На такое посмотришь – и хоть ложись да помирай со смеха! Трое старых хрычей в разных весовых категориях тузят друг друга до полного изнеможения!

- Вот умора! – рассмеялся доктор Гипнос. – Файтинг!.. Кто бы мог подумать?! Такие интеллигентные, почтенные личности; гордость науки, в конце концов...

- Видел бы ты их своими глазами, особенно когда Зевс запускает режим нон-стоп мультиплеера! – обхохатывался Фобос. – На виртуальной арене происходят такие баталии, что я – даже обладая здоровьем доктора Геракла – вряд ли рассчитывал бы провести бой против Зевса в «ничью»!

Подводя черту под рассказанной историей, нельзя сказать, как, когда и чем братья-техники – согласно своему тайному договору – рассчитались с доктором Гипносом; на то, что подобных соглашений могло быть гораздо больше, косвенно указывает один из немногих известных случаев, когда доктор перенаправил одного из довольно знаменитых эллинов ни к кому-нибудь, а именно к Фобосу и Деймосу. Речь пойдёт не о чём другом, как об изобретении близнецами обыкновенного будильника.

Однажды к доктору обратился довольно странный посетитель, причём, просьба его, как нуждавшегося в медицинском совете, оказалась для Гипноса ещё более странной: почтенный афинянин просил повелителя сновидений о необыкновенной услуге, а именно – о сокращении его неумёмной потребности во сне.

- Прямо не знаю, что делать! – жаловался врачу пациент, нахмуривая свой широкий лоб. – Сплю, как убитый! И совершенно наплевать: ночью или днём...

- Прости, уважаемый, но ты лишь должен радоваться своему здоровому организму! – ответил удивлённый Гипнос. – Вот если ты пришёл бы ко мне с жалобой на бессонницу – совсем другое дело: в этом вопросе я – непревзойдённый специалист и был бы рад оказать тебе посильную помощь!

- Эх, как это прискорбно! – вздохнул посетитель, почёсывая свою длинную и широкую бороду. – У меня из-за этого глубокого сна одни неприятности...

- А как тебя зовут, почтеннейший? – спросил доктор, пытаясь перевести разговор на другую тему. – Может, трахнем по маленькой?

- Платон я, - ответил эллин, протирая глаза. – Да хоть по маленькой, хоть по большой – конец один: всё равно в сон потянет... Слушай, Гипнос, - вдруг добавил он, с надеждой взирая на доктора. – Знаешь, что? Нагони ты на меня эту самую бессонницу! Проблемы у меня от этого безмятежного младенческого сна! Постоянно просыпаю собственные лекции! Надо мной и коллеги, и студенты насмеются...

- Нет, Платон, я не стану этого делать! Ты – весьма уважаемая личность, в афинском ВУЗе преподаёшь... – мягко, но решительно ответил парамедик. – Я же врач, а не злодей! К тому же, если я тебя и послушаюсь – чем, кстати, нарушу клятву моего любимого Гиппократы – то ты сам в скором времени прибежишь ко мне с прямо противоположной просьбой: вылечить тебя от бессонницы! А оно нам обоим надо?!

Платон опустил взгляд себе под ноги, обдумывая сказанное доктором Гипносом.

- Значит, не поможешь? – обречённым голосом спросил он после непродолжительного молчания.

- Говоря откровенно, ума не приложу, как, - произнёс врач, пытаясь хоть что-нибудь придумать. Внезапно лицо его посветлело. – Погоди-ка, Платон! У меня есть прекрасные друзья – Фобос и Деймос. Слышал о таких?

- Конечно! Даже видеть приходилось, причём, неоднократно, - сказал эллин, закатывая глаза. – Когда они были в Афинах в компании Ареса, весь мой курс разбежался, а мне так хотелось с ними поговорить о неподвижном мире идей! Увы, так и не удалось...

- Отлично, я тебя познакомлю с ними прямо сейчас! – подмигнул собеседнику доктор Гипнос. – Они классные ребята – и вот тебе моё слово: они тебе обязательно помогут!

- Правда?! – обрадовался именитый гость, заёрзав от предвкушения подобной встречи на кушетке. – Было бы замечательно!

- Минуточку, дорогой, я только свяжусь с ними, - объявил покровитель визионеров – и вызвал близнецов в медицинский блок.

Фобос и Деймос, коротко переговорив с Гипносом, инкогнито отправились в Афины вместе с новым знакомым.

- Эх, друзья, я вас так приму! – обещал Платон по дороге. – Так угощу! Только, пожалуйста, придумайте что-нибудь от моей страшной – прости, Фобос!.. ужасной – и ты прости, Деймос!.. Словом, несносной сонливости!

- Ничего, мы не из обидчивых! Если Гипнос отказывается решить твою заботу медицинским путём, то мы обязательно найдём выход из положения – и справимся с ней путём техническим! – уверяли его братья. – Платон, ты, конечно, нам друг, но истина – где-то рядом!

Оказавшись в роскошном доме философа, братья внимательно осмотрели кабинет хозяина.

- Вы располагайтесь, дражайшие гости, а я тем временем позабочусь о закуске! – хлопотал Платон. – Сейчас же распоряджусь, чтобы рабы подали нам лучшее, что можно найти на афинских базарах! – и убежал строить свою прислугу.

- С чего начнём? – Фобос глянул на Деймоса.

- Как всегда: с подручных средств, - ответил тот, останавливая взгляд на большой клепсидре у одной из стен помещения. – И мне кажется, что я уже решил поставленную нам задачу... Ну-ка, братишка, доставай наши «осуществители» – и больше наш Платон не проспит ни единой лекции! – и, несмотря на то, что помимо них в комнате никого не было, что-то быстро зашептал Фобосу на ухо.

Вернувшийся к гостям хозяин долго рассматривал клепсидру, снабжённую в нижней части флейтой с одной стороны и тонкой медной пластиной с укреплённой на ней шарнирной деревянной вертушкой – с другой; из верхнего, наполненного водой резервуара, свисала свинцовая трубка.

- Что это такое, господа мои?! – удивился философ, непонимающе ощупывая странную конструкцию. – И что же вы сотворили с моими водяными часами?!

- Это, Платон, твоё спасение от слишком глубокого сна! – хитренько улыбнувшись, ответил Деймос. – Помоги нам перетащить часы в твою спальню!

С помощью хозяйских слуг модифицированную клепсидру доставили в покои философа, где она была размещена в нужной позиции рядом с его кроватью. Когда рабы покинули помещение, Платон продолжал взирать на близнецов, негласно требуя дальнейших объяснений.

- Теперь мы тебе продемонстрируем, как эта штука действует, - Фобос, выдержав интригующую паузу, решил, наконец, удовлетворить его любопытство. – Итак, тебе необходимо проснуться, допустим, через час или два, - техник указал философу на временные деления в нижней части сооружения. – Количество воды для этого ты можешь регулировать по собственному усмотрению, не так ли? Механическую функциональность клепсидры ты, несомненно, понимаешь и сам, тут нет ничего загадочного; однако, мы снабдили прибор флейтой, медным идиофоном – говоря проще, трещоткой – и дополнительным водоотводом. Для чего, спросишь ты? Мы ответим: для стопроцентной гарантии твоего полного пробуждения в определённое, тобою же установленное время! Вода, попадая из верхнего резервуара в нижний, наполненный воздухом, вытесняет его своим объёмом; воздух, соответственно, давит на встроенный нами чувствительный клапан – и проходит сквозь флейту, звуки которой сделают попытку тебя разбудить...

- Гениально! – воскликнул мыслитель, едва не пританцовывая вокруг клепсидры. – Просто уму непостижимо! Я спасён!

- Это ещё не всё, дорогой Платон! – продолжил за брата Деймос. – Если вдруг звуки флейты не потревожат твоего сна, в дело вступает попытка номер два: трещотка...

- Фантастика! – продолжал ликовать философ. – Я перед вами в огромном долгу! Даю вам право посещать мои лекции бесплатно!

- Спасибо за доброту, милый друг! Сейчас мы очень заняты, но вот на уроки твоего ученика Аристотеля уж точно запишемся! – вернул Фобос.

- Но, если твой сон окажется настолько крепким, что его не смогут нарушить первые два сигнала, тогда вот из этой трубки тебе на голову прольётся пол-литра воды! – улыбаясь, закончил Деймос. – Настоятельно советую подниматься до этой радикальной меры,

Платон... Словом, отныне просыпать своих важных дел ты не будешь никогда, мы обещаем!

И, конечно, одним из самых значительных вкладов в эллинскую культуру Фобоса и Деймоса был факт того, что именно эти приколисты инсценировали самоназвание великого народа. Случилось это в те далёкие времена, когда каждая нация стремилась к самоопределению. Если бы не близнецы, направленные руководством «Олимпа» для своевременного вмешательства во внутренние распри многочисленных праэллинических племён, то, вполне возможно, сегодня об Элладе и её населении не знал бы никто: греки были бы вовсе не греками, а само их государство носило другое название.

Во время довольно массового собрания представителей всех прагреческих племён у одного из многочисленных водопадов, их военачальники, жрецы и прочие депутаты наперебой предлагали самые разные варианты самоназвания; естественно, любая версия немедленно оспаривалась всеми остальными народностями, принимавшими участие в собрании. Основоположники будущей аристократии отчаянно грызлись с родоначальниками будущих демократов, религиозные деятели – с военными, свободные – с рабами. Грандиозное мероприятие рисковало обратиться не менее грандиозной свалкой, когда на естественной площадке перед водопадом откуда ни возьмись появились весельчаки-близнецы. Люди немедленно умолкли – и учтиво склонились перед «богами».

- Что это за сходняк? – разыгрывая удивление, спросил брата Фобос, указывая на собравшихся. – Базарный день, что ли? Или, может, начало боевых действий?

- О, нет! – хорошо поставленным голосом ответил ему Деймос. – Сегодня эти люди надумали начать свою историю... Вот теперь и решают, под каким именем в неё войти!

- Чего же тут решать? – театрально произнёс Фобос. – Им всего-то нужно прислушаться к голосу родной земли! Она откроет им своё имя – и станут они её великими сыновьями и дочерями!

Сразу после его слов из-за грохота водопада – и, надо признаться, прекрасно оформленных братьями аудио эффектов – донёсся мелодичный женский голос: «Элла! Элла!» Люди замерли, воздев руки к небесам, а сила голоса крепчала; казалось, повторяющийся ритм заморозил всех присутствующих... А когда он смолк, Деймос обращаясь к ошеломлённому народу, сказал следующее:

- Вы – эллины, потому что произошли от Эллады! Родина ваших предков и потомков обращается к вам! Род ваш – един, подобного ему никогда не будет на планете! Ваша мудрость и слава разойдутся по всем землям, научая человечество разумному и прекрасному. Живите же в мире – и будьте вместе!

Таинственное эхо «Элла! Элла!» ещё раз принеслось над площадкой перед водопадом – и смолкло, а люди, получив от «богов» и Родины столь ясное руководство к действию, мгновенно закрыли все вопросы, связанные с самоназванием: так многочисленные племена совершили первый шаг навстречу друг другу – и стали эллинами, родичами одной Эллады...

После «божественного спектакля» Фобос и Деймос немного пообщались с чествовавшими своё имя людьми, а вскоре, сославшись на неотложные дела, удалились, оставив народу самому обсуждать недавние события.

- Надеюсь, люди обойдутся без потасовок? – обеспокоенно спросил Фобоса брат, когда они пробирались через редкий лес к воздушному катеру. – Ахейцы конечно, немного не ладят с ионийцами, дорийцами и эолийцами, но, думаю, теперь-то они найдут общий язык!

- Обязательно! История свидетельствует, что... – начал тот, как вдруг, заметив краем глаза какое-то движение слева от себя, резко повернулся. – Доктор Гестия! Вы-то что здесь делаете?!

- Хайре, красавчики! – ответила легендарный педагог, выходя из-за деревьев и направляясь в их сторону. – Вот, собираю образцы для своего садика, - она показала им несколько цветов. – А вы, как было слышно даже отсюда, продолжаете разыгрывать «божественную комедию»?!

- Мы исполняли приказ начальства, - ответил Деймос. – Это очень хорошо, что мы вас встретили, доктор: сейчас наши эллины только что самоопределились, поэтому не исключены маленькие недопонимания и конфликты между представителями разных племён...

- Я, вообще-то, специалист по вопросам семейного благополучия, а не политик или военный! – усмехнулась красавица-педагог, прижимая к груди букет. – Но посмотрю, что можно будет сделать...

- Вот спасибо, доктор! Милая вы наша палочка-выручалочка! – обрадовался Фобос. – Приглядите, пожалуйста, за ними: боюсь, как бы будущие тираны не сцепились с будущими демократами...

- Да будет вам! – улыбнулась Гестия. – Открою вам тайну, хлопчики: я здесь по той же причине. И, как и вы, по приказу руководства...

- Так мы пойдём, хорошо? – братья поклонились ей – и минутой позже исчезли среди деревьев.

- Это вам хорошо! – вздохнула женщина, глядя им вслед. Затем обернулась в сторону ревущего неподалёку водопада, услышав примешивающиеся к нему повышенные голоса. – Работать с людьми куда тяжелее, чем устраивать пиротехнические да акустические фокусы! Да-а-а, трудно быть Гестией...

ТРУДНО БЫТЬ ГЕСТИЕЙ

*...и скромная дева-Гестия,
Перворождённая дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерождённая, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался её, Посейдон-земледержец,
Не пожелала она, но сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещение безбрачья:
Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она, как первейшая между богами.
Гомеровы гимны, «К Афродите», 21-32*

*Почетъ большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
Пира, в котором бы кто, при начале его, возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргоубийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым, благодаеть,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.
Радуйся, Кроноса дочь, и ты, о Гермес златожезлый!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.
Гомеровы гимны, «К Гестии», 1-14*

Последняя фраза, произнесённая доктором педагогики, отнюдь не являла собой пустословие, усталость или жалобу: она было её памяткой, девизом и боевым кличем одновременно. Пожалуй, никто из сотрудников «Олимпа», «Океана» или «Гартара» не сомневался в том, что именно ей, доктору Гестии, предназначено заниматься одной из важнейших и труднейших стадий «Проекта «Земля»»: воспитанием юного человечества.

Когда Совет дал добро на создание нового мира и утвердил проект, место главного воспитателя землян долгое время оставалось вакантным: даже бессмертные превосходно понимали, сколько нервов и самоотдачи потребует от них невероятно тяжёлая служба «богини домашнего очага»; кончилось тем, что около десятка кандидатов, претендовавших поначалу на роль «хранительницы семейного благополучия», вовремя осознали связанные с предстоящим заданием трудности – и добровольно отказались от участия в проекте. Впрочем, руководителя «Олимпа» это не смутило: в рукаве профессора Зевса имелась карта, которой он и воспользовался, как только узнал о несостоятельности множества коллег потянуть столь нелёгкую работу. Его тайным козырем и оказался известный педагог – один из старейших бессмертных, миллиарды лет назад изучавший психологию вместе с самим профессором. Его неизмеримые знания по данному вопросу и опыт в подобных делах не подлежал сомнению: доктор Гестия была непревзойдённым специалистом Вселенной в деле воспитания детей и решению семейных конфликтов. Профессор Зевс весьма гордился своей старинной, выходящей за рамки пространственно-временного континуума, дружбой с преподавателем педагогики; пообещав коллеге всевозможные блага и любые условия контракта, хитрый начальник «Олимпа» добился её расположения и согласия на участие в проекте.

Доктор Гестия с первых же дней пребывания на Земле наглядно доказала, что профессор Зевс не ошибся в выборе: главный наставник человечества по вопросам воспитания и морали являла собой воплощение неопишемого терпения и непоколебимой твёрдости одновременно; женщина совмещала в себе непередаваемую открытость и приветливость, однако, вместе с тем, была довольно крутого нрава, чего, излишним будет добавить, довольно часто требовала её нелёгкая профессия. Несмотря на постоянное нахождение среди людей, доктор являлась крайне медитативной натурой: во-первых, это подпитывало её спокойствие, которое, поистине, было у Гестии неисчерпаемым, а во-вторых – лёгкая отрешённость наставницы иногда позволяла воспитанникам разных возрастов вовремя убраться с её глаз долой – и, соответственно, выжить на определённом этапе, чтобы после перейти невредимыми на следующий уровень обучения.

Люди заинтересовались преподаваемой дисциплиной сразу же после того, как только доктор Гермес распространил по всей Элладе информацию следующего характера:

ВНИМАНИЮ ВСЕХ СВОБОДНЫХ И РАБОВ!

ЕЖЕДНЕВНЫЕ ЗАНЯТИЯ!

РАЗНООБРАЗИЕ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ!

ВЫЗОВ ПРОФЕССИОНАЛА НА ДОМ!

У ПОДНОЖИЯ ОЛИМПА НАЧИНАЕТ РАБОТУ КАБИНЕТ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПОДДЕРЖКИ ЛЮДЕЙ С ЗАВИСИМОСТЯМИ.

ПРОВОДЯТСЯ ПОСТОЯННЫЕ КУРСЫ И КОНСУЛЬТАЦИИ

ПО СЛЕДУЮЩИМ ВОПРОСАМ:

КАК ВОСПИТАТЬ РЕБЁНКА – И ПРИ ЭТОМ НЕ ВЫЗВАТЬ ЕГО НЕНАВИСТИ;

СОХРАНЕНИЕ СЕМЬИ – В ВАШИХ РУКАХ И ГОЛОВАХ;

ПЬЯНСТВУ БОЙ – ПРОБЛЕМЫ ДОЛОЙ;

А ТАКЖЕ МНОЖЕСТВО ДРУГИХ ПОЛЕЗНЫХ СОВЕТОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ

ПРЕДЛАГАЕТ КВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВСЕВОЗМОЖНЫХ БЫТОВЫХ КОНФЛИКТОВ.

ЗАПИСЬ НА КУРСЫ, ИСПОВЕДЬ У ПСИХОАНАЛИТИКА И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ – КАЖДЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК.

ВЫ СПРАШИВАЕТЕ – Я ОТВЕЧАЮ.

ВЫ КАЕТЕСЬ – Я ОБУЧАЮ.

ВАШ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ДОКТОР И ДРУГ,

ГЕСТИЯ.

Поскольку в рекламном объявлении ни словом не упоминалось о взимаемой доктором за труды оплате, эллины валом повалили к подножию Митикас, в надежде даром решить все свои жизненные неурядицы. Доктор Гестия, редактируя окончательный вариант объявления-заманухи перед тем, как сдать его в тираж коллеге Гермесу, заменила в предложении СОХРАНЕНИЕ СЕМЬИ – В ВАШИХ РУКАХ И КОШЕЛЬКАХ всего одно слово – для того, чтобы призыв её не вызвал неверных истолкований и сработал наверняка. Так оно и случилось. Верно, преподаватель не потребовала ни с кого ни обота за всю свою более чем тысячелетнюю практику на Земле, однако, она честно предупреждала обращающихся к ней за помощью, что учёба будет жёсткой. Это, впрочем, не отпугнуло эллинов разных полов и возрастов, хотя кое-кому и пришлось на гестиевых занятиях хлебнуть лиха по самую макушку.

Как уже упоминалось, медитативная наставница предпочитала вести курсы и принимать пациентов в успокаивающей, предельно расслабляющей обстановке. Несмотря на то, что усилиями Фобоса и Деймоса для неё был возведён огромный лекторий – с которым по размеру мог конкурировать разве что спорткомплекс доктора Геракла – специалист по решению семейных неувязок обычно работала с посетителями на территории разбитого рядом со зданием цветника, который был создан её собственными руками. Руководитель базы шёл на любые соглашения, лишь бы труды доктора Гестии были продуктивными, а она сама – постоянно довольной. Начальство «Олимпа» осознавало, что работа женщины представляет собой едва ли не завершающую часть проекта, поэтому лезло из кожи вон, чтобы – не приведи Зевс! – хоть каким-то образом невольно нарушить её плавное течение. Если тому и чинились какие-то препятствия, то в большей своей части они носили случайный характер, а доктор Гестия, какие бы слухи о её строгости и верности «Инструкциям» не ходили среди смертных и даже бессмертных, реагировала на это довольно сдержанно, предпочитая вести разъяснительные беседы, а не отдавать провинившихся на суд Зевса. Скажем, когда весь «Олимп» сотрясала драма коллеги Афродиты, Гестия, застукав-таки однажды её ослеплённого чувствами ухажёра, рвущего в саду по соседству с лекториём цветы для доктора ботаники, повела себя не согласно свойственным ей полицейским правилам, а как подобает великому и тонкому психологу. Прекрасно осведомлённая о том, что негодник Бакхилид уже неоднократно покушался на красоты её цветника, доктор Гестия никому не стала жаловаться, а просто установила на вора дистанционный электрический капкан. Поэтому, когда влюблённый в коллегу поэт сунулся в гестиевы уголья следующий раз – и прикоснулся к давно облюбованной розе, его потрянуло так, что последней его мыслью было не прощание с возлюбленной Афродитой, а неприличное поминание зевсовых молний.

Он пришёл в себя, сидя на стуле перед хозяйкой цветника, которая, внимательно осмотрев его зрачки, почти безучастно спросила:

- Ну что, почтенный стихотворец, как самочувствие? Голова не болит?
- Немного кружится, - ответил тот, протирая лицо ладонями.
- Итак, Бакхилид, ты повадился в мой цветник за подарками для Афродиты, не так ли? – начала допрос доктор. – А знаешь ли ты, что лишь этим нанёс мне, как женщине, смертельное оскорбление?!
- Прости, как-то не подумал об этом, - честно признался поэт, все мысли которого после воскресения от электрошока вернулись к возлюбленной. – Полевые цветы не такие красивые, чтобы быть достойной моей Афродиты, а у тебя здесь такой богатый выбор изумительных растений!
- Правильно. И, знаешь, почему? Потому, что цветы – это моё хобби! Я слежу за ними, выращиваю, понимаешь? И если тебе это по барабану... К тому же, красть цветы у одной женщины с целью подарить их другой – это красиво?!
- Нет, - покраснел Бакхилид. – Но я где-то читал, что ты не любишь Афродиту...
- Верно, согласно вашей мифологии, мы с ней не испытываем друг к другу особой привязанности... Впрочем, какая разница?! Словом, прекращай хулиганство, Бакхилид,

иначе... – и доктор Гестия, нагнувшись к уху влюблённого в «конкурентку» преступника, что-то быстро зашептала; от услышанного глаза поэта полезли на лоб. – Теперь-то ты меня понял, друг мой?

- Клянусь тебе, неподражаемая Гестия, что ещё сегодня принесу тебе большую жертву! – воскликнул, вновь краснея, Бакхилид. – Только уж пусть содеянное мной по неразумию останется между нами в тайне!

- Чтобы ко мне в сад больше ни ногой, не то Афродита проведает об этом первой! Я не шучу, - закончила доктор, взмахивая рукой. – А теперь можешь отправляться на все четыре стороны...

Впрочем, гораздо больше неприятностей доставляли педагогу семейные склоки эллинов, которым она помогала в силу своих прямых обязанностей. Одной из крупнейших её массовых работ по спасению института моногамной семьи стала реабилитация людей обоих полов – во времена разгула запретного сектантства, когда самому профессору Зевсу и большей части сотрудников «Олимпа» пришлось обуздать «зевсистов», «гефестистов» и прочих психически неустойчивых граждан. Доктор Гестия, у которой, кстати, также нашлось немало безумных поклонников, решительно стала на борьбу за сохранение остатков повреждённого разума своих воспитанников, а после завершения Афиной и Аресом операции устрашения – и повторным сплочением семейств, многие из которых во время всеобщей катастрофы разбежались по разным лагерям. В те дни лекторий доктора, превратившийся в центр реабилитации и восстановления утраченного психического здоровья, просто не вмещал всех пострадавших из-за собственной глупости и тщеславия; доктору приходилось проводить коллективные тренинги бывших «афинисток», «гестиисток» или «афродитисток», чтобы те вернулись к своим мужьям, аналогично потерявшим голову от чрезмерного восхищения Гермесом, Дионисом и прочими олимпийцами... К счастью, для населения Эллады всё закончилось хорошо, но подобная массовая истерия отдельно взятой части человечества осталась в памяти доктора как наибольшее испытание на выдержку и беззаветное служение домашнему очагу.

Впрочем, не меньше хлопот педагогу доставляли и безудержные алкоголики, являющиеся, как известно, одной из первейших препон для благоприятной семейной жизни. Доктор Гестия, как только эллинки стали приводить к ней своих упирающихся половинок, немедленно открыла при лектории «Клуб Анонимных Алкоголиков», который, как ни странно, вскоре стал одним из наиболее посещаемых собраний. Мужчины, осознавшие на собственной шкуре вред от чрезмерного употребления продукции как отечественной, так и импортного завоза, собрались в особое отделение – «Партию Трезвости», которую продолжающие вести разгульный образ жизни личности называли «Гвардией Гестии». Время от времени вернувшиеся от амфоры к нормальному семейному бытию поборники полной или частичной абстиненции совершали настоящие налёты на таверны и кабаки, словом и делом пытаясь доказать несогласным, что пара месяцев, проведённых в спорткомплексе доктора Геракла куда полезнее, чем постоянные ссоры с жёнами и безвылазное похмелье. В результате выяснения отношений алкоголиков с бывшими единомышленниками, доктору Гестии приходилось решать массу побочных вопросов, связанных с госпитализацией пострадавших – и продолжительными лекциями на тему радикального изменения существующего метода проповеди трезвого образа жизни членов своей «Гвардии» в пользу более миролюбивой делёжки опытом.

Обычно потасовки имели место в кабаке «Пьяная Берлога», будто нарочно построенного какими-то дельцами по соседству с лекторием доктора: в месте, облюбованном мужчинами, которые ссорились с жёнами чаще других – и приходившими сюда скоротать день или ночь, когда уставшие от их беспробудного пьянства и закатываемых скандалов половинки вышвыривали алкоголиков из дома. Конечно, название заведения было иным, более пристойным; «Пьяной Берлогой» оно стало с руки жён тех бездельников и разрушителей семейного счастья, которые являлись его неизменными заседателями. Впрочем, зато несчастные эллинки всегда были прекрасно осведомлены, где в настоящий момент

находятся их страдающие прогрессирующим циррозом печени мужья – и, в случае надобности, отправлялись прямо в «Берлогу» – и вытаскивали оттуда своих благоверных за шиворот.

Однако, подобное соседство никак не могло радовать выдающегося педагога, стоявшей на страже семейного благополучия; доктор Гестия даже подумывала обратиться в пламя – и спалить ненавистное заведение до самого фундамента; от упомянутого шага её сдерживала лишь добропорядочность. Но, когда в кабаке, помимо иностранного и местного алкоголя, стала появляться продукция «Лавки Диониса», хоть и допустимая по временным меркам и приемлемым градусам тогдашней Эллады, и без того переполнявшее женщину недовольство вылилось через край.

- Вот подлый Дионис и вся его компания! – тихонько скрежетала зубами доктор Гестия, когда до её медитативной натуры дошли последние новости об окончательном провале атлантического эксперимента. – Мало им человеческой расы, так они ещё и рептилоидов спаивают! Нет, больше так продолжаться не может: надо сходить прямо к Зевсу!

Руководитель «Олимпа», который и сам был отнюдь не в восхищении от срыва проекта доктора Эрота, выслушал свою мифологическую сестру, явившуюся к нему с настоящим ультиматумом – и предложил поначалу вынести возникшее разногласие на Всеобщее Олимпийское Собрание.

- Что?! – переспросила педагог, когда услышала голос начальника. – Ты хочешь тянуть время до Собрания?! Скажи мне, Зевс: ты сам-то трезв?!

- Ну, мы можем собрать срочное заседание! – мгновенно нашёлся тот. – Вот что, Гестия: если хочешь, можно, в конце концов, созвать, так сказать, заинтересованных лиц – и решить проблему мирным путём...

- Брось, дорогой братец, твои психологические уловки меня совершенно не трогают! – улыбнулась его собеседница. – Точно так же, как на меня не действуют чары нашей Афродиты... Если желаешь потерять специалиста, которому ты вообще вряд ли найдёшь подходящую замену во Вселенной, то изволь: я соберу вещички, которых у меня не так уж много, упакую полюбившееся мне цветы, что удалось спасти от посягательств Бакхилида – и до свидания! Запомни, Зевс: сейчас я – сама серьёзность!

- погоди, Гестия, погоди! – затоптался на месте начальник базы; потом отчаянно рубанул рукой воздух. – Ладно, говори: чего ты требуешь?

- Немедленного прекращения поставок дионисиевой дряни в «Пьяную Берлогу», пусть изберёт иное место для бизнеса. Это – во-первых, - выдвигая условия, доктор загибала пальцы. – Гермес – мой старый друг; неужели он сам не понимает, насколько вся их алкогольная кампания вышла за рамки допустимого?! Я, конечно, понимаю, что человечество без алкоголя и шага ступить не в состоянии, но, поверь мне: ещё немного – и оно не будет в состоянии даже ползать...

- Согласен, - кивнул руководитель базы. – Я сделаю предупреждение и доктору Гермесу, и доктору Дионису. – У тебя ещё будут пожелания?

- Не пожелания – требования, дорогой! Я не прошу тебя, Зевс, а декларирую свою неизменную позицию... Далее, во-вторых: немедленное закрытие самой «Пьяной Берлоги», поскольку она только внешним образом пагубно сказывается на моих учениках и посетителях курсов. Я не намерена подвергать их психическое здоровье созерцанию этого притона.

- Я тебя услышал, - вновь кивнул профессор, медленно прохаживаясь по кабинету. – Что-нибудь ещё?

- Да. И, наконец, третье: если ты сам не найдёшь управу на Диониса с его синтезаторами и всю его тёплую компанию, мне ничего не останется, как сделать то, о чём было сказано минутой назад: пойти укладывать вещи. На меньшее я не соглашусь, заруби это на своём олимпийском носу! Я не стану писать доносы на коллег в Совет, я просто выйду из проекта. Мы с тобой старинные друзья, дорогой, но это моё последнее слово.

- Понимаю. Ты хочешь, чтобы я повлиял на наших увлѣкшихся самогонщиков от твоего имени, Гестия? – профессор продолжал зондировать почву.

- Незачем, пусть ребята думают, что приказ исходит непосредственно от тебя, так будет надёжнее, - сказала женщина, поправляя волосы. – И последнее...

- Да? – настороженно посмотрел на собеседницу профессор.

- Атланты. Им действительно нельзя помочь?

- Увы, - печально выдохнул инженер. – Судьба их уже решена, тебе не стоит вмешиваться в неё... Они, как это не называй, являются побочной частью проекта. Впрочем, ни одна из норм гуманизма по отношению к ним не будет нарушена. А ты лучше возвращайся к людям, Гестия! Твоё место – среди них... Правда, дорогая моя! – профессор положил руку на сердце и поклонился посетительнице. – Несказанное тебе спасибо за то, что ты так самоотверженно трудишься для их блага!

Женщина поняла, что одержала полную победу. «Как жаль, - подумалось ей, - что это никогда не будет отражено в документах, пусть хоть в псевдоисторических... Хотя бы в древнегреческой мифологии!» Она едва заметно улыбнулась – и лёгкое движение её красивых губ не ускользнуло от внимательного хозяина кабинета.

- К чему это ты, милая? – полюбопытствовал он.

- Так, задумалась о мифологии, - ответила педагог. – Наш с тобой разговор никогда в неё не попадёт... А вот всякие бредни о том, как меня домогался доктор Аполлон или даже профессор Посейдон, вошли в неё без всякой редакции... Разве они меня домогались, Зевс?! – на сей раз доктор улыбнулась открыто. – Или, например, что я, скрываясь от их преследований, жила у тебя?! Разе это не чушь?!

- Ну, в любом случае, за покровительством ко мне ты всё-таки обращаешься! – рассмеялся профессор. – Как, скажем, сейчас... Не так ли, коллега?

- Трудно быть Гестией, - произнесла доктор, глядя на своего олимпийского брата. – Ты даже не представляешь себе, насколько...

Женщина, в порыве самых благородных устремлений, не только объявила непримиримую войну пьянству взрослых эллинов; на шее у неё висел не менее тяжѣлый жернов – эллины несовершеннолетние. Дети разных возрастов – от грудных до подростков – занимали её ничуть не менее, чем семейные конфликты их родителей. Доктор не только организовала специальные курсы для молодых пап и мам, где полным ходом шло обучение новоиспечѣнных семей да их отпрысков; она приглашала на всевозможные мероприятия мальчиков и девочек, создав для этого кружок «Умелые руки», который, в свою очередь, состоял из многих отделений, отвечавших тем или иным интересам подрастающего поколения. Педагог, исполняя свои прямые обязанности, незаметно для себя выходила за установленные профессией рамки, готовя будущих учеников Аполлону, Гермесу, Афине и другим коллегам... Ей самой было трудно определить, с кем же «труднее быть Гестией» – с детьми или же взрослыми; однако, она и не искала ответа на подобный вопрос, предпочитая не спекулятивную оценку тяготы или лёгкости собственных действий, а само действие.

С детьми ей было сложнее устанавливать контакт, чем со взрослыми; но, когда таковой устанавливался, начиналась новая полоса отношений: удержание и развитие этого контакта до тех пор, покуда ребёнок не усваивал того, чему преподаватель желала его научить. И если взрослые реагировали на это по-разному, в силу уже укоренившихся в них мироощущений и понятий, то дети являлись чистой доской, которую ей, педагогу, следовало безошибочно заполнить.

Однажды она долго объясняла мальчику по имени Клеархос, что необходимо мыть руки как можно чаще, особенно, перед едой, но тот упорно отказывался понимать, зачем нужно такое бесполезное занятие.

- Как – зачем?! – женщина с улыбкой показывала ему собственные ладони. – Видишь, какие они чистые?

- Ну и что? – возражал тот, равнодушно глядя куда-то в сторону. – Если ты поиграешь в песке, как я, то они и у тебя вновь испачкаются...
- Да, это так, - согласилась доктор. – Вот поэтому их и надо мыть!
- Не пойму я тебя, Гестия! – качал головой Клеархос. – Что же получается: во-первых, я люблю играть. Во-вторых, я не люблю мыть руки. В-третьих, я люблю играть очень часто. Выходит, что я должен поровну делить любимые и нелюбимые занятия? Ведь так несправедливо!
- Да ты, оказывается, мыслитель! – рассмеялась неунывающая наставница. – Хорошо, давай попробуем зайти с другой стороны... У кого сейчас руки красивее – у тебя или у меня?
- Красота – понятие относительное, - ответил ей мальчик. – Зато я могу играть целый день, ни разу при этом не занимаясь нелюбимым делом! А это, согласишься, доставляет больше удовольствия!
- Слушай, да ты, часом, не симпатизируешь ли эпикурейству? – женщина погладила Клеархоса по голове – и вдруг заметила, как неподдалёку, из-за одного из деревьев, окружающих цветник, где проходила её беседа с мальчиком, на неё смотрит лицо коллеги Гермеса; он поманил её пальцем, а потом также беззвучно приложил его к губам, глазами указывая на ребёнка. – Извини меня, Клеархос, мне надо на минуту отойти! – сказала она собеседнику, незаметно кивнув другу. – Но я скоро вернусь!
- Хорошо, я тогда немного поиграю! – ответил тот – и присел к земле, рисуя на ней какие-то непонятные знаки.
- Что такое, Гермес? – шёпотом спросила доктор Гестия, оказавшись рядом с королём глашатаев. В отличие от немногих, она никогда, обращаясь к лучшему другу, не использовала его прозвища. – Что ты здесь прячешься? – она обнялась с прибывшим.
- Я совершенно случайно подслушал твой диалог с Клеархосом, - столь же тихо ответил тот, продолжая держать педагога за плечи. – Похоже ты, Гестия, совсем не понимаешь, с кем разговариваешь: это же будущий Клеархос, ученик великого Аристотеля, знаменитый философ-перипатетик!
- Так, - задумчиво произнесла женщина, - и что теперь? Тем более: разве это избавляет его от знакомства с идеями Эпикура?!
- Ну, для начала не демонстрируй хотя бы лёгкой невежливости: Эпикур сейчас ещё неизвестен, потому что они с Клеархосом – почти ровесники! И, если тебе это хоть немного интересно – я только что от него! – доктор Гермес улыбнулся.
- Я поняла твой тонкий намёк, дорогой мой: я невежлива и невежественна! – усмехнулась Гестия.
- Я не об этом, милая! – он погладил её по щеке. – Ты просто обязана установить с ним контакт и заложить в него все свои педагогические премудрости! Спустя несколько десятилетий Клеархос станет одним из крупнейших эллинских моралистов-обществоведов и психологов; кроме того, он будет активно продвигать вперёд естественные науки... Не уппусти шанс!
- Знаешь, мне бы, для начала, научить его следить за элементарной гигиеной, Гермес! – вновь улыбнулась доктор Гестия. – А то он, кроме игры в пыли и занятиями софистикой, совсем ничего не признаёт!..
- Хорошо, дорогая, я дам тебе дельный совет! – глаза доктора засияли от хитрости – и он что-то зашептал в самое ухо коллеги.
- Так, - закивала головой Гестия, внимательно слушая. – Конечно, я поняла... Ты так считаешь? – спросила она, когда доктор Гермес закончил – и отстранился от неё.
- Поверь мне, это точно сработает! Ты – специалист по работе с детьми – и забыла применить единственно действующий в таких случаях метод?!
- Трудно быть Гестией, - напомнила скорее себе, а не собеседнику, женщина. – Что же, тогда пойду заниматься с мальчиком дальше.
- Счастливо! – махнул ей рукой доктор Гермес – и пропал из глаз.

Доктор педагогики вернулась к Клеархосу, занятому выведением на земле каких-то рисунков и потому не заметившему приближения наставницы.

- Ну вот, я и вернулась! – объявила женщина, наклоняясь к ребёнку. – Чем это ты занят, друг мой?

- Пытаюсь понять, почему Солнце светит так сильно, а Луна – нет, - ответил мальчик. – Почему дождь идёт летом, а снег – зимой... А ещё мне очень хочется знать, что находится за этой грядой, - он мечтательно указал на ближайшие горные вершины.

- Поверь, дорогой Клеархос, - улыбнулась доктор Гестия, вновь поглаживая юного натуралиста по волосам. – Когда ты вырастешь, то получишь ответы на все свои вопросы; более того – ты сам станешь учить других тому, что узнаешь здесь, во время занятий... Со своей стороны, я настоятельно рекомендую тебе начать посещение кружка «Юные почемучки», где ты сможешь углубить знания об устройстве мира и Вселенной...

- Обязательно, Гестия! – обрадовался мальчик, поднимаясь на ноги. – Я хоть сейчас готов заняться науками!

- Но для начала тебе придётся вымыть руки, - продолжала педагог. – Нельзя заниматься наукой с такими грязными ладонями.

- Почему? – вновь задал ей Клеархос один из основных вопросов философии.

- Потому, что во время научных исследований ты можешь заболеть, если не будешь соблюдать необходимые меры гигиены, - лицо доктора приняло выражение глубокой обеспокоенности. – Представь себе: вместо того, чтобы несколько раз в день, особенно после игры в песке и пыли, вымыть руки, ты чем-нибудь заболеешь – и вместо того, чтобы продолжать научные изыскания, будешь лежать в кровати! Не будет ли тебе жаль времени, которое уйдёт впустую и которое можно было бы провести с пользой, догадайся ты на миг прерваться – и помыться, особенно перед едой?!

Ребёнок наморщил лоб, переваривая сказанное наставницей.

- Да, это будет весьма неприятно, - согласился он, - но какая связь между едой и грязными руками? Как первое может повлиять на второе, Гестия?

- Очень просто, дорогой! Дело в том, что в воздухе, земле и воде живут очень маленькие существа – микробы. Как бы ты не старался, ты никогда не сможешь увидеть их... Ну, если только не сходишь в гости к Артемиде или Дионису, лаборатории которых оснащены великолепной аппаратурой... Многие из микробов являются переносчиками болезней, причём, довольно опасных. Единственный метод борьбы с ними – это держать себя в чистоте. А начинается чистота именно с рук...

- Мне надо будет обязательно подняться на Олимп – и посетить и Артемиду, и Диониса! – выпалил Клеархос. – Надеюсь, Гестия, ты устроишь мне эту небольшую экскурсию? Я очень хочу увидеть то, чего никогда не сможет постичь обыкновенное зрение!

- Хорошо, мы когда-нибудь сходим на Олимп вместе – и ты сам увидишь, какие микробы маленькие, - сходу пообещала ему доктор педагогики. – Однако, теперь тебе придётся поверить мне на слово, что они, несмотря на невидимость, очень опасны – и, чтобы предупредить возможное заражение, тебе надо будет помыться...

- Странно, - недоверчиво покачал головой мальчик. – Если они столь маленькие по величине, эти микробы, то как они могут повредить мне, такому большому? Впрочем, у меня есть вернейшая гарантия того, что никакие болезни мне не повредят...

- Интересно: какая?

- У нас в семье, да и у многих других эллинов, бытует мнение, что все дела надо непременно начинать с произнесением твоего имени, Гестия – это вернейший залог успеха, что всё будет хорошо, - ответил Клеархос.

- Да, я слышала об этом, - улыбнулась женщина. – Вы называете этот обряд «начать с Гестией»...

- Так вот, к чему я и веду, - продолжил ребёнок. – Если я «начну с Гестией» играть, то что может угрожать мне?! Какие микробы устоят против имени той, кого я призвал себе в помощь с самого утра?! Да чихать мне на всех микробов после того, как я тебе помолился!

Доктор закатила глаза и всплеснула руками:

- Ладно, Клеархос, давай попробуем ещё раз... Молитва никогда не избавит тебя от необходимости мыться, поскольку это совершенно разные вещи!

- Почему? Мне кажется, что они как раз напрямую связаны...

- Нет, дорогой мой, это совсем не так! – увещевала собеседника доктор. – Молитва – это всего лишь ритуал, путём которого человек желает придать себе уверенности, не более того. С таким же успехом ты мог бы поплевать себе на руки – толку будет ровно столько же... Ну-ка, Клеархос, сделай это! – приказала она будущему знаменитому педагогу. – Убедись сам, что разница небольшая...

Мальчик, недолго думая, совершил то, что от него требовала Гестия. Растёр слюну по ладоням – и, внимательно осмотрев их, заявил:

- Не знаю, Гестия, ритуал это или нет, но руки я, пожалуй, помою!..

- Вспоминай об этом всякий раз, когда соберёшься есть за стол! – улыбаясь, объявила доктор. – Чистота рук неизменно ведёт к чистоте помыслов...

- Как в замкнутом круге? – поинтересовался юный мыслитель, даже не поняв того, как его только что развели.

- Да, как в замкнутом круге, - ответила педагог.

- Что же, тогда я намерен в дальнейшем поступать именно так: буду ходить по кругу! – пообещал ей мальчик.

- И это замечательно, Клеархос! В будущем ты станешь философом-перипатетиком, так что учись ходить по кругу с детских лет! – с лёгким смехом напутствовала его доктор, потешаясь над собственным каламбуром. – Конечно, твой учитель Аристотель вовсе не по этой причине назовёт свою школу...

- Мой учитель? Аристотель? – глаза мальчика выражали недетское любопытство. – Кто это?

- Ты очень скоро познакомишься с ним, мой юный друг! – пообещала женщина. – И станешь одним из лучших его учеников... А теперь – с Гестией или без Гестии – марш мыть руки! – и она легонько шлёпнула ребёнка по пятой точке. – И не стесняйся посещать мой сектор «Юных почемучек», я буду ждать тебя! – добавила она вслед мальчику, направившемуся в сторону одного из фонтанов её цветника...

Особыми и весьма неприятными хлопотами для доктора, известное дело, являлись щекотливые вопросы супружеской верности. Трудно даже сказать, чему она уделала большую часть рабочего времени: воспитанию детей, беспощадной войне с пьянством отдельных представителей обоих полов, или же проблемам только что озвученной сферы семейных – точнее, вне семейных – отношений. В практике Гестии нашёлся особый случай, когда разлады между законными супругами достаточно участились; он пришёлся аккурат на период сразу после ликвидации Атлантиды. Доктор подозревала, что в семейных разговорах следует отчасти винить коллегу – доктора Эрота, который трагически переживал преждевременное закрытие собственного проекта, однако, чтобы не терять ни времени, ни хватки, решил продолжить свои эксперименты на человеческих образцах. Тем не менее, доктор Эрот всячески отрицал свою причастность к многочисленным пикантным инцидентам, хотя на то косвенно указывала приписываемая ему эллинской мифологией профессия.

- Благодарю тебя за меткие выстрелы, дружище! – сказала она как-то в разговоре с генетиком. – Знал бы, сколько твои опыты над несчастными добавили мне работы, а людям – нервотрёпки, так забросил бы свой лук подальше – и занялся поливкой цветов в моём саду!

- Что такое? – забеспокоился доктор Эрот. – Вы, уважаемая Гестия, кажется, желаете меня обвинить в чём-то таком, к чему моя рука – точнее сказать, мой лук – вообще не прикасался! Вам прекрасно известно, дорогая коллега, что моя сфера деятельности – атланты!

- Атлантов больше нет, - ответила женщина, умышленно подчёркивая последнее слово. – Именно поэтому ты, дорогой мой, взялся за опыты над людьми!

- Побойтесь Зевса, уважаемый доктор! – всплеснул руками бывший владелец бывшего острова. – Про меня просто распускают сплетни! Я настолько переживаю внезапный конец Атлантиды, что... – и генетик многозначительно развёл руками, будто приглашая коллегу в свидетели своей неуёмной печали.

- Я тебе искренне сочувствую, друг мой, - убедительно произнесла психолог. – Но ведь не станешь же ты отрицать, что после атлантов перешёл – ну, пусть хоть немножечко! – на людей?

- Ну, если честно, то так, самую малость, - продолжал изворачиваться доктор генетики под пристальным взглядом женщины, которой немного побаивался даже сам гроза «Олимпа», инженер Зевс. – Понимаете ли, уважаемая Гестия, наука не стоит на месте, ибо последнее как раз означает её отсутствие... А у меня – генетические неувязки, несовместимость ДНК, побочные мутации, гормональные исследования...

- Это я понимаю, - кивнула доктор Гестия. – Но, как понять и оправдать то, что мне до сих пор приходится разгребать последствия твоей стрельбы из «чувствопобудителя»?! У меня супружеские измены на каждом шагу, приличные семьи распадаются – а он палит себе из лука направо и налево, айдов экспериментатор!

- Но, позвольте, многоуважаемый доктор, - затараторил смущённый Эрот. – Клянусь вам, что одна из моих стрел не попала ни в одного не свободного от брачных уз человека! Я, поверьте, часами просиживал в картотеке, тщательно избирая своих... э-э-э...

- ...жертв? – услужливо подсказала педагог.

- Что вы, доктор, как можно?! Я сказал бы – испытуемых... Поэтому готов в любой момент отстаивать свою правоту и незапятнанность! В моей базе данных учтён каждый выстрел. Если не верите, обратитесь к запротоколированным документам в архивах!

- Тогда как объяснить, что я получила столь невероятный букет супружеской неверности именно в то время, которое совпадает с твоими гормональными буйствами?

- Мой лук в этом не виноват, - настаивал генетик, пряча за спину свой миникомпьютер с набором причитающихся своей профессии гаджетов. – И почему, Аид меня побери, людям обязательно нужен Эрот?! Только для того, чтобы объяснить супружескую измену?! Как будто им больше некого виноватить: чуть что, так это Эрот, будь он неладен! А внимательнее присмотреться к себе, чтобы понять тайные и явные причины, на которые людей толкает ничто иное, как собственная похоть – увы, на это их не хватает! Во всех своих страстишках они ищут козла отпущения. И находят – меня! – с надрывом заключил доктор генетики, почёсывая затылок.

- Неплохо сыграно, дружище! – коллега несколько раз хлопнула в ладоши. – Ты, случайно, не хочешь попробовать себя в труппе Аполлона? Какой талант пропадает...

- Вы не верите мне, многоуважаемая Гестия? – только и спросил тот.

- Верю, конечно! – успокоила собеседника женщина, вновь становясь серьёзной. – Верю, потому что уже поинтересовалась архивами... Доверяй, но проверяй, как говорится...

- Спасибо, Гестия! – генетик положил руку на сердце. – Я же говорил вам, что моей вины в этом деле и на стрелу не найти! Это они сами, - он мотнул головой в сторону ближайших людских поселений. – Нашли, говорю, козла отпущения!..

Хоть разговор с коллегой и закончился ничем, педагог и не ставила себе целью дознаться, кем или чем была спровоцирована вспышка супружеских измен; в её прямую обязанность входило противостоять повышенной угрозе супружеских отношений в целом – и, по возможности, погасить очаг имеющихся или назревающих конфликтов в отдельно взятых семействах.

Как именно доктор разбиралась с возникшими неприятностями, наглядно показывает описанный ниже частный случай. Само собой разумеется, подобных ему была целая бездна, однако, лишь настоящая ситуация была внесена в протокол – и потому стала достоянием архива МАИ.

Неудивительно, что среди почитательниц и верных слушательниц лекций доктора Гестии были многочисленные домохозяйки, обычно не особо вникавшие в дела и занятия

собственных мужей; те зарабатывали средства для содержания семей, возможно, откладывая заначку для тогда ещё действующей «Пьяной Берлоги» или резались по выходным в бывшие тогда в ходу азартные игры. Естественно, что при подобном образе жизни далеко не все жёны, сидящие дома с детьми или посещающие курсы своей наставницы, были осведомлены о тех или иных амурных проказах своих половинок. Раньше или позже шашни их благоверных выплывали наружу, делая мужчин настоящими врагами всего окрестного населения, а самой Гестии приходилось прилагать немало усилий для сохранения опороченных супружеских отношений. Развод – самое последнее дело, полагала лучшая во Вселенной педагог; надо неизменно спасти то, что только возможно спасти, перебрав всё варианты – до самого последнего.

Однажды в рабочем журнале доктора был зафиксирован следующий случай. К ней в спешном порядке прибежала одна из знакомых эллинок, прилежно слушавшая не один курс лекций по вопросам ведения домохозяйства. Её звали Митриодора; дом женщины находился неподалёку от гестиевого цветника. Доктор была несколько занята индивидуальной консультацией, поэтому попросила пришедшую чуть-чуть подождать за дверью; та вместо ответа рухнула перед ней на колени – и залилась крокодильими слезами. – Что стряслось, дорогая?! – подскочила из-за стола психолог, пытаясь поднять и поставить знакомую на ноги.

Напуганная поведением Митриодоры, занимавшаяся с Гестией почтенных лет женщина из другого селения предложила ей сесть на свой стул – и поведать о своей заботе. Впрочем, она пошла ещё дальше, благородно удалившись за двери, сказав доктору, что горе незнакомки, видимо, очень сильное, а потому не требует отлагательства; а она сама-де, может и подождать со своей консультацией...

- Спасибо тебе огромное, добрая женщина! – воскликнула усаженная доктором на стул Митриодора, благодарно кланяясь ей и утирая слёзы. – Да будет к тебе благосклонна Гестия, Гера, Зевс, Гермес и остальные олимпийские наши патроны! Уж прости меня, что вломилась я в кабинет без предварительной регистрации: горе у меня...

- Ничего, я никуда не спешу! – заверила её незнакомая бабушка – и плотно закрыла дверь с другой стороны.

- Что произошло, миленькая? – вновь спросила доктор, продолжая держать Митриодору за руки. – Дети заболели? – спросила она об одной из наиболее частых женских забот, с которой к ней приходили пешком даже афинские матери.

- Гестия, ты же знаешь, что я ничего не предпринимаю без твоего совета! – начала несчастная, понемногу приходя в себя. – Ты – моя лучшая подруга, и только тебе я могу рассказать о своих бедах!..

- Тогда ты начинай, а я буду тебя очень внимательно слушать, – сказала доктор, обходя стол и усаживаясь в кресло. – Главное – успокойся, Митриодора! Если тебя побил пьяный муж, то я лично устрою ему такое!.. – осторожно продолжала зондировать почву психолог. – Впрочем, нет: ничего я ему лично устраивать не буду, а просто пошлю к нему несколько крепких молодцев из «Кавалерии Гестии»... или как там они себя называют...

- «Партии Трезвости», – поправила доктора собеседница. – А бесшабашные гуляки, продолжающие вести антисоциальный образ жизни, обзывают их «Гвардией Гестии»...

- Да? – удивлённо подняла брови психолог. – За подобные издевательства над людьми, ступившими на путь исправления от порока, сама посоветую моим ребятам немедленно переименоваться в «Легион Гестии»: уж если сметать неприятелей, так сразу... Чего уж там, «Гвардия»... И всё-таки, милая, что произошло?

- Ты не поверишь, Гестия: мой ненаглядный Таврион мне изменяет! – воскликнула элинка, с трудом подавляя очередную волну слёз. – Я и сама до сих пор не могу этому поверить...

- погоди, погоди! – доктор остановила знакомую взмахом руки. – Если об этом, например, судачат бабушки на своих огородах, то сказанное не может быть твёрдо установленным фактом измены твоего мужа! У тебя есть что-нибудь более убедительное, Митриодора?

- К сожалению, - ответила та – и вытащила из-под пеплоса небольшой мешочек. – Это – неоспоримое свидетельство измены моего милого Тавриона!

- Я могу посмотреть? – осторожно поинтересовалась доктор, внимательно наблюдая за неожиданным визитёром.

- Смотри, конечно: шила в мешке не утаить, - усмехнулась, преодолевая себя, женщина. – Я просто не представляю себе, что я с ним сделаю, негодяем!

Педагог протянула руку – и взяла мешочек, который был стянут бесхитростным узелком; ловко работая изящными ногтями, ничуть не рискуя испортить при этом вчерашний маникюр, доктор Гестия развязала шнурок – и извлекла на свет четыре покрытых воском деревянных таблички. Больше в мешочке ничего не было. Специалист по решению семейных конфликтов, многозначительно поглядев на Митриодору, положила предметы перед собой на стол.

- Разрешешь прочитать?

- О боги, зачем я тогда принесла эти треклятые послания?! – ответила несчастная, глядя себе под ноги и краснея. – Я же знаю, что ты очень порядочная богиня, другим не навистишь всяких небылиц...

- Спасибо за доверие, дорогая! – улыбнулась доктор – и разложила четыре таблички перед глазами.

Естественно, одни из самых первых любовных записочек в истории человечества не были датированы, поэтому психолог принялась читать их в том порядке, в котором достала таблички из мешочка.

«Дорогой мой, страсть полностью захлестнула меня после самого первого с тобой свидания, - гласила первая из них. – Как только подумаю о том, как твой волшебный... пронзает мою плоть, начинаю содрогаться так, как будто это происходит на самом деле! Ах, мой безумный, сладчайший Таврион, жду тебя сегодня на нашем месте, где ты впервые меня поцеловал! Жажущая тебя, вся твоя!»

Второе послание было выдержано в том же духе:

«Мой прекрасный Таврион, радость моей... счастье и бесконечное удовольствие! Всю ночь не могла отойти от воспоминаний, как нежно ты ласкал меня, как мы сливались в неопишемом блаженстве! И подумалось мне: почему бы нам навсегда не продлить эти мгновения? Неужели эта Митриодора столь хороша, что может сравниться со мной, столь безумно на тебе и под тобой извивающейся?! Подумай об этом на досуге – и возвращайся, возвращайся ко мне! Навсегда!»

Третья табличка имела текст следующего содержания:

«Таврион, готова сегодня продолжить наши отношения, но только с одним условием: очень хочу попасть в театр Аполлона, где вечером состоится премьера «Прометея прикованного»! Прибери, пожалуйста, два билета – и жди меня в условленном месте.»

Последний из образцов эротической лирики был таков:

«Многолюбимый мой, очаровательный Таврион! Вот и опять: ты покинул меня, убравшись к своей жене, а я всю ночь не могла сомкнуть глаз, вспоминая твои прикосновения... О Таврион, ты настоящий бычок, вспахивающий своим бесподобным плугом не менее роскошную пашню! Ты не представляешь, мой возлюбленный, как же я жажду продолжения: сейчас, сегодня, завтра! Приди ко мне – и мы навеки растаем друг в друге! Хочу тебя, хочу, хочу!»

Закончив чтение, доктор ещё несколько минут внимательно рассматривала неоспоримые свидетельства супружеской измены; наконец, она отложила таблички в сторону, а затем, подумав, сложила их обратно в мешочек – и вновь завязала его узлом. Митриодору умоляющим взглядом посмотрела на доктора – и глубоко вздохнула:

- И что ты скажешь теперь, Гестия? Таких доказательств, думаю, вполне достаточно... Что теперь делать? Если любовница Тавриона замужем, то, согласно закону, её муж может убить моего негодяя...

- Или наоборот, - согласно специальности, доктор закончила ускоренный курс юриспруденции под руководством самой Фемиды, поэтому превосходно разбиралась в эллинском законодательстве. – Есть ещё вариант: Таврион может отделаться выкупом... Любой суд признает вторую возможность более предпочтительной, это тебе подтвердит всякий адвокат, даже не особо подкованный на семейных делах... Иными словами, физически он вряд ли пострадает, так что можешь не переживать за своего Тавриона.
- Правда?! – облегчённо выдохнула эллинка, неосознанно теребя мешочек. – Что же, тогда ещё не всё так плохо... У нас двое детишек... Но, боги, какой же он всё-таки негодяй! – поняв, что мужу ничто не угрожает, к женщине вернулось праведное негодование. – Не хочу хвастаться, Гестия, но никогда не могла предположить, что ему не хватает меня!
- Знаешь, Митриодора, Зевс да будет мне свидетелем, я не хотела тебе говорить об этом, но... – доктор печально посмотрела на женщину и погладила её по плечу. – Похоже, что Тавриону мало не только тебя, но и новой любовницы...
- То есть, как это?! – не поняла её собеседница. – Ты считаешь, что у него не только жена и любовница, но ещё и кто-то третий?! Боги, неужели он завёл себе и любовника в придачу?!
- Не думаю, что всё так страшно, - возразила доктор, - но то, что у него ещё одна – третья женщина – очевидно!
- Но... как ты узнала о ней, Гестия? – изумлённо спросила Митриодора, недоверчиво всматриваясь в лицо наставницы.
- Проще простого, - ответила та, кивая на мешочек. – Если ты внимательно присмотришься к табличкам, то обязательно обнаружишь, что одно из писем стилистически абсолютно выпадает из собранной Таврионом коллекции... Кроме того, отличается почерк: эта особенность сразу бросится в глаза любому графологу... Я также заметила – и это неоспоримо, что в послании, которое я читала третьим по счёту, особое на себя внимание обращает написание букв «альфы» и «дельты»: из-под руки неизвестного автора они выходят почти идентичными! Остаётся жалеть, что послания не подписаны... Я, честно говоря, дорогая моя, опасаясь другого: если окажется, что вторая любовница Тавриона также замужем, то в вашем семейном бюджете появится такая дыра, что её не сможет залатать никто... Кроме Гермеса, естественно...
- Ах, кобель! – в ярости сметая мешочек со стола на пол, возопила Митриодора. – Ах, Таврион, бычий... – грязно ругнулась эллинка, не в силах более следить за языком. – Ах ты, скотина похотливая! Кувыркаться сразу с тремя! Вот седец, вот кобелина поганая! Ну, молись теперь хоть всем богам Олимпа: хана тебе, сморчок!
- Кстати, откуда ты сама взяла эти записки? – доктор, понимая состояние подруги, не стала делать ей замечание за ненормативную лексику: ну, с кем не бывает? – Каким образом они попали тебе в руки, подруга?
- Случайным, вот каким! – сверкнула глазами женщина. – Муж вернулся пьяным в стельку – и рухнул в кровать, не раздеваясь. Мне пришлось стаскивать с него одежду – и этот мешочек упал с его пояса...
- Пьяный, значит? – уточнила доктор, нахмуриваясь. – Ну, тогда уж точно: мой клиент!.. Где он сейчас?
- Наверняка дрыхнет дома без задних ног, где я его и оставила... Я только прочитала эту гадость, как сразу побежала к тебе...
- Замечательно! Ну, Митриодора, у тебя есть выбор: или я сама сейчас нанесу визит твоему Тавриону, или делаю звонок нескольким нашим ребятам – и этим вместо меня займутся бравые «Легионеры Гестии»... Только предупреждаю заранее, – доктор сделала краткую паузу, давая собеседнице возможность обдумать своё предложение. – Если отправятся наши трезвенники, то у Тавриона хотя бы имеется шанс на выживание... Не поверишь, но измен я не терплю более всего остального!
- Я, как оказалось, тоже! – воскликнула женщина, вскакивая со стула. – Поэтому настаиваю на том, чтобы лучше к нам в гости явилась ты, а не наши моральные полицейские... Мало ли, что: вдруг пожалеют его, вспомнив о мужской солидарности – и только покалечат, а мне

потом возись с парализованным... Так что, Гестия, пора отправляться? – вызывающе спросила Митриодора, пряча мешочек под пеплос.

- Ладно уж, - понимающе кивнула доктор, накидывая на шею лёгкий шарф. – Я понимаю тебя, понимаю твой нынешний гнев – и потому не трону твоего супруга... Поколоти его, как следует, понаставь ему синяков, поиграй в недотрогу пару месяцев – и прости... Семья-то у вас, вроде бы, неплохая: мне никогда ещё не поступало на вас никаких сигналов...

- Да я и сама всё понимаю, - вздохнула эллинка, подходя к дверям. – Попробуем сначала: как ты говоришь, «спасти то, что ещё можно спасти»...

В коридоре они встретили сердечную бабушку; доктор извинилась за внезапное нарушение своего расписания – и попросила ещё немного подождать её возвращения.

- Всё бывает, - смиренно ответила старая почтенная женщина, вновь присаживаясь на скамью для ожидающих. – Пусть у вас, девочки, всё будет хорошо!

В доме Митриодоры царил тишина. Малые дети спали, Таврион валялся на кровати и даже не храпел. Хозяйка дома вопросительно посмотрела на спутницу; доктор оценивающе оглядела лежавшее перед ней тело – и привычным действием сбросила шарф.

- Что мне делать? – прошептала женщина, на всякий случай отодвигаясь к стене.

- Ступай к детям и закрой дверь, - ответила та, садясь на кровать рядом с неподвижным мужчиной. – Мне надо поболтать с ним наедине! Обещаю тебе, Митриодора, что Таврион, как только я покину ваше жилище, станет настоящим паинькой – и больше никогда не глянет ни на кого, кроме тебя...

- Будешь бить его?

- Ну, разве что немного пощекочу, - успокоила её доктор. – Просто весьма доходчиво объясню ему, что он может потерять – и замены чему не найдёт никогда в жизни! Оставь нас, остальное пусть будет моей врачебной тайной!

Эллинка покорно покинула помещение и закрыла за собой дверь. Доктор, громко хрустнув костяшками пальцев, принялась щекотать развалившегося перед ней мужчину, а когда тот пришёл в чувство, резко перевернула человека на бок – и бесцеремонно заломала его правую руку.

- Ой, больно! – приглушённо завопил в подушки полураздетый Таврион, протрезвев во мгновение ока. – Моя рука! Отпусти!

- Всем лежать, работает Гестия! – скороговоркой произнесла доктор в качестве приветствия. – Не ори; детей разбудишь – голову сниму! А теперь, бычок мой ненаглядный, я скажу тебе следующее: ещё раз глянешь на кого-нибудь, помимо Митриодоры – я тебе твоё бычье достоинство отрежу ко всем аидам, ясно? Причём, не постесняюсь оскотить тебя собственноручно... И никакой Прометей со своими биомеханическими фокусами тебе не поможет, усёк? То, что покалечила Гестия, не подлежит никакому восстановлению. Ты понял меня, Таврион?

- Понял! – немедленно раздалось из подушек. – А-а-а, руку сломаешь! Я всё понял, Гестия! Отпусти!

- Ну, раз понял, тогда отпускаю, - женщина слегка отодвинулась от стонущего мужчины. – Итак, мы немного развлеклись, Таврион, теперь поговорим серьёзно. Если ты считаешь, что я до сих пор прикалывалась, тогда лучше прямо сейчас возьми стиль – и подай прошение на имя всех богов с просьбой о немедленной эвтаназии: расходы, связанные с твоими похоронами, обязуюсь оплатить из олимпийской кассы... Ты меня слышишь, нечестивец?

- Да-да, конечно! – прошептал тот, укрываясь покрывалом и таращась на нежданную гостью. – Всё, что ты только скажешь, о великая хранительница домашнего очага!

- Вот теперь я вижу, что ты готов к разговору... Слушай внимательно каждое моё слово, - и доктор, слегка наклонившись над Таврионом, почти беззвучно зашептала ему что-то на ухо.

Минутой позже глаза человека вдруг округлились – и он разрыдался, как дитя:

- Каким же я был гадом, о великая Гестия! – причитал Таврион, всхлипывая и вытирая лицо подушкой. – Ах, Митриодора, бедненькая! Как же мне исправить и загладить свою вину перед ней?!

- Ты это знаешь, дружок! – ответила доктор, поднимаясь с кровати и направляясь к выходу из комнаты. – Если поступишь, согласно моему совету – всё будет ладно... Но, если ещё раз!.. – и педагог погрозила мужчине кулаком.

- Никогда! – воскликнул мужчина, сползая с постели на пол. – Ни за что!

- Рада, что мы друг друга поняли! Приведи себя в порядок – и ступай к супруге! Адью! – и доктор покинула помещение.

- Как он там? – поинтересовалась Митриодора, когда её олимпийская подруга зашла к ней попрощаться. – Ему было больно?

- Ничуть не меньше, чем тебе, - ответила специалист по решению семейных конфликтов. – Главное, что он понял, что совершил... Теперь можешь быть совершенно спокойна за семью и новые, практически идеальные отношения с Таврионом! Однако, засветить ему в оба глаза для профилактики не помешает; это я тебе настоятельно рекомендую...

- О, это со всем удовольствием! – пообещала наставнице Митриодора, поглядывая на спящих в кроватках малышей.

- Вот и замечательно! – доктор Гестия элегантно движением поправила шарфик. – Ну, так я пойду, подруга? Меня ещё клиенты дожидаются...

- Спасибо тебе, милая моя! – женщина с проступившими на глазах слезами радости крепко обняла её. – Ты – больше, чем богиня или верная подруга: ты спасла мою семью! На тебе столько забот о всём мире, а ты нашла время для нас с Таврионом...

- Трудно быть Гестией, - пробормотала психолог. – Главное, что всё хорошо закончилось... Жду тебя завтра на занятиях, дорогая! Заодно расскажешь, сколько рёбер ты пересчитала своему бычку...

- Обязательно!

Впрочем, хоть рассказанная выше история наглядно демонстрирует достаточную снисходительность доктора, при иных раскладах она вела себя не столь любезно. Вторым номером в её проскрипционных списках личной неприязни стояли злоупотребляющие спиртным. Если с некоторыми из них достаточно было провести одну-другую душевную беседу – и человек шёл на поправку, то попадались персоны, яростно сопротивлявшиеся благим намерениям психолога. К таковым доктор поистине не ведала жалости, иногда наказывая их довольно суровыми методами; а поскольку Гестию никак нельзя было обвинить в недостатке фантазии, частенько её импровизации, несмотря на строгость обращения с пациентами, принимали комичный характер.

Как-то раз к доктору пришла девушка из Диона, жених которой, как стало ясно из короткого разговора, любил заложить лишнего.

- Так бросай его! – отрезала консультант, у дверей которой сегодня было особенно много желающих излить свои беды. – Думаешь, вокруг мало добрых, порядочных трезвенников?

- Не могу, - замотала головой незнакомка. – Люблю я его, окаянного!..

- Понятно. А как он к тебе относится?

- И он меня любит. Просто иногда у него случаются такие запои, что... – посетительница закрыла лицо руками. – Так человек-то он хороший... Помоги, о милосердная Гестия! Я пожертвую тебе всё, что попросишь!

- Ну, это меняет дело, - изменила первоначальную тактику доктор. – Это я не о жертве твоей, а о том, что любовь ваша – взаимна... Говоришь, хороший человек? Не профессия это, тем более, в наши времена, пташечка!

- К тому же, он художник, личность творческая, - продолжила девушка. – Учился у самого Аполлона...

- Этого только не хватало! – выдохнула блюстительница домашней чистоты. – Стоит лишь немного копнуть детали биографии пациента, как тот, в большинстве случаев, неминуемо окажется актёром, писателем или художником... Знаешь ли ты, милая, как тяжело работать

с утончёнными натурами? К ним нужен особый подход – потому, что каждый из них живёт в своём собственном, довольно изолированном от общества мирке... И чем занимается твой жених? Расписывает витрины магазинов или занимается оформлением стендов?

- Всякое бывало... Но в последнее время он более всего трудится над росписью таверн да ресторанов: его фрески на потолках очень востребованы....

- Тогда мне ясно, откуда у него подобное пристрастие к алкоголю! – мгновенно заключила доктор Гестия.

- Да, именно так. Обычно он вообще не выходил из мастерской, брал заказы исключительно на дом, а тут – один раз сходил, другой, третий... Евдоким – так его зовут – вообще большой домосед, его практически на улицу не выманить; да и теперь – с тех пор, как пристрастился к вину да пиву – его ни за что на прогулку не вытащить... Сидит себе дома, когда нет вдохновения, и потребляет...

- Позволь, дорогая, - удивилась доктор. – Как же он потребляет, если этого сперва нужно сходить в магазин?! Ты же говоришь, что он на улицу и носа не показывает... или рабов посылает за отравой?

- Нет, он подписал договор с ближайшей «Лавкой Диониса», чтобы те привозили ему на дом свою продукцию, - ответила собеседница.

- Опять! – воскликнула психолог, взмахнув руками. – Опять я слышу это противное название!.. Ну, Дионис, ну, аидов химик, я до тебя ещё доберусь!

Собеседница молчала, пережидая ослепившую весь кабинет вспышку праведного гнева. Однако, доктор, ещё пару раз крепкими словечками пройдясь по некоторым олимпийским коллегам, быстро взяла себя в руки.

- Постой, красавица... Кстати, ты не представилась, - Гестия выжидающе посмотрела на гостью.

- Ах, да, я так волнуюсь... Меня зовут Ифиона, – она прикоснулась рукой к груди и легонько наклонила голову. – Такое несчастье... Евдоким понимает, что может меня потерять – и переживает, однако, ничего не может с собой поделаться. А я тоже не хочу с ним расставаться... Помоги Евдокиму, о великая Гестия!

- Я всё поняла, Ифиона, - подытожила доктор. – И давно у него эта зависимость?

- Около полугодия, наверное, – девушка мысленно подсчитала срок от начала своих горестей.

- Ну, это дело поправимое: полгода – это для моей клиентуры не стаж! Ещё один вопрос, дорогая: ты говоришь, что ему поставляет товар «Лавка Диониса». Из дома он не выходит. Из этого следует, что к нему приходят собутыль... соамфорники... сокувшинники... Словом, друзья?

- Нет, он пьёт в одиночку, - ответила Ифиона, утирая краешки накрашенных киноварью глаз.

- Это же чудовищно! – возмутилась педагог. – Я понимаю, когда вышвырнутые жёнами из дома негодники собираются в кабаке, чтобы пожаловаться друг другу на свои несносные, тиранические половинки, но когда пьянице вообще не нужна компания – это уже последний звоночек! Ты ничего не путаешь, Ифиона: у Евдокима ушло всего лишь полугодие, чтобы так низко пасть?!

- Да, я в этом уверена, - подтвердила сказанное ранее бедняжка. – При этом он говорит, что так ему проще общаться с музами... С какими, спрашивается, музами? У Аполлона он, что ли, с ними вдоволь не наобщался? А может... – она с внезапно возникшим подозрением глянула на консультирующего специалиста. – Может, у него действительно завелась какая-нибудь муза?!

- Сомневаюсь, потому что он не выходит из дома. Не будет же он приглашать к себе любовницу, которую ты можешь застукать с ним в любой момент! – ответила доктор, а девушка после её резюме облегчённо выдохнула. – Нет, судя по описанному тобой типу, Евдоким скорее сто раз сопьётся, чем его, деликатно выражаясь, потянет на сторону... Сейчас он тоже, полагаю, дома?

- Вчера, когда я отправилась в тебе, он был в стельку, - пожала плечами Ифиона. – Да где ему ещё быть?! Наверняка надрался в усмерть – и лежит в отключке...

- Ладно, я помогу вам: что можно сохранить, должно быть сохранено! – доктор накинула на шею свой походный шарфик. – В целях экономии времени сейчас вызову такси... – Она прикоснулась к уху – и связалась с Технической лабораторией. – Арес? Да, и тебе не хворать!.. Дружище, ты не занят? Понимаю... Скажи, пожалуйста, а Фобос с Деймосом не могли бы присмотреть за этим мегарадаром? Вот и чудненько! Что? Маршрут? Олимп – Дион – Олимп... Думаю, что если подашь воздушный экипаж в течение пяти минут, то, судя по моим выкладкам, вернёшься к прерванному занятию через полчаса... Конечно, у меня боевая операция! Жду! – она глянула на девушку и улыбнулась. – Итак, сейчас мы с ветерком прокатимся к твоему жениху! А потом мне срочно надо назад: видела, небось, какое у меня за дверьми столпотворение?

Глиссер знаменитого техника доставил женщин по месту назначения в считанные мгновения.

- Помощь нужна? – тактично поинтересовался Арес.

- Спасибо, справлюсь сама! – доктор Гестия воинственно закинула один конец шарфа за спину. - Подожди здесь, полагаю, что вернусь через четверть часа... Ифиона сказала, что всего лишь через площадь перейти...

- Кто на сей раз?

- Пьянчуга-художник...

- Ясно, - понимающе кивнул Арес. – Аполлон наплодил творческих единиц – и пошли вдохновлённые ребята гулять по белу свету!..

- Ладно, я скоро...

Стоили Ифione и её высокопоставленной гостье оказаться перед домом Евдокима, как прямо у них за спиной остановилась повозка с рекламным плакатом «Лавки Диониса».

- Эй, Евдоким! – зычно заорал возница, спрыгивая на землю. – Выходи, принимай товар!

В окне появилось лицо заросшего бородой хозяина:

- А больше ты ничего не хочешь? Согласно договору, вы должны внести его в дом, потому что у меня руки трясутся, - вдруг нетрезвый художник заметил стоявших с повозкой двух женщин, в одной из которых немедленно признал невесту. – Ифиона, ты, что ли? Или мне с перепоя мерещится...

- Ничего тебе не мерещится, пьяная твоя голова! – вызывающе ответила доктор педагогики, занимая удобную позицию между возницей и окном, из которого по-прежнему торчала рожа Евдокима. – Ифиона, деточка, отойди, пожалуйста, в сторонку и закрой глазки, - ласково добавила она, обратившись к спутнице, едва не падавшей в обморок от предчувствия грядущих событий. – Честно сказать, Евдоким, я, по дороге к тебе размышляла о том, какой ты и как тебя с первого раза пронять настолько, чтобы ты прекратил бухать навсегда. К каждому больному нужен индивидуальный подход; и когда твоя невеста поведала мне о твоих поисках вдохновения, я сразу поняла, какой метод лечения следует применить к тебе. Поверь мне, он сработает наверняка! – с этими словами специалист по решению конфликтных ситуаций схватила с повозки первый из попавшихся кувшинов – и, даже не целясь, запустила им в Евдокима.

Мужчина, хоть и не особо владел телом, ухитрился увернуться от пущенного в него снаряда; реакция, пусть и заторможенная, не подвела художника: кувшин, пролетев через всю комнату, окрасил своим содержимым одно из его собственных произведений на противоположной стене.

- Послушай, многоуважаемая, великолепная Гестия, может, помиримся? – испуганно завопил он из-за стены, протрезвев как по мановению волшебной палочки. – Ты только что убила мою любимую картину!

- А вот фиг тебе! – со зловещим смехом ответила женщина, опуская руку в повозку за следующим боеприпасом. – Если выживешь, нарисуешь ещё!.. Будешь знать, как позорить

невесту! Будешь знать, как уделять время не ей, а дионисиевой отраве! Получай! – и доктор метнула в окно очередной взрывпакет.

Ифиона замерла, прижавшись спиной к дереву; вокруг, заинтересованный случившимся, собирался народ. Но доктор не думала останавливаться – и продолжала бушевать; обалдевший от ужаса возница, незаметно спрятавшись в ближайшем кустарнике, наблюдал, как кувшин за кувшином исчезают в проёме окна, в котором – после того, как половина повозки была опустошена атакующей стороной – замаячил белый флаг, а иногда мелькало – такого же цвета – перепуганное лицо хозяина.

- Вот тебе «Молот Гефестов»! – громовым голосом вещала доктор, отправляя в дом одну за другой посуды с алкоголем. – Вот тебе «Трезубец Зевса»! Вот тебе пиво на дом!

Если бы запас спиртного через несколько минут не закончился, то неизвестно, как долго продолжалось бы это шоу. Тем не менее доктор, выпустив пар, мгновенно потеряла интерес к делу, объявив городу и миру о полном излечении художника.

- То есть, он больше не прикоснётся к выпивке? – опасливо обратилась к безупречному педагогу Ифиона.

- Никогда! – торжествующе объявила доктор. – Во-первых, он понял свои заблуждения – за это могу поручиться. Во-вторых, его лично проучила Гестия; это, надо тебе сказать, мера устрашения высшей степени... Ступай к нему, Ифиона: теперь Евдоким стал во всех отношениях нормальным человеком... Эй, возница! – обратилась она к до сих пор прячущемуся в кустах сотруднику «Лавки Диониса». – Подойди, не бойся... Приходи на Олимп в эти выходные, я выпишу тебе чек за уничтоженный товар... Привет Дионису! – и поспешила к ожидающему её Аресу...

- Народ на твоей стороне, Гестия! – сказал ей профессор Зевс, имея с ней приватную беседу незадолго после случившегося в Дионе. – Большинство людей оправдывают твой последний поступок и восхищаются твоими неординарными педагогическими методами... Ты закатила такой импровизированный спектакль, что самому Аполлону не угнаться за подобным со всеми генеральными репетициями! – засмеялся глава базы.

- Каждый делает, что в его силах, – улыбнулась доктор Гестия. – Моей целью было не повеселить людей, а избавить талантливого художника от зависимости... И мне это удалось: его невеста написала мне, что тот стал прежним Евдокимом, полностью в завязке – и что через месяц у них свадьба... Приглашение прислали, просят почтить своим присутствием – и чтобы я лично разожгла огонь в их новом доме...

- Ну, конечно – в новом! – усмехнулся профессор. – Мне Арес доложил, что осталось от прежнего после твоего развесёлого налёта!.. И вот что, милая: хватит прилюдно стебаться над Дионисом! Доктор честно делает своё дело, а его хобби можно считать излишком его продуктивной работы...

- Я же не против Диониса – наоборот: он мне очень симпатичен... Просто есть вещи, в которых я ни с кем не схожусь... И ты это знаешь, Зевс! – ответила женщина.

- Знаю, дорогая моя! Но вызвал я тебя не для обсуждения твоих методов преподавания и лечения, Гестия: известно ли тебе, что количество твоих учеников, по данным наших статистов, недавно превысило все вместе взятые учебные заведения «Олимпа»?

- Нет, – равнодушно ответила доктор, поправляя шарфик. – Я не веду учёта и не соревнуюсь с коллегами за первенство... А если всё так, как ты говоришь, дорогой – это значит лишь одно: моя наука приносит очевидную пользу!

- Я подумал, а что если тебе основать самый настоящий университет педагогических наук? Поскольку никакая кафедра или даже факультет не может принять столько эллинов на обучение... Не говорю даже о том, сколько ещё желающих поступить на семейную психологию!

- Почему бы и нет? – не задумываясь, ответила преподаватель. – Чем больше в Элладе будет учёных людей, тем скорее наступит её процветание, чего все мы, собственно, и добиваемся... Университет, так университет, только...

- Что? – наострился профессор, ожидая какого-нибудь подвоха.

- Прошу введения новой отметки за успеваемость, - улыбнулась доктор Гестия. – Предлагаю оценивать учащихся нового университета в гестиях. Особо одарённых – в мегагестиях...

- Это твоё полное право, - мгновенно успокоился руководитель базы.

- Вот и я о том же! – продолжая улыбаться, сказал педагог. – Иначе как-то интересно получается: наша Афина, например, всё на свете измеряет в «афинах», а мне, что, нельзя?

- Тебе можно всё, - заверил собеседницу профессор.

- Правда? Тогда ещё сегодня напишу несколько трактатов для обязательного изучения, согласно новой университетской программе. Создам компиляцию базовых и общеобразовательных знаний, которые послужили основой моих предыдущих тематических лекций... «Воспитание детей – без плетей!», каково, Зевс?

- Bravo! – заплодировал тот.

- Или «Пьянству бой – проблемы долой!»

- Брависсимо! – аплодисменты зазвучали громче.

- И, конечно, мне понадобятся помощники, - заключила доктор. – Если уж я только что стала ректором, то мне понадобится целый деканат!

- Вот и прекрасно, дорогая! Помощников и будущих преподавателей выберешь по своему усмотрению, ибо кто знает контингент твоих учеников лучше тебя самой?!

- Да-а-а, трудно быть Гестией! – тихонько произнесла женщина, поправляя складки на пеплосе. – Ладно, Зевс, раз уж ты добавил мне работы, пойду исполнять её!

После этой беседы лекторий доктора Гестии был перестроен, значительно увеличен в размерах – и официально получил новый статус. Преподавание не ограничивалось только вопросами педагогики; различные кафедры и факультеты занимались медицинскими исследованиями в разных сферах – от психиатрии до фармацевтики. Именно в одной из опытных лабораторий доктор Гестия нашла замечательный препарат, создав на его основе чудодейственные пилюли; можно напомнить, что капсулы из этого вещества, лишь усиленные доктором Гипносом, послужили настоящим спасением для доктора Афродиты, вернее, для её неугомонного поклонника Бакхилида. Множество разработок велось и в других научных направлениях; двери университета были распахнуты для всех желающих. С преподавательским составом нового ВУЗа также не возникло никаких неувязок: вышколенные доктором прежние ученики и ученицы с радостью заняли доверенные им места. Главным своим проректором Гестия назначила хорошенькую Астиному: молоденькую эллинку сельского происхождения, которая, получив ранее у доктора педагогики несколько дипломов, в скором времени стала едва ли не символом заведения. Ещё тогда, когда доктор Гестия начала вести курсы у подножия Олимпа, к ней пришла девочка – и попросила о записи на курсы.

- На какие? – с улыбкой спросила доктор, не в силах отвести взгляда от волос ребёнка: они были такими огненно-рыжими, что при прямом попадании на них солнечных лучей невольно слепили очи.

- На все! – ответила девочка. – Я хочу помогать людям правильно жить... Но для этого ты, Гестия, должна научить меня саму.

- Вот как? – доктор усадила её на стул перед собой и насыпала в руку орехов. – Разве тебе совсем не хочется играть в куклы?

- С куклами скучно, потому что они – неживые, - сказала девочка. – Мне хочется поскорее вырасти, но таким образом, чтобы вместе со мной росли и приобретённые знания. Будет обидно, если вырастет только тело, но не содержимое мозгов. Вот я и стремлюсь наполнить их чем-то нужным...

- Вот это вираж! Как же тебя зовут, лисичка? – не смогла удержаться женщина – и погладила её по голове.

- Астинома, - произнесла маленькая собеседница. – Ты говоришь также, как мои папа и мама... Твой голос звучит ласково; совсем не так, как у других девочек, которые иногда

пытаются поколотить меня за цвет волос... И мальчики не спешат брать меня замуж – по той же причине.

- Не рано ли ты думаешь о таких вещах, миленькая? – удивилась психолог.

- Я знаю, что даже взрослые соседи немного побаиваются меня потому, что я рыжая... Но я считаю, что цвет моих волос также естествен, как цвет пламени, зажжённый великой Гестией в каждом доме...

- То есть, люди не очень хорошо относятся к тебе, но ты всё равно хочешь помогать им? – уточнила доктор.

- Они такие же, как и я, - ответила Астинома. – Каждый из них хочет быть счастливым... Если ты научишь быть счастливой меня, то я обязательно поделюсь этим с другими...

Неудивительно, что спустя около двадцати лет Астинома стала не только верхней опорой доктора по вопросам преподавания, но и незаменимой помощницей во всех остальных делах: она заведовала хозяйственной частью лектория, проводила регистрацию и учёт посетителей, подменяла свою наставницу на уроках, фактически являясь её доверенным лицом. Из маленькой, застенчивой девочки, Астинома превратилась в бойкую, подвижную, не лезущую за словом под пеплос огненную красавицу – и те, кто некогда отказывался от дружбы с ней из-за цвета волос, ныне всячески искали её внимания. Доктор Гестия полностью полагалась на девушку, которая раз за разом оправдывала оказанное её покровительницей доверие; сначала она попросила Астиному заняться приведением в порядок своего цветника, потом – и самого лектория; вскоре она поручила «лисишке» координировать приём пациентов и время от времени брала её с собой на срочные вызовы. Дальше – больше: Астинома стала постоянно замещать её по хозяйственным вопросам, полностью сняв с плеч доктора Гестии отвлечение на всякие мелочи. Но, главное, что даже отвлекаясь на всю уйму перечисленных занятий, девушка продолжала учиться; возможно, что среди всех учеников и учениц «Олимпа» не было более прилежного слушателя. Когда доктор убедилась, что знания Астиномы соответствуют необходимому уровню – да что там, соответствуют: они намного его превосходили! – ей было поручено вести самостоятельные занятия с начальными курсами сразу в нескольких областях...

И теперь, когда такой самородок заслуженно стал правой рукой ректора нового университета, подобное назначение никого не удивило: ни среди эллинов, ни на «Олимпе». Смертные, будто сговорившись со своими создателями, за глаза называли Астиному не иначе, как «Пламечком»; но только первые боролись между собой за право когда-нибудь назвать выдающегося педагога своей супругой...

Именно она – по просьбе доктора Гестии – занималась с детьми и взрослыми; то, к чему стремилась маленькая девочка, стремительно воплощалось в жизни. Общаясь с ней, множество людей воочию могли созерцать, как можно быть счастливым – и раздавать частички собственного счастья другим.

Более всего это понимал, пожалуй, малютка Клеархос, который, несмотря на огромную разницу в возрасте с Астиномой, был очень дружен с «Пламечком» и стремился следовать её примерам. Если бы доктор Гестия сама не привила мальчику любовь к чистоте, то это неминуемо сделала бы Астинома.

- Ну, вымыл руки? – спросила педагог подрастающего философа-перипатетика, прогуливающегося по её цветнику с заложенными за спину руками. – Без этого даже не думай философствовать!

- Только что! – ответил тот, протягивая ей ладони. – Астинома не даст соврать... Слушай, Гестия, а когда, наконец, я увижу этих страшных микробов?

В это мгновение солнце над их головами скрылось; подняв голову кверху, беседующие увидели зависшее над ними прогулочный корабль Ареса.

- Хайре, дружище! – поздоровалась доктор; техник в ответ приложил руку к сердцу – и молча поклонился с борта. – Ты куда направляешься: с Олимпа – или на Олимп?

- На, - кратко ответил тот. – А что? Подбросить?

- Пожалуй, да! – доктор указала на Клеархоса. – Возьми нас с собой, Арес: я уже давно обещала мальчику познакомить его с некоторыми коллегами – и взглянуть в микроскоп на микробов! А то перед юным учёным неудобно...

- Ура! – захолопал в ладоши Клеархос. – Мы летим с Аресом на Олимп!

- Не вопрос, - ответил техник, снижая аппарат до земной поверхности. – Добро пожаловать на борт!

АРЕС-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

*Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьём, неустанный, защита Олимпа.
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
Мужества царь скиптроносный...
Гомеровы гимны, «К Аресу», 1-6*

Пока доктор Гестия успела перебраться с техником несколькими словами, судно успело достигнуть посадочной площадки на «Олимпе». Клеархос, воспитанные педагогом в лучших манерах, оставался от них на почтительном расстоянии, чтобы не слушать, о чём говорят взрослые; практически не придав никакого значения тому, какие живописные виды открывались с борта воздушного корабля, он внимательно наблюдал за бессмертными; а когда они приземлились, с поклоном приблизился к капитану.

- Теперь я понимаю, о могущественный Арес, - сказал мальчик, - что из обилия информации, передаваемой о тебе нашей мифологией, мало что можно считать правдой... Ты велик в силе ума своего, но вовсе не жаждешь крови!

- Удивительно, дружище! – улыбающийся техник присел перед ребёнком на корточки, коснувшись его плеча. - Не рано ли ты понял мою тайну, тайну несчастного Ареса? Ведь почти все без исключения эллины полагают меня «богом войны» – и по этой причине стараются держаться от меня подальше!..

- Я имел прекрасную возможность убедиться в том, что это не так, - ответил Клеархос. – Если ты действительно ценил бы раздоры больше всего на свете, то, наверное, не преминул бы натравить меня на Гестию – или наоборот; будь ты таким ненавистником мира, ты попытался бы обязательно поссорить нас исподтишка... Мы находились в твоём обществе в этой странной, двигающейся по воздуху лодке, но ты этого не сделал! Из того можно заключить, что все рассказы о тебе – выдумки от начала и до конца.

- Клеархос очень наблюдателен, Арес! – вставила доктор, с улыбкой погладив мальчика по голове. – Если уж он подметил такую деталь и сделал вывод – значит, так оно и есть!

- Как?! Ты не считаешь меня «злейшим божеством» Олимпа?! – воскликнул техник, взмахивая руками от изумления. – Вот бы все так относились ко мне, честное слово! А то рассказывают обо мне всякие небылицы... Мне же, после такого несправедливого и незаслуженного очернения моего доброго имени, весьма нелегко восстановить своё реноме...

- Всё будет хорошо! – убеждал его мальчик, также погладив Ареса по голове. – Тебе надо проводить больше времени среди людей – и тогда они сами увидят, насколько ты добр и отзывчив... После того, как я понаблюдал за тобой, я понял, что ты вовсе не ослеплён жестокостью, как рассказывают о тебе поэты: дескать, чем больше интриг – и на их почве убийств, тем больше твоё удовольствие от содеянного... На основании моих выводов от даже столь короткого знакомства с тобой мне совсем не верится, будто бы сам Зевс сказал, что, если бы ты не был его собственным сыном, то он давным-давно упрятал бы тебя в «Тартар»...

- Абсолютная чушь, мой милый, юный друг! – снова воскликнул техник, на радостях обнимаю собеседника. – Клянусь тебе, Зевс никогда не говорил ничего подобного! Про меня просто распускают слухи – и всё!

- Клеархос это понял за те мгновения, что мы летели на базу, - кивнув, подтвердила доктор Гестия. – А множество эллинов до сих пор предпочитает верить басням о том, что Арес вообще ничего не любит, кроме как сталкивать между собой и людей, и бессмертных... А после является Афина – и, наcostыляв Аресу по шее, приносит им долгожданный мир!..

- Аид меня побери, какая несусветная ложь и поклёп! Действительно, за подобное вполне можно обратиться к Фемиде! – усмехнувшись, произнёс Арес, театрально хватаясь за голову. – Вот выдвину против своих обвинителей иск по статье о заведомой клевете – и посмотрим, как они запляшут! А о том, что мы с Афиной плечом к плечу гоняли всяких там «зевсистов» и «гефестистов», устанавливая в Элладе мир и единство населения, они уже позабыли?!

- Вот и отправляйся к людям, Арес, - повторил подрастающий философ. – Общайся с ними – и не отчаивайся: раньше или позже они поймут, как и я, что ты вовсе не зловеющий призрак войны и разрушения, а весьма доброе существо...

- ...которое приняло нас на борт – и даже не потребовало и обола за перевозку, как наш Харон! – рассмеялась доктор Гестия. – Что же, Арес, мы с мальчиком пойдём! А тебе – хорошего дня!

- Спасибо, друзья! – поклонился им техник. – Пойду, проверю: не натворили ли Фобос и Деймос чего-нибудь за время моего отсутствия!..

Действительно, один из наиболее мучительных и наболевших вопросов Ареса, которым он частенько задавался от начала эллинской мифологии, был следующий: каким образом он – добрейшее существо на «Олимпе» – стал в глазах человечества убийцей и разрушителем, вестником смерти, поджигателем вражды и сеятелем хаоса?! Техник недоумевал, за что его имя было изначально покрыто невыносимым позором, и кто стоит за возникновением ужасных нелепиц о его «воинственном» характере? Несомненно, для честного Ареса существующее положение вещей было совершенно неприемлемо, и он прилагал все мыслимые усилия, чтобы его исправить.

Один из величайших ракетостроителей и испытателей лётной техники, Арес ещё миллиарды лет назад снискал признание своим изобретениям не только среди Вселенского Общества Конструкторов, которое сделало его своим почётным членом и даже неоднократно предлагало занять пост председателя, но и в числе представителей Совета Вселенского Научного Конгресса, а также высокопоставленных лиц Правительства: в закрытом НИИ высококлассному специалисту было поручено вести исследования и заниматься разработками, в основном, различных типов нового вооружения. Арес уже тогда остался не совсем доволен своими внезапными назначениями и повышениями: как-

никак, но ему приходилось иметь дело с оружием, которого мечтательная натура техника почти не переносила на дух. Изобретатель всегда грезил о технических разработках, которые принесут мир и благополучие всем обитателям Вселенной, но не об оружии...

Там же, надо сказать, он познакомился с доктором Гефестом, который одновременно преподавал по месту своей работы; Арес весьма приглянулся доктору – и вскоре оказался в числе его наиболее одарённых и любимых учеников. Преподаватель, вскоре осознав романтические устремления студента, часто позволял ему заниматься не только военными проектами, как того требовала политика НИИ, но и конструировать аппараты, предназначенные для употребления исключительно в мирных целях. Так, совмещая приятное с полезным, Арес усердно вкалывал в закрытом учреждении, пока его, по рекомендации преподавателя, не рассмотрели зоркие глаза профессора Зевса: тот разыскивал специалиста, особенно подкованного технически, для какого-то из своих проектов – и, после единственного собеседования с молодым протеже своего старого коллеги Гефеста, легендарный инженер и учёный пригласил Ареса на постоянную работу в свою команду.

Когда надобность в изобретении новых видов вооружения отпала – о да, как известно из «Всеобъемлющей и Подробнейшей Вселенской Хроники», такие времена наступили для бессмертных целую Вечность назад! – Арес, почувствовав, как с его плеч свалилась гора, сосредоточился только на созидательной работе, совершенствуясь в любимой сфере – ракетостроении. Естественно, он не пренебрегал и конструкциями других образцов пилотируемой техники, создаваемой для покорения околопланетных пространств любой степени плотности.

Когда стартовал «Проект «Земля»», Арес, как и следовало ожидать, появился в созданном с нуля мире в компании профессора Зевса – и ещё нескольких сотен сотрудников, со многими из которых он был давно знаком. Всё было бы хорошо, если сотворённые земляне, когда научились говорить и запоминать собственные мысли, не начали приписывать бы технику абсолютно несвойственных ему атрибутов: неопишуемой – и притом возведённой, как минимум, в куб – злобы, ярко выраженной ненависти, непередаваемой свирепости и вообще – радости от созерцания любой разновидности страдания. Арес неоднократно жаловался на поклёп в свой адрес самому руководителю «Олимпа», но тот всего лишь разводил руками: дескать, ничего не поделаешь, люди ну просто не могут без агрессивных «богов»! Дошло до того, что даже бессмертные в частных беседах с представителями человечества всячески пытались обелить имя своего друга и коллеги, однако на эллинов это не действовало.

- Арес – это убийца, тиран и завоеватель! – говорили они, общаясь, по их мнению, с гораздо более безопасными «божествами». – В какие бы одежды он не рядился, ему нас не провести! Сам техник неоднократно пытался поговорить с населением – и в деревнях, и в метрополиях, но с тем же успехом: может быть, люди уже не разбежались от него, как при первых встречах, однако доверие к нему со стороны последних упорно стремилось к абсолютному нулю.

- Вот вы называете меня убийцей, тираном и завоевателем, распространяете обо мне всякую чушь, а ведь никто из вас даже не поинтересовался у первоисточника, какое у меня доброе и отзывчивое сердце! – стонал Арес, пробуя уже в невесь который раз достучаться до собеседников. – Напридумывали всякой ереси, и уверовали в неё без всяких на то причин...

- Да что мы, собственных мифов не знаем? – упорствовали те. – Или ты считаешь нас полнейшими дураками, Арес? Извини, но мы – люди учёные...

- Да какие вы, ко всем аидам, учёные?! – возражал несправедливо оклеветанный толпой. – Вы просто верующие!.. О боги, неужели вам действительно предназначено повести вперёд всю цивилизацию?! Вот вы заявляете – между прочим, совершенно огульно, что я убийца! Но хоть кто-нибудь из вас когда-нибудь застал меня за приписываемом мне занятием?!

- Надо думать, что ты при этом прячешься, - равнодушно пожимали плечами его невольные хулители. – Кто же будет убивать на глазах у других, если это, конечно, происходит не на

войне? И как объяснить факт того, что ты обязательно появляешься на своих летающих посудинах именно там, где идёт кровопролитное сражение?

- Понимаю, - закатывал глаза техник. – Вы видите следствие, но даже не догадываетесь о причине увиденного! Хорошо, я вам уже объяснял, но не поленюсь повторить ещё раз: я не утраиваю побоищ; единственная для них причина – вы сами! Ссоритесь – и начинаете воевать, а всю ответственность за свои маразмы сваливаете на бедного, ни в чём неповинного меня!

- Докажи!

- Спросите Афину, она подтвердит мои слова! Дело в том, что она – согласно вашему кривому мифотворчеству, кстати, тоже довольно воинственная девушка, только вот на Олимпе Афина лишь историк – иногда просит меня вести хронику тех или иных ваших же сражений; ни я, ни она, ни прямо, ни косвенно в ваших столкновениях не повинны. Я собираю материалы для хроники – пишу видео и аудио, а после отдаю их Афине для анализа события и его каталогизации для ваших же потомков... То, что я делаю – это всего лишь зависаю на летательном аппарате над полем битвы – и для истории снимаю толпу насмерть метелящих друг друга идиотов. Может, дадите своим мозгам хоть немного поработать – и поймёте, что лишь из-за этого я и прослыл «богом войны»?! Афина тоже хороша: нет бы самой заниматься грязной работой, так нет уж – гораздо лучше отправить в самое пекло другого... Вот вы и очерняете меня, обыкновенного военного корреспондента... Между прочим, большего пацифиста и гуманиста, чем ваш покорный слуга, в мире не сыскать! Его собеседники молчали, не в силах понять кое-каких технических деталей из объяснений Ареса.

- А когда я был тираном?! – продолжал он, сверкая глазами, отчего и впрямь выглядел довольно воинственно. – Я не дам вам передохнуть: отвечайте на мой вопрос!

- Передохнуть – или передохнуть? – уточняли его слушатели. – Первого ты нам и так не даёшь, когда появляешься невзвесть откуда, а касательно второго – что же, спасибо, коли не шутишь...

- Нет, вы решительно сведёте меня с ума – или выведете из терпения! – сетовал Арес, теряя почву под ногами. – С вами не только убийцей станешь... Общаясь с такими непонятливыми людьми, я продолжаю уважать ваше право на – пусть и совершенно абсурдное – мнение; в этом, что ли, моя тирания?!

- Ладно, мы люди неглупые, - говорили эллины. – Как-нибудь сами разберёмся... Видали мы таких гуманистов!

- А как насчёт завоевателя? – не отставал техник. – Кого я хоть раз взял в плен или обложил налогами? Когда-то очень давно, я действительно с гордостью нёс подобное звание, - от приятных воспоминаний за прошедшие миллиарды лет черты лица его вновь стали мягкими. – Коллеги и друзья называли меня «Завоевателем Пространств», но это были самые мирные «завоевания» во Вселенной! Научные и технические открытия сопровождали меня; многие из вас были бы счастливы оказаться под командованием подобного капитана! А вы?.. Прямо как малые дети, честное слово! И ведь на Землю я принёс мир, а не меч...

- Посмотрим, посмотрим! – изрекали эллины, у которых после его объяснений в головах была настоящая каша. – Видали мы таких пацифистов!

Едва ли не каждый из подобных разговоров неизменно приводил Ареса по вечерам в «Чертоги» Афины, где он усаживался за отдельный столик – и предавался беспощадному истязанию своей печени крепчайшей продукцией доктора Диониса.²⁹ Поскольку такие постоянные и одиночные посиделки коллеги в последнее время особенно участились, то, конечно, они никак не могли не удручать остальных олимпийцев. Друзья жалели его, но кроме выражения сочувствия ничем не могли помочь несчастному, который продолжал

²⁹ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

заливать горе непонимания тем, чем наполняла бокалы и рюмки «муженька» красавица доктор Афродита.

- Совсем спивается наш Арес, - печально констатировал доктор Аполлон, танцую неподалёку от выпивохи с доктором Артемидой. – Слушай, сестрёнка, неужели мы ничем не сможем отвлечь его от тяжких дум?

- Ты что, братишка, с дуба рухнул?! – ответила коллега. – Может, самое время пригласить его на какую-нибудь из твоих комедий?! Да разве ты не видишь, насколько он отстранён и уединён в последнее время?! Он и слушать тебя не станет! Я сама видела, как вчера он отмахнулся от предложения Пилота выпить вместе... Даже боюсь, что Арес вскоре начнёт дичиться не только людей, но и нас...

- Ну, раз мы не можем придумать ничего действительно стоящего, чтобы спасти приятеля, надо обратиться за советом к тому, кто обязательно найдёт выход из положения!

- К кому, позволь полюбопытствовать?

- К самому хитрому!

- К Зевсу, надо полагать?

- В точку! – доктор Аполлон легонько чмокнул красотку-актрису в щёку.

- А что? Это, пожалуй, мысль... Давай-ка сходим к нему прямо сейчас, чтобы не терять времени: каждое мгновение аресова пессимизма – это ещё большее отдаление от нас, - мгновенно решила доктор Артемида и прекратила танец. – Идём, что ты стал, как вкопанный!

Рано утром Арес получил приглашение профессора Зевса на небольшое совещание. Техник явился в кабинет начальника – тот сидел за компьютером – и почтительно замер перед столом.

- Арес, дорогой, приветствую! – улыбнулся руководитель базы, указывая пришедшему на кресло. – А я вот всё пытаюсь избавиться от зависимости, - он кивнул на монитор; Арес заметил, что профессор резался в безопасную версию «К Барьеру!» в реальном времени.

- Я уже успел соскочить с неё, - понимающе кивнул гость, присаживаясь. – От гипносовых штучек, да ещё после обработки их моими охламонами, неделю голова трещала...

- А от чрезмерных возлияний не трещит? – вдруг спросил профессор.

- Что так сразу? – Арес забеспокоился на предмет сохранности «Чертогов» Афины в тайне.

– Кто вам настучал, папа, что я... того...

- Дорогой, я всё знаю! – гроза «Олимпа» стащил с носа очки. – Вся база всё знает... Непонимание эллинами твоей истинной миссии на Земле беспокоит и нас, а не только тебя одного! Кончай бухать, сынок, подобные проблемы решаются иначе!

- Моё имя вывалено в грязи, - печально произнёс техник, опуская глаза. – Никакие советы тут не помогут...

- А вот это зря, дружище! – профессор погрозил ему пальцем. – Не поддавайся пессимизму, Арес! Если для тебя это так важно, то берись действовать – и восстанови своё доброе имя! А вот тут-то мой совет тебе и пригодится...

- Я слушаю, - заинтересовался собеседник, подаваясь вперёд. – Что мне надо делать?

- Запомни, дорогой: что бы ты не говорил сейчас людям о себе, как бы не расписывал им своё миролюбие – тебя не поймут, хоть ты тресни! Для начала тебе необходимо вызвать к себе их жалость – и лишь потом пробуй объясняться...

- И как вы себе это представляете, профессор? – в глазах Ареса засиял лучик надежды.

- Элементарно: в беседах с людьми покритикуй коллег, только без перебора, естественно... Ну, скажи, что Зевс – до известных пределов – сумасброд; что Афродита изменила тебе с Гефестом, что твой сынок Эрот – тот ещё фрукт, а близнецы Фобос и Деймос – редкие ослушники... Кроме того, советую для этого создать уютную обстановку: не выпивать с эллинами в какой-нибудь таверне, при шуме и гаме, а взять людей на борт любого из твоих кораблей. Увидишь, что подобная тактика обязательно сработает: ты будешь выслушан. А от этого можно смело прокладывать путь к дальнейшему взаимопониманию...

- Позвольте, Зевс, но ведь таким образом я уроню достоинство олимпийцев – и, кстати, наполню древнегреческую мифологию новыми бреднями! – не понял Арес. – К тому же, не совершу ли я преступления против «Инструкций», пустив на борт корабля современных людей?

- Никоим образом, Арес, ни один из пунктов «Инструкций» не запрещает подобных аттракций! – возразил профессор. – Когда наш проект будет закончен, люди позабудут о ваших полётах через несколько сотен лет: даже сама мысль об этом будет их потомкам казаться нереальной. А что касается мифов... Одним больше, одним меньше – какая, в конце концов, разница?! Главное, что ты вновь будешь в хорошем настроении и установишь с людьми нормальные отношения! Я в это верю, мой мальчик!

- Не знаю, не знаю, - пробормотал тот, откидываясь на спинку кресла. – Не побегу же я сейчас по улицам созывать желающих прокатиться на воздушном глассере!..

- Почему бы и нет? – морщины на лбу начальника разгладились. – Обрати их внимание на то, как ты изменился, условно говоря, в лучшую сторону; напомним, кстати, что ты больше не испытываешь ракет над их городами: поверь, люди запишут это тебе в плюсы...

- Ах, вы об этом! – усмехнулся Арес. – Мне никогда не забыть, как эти несносные Фобос и Деймос проложили неверный курс «Мести Аида»: в результате этого пронёсшаяся слишком низко над землёй ракета воздушным возмущением сорвала с домов несколько крыш... Хорошо, что хоть никто не пострадал! Ох, и получили же тогда взбучку за недосмотр мои близнецы! Неудачным оказалось испытание...

- Действительно, мог бы лучше меня пригласить в ассистенты: мы ведь тоже кое-что смыслим в инженерии! – подмигнул ему профессор. – Тем не менее, Фобос и Деймос восстановили разрушенные домики и выплатили напуганным эллинам компенсацию за моральный ущерб... У меня до сих пор стоит перед глазами лицо одного из хозяев разрушенных халуп: глаза навывкате, голос дрожит, язык заплетается... «Сидим в саду с приятелем, принимаем по маленькой; а тут как пронеслось нечто огненное, как загрохотало – и накрылся мой домик!» Впрочем, это дело в прошлом; у людей к тебе нет никаких претензий...

- Ладно, пойду искать, кому поплакаться на свою беспутную семью и родителей! – улыбнулся Арес, поднимаясь. – А после подумаю, как заманить людей для выпивки на «Аризону»...

- Давай, давай, ступай! – ответил профессор, разваливаясь перед монитором. – Пораскинь мозгами, как это лучше обставить... Например, подари несколько десятков оливковых браслетов эллинам: они тобой сразу заинтересуются – и, к тому же, начнут сплетничать о твоей небывалой доброте! Разве тебе это не на руку, Арес?

- Пожалуй... Ещё есть какие-нибудь идеи, профессор?

- Кстати, дорогой, неплохо бы сменить названия твоих ракет и прочих летательных аппаратов на более приятные... А то, что же это, в самом деле, за названия: «Горе Зевса», «Месть Аида», «Смерть Атлантиды»?!

- Но ведь оружие просто обязано иметь грозные наименования! – удивился Арес, замирая в дверях кабинета. – Реклама устрашающих и ужасающих названий боевой техники – это уже половина победы!

- А мы не на войне! – улыбнулся профессор. – Попробуй пойти от обратного: назови свои конструкции как-нибудь поласковее: например, баллистическая ракета класса «земля-земля» «Одуванчик» или крылатая ракета класса «воздух-земля» «Розочка»... Разве не круто звучит, а? Можно, конечно, взять что-нибудь от мира животных, если тебе не нравятся растения: автоуправляемая ракета класса «воздух-воздух» «Мишутка» или подвижная ракета класса «земля-воздух» «Кабанчик»...

- Ага, а потом доктора Артемида и Афродита засветят мне по фонарю под глазами за неуважительное отношение к зоологии и ботанике! – засомневался техник. – Лучше уж обойдусь семейными названиями: вот если назову ракету «Жёнушка» – или тем более, «Тёщенька», то, бесспорно, почти любой мужчина меня поймёт!

- И чего это ты так въелся на нашего завхоза?! – усмехнулся руководитель базы, протирая очки. – Так ты доберёшься и до ракет «Папочка», «Детка», «Бабуся», «Дедуся»... Нет, последнего лучше не упоминать: академик Крон точно не одобрит... В конце концов, организуй какой-нибудь форум для эллинских изобретателей и конструкторов, обсуди с ними достижения науки и техники – выдал на прощание профессор. – А всю эту операцию по обелению твоего и так светлейшего образа запишем тебе, как премиальный отпуск!

- Отличная мысль! – ухватился за сказанное Арес. – Надо будет обмозговать каждую деталь мероприятия, как следует! Эх, прав Клеархос: в люди мне надо! В люди...

После массы полученных советов, техник рьяно принялся за дело. В течение нескольких дней он показывался в тавернах ближайших и отдалённых, больших и малых селений (даже доктору Гестии было указано не препятствовать ему «буянить»), где, приняв определённую порцию из богатого ассортимента «Лавки Диониса», заводил беседы с посетителями; те сперва не особо шли на контакт, но Арес был щедрым – и вскоре весёлая компания летела над землёй на автопилоте. Когда впечатления пассажиров от полёта становились привычкой, Арес, покрасневший от выпитого, напыщенно рассказывал любопытным слушателям о надуманных и хорошо отрепетированных «неприятностях»:

- ...Гера пообещала мне Афродиту, а та ещё замужем за Гефестом... Вот и поймите, мужики, мою ситуацию...

- Понимаем! – хором отвечали его собутыльники, кое-кто из которых уже успел пройти тайную методику лечения доктора Гестии. – Понимаем и сочувствуем...

- Фобос и Деймос, - продолжал плакаться техник, - ещё те вьюнки! Прямо как шило у меня в заднице! Представьте, ребята: по шилу на каждую ползадницы! Не многовато ли, спрашивается?

- Да ты несчастный парень, приятель! – эллины совершенно панибратски обнимали его и хлопали по плечам. – Никогда не подумали бы, что у богов может быть столько проблем!

- Зевс тоже иногда достаёт... немного, - вворачивал Арес между перерывами на закуску. – То ему не так, это не так... Эрота я тоже предупреждал: «Сынок, - говорю, - не учись ты на генетика, следуй по папиным стопам: становись механиком – и весь мир у твоих ног!» А тот наплевал на мои советы и пророчества, послал меня к Аиду – и вот, теперь, пожалуйста: и с Атлантидой у него неприятности, и трюки его эротические людям спокойно жить мешают!.. Ох, бедный я, бедный! Вот ещё и люди меня неправильно понимают; а всё из-за Афины, сестрёнки моей ненаглядной... Её любят, а меня – ненавидят...

- Не грусти, Арес! – успокаивали его гости «Аризоны». – Ты сегодня уже сто раз доказал, какой ты клёвый мужик! Как говорится, парень свой! Погоди, мы и другим расскажем, как с тобой полетали да попили – и, кстати, во время нашей пирушки не произошло ни одной потасовки!

- А все говорят, дескать, где Арес – там обязательно драка! – продолжал ломать комедию «бог войны».

- Ничего подобного, теперь мы сами в этом убедились! А что касается твоего семейства, так сходи на консультацию к Гестии, она должна помочь, - убеждали его собутыльники. – Очень толковая, и так доступно всё объясняет; а уж эффективность применяемых ей методов – гарантирована... Ну что, хлопцы, ещё по одной?

- Вздрогнули!

Благодаря подобным заседаниям на борту «Аризоны», дела Ареса в скором времени пошли на поправку: люди стали гораздо больше доверять ему, охотно всходили на борт воздушной яхты – и даже не всегда прогулки над Элладой нуждались в принятии спиртного для поддержания совершенно нормальных бесед. Техник общался с эллинами, представляющими совершенно разные социальные прослойки; он катал по воздуху и высокопоставленных вельмож, и рабов, и ремесленников, и воинов. Немало внимания ему уделяли и женщины, получавшие от него подарки в виде оливиновых браслетов – и совершенно бесстрашно отправлявшиеся в компании подруг путешествовать над родиной.

Забавный случай произошёл с Аресом, когда неподалёку от Афин он встретил незнакомого юношу; тот был весьма озабочен тем, что не мог определиться с рестораном, куда намеревался пригласить возлюбленную. Это техник выяснил после непродолжительного с ним разговора – и немедленно предложил свои услуги капитана воздушной яхты.

- Слушай, приятель, а почему бы тебе не шикануть как следует, а? – заманчиво замурлыкал он. – На мой взгляд, приглашать девушку в ресторан – это, прости, вершина банальности! Прояви фантазию, дружище!

- А что ты мне посоветуешь? – заинтересовался эллин. – Театр Аполлона?

- Уже лучше, – кивнул Арес. – Но тоже не вариант... А что, если я предложу тебе устроить свидание с возлюбленной прямо у меня на борту?! Только подумай: ну что твоя будущая жена сможет вспомнить после ресторана и театра только по прошествии медового месяца?! Да ровный счёт, ничего; поверь, что у неё даже вкус блюд или название спектакля выветрятся из головы задолго до того, когда она будет рассказывать об этом вашим детишкам... Но свидание с тобой на «Аризоне» она не забудет никогда – и сохранит в памяти каждую мелочь этой необычной встречи! Ещё никто не делал никому столь романтических подарков!

- Да, это было бы здорово! – обрадовался юноша, однако тут же с подозрением посмотрел на собеседника. – Постой, Арес: а вдруг ты нас заманиваешь в ловушку?! Мы поднимемся на яхту – и начнём ссориться, поскольку в твоём присутствии иначе невозможно... Натравишь на нас Эриду, а потом доказывай любимой, что я тут не причём! Я всего-то хочу сделать своей даме предложение!

- Побойся Зевса, молодой человек! – обиделся техник. – Разве ты видишь поблизости Эриду?! Я совершенно один, и просто хочу тебе помочь... Открою тайну: Эриде я дал бессрочный отпуск, так что она тебе не помешает...

- Хорошо, – решил после коротких размышлений юноша. – По рукам! Но если обманешь нас – клянусь всем на свете, что я найду на тебя управу! Подаю петицию на имя упомянутого тобой Зевса, чтобы он зашвырнул тебя в самые глубины Тартара! Немало людей подпишут её, поскольку давно подозревают твою руку в собственных неудачах...

- Согласен! – ответил без вины виноватый. – Ты честно предупредил меня, поэтому теперь вся ответственность – только на мне!.. А теперь хватит болтать: тащи сюда свою невесту! Я приготовлю вам романтический ужин при свечах...

И запланированное на борту «Аризоны» мероприятие прошло на высочайшем – в самом прямом смысле слова – уровне: юноша сделал предложение своей возлюбленной на высоте десятка километров над поверхностью матушки-земли! Капитан яхты снизошёл до того, что лично прислуживал влюблённым за столом, а затем – стал первым и единственным свидетелем их умопомрачительной небесной помолвки.

Похожая история произошла с упоминаемыми ранее Ифиной и Евдокимом – с той разницей, что на сей раз на борту «Аризоны» имело место не свидание, а самая настоящая свадьба! Среди приглашённых были многочисленные олимпийцы, а опекунша всех бракосочетаний во Вселенной – доктор Гестия – великолепно справилась с ролью тамады. Арес, чтобы не являться на свадьбу с пустыми руками, предложил устроить её не над землёй, а за её орбитой – и слегка модифицировал корпус корабля для нахождения в вакууме. Таким образом, Ифиона и Евдоким стали первой человеческой парой, вступившей в законный космический брак.

Продолжая тему брака и семьи, стоит упомянуть ещё одно – хоть и косвенно связанное с этим – происшествие, невольным участником которого стал капитан «Аризоны». Однажды он уже подлетал к Олимпу, когда с небольшой высоты стал свидетелем конфликта двух эллинов, рубящихся на мечях в центре лесной поляны. Любопытный Арес сбросил скорость – и тормознул прямо над сражающимися мужчинами.

- Хайре, смелые воины! – крикнул он, зависнув в метре над поверхностью. – По какому поводу ушей моих достигает звон ваших мечей?

Мужчины разом прекратили биться – и воззрились на появившееся из ниоткуда «божество».

- Ну, теперь одному из нас точно кранты! – уверенно произнёс один из них, явно старший на вид. – Если к решению нашего вопроса примкнул сам бог неумной жестокости, то это наш последний бой!

- И не говори, - согласился с ним противник, переводя взгляд с острия своего оружия на Ареса. – У нас недаром говорят, что Арес пожаловал – кровь рекой...

- Погодите, погодите, друзья! – техник ухватился за борт обеими руками – и, разом перемахнув через него, оказался на земле между опустивших оружие мужчин. – Вы, как и множество других, неверно оцениваете ситуацию: я вовсе не думал о смерти кого-нибудь из вас; а пытаться ссорить уже и без того дерущихся – это, простите, невероятная глупость, вы согласны? Раз уж вы начали до моего вмешательства, то разбирайтесь сами и дальше...

- Действительно, - ответил более молодой элин. – Твои рассуждения кажутся вполне разумными... Что скажешь, Алевтин? – он глянул на старшего по возрасту соперника. – Можно ли полагать, что бог ненависти говорит правду?

- А кто его знает, - неопределённо пожал плечами тот. – В любом случае, его присутствие здесь довольно своевременно! Так что держи меч покрепче, Филаретес – и давай продолжим!

- Простите, но ты неправ, Алевтин! – Арес развёл руки между мужчинами, чем помешал им вновь сойтись в битве. – Так, ребята, брейк – и разбежались по углам ринга... то есть поляны, пока не получите моего разрешения! – прикрикнул он, видя, что те намерены продолжать сражение через его голову.

Недовольные мужчины опустили мечи – и разошлись на несколько метров в стороны; с угрюмыми лицами уселись под деревья, прячась от солнечных лучей – и ждали обещанного Аресом сигнала. Над поляной зависло тревожное молчание.

- Я вот чего не пойму, - нарушил затянувшуюся паузу Филаретес. – С каких это пор Арес решил поиграть в миротворца?! Разве не твоя прямая обязанность сталкивать людей в битвах?!

- Это верно, - поддакнул ему Алевтин, до поры до времени пряча оружие в ножны. – Что там, на Олимпе, все с ума посходили, раз уж сам Арес требует прекращения нашего поединка?!

- Минуту внимания, господа, сейчас я вам всё объясню! – пообещал виновник прерванного истинно мужского занятия. – Во-первых, друзья, вы располагаете абсолютно устаревшей и потому потерявшей ценность информацией: я больше не устраиваю сражений, а вместо этого катаю людей над вашей чудесной планетой. Могу предложить развлекательную экскурсию, если вы прекратите ссориться – и подниметесь на борт «Аризоны» без оружия. Простите, но таковы правила безопасности полёта... Во-вторых, на Олимпе всё в порядке: все целы и здоровы, а Бакхилида мы давно вычеркнули из списка сумасшедших – теперь он как раз соревнуется в стихосложении с Пиндаром...

Мужчины молча переглянулись, но с возросшим интересом продолжили слушать последние новости.

- В-третьих, - продолжал Арес, - над вами я пролетал случайно. Мне стал интересен предмет вашего спора: Аид меня побери, в каком же вопросе можно настолько не сойтись мнениями, чтобы хвататься за оружие?! И, в-четвёртых – я никуда не спешу...

- Что же, если ты говоришь правду и отныне, вопреки своей сути, сменил амплуа – это твоё личное дело и никто из нас не намерен докапываться до причин, побудивших тебя на такое подписаться, - не выдержал Алевтин. – А что касается вопроса, который мы с Филаретесом уже не впервой пытаемся решить на мечах, так он заключается в следующем: как лучше провести свою жизнь – женатым или нет? Я, например, давно женат и с детьми, поэтому отстаиваю свою позицию; Филаретес – холост, и, естественно, защищает собственное мнение...

- Да, это так, - подтвердил Филаретес. – Мы познакомились в одном из кабаков с месяц назад; Алевтин по происхождению спартанец, я – из Македонии... Мы выпили – и подняли этот вопрос; дошло до того, что нам ничего другого не оставалось, как решать его, прибегнув к оружию... С тех пор мы решили не расставаться – до тех пор, пока не узнаем ответа на вопрос, как же человеку быть лучше – женатому или нет...

- Мы стали спрашивать мнения других, но они самым печальным образом оказались количественно равными, - пожаловался Аресу Алевтин. – Поэтому, раз полученные нами в нескольких областях Эллады ответы можно поделить поровну, нам ничего более не оставалось, как время от времени пытаться решать претензии каждого из нас силой оружия...

- Впрочем, увы, и здесь никому из нас не сопутствует удача! – вздохнул Филаретес. – Наши столкновения с Алевтином до сих пор приносят сплошное разочарование: оказалось, что и силы у нас практически равны! Подерёмся полчаса, вымотаем друг друга до потери пульса – и вновь в какой-нибудь кабачок: восстанавливать здоровье да продолжать опрос населения... Таким образом, дело не сдвинулось с мёртвой точки ни на йоту!

- Вот это прикол! – расхохотался Арес, внимательно выслушав обе стороны. – Вы что, не нашли ничего интереснее, о чём следует порассуждать?! Жизнь полна столькими загадками, а вас беспокоит такая мелочь?!

- Возможно, это действительно мелочь, - согласился Алевтин. – Но для нас с Филаретесом, за проведённое вместе время, она стала вопросом чести! И ни сила наша, ни соцопрос пока этому помочь не в состоянии...

- О боги, какая ерунда! – воскликнул техник, с улыбкой поглядывая на обоих. – Спросите об этом Гестию, она наверняка в курсе... Впрочем, нет: Гестия в этом вопросе может оказаться предвзятой... Словом, спросите кого-нибудь другого...

- Вот именно! – сказал спартанец, поднимаясь на ноги. – Мы с коллегой так и решили: поскольку мнения людей количественно равнозначны, то не лучше ли нам спросить об этом у самих богов?

- Потому мы и явились за ответом на Олимп, - добавил македонец, также вставая. – И если боги не смогут решить нам эту задачу или при этом их голоса разделяться надвое, то, наверное, на это нам не сможет ответить уже никто... Ну и перед самым восхождением в жилище богов мы надумали подраться ещё разок: вдруг кто-нибудь осилит – и нам не придётся переть на такую высоту! – мечтательно закончил Филаретес.

- Да, давненько я так не веселился! – произнёс Арес, присматривая за поднявшимися противниками. – Кто из вас не победил бы или какой ответ вы не получили бы, его всё равно нельзя считать единственно верным, неужели вам такое ни разу не пришло в голову?! Если хотите, можете взять меня непредвзятым арбитром; постараюсь объяснить вам...

- Да уж, конечно, непредвзятым! – нахмурился холостяк Филаретес. – Сам женат на Афродите, а туда же...

- В таком случае, друзья, у вас крупные неприятности: на Олимпе вы не найдёте холостяков или холостячек, - рассмеялся техник. – Разве что Гестия...

- Она хоть и целомудренная дева, но всё же открыто покровительствует семейным отношениям, - возразил македонец. Он глянул на спартанца и глубоко вздохнул. – Похоже, Алевтин, нам никогда не найти ответа на свой вопрос!

- Эх, судьба-судьбинушка! – согласился с ним Алевтин. – Что делать?

- Да просто приложить усилия к тому, чтобы подружиться с головой! – вставил Арес. – Неужели вам обоим непонятно, что у каждого человека – или бессмертного – всегда будет собственное мнение по этому вопросу?! Есть ещё нюанс, которого ни один из вас не принимает во внимание: мнения с течением времени могут меняться! Сегодня человек думает так, а завтра – в свете размышлений и выводов их них – совершенно иначе...

- Это как раз ясно, - ответил Филаретес, озабоченно переводя взгляд с Ареса на своего идейного противника. – Но теперь это дело чести!

- Вот, заладили: «Дело чести, дело чести!» – стал терять терпение пацифист. – Вспомните своего Сократа и его знаменитую максиму: «Женишься ты или нет, всё равно пожалеешь об этом!»

- Не читал, - признался Алевтин. – А ты? – обратился он к македонцу.

- Аналогично, - ответил тот. – К чему нам философия? Нам бы на простой, как ты уверяешь, вопрос получить простой ответ...

- Вот Сократ как раз и говорит о том, что однозначного для всех ответа на него быть не может! – пояснил Арес. – Философ даёт понять, что как в браке, так и в холостяцкой жизни имеются свои маленькие преимущества и радости, которых не может быть в их полной противоположности! Это же очевидно, ребята! Например, Филаретес холост, поэтому ему приходится работать только на себя. И его такое положение дел устраивает. С другой стороны, Алевтин должен работать больше, поскольку ему надо содержать не только себя, но и жену с детьми. Однако, и его устраивает подобный расклад, иначе он бросил бы семью... Алевтин полагает, что это очень круто: вернувшись домой после работы, поиграть с детьми, поскольку это доставляет ему больше удовольствия, чем усиленный труд, во имя этих же детей на себя принимаемый; удовольствие от общения с любимой женщиной тоже не нуждается в комментариях. Филаретес думает, что ему, во имя какой-то цели, лучше воздержаться от семьи – возможно, только временно; и это также оправданно, поскольку является сознательным выбором самого Филаретеса!

- Да ладно тебе, Арес! – отозвался македонец. – Сократ, маленькие радости, жёнушки, детушки... Эта философия заведёт тебя в такие дебри, что вовек не выберешься! Предположения, гипотезы, бездоказательные спекуляции... Никогда не понимал, зачем вообще нужна философия?

- Верно, - поддакнул Алевтин. – Если верить этим философам, так они прекрасно осведомлены обо всём, что находится за пределами горизонта, проникли в суть невидимых вещей, отлично знают, как управлять народами – и при этом не могут чётко ответить на элементарный вопрос: жениться человеку – или нет? Тогда зачем вообще нужны эти философы?

Аресу вновь ничего не оставалось, как громко расхохотаться над выводами людей, которых коллега Ананке по какой-то причине обратила в воинов. Впрочем, техник не стал особо заморачиваться по этому поводу, истолковав эту причину в свойственной ему манере:

- Вот что, друзья! Давайте-ка на сегодня завязывать состязания на мечах: я приглашаю вас выпить в какую-нибудь приличную олимпийскую забегаловку! Угощение за мой счёт, естественно!

- Да, мы были бы тебе весьма признательны! – мгновенно воодушевился Алевтин. – Откровенно говоря, перед твоим появлением мы с коллегой уже едва с ног на валились от усталости... Не так ли, Филаретес?

- Врать не стану: я сейчас с радостью чего-нибудь выпил бы! – ответил тот с сияющими глазами. – Спасибо за приглашение, Арес!

- Тогда – прошу на «Аризону»! Только оружие на время рейса сдайте мне, – гостеприимно изрёк техник, указывая на свой летательный аппарат. – Неужели вы не понимаете другого, приятели: вы настолько сдружились за время поисков нафиг никому из вас не нужного ответа, что даже ваши упражнения с оружием стали не более, чем привычкой в устоявшихся дружеских отношениях?!

- Вот это поворот! – почесал нос Филаретес, исподлобья поглядывая на Алевтина. – Слышь, спартаец, и ты того же мнения?

- А кто его знает? – обычно ответил тот, отдавая свой меч капитану. – Возможно, Арес прав; просто от его философии у меня до сих пор в голове беспорядок... Одно верно: амфора хорошего вина сейчас будет в самый раз!

- Именно! – похлопал его по плечу Арес. – Домчимся на Олимп в считанные мгновения; увидите сами, какие классные у нас ресторанички... После обязуюсь развезти вас по домам: ведь по тебе, Алевтин, наверное, жена с детьми уже давно соскучилась... А ты шляешься

целый месяц по Элладе в поисках идиотского ответа... И ты, дружище Филаретес, тоже хорош!.. Главное, не забывайте о приключении, которое свело вас – и непременно ходите друг к другу в гости... И дружите семьями, если Филаретес когда-нибудь поменяет своё мнение! Поехали!

- Это будет весело: посидеть в ресторане на Олимпе, да ещё и в компании Ареса-миротворца! – улыбнулся македонец, всходя на борт яхты следом за капитаном и старшим товарищем.

- Жене расскажу по секрету, с кем мне довелось выпивать! – сказал услышавший его слова Алевтин, осматриваясь на палубе.

- Прошу прощения, друзья, но вот никаких секретов из наших посиделок делать не надо! – запротестовал Арес. – Чем больше людей узнает о моих мифологических мутациях, тем лучше! Потому убедительно прошу вас не стесняться, рассказывая знакомым и незнакомым о подробностях нашей встречи...

Идея проведения всеэллинского Форума конструкторов, некогда подброшенная технику профессором Зевсом, ни на минуту не его оставляла в покое; какое-то время спустя Аресу удалось-таки провести мероприятие, организовав грандиозный научно-технический слёт у подножия Митикас. Обратившись за помощью к доктору Гермесу, Арес заранее оповестил всех известных и не очень древнегреческих механиков о предстоящем Форуме – и в течение нескольких дней Олимп стал местом паломничества более, чем нескольких тысяч участников. Руководителю Технической лаборатории удалось то, аналог чего так и не получилось сделать у его «сестрёнки», доктора истории Афины: собрать в одном месте и в одно время лучших историков планеты; и, хоть мероприятие Ареса носило характер собрания исключительно обладателей эллинского гражданства, Форум получился просто сногшибательным.

Лекции и доклады древнегреческих изобретателей были удачно распланированы по времени; о каждой из таковых слушателям сообщалось заранее. Немало часов отнимали и демонстрации экспериментальных аппаратов, которые были доставлены на мероприятие или собраны в лаборатории лично Аресом. Во время испытания тех или иных конструкций, многие из которых прошли путь от Эллады в далёкое будущее, естественно, присутствовала масса любопытных потребителей, громко аплодировавших открытиям своих сограждан.

- Вот, полюбуйся, что я создал! – провозгласил Аресу доселе неизвестный конструктор почтенного возраста, записавшийся среди участников под именем Доримедонта из Фессалии и представивший тому на обозрение чертёж удивительного прибора. – Требую главной премии за изобретение!

- Ну-ну, - с улыбкой ответил устроитель Форума, мгновенно распознав не только изображённый на рисунке компас, но и скрывавшегося под личиной «изобретателя» известного шутника, профессора Протея. – Доримедонт, значит? Вот что, профессор, - зашептал он на ухо «фессалийскому конструктору», - не отвлекайте, пожалуйста, участников мероприятия от дел! Просто тихонечко смешайтесь с толпой – и до свидания!

- Вот тебе раз! – «старец» мгновенно свернул пергамент в трубку, озираясь по сторонам. – И что меня выдало, коллега? Неужели изобретение компаса несвоевременно? Чего я не досмотрел?

- С точки зрения времени открытия – компас вполне оправдан, - не переставал улыбаться Арес. – Вот только изобретён он был довольно далеко отсюда – в Китае... Честное слово, вы ещё сделали бы чертёж не на пергаменте, а на бумаге, которая была изобретена там же, профессор!

- Ай, какой конфуз! – поморщился «изобретатель». Затем хитренько подмигнул Аресу. – А вы весьма бдительны, дружище! Вас хоть председателем патентного бюро назначай!

- Стараюсь, профессор!

Однако, основной темой обсуждения форумчан стали, конечно, летательные аппараты самого Ареса, к которым эллины всегда проявляли жгучий интерес. Техник посвятил любопытным несколько наглядных лекций, включающие полёты собравшихся участников

мероприятия на «Аризоне» и некоторых других конструкциях, предназначенных для быстрого – и даже молниеносного – преодоления пространства.

Несмотря на то, что развитие лётной техники Эллады находилось на примитивнейшем уровне, греки с гордостью обсуждали своих мифических предков – Дедала и Икара; высказывались мнения, что не солнечное тепло послужило причиной катастрофы первого земного пилота, а размеры самих крыльев и неверные расчёты в их управлении. Сторонники «тепловой» причины катастрофы Икара отчаянно спорили с оппонентами, приводя в защиту отстаиваемой позиции всё те же мифы, известные каждому эллинскому младенцу. Сам организатор и председатель Форума в подобных дебатах не участвовал, предпочитая наблюдать за поддержанием порядка среди выступающих, особенно когда прения рисковали перейти в рукопашную.

Полемисты не теряли ни времени, ни оптимизма, пытаясь восстановить самые первые, упомянутые ещё в мифологии, летательные приспособления. Аресу, при помощи ассистирующих ему на Форуме Фобоса и Деймоса, пришлось обеспечивать необходимыми материалами собравшихся конструкторов; если бы не многочисленные «овеществители» да «синтезаторы», механикам пришлось бы перебить в окрестности всех птиц в поисках нужного количества перьев. Невысокие холмы у подножия Митикас на несколько дней стали настоящим полигоном испытания мифических средств для межпланетных полётов; к счастью, никто из пилотов не пострадал, поскольку падения экспериментаторов на пятую точку имели место с небольшой высоты.

Однако, непередаваемое удивление публики и даже самого председателя Форума вызвало появление «деревянного голубя», конструкцию которого разработал знаменитый Архитас: первая в истории человечества модель планера, опиравшегося весом на встречные воздушные потоки, завершила успешный полёт, покрыв расстояние в несколько сотен метров! Излишне говорить, что изобретение механика получило высшие оценки коллег, а сам Арес, не скрывая восхищения наблюдательностью и цепким мышлением конструктора, лично поздравил его с невероятным достижением – и вручил немалый денежный приз на дальнейшие разработки в области развития баллистики...

Вскоре после завершения работы Форума с Аресом приключилось ещё одно событие – не только смешное, но и весьма необычное даже для олимпийцев. Подтекстом его стало отсутствие за границей информации о том, что «бог крови и разрушения» резко изменил своим привычкам – и занялся благотворительными катаниями людей на «небесных судах». Неким вечером Арес оказался в Персии, где, по просьбе доктора Афины, шпионил в пользу составления ею очередного стратегического плана будущих эллинско-персидских разборок. Выполнив задание, он приземлился неподалёку от какого-то селения – и решил переждать внезапно возникшую головную боль, поскольку лишь вчера посещал «Чертоги» своей развесёлой сестрёнки.³⁰ Лишь от воспоминания об этом технику стало нехорошо – и, чтобы проветриться, он решил хоть ненадолго сойти на землю. Стоило ему сделать несколько шагов по твёрдой поверхности, как он внезапно ощутил, что проваливается в бездну. «Вот так заколбасило!» – только и успел подумать Арес, после чего рухнул без сознания.

Очнулся он в совершенно тёмном месте, по-прежнему лёжа на земле. Ему подумалось, что, вероятно, пока он отключился, над ним наступила ночь; но ведь в ночи можно рассмотреть звёзды! Увы, как он не крутил головой, звёзд обнаружить не удалось.

Кроме того, после первых же телодвижений техник осознал, что руки и ноги его крепко связаны; всё, на что он был способен – это крутиться вокруг оси или перекатываться с боку на бок... Кто совершил над ним подобную процедуру почти полного обездвижения, было не ясно; Арес сперва предположил, что это была шутка Фобоса и Деймоса, однако сам же

---

³⁰ Для ознакомления со скрытой частью отчёта введите пароль. Шифр снят до его автоматического включения через минуту. Доктор Мнемосина, доктор Клио.

отбросил её: каким бы изощрённым не являлся набор развлечений близнецов, даже им было бы не под силу придумать подобное издевательство.

Вдруг его глазам открылся прямоугольник света, от возникновения которого Арес зажмурился; увязав увиденное воедино, он понял, что находится в помещении, дверь которого только что была распахнута снаружи. И верно: через прямоугольник в помещение вошло три человека, в руках которых ярко горели факелы. Люди нагнулись над связанным техником – и один из них громко спросил:

- Арес?

- Допустим, - ответил пацифист, пытаясь устроиться на полу поудобнее; помещение оказалось небольшой комнатой, Арес отполз к ближайшей стене и прислонился к ней. – А вы кто такие?

- Голова не болит? – с акцентом произнёс его сосед, приближая свечок к лицу техника. – Извини, конечно, что мы так тебя приложили копьём...

- Ах, так это ваша работа? – облегчённо выдохнул Арес, закрывая глаза. – Блин, у меня даже головная боль прошла... А я-то подумал, что это последствия вчерашних возлияний... Да ещё и сигареткой побаловался... Итак, - он перешёл с древнегреческого на древнеперсидский, внимательно осмотрев вошедших и безошибочно распознав в них персидских воинов. – Что угодно достойным персам от несчастного Ареса?

- Только твои профессиональные способности, уважаемый! – молвил, наконец, третий, удивлённо переглядываясь с друзьями. – Значит, ты понимаешь на нашем языке?

- Ну, конечно! – ответил техник. – Я, конечно, не такой способный лингвист, как Афина, но на паре сотен языков этой планеты вполне побалакаю!

- Во как! – удивился первый, подсаживаясь к Аресу. – Здорово! Только, как сказал Фэридун, - он кивнул на третьего, - нам нужно не владение тобой иностранными языками, а твои профессиональные способности...

- Ты – эллинский шпион, и находишься здесь для сбора разведывательной информации, - подвёл итог тот, кого назвали Фэридуном, и который, судя по его облачению, был среди персов главным. – Мы долго планировали операцию; выследили твою воздушную ладью, установили место её посадки – и теперь ты в наших руках, Арес! Вот, что мы думаем: ты сможешь нам выиграть войну против греческих армий, после чего можешь возвращаться на свой Олимп! Впрочем, у нас к тебе есть ещё одно деловое предложение: если тебе не улыбается возвращаться назад, поскольку предателей свои обычно не жалуют – оставайся у нас, в Персии! Статус бога войны мы за тобой сохраним – это слово нашего царя, будешь получать любые кровавые жертвы! Только вот имя тебе сменить бы не помешало: «Арес» по-нашему как-то не звучит... Стань хоть каким-нибудь Джэвейдом или Шэхривэром... Впрочем, какой из тебя, нафиг, Шэхривэр!

- Простите, что?! – вытаращил глаза капитан «Аризоны». – То есть, вы меня похитили для того, чтобы я в ваших интересах провёл кампанию против эллинов?! Почему вы считаете, что я соглашусь на это?!

- Ну, ты же – бог войны, тебе плевать, кого убивать, лишь бы кровищи было побольше, - ответил Фэридун. – Если хочешь, можешь и с нашей стороны покосить немного солдат, только, чур, не увлекайся!

- Как?! И вы, в своей Персии, начитались древнегреческих мифов?! – удивился Арес. – Похоже, дело моё совсем дрянь, если даже иностранцы зачитываются эллинскими сказками!

- А ты как думал? – хитро улыбнулся перс. – Мы не только люди военные, мы люди учёные! Идеологию врага надо знать!..

- Вот влип, так влип! – пробормотал Арес, как внезапная мысль осенила его. – Пойдите, хлопчики, вы совсем не учли того, что на стороне ваших врагов по-прежнему будет сражаться сама Афина! Если уж вы читаете греческие басни на ночь, то осведомлены, что мне с ней лучше не связываться: она меня в порошок сотрёт, как уже бывало...

- А ты подай весточку Гипносу, чтобы тот в нужное время усыпил её, - не моргнул и глазом Фэридун. – Слушай, Арес, хватит выкручиваться! Я полгода провёл над эллинской мифологией, так что не пытайся меня запутать! И не только биографии всей вашей бессмертной олимпийской братии назубок знаю...

- Оно и видно, - расстроился техник. – Аид меня побери, как же я теперь жалею, что сам не уделил ей достаточно времени! А ведь говорила мне Афина: «Учи историю, пригодится!» А я, дурак...

-У меня, кстати, ещё и по Тартару диплом имеется! – добавил перс. – Только никакой Аид тебе не поможет: или ты соглашаешься на сделку – или...

- Что?! – поинтересовался Арес.

- ...или натравим тебя на кого-нибудь ещё! – закончил Фэридун. – Нам-то наплевать, кого завоёвывать... Потом укрепим, сил наберёмся – и с эллинами справимся без твоей помощи!

- Ну и дела! – техник хотел развести руками, однако верёвки помешали ему исполнить задуманное. – Вижу, люди вообще офигели от безнаказанности: то Диониса возьмут в заложники, то меня похитят! Куда же ты катишься, о человечество?!

- А ты за нас не переживай, бизнес есть бизнес! А наиболее прибыльный – война! – успокоил его Фэридун. – Эй, ребята, выносите его наружу! – скомандовал он своим помощникам. – Пойдём, осмотрим летающую ладью изнутри...

И его приказание было незамедлительно исполнено. Арес был водружён на диван в собственной капитанской каюте, а захватчики внимательно осматривались по сторонам, пытаясь разобраться в системе управления судном. Их немного позабавило перемигивание разноцветных огоньков на панели, но дальше этого дело не двинулось.

- Итак, любитель несправедливых войн, теперь настало самое время обучить нас летать на твоей небесной машине, - обратился к нему главный, усаживаясь в капитанское кресло. – Рассказывай: как эта штука работает и какое бортовое вооружение имеется в наличии...

- А вам не кажется, уважаемые мои похитители, что, согласно правилам хорошего тона, сперва меня следует развязать? – предложил Арес, указывая глазами на сковывающие его движения путы.

- Нет, не кажется, - любезно ответил Фэридун, наклоняясь к нему и проверяя узлы верёвок на прочность. – А ну, как ты надумаешь дать дёру? Лови тебя потом...

- Да никуда он не денется, - сказал первый из персов, также усаживаясь в ногах Ареса. – Вокруг персидские позиции, далеко не убежит!

- И то верно, - согласился начальник, скрещивая руки на груди и откидываясь. – Для того, чтобы научить меня управлять твоим летательным аппаратом, вовсе не обязательно иметь руки развязанными: лишь показывай глазами и подробнее комментируй. Я человек понятливый, уж как-нибудь справлюсь! Давай, Арес, не оттягивай неизбежное!

Техник задумался: ситуация совершенно вышла из-под контроля. Конечно, можно было подать сигнал по радиосвязи своему приятелю, доктору Гераклу: тот прибыл бы во мгновение ока – и только своим видом заставил бы врагов бежать отсюда без оглядки. Можно было попросить коллег Фобоса и Деймоса о небольшом землетрясении. Можно, конечно, обратиться напрямую к доктору Гестии; впрочем, Арес сразу же отказался от подобного плана: ему не хотелось, чтобы досадное недоразумение закончилось избиением младенцев. Словом, техник решил ещё немного потянуть время – и, по возможности, постараться выпутаться собственными силами, не прибегая пока к услугам тяжёлой артиллерии.

- Послушайте, друзья, а вы в курсе, что я очень несчастен? – завёл он свою излюбленную песенку. – Зевс – сумасброд, Гера – скряга, Афродита... ещё та штучка, сыновья – разгильдяи... Житие мое, как говорится...

- А ты на нас жалость не нагоняй! – равнодушно заметил второй перс, разглядывая мониторы навигационной системы. – У нас, может быть, домашние дела не лучше твоих, поэтому давай-ка без излишней экспрессии!

- Не валяй дурака, Арес! – посоветовал ему Фэридун. – У людей военное задание, а ты его пытаешься сорвать! Нехорошо... Ну, выкладывай: как нам взлететь, какое оружие на борту? Берём курс прямо на Олимп – и при помощи твоих чудесных орудий сразу решим все твои семейные неприятности!

- Странные вы люди, - продолжал импровизировать капитан «Аризоны». – Неужели вам никогда не приходило в голову, что воевать – плохо?

- Вот насмешил! – отозвался Фэридун. – Единственное «плохо», которое имеется в моём лексиконе, это «плохо воевать»! Итак, хватит бесполезного базара: как летает и стреляет эта техника?

- погоди, Фэридун! – второй перс обратил внимание на сказанное Аресом. – Что я слышу?! Бог войны критикует собственное призвание?!

- Ерунда какая-то, - добавил первый, поднимаясь с дивана. – Никогда не подумал бы, что боги могут сходиться с ума!.. Слушай, Фэридун, а не сильно ли ты приложил его копьём по башке?!

- Одумайтесь, товарищи! – продолжал поймавший волну Арес. – Неужели вы – варвары, а не цивилизованные граждане?! Разве нормальному человеку – тем более, после многовекового опыта – так трудно заключить, что война – самое страшное, что может быть на свете?! Это гибель и разрушения; это горе и слёзы... Поэтому я, как самая мирная натура во Вселенной, заявляю: нет войне! Кстати, после удара копьём у меня в голове действительно что-то помутилось – и я совершенно не помню, как управлять кораблём... Хотите – верьте, хотите – нет, но, похоже, что без помощи олимпийцев мы не взлетим!

Персы молча переглянулись – и начальник кивнул подчинённым в сторону двери; все трое вышли из каюты – и, плотно прикрыв за собой дверь отсека, стали о чём-то перешёптываться. Чтобы владеть информацией их переговоров, Арес подтянул связанные руки к уху руки – и усилил звук.

Оказалось, что подобными высказываниями он, сам того поначалу не подозревая, буквально шокировал персидских захватчиков; люди недоумевали, что произошло с «грозным божеством» и как успешно выполнить порученное им задание.

- По-моему, Арес свихнулся, - предположил первый из его врагов; Арес не мог видеть говорившего, но ориентировался по интонации. – Что теперь нам скажет царь, Ахриман меня побери?! Вряд ли он обрадуется тому, что мы захватили сумасшедшего эллинского бога, вернее, сделали его таким при помощи своих же копий?!

- Что-то здесь не так, - размышлял Фэридун, голос которого техник мог безошибочно отличить от остальных. – Хоть убейте, только он вовсе не выглядит ненормальным! Разговаривает вполне разумно и, кажись, прекрасно осознаёт происходящее... Да, вероятно, у него до сих пор трещит голова, но это не повод забыть основы управления собственноручно созданным механизмом!

- Арес, который произносит миротворческие проповеди – это, простите меня, коллеги, больше не Арес! – заключил второй перс. – Позволю себе сформулировать озвученную мысль несколько иначе: что нам делать с богом, который больше не отвечает требованиям профессии?!

- Сумасшедший он или нет, решать не берусь: я не врач, - добавил первый. – Но ведёт себя он крайне подозрительно! Я и предположить не мог, что самый кровавый бог Олимпа на деле может оказаться такой тряпкой! Ты уверен, Фэридун, что ничего не напутал в своих знаниях эллинской мифологии?!

- Хм... Мысль, что и говорить, интересная! – прошептал главный. – Давайте рассуждать логически, друзья! Итак, нам было поручено сверхсекретное задание: выследить Ареса, захватить его – и склонить к сотрудничеству с персидской администрацией. Наши психологи рассчитали, что лучше всего провести его вербовку на основании чего-нибудь особенно гадкого и подлого: например, путём шантажа или подкупа... Мы были свидетелями, как Арес отверг наше предложение. Какой из этого можно сделать вывод?

- И какой же? – поинтересовались его подчинённые.

- Вы просто кретины, друзья! – раздражённо польстил обоим начальник. – Арес, который крайне падок на всякие мерзости, остался равнодушен к внезапному подарку судьбы! Далее, на что я, подобно вам, также обратил внимание – это его полное безразличие к жертвам войн, которыми он раньше наслаждался! Об этом сообщают все древнегреческие письменные источники... Что же получается: Арес, который кайфовал от кровавых сражений и питал свою радость массовыми убийствами, в одночасье превратился в обыкновенную, как ты заметил, тряпку?! Да такого просто быть не может! В этом я абсолютно уверен: даже люди не меняют своих привычек столь быстро – и что тогда можно сказать о бессмертных?!

- К чему ты клонишь, шеф? – не выдержал кто-то из персов. – Ты кажешься озабоченным какой-то догадкой: так поделись ею с нами!

- Это выглядит невероятным, однако лучшего объяснения случившемуся просто нет, – прошептал Фэридун. – Я уверен, что Арес – вовсе не Арес!

- Что за бред?! – раздалось восклицание другого воина. – Ты хоть сам-то понял, что сейчас сказал?!

- Тем не менее, я настаиваю, что попавший к нам в плен – кто угодно, но только не грозное эллинское божество! – горячо возразил Фэридун. – Судите сами: шпионы противника каким-то образом проведали о планах царя и нашей охоте на Ареса. И они пошли на хитрейшую операцию прикрытия: и профессионально провели её, отправив к нам поставку с подменой!

- То есть, Арес, который сейчас лежит связанный по рукам и ногам в нескольких шагах от нас, вовсе не Арес? – изумлённо повторил свою мысль тот, кто совсем недавно и обронил её, не придав сказанному особого значения.

- Именно! – подтвердил начальник. – Нас просто провели эллинские стратеги – и провели великолепно, надо отдать им должное за находчивость!.. Подсунули фальшивого Ареса, который – пусть внешне и похож на оригинал – только и знает, что прославлять мир и возносить славословия гуманизму!

- Товарищи, нас кинули! – возопил кто-то из солдат. – Царь нам головы поотрывает!

- Это его дело, – печально ответил Фэридун. – И не вопи ты, как та баба, которой ты вчера не заплатил за приятное времяпрепровождение! – приструнил он подчинённого. – К своей участи надо относиться философски...

Арес, слышавший каждое слово заговорщиков и давившийся от смеха, решил увеличить их напряжение и запутать неприятелей ещё больше; он принялся выкрикивать различные лозунги – такие, как «Гуманность спасёт человечество!» или «Пацифисты всех стран, объединяйтесь!», которые наилучшим образом прорывались сквозь запертую дверь отсека, чем поверг персов в полнейшее замешательство. Не выдержав его воплей, начальник объявил совещание закрытым – и троица вернулась в капитанскую каюту.

- Мы раскусили тебя, гадёныш! – громко, но беззлобно объявил Фэридун, присаживаясь в кресло напротив полулежащего на диване Ареса. – Враги провели славную работу, не поспоришь... Мы – честные солдаты и умеем проигрывать... Развяжите его, эта эллинская фальшивка не представляет из себя ни малейшей ценности! – приказал он подчинённому.

- Может, хоть убьём его, Фэридун? – предложил второй перс, поигрывая кривым мечом. – Хоть какое-то удовольствие...

- Ты говоришь, как настоящий Арес! – похвалил его техник. – Самый настоящий мифический Арес...

- Да ну его к Ахриману! – махнул рукой начальник, поднимаясь с кресла. – Пойдёмте, надо подумать, с чем предстать перед царём... или в какую сторону сматывать удочки, да побыстрее! – он в последний раз глянул на Ареса – и шагнул через распахнутую дверь на палубу; один из персов, выполняя распоряжение старшего, рассёк мечом путы на руках и ногах пленника – и также покинул помещение вместе с товарищем.

Техник для приличия полежал ещё с полминуты, прислушиваясь к удаляющимся и затихающим голосам неприятелей, а потом вскочил с дивана – и бросился к панели

управления. Взлетая над поверхностью и прокладывая курс на «Олимп», он ещё некоторое время мог наблюдать за оставшемся под днищем «Аризоны» крохотным селением – и тремя плетушимися через пустынное пространство фигурами...

Рассказанное Аресом вызвало бурю обсуждений не только у бессмертных, но и среди людей; его находчивости поражались, его смелости пели дифирамбы. С тех пор в эллинской армии стал использоваться невольню изобретённый Аресом трюк поставки с подменой – как его называли сами эллины, «подставы с подменой» – включавший в себя комплекс многочисленных действий по дезинформации противника с применением переодевания.

Другое приключение, случившееся с Аресом, могло едва не закончиться карьерным крахом одного видного афинского дипломата, перевозящего особо ценные государственные сведения. Он доставлял важные новости для Генерального Штаба Эллады из некоей области, на территории которой до сих пор продолжались столкновения враждующих сторон. На сей раз в руках его – выражаясь с предельной точностью, в особой шкатулке с тайным замком – находился план одного из стратегов, непосредственного участника боевых действий, содержащий картографический отчёт о расположении и состоянии армии противника. Арес, вечно находившийся по просьбе доктора Афины над театром военных действий, предложил дипломату помощь в скорейшем способе транспортировки важных данных; тот, естественно, согласился – и взошёл на борт удивительного средства передвижения.

- Это так замечательно, о великий владыка войны, что ты предложил мне прокатиться на твоей волшебной летающей машине! – обрадовался политик, пока Арес ставил судно на автопилот, указав конечным маршрутом славный город Афины. – Я рассчитывал провести несколько дней в пути с пересадкой, прежде чем архонт получит этот секретный документ, - он легонько похлопал ладонью по шкатулке.

- Чепуха! – ответил техник, указывая гостю на кресло в капитанской каюте. – Благодаря «Аризоне», мы преодолеем требуемое расстояние за несколько часов; я даже специально замедлил скорость, чтобы ты успел полюбоваться изумительными видами своей родины с высоты птичьего полёта!

- О, ты так добр, непобедимый Арес! – политик, положив шкатулку рядом, устроился рядом с иллюминатором. – О таком комфортном путешествии я не мог и мечтать!

- Мерси, дружище! – ответил гостеприимный хозяин и владелец корабля. – Кстати, а не вкусьте ли нам чего-нибудь от продукции Диониса? Могу быстренько организовать...

- Это – великолепная мысль! – подтвердил дипломат, предвкушая чудесное времяпрепровождение в компании с бравым капитаном. – Что будем пить?

- Да у меня здесь целый бар ломится от дионисиевых изделий различной крепости, - честно ответил Арес, направляясь к указанному местечку в кладовой. – Ну и, конечно, в ассортименте апельсинчики, мандаринчики... икра отечественная, заморская... Так что до Афин можно неплохо закинуться!

- Это – лучший пилигримаж в моей жизни! – восхищённо заявил политик, глядя во все глаза в иллюминатор и успевая при этом помогать Аресу расставлять на столе посуду. – Кому на Агоре расскажу – обзавидуются!

- Уж расскажи обязательно, будь другом! – поддакнул техник, открывая сразу несколько амфор. – Мне без рекламы нельзя, сам понимаешь... Я же с народом хочу общаться! Да и не так скучно летать одному; в последнее время у меня на борту постоянно какая-нибудь компания... Я её сперва – эх, прокачу! А затем – эх, угощу! И все довольны, и мне веселее! Итак, с чего начнём?

- Давай по пивку! – предложил гость.

- Как скажешь, - не протестовал хозяин. – Я тоже считаю, что вино лучше потреблять после обеда; а к обеду мы только полпути покроем... Ну, вздрогнули!

Застолье продолжалось с перерывами для выхода на палубу, откуда дипломат восхищался великолепной панорамой страны, которой служил и которую впервые видел с небес. Шкатулку он всё время таскал с собой; благодаря годами выработанной привычке никогда не терять её из виду, он не расставался с ней ни на мгновение. Арес, заметив, что гостю

становится неудобно от постоянного верчения головой между иллюминатором и собеседником, предложил тому окончательно перебраться на палубу; там любезный капитан установил кресла, принёс небольшой раскладной столик – и пиршество продолжалось в тени автоматически возникшего над их головами тента, который уже неоднократно служил и другим гостям воздушной яхты.

Вскоре миновало послеобеденное время, а «Аризона» величаво проплывала над Элладой. Наступили сумерки, а техник всё ещё соревновался с дипломатом, кто больше выпьет без закуски. Словом, с наступлением темноты, почти на подлёте к столице знаменитой метрополии, руки у обоих изрядно тряслись; и если для Ареса это не представляло особой опасности, то этого никак нельзя было сказать о его госте: дипломат одной рукой отчаянно пытался удержать шкатулку с документом, а другой – вцепился в поручень на борту яхты, рассказывая технику какие-то пикантные истории из жизни афинской аристократии. В какой-то момент он настолько увлёкся повествованием, что сделал неверное движение – и поскользнулся на ровном месте, благо что не вывалился за борт; для того, чтобы удержаться от падения, ему понадобилась ещё одна свободная рука – поэтому вместо него за борт полетела шкатулка. Эллин, поняв, что произошло нечто ужасное, мгновенно протрезвел – и, прервав рассказ, с мольбой кинулся к Аресу:

- Слушай, капитан, полный назад!

- Что такое?! – удивился Арес, толком даже не заметивший ни того, что повествование прервано, ни того, что обе руки гостя пусты.

- Проблемы у меня, - сказал тот, отчаянно всматриваясь в темноту под яхтой. – Шкатулку уронил...

- Фьють! – свистнул Арес, слегка приходя в себя. – Полный назад, говоришь? Ну-ну... Мы на автопилоте, надо изменить курс...

- Ну, так измени!

- Легко тебе говорить!

- Арес, миленький, делай, что хочешь, но шкатулку необходимо доставить в Афины в целости и сохранности! Вдруг её обнаружат шпионы? – переживал политик.

- Да где же её теперь искать, дружище?! – возразил капитан. – За бортом такая темень, что хоть глаз выколи!.. И чего тебя понесло с этой аидовой шкатулкой на палубу? Оставил бы в каюте – и ничего не случилось бы!

- Привычка, Арес, обычная дипломатическая привычка! – едва не плакал тот. – Если предстану перед архонтом без документов, он мне башку снесёт! А в них такие стратегические наработки! – вконец загрустил политик.

- Ладно, пошли разбираться с твоей неприятностью! – твёрдо сказал Арес, направляясь к пульту управления. – А пока посиди в каюте – и ни шагу на палубу: чего доброго, кувыркнёшься вниз от отчаяния – и поминай, как звали! И, вот что: ты пристегнулся бы ремнём безопасности, что ли...

«Аризоне» пришлось вернуться назад, к предполагаемому месту катастрофы; пассажир точно не мог указать его, поскольку от горя практически ничего не соображал. Для ведения поисков утраченных документов, Аресу пришлось задействовать все возможности навигации. Главную помощь в розысках оказал образец ДНК дипломата, который по аналогии отпечатков смог установить точное местонахождение шкатулки: экраны радаров обнаружили её на опушке небольшого леса. Как только вновь обрётённая шкатулка оказалась в руках политика, он – убедившись в наличии её важного содержимого – едва не бросился Аресу в ноги:

- О, великий Арес! О, мой личный благодетель! Хочешь, я в твою честь построю святилище? Ты сможешь постоянно жить там, а не болтаться в воздухе!

- Да нафиг оно мне нужно?! – ответил тот. – Нет уж: по мне гораздо приятнее летать! Открытое пространство – моя стихия; и чем оно больше, тем лучше!.. А постоянно сидеть в маленьком храме – это не круто!

Так, свободолюбивая и добрая натура Ареса ещё неоднократно проявила себя в помощи людям: простым труженикам и высоким государственным мужам; он не делал разницы между великими стратегами и обыкновенными гоплитами... Великий техник продолжал свои завоевания пространств и сердец – и, как доказывают архивы МАИ, любое из его завоеваний носило миролюбивый характер, хотя далеко не все они стали достоянием вселенской истории...

Если бы не доктор психологии и одновременно непревзойдённый специалист по аграрным наукам – красавица Деметра, даже бессмертным не стало бы известно о том, как благородный Арес спасал из неприятных ситуаций не только людей, но и домашних животных. Однажды, некто из проходивших у доктора обучение в земледелии, настолько загнал во время пахоты своего вола, что бедный в изнеможении упал на землю – и не мог подняться без посторонней помощи. Естественно, как ни старалась доктор со своим учеником, сил их явно не хватало, чтобы помочь несчастному бычку. К счастью, завоеватель пространств пролетал совсем неподалёку – и поспешил им на выручку.

Разобравшись с положением, в котором оказались «богиня», человек и животное, Арес, недолго думая, предложил оригинальное решение проблемы: поскольку до хлева, куда было необходимо доставить измотанного непосильными трудами бычка, было приличное расстояние, техник пригласил доктора подняться на борт корабля, при помощи левитатора водрузил животное на повозку, предварительно устелив её днище мягкой травой, а человека оставил внизу для координации средства передвижения. Сбросив с «Аризоны» трос, он прикрепил его к повозке – и на медленной скорости, плывя невысоко над землёй, потащил повозку на буксире.

- Прикольнo! – констатировала доктор Деметра, устроившись в шезлонге на палубе воздушного судна. – Вовремя ты появился, Арес: если бы не твоя «Аризона», не представляю, сколько мы промучились бы!.. Я хотела уже Фобоса или Деймоса звать на помощь!

- Ерунда, - ответил находчивый капитан, предлагая учёному какой-то лёгкий коктейль. – Мне же раз плюнуть – и дело сделано! А этих товарищей пока дозовёшься...

- Кстати, Арес, у меня к тебе просьба, - продолжила доктор, поглядывая за борт на медленно движущуюся повозку. – У меня вновь начались перебои с памятью... Подсобишь?

- С удовольствием! В чём именно?

- Необходимо дополнительное расширение...

- Как?! Опять?! – Арес удивлённо посмотрел в лицо собеседнице.

- Извини: профессия такая...

- Но я же совсем недавно осматривал ваш блок, доктор!

- Знаю, что ты скажешь: в нём оставалось ещё много свободного места, - с печальной улыбкой подсказала женщина. – И вот, мне опять не хватает...

- Это просто страх и ужас, дорогая моя! – Арес схватился за голову. – Как так вообще можно жить?!

- Живу, - ответила доктор психологии, вновь улыбнувшись одними губами. – Скажу тебе больше, дорогой друг: живу – и даже не всегда жалуюсь! А ты сейчас невольно повторил один из наиболее свойственных мне жестов, Арес!

Её собеседник на мгновение умолк, поглядывая на буксируемую яхтой повозку. Вокруг собирались люди, обсуждая невиданный доселе метод транспортировки животных; хозяин вола о чём-то говорил с поселянами, указывая рукой вверх, на плывущую над ними «Аризону».

- А как же Пилот... то есть, доктор Гермес? – поправился техник. – Насколько я смыслю в аппаратуре, которую мне иногда приходится по вашей просьбе подтягивать – это контрабандный товар, доктор!

- Да, Гермес всегда обеспечивает меня новинками: я беру у него товар – и никогда не обременяю себя вопросами, откуда он его добывает, - ответила Деметра. – Понимаю, что

контрабанда частенько носит экспериментальный характер, поэтому и не требую от неё совершенства...

- Помогу всем, чем только смогу! – пообещал женщине Арес, вновь выглядывая за борт. –

Кстати, мы почти приехали! Гляньте, доктор, какая за нами увязалась толпа любопытных!

- Мне бы только побольше памяти – и, соответственно, поменьше головной боли! – почти отрешённо ответила печальная красавица, думая о чём-то своём. – Только бы побольше памяти...

ДЕМЕТРА-МНЕМОНИК

*Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь....*

Гомеровы гимны, «К Деметре», 268-269

Невзирая на то, что основной профессией доктора Деметры являлась психология, в любом из сотворённых миров ей обычно доставалось гораздо больше работы с второстепенным её образованием – аграрными науками. Конечно, повседневные занятия с людьми неизменно требовали её опыта как психолога, однако, большую часть времени доктор проводила – в самом прямом смысле слова – в поле.

Деметра входила в состав высшего правления «Олимпа», наряду с докторами Гестией или Герой; но, будучи связанной с повышенной программой преподавания, отличалась от коллег лёгкой отрешённостью, на что ей всегда указывал профессор Зевс.

- Ты как будто присутствуешь на заседании, но в то же время тебя с нами нет, - частенько говорил ей руководитель базы. – Какой бы вопрос мы не обсуждали, ты постоянно витаешь в облаках, Деметра!

- Ты же прекрасно осведомлён о моих заботах, друг мой! – отвечала ему доктор. – Каждый из вас, бесспорно, занимается весьма важными делами: обучением людей, прививанием им необходимых знаний, нравственности и тому подобного; я же занята тем, что постоянно думаю о том, как бы этих самых людей прокормить! Поверь, Зевс, я вовсе не хочу умалить трудов коллег, сравнивая их деятельность в «Проекте «Земля»» со своей, но мало создать человечество: необходимо решить вопрос его пропитания! А этим, насколько всем известно, занимаюсь только я...

- Да кто же с тобой спорит, дорогая?! – профессор легонько обнимал коллегу за плечи. – Несомненно, ты – одна из важнейших сотрудников и тружеников на планете! Кстати, как сегодня твоё самочувствие? Может, тебе стоит взять небольшой отпуск? – вежливо интересовался начальник «Олимпа».

- Как всегда – болит моя головушка! – почти нараспев отвечала доктор, касаясь ладонью лба. – Уж какие мне отпуска, Зевс! Если отвлекусь от работы хоть на короткий срок, что случится в мире; ты хоть об этом подумал?

- Неужели всё так плохо, дорогая?

- А как ты сам считаешь, Зевсушка?! – доктор принималась загибать красивые тонкие пальчики, которые служили предметом безобидных подтруниваний над ней коллегами: дескать, такие ухоженные ногти при столь тяжелой крестьянской работе; правда же была в том, что женщина, несмотря на постоянное преподавание, ни разу не коснулась бороны или плуга собственноручно, предпочитая теоретические методы обучения своих смертных подопечных. – Я веду учёт всем урожаям и неурожаям планеты – или ты до сих пор наивно полагаешь, что я занимаюсь продовольственным снабжением только одной Эллады?! Я, на основании этих расчётов, принимаю решения, каким образом разрулить проблему запасов продуктов питания в случае голодных или полуголодных лет – и делаю это на протяжении тысячелетий! Кроме того, у меня масса учеников и ассистентов, которые также нуждаются в корректировке отведённых им мною задач... Нелишним будет тебе напомнить, что у меня живёт дельфин, за которым тоже нужен глаз да глас...

- Пойми правильно, Деметра, я забочусь о твоём благополучии, как подобает вверенному мне руководству базой! Только полная удовлетворённость сотрудника выполняемой работой может служить гарантом успешного завершения проекта...

- Ну, я же себя не насилую, просто делаю порученное мне на планете задание... Зевс, я по собственному опыту знаю, каково это: следить за достаточным пропитанием целого мира! Напомни, пожалуйста, если у тебя подобная информация ещё сохранилась в памяти: сколько созданных с нуля миров мне довелось кормить и воспитывать?

- Этого я не помню, дорогая, - честно признался начальник, потрогав миникомпьютер в своём трезубце. – Извини, такая огромная база данных, что...

- Вот видишь! – улыбнулась доктор Деметра. – Даже ты не помнишь! И это – притом, что мы с тобой вместе с самых первых проектов сотворения!

- У тебя – самый вместительный блок памяти, который только можно помыслить даже у бессмертных! – развёл руками профессор. – Я ведь и сам точно не знаю его настоящих размеров... Гефест, вроде бы, упоминал о гуголе зеттабайт...

- Можешь мне не верить, друг мой, но только я сама толком не могу сказать, какой объём информации умещается в моём мозге, - подтвердила доктор Деметра. – Но одно мне известно с предельной ясностью: мне необходимо его постоянно увеличивать – иначе от забот начинает раскалываться голова! Бессчётное количество проектов, в которых мои знания аграрных наук и связанные с количеством производимых продуктов питания расчёты были задействованы, сохраняются в моей памяти полностью: от первого – до нынешнего...

- Понимаю, - сочувственно кивнул профессор Зевс. – У меня точно такая же история, только, конечно, не в твоих масштабах... Впрочем, как и у остальных коллег: Афина, например, в течение миллиардов лет изучала историю – не только нашей расы, но других цивилизаций. И всё узнанное закидывала не на специальные носители, а загружала в память. В результате бедняжке понадобились такие сверхмощные расширители памяти, что девчушка под села на самые последние алгоритмы, открытые нашими техниками... К тому же не следует забывать, что ещё пару миллиардов лет Афина серьёзно занималась математикой – и тоже не пожелала расставаться с накопленными знаниями... Неудивительно, что – даже при новейших разработках – она до сих пор всё считает в «афинах», в целях экономии места персонального блока памяти... Про свои ощущения при

расширении и модификации объёма памяти вообще помолчу: иной раз так переклинит, что собственного имени сразу не вспомнишь...

- И не говори! – поддакнула доктор, мысленно поблагодарив профессора за понимание – и, как ей показалось, утешение. – Всем старшим бессмертным приходится сталкиваться с этим гораздо чаще, чем нашему молодяку... Бывает, смотрю на тебя, Аида, Посейдона, Геру или Гестию – и боюсь думать о прошедшем времени!.. Более десятка миллиардов лет прошло от Начала: как ты полагаешь, не многовато ли?!

- Я тоже стараюсь не уходить в подобные бездны: возвращение из них иногда становится мучительно тяжёлым! – ответил начальник «Олимпа». – Впрочем, гораздо легче заблудиться где-нибудь за гипносовым Барьером – и проще найти выход из лабиринтов подсознания, чем путешествовать в собственных воспоминаниях! Кстати, ты только что перечислила всех своих «братьев» и «сестёр» – меня, Посейдона, Аида, Геру, Гестию – это было умышленно или нет, Деметра? Своего ассистента Персефону ты не включила в этот списочек...

- Правда?! – удивилась доктор. – Я даже не подумала над подобным перечислением с точки зрения эллинской мифологии!.. Просто упомянула старейших из нас – с точки зрения Вечности...

- Вот те раз! – усмехнулся её собеседник. – Я, согласно древнегреческим сказкам, соблазнил тебя, собственную сестру, в облике змеи! Ты, видимо, и этого не помнишь?!

- Увы, Зевс! – также насмешливо ответила ему доктор Деметра, вновь касаясь лба. – Не помню... Знаешь, вполне возможно, что я даже не знала этого: моей памяти слишком мало, чтобы тратить бесценное место персонального блока, конденсируя на единственном носителе эллинские байки... Ничего не помню...

- Ну, тогда тебе точно нужен отпуск! – засмеялся профессор Зевс, поглаживая «сестру» по щеке. – Я, конечно, не настаиваю на этом в приказном порядке и не прошу тебя прекратить работу прямо сейчас, но, может, тебе следует подумать о непродолжительных выходных?

- Ну и хитрюга же ты, Зевс! – улыбнулась доктор Деметра, легонько отводя его руку. – Ходишь вокруг да около, желая добиться своего... Нет, говорю тебе, нет! Мой любимый отдых – это переключение на другую сферу занятий... А если вообще голова трещит – иду в бассейн поплескаться со своим дельфином Арионом! Это меня довольно быстро восстанавливает...

- Ты напомнила мне ещё одну историю, которая имела место исключительно в головах эллинских баснописцев! – воскликнул её собеседник, всплеснув руками и продолжая заливаться хохотом. – В их богатом воображении, твой дельфин предстаёт обыкновенным конём, которого ты якобы родила после того, как тобой овладел никто иной, как профессор Посейдон!

- Как?! – возмутилась женщина. – Они совсем с ума посходили, эти эллины, окончательно помешавшись на инцесте?! Мало того, что меня в виде змеи соблазняет Зевс, так потом я, простите, произвожу в мир кобылу от... своего другого «брата»?!

- Коня, дорогая! – поправил её профессор. – Не кобылу, а коня по имени Арион... Возможно, даже эллинским любителям басен показалось странным приписывать тебе роды, при которых ты разрешилась от бремени дельфином!..

- Вот гадёныши! – доктор Деметра потрясла кулаком воображаемым баснописцам. – Ну, знаете ли, подобного оскорбления... Аид меня побери, как хорошо, что я не храню в памяти подобных мифических сюжетов: меньше нервов – меньше головной боли...

- Ладно, Деметра, успокойся! – отсмеявшись, заметил Зевс. – Действительно, тебе самое время освежиться – и поплавать в бассейне... И не поминай Аида всуе: вдруг и он тебя как-нибудь «обрюхатит» каким-либо интересным животным?!

- А ведь верно, Зевс! – со смешком согласилась женщина, испуганно прикрывая рот. – Вдруг ещё один «братец» услышит – и явится творить мифологию?!

- Ага! – веселился собеседник.

- Фуй, у меня даже голова прошла от твоего воображения, Зевс! – прервала его доктор. – А вот искупаться и в самом деле не помешает... Пойду, поплаваю – а там можно и провести очередной урок своим аграрникам...

Информационный блок памяти и его конденсатор, как это видно из вышесказанного, не всегда справлялся с обилием данных, которыми по долгу профессии и роду занятий оперировала доктор Деметра. Иногда это приводило к смехотворным и не очень ситуациям, когда, в желании помочь своим земным подопечным, доктор ухитрялась наворотить такой околесицы в собственных выкладках, что превзойти её в этом вряд ли смогли бы даже такие специалисты по просчётам, как Фобос и Деймос. Близнецы, прикалываясь над теми или иными комическими положениями, в которых оказывалась психолог и аграрник всея Вселенной, называли доктора Деметру своим идейным вдохновителем и наставником – и, чтобы не отставать от неё, официально записались к ней на факультативные занятия мнемотехникой. Кроме того, оба балагура являлись большими любителями поиграть в свободное время с её дельфином.

Обычно всё начиналось с того, что доктор – в самый ответственный момент – начисто забывала необходимые ей кодовые фразы для извлечения из неизмеримых архивов её памяти нужной информации. Напрасно промучившись какое-то время и нимало в том не преуспев, женщина обращалась к тем же братьям-близнецам, чтобы они помогли ей совладать с невообразимым потоком данных, путём кропотливого просеивания которого нужно было отыскать всего лишь один-единственный необходимый ключ. Излишне говорить, что по прошествии ещё какого-то отрезка времени, в архивах бездонной памяти доктора бесследно тонули и оба пришедших ей на выручку помощника. После этого к мнемонику приходил доктор Гипнос, заботливо вытаскивая обратно всех троих, потерявшихся в закоулках снов и отчётов об урожайных и неурожайных годах. Поскольку это случалось с поразительной регулярностью, доктор Гипнос, отчаявшись в попытках увязать в более-менее приличную систему картографию сновидений коллеги, разработал для неё на основе своей «Лестницы» так называемую «Нить Деметры», впоследствии вошедшую в древнегреческую мифологию как совершенно отдельная побасенка с совершенно иной историей, обстоятельствами и действующими персонажами. Благодаря изобретению доктора Гипноса, женщине уже не приходилось прилагать практически непосильных трудов на то, чтобы выбираться из своих осознанных и бессознательных лабиринтов, а Фобоса и Деймоса она предпочитала более не брать в опасные путешествия. Не менее часто, даже проникнув в тот или иной необходимый ей участок собственной памяти, доктор Деметра, хоть и располагала кодовой фразой-ключом к нему, ухитрялась заблудиться в каталоге созданных ранее миров, настолько же отличных от биологических форм земной жизни, насколько пламя отличается от воды. Более всего такая путаница случалась в неурожайные годы, когда у Деметры голова трещала гораздо больше обычного. И если представители далёких цивилизаций, питающиеся, например, нефтью или гранитом, были бы счастливы от подобного случайного заблуждения своей кормилицы, то, надо думать, человечество вряд ли стало бы восхищаться щедростью и благотворительностью чересчур заботливого, но несколько рассеянного «божества». Одно хорошо, что подобные косяки мгновенно браковали сами люди, обнаруживающие свои наполненными простыми булыжниками амбары до самой крыши; тогда доктор, долго охая, ахая и проклиная собственную невнимательность, принималась клонировать обычное зерно...

Не оставляла она и ежедневных школьных занятий, преподаванию которых уделяла немалое внимание: особенно актуальными и пользовавшиеся популярностью эллинов были уроки наглядного земледелия. Обучавшиеся под её надзором первоклассники проходили основы труда с серпом, лопатой и мотыгой; более опытным поручалась работа с плугом. Поскольку хлеб полюбился эллинам больше других продуктов, доктору приходилось особенно присматривать за пшеницей и ячменём, составлявших, говоря складским языком, основную кормовую базу любой древнегреческой семьи. Доктор Деметра давала уроки пахоты – сидя, разумеется, при этом в кресле под тентом; учила выгодному планированию

участков поля: его засеваемой части – и той, что оставалась под паром. Ученики старались перенять опыт наставницы, соревнуясь друг с другом в различных отраслях земледельческой науки; Деметра неоднократно объявляла конкурсы, полагая, что почётные звания и награды должны присваиваться не только победителям Олимпийских игр, но и честным работникам. Благодаря подобной инициативе, ещё в Элладе появились «Заслуженные мастера полей» или «Лучшие огородники года». Неудивительно, что народ выражал шумное одобрение подобным нововведениям и приветствовал ежегодные состязания среди коллективов и одиночных тружеников.

Немало радости доставлял доктору Деметре и уже упоминавшийся дельфин по имени Арион – подарок коллеги Фетиды, у которой доктор неоднократно бывала в гостях; в присутствии своего разумного друга женщина забывала о головных болях, даже рассеянность снимало, как рукой. Попал он к ней совершенно случайно, когда однажды подруги разговорились о том о сём, пока очередной приступ не отразился в глазах доктора-мнемоника.

- Опять?! – участливо поинтересовалась коллега Фетида, с жалостью поглаживая подругу по лицу.

- Угусь! – ответила та, вздыхая. – Мне необходимо вернуться назад... Эта память не даёт мне возможности хоть немного отдохнуть! Вот и сейчас: я вспомнила, что сегодня надо наполнить амбары по всей Македонии: у населения некоторые проблемы с продуктами... А цены на базарах, естественно, подскочили по самое не могу!..

- Побудь ещё немного, Деметра! – попросила собеседницу океанида. – Успеешь ещё на свою Землю!

- Нет, Фетида, надо – так надо! – ответила та, оглядывая просторный кабинет коллеги, из иллюминаторов которого открывался великолепный вид на подводные глубины. – Как ни хорошо у тебя, на «Океане», нужно возвращаться: долг зовёт!

- Ладно, я всё понимаю... Слушай, Деметра! – вдруг воскликнула подруга и схватила за руку уже поднимающуюся с кресла доктора. – Я же тебе подарок приготовила!

- Подарок?! – улыбнулась доктор Деметра. – Лучший мой подарок – это сновидения; впрочем, нет – меня и там достаёт моя память...

- Вот я и хочу тебе кое-что подарить, дорогая, как раз по этой части! Причём, подарок мой великолепно справляется с головными болями...

- Да ну?! – заинтересовалась собеседница. – Что же это за лекарство?! Неужели Гермес приволок тебе новый расширитель памяти – или блок, ёмкостью хотя бы в миллион зеттабайт?!

- Нет, дорогая, мне твои объёмы не нужны! – улыбнулась Фетида. – Пойдём ко мне в лабораторию, всё увидишь сама! – и подруга пригласила коллегу к выходу.

Минутой спустя, пройдя по коридору и оказавшись в Экспериментальной лаборатории, коллеги вошли в сектор, в котором Фетида содержала своих дельфинчиков. Доктор Деметра молча наблюдала за ними, а Фетида, указав рукой на проплывающего мимо них огромного красавца, сказала:

- Познакомься с Арионом, Деметра! Отныне он и будет твоим лекарством!

- Кто?! Дельфин?! – изумилась доктор, разглядывая млекопитающее, которое также проявило интерес к разговаривающим: Арион высунул мордочку из воды и внимательно прислушивался к их голосам, явно понимая, что речь идёт о нём. – Вот спасибо, подруга! Мне куда сподручнее посадить на колени обыкновенного котика!.. И где мне держать его, этого Ариона?! Как ты сама догадываешься, на «Олимпе» условия несколько иные...

- Котик – это хорошо, конечно, - парировала биолог, подавая рукой и глазами своему питомцу какие-то непонятные знаки. – Но ультразвук дельфинов, если ты не в курсе, справляется с головными болями, а также излишней нервозностью, ничуть не хуже... А что касается его содержания, так ведь устроил же коллега Геракл себе водный комплекс на поверхности! Неужели профессор Зевс откажет тебе в небольшом бассейне – причём, не прихоти ради, а для самой, что ни есть, пользы для твоего самочувствия?!

- Думаю, что не откажет, - смягчилась собеседница, увидев, что Арион подплыл прямо к ней – и пытается достать мордочкой её рук. – Надо будет переговорить с Гефестом или Аресом, пусть соорудят в моих владениях небольшое водохранилище с постоянной циркуляцией воды...

- Почему не попросить Фобоса и Деймоса? – подсказала подруга. – Первые двое, насколько мне известно, сейчас очень заняты: Гефест, по просьбе Гермеса – разработкой новых золотоносных шахт; Арес – своей бесценной репутацией...

- Вижу, что у вас, на «Океане», царит полная осведомлённость о делах на поверхности! – улыбнулась доктор Деметра, отводя взгляд от дельфина. – Фобосу и Деймосу, после их последних приколов в архивах моей памяти, я больше не доверяю... Хватит, пусть развлекаются в другом месте!

- Ну, пусть хоть транспортировкой Ариона займутся! На это, согласись, не нужно особой сноровки... Или, может, напряжём нашего Тритона?

- Ладно уж, свяжусь с этими охламонами, - ответила собеседница, касаясь уха и давая отозвавшемуся Деймосу ценные указания. – Сказали, что сейчас будут! – она вновь посмотрела на Ариона, наклоняясь к нему. – Фетида! А он действительно кажется очень забавным!

- погоди, тебя через месяц от него за уши не оттащишь! – рассмеялась биолог. – Я дам тебе одну штучку, благодаря которой ты сможешь общаться с ним...

- Общаться?! – усмехнулась доктор, легонько касаясь лба Ариона. – Ты что, научила дельфина разговаривать?!

- Это не так сложно, как может показаться, - ответила подруга, направляясь в личные апартаменты. – Конечно, полноценной философской беседы у вас с Арионом не получится, но сказать друг другу то, что у вас на сердце – вполне! Обожди меня минутку, Деметра – и постарайся подружиться с ним!

Биолог покинула помещение, и доктор присела у самого края глубокого резервуара. Арион по-прежнему внимательно смотрел на гостью, время от времени открывая рот и стараясь не производить резких движений плавниками; в противном случае Деметра рисковала промокнуть от его радости. Только теперь она обратила внимание, что на хвосте дельфина установлено кольцо, на котором время от времени вспыхивали разноцветные огоньки: красный, зелёный и жёлтый. Доктор попыталась приманить животное поближе, чтобы погладить его, но в этот момент дверь лаборатории разошлась в стороны – и в помещении оказались Фобос и Деймос. Доктор осмотрела шалопаев – и многозначительно вздохнула, прикладывая мокрую руку к голове:

- Принесла нелёгкая!

- Зачем же вы так, доктор?! – поклонился ей Деймос, приближаясь к бассейну. – Мы так спешили...

- По вашему первому требованию! – добавил Фобос, разглядывая дельфина. – Какой милашка!

- Словом, ребята, надо будет это чудо перебросить ко мне...

- Всё, что прикажете, многоуважаемый доктор Деметра! – хором воскликнули проказники-неразлучники. – Только не отчисляйте нас с изучения вашей мнемотехники, мы с братом уже успели достигнуть кое-каких высот на этом поприще...

- Вы лучше подумайте о том, где и как удобнее будет разместить это сокровище, - сказала покровительница земледельцев – и, похоже, с настоящего момента – как минимум, одного представителя отряда китообразных. – Есть какие-нибудь соображения?

- Да не вопрос, доктор! – ответил Фобос, улыбаясь ей и делая дельфину странные знаки пальцами. – Рядом с вашими апартаментами имеется чудесное помещение – помнишь, Деймос, в нём пытались спрятаться огородники, когда за ними погнались разъярённые цветоводы во время церемонии почётного вручения приза и титула за «Лучшую антисорняковую кампанию»?!

- Конечно, помню! – мгновенно отозвался тот. – Как я ржал! Вот умора: сперва мимо меня пролетела лопата, затем – ещё одна; честное слово, едва увернулся! Вокруг – бардак; все визжат... Знатное было награждение!
- Хотя у меня обычно проблемы с памятью, но такое приключение отложилось даже в моих архивах! – улыбнулась доктор Деметра, вспоминая одно из сорванных самими аграрниками мероприятий. – Ладно, ребята, хватит веселиться! Дальше что?
- Понял! – тут же склеил серьёзную мину Фобос. – Так вот, мы несколько увеличим помещение – и соорудим прекрасный бассейн...
- ...с необходимой подсветкой и поддержанием необходимых дельфинчику температур! – добавил Деймос, щёлкая пальцами перед носиком Ариона. – Ути-пути, какой хорошенький! Как его зовут, доктор?
- Арион, - в лабораторию вошла хозяйка, протягивая коллеге миникомпьютер, величиной с крупную золотую монету. – Вот, Деметра, получи! Сейчас я объясню тебе, как им пользоваться для общения с нашим другом... Отойдите от животного, изверги! – прикрикнула она на близнецов, тут же отскочивших в сторону от резервуара.
- Ну, зачем так сказала? – обиделся Деймос. – Мы же только хотели с ним познакомиться!
- Знаю я ваши знакомства, бездельники! – отрезала Фетида. – Вам бы только прикалываться над млекопитающими...
- Почему же – только?! – съязвил Фобос. – Мы не игнорируем никакой живности: это было бы несправедливо!
- Сколько времени вам потребуется на обустройство бассейна? – поинтересовалась доктор Деметра.
- Час, не больше, - мысленно прикинув объём работ, ответил Фобос. – Зря, ой зря, Фетида, ты называешь нас бездельниками! Мы тебе не Сцилла с Харибдой...
- Хорошо, тогда мы с Деметрой ждём вас назад через час! – объявила биолог. – Пойдём ко мне, подруга! – обратилась она к гостье. – Пока эти разгильдяи наведут беспорядок в твоих апартаментах и вновь вернут всё на свои места, мы сможем посидеть в непринуждённой обстановке... Доктор Дионис подогнал мне одну удивительную штучку... А вы, пожалуйста, топайте прямо в Сектор телепортации, товарищи!
- Ну, ты скажешь, Фетида! Куда же нам ещё деваться-то?! – усмехнулся Деймос. – Каким ещё образом можно уйти с вашей подводной лодки?!
Фобос захихикал.
- Это я к тому, чтобы вы не заблудились – и «случайно» не оказались у своего коллеги Тритона, - терпеливо объяснила биолог, потрясая в воздухе кулаком. – Словом, у вас на всё про всё – ровно час! Тем временем я научу Деметру пользоваться прямой связью с Арионом, как поступают все цивилизованные существа, а не щёлкать пальцами перед носом дельфина, подобно вам, неучам! На выход, господа!
- Таким образом, Арион оказался постоянным обитателем базы «Олимп»; никто из бессмертных и не подумал возражать такому необычному соседству. И действительно, дельфин очень позитивно влиял на самочувствие доктора Деметры; женщина стала гораздо меньше жаловаться на припадки головной боли, которые вызывала у неё весьма чувствительная память. Возможно, что в том были заслуги не только ласкового млекопитающего, но и техника Ареса, который время от времени подкручивал, ремонтировал и модифицировал накопитель персонального блока памяти доктора аграрных наук; однако, именно со времени появления дельфина на базе, Деметра стала более внимательной – и это заметили все окружавшие её. Неоспоримо, что что прописанные коллегой Фетидой купания вместе с дельфином также взяли своё: доктор чувствовала себя всё лучше и лучше, пока настолько не привыкла к такому почти ежедневному ритуалу, что иногда сам руководитель «Олимпа» высказывался ей приблизительно в таком духе:
- Деметра, солнышко, ты только и делаешь, что плещешься с Арионом! А как же твои аграрники да мнемоники?! Или ты взяла отпуск, о котором ничего не ведаешь начальство?!

- Нет, Зевс! – отвечала доктор прямо из бассейна, держась за спину радостно фыркающего Ариона. – Как с теми, так и с другими занятия продолжаются, ничто не вредит моему преподаванию...

- Это хорошо! – говорил профессор, прохаживаясь по краю резервуара. – А то у меня создаётся впечатление, что тебя вполне можно перевести на «Океан»: как к тебе не зайдёшь, ты всё время в воде! С дельфином!

- Это – не дельфин, Зевсушка, а просто чудо! От любого стресса избавляет... Я так превосходно себя чувствую; кстати, дельфинотерапию ещё никто не отменял: ей будут лечить многие болезни, причём, в не столь отдалённом будущем... А на «Океан» мне, конечно, рановато: я же всё-таки специалист по трудам на матушке-Земле!

Однако, несмотря на помощь Ариона, доктор Деметра являлась слишком щепетильной и трудолюбивой натурой, чтобы забывать о постоянной текучке. Зная о её неприятностях, связанных с головными болями и памятью, и бессмертные, и смертные продолжали подвергать женщину своим заботам; каждый, естественно, делал это на собственный лад. Доктор Дионис изобрёл специальный рецепт крепкого ликёра «Воспоминания Деметры», который был снабжён химическими элементами и их соединениями, стимулирующими улучшение функций памяти; доктор с благодарностью приняла подарок, который поистине оказался достоин всяческих похвал: в небольших дозах он способствовал развитию клеток, усваивающих и накапливающих информацию.

- Спасибо, коллега! – сказала женщина, принимавшая микстуру в течение нескольких недель. – Отличное снадобье; говорю тебе, как ценитель твоих штучек...

- На здоровье, дорогая моя! Только не увлекайся! – честно предупредил тот. – Это, конечно, не расширитель памяти, но для поддержания общего тонуса вполне сгодится!

- Дионис, да я готова употреблять всё, что угодно, лишь бы хоть ненадолго отделаться от воспоминаний, постоянно побуждающих меня к работе!

- Понимаю. В таком случае, тебе наоборот надо принимать «Воспоминания Деметры» как можно чаще – и, желательно, с самого утра: ведь сама знаешь: с утра выпил – весь день свободен! – полушутя, полувсерьёз сказал химик. – Только ни с кем не делись этим напитком: он приспособлен исключительно к твоим потребностям...

- А Ариону?! – спросила женщина, вспомнив о своём любимчике.

- Ну, ложечку, так и быть, можешь ему пожертвовать! Но не больше! – улыбнулся доктор Дионис. – Не то вас, мнемоников, разведётся по всей Элладе!..

- Он мне очень помогает, Дионис: я доверяю ему хранить самые важные кодовые фразы от своих архивов! – посеCRETничала доктор Деметра. – Его мозг просто уникален: это потрясающее хранилище информации! Не проходит и дня, чтобы я не общалась с ним при помощи прибора, разработанного моей близкой подругой Фетидой... И это мне весьма на пользу, особенно при постоянных занятиях с таким огромным количеством приходящего сюда народа...

Эллины также не забывали о своей наставнице и покровительнице, пытаясь хоть как-нибудь её обрадовать. Крестьяне приносили ей мёд, смешанный с многочисленными растительными добавками, которые, согласно старинным бабушкиным рецептам, благотворно влияли на память – или уменьшали головную боль, действие которой на доктора люди привыкли понимать в прямом смысле слова. Из самых разных селений к ней приходили знаменитые и не очень лекари, желавшие облегчить страдания своей кормилицы; даже обучавшиеся других школ – Гестии, Гипноса, Аполлона, Гефеста или Гермеса – относились к доктору Деметре с большой любовью и повышенным вниманием, небеспричинно полагая её одной из главнейших фигур Олимпа.

Нелишним будет упомянуть о некотором незапланированном поначалу в «Проекте «Земля»» отклонении, выведшего общеобразовательную аграрную школу доктора на рубежи новых свершений. Поскольку к Деметре приходили, в большинстве своём, земледельцы, то, казалось, программа ничем не будет отличаться от обычно утверждаемой для неё Советом при создании существ новых миров. Тем не менее, благодаря своеобразной

черте характера самого доктора – долгу перед созданиями бессмертных – и неумышленному вмешательству коллеги Аполлона и одного из его учеников, на планете всё пошло не совсем так, как в предыдущих случаях.

Однажды, во время обеденного перерыва – к хозяйке аграрников явился доктор Аполлон, буквально подталкивая перед собой молодого светловолосого эллина; тот числился одним из актёров его театра, на подмостках которого уже успел довольно успешно дебютировать.

- Хайре, Аполлон! – поприветствовала вошедших к ней в кабинет доктор Деметра. – И тебе, юный незнакомец, тоже хайре!

- Незнакомец?! – воскликнул владыка закулисного пространства. – Как это – незнакомец?! Ты же громче других аплодировала ему всего неделю назад! Вот тебе и хайре!..

- Да? – удивилась доктор психологии, смущаясь. – Печально, потому что совсем не помню этого... не в обиду никому будет произнесено...

- Милая Деметра, мы здесь вот по какому делу, - продолжил руководитель театра. – У Полидевка, - он кивнул на спутника, - обнаружилась небольшая проблема: он с трудом запоминает роль...

- Ну, может нам не стоит тревожить по пустякам великую Деметру? – подал голос юноша, делая невольный жест прикрыть глаза рукой. – У блистательной богини и так много забот; не уверен, что ещё и нам стоит отнимать её драгоценное время...

- Позволь мне решать, что нам стоит и что нет! – рявкнул на ученика Аполлон. – И прекрати скромничать, поскольку сам знаешь: в противном случае, твою театральную карьеру можно считать преждевременно законченной... Увы, несмотря на то, что она началась всего-то несколько месяцев назад... Тебе такая перспектива улыбается, Полидевк?

- Нет, - со вздохом ответил эллин, украдкой поглядывая на красавицу-доктора.

- Тогда помолчи – и позволь вести переговоры мне...

- Что-то я никак не дождусь начала, - произнесла Деметра, жестом приглашая посетителей присаживаться. – Или, возможно, я уже позабыла то, что вы мне уже рассказали о своих проблемах?! – она мило улыбнулась.

- Нет, мы ещё не говорили об этом! – подыграл ей Аполлон. – Знаешь, я хоть и покровитель актёров, но оказать помощь Полидевку – согласно моей специальности – не смогу при всём желании... Нужна твоя, Деметра!

- Итак, - подбадривала женщина гостей. – Что вам нужно от бедной Деметры?

- Случилось так, что Полидевк потерял память, - с печалью в голосе ответил коллега. – Ещё месяц назад с ним было всё в порядке, а ныне он должен тратить огромное количество времени, чтобы вызубрить несколько предложений из новой роли...

- Как это – потерял?! – переспросила доктор аграрных наук, элегантно накидывая на плечи лёгкую шаль. – Позвольте: вы пришли с подобной проблемой ко мне, у кого память вообще дырявая?! Ребята, да вы меня, как минимум, рассмешили!

- Ну, скажем так, память у тебя вовсе не дырявая, просто при твоих – вернее, её – возможностях за ней практически невозможно уследить... Я прошу тебя, Деметра: помоги этому юноше, у него невероятный талант! – доктор Аполлон положил руку на сердце и посмотрел женщине прямо в глаза. – У него может быть такое будущее, что не каждому актёру во сне приснится!

- Чем же я могу быть вам полезна, дорогие мои? – задумалась красавица, поднимаясь с кресла. – Если бы это было в моих силах... Вы обратились за помощью к той, кто сама нуждается в полной реконструкции памяти! Неужели ты полагаешь, Аполлон, что я распоряжусь о вживлении этому молодому человеку блока повместительнее?! Да сам Зевс нас обоих вышвырнет из проекта без разъяснений – и будет прав!

- Ну, ты вполне могла бы пойти другим путём, - заметил собеседник, прищуриваясь. – Можешь вспомнить молодость – и, прости за оксюморон! – потряхнуть стариной!

- О чём это ты? – не поняла доктор Деметра, прохаживаясь перед рабочим столом взад и вперёд. – О каком из путей ты говоришь, друг мой?

- Вот уж действительно почувствуешь себя идиотом, раз приходится напоминать об этом самой Деметре! – рассмеялся покровитель искусств. – Деметра, ты же самый крутой мнемоник во Вселенной! Неужели тебе тяжело помочь Полидевку – и вспомнить кое-что из арсенала своих примитивнейших мнемотехник?! Конечно, у меня и в мыслях не было просить тебя увеличивать память талантливого актёра установкой в его голову блока, я прошу всего лишь о допустимых проектом практиках!

- Хм, а что?.. Это можно попробовать! – после кратких раздумий сообщила доктор, перестав прохаживаться по кабинету и вновь усаживаясь на рабочее место. – Действительно, вреда никакого, а вот помощь – очевидна... Итак, Полидевк, - она с улыбкой обратилась к юноше, который во время продолжения диалога бессмертных скромно глядел себе под ноги. – Согласен ли ты позаниматься со мной частным образом?

- Великая дарительница, я... – эллин вскинул голову и протянул к ней руки. – Бесподобная Деметра, я готов на всё, чтобы только не покидать театра! Маэстро не даст соврать!.. Что от меня потребуется, то и сделаю!

- Наконец-то ты пришёл в себя, дружище! – одобрительно кивнул доктор Аполлон. – Смотри, проспишь свой шанс!.. Раз мы пришли просить о помощи, то нечего прятаться за кулисами собственных ладоней...

- Вы хоть к Гипносу или Гермесу обращались? – спросила Деметра.

- Конечно! – ответил Аполлон, махнув рукой. – Они поставили диагноз – и сразу направили нас к тебе... Уверяли, что хирургическое или химическое вмешательство явно преждевременно, хотя им прежде практически не приходилось констатировать склероза в столь раннем возрасте пациента...

- Хорошо, Аполлон, можешь ступать по делам, а Полидевк придёт в театр через час, - заключила доктор Деметра. – Мы с ним немного поработаем, посмотрим, что там в его памяти надо починить...

После ухода руководителя театра, женщина многозначительно посмотрела на юношу:

- Не боишься?

- Нет, - спокойно ответил тот, качая головой из стороны в сторону. – Даже в том случае, если будет очень больно: вряд ли какая-либо боль окажется для меня сильнее, чем раз и навсегда покинуть сцену...

- Это ответ воина! – похвалила его доктор, настраиваясь на работу. – Никакой боли ты не почувствуешь, я же не собираюсь разбирать тебя на части!.. Ты грамотен, Полидевк?

Тот утвердительно кивнул:

- Конечно! Специально научился читать, чтобы не забывать роль со слов суфлёра...

- Это очень хорошо! В том, чем мы собираемся заняться, это весьма важно: поскольку ты знаешь алфавит, то вполне можешь работать с буквами на ассоциациях, не так ли?

- Хм... не знаю! Никогда не пробовал... А это мне поможет вернуть память?

- Обязательно! Правда, тебе надо будет приложить немало усилий... А как насчёт музыки? Или числовых соединений? Что тебе больше нравится, что более приемлемо?

- Опять-таки, не знаю, прекрасная Деметра! – опустил голову юноша. – Если бы знал, то потренировался бы заранее...

- Я объясню тебе, - сказала доктор, - тут нет ничего сложного или непонятного. Например, ты хочешь запомнить слово... Скажи мне, как ты будешь это делать? Какой метод запоминания тебе ближе – звуковой или зрительный?

- Пожалуй, зрительный... Потому, что у меня в голове каждое слово обязательно привязывается к каком-нибудь реально существующему предмету.

- Понятно, теперь я знаю, как с тобой работать, Полидевк! Есть и другие типы ассоциаций, однако, мнемоники стараются следовать одному – самим собой проторенному – методу восприятия и запоминания информации...

- И много времени займут наши занятия, великая кормилица? – юноша обрадованно потёр руки.

- Со мной – несколько уроков, но потом ты должен будешь продолжать обучение без меня...

Ну, ещё поплаваешь десяток раз с моим дельфином – и всё у тебя будет замечательно! Просто наберись терпения! Поверь мне: на сохранение информации, которую другие люди смогут лишь приблизительно передать по прошествии, скажем, полусотни лет, у тебя буду уходить всего лишь мгновения; причём, благодаря особенностям и возможностям твоей памяти, ты сможешь через те же пятьдесят лет воспроизвести информацию без малейших искажений! Вот это я и называю архивами памяти!

Следует сразу сказать, что выдающийся актёр театра Аполлона был спасён – и продолжал радовать публику, в числе которой была и его наставница доктор, своей великолепной игрой; тем не менее, слухи о его визите к Деметре разошлись по Элладе – и к ней за помощью потянулись новые просители. До Полидевка даже на «Олимпе» никто и подумать не мог, что доктор способна заниматься хоть чем-нибудь, помимо своих прямых обязанностей, но, как оказалось, неожиданно для самой Деметры с частных уроков начавшаяся практика в самом скором времени стала носить характер постоянного преподавания.

Одним из первых, с кого доктор приступила к внедрению в массы мнемоники и различных программ мнемотехник, стал Эхенейос, замечательный лингвист, стяжавший добрую славу в Афинах. Ещё будучи малым ребёнком, он поражал и сверстников, и взрослых тем, что ему было достаточно прочитать любого размера текст, чтобы через неделю произвести его совершенно без ошибок. Когда прошли годы, и мальчик стал юношей, то однажды, взойдя в порту на иностранный корабль, он сошёл с него, полностью овладев языком чужеземцев; удивительное было в том, что Эхенейос провёл на судне всего ночь!

Дальше – больше. Юный эллин отправился в далёкое плавание – и всюду, где его корабль задерживался хотя бы на сутки, ухитрялся прекрасно освоить язык аборигенов! Им восхищались, его способности превозносили, как божественный дар; о нём говорили, что если Эхенейос не знаком с языком, то стоит дать ему ночь – и он защебечет на нём, как будто разговаривал на неведомом языке отроду.

Вот такой человек и пришёл к доктору Деметре, которая с радостью согласилась быть его наставницей мнемоники; впрочем, молодой человек уже слишком много испытал на себе с детства, поэтому был прекрасно подготовлен. Ему не требовались начальные мнемотехники, а что касается памяти, то её возможности казались у него просто неисчерпаемыми. На вопрос, как у него получается так вольно обращаться с неслыханными доселе языками, Эхенейос отвечал, что на самом-то деле язык – один-единственный, просто к нему необходимо как следует прислушаться. И при этом всегда обращался за помощью к своей духовной наставнице Мнемосине.

- Прикольнo! – сказал как-то раз доктор Аполлон, попри­сут­ство­вав­ший при беседе коллеги и феноменального лингвиста. – Парень возносит молитвы и благодарности Мнемосине, а коллега – полюбуйтесь! – даже на Земле отсутствует!

- А зачем она ему сдалась, - ответила Деметра, – если человеку достаточно верить в её идею?! Кстати говоря, доктор Мнемосина гораздо меньше других пострадала от мифологии: не коней не рожала, ни с Посейдоном не спала!..

- Это верно! – улыбнулся Аполлон. – А твоя память меня стала несказанно радовать, дорогая: раз ты запоминаешь столь пикантные детали своей мифографии – значит, у тебя дело тоже пошло на поправку!

Если дело обстояло именно так, как в том был уверен главный режиссёр Вселенной, то это имело и несколько негативные последствия с другой стороны: Деметра, ранее путавшая те или иные события из-за постоянной напряжённости в работе, отныне иногда переставала ориентироваться в них, благодаря почти неизменно сопровождавшему её расслаблению. Время от времени доктор могла даже перепутать уроки садоводства с занятиями мнемоникой, что выглядело более, чем комично; как-то раз она заявила на лекции перед полным залом практикующих звуковые ассоциации с мешочком бобов – для наглядной демонстрации очередного земледельческого эксперимента. Однако, не было на Олимпе такого «божества», которому люди чего угодно не прощали бы с такой лёгкостью, как

Деметре. Эллины уловили главное: владыка земледелия попадает в подобные ситуации оттого, что постоянно заботится о них; поэтому её память и голова разрываются от переполнения священными думами... И пока древнегреческие учёные создавали первые в истории человечества руководства по мнемонике, их великая наставница успешно тестировала собственную память на предмет случайной рассеянности.

Случилось так, что доктор запуталась в своих архивах в очередной раз – и с чистой совестью раздала крестьянам картофель. Те, получив в пользование необычные клубни, немного покачали головами от удивления, но перечить доктору не стали – и, справившись о методах посадки невиданного ранее растения, приступили к аграрным трудам. По прошествии необходимого времени люди сняли первый – и, как выяснилось немного позже, последний – урожай странных овощей, и даже успели частично им полакомиться, когда в дело вмешалась никогда не теряющая бдительности доктор Афина – и, при помощи технического персонала в лице Фобоса и Деймоса, распорядилась конфисковать у эллинов его остатки.

Что и говорить, доктору Деметре на сей раз влетело по полной программе; конечно, стоило всей этой истории выплыть на поверхность, любимица народа получила приглашение Афины – и коллеги целый час общались за закрытыми дверями, как уверял вездесущий доктор Гермес, на несколько повышенных тонах.

- Что это?! – ласково спросила доктор Афина, протягивая подруге картофелину.

- Афина, ты меня удивляешь, клянусь Зевсом! – ответила Деметра, принимая плод и внимательно рассматривая. – Картофель, дорогая моя! Причём, замечательный: глянь только – ни единой червоточины!

- Я не об этом, Деметра! Аид меня побери, но очень хотелось бы узнать, как эти овощи попали в Элладу?

- Как, как! – не понимая, к чему клонит доктор истории, игриво ответила женщина. – Разумеется, эллины получили их из моих рук!..

- Отлично! То есть, ты признаёшь, что неслыханный по масштабам исторический саботаж имел место быть, и виновница его – ты! По-другому говоря, Деметра, ты спровоцировала катастрофу, разгребать последствия которой я поручила Фобосу и Деймосу... Будем надеяться, что положение ещё поправимо, иначе не знаю, как мы будем оправдывать перед руководством базы и Советом твой вольный или невольный анахронизм!

- Постой, Афина! – доктор-мнемоник отчаянно захлопала глазами, видимо, приводя в порядок архивы памяти и подыскивая в них нужные кодовые фразы-пароли. – Ты что, позволила этим бездельникам провести конфискацию пропитания у несчастного населения?!

- Извини, другого выхода ты мне не оставила, подруга! Ничего, я думаю, что тебе не составит огромных усилий наклонировать им вместо картофеля обыкновенной пшеницы... Не дай Зевс, если близнецы-кошмарники не доглядят хоть одной кочерыжки... то есть клубня... Деметра, ты хоть даёшь себе отчёт в том, что ты по невнимательности натворила?! Если Зевс пронюхает об этом, боюсь, что нам обеим несдобровать...

- Анахронизм! – простонала преподаватель земледелия, как будто из всей тирады коллеги услышала единственное знакомое слово. – Опять анахронизм! Афина, дорогая, да я ни сном ни духом...

- Охотно верю тебе, Деметра! Что будем делать? Пойдём к начальству на ковёр вместе?

- Да что он тебе сделает: ты – одна из его любимых дочурок! – усмехнулась Деметра-мнемоник.

- А ты – одна из его любимых сестёр! – также с улыбкой парировала доктор истории. – Возможно, даже самая любимая!.. После Геры, конечно... Ладно, попробуем решить проблему сами; если наши техники проведут операцию по зачистке амбаров от картофеля в кратчайшие кроки и без косяков, то, может статься, этот конфуз пройдёт мимо профессорских ушей...

- Как же я так промахнулась?! Да ещё в такой мелочи! – стенала «любимая сестра».

- Ни фи́га себе – мелочь! Это же надо, Деметра: всучить эллинам не принадлежащую их времени овощную культуру! Только прикинь, какой пищевой дисбаланс угрожает всему населению планеты!.. О финансовой стороне я даже не думаю, но, полагаю, только от приблизительных подсчётов нашего друга Пилота кондрашка хватит... Если уж ты так разошлась, так почему не всучила эллинам заодно и какао?! Пусть себе лакомятся шоколадом – и это во времена, когда его сами ацтеки ещё толком готовить не научились!.. Словом, у нас с тобой единственная надежда: сейчас исход дела полностью зависит от способностей Фобоса и Деймоса...

К счастью для обеих, близнецы не подвели коллег, проведя молниеносный рейд по близлежащим от «Олимпа» селениям; дальше распространение картофеля не пошло, что после неоднократно было перепроверено обеими докторами; профессор Зевс, естественно, узнал об имевшем место вопиющем безобразии, но к тому времени история настолько поросла травой забвенья, что он решил спустить дело на тормозах.

Без положенного возмездия со стороны руководства осталось и ещё несколько подобных ситуаций, когда Деметра-мнемоник, запаренная вечными хлопотами по планетарному хозяйству, ухитрялась путать временные отрезки прошлого со странами пока не существующего будущего. Доктор неоднократно обращалась к техническому обеспечению базы в лице коллеги Гефеста или Ареса с его неразлучными близнецами, чтобы те ещё и ещё раз навели порядок в её архивах и увеличили объём блока памяти; после просимой операции она какое-то время чувствовала себя лучше, но треклятые заботы и долг кормилицы рода человеческого вновь обрушивались на её нежные, хрупкие плечики – и женщине ничего больше не оставалось, как отправляться в бассейн к Ариону и утешать свою бедную головушку долгим купанием...

Дельфин, этот весьма своевременный подарок коллеги Фетиды, уже давно стал неотъемлемой частью бытия доктора Деметры. Они привязались друг к другу, как её не менее знаменитая подруга, профессор Медуза Горгона, некогда привязалась к милому щенку Одиссею и его юному хозяину Педанию; и если для профессора это было далёким прошлым, то доктор Деметра переживала одни из самых приятных моментов настоящего. Арион всегда ждал её; бывало, что он, соскучившись по Деметре, дистанционно вызывал её в бассейн – и они общались при помощи дрессировочного устройства Фетиды: женщина наблюдала за показаниями переливающихся в хвосте дельфина трёх огоньков, а разумное существо, хоть и не было способно понимать невероятно превосходящее его возможности мышление бессмертных, пытался улавливать её настроение всеми доступными ему способами.

Для максимально полноценного общения с дельфином, доктор Деметра распорядилась установить у одной из стен бассейна крупный экран, выводящий понятные животному символы; Арион, переведя способы их общения на «условное», мог говорить целыми фразами, чем невероятно радовал собеседницу. Поэтому вовсе не человек, а водное млекопитающее оказалось первым на планете существом, которому доктор раскрыла все тайны «Проекта «Земля»», поведав ему о том, откуда возникло всё то, что Арион мог видеть и чувствовать... Люди не смогли понять и сотой доли открывшихся молодому дельфинчику взвешанных понятий, даже ассоциаций – потому, что у дельфинов нет мифологии, они не забивают свой мозг неприменимыми на практике сказками; как ни пытался доктор Гефест и многие бессмертные объясняться с людьми, именно по этой причине все их намерения были обречены: человеку гораздо проще выдумать «богов» или наградить «божественной» атрибутикой необъяснимые явления природы, чем отказаться от предрассудков – и просто следовать путём Разума, как поступают его соседи по планете...

Во время долгих бесед с доктором Деметрой, Ариона весьма занимал вопрос, на который он не мог найти достойного ответа: почему люди, также являющиеся представителями разумной жизни, убивают друг друга? Если дельфины, менее развитые существа – и те не уничтожают себе подобных, то почему так происходит среди их наземных собратьев, обладающих более высоким интеллектом и способностью ускоренного аналитического

мышления? Женщина пыталась растолковать Ариону непонятные для него символы, но, похоже, что животное так и осталось в неведении относительно побудительных мотивов, заставляющих человека причинять вред сородичу.

Он также не мог понять, почему целью «Проекта «Земля»» является человек – существо гораздо более агрессивное, нежели любой другой из животных видов планеты. Доктору приходилось долго и терпеливо объяснять ему, что человек – это более машина, правда, до поры до времени не осознающая собственной механичности; а машины имеют свойство ломаться; машин в какой-то момент может оказаться чересчур много... Впрочем, вполне возможен виток на определённом отрезке истории, когда человек отвернётся от себе же прописанной программы – и вернётся в лоно Природы; в его руках – все необходимые для этого возможности...

Одну из таких бесед доктора Деметры с Арионом прервал коллега Гермес, появившийся в бассейне; женщина сразу поняла по его взгляду, что случилось нечто важное. Она немедленно покинула резервуар, запахнувшись в лёгкую шаль – и пригласила друга в кабинет по соседству.

- Что стряслось, дружище? – спросила полуобнажённая красавица, указывая посетителю на кресло и подходя к изящному шкафу. – Позволь предположить: ты достал мне новый блок памяти, который я заказала тебе ещё в прошлом месяце?

- Нет, Деметра, - ответил величайший фарцовщик во Вселенной, усаживаясь. – Увы, но с этим придётся ещё немного подождать: кое-какие дела требуют моего постоянного присутствия на базе... Но, дай только срок – и я исполню своё обещание!

- Хорошо, я подожду, - Деметра-мнемоник достала из шкафа кувшин и пару бокалов. – Выпить хочешь?

- Не откажусь, - облизнулся доктор Гермес, даже не поинтересовавшись, что ему предлагает прекрасная хозяйка.

- Так что у тебя, Гермес? – женщина подала ему один из бокалов и устроилась от коллеги через стол. – Почему так сияют твои светлейшие очи?

- Наверное, от удивления, Деметра! – Гермес отпил глоток, ставя бокал справа от себя. – Я, осторожно выражаясь, огорошен – и своим состоянием хочу поделиться с тобой, - он сунул руку под гиматий и положил на стол несколько золотых и серебряных монет. – Посмотри внимательно, дорогая – и скажи мне, видела ли ты раньше хоть что-нибудь подобное?

Доктор психологии придвинула к себе деньги и принялась рассматривать каждую монету; с каждым мгновением её глаза всё больше округлялись; когда же она выпустила из пальцев последний динарий, то диаметр её зрительных органов составлял ничуть не меньшую величину, чем лежащие перед ней монеты.

На лицевой стороне каждой из них был отчеканен легко узнаваемый профиль самой Деметры: внешность покровительницы земледельцев просто нельзя было спутать с ликом какой-нибудь из её коллег – в волосы её, согласно эллинской традиции, были вплетены колосья, а на двух из монет она была изображена в пшеничном венке. Однако, с другой стороны монеты неизвестный мастер поместил рисунок дельфина, в детальных чертах которого можно было легко опознать по соседству плещущегося в бассейне Ариона.

- Это... что такое, Гермес?! – удивлённо прошептала Деметра, неотрывно глядя на гостя. – Новые веяния в торговом обороте?!

- Вот это мне и предстоит выяснить, - туманно ответил коллега, вновь прикладывая бокал к губам.

- погоди. Ты хочешь сказать, что вся эта нумизматика – не твоих рук дело?! – спросила она, переводя взгляд с одной монеты на другую. – Я полагала, что это твоя прямая прерогатива: издание и апробирование подобных артефактов...

- Именно, милая! – подтвердил доктор медицины. – Автор этих шедевров мне неизвестен, однако, я обязательно постараюсь найти его – и выяснить причину возникновения этих странных денежных знаков...

- А я решила, что ты захотел сделать мне подарок! – улыбнулась женщина. – Подумала, что смогу щегольнуть перед подругами в новом колье!
- Нет, Деметра, уж лучше я подгоню тебе новый блок памяти или что-нибудь в этом роде... Похоже, что у тебя появился поклонник!
- Почему та так считаешь, Гермес? – поинтересовалась доктор Деметра.
- Слишком велика детализация рисунка, ты только посмотри! – ответил тот, протягивая ей одну из монет. – Придание столь точного портретного сходства неизменно указывает на то, что мастер поставил себе задачей сохранить твой образ в металле как можно ближе к оригиналу! Работал он с первого раза: на монете не видно и тени неточности руки; следовательно, он долго тренировался, копируя твоё прекрасное личико на золоте или серебре... Из этого заключаем, что он, скорее всего, либо художник, либо чеканщик...
- Согласна, - кивнула собеседница, поправляя на плечах накидку. – Но зачем он тебе сдался-то, этот мастер?!
- Деметра, ты, видимо, не очень хорошо представляешь ситуацию, в которой мы можем оказаться, если вовремя не обуздаем твоего тайного поклонника! – воскликнул доктор Гермес, поднимаясь и начиная вышагивать по кабинету. – Конечно, нельзя запретить людям чеканить на монетах твоё изображение, поскольку уже давным-давно отчеканены тысячи и тысячи портретов – разной степени достоверности – Зевса, Диониса, Артемиды, Афродиты и кого угодно из олимпийцев, включая меня самого... Если рука какого-то чеканщика добралась, наконец, до твоего светлого образа – превосходно, с чем тебя и поздравляю! Но в нашей истории возникает проблема: ведь монета, как известно, имеет и вторую сторону!
- Не понимаю твоих инсинуаций, Гермес, - пожалала плечиками доктор Деметра. – То ли ты опять каламбуришь, то ли говоришь серьёзно...
- Поверь, что серьёзнее некуда! – ответил её собеседник, опрокидывая остатки напитка в рот и отставляя пустой бокал. – И говорю я об этом в самом прямом смысле слова: у монет есть и другая сторона! А что, позволь полюбопытствовать, изображено на ней?
- Арион, - недолго думая, ответила Деметра. – По-моему, чеканщик весьма тонко передал его массивную лобную дугу...
- Кончай прикалываться, Деметра! Ты что, не видишь никакой опасности в подобном сочетании?!
- Объясни тогда, в чём ты видишь её! – попросила доктор психологии.
- Комедия, да и только! – хлопнул в ладоши владыка журналистов. – Нельзя, дорогая моя, не при каких условиях нельзя выпускать монету, снабжённую с одной стороны твоим дивным профилем, и – пусть и весьма симпатичной – мордочкой твоего дельфина с другой! Или ты в самом деле не понимаешь, какой разнос устроит нам с тобой Афина, если мы будем сидеть, сложа руки?!
- Опять какой-нибудь анахронизм? – предположила женщина, мгновенно вспоминая свою последнюю дружескую размолвку с коллегой.
- Не совсем... Скорее, логическое несоответствие, грозящее нарушить принятые в нумизматике традиции... В мифологии, кстати, тоже! – ответил доктор Гермес. – Суди сама: нет ничего страшного, если монета снабжена твоим профилем; от себя могу добавить, что это даже замечательно! Не стану возражать, чтобы на монетах хоть все чеканщики мира начнут изображать Ариона – это их полное право. Но соединение обоих изображений на одной денежной единице – это чересчур фатально!
- Чем же тебя так напугало наше соседство с дельфином на этом динарии? – вновь улыбнулась Деметра, беря монету и ловко подбрасывая её в воздух; Гермес сделал внезапный шаг в её сторону – и ловко перехватил предмет на лету.
- Деметра – это земля-кормилица, заботящаяся о людях; дельфин – водное существо, не имеющее никакого отношения к владычице аграрников... Если бы вместо тебя был изображён Нерей, Посейдон, Тритон, Фетида или вообще любой из сотрудников базы «Океан», не возникло бы ни малейших вопросов: рисунок Ариона был бы вполне уместным, дополняя собой род занятий и, так сказать, место прописки увековеченного в металле

«божества». В твоём же случае, как ты сама понимаешь, подобная вольность не прокатит: ты – обитатель Земли, с жителями водных глубин не имеешь ничего общего и в особо тесном родстве не состоишь...

- То есть, как это – не имею?! – возмутилась женщина, сверкая глазами. – А как же Арион?! Разве он не живёт в соседнем помещении?! Разве он не такой же олимпиец, как ты или я?!

- Я не спорю с очевидными фактами, Деметра, но против эллинских традиций и миропонимания тоже не попрёшь: попробуй, расскажи им всем, что на Олимпе живёт дельфин – и даже эллины младенческого возраста просто поднимут тебя на смех! Поскольку им известно, что дельфины не могут жить среди высокогорных массивов, и место им – в глубинах морей...

- Но столько людей своими глазами видели Ариона и даже плавали с ним! – стояла на своём красавица с чрезмерно мнемоническими наклонностями. – Неужели у людей память с такими же прорехами, как и у меня?!

- Ну, максимум, что они могут сделать, это рассказать о своём опыте детям и внукам; те, в свою очередь, передадут это своим потомкам как семейное предание... Ещё сотня-другая лет – и люди будут говорить об Арионе Олимпийском, как о легенде; а спустя полтысячелетия любой эллин в здравом уме будет открыто высмеивать подобные сказки... Это где же видано: дельфин на Олимпе?! Ясное дело – народное творчество! – резюмировал доктор Гермес.

Женщина молчала; по её лицу было заметно, что она размышляет над услышанным; Гермес не мешал ей переварить информацию, зная по опыту, что коллега может быть в рассуждениях довольно медлительной.

- Понимаю, - произнесла, наконец, его очаровательная собеседница. – Это всё?

- Почти. Но имеется ещё один нюанс...

- Какой?

- Я сам – и моя деятельность.

- Здравствуйте, я ваша тётя! Ты-то каким боком сюда пристроился, Гермес?

- Всё просто: поскольку руководство поручило мне заниматься передвижением финансов не только между эллинами, но и другими народами, мне необходимо найти мастера – и получить от него ответы на кое-какие вопросы. Увы, до этого момента я буду вынужден изъять из обращения монеты с вашими чудесными профилями, объявив их фальшивыми, а производство оных – незаконным... В придачу, если я не смогу вовремя подсуетиться, об этом проведает наша Афина – и повышенные хлопоты нам гарантированы! Блин, да я просто представляю себе лица нумизматов далёкого будущего, попадись кому-нибудь из них на глаза подобная монетка!

- И как думаешь искать изготовителя этих нетрадиционных поделок? Будь я на твоём месте, уверенно начала бы с учеников Гефеста: у него полным-полно чеканщиков, - предположила доктор Деметра, откидываясь на спинку кресла. – Они-то и выполняют, насколько мне известно, все твои макеты да заказы...

- Верно, - согласился собеседник, замирая возле стола и подливая себе ещё полбокала. – Только, к сожалению, ты идёшь в неправильном направлении, а это трата лишнего времени, которого у нас и так не хватает, поскольку Афина – всегда начеку!

- И как быть?

- Ученики Гефеста тут не причём, я в этом убеждён... Надо искать человека, который постоянно видит тебя и Ариона; об этом говорит та отточенность и безошибочность действий, с которой он наносит твой с дельфином профили на металл. Он просто обязан видеть тебя ежедневно, что демонстрирует его привязанность к деталям: как я говорил и ты можешь видеть сама, портретное сходство с вами просто ошеломительно!

- Может, он в большей степени поклонник Ариона, а вовсе не меня? – хитро улыбнулась женщина.

- Не соглашусь с тобой, Деметра! В противном случае он поместил бы на лицевую сторону монеты его дельфинье величество, а тебя упрятал бы на заднюю обложку! – рассмеялся

доктор Гермес. – Нет, мы имеем дело с человеком, который видит тебя, возможно, наблюдает тебя часами... Поэтому я заключаю, что он – один из твоих учеников!

- Вроде бы логично...

- Не припомнишь ли ты хоть кого-нибудь, чтобы проявлял к тебе повышенное внимание, чтобы чаще других задерживался после уроков, больше других разговаривал с тобой?

- Знаешь, если я хоть что-то и помню, так это количество урожайных и неурожайных лет на ближайшие тысячелетия, - ответила доктор Деметра. – На остальную информацию мне как-то жаль переводить свободное место блока памяти...

- Печально, коллега! Сейчас нам это весьма пригодилось бы...

- Гермес, да ты знаешь, сколько у меня таких, что остаются после уроков на дополнительные занятия?! Вот уж никогда не думала, что придётся обращаться к Зевсу с просьбой открывать группу продлённого дня!.. К тому же, какую категорию моих учащихся ты имеешь ввиду: аграрников или мнемоников?!

- Всех, - хмыкнул коллега. – Меня заинтересует любая подозрительная личность...

- Может, мне лучше предоставить тебе учётные карточки на каждого из них?!

- А что толку?! Не по именам же я смогу определить, кто штампует монеты с твоей умопомрачительной внешностью! Да и в картотеке сидеть не особо хочется... Предпочитаю действовать в полевых условиях: в одном месте – кое-что узнаешь, в другом – задашь нужные вопросы, в третьем – подслушаешь что-нибудь интересное...

- Что же, дорогой, тогда успеха тебе в начатой охоте! – благословила его Деметра, поднимаясь из-за стола. – А у меня аккурат через минуту лекция мнемоникам...

- Послушай, милая, неужели тебе самой не интересно, кто чеканит на благородных металлах твои манящие глаза? – улыбнулся доктор Гермес. – Неужели в тебе напрочь отсутствуют романтические переживания?

- Все мои романтические переживания – в расширителе памяти, который ты давно грозился мне достать! А ещё – в плавании с Арионом после преподавания, - шутливо заметила женщина. – А это сегодня мне понадобится, поскольку твои новости гарантируют мне стресс средней степени тяжести!

- С чего бы?! – удивился собеседник. – Тебя же не интересует романтика!

- Да просто помню не столь давнюю историю, приключившуюся с Афродитой! – вздохнула доктор Деметра. – Чтобы какой-нибудь сумасшедший изверг гонялся за мной... Нет уж, увольте!

- Ну, значит, твоя память идёт на поправку! – констатировал доктор Гермес. – Раз в ней удержалось «дело Афродиты», имевшее место, Аид знает, сколько времени тому назад, то я за тебя спокоен!

На поиски таинственного поклонника доктора Деметры её коллега потратил почти сутки; как он и предполагал, им оказался ученик третьего класса школы мнемоники Архелиос: человек средних лет, и как непреложно удалось установить Гермесу, действительно являющийся превосходным чеканщиком. Покровителю глашатаев было достаточно собрать необходимую информацию по его друзьям и знакомым, пока тот прилежно заседал на лекции доктора Деметры – и после этого, якобы под случайным предлогом, явиться в апартаменты подруги. Он подробно рассказал ей, что ему удалось нарыть за прошедшее с их последней встречи время – и, опустив собственные методы сыска, к которым он обычно прибегал в неразрешимых ситуациях, указать женщине на Архелиоса, благодатно медитировавшего на стуле. Естественно, что после окончания занятий доктор Деметра вызвала ученика в кабинет для частной беседы.

Войдя в помещение, эллин сразу увидел развалившегося в кресле доктора Гермеса – и поклонился ему; преподаватель мнемоники закрыла дверь за Архелиосом, продолжая оставаться рядом со входом в кабинет. Гермес с улыбкой указал вошедшему на одно из свободных кресел:

- Присаживайся, Архелиос! И ты, Деметра, последуй его примеру: ты же не арестованного конвоируешь!

После его слов человек заметно насторожился, непроизвольно отыскивая глазами место, где можно было бы спрятаться; увы: впереди – Гермес, позади – Деметра! Окна кабинета выходили на скалистый обрыв, поэтому бежать ему было совершенно некуда. Поняв это, Архелиос сел в кресло – и приготовился к объяснениям с окружившими его «богами».

- Итак, дружок, скажи мне: твоя ли это работа? – мягко спросил доктор Гермес, указывая ему на монеты, по-прежнему лежавшие на рабочем столе хозяйки апартаментов.

- Да, - спокойно ответил тот, явно решив не юлить под бременем очевидных улик. – Да, господа мои, это деньги моего производства. А что? Разве я нарушил законы чеканки? Разве совершил какое-либо противоправное действие?

- погоди, погоди! – остановил его законопослушный коммерсант. – Во-первых, тебя никто и ни в чём не обвиняет, Архелиос! Во-вторых, нас интересует вовсе не этот вопрос...

- А что тогда? – эллин посмотрел на доктора Деметру, выплывшую у него из-за спины и также севшую в кресло напротив.

- Вот видишь, мы с Деметрой не являемся твоей охраной, - подчеркнул её действие говорящий. – Ты можешь уйти в любой миг, никто не станет тебя задерживать... Просто нам хотелось немного поговорить с тобой – и всё.

- Хорошо, говорите, - после заверений Гермеса к человеку вернулось самообладание. – Ни золота, ни серебра я не крал, так чего же мне бояться? Эти вещицы – да, сделал! Но что в этом плохого?

- Абсолютно ничего! – вступила в разговор хозяйка кабинета. – Хочу спросить тебя, зачем ты это сделал? Зачем изобразил на них меня и моего дельфина? Ты же мой ученик, Архелиос! Скажи правду, ведь мнемоники не должны обманывать друг друга!

- Очень просто, Деметра: потому, что я люблю тебя! – ответил тот, однако, увидев панику в глазах обоих слушателей, мгновенно поправился. – Люблю так, как ученик восхищается своей учительницей; люблю так, как ребёнок боготворит свою кормилицу; люблю так, как отец выздоровевшего по твоей милости сына восторгается искусством его исцелившего...

- Постой, постой, ничего не понимаю! – затрясла головой доктор Деметра. – Какие целители, какие дети, какие кормилицы?!

- Всё в порядке, Архелиос, я объясню коллеге, поскольку в курсе твоей истории не хуже тебя самого, - сказал казначей вся Вселенной. – Лучше налей себе чего-нибудь, с позволения хозяйки... Словом, Архелиос давно обучается у тебя мнемонике, Деметра. Слушает лекции, отлично применяет их на практике... У него есть сын Демодок, который – в результате занятий с твоим дельфином – почти полностью исцелился от целого букета заболеваний: церебрального паралича, нарушения речевых функций и прочих хворей... Счастливый отец и твой ученик сперва приносил жертвы в твоих храмах, а потом решил увековечить твоё подлинное изображение на монете, поскольку по профессии является великолепным чеканщиком... Он просто хотел, чтобы люди благословляли твоё имя, когда прикасаются к твоему образу... Конечно, Архелиос изобразил на другой стороне и твоего ассистента – Ариона, чем, собственно, и внёс путаницу в подвластные мне каноны нумизматики...

- Подожди, о благородный Гермес! – поднял руку мастер. – Ты всё рассказал правильно нашей владычице – и обо мне, и о Демодоке, но разве я сделал хоть одну монету за всю свою жизнь?!

- Не понял, - отозвался тот, указывая на лежащее на столе Деметры золото и серебро. – А это, по-твоему, что такое?!

- Это медали! – с улыбкой ответил Архелиос. – Странно, но все мои друзья тоже принимают их за монеты! Да, я действительно хотел увековечить память о великой Деметре и её Арионе, потому и решил создать настоящее произведение искусства! Я долго присматривался к лицу нашей покровительницы, - он глубоко наклонил голову в сторону Деметры, - и не менее тщательно наблюдал за Арионом – и вот: мой труд увенчался успехом! Теперь я действительно счастлив, господа мои!

- Не монеты! – присвистнул доктор Гермес. – Слушай, Деметра, мне кажется, что я совсем никуда не годный сыскарь: как же мне не пришло в голову, что Архелиос произвёл не деньги, а самые первые в истории человечества медали! Об этом надо немедленно сообщить Аполлону и Гепесту: это же не меньше, чем революция в искусстве!

- Спасибо, дорогой мастер! – доктор Деметра послала ему воздушный поцелуй. – Вот уж не думала, что удостоюсь подобной чести!.. Только у меня к тебе огромная просьба, друг мой: если ты и дальше собираешься тиражировать свои произведения, то не изображай меня с Арионом на одной медали, хорошо? Наш милый Гермес полагает, что из-за этого у него могут возникнуть неприятности на профессиональной почве...

- Как скажешь, о великая Деметра, владычица и наставница! – ответил Архелиос, поднимаясь с места и кланяясь женщине. – В конце концов, монеты или медали – какая разница?! Пусть они ходят по рукам всего человечества, хоть по отдельности прославляя прекрасную Деметру и её сына, целителя Ариона!

- Сына?! – в ужасе воскликнула единственный специалист по дельфинотерапии, прикрывая рукой свой гранатовый ротик.

- Успокойся, Деметра: я лично прослежу, чтобы от подобной информации в эллинской мифологии не было и духа! – крикнул ей доктор Гермес. – А мы с мастером, пожалуй, пойдём и ещё немного потолкуем...

Стоило доктору Деметре разобраться с одним приключением, как на смену ему незамедлительно явилось следующее: спустя некоторое время всё тот же коллега Гермес достал ей просимый блок памяти, который женщина захотела как можно скорее оприходовать.

- Ну, - сказал ей вызванный по такому случаю Арес, с повышенным вниманием разглядывая раздобытую королём технического шпионажа новинку. – Будем устанавливать, доктор?

- Без всяких сомнений! – задорно ответила Деметра-мнемоник. – Сколько времени тебе потребуется, Арес? Другими словами, сколько времени ты намерен держать меня в полном беспомоществе? – улыбнулась женщина, устраиваясь в кресле поудобнее.

- Скажем, установка – около минуты, но это меньшая из забот... Далее, перезагрузка и форматирование – минимум час. Ещё переархивация, создание нового каталога, установка виртуального дешифратора... Опять около часа... ну и, соответственно, анализ, диагностика... Думаю, что не ошибусь, сказав, что сегодня вам уроков не вести! – вслух подсчитал Арес.

- Ну и Аид с ними! – подвела итоги красавица. – Ради такого случая можно и пропустить пару лекций...

- Не буду скрывать, доктор, но меня кое-что беспокоит, - пробормотал техник, готовясь к операции.

- Говори, - кивнула доктор Деметра. – Ты же не дашь мне дурного совета!

- Блоки подобной модели давно поставлены на конвейер, но вот сам расширитель памяти, - Арес замялся. – Вы обратили внимание на чёрный символ на микрочипе виртуального редуктора?

- Ну да, была какая-то картинка, - ответила женщина. – А что такое?

- Вы никогда такой прежде не видели, уважаемая Деметра? – настойчиво спросил техник, взясь с подсоединением аппаратуры к портабельному энергостимулятору. – Это метка «Перекрёстка Торговцев Памятью» – довольно крупного синдиката, специализирующегося на подобных произведениях искусства... Готов побиться об заклад, что этот товар попал к вам прямо из рук неуловимых до сих пор гениальных контрабандистов! Это для вас так Пилот постарался, не правда ли?

- Только никому не говори! – прошептала доктор Деметра, зажмуриваясь.

- Это и так общеизвестно, - улыбнулся Арес, сам частенько обращающийся к другу за аналогичными причинами. – Проблема в том, что помеченный таким символом товар всегда носит экспериментальный характер: на кого и как он подействует, неизвестно...

Инструкции к таким вещам, как вы понимаете, не прилагается... Вы согласны опробовать это на себе, доктор?

- Ну, знаешь, у меня вроде бы не так много вариантов, - вздохнула женщина. – К тому же, если что, так ты же меня вытащишь из беды, правда, Арес?

- Обязательно! – убедительно сказал техник, приступая к операции...

Женщина пришла в себя, услышав тихое посвистывание техника где-то справа; повернула голову – и увидела, как Арес, налив бокал из её запасов, перебирает свои модуляторы.

- Можно встать? – спросила доктор Деметра, поднимая над собой руки.

- А, вы уже вернулись, доктор? – он виновато опустил глаза. – Я тут немного похозяйничал, вы уж простите...

- Ничего страшного, не скучать же тебе несколько часов в присутствии моего напрочь выключенного организма! – улыбнулась женщина, покидая кресло и делая несколько шагов.

- Пока вы отдыхали, я понаблюдал за диагностикой и распаковкой архивов, - сказал Арес, отпивая из бокала. – Сканирование выявило возможные побочные эффекты, уважаемый доктор: лёгкое нарушение координации движения... Так, вижу, что это вам уже не грозит,

- поспешно добавил он, проследив за походкой мнемоника. – Далее, повторяющиеся сновидения, чаще всего – кошмары; думаю, что если с этим возникнут осложнения, смело обращайтесь к доктору Гипносу: он сможет обеспечить вам абсолютный покой за Барьером... Ну, и самое неприятное: возможность апатии...

- Этого мне только не хватало! – воскликнула доктор Деметра.

- Ничего страшного: в конце концов, у вас есть дельфин! – с улыбкой напомнил ей техник, наливая своей пациентке маленькую рюмочку. – А это для успокоения...

- Благодарю! – женщина махом осилила напиток. – Значит, всё в порядке?

- Абсолютно! – уверил её Арес, почёсывая макушку. – Правда, не исключены кратковременные галлюцинации; впрочем, вы – женщина крепкая, доктор... Если произойдёт нечто экстренное, приходите прямо ко мне: решим на месте...

Действительно, доктору Деметре почти не довелось испытать ничего из прогнозируемого Аресом набора «приятных ощущений»: ни ужасные сны, ни приступы апатии её так и не посетили; видимо, конструкторы «Перекрёстка Торговцев Памятью» крайне дорожили с трудом завоёванной клиентурой, предварительно тестируя-таки свои штучки. На этом держался их бизнес, до которого никак не могли добраться ни Межгалактическая Инспекция, ни многочисленные ассоциации по защите прав потребителей...

Через несколько дней после успешно проведённой операции, доктор Деметра, проведя необходимые по расписанию занятия с аграрниками и мнемониками, решила искупаться в компании Ариона; когда она вошла в бассейн, ей показалось, что у неё что-то случилось с глазами: в резервуаре плескались два дельфина! Доктор протёрла лицо водичкой и вновь глянула в бассейн: видение не исчезло, два Ариона гонялись друг за другом и радостно поднимали целые фонтаны брызг.

- А вот и они, галлюцинации! – прошептала доктор, вспомнив о возможных побочных послеоперационных эффектах, которые до сих пор обходили её стороной. Тем не менее, женщина взяла себя в руки и добавила. – Впрочем, это не самое страшное, что могло привидеться: пусть разумных и добрых существ будет вдвое больше, я только «за»! Пусть даже только в моём воображении, это вовсе не повод сходить с ума!

Она усмехнулась над собой – и вновь глянула в бассейн... и почувствовала, как у неё предательски затряслись колени: в резервуаре плавал всего один дельфин, а рядом... А рядом с ним доктор увидела саму себя! Да, она узнала своё земное лицо и тело, узнала собственный голос, командующий Ариону плыть быстрее; узнала длинные волосы русалки, которые распускала только здесь, во время плавания...

Чтобы не упасть, доктор присела прямо на край бассейна, наблюдая за «собой» и Арионом; сделала несколько глубоких вдохов – и пришла к выводу, что от созерцания «себя» со стороны также не следует предаваться панике: Арес предупредил, что галлюцинации

должны быть кратковременными; следовательно, надо набраться сил и терпения – и просто переждать их... Женщина крепко зажмурилась, надеясь, что наваждение рассеется само по себе.

- Доктор Деметра? – откуда-то издалека принёсся к ней знакомый голос. – Вот уж не думал, что вы накроете меня за купанием с вашим чудесным дельфином! Я пришёл к вам поговорить, но, видимо, несколько поторопился с визитом: вы ещё были на лекциях... Вот я и решил скоротать время – и полез в бассейн... Видимо, по родному «Океану» соскучился! Деметра-мнемоник распахнула глаза настолько, насколько природа – и удивление – позволили ей это сделать: в воде кувыркался фыркающий Арион, а рядом, поглаживая его, стоял профессор Протей.

ТРИДЦАТЬ ДВА ОБЛИЧЬЯ ПРОФЕССОРА ПРОТЕЯ

*...Бог бессмертный Протей, которому ведомы бездны
Моря всего и который царю Посейдону подвластен...*

Гомер, Одиссея, Песнь 4. 385-386

*...О коварном искусстве своём не забыл он.
Огненнооким сначала представился львом бородатым,
После того леопардом, драконом и вепрем огромным,
Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою...*

Гомер, Одиссея, Песнь 4, 455-458

Минуту спустя доктор Деметра, окончательно пришедшая в себя от испытанного потрясения, мирно сидела с профессором Протеем на краю бассейна, свесив в воду ножки; Арион, как ни в чём не бывало, плескался в резервуаре, подавая доктору лишь ей понятные световые сигналы.

- Ну, нельзя же так, профессор! – произнесла доктор, с лёгким осуждением взирая на улыбающегося коллегу. – Я, простите, только после операции, мне необходим покой... А тут: на тебе – наблюдай за собой со стороны! Подумала, что меня настигли обещанные Аресом галлюцинации...

- Поверь, прекрасная Деметра, у меня и в мыслях не было напугать тебя! – ответил собеседник, касаясь рукой проплывающего мимо дельфина. – Просто хотел подождать тебя в бассейне... Ну, решил искупаться... Зато теперь могу рассказать тебе о том, с каким

благоговением к тебе относится Арион: ведь, переняв его облик, я, соответственно, получил определённый доступ к его сенсорике... А кроме того, давненько я не перевоплощался в океанических животных!

Как упоминалось раньше, профессор математики и биологии Протей был неординарной личностью даже для бессмертных. Трудно сказать, в какой из сфер он приобрёл большую известность: его труды одинаково ценились и гуманитариями Вселенной, и представителями цеха точнейшей из наук, однако, сам профессор явно тяготел к биологии. Его охватила в какой-то степени исследовательская идея фикс, согласно которой Протей взял себе за правило стать любым из встреченных во Вселенной мыслящих – и не особо – существ. Нельзя не отметить, что эта своеобразная прихоть учёного была воспринята коллегами, как более, чем удачная: проникновение в исследуемый объект с перениманием его качеств и образа восприятия окружающего мира, обещали скорейшее понимание тайн мироздания. «Чтобы до конца понять изучаемое существо, необходимо стать им!», частенько заявлял, причём, небезосновательно, профессор. Однако, исследователь, поставивший перед собой столь тяжёлую задачу, отличался ещё и повышенным чувством юмора, которое неизменно толкало его на всякого рода приключения.

Необходимо сказать, что учёный, появившись на свет более десяти миллиардов лет назад, обладал целым букетом аномалий, одной из которых была уникальная способность мгновенно менять собственный облик – без уже тогда открытого и имевшегося у каждого научного сотрудника ППТ, иначе говоря, Портабельного Персонального Трансформатора, называвшегося также Электронным Создателем. Это устройство позволяло менять собственное обличье оператора без учёта массы и размеров воспринятого нового облика; правда, на этот процесс требовалось время. Благодаря нежданно обрётённым при рождении возможностям, маленькому Протею требовалось всего несколько мгновений, чтобы принимать облик любого существа, живого или нет – и вовсе без участия в том ППТ! Как с удивлением констатировали учёные, занявшиеся исследованиями странных способностей самого Протея на заре его детства, Электронный Создатель оказался ему совсем не нужным для перевоплощения прибором.

В результате многочисленных опытов и дознаний о причинах возникновения аномалии, осматривавшие Протея учёные пришли к ошеломительным выводам, придиричиво изучив некоторые особенности его биографии. Оказалось, что обследуемое существо являлось потомком известных биологов, которые даже не были бессмертны: наука тех времён ещё не шагнула столь далеко. Кроме того, выдающиеся пращурсы Протея, как и подобает настоящим экспериментаторам, ставили биологические и генетические опыты над собой, что сказало на феноменальных мутациях ДНК юного Протея в долгой череде его предков. Нельзя утверждать, что Протей был единственным существом древней расы, в котором проявились те или иные аномалии, более того: в те далёкие времена существовало даже особое Бюро, занимавшееся учётом и регистрацией представителей собственного населения, рождавшихся с необычными отклонениями и столь же часто сопровождавшими их невероятными способностями. Официальная медицина полагала, что потомок расы бессмертных (с тех пор, когда сама смерть стала восприниматься аномалией – и, в следствие этого, устранялась как нежелательный побочный эффект после появления на свет нового существа) является полностью нормальным, если использует те или иные сверхспособности при помощи технических средств; если же, подобно Протею, он вполне мог обходиться без оных, его следовало считать, так сказать, не совсем нормальным, согласно регламенту тогдашних медицинских инструкций. Подобное положение, впрочем, никоим образом не оскорбляло персональное достоинство обладателей несвойственных большинству способностей – например, врождённый теле- или пирокинез – и вовсе не указывало на какую-то «ущербность» родившегося с подобным от общепринятой нормы отклонением, более того: такие индивиды тщательно исследовались как новый виток эволюции.

Свои первые приколы и любовь к ним будущий профессор математики и биологии, надо полагать, получил именно в тот день, когда кадровики Бюро завели на него отдельный формуляр; юный Протей прошёл необходимые тесты, поразив сотрудников учреждения своей мгновенной способностью перевоплощения в любого из них. Это вызвало ажиотаж среди работников; поглядеть на вытворяющие у них на глазах чудеса без посредства ППТ маленького Протея, сбежались все тридцать два специалиста, в тот день находившихся в стенах Бюро. Таким образом, в день регистрации новенького клиента, сотрудники учреждения официально внесли в формуляр наличие у Протея тридцати двух обличей, не считая, конечно, его собственного. Повеселив публику, будущий профессор явился для повторного обследования ровно через полгода, показав столь же потрясающие результаты; правда, на сей раз в помещениях Бюро трудилось уже сорок восемь сотрудников. Внеся полную неразбериху в головы специалистов и собственную учётную карточку, юный Протей был переоформлен заново – с пометкой, что за прошедшее полугодие успел обзавестись ещё шестнадцатью обличьями...

С тех пор он не переставал поражать членов Бюро своими неограниченными возможностями: приходя в Бюро раз в полугодие, он без особых усилий перевоплощался в любого сотрудника; число его обличей далеко перевалило сперва за сотню, потом – за тысячу... Работники Бюро иной раз не стеснялись выходить на улицу – и просить идущих мимо прохожих всего на мгновение посетить учреждение для научного эксперимента; Протей перевоплощался в кого угодно, чем удивлял и одновременно веселил сограждан. Формуляр его разросся до невообразимых размеров; описание количества его обличей перестало поддаваться учёту, на что неизменно ругались техники Бюро, обслуживающие распухшую до предела электронную карточку юнца.

Наконец, случилось так, что сам подросший за время довольно надоевших ему обследований виновник – и одновременно невольный заложник собственных преимуществ перед другими – решил избавить персонал Бюро от возни с подсчётом и регистрацией своих обличей, причём, сделал это весьма просто: однажды, явившись в Бюро, перевоплотился в одно из первых своих обличей – а именно, принял облик директора учреждения – и от его имени декларировал полное прекращение исследований над «пациентом Протеем». Сотрудники, собранные на это памятное заседание под руководством псевдо-директора, не распознали подставы – и приняли указание к сведению: формуляр его был отправлен в архив и больше Протеем никто не занимался. Следует добавить, что гораздо позже эта история выплыла наружу, благодаря признаниям самого шутника, к тому времени ставшего профессором Протеем – одним из светил науки расы бессмертных.

- Я избавил коллег от ненужных подсчётов собственных обличей, - заявил тогда профессор в одном из многочисленных интервью. – Чего ради им тратить силы и время на учёт моих обличей, если подлинное количество таковых не известно даже мне самому?! Это сродни тому, что подсчитывать не галактики, а малые астероиды Вселенной! Более того, друзья: чтобы хорошенько понять бытие, надо уметь становиться им! – изрёк он свой девиз. – Впереди столько тайн, подлежащих разгадке! Я готов подтвердить своё обещание – и буду исследовать любую живую и неживую природу Матери-Вселенной, так сказать, изнутри, путём тотального перевоплощения в изучаемые объекты...

Попавший не только в поле зрения коллег-учёных своими многочисленными открытиями в биологии и математике, профессор Протей не оказался обойдён вниманием правительственных структур, с невероятной скоростью осознавших, какую пользу может им принести необычная способность мгновенного изменения профессором облика без использования ППТ. Его неоднократно приглашали в Вооружённые Силы, соблазняя чином генерала, но Протей, натура донельзя миролюбивая, неизменно отказывался от заманчивых предложений; тем не менее, в архивах МАИ сохранилось несколько старинных электронных книг по ратному делу и особенностям шпионажа в военное время, в которых, между прочим, описываются некоторые подвиги профессора во время кампании

бессмертных против расы рептилоидов: Протей выступает в них как специалист высочайшего уровня по саботажу и провокациям на территории противника.

Исследователь и учёный до мозга костей, профессор не желал менять своего призвания, унаследованного от ещё смертных предков-биологов; страсть к науке и удивительным открытиям в покоряемых Протеем её областях, не давала ему покоя; он старался не проводить и дня без экспериментальных вылазок в эти самые области. Он всегда был одним из первых кандидатов в любые исследовательские проекты, в том числе – и по созданию новых миров. Во время преподавания Протей успел – по долгу службы – перезнакомиться со многими коллегами, в числе которых оказались столь ослепительные светила, как профессора Зевс, Аид и Посейдон, доктора Афина, Гермес, Гея, Деметра, Гестия – и множество других, не исключая и самого академика Крона; последний, кстати говоря, неоднократно и лично содействовал профессору получить место в каком-нибудь проекте, где навыки и умопомрачительные способности последнего были на вес золота. В «Проект «Земля»» Протей также попал по рекомендации Его Бессмертия, упросив коллегу – своего давнего друга, профессора Посейдона – зачислить его на полное довольствие в научный состав базы «Океан», которая в скором времени должна была отправиться в недавно сотворённый мир.

Но не только рекомендация великого академика оказалась веским аргументом в пользу кандидатуры профессора: ничуть не меньшим весом обладали заслуги самого Протея, успевшего засветиться своими аномальными способностями в других проектах. Комиссия Совета ознакомилась с массой отчётов, свидетельствовавших о невероятной находчивости кандидата (в этом случае крайне позитивную роль сыграли уже упомянутые выше записки нескольких армейских генералов, позже изданные отдельными книгами, которые не скупилась на похвалы выдающемуся диверсанту – увы! – решившему прекратить военную службу и променять униформу на белый халат) и его владении ситуацией; благодаря врождённой аномалии, Протей неизменно выкручивался из настолько сложных положений, оказавшись в которых его «нормальные» коллеги наверняка погибли бы. Сотрудники математика и биолога, выступавшие перед Комиссией, уверяли, что необыкновенная способность кандидата к мгновенному перевоплощению – не исключая, естественно, его научных заслуг – является гарантом полного успеха в таких делах, где другие неизбежно потерпели бы досадное фиаско. После рассмотрения всех необходимых материалов (включая показания директора Бюро, занимающего свою должность до сих пор), Комиссия пришла к однозначному выводу: кандидатуру профессора утвердить – и без особых на то промедлений.

Несмотря на то, что профессор Протей в списке сотрудников «Океана» значился как биолог, ему довольно часто приходилось выполнять обязанности математика, производя те или иные расчёты для нужд базы или выступая консультантом технического персонала, которым руководил весьма толковый Тритон. Иногда его даже приглашали коллеги с «Аида» для проведения нужных вычислений; а когда на планете появился коллектив «Олимпа», Протея аналогично стали приглашать и на единственную наземную базу. Действительно: математиков, так сказать, в чистом виде, проекту явно не хватало, а вот с биологами наблюдался даже некий перебор; однако, профессор не жаловался – кто бы не обращался к нему за помощью, всегда мог быть гарантирован в её незамедлительном получении.

После никем нежданной истории, закончившейся в результате постоянной переброски с «Олимпа» на «Океан» профессора биологии Горгоны, коллега Зевс решил переманить своего старинного друга в собственные владения, пообещав ему при этом место в Лаборатории зоологии, где доктор Артемида была готова выделить для его биологических исследований целый сектор. Конечно, глава «Олимпа» ясно дал ему понять, что время от времени Протею придётся напрямую заниматься математикой, насколько того потребуют обстоятельства, однако прерогативой его исследований пообещал оставить биологию.

Обитатель «Океана» долго не раздумывал над предложением – и, решив дела с патроном базы Посейдоном, незамедлительно перебрался на «Олимп».

Оказавшись на поверхности планеты, морской биолог не стал терять времени даром – и в считанные дни переквалифицировался: прослушал несколько лекций коллеги Артемиды по наземным биологическим видам, познакомился в таверне «У Гелиоса» с представителями созданного человечества – и, согласно своей юмористической натуре, пустился во все тяжкие. Несомненно, профессор честно и увлечённо предавался отведённой ему руководством сферой исследований, но его до сих пор где-то детский, игривый характер почти ежедневно проявлял себя настолько, что невинным выходкам Протея иногда откровенно завидовали даже выдавшие виды Фобос и Деймос.

Например, своё прикольное шествие по «Олимпу» он начал с того, что неким днём застал доктора Афины, распекавшую доктора Аполлона за допущенные в его новом сценарии анахронизмы. Тот попросил коллегу внимательно пересмотреть текст – и внести в него необходимые правки. Профессор, часом позже посетивший историка, ухитрился под безобидным предлогом ознакомиться с творением доктора литературы – и заприметил забракованные Афиной места. На следующий день, перевоплотившись в коллегу Афины, он явился к своему старинному другу Аполлону – и беспощадно пустил в разнос его будущий театральный шедевр. Он доказывал на конкретных примерах, что тот содержит невероятное число анахронизмов, более того – претендует на звание «Провал сезона».

- С чего это ты вообще заинтересовалась литературой, милая? – удивлённо спросил псевдо-Афины доктор Аполлон, не ожидавший подобного вторичного налёта. – Ну, пишу я себе – и пишу... И что?

- А то, - доказывал ему профессор, указав тому на действительно имеющиеся в тексте нестыковки, - что тем самым ты создаёшь исторический документ! А история – уж прости, что так получилось! – это мой огород! И нечего его засорять своими фантазиями, дорогой Аполлончик!

- Может, я создаю альтернативную историю! – оправдывался доктор литературы. – Ты не в курсе существования такого жанра?

- Не учи учёного, красавчик! – продолжал прикалываться Протей. – Даже альтернативная история всегда базируется на событии или их совокупности, имевших реальное место на том или ином отрезке времени! А что мы видим у тебя, дружище? Говоря языком математики, в твоём сценарии «С» забегает вперёд перед «А» и «В»... Разве это в порядке вещей, дорогой мой? Тогда уж сразу начинай с «А», то есть с происхождения Вселенной... В таком случае, идя от самого начала, можешь наворотить любую альтернативку – и никто тебе не скажет ни слова, потому что его просто некому будет говорить...

Услышав их перепалку, к выясняющим отношения псевдо-Афине и Аполлону со всех сторон не только слетелись музы, но и сбежались удивлённые актёры. Дебаты на повышенных тонах продолжались около получаса. Загнанный Протеем в угол, Аполлон уже готов был согласиться на любые условия – вплоть до того, чтобы переписать сценарий, когда на факультете откуда ни возьмись появился профессор Зевс:

- Что за шум? – поинтересовался он, театрально взмахивая трезубцем. Увидев главу Олимпа, люди и музы склонились перед ним – и только Аполлон и псевдо-Афина не обратили никакого внимания на начальство.

- Погодите, профессор! – прошептала ему на ухо стоявшая ближе других Мельпомена. – Сейчас и драка начнётся!

- Драка?! – увлечённо подхватил один из актёров. – Может, это и не совсем честно по отношению к Маэстро, но я поставлю на Афины: она, как-никак, воительница...

- Салага ты! – немедленно заспорил с ним другой. – А я ставлю на нашего шефа!

- Типун вам на язык, товарищи! – прервал их профессор, сверкая глазами. – Ещё того не хватало, чтобы бессмертные решали возникшие разногласия путём потасовки, да ещё в вашем присутствии!

- Афина и Аполлон, видимо, до конца не выяснили отношений ещё со времён Троянской войны, - заключил первый из актёров, демонстрируя относительное знание собственной мифологии. – Хоть явной вражды между ними нет, видимо, вопросы друг к другу всё-таки остались...

- Разберёмся, - ответил руководитель базы – и, протянув руки, растащил диспутирующих в стороны. – Так, разошлись, горячие олимпийские головы! Что происходит?

- Зевс?! – Аполлон, наконец, заметил начальника, особенно после того, как рука владыки грома оказалась на его плече.

- Зевс?! – вторила коллеге псевдо-Афина, поправляя на голове съехавший от прикосновения громовержца шлем.

- Да, это я, Зевс! – молвил тот, упираясь руками в бока. – Рад с вами познакомиться, детушки! Что вы не поделили?

- Мы... – Аполлон незаметно подмигнул псевдо-Афине. – Мы... Это... Обсуждали кое-какие положения, связанные с моим новым сценарием...

- ...на предмет его соответствия историческим событиям, - поддакнул Протей.

- И вот – надо же! – не сошлись во мнениях, - почти с умилением продолжал доктор Аполлон, разводя руками.

- А завершить дискуссию просто необходимо, - произнесла, сложив губки бантиком, псевдо-доктор псевдо-истории.

- Ясно, - профессор Зевс почесал лоб, переводя глаза с одного спорщика на другого. – Ладно, постараюсь побыть совершенно беспристрастным судьёй... Где сценарий?

- Вот, - доктор Аполлон протянул начальнику миникомпьютер. – Я согласен с Афиной: кое-что мне придётся переработать... Но сама идея, на мой взгляд...

- Неужели ты всерьёз полагаешь, о великий Зевс, что знаешь историю лучше меня?! – обратилась к профессору псевдо-Афина. – Разве в подобном вопросе ты можешь быть беспристрастным судьёй?!

- Да и ко мне в театр ты редко заходишь, - с упрёком вставил Аполлон. – Нельзя, о бесподобный Владыка Олимпа, настолько отстраняться от культуры...

- Да будет вам обоим! – улыбнулся профессор. – Можете продолжать свои дебаты, пока я занят чтением: голоса посторонних меня не отвлекают...

По прошествии ещё около часа, Зевс вернул аппарат доктору Аполлону, который весьма мирно общался не только с Протеем, но и музами; люди тоже иногда вставляли своё слово, когда речь с высоты интеллекта бессмертных опускалась до понятных им исторических да театральных терминов. Спустя ещё несколько минут руководитель базы, пристально глядя на псевдо-Афину, неожиданно прервал диалог коллег – и произнёс следующее:

- Афина, я, конечно, понимаю твои благородные намерения: если наш Аполлон допустил ошибки, их необходимо исправить. И в этом твоя прямая обязанность, как и любого из нас... Но, позвольте, друзья: Афина ли перед нами?!

Трудно сказать, что больше претендовало на взрывной эффект: внезапные слова профессора Зевса – или воцарившаяся за ними тишина, охватившая театральную площадку. Молчание было прервано лишь чьим-то неустановленным мужским шёпотом из толпы:

- Ну, всё: Зевс, кажись, спятил! Собственной дочурки не признаёт...

- А вот и нет, друзья: я в полном порядке! – громко возразил инженер на голос. – В том-то и дело, что Афину я отличу от кого угодно... Но кто же этот наш «кто угодно», а? – он впери инквизиторский взгляд на псевдо-Афину, которая под ним вжалась спиной в ближайшее дерево. – Дай-ка, угадаю... Протей? – с улыбкой добавил он.

- Ну, и что меня выдало, Зевс?! – заговорила вдруг «Афина» мужским голосом, обречённо махнув рукой; Аполлон, музы и все присутствующие при этом странном диалоге, оторопели от неожиданности. – Неважные знания истории?

- О, нет! Ты неплохо подготовился, дружище! – ответил профессор Зевс.

- Слишком частое использование математических терминов? – вздохнула «Афина».

- Не совсем. Хотя ты несколько ими увлѣкся, надо сказать, что подловил тебя я даже не на этом! Ведь Афина раньше была математиком, так почему, спрашивается, ей не начать в порыве аргументации сыпать формулами и основанными на них примерами?

- Так что же, Зевс? – не выдержал шутник, прилюдно меняя обличье на своё собственное. – Говори, я просто сгораю от любопытства!

От эффектного исчезновения «Афины» и возникновения на её месте профессора Протея, А)

музы – как по команде, схватились за головы или негромко ойкнули;

актѣры – дружно уселись на пятую точку, кто и куда попало – и разинули рты;

Аполлон – поняв, на чью удочку попался, покраснел до корней волос;

В)

музы – тихо захихикали, едва прикрываясь руками;

актѣры – закрыли рты, но при этом выпучили глаза;

Аполлон – затрясся на месте, сжав кулаки;

С)

музы – разлетелись в стороны, предпочитая увидеть развязку с безопасного места;

актѣры – ??? !!! (явно пытались разобраться с не к времени возникшей в головах морзянкой)

Аполлон – был вовремя пойман и остановлен профессором Зевсом.

Пока на описание этого строгого математического уравнения от Протея ушло известное количество символов, события свершались гораздо быстрее; профессор биологии успел заскочить за дерево – и оттуда ожидал вполне вероятных агрессивных действий со стороны покровителя театра. Впрочем, убедившись, что Зевс вцепился в того мѣртовой хваткой, профессор Протей осмелел – и повторил заданный ранее вопрос, ответ на который ему так и не удалось получить, благодаря нарушившему спокойствие бытия уравнению:

- Так что же меня выдало, Зевс?!

- Маленькая, незначительная деталь, дружище! – ответил руководитель базы, явно разрываясь между возможностью ответить одному подчинѣнному, при этом изо всех сил сдерживая порывы к освобождению второго. – Но, как известно, Аид кроется в мелочах... Мы находимся вместе больше часа, а ты ни разу не совершил действия, которое свойственно Афине и которое она успела бы сделать около сотни раз!

- Ладно, Зевс, отпусти! – выдавил из себя доктор литературы, переставая брыкаться. – Я полностью спокоен и обещаю вести себя достойно... К тому же мне тоже интересно, на чём ты поймал этого... многоликого «бога»...

- Хорошо, тогда вы сначала помиритесь, а потом я открою тайну! – сказал профессор Зевс, в тоне которого слышался приказ. – Ну! – он отпустил Аполлона и поманил коллегу Протея пальцем. – Хватит прятаться за деревом, дружище! Аполлон дал слово при свидетелях...

- Мир? – спросил Протей, бочком приближаясь к коллеге.

- Мир, - произнёс тот, стараясь не смотреть на разыгравшего его друга. – Аполлон дал слово... Так что же там с Афиной, Зевс? – обратился он к начальнику, явно желая отвлечься от ещё не окончательно улѣгшихся чувств.

- Насколько же вы все невнимательны! – взмахнул руками глава «Олимпа», обращаясь не только к коллегам, но и к людям, и к их наставницам, вновь слетевшимся к сцене после объявления мировой. – Вы трудитесь с Афиной бок о бок столько тысячелетий – и не уловили за прошедшее время её главной особенности?! Ну, Протею это простительно: он появился у нас не так давно, поэтому не успел как следует присмотреться к нашему историку...

- Она, то есть – он, ни разу ничего не посчитал в «афинах»! – осенило Аполлона. – Я прав, Зевс?

- Точно! – прищѣлкнул пальцами физик. – Bravo, Аполлон! Я подметил уж слишком затяжное отсутствие этой главной фишки Афины – и стал дожидаться развязки...

- А почему ты был уверен, что это я? – не отставал профессор Протей.

- Простое рассуждение, коллега! Кто ещё мог настолько переборщить с исследованиями такого рода? Кто из нас может делать это мгновенно, а ведь я не заметил у тебя ППТ? И, вообще: кто из нас только этим и занимается, а, Протей?

Естественно, эта история ещё долго гуляла по всем трём базам, но гораздо интереснее отнеслись к ней сами люди, впервые увидевшие профессора Протея в действии. Не владея всей доступной их пониманию информацией, они сделали вывод, что профессор – а в том они убедились воочию – способен вмиг превращаться в кого угодно и от встречи с ним под любой личиной никто не застрахован. Из слов грозы олимпийцев они уловили, как им представлялось, саму суть: Протей больше ничего не делает, как только совершает подобные диверсии, вероятно, с целью всего лишь посмеяться над одураченными. Так впервые эллинская мифология обогатилась одновременно непредвзятым наблюдением – и неверно выведенным из него заключением.

А профессор Протей, будучи совершенно незнакомым до поры до времени с эллинской мифологией, продолжал отжигать на полную катушку. Конечно, все его развлечения обязательно носили характер поучения, а вовсе не тупого розыгрыша, в чём были уверены люди; впрочем, им ещё предстояло на собственной шкуре узнать, что такое уникальная способность учёного. Пока же профессор, призвав на помощь всю свою наблюдательность, экспериментировал над коллегами-олимпийцами – и в конце концов, посеял на «Олимпе» такую суматоху, что сотрудники базы стали опасаться друг друга, полагая, что с ними, скрываясь под позаимствованной оболочкой, общается никто иной, как старейший приколист-Протей.

После провала с доктором Афиной, когда его потуги выдать себя за девушку раскусил хитроумный начальник «Олимпа», профессор, недолго думая, завёл себе механического наблюдателя – микродрона в форме комара, который незаметно подбирался к изучаемому учёным объекту – и, постоянно сопровождая его, выводывал все его привычки и наклонности. Сам учёный прозвал своего помощника «весёлым доносчиком»: аппарат действительно отличался неизменно юморным настроением и тоненько хихикал, когда сливал хозяину узnanную информацию об очередной жертве протеевских шуток.

- Целый день носился за доктором Гераклом, - рапортовал он, например, когда математик отправлял его шпионить за делами главного тренера Вселенной. – Объект, которого я не выпускал из поля зрения ни на минуту, смертельно ненавидит рептилоидов; видимо, эта ненависть вошла в его суть после длительного участия в войне... Не проколите на этом, хозяин! Даже в присутствии атлантов Геракл сжимает кулаки и брезгливо морщится... Любит крепкие напитки...

На основании полученных от «доносчика» знаний, профессор Протей провёл комплекс блестящих операций, закончившихся розыгрышем коллеги прямо во время очередных Олимпийских игр: на сей раз никем не узанный и потому не вычисленный Протей под личиной доктора Геракла усердно награждал особо отличившихся спортсменов, тогда как подлинный Герой Галактики отсыпался после хорошей дозы «Молота Гефеста» в его апартаментах. После случившегося, когда сам шутник предал гласности историю знаменитого рептилоборца, доктор Геракл понял тонкий намёк профессора – и перешёл на менее крепкие напитки.

Довольно долгое время ушло у Протея на то, чтобы прикинуться самым руководителем базы: профессор Зевс был весьма осторожным и наблюдательным, о привычках своих не особо распространялся. «Доносчику» пришлось пасти его более месяца, чтобы математик полностью изучил расположение бессчётного количества артефактов в личном музее Зевса, чтобы, при случае, его не раскололи после первого же подозрения. Однако, как не старался профессор Протей, его, обыграв ещё более хитрую комбинацию, вывел на чистую воду сам Зевс, подослав к тому своего двойника Парамоноса. Профессор Протей, нарвавшийся в очередной раз, запутался в расположении коридоров тайного хранилища, где Зевс содержал коллекцию артефактов собственной протоцивилизации. Протей, хоть и потерпел поражение в попытке пощеголять в обличье начальника, отыгрался-таки на его двойнике,

скопировав его облик – и вытряхнув наружу кое-какие смешные детали прежней, доолимпийской жизни Парамоноса...

Иногда, для заранее планированного эффекта, профессор Протей сознательно давал собеседникам возможность подловить себя на какой-нибудь мелочи, якобы, допущенной совершенно случайно; подобное веселило разыгрываемых сотрудников, равно как и тех, кто становился свидетелем упомянутых шуток. Тем не менее, «Олимп» балансировал на грани: из-за приколов Протея коллеги относились к разговорам друг с другом с огромной тщательностью, не наобум подозревая, что их собеседником может оказаться вездесущий биолог – и ожидали непредвиденных последствий.

Профессор Протей не обошёл вниманием и так называемого Дня дураков, который стал официально отмечаться на базе с момента введения его после дня рождения доктора Артемиды. Естественно, согласно своей весёлой натуре, профессор вовсе не нуждался в этом празднике, поскольку и до этого негласно устраивал его почти ежедневно: он не нуждался в законодательном статусе для такого дня, тем более, что его проводили всего раз в году... Однако, ему понравилась сама тенденция, официально закрепившая за ним право валять этого самого дурака как угодно, где угодно и с кем угодно – причём, никто не мог бы возразить его законным притязаниям!

Но, принимая во внимание массу заявлений, ультиматумов и дружеских просьб, руководителю «Олимпа» пришлось-таки ограничить баловство профессора биологии, поскольку количество жалоб на него очевидно превышало количество одобрений коллег, которые прямо или косвенно принимали участие в экспериментах Протея. Владелец удивительной аномалии выслушал упрёки начальства – и перестал безобразничать; во всяком случае, число его приколов над сотрудниками базы сократилось настолько, что об их тяжёлых последствиях для «подопытных» прямых упоминаний в архивах МАИ не имеется. Но было бы большой ошибкой думать, что профессор полностью остепенился или вообще прекратил своё хулиганство в лёгкой форме: все его приколы с товарищей были просто перенесены на эллинов, которые впоследствии – лестным образом и не очень – дополнили собственную мифологию ещё одним ярким персонажем.

Математик, хоть и не чурался своего облика, частенько щеголял в каком-нибудь новом «костюме»: то под видом симпатичной барменши в таверне «У Гелиоса» подавал завсегдатаям пиво; то – обратившись молоденьким эллином – мог целую ночь танцевать с красавицами на каком-нибудь национальном празднике... Впрочем, до сих пор его знакомство с людьми носило больше эпизодический характер, поскольку большинство экспериментов он предпочитал ставить над представителями собственной расы. Если не считать нескольких случаев – например, когда он разыграл доктора Аполлона в присутствии более десятка его актёров – контакты Протея с человечеством были, фактически, единичны. Однако, после запрещения профессором Зевсом его угарных шуточек над коллегами, учёный не отчаялся – и мгновенно переквалифицировался в обыкновенный человеческий кошмар.

Началось с того, что некогда, в течение довольно длительного времени, профессор Протей упорно работал над каким-то исследованием, всё время пропадая в лаборатории коллеги Артемиды. Надо заметить, что в трудах, равно как и в приколах, учёный был весьма настойчив и последователен: пока одно дело не закончено, нет смысла отвлекаться на другое. Отдав должное порученной ему работе, учёный решил устроить себе маленький отдых – и неким днём, даже не нацепив, по своему обыкновению, ничьей личины, отправился погулять. Он пропустил пару бокалов в одной из олимпийских таверн, спустился на фуникулёре к подножию Митикас – и углубился в лесок, надеясь провести отведённое себе время наедине с природой; даже своего вездесущего «доносчика» оставил запертым в столе. Миновал цветник доктора Гестии, поздоровавшись с коллегой, подстригавшей какие-то растения вместе со своими учениками; это и были последние существа, виденные им возле Олимпа. Благодаря технику Аресу, профессор был превосходно осведомлён, где поблизости располагаются людские поселения, поэтому

старался обходить их, оберегая свой вполне заслуженный покой от непрошенных посягателей на его одиночество.

В таком умиротворённом состоянии биолог прошёл несколько миль, пока не расслышал людские голоса; он изменил маршрут, пытаясь обойти их обладателей, однако, вскоре осознал, что случайной встречи ему никак не избежать: с одной стороны – скалистое ущелье, с другой – довольно густой лес. Профессор даже подумал о том, что, ради сохранения своего пребывания на прогулке инкогнито, можно превратиться в горного козла – и без травмирования конечностей уйти от невольных нарушителей его спокойствия по извилинам ближайшего оврага; однако, он даже толком не успел обсудить явившийся ему в голову вариант возможного выхода из положения, как не только услышал людей ещё ближе и громче – он даже увидел их, причём, на довольно небольшом расстоянии.

Учёный замер на месте, лихорадочно прикидывая свои вероятные шансы остаться по-прежнему никем не замеченным; ему не хотелось лишних разговоров, ему всего-то требовалось хоть немного побыть наедине. Кроме того – профессор понял это сразу – этих самых разговоров уж точно не избежать, потому что стремительно приближавшиеся к нему оказались не взрослыми эллинами, а детьми: двое мальчиков неслись сквозь кустарник прямо на него. К счастью, они постоянно оглядывались, что позволило Протею спрятаться за ближайшим дубом – и уже там решать вопрос, что предпринять дальше.

Итак, дети застали профессора врасплох. Математик знал, что из всего человеческого рода эти маленькие существа наделены ярко выраженным любопытством; даже не анализируя, почему, он предпочёл просто не показываться им на глаза – и для вернейшей маскировки обратиться во что-нибудь приемлемое к лесным условиям. Но, поскольку он пребывал в некоторой растерянности от скорости бегущих на него детей, то не слишком быстро сообразил, какой из вариантов обличий окажется предпочтительнее. Время поджимало, а в голове профессора был настоящий сумбур. Он закрыл глаза – и, вспомнив одну из чудесных яблонь напротив цветника доктора Гестии, мгновенно изменил внешность. В то же мгновение дети едва не налетели на него – и, не заподозрив ничего необычного, юркнули за стволы соседних деревьев.

- Ну, что? – едва переводя дыхание, спросил один из мальчиков, во все глаза глядя в ту сторону, откуда их обоих только что принесло. – Ты её не видишь?

- Пока нет, - загадочно ответил другой. – Видимо, мы слишком быстро бежали, и Амфитрита отстала...

- Может быть, мы забрались слишком далеко, Агелайос? – немного помолчав, вновь задал очередной вопрос первый. – А вдруг она заблудится в лесу – и вообще никогда нас не найдёт?

- Не переживай, Евстигнайос! – успокоил его второй, не отводя глаз от тропинки, которую сами бегуны только что и проложили. – Амфитрита найдёт нас по нашим следам – и, кроме того, в этом лесу невозможно заблудиться!.. Тихо! – вдруг зашептал он, пригибаясь. – Кажется, идёт!

Насколько мог понять профессор, дети играли в прятки. Судя по их словам, игроков было трое: спрятавшиеся мальчики ждали подругу, которой выпал черёд искать своих друзей.

И верно: минутой позже Протей увидел маленькую девочку, осторожно пробирающуюся сквозь деревья. Глаза её были прикованы к земле: она, как заправский следопыт, вела бежавших от неё по указаниям на траве. Профессору подумалось, а не являлась ли эта Амфитрита прилежной ученицей доктора Артемиды: девочка столь профессионально шла по следу Агелайоса и Евстигнайоса, что Протей даже залюбовался подобной работой.

В скором времени мальчики были обнаружены – и дети уселись отдохнуть прямо перед профессором, прислонившись спинами к стволам дубов; пока математик рассматривал всю компанию, они готовились ко очередному раунду игры.

- Евстигнайос был обнаружен мной первым, - говорила девочка, озираясь по сторонам, - поэтому следующим нас будет искать именно он... Таковы правила!

- Да, я лучше тебя спрятался! – горделиво произнёс Агелайос.

- Не лучше, а всего лишь чуть дальше! – ответил Евстигнайос. – Ладно: правила – так правила! Кстати, мы с вами ещё никогда так далеко не забирались от деревни, – добавил он, оглядываясь следом за подругой.
- И что с того? – возразила Амфитрита, задумчиво останавливая взгляд аккурат на профессоре. – Разве вам не надоело играть в прятки среди маминого сада?! Это же невыносимо скучно!
- Да, в лесу куда больше мест, где можно спрятаться: и в траве, и среди камней, и даже на деревьях! – поддакнул ей Агелайос.
- Ты хочешь сказать, что умеешь лазить по деревьям?! – перебил его Евстигнайос. – Не смеши меня!
- Ну, не по всяким, конечно, – поправился Агелайос. – На те, что высокие и без веток, не залезу, но вот если дерево поменьше...
- Что же, вот тебе дерево поменьше! – воскликнула Амфитрита, указывая на оторопевшего от такого поворота событий профессора. – Я сразу поверю тебе, если ты ухитришься достать мне хоть одно яблочко с этой чудесной яблоньки!
- Хорошо, – согласился мальчик, поднимаясь с земли. – Я попробую это сделать для тебя!
- Но что такая красивая яблоня делает в глухом лесу?! – подозрительно сказал Евстигнайос, подходя к Протею вместе с друзьями. – Странно это: вокруг одни дубы, а тут – дерево с такими вкусными плодами! Как будто его сюда из маминого сада кто-то перенёс...
- Да, очень странно! – подтвердила наблюдательная девочка, притрагиваясь к стволу яблони. – Дерево, как дерево, только будто заблудившееся... – она вновь осмотрелась по сторонам.
- Может быть, нас кто-нибудь разыгрывает? – предположил Евстигнайос с вмиг округлившимися глазами. – Мне дедушка рассказывал, что боги иногда любят поиграть с людьми в странные игры...
- В какие? В прятки? – спросила Амфитрита, рассматривая зависшие над её головой сочные яблочки.
- Не знаю, – со вздохом признался мальчик. – Когда дедушка рассказывал об этом, я уже заснул... Мама просит его рассказывать мне на ночь древние легенды, чтобы я скорее засыпал. Я только помню, что среди богов есть такие, кто владеет возможностями превращаться в кого угодно – и самый главный среди таковых некто Протей...
- Да неужели в кого угодно? – нетерпеливо вставил Агелайос. – И что дальше? Как он это делает?
- Говорю же, не знаю! – ответил Евстигнайос. – Я не дослушал, потому что заснул...
- Ах, ты, соня! – погрозила ему пальчиком Амфитрита. – Проспать самое интересное – это всё, на что ты способен! А нам теперь гадай, во что можно поиграть с этим Протеем!
- А я думаю, что это сказки! – рассмеялся Агелайос. – Сказки, которые взрослые рассказывают деткам перед сном – и всё!
- Ладно, ты нам зубы не заговаривай! – девочка на всякий случай погрозила и ему. – Лезь на дерево – и без яблочек не возвращайся, Агелайос!
- Да, тебе пора доказать, что ты умеешь забираться на деревья! – подтвердил его друг. – Пока мы с Амфитритой этого не увидим, пол обола цена твоим словам!
- Профессор, слушавший детей с замиранием сердца (да, у псевдоплодоносных культур имеется и такое!), позже вспоминал, что если бы у деревьев были колени, то у изображаемой им яблони после последних слов ребёнка они немедленно подкосились бы. Надо было искать выход из положения, причём, немедленно! Потому, что Агелайос, подзуживаемый друзьями, уцепился за нижнюю ветвь, будто по заказу расположенную совсем невысоко от земли – и приступил к выполнению задания без каких-либо альпинистских принадлежностей и навыков.
- Профессор вовсе не беспокоился за поднимавшегося к его вершине Агелайоса: уж очень уверенно мальчик держался за ветки, упираясь ногами в ствол; глядевшие на него снизу друзья даже одобрительно хлопали в ладоши, тем самым подбадривая его карабкаться

дальше. Протей не успел прийти в себя, как бравый древолаз оказался на одной из веток, буквально усыпанной сочными плодами. Биолог проклинал себя за нерасторопность: ну, кому ещё хватило бы фантазии превратиться в чистенькую, ухоженную яблоню посреди дикого дубняка?! Рассуждения о том, что на выбор не было-де времени, профессор даже для себя считал неудачной отмазкой: он просто обязан быть всегда готовым к любым поворотам судьбы! Но, раз уж случилось так, как случилось, Протею оставалось лишь ждать развязки истории, в которую он впутался, благодаря своей же аномалии.

Естественно, менять обличье и превращаться, например, в дуб, было явно запоздалым решением, которое, в любом случае, никак ему не поможет; наоборот – возбудит детские подозрения настолько, что скрываться дальше просто не будет иметь никакого смысла. Однако о том, что случится после того, как Агелайос начнёт рвать яблоки, профессор даже боялся подумать...

- Ну, где ты там? – крикнула Амфитрита. – Ты уже подобрался к яблочкам?

- Подожди, я как раз этим занят, - сквозь зубы ответил девочке Агелайос, отводя от лица мешавшую ему видеть листву. – Не переживай: сейчас сорву несколько штук – и спущусь вниз...

С этими словами он схватил свободной рукой ближайшее яблоко – и потянул его на себя. Профессор, напрягая все силы, постарался не расстаться со одним из локонов, в который вцепился отважный древолаз. Удивлённый мальчик аналогично усилил хватку, но яблоко никак не хотело отрываться от ветки. Профессор изнывал от боли; будь у яблони глаза, они зашлись бы крокодильими слезами. «Блин, это просто замечательно, что маленький покоритель больших вершин вцепился мне в волосы, а не во что-нибудь ещё! – с радостью, которая, впрочем, ничуть не уменьшала боли, подумал математик. – Хорошо, хоть ничего не сломал мне, пока лез наверх; будь он немного побольше весом – вполне мог бы свернуть мне шею!»

- Эй, Евстигнайс, Амфитрита! – заорал прямо ему в ухо Агелайос. – Я никак не могу оторвать яблока!

- Что? – донёсся снизу голос Евстигнайоса. – Не будь слабаком, рви!

- Нет, правда! Это самая странная яблоня, какую я только видел, - продолжал тот, отпуская волосы Протея, который мысленно поблагодарил мальчика. – И растёт в диком месте, и яблоками делиться не хочет...

- Что ты там бубнишь?! – крикнула девочка. – Поспеш, Агелайос: мы тебя ждём! Или ты там, небось, уже не одно яблоко без нас слопал?!

Верхолаз пожал плечами – и вернулся к прерванному занятию; на сей раз он потянул приглянувшееся ему яблоко гораздо сильнее, чем вызвал у профессора невероятные мучения; тот пытался отвлечься, переключиться на решение в уме сложнейших математических задач, помедитировать, наконец... Ничего не помогло – больше Протей не мог терпеть учинённых ему пыток: с ужасающим воплем он вернул себе обличье – и, чтобы не уронить ребёнка с высоты, из последних сил обхватил его руками.

Описание дальнейшего, естественно, занимает гораздо больше времени, чем те считанные мгновения, когда стоявшие на земле и ничего не подозревавшие дети увидели преобразование яблони во взрослого человека, который орал на весь лес; кроме того, в его крепких объятиях находился их друг, по-прежнему крепко вцепившийся тому в волосы. И если первый миг одарил детей шоковым состоянием, то следующий всё расставил по местам.

- Это Протей!!! – завопила Амфитрита, делая от профессора с другом на руках такой прыжок, длине которого откровенно позавидовали бы лучшие прыгуны, получавшие награды во время Олимпийских игр. – Он существует!!!

- И он сцапал Агелайоса! – крикнул Евстигнайс, почти повторяя только что установленный подругой новый, увы, нигде официально не зафиксированный, рекорд. – Вот в какие игры он играет с людьми: заманивает их в чащу – и ловит на желании полакомиться яблочками!

- Волосы! Волосы отпусти! – выл профессор, обращаясь к наиболее шокированному участнику поистине мифического приключения. – Отпусти, говорю – и я всё прошу! Вот тебе, блин, и вышел погулять на природу!

- Бежим! – не умолкала девочка, хватая Евстигнайоса за руку. – Протей может поймать и нас!

- А как же наш друг? Его нельзя бросать! – опомнился мальчик, несмотря на то, что сам едва не содрогался от ужаса.

- Взрослых позовём – и чем скорее, тем лучше! – ответила та, оборачиваясь спиной к профессору и его «трофею».

- Погодите! – стонал невольный виновник случившегося; к счастью, Агелайос, наконец, отцепился от него – и Протей отпустил мальчика, поставив его землю. – Забирайте вашего друга... А-а-а, мелкие вредители!

- Я свободен! – гаркнул Агелайос, у которого после пережитого стресса открылось второе дыхание. – За мной! – и он бросился наутёк с такой скоростью, что вскоре обогнал не только Евстигнайоса, но и Амфитриту, которая уже успела отбежать на приличное расстояние. Словом, коллега Геракл – будь он на месте происшествия – конечно, пристроил бы всех троих в клуб юниоров на занятия лёгкой атлетикой и экстремальным альпинизмом; увы, это был не его день, а профессора Протей!

Не следует сомневаться, что эта история получила гораздо большее распространение по Элладе, несмотря на то, что была озвучена детьми; возможно, что не всё население поверило в рассказанное ими событие, считая его обыкновенным детским вымыслом, но гораздо больше людей осталось при мнении, что, если случившееся и преувеличено в деталях, основа его всё равно не может подвергаться никакой критике.

В другой раз профессора за его врождёнными занятиями застали взрослые эллины, подлившие масла в огонь своими невероятными свидетельствами. А дело было так.

Хоть начальство и запретило биологу демонстрировать свои аномальные способности на «Олимпе», Протей продолжал свои ежедневные тренировки по перевоплощению; если его пару раз – да и то случайно – застукали за этим коллеги, то профессор доверчиво объяснял им, что его опыты не выходят за пределы отведённого ему сектора или личных апартаментов; стало быть, предписания руководства им не нарушены.

- Это ясно, Протей! – сказал ему как-то доктор Гермес, зашедший в гости к профессору – и увидев того в облики кривляющейся перед зеркалом пародии на доктора Афродиту. – Но зачем тебе вообще перевоплощаться? Привычка?

- Именно, дружище! Чтобы не терять хватку, – таинственно ответил математик, предложив коллеге выпить.

Больше на эту тему разговоров не было, но, кажется, пока Гермес понял, что имел в виду профессор...

Однако, хоть самый аномальный из сотрудников «Проекта «Земля»» и поумерил свой пыл на людях и среди бессмертных, ничто не могло помешать ему работать над самим собой. Время от времени он практиковался в развитии своих способностей, причём, делал это не в кабинете или принадлежащем ему участке Лаборатории зоологии, а опять-таки, где-нибудь в тихом и отдалённом от людских жилищ местечке; таковым обычно служили непролазные горные вершины или дремучие леса. Не избегал профессор и необитаемых островов, которых с каждым веком, увы, становилось всё меньше и меньше... И делал он это вовсе не по какой-то блажи или прихоти, а из чисто утилитарных соображений.

- Подумай, что случится с помещением, если я начну экспериментировать с новыми обликами прямо в личном кабинете?! – резонно сказал он во время приватной беседы профессору Зевсу, который хоть и был в курсе продолжающихся неистовых занятий коллеги, но ничего не мог тому предьявить за отсутствием хоть малейших отступлений от его же собственных распоряжений. – Допустим – я подчёркиваю: допустим! – мне придётся примерить на себя обличье пальмы... Что при этом произойдёт с моими апартаментами, Зевс?!

- Ну, ещё до начала подобного и весьма бесценного для науки опыта, можно смело приглашать к тебе Фобоса и Деймоса, чтобы не стояли в очереди за Гефестом или Аресом, когда придёт время чинить тебе потолок! – усмехнулся глава базы.

- Именно! – математик многозначно потряс пальцем перед лицом друга. – Кроме того, корнями указанного дерева можно легко разворотить и привести в негодность пол помещения, а он у меня, как видишь, выложен изящной плиткой... Следовательно, я, понимая и принимая во внимание возможный ущерб от проводимых экспериментов, заранее избавляю коллег от ненужных трудов, раз отправляюсь со своими обличьями куда подальше с «Олимпа», не так ли?!

- Это разумно, Протей! – согласился «Инженер Вселенной». – Я очень ценю твоё столь бережное отношение к техническому персоналу и трепетную заботу об инвентаре базы!

- Вот и я о том же! – поддакнул собеседник. – Потому и выбираю места более дальние и менее людные...

- Да ладно тебе – менее людные! – махнул рукой профессор Зевс. – О тебе такие мифы гуляют, что только держись!

- Что делать: наука требует жертв, - печально улыбнулся математик. – Ради этого я даже готов поступиться своим незапятнанным именем...

- Ничего, дорогой, тебе осталось недолго мучиться: в скором времени «Проект «Земля»» будет закрыт – похоже, что мы сделали всё, что могли... Человечество получило всё необходимое для дальнейшего развития; Эллада переживает свой золотой век... А за нами, бессмертными создателями, останется право всего лишь удалиться из этого чудесного мира – и ожидать указа Совета, когда понадобится сотворить новый... Я знаю, что когда-нибудь человечество обретёт бессмертие – и само займётся подлинным Творением!

- Как?! Значит, мы вновь ждём в гости Его Бессмертие, академика Крона?!

- Обязательно, куда же без него! Проект висел полностью на его плечах, он являлся одним из его инициаторов... «Земля Святого Крона»!.. – глава «Олимпа» улыбнулся, вспоминая кое-какие детали предыдущего визита на планету великого учёного. – Кому-то будет поручено следить за землянами, в случае опасности – помогать им; однако, всё только в их руках... Так уверяют наши аналитики...

Профессор Протей оказался первым из коллег, с кем Зевс поделился этой новостью; он даже не потребовал от друга делать из неё секрета. Вскоре персонал всех трёх баз, располагающихся на планете в течение миллиардов лет и принимавших непосредственное участие в её создании, был оповещён о грядущем завершении работ – и отправке домой, на родину...

Новость, хоть и оказалась по-своему печальной для сотрудников, тем не менее, не вызвала бурных эмоций; «божественная комедия», разыгранная бессмертными неизвестно уже в который раз по схожему сценарию, где-то ещё ожидала своего продолжения – бесконечного продолжения...

Впрочем, профессору Протею это ничуть не мешало плодотворно трудиться над своими исследованиями, пусть и последними в этом замечательном мире. Он ничуть не лукавил, когда говорил коллеге Зевсу о готовности пожертвовать своим именем ради науки; но всё было сделано, основы последней перешли в руки человечества – и ему ничего не оставалось, как продолжать отведённую ему роль «божественного комедианта»... с каждым выходом на сцену приближая самую из них последнюю...

Сейчас трудно сказать, где мастер перевоплощения проводил свои заключительные тренировки, тем не менее информация о них попала как в архив Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ, так и древнегреческую мифологию. Случалось, что профессор попадался на глаза охотникам или влюблённым, шляющимся в поисках уединения по горам и долам, причём, последние оставались им незамеченными; от них и пошли гулять многочисленные легенды, напрямую связанные с древнегреческими сказками и пополнявшие собой их разнообразие. Правда, как упоминалось выше, случайные свидетели

опытов профессора никоим образом не грешили против истины, поскольку всего лишь передавали увиденное в глухих местах знакомым и незнакомым согражданам.

Например, некая группа охотников, погнавшись за мясистым кабанчиком, была неприятно удивлена, когда, загнав зверя в ловушку и предчувствуя солидный трофей, перед людьми оказался многоликий шутник – и обломил им возлагаемые на удачную охоту надежды. Эллины в оцепенении прослушали краткую лекцию Протея о его аномалии – и ни с чем поплелись восвояси; сам же профессор, обратившись орлом, взмыл в воздух, только его и видели...

Не меньшим удивлением было отмечено и свидание некой парочки, устроившей рандеву в отдалённом от человеческих селений горном ущелье: не зная, что в этом месте профессор оттачивает своё мастерство, люди стали свидетелями целого представления, которое Протей устроил прямо на их глазах, даже не подозревая, что за ним ведётся тайное наблюдение. Ни издавшие ни звука влюблённые, шокированные увиденным, созерцали, как профессор мгновенно меняет свой облик, становясь то львом, то леопардом, то деревом, то ручьём журчащей воды; подобное шоу никак нельзя было считать оптическим обманом, ибо, как выяснилось позже, юноша с девушкой видели одно и то же. Естественно, они не стали делать секрета из случайно подсмотренной тренировки учёного – и немедленно растрезвонили о ней всем знакомым и родственникам. Те, как и следовало ожидать, не преминули поделиться невероятными новостями с кем попало; а завсегдатаи кабаков да таверн, всегда служившие вернейшим способом распространения самой достоверной информации, охотно умножали слухи о Протее всего за кувшин пива...

Словом, в скором времени не осталось практически ни одного человека, который бы ничего не слышал о супервозможностях профессора; и, надо сказать, что даже появились некоторые персоны, пожелавшие использовать эти его способности в личных целях. Смешно рассказывать о всех предложениях, которые Протей получал от тех или иных эллинов, норовящих по каким-то причинам прибегнуть к его услугам выдающегося трансформера; другое дело – за эти услуги профессору нередко обещали солидное вознаграждение!

Так, некогда один из добропорядочных мужей семейства, неназываемый по имени – поскольку всячески старался сохранить инкогнито – обратился к профессору с просьбой заменить его дома в течение пары дней; при этом он намекнул Протею, что у того есть возможность получить нехилый гешефт за участие в мероприятии.

- Ну, профит меня не интересует, - сказал Протей во время предварительных переговоров с заказчиком. – Однако, если я отказываюсь от платы за предложенное дельце, это не значит, что отказываюсь от самого дельца! Объясни, в чём заключается цель твоего визита?

- Обычная история, - не стал скрывать от него эллин. – Понимаешь, я – заядлый рыболов, но мне стоит невероятных усилий хоть раз в месяц вырываться на рыбалку с приятелями...

- Что же тебе мешает? – удивился профессор. – Человек ты, судя по предложенной мне за труды оплате, довольно состоятельный...

- Жена, - честно признался проситель. – Ты не поверишь, Протей, но она являет собой ужасный тип идеальной супруги: всё у неё всегда на месте, дети – счастливы, посуда – блестит, одежда – в наилучшем виде... И меня обожает до безумия...

- На что ты, в таком случае, жалуешься? Такому семейному комфорту позавидует любой несчастный в браке – от архонта до крестьянина!

- В том-то и дело, - вздохнул посетитель, озабоченно почёсывая нос. – Идеальная жена – это, в какой-то степени, настоящая катастрофа: она всё сделает для семьи, которая является для неё единственным смыслом существования, но при этом – во имя той же семьи – будет вести себя, как настоящий диктатор: ни тебе с друзьями погулять, ни в театр Аполлона не сунуться... Кроме того – это также почти обязательный атрибут идеальной жены – она невероятно ревнива и подозрительна: всюду её мерещатся измены да заговоры... А я на других даже посмотреть боюсь, да и особого желания не возникает... Я по хорошей рыбалке схожу с ума! – со вздохом заключил эллин.

- Правильно, - кивнул профессор, соглашаясь с собеседником. – Идеальная жена и не может быть иной – в силу причин, заставляющих её оберегать созданный ею идеальный мир! В общем говоря, я понял твою проблему, хоть мне и странно видеть человека, стремящегося убежать от такой половинки... Итак, в чём ты видишь мои функции, уважаемый рыболов-любитель?

- Профессионал, - поправил Протея мужчина. – Дело в том, что приятели – все, как на подбор, мастера спорта – приглашают меня в ближайшие праздники на очередной турнир: сам понимаешь, половить рыбку, пообщаться с коллегами, попить напитокчиков позабористее... А жена – ни в какую: не пушу – и точка! Ты, говорит, вместо рыбалки поскачешь к своей зазнобе, а не к друзьям, которые после всё равно подтвердят, что, дескать, ты всё время неотлучно был рядом с ними...

- Ну да, а уловом разжился на ближайшем базаре! – усмехнулся профессор. – Старая песенка...

- Вот я и прошу: побудь мной хоть пару дней, о великий трансформер! – взмолился мужчина. – Я так соскучился по нашей профессиональной команде, мы так редко видимся... Не хочу пропускать такое шикарное мероприятие, подобные бывают всего раз в году...

- Договориться с женой по-хорошему не пробовал?

- Куда там! – отчаянно махнул рукой эллин. – Она меня даже слушать не желает! Вбила себе в голову тысячу и одно подозрение – и носится с ними... Вот я и пришёл к тебе, Протей!

- Ну, я, как сказал ранее, от дела не отказываюсь, - задумчиво произнёс профессор, мгновенно оценивая внезапно представившуюся заманчивую возможность провести научный эксперимент вне стен собственного кабинета. – Впрочем, не всё так просто, как ты полагаешь, дружище! Во-первых, я тебя совершенно не знаю: ни твоих привычек, ни особенностей, ни биографии, ничего! Во-вторых, это также относится ко всем твоим домашним; согласишься, если я проколюсь, то случится это может на любой из мелких деталей... В-третьих, деталей этих настолько много, что ты и помыслить себе не в состоянии: начиная, скажем, от имён твоих деточек – и заканчивая луковицей, которая лежит в кладовке именно на второй, а не на третьей полке; я даже не говорю о том, что мне необходимо знать подробности первого дня вашей встречи с супругой или общие расходы по вашей свадьбе и последовавшему за ней медовому месяцу...

- Вот Аид! – пробормотал мужчина. – Я как-то об этом не подумал...

- Подумай, дорогой, сейчас самое время! – убедительным тоном произнёс профессор. – Когда запланирована твоя великая ежегодная рыбалка?

- Через десять дней, Протей! – ответил тот, с надеждой поглядывая на мастера перевоплощений. – Времени, как я понимаю, не так много? Но я готов рассказать тебе всё, что только помню от рождения! Так хочется посидеть вечерком у костерка с друзьями, попить...

- Ладно, посмотрим, что можно будет сделать, - экспериментатор сунул руку в один из ящичков стола, извлекая оттуда давно пылившегося без дел «весёлого доносчика». – Этот прибор, похожий на комарика, отправится вместе с тобой – и на ближайшие десять суток станет моими глазами и ушами, ясно? Постарайся его ненароком не прихлопнуть, повредишь видео и аудио аппаратуру... А сам постарайся дома как можно больше говорить о своих воспоминаниях, начиная от детских дней и до теперешних... Не стесняйся: чем больше ты будешь болтать, тем лучше пройдет намеченная нами операция... Пожалуй, это один из немногих случаев, когда болтовня приносит пользу...

- Понял! – отчеканил тот, наблюдая, как едва различимый невооружённым глазом механический шпион профессора стартовал со стола – и сделал парочку пробных облётов помещения. – Я его никому в обиду не дам, обещаю! Даже если он решит попробовать моей кровушки, прогонять не стану!

- И ещё, - добавил Протей, - вот что: ты, когда вернёшься со своей рыбалки, уж позаботься о том, чтобы от тебя не разлило перегаром, договорились? Как-никак, ты же всё время, типа, находился дома... В общем, закусывай на своём рыболовном мероприятии, как следует!

- Есть закусывать! – обрадовался мужчина, с плеч которого свалился, как минимум, целый Олимп. – И никто ничего не узнает! – едва не пропел он.

- Ступай, дружище: у меня по расписанию тренировки, - сказал ему профессор, выпроваживая посетителя. – Итак, до встречи через десять дней в этом самом кабинете!

- Конечно, о великий Протей! – мужчина отвесил профессору глубокий поклон и отыскал глазами парящий в воздухе прибор слежения. – До встречи!

И обладатель чудесной аномалии с головой погрузился в работу. Целые дни и ночи напролёт он готовился к эксперименту в полевых условиях, сулившего новые знания и опыт в основном направлении его исследований. Он анализировал и загружал в блок памяти всё, что ему удавалось получить от своего шпиона, постоянно сопровождавшего заказчика и ни на мгновение не выпускавшего того из виду. Чтобы оградиться от возможных помех, профессор даже вывесил на дверях своего кабинета табличку: «Внимание! В связи с проведением важного эксперимента, вход строго воспрещён! Благодарю за понимание!» Последнее, впрочем, являлось напрасной мерой предосторожности: никто, будучи в здравом уме, ни за какие коврижки и просто так не отважился бы на посещение «логова Протея», где «ненормальный профессор» колдовал с новыми, одними ему известными обличиями...

- Опять замышляешь какую-нибудь гнусность, дружище? – спросил у него профессор Зевс, рискнувший-таки постучаться в его дверь, несмотря на предупредительную вывеску. – Может, квакнем по маленькой?

- Извини, Зевс, у меня очень много работы! – улыбнулся хозяин кабинета, окружённый мониторами. – Мне тут кое-что подвернулось... Халтура, как сам понимаешь, но возможен чрезвычайно интересный опыт!

Спустя указанное время, когда великий комбинатор мыслеформ и материи вновь встретился с заказчиком, то считал себя великолепно подготовленным к заданию; эллин пожелал ему успеха – и они, спустившись на фуникулёре к подножию Олимпа, разошлись в разные стороны. Мужчина перед прощанием отдал ему мешок репы – за которым он, якобы, вышел из дому на базар – подтвердив своё намерение быть дома вовремя и без заметных последствий употребления спиртного на лице – и, потрясая набором удочек, исчез среди деревьев. Профессор, ещё раз обдумав аферу, в которую ввязался исключительно ради своей неуёмной жажды расширить профессиональный кругозор – и, набросив на себя оболочку клиента, не спеша отправился в одну из ближайших деревень.

На его появление в чужом доме никто не отреагировал: двое детишек играли во дворике, жена хозяина возилась на кухне; она была так занята, что даже не обернулась, когда Протей поставил перед ней «принесённую с базара» репу. Понимая, что на подобных условиях контакта с домочадцами он протянет нераскрытым, возможно, около года, профессор отправился в соседнюю комнату – и, завалившись на кровать, принялся читать местную прессу: в своих отчётах «доносчик» отмечал сие занятие, как одно из самых любимых времяпрепровождений клиента. Лишь пару часов спустя женщина обратила на него внимание: оказалось, наступило обеденное время.

- Крикни детей со двора, дорогой! – промурлыкала она, появляясь на пороге комнаты, где развалился Протей. – Время садиться за стол!

Профессор прервал «чтение», кстати говоря, порядком ему надоевшее; поскольку самым интересным материалом новостей оказался репертуар аполлоновых спектаклей и приглашения желающих на курсы коллеги Гестии, Протей, имитируя невероятно увлечённое его занятие, ознакомился с написанных около сотни раз; если его не беспокоили всё это время, то почему бы, решил он, вообще не выходить из комнаты? Это было реальной возможностью не попадаться никому на глаза, что существенно повышало шансы удачного завершения операции.

В течение дня профессор не вызывал никаких подозрений, по-прежнему валяясь на кровати – видимо, после рыбалки, это действительно было любимейшее средство хозяина семейства убивать скуку; тем не менее, к вечеру ситуация заметно осложнилась, когда женщина уложила детей спать – а от Протея потребовала того, что впоследствии французы станут деликатно именовать исполнением супружеских обязанностей.

- То есть, как это? – опешил профессор, почувствовав ласковые и весьма настойчивые приставания женщины. – Эй, мы так не договаривались! – от удивления он едва не проболтался, но огромным усилием воли заставил себя продолжить навязанную ему игру, не покидая её приемлемых рамок.

- Послушай, я тебя вообще не узнаю в последнее время! – обиженно произнесла жена заказчика, отворачиваясь от профессора лицом к стене. – Что на тебя нашло?!

- Ничего, - выкручивался экспериментатор, прикидывая возможные варианты не особо оскорбительных в таком случае отмазок. – Я просто задумался...

- Много думаешь, дорогой! – пробубнила она в подушку. – Не пора ли заняться делом? Я уже десять дней по тебе скучаю...

- Что?! – взревел профессор. – Десять дней?!

- Вот-вот, десять дней! – прошептала женщина. – И ты считаешь это нормальным?

- Ладно, я тут ещё немного подумаю, а завтра... нет, лучше послезавтра, решу окончательно, хорошо? – тянул время псевдо-супруг. – Знаешь, что? Пойду-ка я сегодня в детскую, послежу за детьми: мне кажется, у них не совсем хороший сон...

- Может, ты просто завёл себе какую-нибудь кралю? – сказала в ответ жена клиента. – Меня вновь терзают смутные сомнения на этот счёт...

- Прекрати! Ничего у меня нет – ни с кем, кроме тебя! – убедительно ответил Протей, поднимаясь с кровати. В последнем он был абсолютно уверен: его «весёлый доносчик» неотступно сопровождал счастливого обладателя идеальной жены даже в отхожее место, а сейчас передавал прямую трансляцию с рыбного фестиваля, где вдрызг пьяный клиент во весь голос орал песню, сидя у костра в окружении таких же кривых коллег. – Словом, спокойной ночи, дорогая! Утром поговорим подробнее. Не обижайся...

Профессор был на грани провала. Он, мысленно прокрутив в мозгу детали всех десяти последних дней, понял, что, несмотря на свою полную подготовку, упустил из виду именно этот фактор супружеской жизни. Увы, он не обнаружил ни единого упоминания «доносчика» о том, что по вечерам в доме царила большая любовь; неужели клиент забывал об этом?! Какова была причина отсутствия в доме ночных охов и ахов, Протей мог узнать только после возвращения заказчика.

С этим, как назло, тоже возникли некоторые трудности: увлечённый «рыбалкой» клиент совершенно не желал возвращаться к семье, протусив на мероприятии ещё пару суток сверх обещанного времени. Протей кое-как пережил и это испытание, скрываясь от «жены» у соседей, где допоздна играл с ними в азартные игры. Несколько раз он посылал своему неприметному информатору сигнал как следует покусать забывчивого мужчину, но тот никак не реагировал на внешние раздражения: отмахнувшись от назойливого «комара» одной рукой, второй он отправлял в рот рюмку алкоголя. В конце концов, профессор не выдержал – и под покровом очередной ночи, убедившись в том, что жена его заснула, явился к заказчику лично; организаторы мероприятия, пребывающие в аналогичном его клиенту состоянии, разом воспарили духом – и дружно предложили тост за великого Протея, почтившего их торжество персональным присутствием. Как только имя профессора достигло ушей незадачливого мастера рыболовства, он мгновенно протрезвел, поэтому вылитый на него Протеем огромный кувшин воды из местного озера оказался без надобности.

- Слушай, приятель, тебе за подобные выходки неплохо бы рыло набить! – неистовствовал профессор, отведя клиента подальше от собрания профессионального рыболовецкого клуба. – Ты бухаешь уже пятые сутки; я понимаю, это гораздо приятнее, чем сидеть дома с газетой... Если утром не придёшь домой – раскрою наши с тобой козни прилюдно: тогда-

то и сможешь упиваться чтением прессы, которая, уж поверь, будет нещадно муссировать моё интервью в любой из метрополий!..

- Не вопрос, - ответил тот с лёгким вздыханием – и глянул на полыхавший костёр приятелей. – Эх, как же весело мы провели время!..

- И, вот что, - Протей в упор посмотрел на до нитки промокшего после водной процедуры мужчину. – Ты почему со своей женой... это самое... Десять дней... Ты что, не понимаешь, как мог меня подставить?! Что я тебе – Зевс, что ли, чтобы спать с чужими жёнами?! Или вообще какой-нибудь Токолош?!

- Кто?! – не понял эллин.

- Ладно, не бери в голову, - пробубнил профессор. – Лучше отвечай на заданные вопросы... Бедная женщина! – в сердцах вздохнул он. – Две недели – включая твой сверхурочный загул – без мужа!

Тот мучительным взглядом посмотрел на собеседника:

- Протей, ну не мог же я... при твоём неотлучном наблюдателе... Извини, что так получилось!

- Давай, дуй домой, к жене! – напутствовал его учёный. – И не советую разбрасываться идеальными жёнами, попомни моё слово!

Хоть профессор и не афишировал случившееся, да и у его заказчика, вроде, были все резоны прикусить язычок, история эта каким-то непонятным образом стала достоянием людей; проведая о предоставляемых Протеем услугах, эллины потянулись к нему, надеясь при его волшебном вмешательстве решить свои те или иные насущные дела.

Математику стоило немало времени и терпения объяснять практически каждому встречному и поперечному, что подобные фокусы он не практикует: после приключения с горе-рыболовом, он дал себе зарок больше не заниматься экспериментами с людьми, если просьба о таковых исходит от самих греков – мало ли, в какую историю вновь можно вляпаться... Поэтому вполне можно говорить о том, что первая же неудача профессора навсегда отвадила его от исследований такого рода; и когда кто-нибудь начинал разговор, ведущий к найму мастера перевоплощений для использования его необычайных способностей в личных целях, Протей неизменно отказывал просителю, категорически заявляя о прекращении подобных услуг.

К тому же, наступил момент, когда от практически не прекращаемых исследований у профессора периодически стали случаться настоящие припадки: войдя в тот или иной образ, он подолгу не мог окончательно расстаться с его повадками, которые продолжали преследовать его и после опыта. Кончилось тем, что Протей стал одним из постоянных клиентов коллег Гермеса, Гипноса или Гестии, оказывавших ему медикаментозную или психотерапевтическую помощь. Иногда его так переключивало, что учёному приходилось в течение нескольких часов валяться на кушетке с закрытыми глазами – и исповедоваться в последних подвигах кому-нибудь из олимпийских психоаналитиков. Следящие за его лечением установили, что, будь его блок памяти настолько объёмным, как у доктора Деметры, то Протею давным-давно пришёл бы каюк: не перекидывай он информацию исследований на стационарный носитель в своём секторе, то спятил бы от погружения в свои бесчисленные обличия ещё задолго до возникновения Земли. Частенько профессора можно было видеть разгуливающего по базе, при этом движениями рук имитирующего при ходьбе взмахи крыльев совершающей полёт птицы – и врачам было ясно, каким было его перевоплощение в последний раз; учёный также мог ходить, совершая движения, необходимые при плавании; и уж совсем не вызвали споров внешние последствия его опытов, когда профессор пытался передвигаться на четвереньках... После долгих исследований сознания пациента, доктора пришли к общему согласию: с течением времени у Протея сформировался барьер, так сказать, критическая масса допустимых перевоплощений, нарушение тонкой грани которой ему вполне грозило полным сумасшествием. Учёный, ознакомившись с выводами коллег, не удивился – и сказал, что уже давным-давно подозревал нечто подобное. Согласно расчётам, ему прописали

избавляться от накопленных в памяти обличей, когда их набирается порядка сотни миллионов. Однако, гораздо большую опасность для его рассудка медики наблюдали за Протеем именно в тот момент, когда он переносил полученный опыт на стационарный носитель: профессор, избавляясь от влияния на себя предыдущих обличей, буквально вытаскивал их из мозга пачками, что приводило к диалогам экспериментатора со своими бесчисленными воплощениями. Врачи посчитали это вершиной допустимого барьера на выдержку – как Протея, так и, собственно, самих себя, предписав тому во время операции держать рот на замке: ведь, в упомянутом редчайшем в медицине Вселенной случае, речь шла даже не о раздвоении личности, а о бесконечной веренице прожитых учёным частей жизни других существ, которые тому довелось примерить на себя. Это весьма травмировало не только психику самого пациента, но и наблюдавших за ним специалистов.

- Ну, что? – спрашивал подлинный Протей, глядя на себя в зеркало во время извлечения из памяти массы накопившихся в его сознании и бессознании преспокойно диспутирующих с ним обличей. – Отправляем вас в архив, товарищи?

- До скорой встречи! – отвечал ему Протей-тюльпан. – Рано или поздно, но тебе всё равно доведётся увидеться со мной...

- Точно! – вторил ему Протей-камень. – Ты же не удаляешь нас навсегда, а доверяешь архиву! Хотя лично я буду по тебе скучать...

- Ах, какое время мы провели вместе! – восторгался Протей-Арион, - томно моргая и танцуя на хвосте. – Я – самое великолепное воплощение из всей дельфиньей компании! Заслуживаю всех благ, как любят того желать друг другу бессмертные

- Отлично, вот и отправляйся на покой! – улыбался ему настоящий Протей. – Приятно будет поболтать с тобой по прошествии миллиарда-другого лет...

- А меня, Протей?! – обращался к нему из зеркала Протей-Гера, кокетливо поправляя на волосах диадему. – Меня-то ты не забудешь?!

- Никогда! – обещал оригинал своему обворожительному обличию. – Как и того, что ты учинил на складе во время отсутствия настоящего завхоза «Олимпа»!..

Миллионы воплощений профессора, созданные им для экспериментов без наличия Электронного Создателя, прощались с великим трансформером; Протей, видя их исчезновение, тем самым прощался с окончанием великолепного приключения, вошедшего в бытие Вселенной, как «Проект «Земля»»...

А ещё несколько дней спустя профессор Зевс назначил заседание руководства базы, чтобы обсудить с коллегами закрытие проекта. Придя в Зал Собраний раньше остальных, он занял своё обычное место председателя, оглядывая фрески на стенах и потолках помещения: как же он успел привыкнуть к этой планете!.. Внезапно двери Зала распахнулись – и на пороге появился академик Крон, которого сопровождал профессор Протей. Коллеги приблизились к начальнику «Олимпа» и поздоровались.

- Ваше Бессмертие! – удивлённо прошептал инженер Зевс, поклонившись вошедшим. – Если бы рядом с вами не было моего старого друга, то я предположил бы, что Протей, проигнорировав мои приказы, вновь решил прикольнонуться – и принял ваше обличье незаконным образом...

- Всё в порядке, профессор: я – это я! – успокоил его высокопоставленный собеседник, присаживаясь к столу. – Я только что с «Океана» и «Тартара»; вот, решил посетить родной «Олимп»... «Проект «Земля»» завершён, коллега!

- Понимаю, - кивнул профессор Зевс, поднимаясь с кресла председателя и уступая его академику. – Но... вы столь неожиданно нагрянули! Мы ждали вас после совещания...

- Сидите, сидите, Зевс! – остановил его Крон лёгким взмахом руки. – Вы здесь хозяин, поэтому председательствовать вам... Да, я решил лично и без чиновников в последний раз полюбоваться на сей чудный, созданный вами, мир... Итак, на сворачивание всех трёх баз на планете у вас есть ровно семь дней. Пусть это распоряжение Совета и будет повесткой дня заседания. Постарайтесь не особенно шикавать во время заключительного банкета. Устраивайте свои дела – и возвращайтесь домой... У меня всё, коллеги!

- Значит, теперь мы отпускаем человечество в свободное плавание? – вздохнул руководитель «Олимпа». – Когда люди придут сюда в следующий раз, то не найдут ни нас, ни построек...

- Стандартная процедура, Зевс, - ответил академик. – Так было уже бесчисленное количество раз... Земляне достаточно развиты – и в дальнейший путь отправятся сами; всё в их руках... Мы оставляем на Земле незримых наблюдателей и помощников. Но «божественную комедию» на этом участке Вселенной можно считать законченной...

ЭПИЛОГ

...пели чудесные песни,
 Славя эгидодержавца Кронида с владычицей Герой,
 Города Аргоса мощной царицею златообутой,
 Зевса великую дочь, синеокою деву Афину,
 И Аполлона-царя с Артемидою стрелолубивой,
 И земледержца, земных колебателя недр Посейдона,
 И Афродиту с ресницами гнутыми, также Фемиду
 [...]...
 ...С ними – ...и хитроразумного Крона,
 [...]...
 [...]...
 Также и все остальное священное племя бессмертных...
 Гесиод, «Теогония», 10-21

Всем вам великая слава, живущие в домах Олимпа...
 Материки, острова и солёное море меж ними...
 Гесиод, «Теогония», 963-964

Благодарим полномочных представителей дирекции МАИ за ознакомление с отчётом и присуждения этой работе наивысшей оценки. Как нам стало известно из непосредственных источников, Земля готовится перейти на следующий виток культуры и технологического развития: на смену эллинистическому периоду грядёт римский. Конечно, человечество ещё не готово принять истину – ту, что они действительно произошли от «богов» в результате научного эксперимента, и что им также уготовано когда-нибудь стать «богами» и творить

«по образу своему и подобию» других... Пройдут ещё тысячи лет, прежде чем они обретут бессмертие – телесное и духовное, овладеют уникальными технологиями, выйдут на просторы ближнего и дальнего Космоса... Мы же, со своей стороны, желаем им скорейшего развития.

А пока, до пришествия времени, пусть ищут они уладу в блаженном неведении относительно своего истинного происхождения, пусть возносят гимны «богам», их сотворившим и питающим; пусть преодолевают трудности на пути познания, покуда, не став подобными нам, не вольются в Вечность...

Кстати, просьба комиссии обратить особое наше внимание на дальнейшее складирование и классификацию информации по создаваемым мирам учтена наилучшим образом: вспомогательный персонал уже привёл в порядок около трёхсот этажей Комплекса. Мы уверены, что остальное пространство Центрального Архива будет прибрано и упорядочено ещё до окончания генеральной ревизии.

С уважением,

*Доктор Мнемосина,
Доктор Клио,
старшие научные сотрудники
Центрального Архива Каталогизации
Межгалактической Ассоциации Инфохранилищ*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Для тех, кто незнаком с древнегреческой мифологией и упомянутыми в романе произведениями

Для того, чтобы читать «Божественную комедию ULTIMA», необходимо принять во внимание некоторые замечания, благодаря которым читатель с головой погрузится в созданную автором атмосферу увлекательного произведения. Clandestinus, развернув в романе довольно широкую – по географии и временному отрезку – картину мира, исходил из допущения, что основные вехи истории древнегреческой цивилизации и её базовой мифологии известны читателю (что, к сожалению, далеко не всегда так). Поэтому начнём с самого начала: все без исключения люди, упомянутые в книге – лица исторические, равно как и соответствующие им профессиональные достижения. Clandestinus, вытаскивая из глубин древнейших времён любого из упомянутых в романе персонажей – от рыбака до философа, от крестьянина до полководца – скрупулёзно позаботился о деталях его биографии, которые у современной исторической науки не вызывают ни малейших сомнений. Автор, пусть это несколько непривычно для нашего глаза, упорно именует всех героев романа исключительно по-гречески, видимо, для придания произведению большего стилистического шарма – или, простите за оговорку, большей «историчности»?

То же можно утверждать и касательно персонажей мифологических – все они подлинны, если речь о них, естественно, идёт с точки зрения официально существующих древнегреческих религиозных документов. Разница между ними и художественным повествованием Clandestinus, на мой взгляд, лишь в том, что автор пытается «обелить» в

глазах читателя созданных собою же весельчаков-«бессмертных», задумавших – и успешно осуществивших – грандиозный космический эксперимент: создание жизни на Земле.

Отсюда можно плавно перейти к упомянутым в романе датам, научным гипотезам, изобретениям – все они также подлинны, поскольку всё их неисчислимо разнообразие (например, в техническом отношении) мы вполне можем наблюдать в повседневной жизни: автор также выдвигает свои предположения, даёт свои прогнозы по многим темам, совершая пространные экскурсы в историческую и научно-техническую парадигму каких-либо значимых для человечества открытий. Энциклопедическая часть романа не менее познавательна и привлекательна, чем, собственно, её художественное оформление.

С первого же мгновения меня зацепило название романа: ну, какое ещё произведение тут же приходит в голову от невольно рождающейся ассоциации? Правильно, «Божественная комедия» Данте. Откуда оно взялось? Смею предположить, что подобным названием автор по сути сравнивает собственное произведение с написанной около семисот лет назад великой поэмой Данте Алигьери: то, что гениальный итальянец сделал в поэзии, Clandestinus некоторым образом повторил в прозе: как в первом, так и во втором случае основой для создания произведений послужили религиозные тексты – и, конечно же, фантазия писателей. Возможно, что, введя в название дополнительное слово «Ultima» (окончательная, завершённая, лат.), Clandestinus желает подчеркнуть, что христианское видение «реалий» средневекового поэта и мыслителя, пройдя определённый период развития человечества, завершилось – и на смену ему пришло «предельное» осмысление настоящей «Божественной комедии», устроенной «бессмертными» на Земле и даже задолго до её создания. Однако, это всего лишь мои догадки.

Несмотря на внешнюю безэмоциональность, «бессмертные» вроде бы вполне обходятся и без привычных нам чувств. Именно поэтому многие персонажи практически неотличимы друг от друга. Странно видеть подобное, тем более, что, судя по тексту произведения, автор желает утраты эмоций для представителей будущего человечества, объявляя их устами «бессмертных», как не нужное для их дальнейшего развития. Понимаю, что Clandestinus следует упорно продвигаемым им в романе идеям трансгуманизма, сторонником которого всегда являлся: перейдя к жанру НФ, писатель, видимо, окончательно порвал с видением христианской – и вообще, религиозной – модели мира. Подобное – отрешение от эмоций и следование исключительно рассудку при решении научных или философских проблем – задолго до него проповедовал Декарт. Вот уж не знаю, насколько они оба правы в своих прогнозах...

Следующим «знаком свыше» для меня стало оглавление романа. Нельзя не заметить, что наименования его глав уж очень напоминают ранее читанные или слышанные названия других, известных всему миру произведений. Мне в глаза сразу бросились такие, как «Голова профессора Горгоны», «Гиперболоид инженера Зевса» и «45,1 градус по Дионису»: трудно не узнать в них «Голову профессора Доуэля», «Гиперболоид инженера Гарина» и «451 градус по Фаренгейту». Дальше – больше: пришло осознание, что автор – вероятно, впервые в истории литературы – пустился на столь крупномасштабную аферу, задумав сделать в своём романе видимые отсылки к произведениям написанной до него мировой научной фантастики (что опять-таки позволяет предположить: автор ставит этот жанр куда выше религиозных текстов, отчего его «комедия» – «последняя»!). Когда я, наконец, принялся читать роман, то понял, что оказался абсолютно прав: Clandestinus, без малейшего намёка на то, что во всём мире именуется плагиатом, весьма органично вплёл в канву своего произведения элемент отсылки к другим, творящим до него авторам, полностью переосмыслив и местами литературно обработав заимствованную у них толику сюжета. Хочу повториться: плагиатом здесь и не пахнет – надо лишь внимательно прочитать роман от первой до последней строки. Удовольствие – особенно для читавших упомянутые в названиях глав романа произведения – гарантировано!

Заинтересовавшись этим открытием, я осилил все те шедевры мировой научной фантастики, которые до того даже не читал, надеясь отыскать те самые отсылки к ним на

страницах «Божественной комедии ULTIMA». Не смею утверждать, что мне удалось обнаружить каждую из них, но предлагаю читателю – в порядке повествования романа – именно те свои находки, которые считаю в его контексте практически неоспоримыми.

Глава первая:

«Зов» Аида –

Лавкрафт Х. Ф., «Зов Ктулу» (1928 г.)

Прямой отсылкой к указанному произведению Лавкрафта считаю постоянный ужас Аскалафа перед Аидом: эта же деталь красной линией проходит через «Зов Ктулу», заставляя многочисленных героев Лавкрафта пугаться Ктулу во сне. Вездесущий «Зов Аида», неизменно слышимый техником по внутренней связи научно-исследовательской базы «Тартар» – собственно, призрак той же оперы. Отдельным намёком на родство произведений является сон-видение Аскалафа, который тот со страхом пересказывает коллегам. Ну и, естественно, изготовленная им под руководством кузнечных дел мастера Гефеста статуэтка Аида – прямое указание на воплощение вселенского ужаса, статуэтку Великого Ктулу, которую во время транса вылепил из глины герой Лавкрафта, молодой скульптор Уилкоккс.

Глава вторая:

«Посейдонова Бездна» –

Конан-Дойль А., «Маракотова бездна» (1929 г.)

Основная отсылка этой главы к произведению Конан-Дойля, на мой взгляд, содержится именно в её названии. Затем – весьма яркий, сразу узнаваемый пассаж: это история с батискафом, потерпевшем крушение в глубинах океана, в которой гигантский рак, придуманный английским фантастом, заменён у Clandestinus на мегалодона. Венец этой счастливо закончившейся «комедии»: намёк на всплывающие для техника Тритона из-под воды завтраки и обеды... Может, и здесь имеется отсылка – к наполненным воздухом сферам, в которых поверхности океана достигли герои Конан-Дойля: три чудом спасшихся человека и атлантка?

Глава третья:

«Земля святого Крона» –

Витковский Е., «Земля святого Витта» (2007 г.)

Вначале главы, в разговоре с Зевсом, Афина, будто невзначай, произносит фразу: «...А ты сидишь Вечность за Вечностью и вспоминаешь, кто же кого убил: Каин – Авеля или Авель – Каина?..» – в романе Витковского это звучит более каверзно: «...кто кого убил: Кавель Кавеля, или Кавель – Кавеля?..» Также совершенно прямой отсылкой к произведению «Земля святого Витта» является дневник Афины «Занимательный Олимп» – у героя романа Витковского многотомный справочник называется «Занимательная Киммерия». То же касается и грота «Миллион Белых Коз», странного существа Токолоша, притчи о Причине и Следствии, а также наименовании карточных пасьянсов: Clandestinus умело использует эти образы, отдавая должное своему наставнику. Последняя очевидная отсылка – это обращение не сколько к самому Витковскому, сколько напрямую к «Влюблённому дьяволу» Казота, которого русский фантаст упоминает в своём произведении единственным восклицанием: «Che vuoi?»

Глава четвёртая:

Рассказы о «Пилоте» Гермесе –

Лем С., «Рассказы о пилоте Пирксе» (1973 г.)

- Курсант Пиркс!

Этими словами начинается знаменитый цикл Станислава Лема «Рассказы о пилоте Пирксе»; почти такой же фразой начинается следующая глава романа Clandestinus – с той

разницей, что вместо «Пиркса» поставлен «Гермес». Крайне оригинально обыграна история с «сумасшедшей ванной»; и если для Пиркса это было адским испытанием, то при помощи ванны Гермес у Clandestinus подкинул Архимеду открытие закона вытеснения жидкости. То же можно сказать об игрушке Пиркса: коробочке с Красной Шапочкой и волком – у Clandestinus это волк и три поросёнка, видимо, для усложнения задачи! Состояние галлюцинации и выбитый зуб – в той же истории – у героя Clandestinus идентичны состояниям пилота Пиркса. Отдельное повествование об Ананке прямо намекает на одноимённый рассказ (того же цикла) Лема. Да и его робот Терминус, бездумно отстукивающий азбукой Морзе имена погибших астронавтов, у Clandestinus получил образ старого горшечника, разработавшего тот же код Морзе, но так и не сумевший сохранить его для своего времени... потому, что необходимый для упомянутого открытия этап ещё не наступил. Трагедия, по-разному поданная у обоих писателей, выдержана, что называется, в стиле. Там же можно найти отсылку к «Охоте на сэтavra»; на мальчика, беспокоящегося за покинутый – у Лема – космический, пролетевший без опознавательных знаков мимо Пиркса – корабль; а подлинным венцом литературной обработки я полагаю отсылку к рассказу Лема «Дознание», обыгранную Clandestinus под видом занятий учеников в «коммерческом классе» школы Гермеса.

Глава пятая:

Свободное Владение Аполлона –

Хайнлайн Р., «Свободное владение Фарнхэма» (1964 г.)

С привязками к произведению Хайнлайна, на мой взгляд, всё очевидно: Clandestinus не стал оригинальничать – и потому его герой Аполлон сразу же повесил над своим театром плакат «Свободное Владение Аполлона». Туда же относится и поставленная им в скором времени пьеса «Выжившие в ядерной войне», которая по сути является кратким пересказом первой части романа Хайнлайна. Мне удалось найти отсылки даже в определённых фразах: «Исос, - обратился он к претенденту... – как у тебя с плотницким искусством?» «Средне... Могу вбить гвоздь...»; именно ответ героя идентичен словам одного из персонажей американского фантаста. И если у Хайнлайна подзатыльник влепил настоящий отец настоящему сыну, то у Clandestinus им обменялись «отец» и «сын» по сценарию упомянутой пьесы. Беременность всех актрис – не менее очевидная деталь, указывающая на героинь романа Хайнлайна; а прямоугольные воздушные корабли иной цивилизации (у Clandestinus – их предоставил для нужд театра глава технического персонала базы «Олимп» Арес) являются если не прямой, то косвенной отсылкой к «Свободному владению Фарнхэма».

Глава шестая:

Голова профессора Горгоны –

Беляев А., «Голова профессора Доуэля» (1925 г.)

В этой главе мне удалось обнаружить всего две отсылки к произведению Беляева: косвенная – о том, как у профессора Горгоны пропала собачка и она принялась за её поиски, расклеивая объявления и прибегая к услугам агентов (Беляев в нескольких предложениях отмечает, что профессор Керн занимался тем же, разыскивая сбежавшую из его клиники Брике) и явная: похищение из исследовательского блока Горгоны девушки (вариация, почти детально совпадающая с похищением друзьями Артура Доуэля из лечебницы злодея Равино).

Глава седьмая:

Преграда Артемиды –

Финней Д., «Преграда Марион» (1973 г.)

К сожалению, несмотря на всемирную известность Финнея и изданных на русском языке нескольких его романов, повесть «Преграда Марион» до сих пор не переведена. Пришлось

читать со словарём в оригинале, благо, произведение не очень большое. Генеральная отсылка к нему, естественно, это надпись, оставленная призраком на стене: «Читай это и плачь!», сопровождаемая таинственной датой. Конечно, Clandestinus не мог пройти мимо этого – и его героиня Артемида вывела на стене киноварью: «Читай это и радуйся!» Театр, который посещала героиня Финнея Марион, назывался «Олимпийский» (там можно было почитать газеты, послушать старые пластинки); точно такое же название носил театр, который Аполлон посвятил в этой главе Артемиде. А закончилось всё тем, что Марион у Финнея сыграла-таки роль в Голливуде; равно и Артемида, разобравшись с временным недугом, стала звездой галактического масштаба.

Глава восьмая:

«Молот Гефестов» –

Кларк А., «Молот Господень» (1993 г.)

Если в романе Кларка «Молотом Господним» назывался метеорит, стремительно летящий к Земле, то у Clandestinus это... весьма крепкий алкогольный напиток, разработанный по специальному рецепту в лаборатории доктора химии Диониса! Также из произведения Кларка в «Божественную комедию ULTIMA» успешно перекочевали девизы: «Оружие – опора слабым!», «Лысина прекрасна!» и проделки местных сектантов, выведенные у обоих авторов в откровенно юмористической форме.

Глава девятая:

«Чертоги» Афины –

Андерсон П., «Чертоги Мэрфи» (1971 г.)

В этой главе Clandestinus не только обыгрывает название великолепного произведения Андерсона (чертоги, покои, залы, станция, холмы, владения, ад), но и небезызвестный «закон Мэрфи». И если у Андерсона «Чертоги Мэрфи» – это рай для усопших астронавтов, то в этой главе (и далее), цитирую автора: «...Говоря простым языком, «Чертогами» Афины называлось подпольное увеселительное заведение, где посвящённые в его тайну могли превосходно расслабиться и отдохнуть после работы...» Как и у Андерсона, в него вели пятьсот сорок дверей; двери эти отпирались, естественно, «не-глазами, не-ушами, не-мозгом»... после чего обязательно «звёзды мелькали в глазах»... И, как завершение долгого путешествия, «...Пьёт и живой, и усопший в чертогах Афины-Паллады...» – слова, вложенные автором в неизвестные доселе человечеству стихи Гесиода.

Глава десятая:

Геракл, Герой Галактики –

Гаррисон Г., «Билл, герой галактики» (1965 г.)

Главные антагонисты героя главы, несомненно, ящеры – явная отсылка к чинжерам Гаррисона; кроме того, Clandestinus – для остроты повествования – перевернул с ног на уши данные им американским писателем размеры. С не меньшим «солдатским юморком» автор «переписывает» агитационные плакаты в казармах, насмехается над ношением вверх ногами орденов (добавляя ящерам, в отличие от Гаррисона, все имеющиеся на свете формы дальтонизма; сюда же можно отнести и пространные повествования о хилиархе Рыгни-Пёрни (выведенного в «Билле, герое галактики» как сержанта Сгинь-Сдохни)). Вероятнее всего, темы потери конечностей во время войн, тренировки новобранцев и «атомные винтовки» можно смело отнести к отсылкам на Гаррисона, правда, с той разницей, что в романе американского фантаста последними пользовались люди, а не ящеры. Но, допускаю, что Clandestinus и здесь мог сознательно «напутать»!

Глава одиннадцатая:

Остров доктора Эрота –

Уэллс Г., «Остров доктора Моро» (1896 г.)

Сам остров, представленный в «Божественной комедии ULTIMA», напоминает «Остров доктора Моро», как брат-близнец: горы, долины, пальмы – и полная оторванность от остального мира населяющих его существ. Кроме того, что если в романе блистательного английского фантаста он обжит получившими человеческий облик зверями, то у Clandestinus это – атланты, выведенные на острове местным вивисектором – доктором Эротом. Упоительное, приключенческое повествование! Основными и довольно приятными отсылками к Уэллсу могут служить «Законы атлантов», а также «мысли, большие и маленькие» (в книге Clandestinus – «короткие и длинные»).

Глава двенадцатая:

45,1 градус по Дионису –

Брэдбери Р., «451 градус по Фаренгейту» (1953 г.)

В этой главе есть всё: несмотря на полное несоответствие общего повествования двух произведений, Clandestinus ухитрился и сюда вставить главную запоминающуюся отсылку «451 градуса по Фаренгейту» – механического пса, который, однако, является не орудием мгновенной смерти из всемирно известной антиутопии, а... дегустатором алкоголя разной степени крепости! Тут же имеется и «втулка-ракушка», и девушка с одуванчиком, являющаяся в видениях (в видениях?!) доктору Дионису, и даже специальный аппарат, гарантирующий один миллион пробок, необходимых химику для производства продукции для «Чертогов» Афины (у Брэдбери, могу напомнить, брандмейстер Битти любил поигрывать зажигалкой, на боку которой красовалась надпись: «Гарантирован один миллион вспышек!»). И, конечно же, ожидаемое заключение: «Не судите о напитке по его посуде» – роман Брэдбери, как вы помните, призывает не судить о книгах по их обложкам.

Глава тринадцатая:

Рука Прометея –

Спрэг де Камп Л., «Рука Зеи» (1950 г.)

«Можно подумать, коллега, что ты космотеист, у которого только что умер гуру! – Гермес допил бокал и улыбнулся. – Ты что, всё своё бессмертие собрался проторчать на Земле?!» Эта фраза переписана у Спрэга де Кампа почти без изменений, за исключением, естественно, произнёсшего её Гермеса. Герой главы, доктор кибернетики Прометей, становится невольной причиной столкновения людей (то есть, выведенных из пробирки землян) и атлантов, после чего пытается с коллегами разрулить проблему. В этом не последнюю роль играет некто шепелявящий грек – мимолётный персонаж, позаимствованный Clandestinus у автора «Руки Зеи». То, как атланты устроили пожар, занялись пиратством и в войне с эллинами посадили на мель свои плоты – очевидные отсылки к роману Спрэга де Кампа. Туда же вполне можно отнести выходку атлантов, загнавших Прометея на дерево (в романе «Рука Зеи» всё это происходит с Барнвельтом), а сброшенные на помощь грекам со спасательного судна Ареса «змеи» (по задумке Clandestinus – клонируемые волосы профессора Горгоны) завершают злоключения кибернетика – почти, как и в романе Спрэга де Кампа – положив конец войне эллинов с атлантами.

Глава четырнадцатая:

Гиперболоид инженера Зевса –

Толстой А., «Гиперболоид инженера Гарина» (1939 г.)

Начнём с того, что у инженера Зевса был двойник, причём, вполне историческая личность. Обстоятельства никому толком не известны, только это совпадает с наличием двойников у инженера Гарина, описанных в произведении Толстого – Виктора Ленуара и... ещё одного; не помню, как звали того персонажа, убитого на Крестовом острове. Текст на спине мальчишки, написанный доктором Манцевым, у Clandestinus обрёл форму приглашения какого-то из архонтов, адресованного Владыке Олимпа – по случаю открытия

посвящённого ему же храма. Есть в этой главе и яхта «Аризона», и оливковые браслеты (у Толстого, напомню, речь шла об оливковом поясе), и ресторанчик «У Прикованного скелета» (который время от времени, благодаря ещё не познанным законам оптики, становится «раскованным») и даже Шайтан-камень – источник воды огненной...

Глава пятнадцатая:

«Лестница Гипноса» –

Иган Г., «Лестница Шильда» (2001 г.)

Самая заметная из отсылок – Барьер и его свойства, которые Иган столь же дотошно исследует в своём романе «Лестница Шильда», сколь герой главы, доктор Гипнос, копается в мире сновидений, попутно выводя удивительное уравнение, известное как «Лестница Гипноса». Отдельными фразами или весьма краткими пассажами Clandestinus упоминает «перенесение сознания в состоянии квантовой дивергенции», утончённо играет «резервными копиями предыдущего сновидения», «симуляциями личности за Барьером» и «замораживанием сознания».

Глава шестнадцатая:

Цветы для Афродиты –

Киз Д., «Цветы для Эджернона» (1966 г.)

Букеты цветов – первое, что сразу бросается в глаза. Карточки – тест Роршаха, упоминаемые Кизом, у автора главы... м-м-м, обретают крайне интимное значение, что тем не менее ничуть не портит повествования. Аппарат «РОГ», на мой взгляд, это отсылка к телевизору, который герой «Цветы для Эджернона» Чарли должен был смотреть перед сном. Есть в главе и свидания в ресторане, одно из которых закончилось решением Бакхилида: «В следующий раз обязательно её поцелую!» – прямое заимствование из романа Киза. В отличие от записей Чарли, Бакхилид рассказывает свои сновидения, только разве это почти не одно и то же? Очевидно и наблюдение Бакхилида за прямыми линиями, которые начинают искривляться, когда как следует нарежешься алкоголя – если не путаю, так уверяла одна из героинь романа Киза, художница Фэй; ей же принадлежит и определение комнаты Чарли: «Симметрия саркофага» (у Clandestinus – «геометрия»). Точно также в недалёком будущем великий эллинский поэт созерцает своё отражение в гоплоне, переживая перерождение личности – с той разницей, что Чарли видит себя в зеркале. И его последнее желание – приносить на могилу мышонка Эджернона цветы... Совсем, как у Бакхилида: класть их к ногам статуи Афродиты.

Глава семнадцатая:

Внуки Геры –

Казанцев А., «Внуки Марса» (1963 г.)

Как и роман Казанцева, эта глава едва ли не начинается с катастрофы звездолёта: отсюда начинается биографическая справка «внучат Геры»: техников научно-исследовательской базы «Олимп» Фобоса и Деймоса. Clandestinus, описывая их студенческие годы, упоминает созданную ими первую машину: не напоминает ли она бесконечно смешного «робота-логика», постоянного члена экипажа исследовательского космического корабля «Знание»? И ещё немаловажная деталь: неведомый голос, окликающий на поверхности Венеры космонавтов Казанцева, произносит «Эоэлла», тогда как техники-близнецы Clandestinus побуждают праггреков воспринимать его, как «Элла».

Глава восемнадцатая:

Трудно быть Гестией –

Стругацкий А., Стругацкий Б., «Трудно быть Богом» (1964 г.)

«Пьяная Берлога» – видимо, название таверны из романа братьев Стругацких настолько приглянулось автору «Божественной комедии ULTIMA», что он решил вставить его в главу

в неизменённом состоянии! Заметна отсылка и к мальчикам, уверяющим – один дон Румату, другой – доктора Гестию, что, дескать, зачем мне мыться, если я уже помолился! Закидывание Гестией кувшинами пьянчугу-художника – из той же оперы, только в «Трудно быть богом» дон Румата забросал горшками какого-то простолоудина за критику дворянского сословия. Наименования трактатов, университетские занятия и баллы в «рэбах» (у нашего героя в «гестиях») – всё это также успешно перекочевало в роман *Clandestinus*. То же касается и таблеток, разработанных Гестией для Бакхилида. Рыжая Кира (у братьев Стругацких) в этой главе превратилась в Астиному, соответствуя ей, правда, только внешними данными.

Глава девятнадцатая:

Арес-завоеватель –

Верн Ж., «Робур-завоеватель» (1886 г.)

Итак, здесь можно проследить сходство с упомянутым Обществом конструкторов и постом председателя, которое Аресу предлагали занять (в романе Верна, Робур, наоборот, активно конфликтует с его представителями). Совершенно переработан сюжет дуэли женатика и холостяка, вот только менее смешным он оттого не стал. «Зачем нужна философия и философы?», - спрашивает Ареса один из дуэлянтов, тогда как в «Робуре-завоевателе» газеты открытым текстом говорят об астрономии и астрономах. Всеэллинский форум конструкторов, несомненно, также позаимствован из произведения Верна, по крайней мере, как идея. Отдельным сюжетом, однако весьма узнаваемым ходом, стоит похищение Ареса враждебно настроенными к эллинам персами; у Верна же именно Робур выступает похитителем главного героя. Подобная отсылка – случайно упавшая за борт летательного аппарата шкатулка чиновника (в романе Верна – табакерка, уроненная намеренно) и транспортировка с воздуха на буксире телеги (у Верна – судна), столь же плавно вписываются в окончание главы.

Глава двадцатая:

Деметра-мнемоник –

Гибсон У., «Джонни-мнемоник» (1981 г.)

Тождественность многих элементов обоих произведений очевидна с самого начала: не только сама доктор Деметра является мнемоником, но и её дружок-дельфин в этом как следует поднаторел! Кодовые фразы, которые, согласно Гибсону, необходимо извлекать из обширного блока воспоминаний для проведения дальнейших операций, Деметра делит на двоих со своим питомцем. «Перекрёсток торговцев памятью» *Clandestinus* (у Гибсона – «переулок») в принципе повторяет нарисованную американским писателем картину изготовления, хранения и доставки контрабандных товаров, за которыми ещё как следует придётся побегать... по закоулкам Вселенной.

Глава двадцать первая:

Тридцать два обличья профессора Протея –

Снегов С., «Тридцать два обличья профессора Крена» (1964 г.)

Электронный Создатель – с несколькими иными функциями – однозначно скопирован у Снегова. Поначалу тридцать два обличья, затем – сорок восемь... И пошло-поехало, раз уж герой этой главы и сам толком не считал, сколько же личин у него имеется в действительности! И если в повести русского фантаста весёлый – хотя одновременно с тем мерзкий – доносчик выступает в роли человеческого существа, то *Clandestinus* изобразил его незаметным, напичканным электроникой шпионом, послушно добывающим информацию для своего хозяина. Туда же можно отсортировать и диалоги Протея с собственными обличьями (у Снегова Крен общается с собой).

Вот, вроде бы, и всё... Могу заверить читателя: мне совершенно неизвестно, по какому принципу писатель отбирал произведения, названия которых обращал сюжетами своего романа (было несколько странно, что среди них я не обнаружил таких грандов, как Шекли, Оруэлл или Азимов), но, в любом случае: автор отдал искренний долг уважения двадцати одному великолепному произведению жанра. Этим самым он призывает читателей никогда не забывать о них – и, конечно же, читать ещё непрочитанное.

*Аляксандрас Жалис,
доктор гуманитарных наук,
литературный критик, поэт,
Союз писателей Литвы*